

1812

ГОД

Вспоминан
и жин
русск
армии

[Handwritten text on a letter, partially obscured by a ribbon and medal.]

[Handwritten text on a separate piece of paper below the letter.]

1812
ГОД

Воспоминания
воинов
русской
армии

Государственный ордена Ленина Исторический музей

1812
год

Воспоминания
воинов
русской
армии

Из собрания
Отдела письменных источников
Государственного
Исторического музея

ББК 63.3(2)47
Т 93

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СССР

Составители:

Ф. А. ПЕТРОВ, А. К. АФАНАСЬЕВ, Л. И. СМИРНОВА,
И. Б. БЫСТРОВА, Н. Л. ЗУБОВА, М. В. ФАЛАЛЕЕВА

Составители иллюстраций:

Н. Н. ГОНЧАРОВА, М. К. ГУРЕНКО, И. П. ЕРОХИНА,
Н. А. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА, Н. М. ПЫРОВА, Л. Ю. РУДНЕВА,
Т. А. СЕЛИНОВА, Н. Н. СКОРНЯКОВА

В $\frac{0503020000-082}{004(01)-91}$ 24-90

ISBN5-244-00404-2

© Издательство «Мысль». 1991

Рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа были... моей «Илиадой» и «Одиссеей».

А. И. Герцен. «Былое и думы»

Предисловие

«Империалистские войны Наполеона,—подчеркивал В. И. Ленин,—продолжались много лет, захватили целую эпоху, показали необыкновенно сложную сеть сцепляющихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями. И в результате история шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма — к «свободному» капитализму» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382—383*). Поворотным пунктом в истории этой эпохи стал 1812 год, когда вторгшаяся в Россию наполеоновская армия была разбита, что привело в конечном итоге к крушению империи Наполеона I и освобождению завоеванных им народов Европы. Героям Отечественной войны 1812 года и посвящается этот сборник.

Крупнейшим в стране хранилищем вещественных, изобразительных и документальных памятников Отечественной войны 1812 г. является Государственный Исторический музей. Основу этого комплекса составили фонды Музея 1812 года (существовавшего в начале XX в. в Москве), которые в 1920-е гг. были переданы в ГИМ, а также материалы из собраний крупнейших русских коллекционеров П. И. Щукина, А. Д. Черткова, Е. В. Барсова, поступившие в Исторический музей согласно их завещаниям. Среди документальных материалов указанных коллекций, хранящихся в Отделе письменных источников ГИМ, одними из наиболее интересных и богатых по содержанию являются воспоминания участников Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. В них ярко и образно запечатлены события

той эпохи, даны картины крупнейших сражений и портреты знаменитых полководцев 1812 г.

Несмотря на огромную литературу, вышедшую за 175 лет после окончания наполеоновских войн, некоторые памятники русской мемуаристики 1812 г.* до сих пор остаются неопубликованными. Их скорейшее введение в научный оборот будет иметь значение не только для историков-профессионалов, специалистов по военной истории, музейных работников, но и для самого широкого круга читателей. С этой целью и предпринимается настоящее издание, в которое включены тексты шести не опубликованных ранее воспоминаний участников Отечественной войны 1812 г. и заграничных освободительных походов 1813—1814 гг., подготовленные сотрудниками Отдела письменных источников ГИМ.

Критериями отбора материалов для сборника являлись: достоверность воспоминаний (участие авторов в сражениях и походах 1812—1814 гг. подтверждается документально их послужными списками и аттестатами); их содержательность — с точки зрения как описания непосредственно боевых действий, так и отражения жизни и быта народов России и Западной Европы, вовлеченных в войну; разнообразие социального состава и служебного положения мемуаристов — от представителей поместного дворянства до крестьянина-однодворца, от майора до рядового пехотинца.

Среди авторов воспоминаний — четыре героя Бородинской битвы: офицер-артиллерист Мешетич, награжденный золотой шпагой с надписью «За храбрость», которую он проявил, сражаясь на знаменитой батарее Раевского; майор 1-го егерского полка Петров, отличившийся в сражении за село Бородино на правом фланге русских войск; кавалерийский офицер Дрейлинг, ординарец Кутузова в Бородинской битве, и, наконец, Романов — поручик знаменитой 27-й пехотной дивизии Неверовского, которая отличилась на левом фланге Багратионовых флешей.

Сборник открывает рукопись капитана артиллерии Г. П. Мешетича «Исторические записки войны россиян

* Эпоху 1812 г. мы понимаем в широком смысле слова, поскольку для участников Отечественной войны и заграничных походов события от вторжения наполеоновской армии в Россию до вступления русских войск в Париж являлись единым, нерасторжимым целым и дата «1812 год» объединяла и последующие два года.

с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов». В 1812 г. подпоручик 11-й артиллерийской бригады Мешетич в составе 4-го пехотного корпуса А. И. Остермана-Толстого участвовал в сражениях при Островно, Бородине, Малоярославце и Красном; в 1813—1814 гг. — в заграничных походах русской армии.

В воспоминаниях Мешетича содержится описание военных действий, начиная с вторжения наполеоновской армии в Россию 12 июня 1812 г. и кончая вступлением русских войск в Париж 18(30) марта 1814 г. В «Исторических записках» даны яркие, запоминающиеся описания сражений под Островно и Смоленском, нарисована «чрезвычайно трогательная, печальная и разительная» картина бегства жителей Смоленска из объятых пламенем города, которую автор наблюдал с противоположного берега Днепра.

Но особенно впечатляет патетическое описание Бородинской битвы, близкое по силе эмоционального воздействия к «Очеркам Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки (сам Мешетич сравнивал Бородинскую битву с Куликовской). В «Исторических записках» содержатся чрезвычайно ценные сведения, дополняющие историю этого крупнейшего сражения Отечественной войны 1812 г., о котором, казалось бы, известно все до мельчайших деталей.

Вот как вспоминает Мешетич о начале битвы:

«С показанием на горизонте солнца, предвещавшего прекраснейший день, показались из лесу ужаснейшие колонны неприятельской кавалерии, чернеющие, подобно тучам, подходящим к нашему левому флангу; из оных вдруг, как молния за молниєю, одна за другою и с громом посыпались ядра градом на стан русской; палатки, еще в некоторых местах стоявшие, как вихрем, ядрами оными были сняты, и кто в них покоился еще, то заснул и вечным сном. Вставай, Русс! — смерть подошедшая будит и враг бодрствует! Страхнулся наш левой фланг, уже Багратион давно на коне, и закружил дым его батарей, и загрохотали, загремели почти залпы в неприятеля, но велик числом оный, все увеличивает свои батареи и наступает ближе; уже храбрый Тучков сворачивает свои дивизии в колонны, чтобы дать верный отпор пулями в кавалерию, но смерть неумолима, почти везде двойное количество неприятеля губит целые ряды пехоты и расстраивается артиллерия... Становится оглушающим гром артиллерий и ружей, тучи облаков густого порохового дыму взносятся в воздух, и, казалось, солнце в сумраке».

Мешетич рассказывает о знаменитой батарее Раевского, о смертельных ранениях Багратиона и Тучкова и обстоятельствах гибели «известного своею доблестью, доброю душою и умом» начальника артиллерии генерал-майора Кутайсова.

Уровня героической эпопеи достигают строки «Исторических записок», посвященные окончанию Бородинской битвы:

«Поле брани уже покрылось множеством бездыханных трупов, лощины и кустарники — множеством стонущих, просящих одного — прекращения жизни — раненых; по рытвинам текла ручейками кровь человеческая, с обеих сторон еще падали мертвы герои. Гром артиллерии, действовавшей от начала и до конца до тысячи с обеих сторон орудий в сражении визгом ядер, грохотом гранат и шумом картеч, свистом пуль возвещал желание неприятеля сбить с места россиян, но оные мужественно противились, поражали, падали за отечество и удивляли самих врагов».

Рассказывая о дальнейшем отступлении русской армии, Г. П. Мешетич приводит примеры высокого патриотизма русского народа, сообщает о сборе пожертвований на нужды армии, об организации ополчения и о партизанском движении. Каждый шаг неприятелю, пишет он, «был затруднителен и стоил крови. Кроме частых авангардных перестрелок он во всех местах на пути находил города и деревни оставленными жителями, кои... скрывались в лесах со своими семействами, вооруженные пиками и ружьями, и по мере нападения защищались».

Несомненный интерес представляет описание Тарутинского марш-маневра М. И. Кутузова, сражений под Тарутином 6 октября (в том числе рассказ о гибели генерал-лейтенанта К. Ф. Багговута) и под Малоярославцем 12 октября 1812 г. Впечатляет описание бегства так называемой Великой армии из России. Особо подчеркивает Мешетич роль в разгроме наполеоновской армии русского народа, который «за свой железный кусок хлеба положит живот и не имеет зависти на роскошь иноземных народов».

Значительная часть воспоминаний посвящена заграничным походам русской армии, причем автор не только описывает крупнейшие сражения, участником которых он был, но и дает характеристику быта и нравов жителей городов и деревень Польши, Германии и Франции. Специальная глава воспоминаний посвящена А. С. Фигнеру.

Мешетич одним из первых рассказал о подвигах знаменитого партизана, с которым был лично знаком.

Таким образом, перед нами не просто хроника военных событий 1812—1814 гг., но художественное произведение, написанное образным народным языком. К «Историческим запискам» Мешетича приложен «Обзор обоюдных военных действий», в котором офицер-артиллерист делает попытку «по горячим следам» исторически осмыслить эпоху наполеоновских войн, рассуждая о причинах гибели наполеоновской армии в России, о полководческом искусстве М. И. Кутузова, которое, по образному выражению автора, «есть памятник на целое тысячелетие, ибо и история мало показывает таких примеров».

О значении, которое придавал своим воспоминаниям Мешетич, он сказал в конце рукописи: «Нет сомнения, что идут и впереди еще многие войны! История и оные покажет нашему потомству, по вечность много поглощает истин в событиях даже чрезвычайных», а потому «письмена, изображающие характеры и последствия их доброй нравственности, всегда должны быть в уважении...».

Хроникой военной истории конца XVIII—начала XIX в. можно назвать «Рассказы служившего в первом Егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года», которые охватывают собою ровно 25 лет. М. М. Петров отличился в сражениях русско-пруско-французской войны 1806—1807 гг., русско-турецкой войны 1806—1812 гг., русско-шведской войны 1808—1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Обо всех этих событиях ярко и образно рассказано в его воспоминаниях, причем Петров не только описывает самый ход боевых операций, но и останавливается на бытовых каждодневных подробностях армейской военной жизни, делая это с любовью и юмором.

Воспоминания М. М. Петрова, наиболее значительные по объему из публикуемых в настоящем сборнике мемуаров, представляют собой единое по композиции повествование, в связи с этим они помещены полностью (до этого были опубликованы лишь отдельные фрагменты «Рассказов»). Будущих героев 1812 г. мы встречаем уже на первых страницах воспоминаний: например, о М. Б. Барклае-де-Толли рассказывается при описании

сражения у Прейсиш-Эйлау (1807), а в главе, посвященной описанию Батинского сражения с Турцией (1810), М. М. Петров вспоминает о знакомстве на берегах Дуная с героем-партизаном Отечественной войны Денисом Давыдовым, о встречах с ним в 1812 г. в Белоруссии и в 1813-м, во время похода в Германию. В этой же главе даны портреты генералов Я. П. Кульнева, Ф. П. Уварова, И. С. Дорохова.

В начале Отечественной войны 1812 г. 1-й егерский полк, где майор М. М. Петров командовал 1-м батальоном, был в авангардном отряде генерал-майора Дорохова, занимавшем аванпосты по правому берегу Немана. По поручению командира полка и сослуживцев Петров становится официальным летописцем боевых действий полка, что придает его воспоминаниям особую достоверность и обстоятельность. Подробно освещая начальный период военных действий, порядок отступления русских армий к Смоленску и далее к Москве, автор «Рассказов» возражает против обвинений Баркляя-де-Толли в неумелом ведении войны, указывая, что единственно возможным и правильным действием русской армии в условиях начала войны было отступление и «благоразумное уклонение... от атаки и пагубных сетей, расставленных Наполеоном нашим спорившим полководцам».

Широко распространено мнение о непопулярности Баркляя-де-Толли в войсках в связи с отступлением русской армии в начальные месяцы войны. Приходят на память строки из стихотворения А. С. Пушкина «Полководец»:

...О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принеся земле тебе чужой,
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою...

Но вот перед нами оценки, данные Барклаю-де-Толли тремя мемуаристами.

Восторженную оценку дает «бессмертному своею мудростью и неустрашимостью герою» офицер-артиллерист Г. П. Мешетич.

Другой офицер 1-й Западной армии, М. М. Петров, спустя четверть века после окончания Отечественной войны патетически восклицает: «...я остаюсь и поныне в го-

рестном недоумении: за что все почти наши отечественные бытописатели военных происшествий 12-го года упрекают и обвиняют знаменитого полководца нашего Барклая-де-Толли в том, что он не сделал генеральной атаки наполеоновой армии, стоявшей умышленно в растянутом положении при Любавичах, Рудне и Лиозне? Посмотрите, ради Божией правды, на карте те места — я по ним бродил с Платовым вдоль и поперек... Что же можно было надеяться от того нападения нашего на французскую, сильнейшую вдвое нас армию, предводимую Наполеоном, кроме того, что центральные его корпуса по малом сопротивлении... могли стремительно двинуться на Смоленск и, соединившись там в тыле нашем, составить армию, превосходящую наши общие силы, с которою сам Наполеон, перебравшись туда со штабом своим, напал бы на тыл наш... И тогда последовало бы уничтожение всех надежд спасения Отечества нашего и всей Европы».

Конечно, должная оценка полководческого таланта М. Б. Барклая-де-Толли давалась и в ряде других записок русских офицеров.

Но вот свидетельство простого русского солдата Богданчикова, который в лубочном стиле рисует портрет «своего» главнокомандующего Барклая-де-Толли. Вряд ли бы он стал употреблять слово «мой», если бы речь шла о ненавистном «немце», как, по мнению ряда историков, исключительно называли Барклая в солдатской массе.

Мы не собираемся, естественно, давать на основании ряда свидетельств характеристику стратегии М. Б. Барклая-де-Толли — о нем выходили и продолжают выходить специальные монографии — а просто хотим подчеркнуть, что вопрос об отношении к нему современников далеко не однозначен, как порой представляют его некоторые авторы. Не случайно именно к «грядущему поколению» обращены заключительные строки упомянутого пушкинского стихотворения.

Пересеклись боевые пути двух мемуаристов — Мешетича и Петрова. В Бородинской битве 26 августа 1812 г. Петров в составе 1-го егерского полка участвовал в жаркой схватке с французами за село Бородино на правом фланге русских войск. Буквально по часам он описывал, как русские егеря отбросили французов за реку Колочу, сожгли мост через реку и в течение всего дня отбивали атаки неприятеля, так и не допустив его на свои позиции

(за отличие в сражении сам Петров был награжден орденом). На том же правом фланге, в составе того же 4-го пехотного корпуса А. И. Остермана-Толстого, находился и Мешетич со своей артиллерийской батареей, которая в начале боя стояла в резерве, а в разгар битвы была выдвинута на защиту батареи Раевского. Каждый по-своему, но в равной степени эмоционально они описывают события незабываемого сражения, вызывающие в памяти строки лермонтовского «Бородина», и окончание дня 26 августа, когда, по образному выражению Петрова, «угаснул пыл Бородинской битвы».

Оба мемуариста своими воспоминаниями о сражении при Спас-Купле (в ходе Тарутинского марш-маневра) дополняют немногочисленные сведения об этом эпизоде; близки по духу их патетические рассказы о контрнаступлении русской армии и бегстве французов, о Вяземском и других боевых действиях конца октября — начала ноября 1812 г.

Бок о бок шли артиллерийский офицер Г. П. Мешетич и командир батальона егерей М. М. Петров по территории Германии и Франции во время заграничных походов. При сопоставлении текстов воспоминаний о неудачных сражениях при Люцене 20 апреля (2 мая) и Бауцене 8—9 (20—21) мая 1813 г. замечаешь, что оба мемуариста одинаково оценивали причины военных неудач союзных армий. Они их видели в том, что «русские войска, безостановочно преследуя неприятеля на таком великом пространстве от Москвы, проводя зиму на биваках, от частых боев и походов имели великую убыль в людях, а от резервов далеко были отдалены». Подобно Мешетичу, Петров не только рассказывает о направлении движения армий и сражениях, но и дает емкую характеристику тех немецких городов, сел и местечек, где проходил или останавливался 1-й егерский полк (заключительная глава его воспоминаний так и озаглавлена — «О благоустройстве Германии»).

С начала осенней кампании 1813 г. 1-й егерский полк и 11-я артиллерийская бригада были включены в 8-й пехотный корпус генерала Э. Ф. Сен-При. В составе этого корпуса в полночь на Новый 1814 год они переправлялись через реку Рейн, являвшуюся в то время границей наполеоновской империи. В своих «Исторических записках» Мешетич вспоминал о том, как «в полночь против 1814 Нового года бригада егерей, заготовивши в заливе лодки» под жесточайшим огнем неприятеля переправи-

лась на другой берег Рейна. Русские артиллеристы прикрывали эту переправу, а сам Петров находился во главе колонны, ворвавшейся в город Кобленц. Впоследствии он подробно и образно ее описал. Следует сопоставить и описание Реймского сражения в конце февраля — начале марта 1814 г., в котором был смертельно ранен Сен-При, французский эмигрант, ставший генералом русской службы (в Отечественную войну он, как известно, был начальником штаба при Багратионе). Кульминационный пункт воспоминаний конечно же взятие Парижа 18(30) марта 1814 г. «Война, зачавшаяся в 1812 году, — подчеркивал Петров, — имела два пункта, где видно было близкое равновесие рвения россиян на отличия: один на поле Бородинском, а другой при Монмартре. На первом все воины наши были храбры до озлобления, ибо не умереть, а остаться живыми в завоеванном французами Отечестве боялись. Но когда шли на укрепления Парижа... то каждый солдат пылал румянцем геройства, понимая важность совершавшегося значительного подвига и отщепенца, и каждый из нас не хотел умереть прежде покорения Парижа».

Подробно свое внимание автор останавливает на достопримечательностях Парижа, а также рассказывает о состоянии русской армии, о быте офицеров и солдат. Записки М. М. Петрова оканчиваются возвращением 1-го егерского полка в Отечество и прощанием с боевыми товарищами.

«Рассказы» М. М. Петрова являются подлинной реликвией фондов ГИМ. Они представляют свою эпоху, эпоху рубежа XVIII—XIX столетий, с характерным для нее стилем повествования с включением обширных фрагментов «живой речи», богатейшим фактическим материалом, упоминанием множества известных и вовсе не известных исторических лиц (гренадер Алексеев, поручик Готовцев, братья М. М. Петрова, тоже русские офицеры, и многие другие), характеристика которых с удивительной меткостью и непредвзятостью дана Петровым в его записках.

Воспоминания об Отечественной войне артиллериста и пехотинца дополняются воспоминаниями кавалерийского офицера И. Р. Дрейлинга. Дворянин Курляндской губернии Дрейлинг в 1812 г. был корнетом Малороссийского кирасирского полка, входившего в состав 2-й Западной армии П. И. Багратиона. Следует отметить, что воспоминаний о военных действиях 2-й Западной армии, в отличие от 1-й, сохранилось относительно немного.

Особую ценность представляют страницы мемуаров, посвященные знаменитому марш-маневру армии Багратиона, описаниям сражений при Мире (27—28 июня) и Салтановке (11 июля), а также характеристике самого Багратиона. Как и в воспоминаниях Мешетича и Петрова, особенно ярко описана Бородинская битва, начиная со сражения 24 августа за Шевардинский редут, в котором отличился Малороссийский кирасирский полк, и до позднего вечера сражения при Бородине 26 августа. «Бились весь день упорно, злобно, до тех пор, пока ночь и страшное утомление и с той и с другой стороны не положили конец этому, казалось, вечному и бесконечному дню», — вспоминал И. Р. Дрейлинг. Сам он в Бородинской битве состоял ординарцем при М. И. Кутузове, дважды отсылался на левый фланг русской армии к П. И. Багратиону и видел его «смертельно раненого, плавающего в крови». За проявленную храбрость в Бородинской битве Дрейлинг был награжден орденом Анны 4-й степени.

Подобно предыдущим рассказчикам, Дрейлинг описывает дальнейшее отступление русских войск, облик древней столицы накануне вступления в нее французов, пожар Москвы, Тарутинский лагерь. Кратко, но образно переданы сражения при Тарутине 6-го и Малоярославце 12 октября, когда «среди пылающих зданий и дымящихся развалин битва продолжалась до полуночи», а также под Вязмой и Красным (за отличия в этих сражениях Дрейлинг был пожалован чином штабс-ротмистра).

Из воспоминаний Дрейлинга о заграничных походах примечателен рассказ о действиях «летучего отряда» (Frei Corps) генерала Тильмана в Саксонии осенью 1813 г., практически не нашедших отражения в русской мемуарной литературе. Интересно отметить, что в 1812 г. Тильман командовал бригадой саксонских кирасир, атаковавших при Бородине батарею Раевского, а год спустя возглавил партизанский отряд, действовавший против наполеоновской армии.

«Записки отставного подполковника Михаила Петровича Романова военным действиям в России и за границей...», являясь по своей форме воспоминаниями, рассказанными спустя четверть века после описываемых событий, по лаконизму записей близки к дневникам. Собственно, все события 1812—1814 гг. занимают лишь 15 страниц записной книжки М. П. Романова. Вместе с тем указанные мемуары представляют несомненный интерес хотя бы вследствие того, что в 1812 г. офицер

Одесского пехотного полка М. П. Романов входил в знаменитую 27-ю пехотную дивизию Д. П. Неверовского, отличившуюся под Смоленском, в Бородинской битве — как в бою за Шевардинский редут (где на помощь Одесскому полку пришла 2-я кирасирская бригада, в составе которой сражался Дрейлинг), так и при обороне Багратионовых флешей, где прославились, по образному выражению Федора Глинки, «полки бесстрашного Неверовского, кирасиры мужественного Дуки». Сражался Романов и под Тарутином, и под Малоярославцем, где был тяжело ранен. Обо всех этих сражениях имеются интересные сведения в записной книжке. Что же касается заграничных походов 1813—1814 гг., то Романов проделал боевой путь рука об руку с Мешетичем, Петровым (сражение при Кацбахе, переправа через Рейн и т. д.). Наиболее обстоятельны описания сражений на территории Франции в январе—феврале 1814 г., проходивших с переменным для союзников успехом.

Важной для раскрытия темы «Народное ополчение в 1812 году» представляется публикация воспоминаний И. М. Благовещенского «История гражданской, а впоследствии и военной службы». Мелкий провинциальный чинovníк Благовещенский в сентябре 1812 г. вступил прапорщиком во Владимирское ополчение. Прослужив почти два года в армии, он оставался человеком сугубо штабским, что заметно при чтении его мемуаров, написанных в витиевато-провинциальном стиле. Вместе с тем он не лишен наблюдательности и, что самое главное, очень точен в описании тех событий, свидетелем и участником которых он был.

В воспоминаниях Благовещенского отражен патристический подъем населения Владимирской губ.— массовое вступление в ополчение. В них рассказано об обучении ополченцев военному делу, дано описание боевых действий ополчения, организации системы заградительных постов, что подчеркивает роль Владимирского ополчения в блокаде оккупированной наполеоновской армией Москвы. Не меньше, чем иные батальные сцены, впечатляет безыскусный рассказ Благовещенского о подвигах простых русских крестьян Подмосковья, уничтожавших целые отряды французских фуражиров, которые грабили местное население. «Фуражиры,— вспоминал И. М. Благовещенский,— как голодные волки, бросались во все стороны от Москвы, жителей грабили, зажигали селения, получали искусством этим продовольствие, но вскоре

порывы неприятеля были пресечены — не только их отделения оставались в селениях на местах, но даже самые отряды мало уходили от руки православных жителей». Отметим также описания разрушенных и разграбленных французами Москвы, Смоленска, Красного и Борисова, рассказ о тех бедствиях, которые претерпели ополченцы, в том числе о массовых эпидемических заболеваниях, от которых Владимирское ополчение понесло огромные потери.

Одним из образцов крайне редких «солдатских воспоминаний», специально посвященных эпохе 1812 г., является рукопись М. А. Богданчикова «Мое воспоминание. Из рассказов дедушки Сергея Яковлевича Богданчикова». Эта рукопись была написана к столетнему юбилею Отечественной войны 1812 г., спустя 50 лет после того, как автор ее 12-летним мальчиком слушал рассказы своего деда, ветерана войн начала XIX в. Таким образом, запись воспоминаний отделена столетним периодом от происходивших событий, запечатленных в памяти двух пожилых людей, и к тому же сделана малограмотным потомком вовсе неграмотного С. Я. Богданчикова. Хронология военных действий в рассказах нарушена, но справедливости ради надо сказать, что в основе рукописи лежат подлинные воспоминания участника русско-шведской войны 1808—1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., солдата Невского пехотного (с 1813 г. — Екатеринбургского пехотного) полка, который, как документально подтверждено аттестатом, хранящимся в Отделе письменных источников ГИМ, отличился при взятии Свеаборга и Або в 1808 г., при занятии Аландских островов в 1809 г., на северо-западном театре военных действий 1812 г.: в сражениях под Полоцком (6—8 октября) и при Чашниках 19 октября (в этом бою Богданчиков был ранен), в Лейпцигской битве 4—7 (16—19) октября 1813 г. и в других сражениях.

Эти рассказы представляют интерес прежде всего с точки зрения раскрытия психологии простого русского солдата эпохи 1812 г. В них запечатлены героизм русских воинов и солдатская смекалка; ненависть к иноземным завоевателям сочетается с описанием «братания» со шведами после окончания войны и заключения мира. Дается представление о быте русских солдат начала XIX в. Перед читателем встают яркие зарисовки сражений под Полоцком и Чашниками, сравнительно мало освещенных в мемуарной литературе. Интересны рассказы о М. И. Кутузове и М. Б. Барклае-де-Толли, в которых

знаменитые полководцы показаны такими, какими они запечатлелись в памяти русского солдата.

Неповторим языковой колорит Воронежской губернии, который отразился в воспоминаниях С. Я. Богданчикова, так же как и в воспоминаниях его земляка М. М. Петрова.

* * *

Таким образом, вниманию читателей предлагается 6 памятников русской мемуаристики, посвященных эпохе 1812 г. Среди них — четыре авторские рукописи воспоминаний, один перевод начала XX в. (воспоминания И. Р. Дрейлинга) и одна позднейшая запись рассказов о 1812 г., сделанная потомком С. Я. Богданчикова, ветерана Отечественной войны. Типы этих источников крайне разнообразны: от обширных воспоминаний М. М. Петрова, освещающих все войны России с начала XIX века по 1814 г., до крайне лапидарных воспоминаний М. П. Романова. Мемуары, представленные в сборнике, многоплановы по своему жанру: одни из них написаны на основе дневниковых записей (в основе «Рассказов» М. М. Петрова, например, лежал «Журнал боевых действий полка», который ему поручено было вести), другие записывали события, отложившиеся в памяти. Личные воспоминания мемуаристов дополнялись известными им сведениями по истории наполеоновских войн.

Необходимо иметь в виду различное служебное и социальное положение авторов воспоминаний. В период описываемых событий старший из них, М. М. Петров (в 1812 г. ему было 32 года), был штаб-офицером, четверо — обер-офицерами — от капитана (ротмистра) до прапорщика. Все они постоянно находились в самом пекле сражений и, что особо хотелось бы подчеркнуть, представляли, так сказать, все рода войск того времени — пехоту (М. М. Петров, М. П. Романов), артиллерию (Г. П. Мешетич) и кавалерию (И. Р. Дрейлинг).

Включены в сборник также воспоминания ополченца (И. М. Благовещенского), правда не принимавшего непосредственного участия в боевых действиях. Редчайшим памятником мемуаристики 1812 г. являются рассказы простого русского солдата Сергея Богданчикова, по происхождению крестьянина-однодворца.

Авторы остальных воспоминаний представляют русское мелкопоместное дворянство (Петров и Романов),

остзейское дворянство (Дрейлинг), чиновничество (Благовещенский). Все они были людьми, весьма далекими от дворянской революционности, даже в молодые годы (возраст большинства мемуаристов составлял в 1812 г. от 19 до 23 лет). Отсюда — несомненный монархизм, восторги в адрес «благословенного» Александра I. Вместе с тем большинству мемуаристов были свойственны острая наблюдательность, внимание не только к военным событиям, но и к культурным и социальным явлениям своей эпохи. Собственно, все они (кроме Романова) так или иначе не только описывали ход событий, участниками которых они были, но и разбирали отдельные боевые операции, критиковали действия ряда полководцев, в том числе и таких известных генералов, как П. Х. Витгенштейн, А. Ф. Ланжерон, Э. Ф. Сен-При...

Но здесь проходит некоторая грань между мемуаристами. Так, если Дрейлинг ограничивается лишь по-пецетски скрупулезным и точным изложением военных событий, то для других мемуаристов характерно стремление к осмыслению не только военных событий, но и культурных и социальных явлений в жизни отдельных стран. Так, Мешетич и Петров обращают внимание на нищету польских и французских крестьян. Конечно, не обошлось здесь без некоторой предвзятости, оборотной стороной чего явилась идеализация порядков Германии в начале XIX в. (как бы в противовес «мятежным странам»), которые М. М. Петров даже пытался представить как своеобразную «модель» для России. И все же сам по себе факт примечательный! Ведь нельзя забывать о том, что эти офицеры шли бок о бок с будущими декабристами, и их наблюдения над бедственным положением народов Европы и солдат русской армии, над политическим устройством, нравами и обычаями Польши, Германии, Франции и других стран рисуют нам круг юношеских впечатлений декабристов — «детей 1812 года». Даже Благовещенский, скромный провинциальный чиновник, волею судеб попавший в ополчение, не проходит мимо описания разоренных городов, осуждения бесчеловечного отношения к ополченцам, понесшим огромные потери не столько от сражений с французами, сколько от варварского обращения — следствия бескультурья и равнодушия к судьбе народа в царской России.

А Богданчиков, солдат из крестьян-однодворцев, рисует такие страшные картины солдатской жизни, что, несмотря на лубочный тон повествования, становится

понятно, на чьих плечах были вынесены основные тяготы войны.

Почти столетний период отделяет публикуемые в сборнике произведения. В соответствии с разработанной А. Г. Тартаковским периодизацией русской мемуаристики представленные в сборнике шесть текстов воспоминаний о 1812 г. можно разделить на три группы мемуаров, каждый период возникновения которых был связан с новой волной роста национального и исторического самосознания.

Так, «Исторические записки» Г. П. Мешетича относятся к начальному периоду русской мемуаристики 1810-х гг., когда «в атмосфере, разбуженной национальным подъемом военно-общественной мысли, по мере того как растет осознание эпохального значения только что совершившихся событий, их поистине великой роли в судьбах России и целой Европы, возникают и первые попытки дать целостное представление об Отечественной войне, разобраться в ее причинах, ходе и возможных в будущем следствиях» (*Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 151*). Не случайно поэтому Мешетич стремился не только изложить собственные впечатления, но и написать «свою» историю наполеоновских войн, дать им оценку. Это привело к тому, что в его записках собственные личные воспоминания офицера-артиллериста о 1812 годе тесно переплетаются с обзором военных и политических событий указанной эпохи, написанном на основе доступных автору исторических источников. Поэтому в источниковедческом анализе этих воспоминаний мы делаем попытку «реконструировать» кульминационную часть записок — описание Бородинской битвы. Отголоском этого периода следует считать и воспоминания И. Р. Дрейлинга, написанные в 1820 году.

«Рассказы» М. М. Петрова относятся к новому периоду — 1830-м годам, когда переплетение внешнеполитических событий и общественных настроений пробудило интерес к изучению героического прошлого 20- и 25-летней давности, как бы символом которого являлись стихотворения А. С. Пушкина «Полководец» и М. Ю. Лермонтова «Бородино». Обобщение опыта Отечественной войны и заграничных походов русской армии ставило насущный вопрос, а именно вопрос о путях развития России, решавшийся в сочинениях авторов различно, а иногда противоречиво. Именно в этот период

появляются фундаментальные труды А. И. Михайловского-Данилевского, в которых было четко выражено стремление подогнать патриотические идеи под реакционную формулу «теории официальной народности». В то же время именно Михайловскому-Данилевскому принадлежит инициатива массового сбора воспоминаний оставшихся к тому времени в живых ветеранов наполеоновских войн. Так, в частности, он обратился и к полковнику в отставке М. М. Петрову, воспоминания которого заняли видное место в галерее памятников русской мемуаристики.

Новая волна интереса к истории 1812 года, вызванная Крымской войной, отразилась в воспоминаниях И. М. Благовещенского и рассказах С. Я. Богданчикова, относящихся к концу 1850-х — началу 1860-х гг. (последние были записаны 50 лет спустя, в 1911 г.). Эти воспоминания не могли претендовать на роль исторических обобщений, их ценность состоит в том, что в них можно разглядеть личность автора, память которого запечатлела и отразила события военной жизни, картины быта русских солдат и ополченцев.

Если говорить о целевом назначении мемуаров, то конкретного адресата имели лишь «Рассказы» М. М. Петрова, предназначавшиеся для его друзей и представителей высшей администрации. Думается, что Мешетич рассчитывал на публикацию своих воспоминаний, явно ориентируя их на грядущие поколения. Чисто семейный характер носят записки Благовещенского и Богданчикова, хотя внук последнего и решил «подзаработать» на рассказах деда накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 г.

Значение публикуемых в настоящем сборнике материалов трудно переоценить. В них нашли отражение крупнейшие события Отечественной войны 1812 г. — нашествие наполеоновской армии, сражения при Мире и Салтановке, Островно и Смоленске, Бородинская битва, Москва в 1812 г., Тарутинский марш-маневр, сражения при Тарутине и Малоярославце, контрнаступление русских войск и гибель наполеоновской армии в России, сражения при Полоцке и Чашниках, Вязьме и Красном, переправа через Березину; освободительный поход в Германию в 1813 г., Люценское, Бауценское, Дрезденское и Кульмское сражения и, наконец, Лейпцигская «битва народов»; переправа русской армии через Рейн, сражения на территории Франции и вступление союзных войск

в Париж в марте 1814 г. При этом «фронтовые дороги» авторов воспоминаний неоднократно пересекались. С разных позиций и, так сказать, разными глазами смотрели они на одни и те же военные события, что открывает широкие возможности для исследователей наполеоновских войн. На страницах публикуемых мемуаров представлена портретная галерея героев 1812 года — М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, К. Ф. Багговута, М. Б. Баркляе-де-Толли, Д. В. Давыдова, И. С. Дорохова, Д. С. Дохтурова, А. П. Ермолова, П. П. Коновницына, Я. П. Кульнева, А. И. Кутайсова, М. А. Милорадовича, Д. П. Неверовского, А. И. Остермана-Толстого, М. И. Платова, Н. Н. Раевского, А. Н. Сеславина, Н. А. и П. А. Тучковых, А. С. Фигнера и др. В них отражен героизм русских солдат и офицеров, показан народный характер войны против иноземных захватчиков, а также быт русской армии и жизнь народов России, Польши, Германии, Франции и других стран в эпоху наполеоновских войн.

Дополняя друг друга, указанные воспоминания, впервые вводимые в научный оборот, представляют собой единый комплекс мемуарных памятников эпохи 1812 года, хранящихся в фондах Исторического музея*.

Материалы указанного сборника являются ценным источником для уточнения эпизодов ряда крупных боевых операций русской армии в 1812—1814 гг., которые не получили отражения в официальных реляциях; биографических данных о знаменитых русских полководцах, по истории народного ополчения и партизанского движения в Отечественной войне. Наконец, мемуары о 1812 годе, несомненно, будут с интересом встречены самым широким кругом читателей, интересующихся героическим прошлым нашей Родины.

* В этом отношении публикуемый сборник продолжает традиции тематических серий следующих публикаций: *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1—4. Вильна, 1900—1907; *Военский К. А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911; *Каллаш В. В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912; *Бородино. 1812—1962: Документы, письма, воспоминания.* М., 1962. В последнее время вышел в свет ряд публикаций, таких, как: 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987; *Клятву верности сдержали: 1812 год в русской литературе.* М., 1987; *России верные сыны... Отечественная война 1812 года в русской литературе первой половины XIX века.* Т. I—II. Л., 1988; *России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев.* М., 1988. Однако в эти издания включены опубликованные ранее воспоминания.

Публикация документов осуществляется на основе правил современной орфографии с сохранением правописания отдельных слов, отражающих стилистику русского языка начала XIX в. Тексты воспоминаний, охватывающих периоды, выходящие за пределы эпохи 1812 г., опубликованы с незначительными сокращениями. В воспоминаниях И. М. Благовещенского опущены малоинтересные для раскрытия данной темы описания службы мелкого провинциального чиновника после 1815 г.; в воспоминаниях Дрейлинга сделаны небольшие купюры в тексте, относящиеся к детским и юношеским годам и к послевоенному времени, перегруженном сентиментальными излияниями остзейского дворянина. Редакционные отточия обозначены: «...». В квадратных скобках приводятся окончания сокращенных в тексте слов, явные пропуски букв и текстов, сделанные авторами воспоминаний. В подстрочных примечаниях приведены авторские уточнения, они обозначены: «Примеч. авт.», переводы иностранных слов и другие необходимые примечания. Слова, подчеркнутые авторами, показаны курсивом. Даты в книге даются в основном тексте в соответствии с написанием в источниках. В комментариях при описании событий в России — по старому стилю. В Западной Европе — двойной стиль.

Каждый текст воспоминаний сопровождается предисловием, состоящим из: 1) биографических сведений об авторах, извлеченных из исторической литературы и архивных источников ОПИ ГИМ, ЦГВИА, ЦГАЛИ, ОР ГБЛ; 2) источниковедческой характеристики мемуаров с их критическим разбором, сопоставлением с известными опубликованными дневниками и воспоминаниями, а также другими типами источников; 3) палеографического описания рукописи и 4) краткой исторической справки о поступлении в Исторический музей указанных документов.

В конце книги имеются сводные указатели ко всему изданию — именной, географический и предметно-хронологический, состоящий из таблицы важнейших событий наполеоновских войн 1805—1815 гг. с росписью упомянутых в тексте сражений и битв.

К каждому из шести публикуемых документов сделаны комментарии, в которых даны объяснения отдельных военных терминов, устаревших слов; к упомянутым в рукописи персоналиям сделаны уточнения с указанием фамилии, имени, отчества, дат жизни, занимаемых долж-

ностей и чинов, прежде всего на период 1812—1814 гг.; имеются также комментарии к перечисленным в текстах сражениям с исправлением отдельных фактических ошибок, встречающихся в воспоминаниях; комментарии к географическим наименованиям с указанием современных названий. Комментарии имеют «сквозной» характер.

Часть материалов данной книги была подготовлена сотрудниками ОПИ ГИМ для предполагавшейся публикации Института истории СССР АН СССР совместно с ГИМ, ЦГВИА и другими архивохранилищами сборника «1812 год глазами современников: Дневники, записки, воспоминания» (отв. ред.—д-р ист. наук А. Г. Тартаковский)*. Однако это издание в намеченные сроки не состоялось. В связи с этим было подготовлено новое издание, которое и предлагается вниманию читателей. Оно по своим задачам, структуре и принципам значительно отличается от намечавшегося издания Академии наук, большей частью состоит из не предназначавшихся ранее к публикации текстов.

Тексты рукописей подготовлены старшими научными сотрудниками ОПИ ГИМ канд. ист. наук А. К. Афанасьевым, канд. ист. наук Ф. А. Петровым, Л. И. Смирновой, научными сотрудниками Н. Б. Быстровой, Н. Л. Зубовой, М. В. Фалалеевой.

Издание иллюстрировано материалами из собрания отдела ИЗО ГИМ. Составители: канд. иск. Н. Н. Гончарова, М. К. Гуренок, И. П. Ерохина, Н. А. Перевезенцева, Н. М. Пырова, Л. Ю. Руднева, канд. иск. Т. А. Селинова, Н. Н. Скорнякова.

Составители сборника приносят глубокую благодарность инициатору изучения памятников русской мемуаристики по истории Отечественной войны 1812 г. д-ру ист. наук А. Г. Тартаковскому за большую практическую помощь и ценные научные консультации.

Ф. А. Петров

* Фрагмент из сборника «1812 год глазами современников» — материалы из собраний ЦГВИА СССР, Архива АН СССР, ОР ГБЛ, ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Рукописного отдела Пушкинского дома АН СССР — опубликован в журнале «Знамя» (1987. № 8. С. 129—180).

Вступление к воспоминаниям Г. П. Мешетича «Исторические записки...»

Личность Мешетича вплоть до настоящего времени оставалась неизвестной в исторической литературе об эпохе 1812 года. Его имя и отчество, краткие сведения о прохождении службы в период Отечественной войны и заграничных походов русской армии удалось установить на основе сравнительного изучения воспоминаний и других источников: «Дополнительного списка потомков генералов, штаб и обер-офицеров по мужской линии — участников Бородинского сражения» (М., б/г); хранящихся в ЦГВИА списков награжденных по 11-й артиллерийской бригаде, воспоминаний офицера той же бригады И. Т. Раджицкого и т. д.

В 1812 г. Гавриил Петрович Мешетич был подпоручиком 2-й батареей роты 11-й артиллерийской бригады 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса А. И. Остермана-Толстого, входившего в состав 1-й Западной армии М. Б. Барклая-де-Толли. В сражении под Островно 13 июля корпус Остермана-Толстого, усиленный двумя драгунскими и двумя гусарскими полками (общая численность — около 14 тыс.), противостоял 70-тысячному авангарду французских войск, Мешетич находился на переднем крае обороны, действовал из тяжелых артиллерийских орудий против кавалерии и пехоты неприятеля.

В Бородинской битве 26 августа 1812 г. Мешетич действовал вместе с Кексгольмским пехотным полком, который в разгар битвы был выдвинут вместе с другими полками 4-го пехотного корпуса на защиту батареи Раевского. Как указывал К. Ф. Толь в «Описании сражения при с. Бородине», на кавалерийскую атаку французских, саксонских, вестфальских кирасир и улан из дивизии Рожнецкого, пытавшихся прорвать фронт русской пехоты и захватить батарею с тыла, «храбрые полки 4-го корпуса, наиболее же Кексгольмской, Перновской и 33-й егерской, подпустив неприятеля на самое ближнее расстояние, открыли столь жестокий огонь, что неприятель не только был опрокинут, но и в большом расстройстве принужден был спасаться бегством» (Бородино. 1812—1962: Документы, письма, воспоминания (далее: Бородино...). М., 1962. С. 327). При этом большую роль сыграла 11-я артиллерийская бригада, которая заставила кавалерию, готовую врубиться в нашу пехоту, отретироваться в бес-

порядке (см.: *Ларионов А. П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. М., 1962. С. 169). Как указывается в списках «награжденных за сражения против французских войск 24 августа 1812 года при Бородине», подпоручики 2-й батареинной роты Мешетич и Ильинский, «с отличивым искусством действуя из орудий, с большим вредом опрокидывали неприятельскую кавалерию, подбили несколько орудий и взорвали многие ящики», за что были по указу императора Капитулу от 11 октября 1812 г. награждены золотыми шпагами с надписью «За храбрость» (*Никольский В. П.* Подвиги и отличия во время Бородинского сражения 24—26 августа 1812 г. // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 192, л. 170—172).

За отличие в бою при Спас-Купле 22 сентября 1812 г. между русским арьергардом Милорадовича и французским авангардом Мюрата Г. П. Мешетич был награжден орденом Анны 3-й степени (ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 21, ед. хр. 46, л. 396 об.). Во время Тарутинского сражения 6 октября Мешетич находился в резерве; он участвовал в сражениях при Малоярославце 12 октября и Красном 3—6 ноября 1812 г.

Г. П. Мешетич принимал участие в заграничных походах 1813—1814 гг. При отступлении русской армии после сражения под Люценом 20 апреля (2 мая) он был в составе арьергарда М. А. Милорадовича, прикрывавшего отход главных сил союзников и их переправу через Эльбу. Как вспоминал другой офицер той же 11-й артиллерийской бригады, И. Т. Радожицкий, 27 апреля 1813 г. «подпоручики Сенкевич и Мешетич первыми выстрелами из своих пушек через мост расстроили весь парад», который Наполеон хотел устроить в Дрездене на площади Св. Петра (*Радожицкий И. Т.* Походные записки артиллерииста с 1812 по 1816 год (далее: Указ. соч.): В 4 ч. Ч. 2. М., 1835. С. 97—99). В Бауценском сражении 9 (21) мая 1813 г. батареи 11-й пехотной дивизии артиллерийским огнем прикрывали отступление прусских войск (*Богданович М. А.* История войны 1813 года за независимость Германии: В 2 т. Т. 1. СПб., 1863. С. 269—270).

В осеннюю кампанию 1813 г. 2-я батареинная рота находилась в составе левого крыла Силезской армии, которым командовал А. Ф. Ланжерон. Во время Дрезденского сражения Г. П. Мешетич был в авангарде Силезской армии, которая 14 (26) августа при Кацбахе нанесла поражение французскому корпусу Макдональда. Участвовал он также в деле под Цобтенем (17 (29) августа), где была разгромлена дивизия генерала Пюто. В Лейпцигской битве Г. П. Мешетич в составе корпуса Ланжерона 6 (18) октября участвовал в наступлении на город с севера, где шли особо ожесточенные бои, а 7 (19) октября — в штурме Лейпцига. После переправы союзных войск через Рейн в декабре 1813 — январе 1814 г. Г. П. Мешетич принял участие в сражении под Реймсом 22 февраля (4 марта) — 1 (13) марта 1814 г. в составе отряда генерала Э. Ф. Сен-При и в обороне крепости Витри в марте 1814 г.

«Исторические записки» Г. П. Мешетича с двумя приложениями — «Обзор обоюдных военных действий» и «Заслуги партизана, артиллерии штабе-капитана, впоследствии Главного штаба подполковника и кавалера Александра Самуиловича Фигнера 1812 и 1813 годов» — представляют собой авторскую рукопись в лист, состоящую из 150 страниц авторской пагинации, написанную черными чернилами, крупным почерком, с отдельными исправлениями, вставками и примечаниями. На титульном листе после заглавия рукою автора написано: «Г. М. Сочиненная артиллерии капитаном и кавалером Мешетичем 1818 года». «Исторические записки» поступили в Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года, как указано в инвентарной книге поступлений и на форзаце рукописи, от внука автора — Леонида Михайловича Мешетича, подполковника 26-го пехотного Могилевского полка, 1 ноября 1911 г. (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 62, л. 17 об.). Рукопись заключена в картонный переплет конца XIX — начала XX в. и снабжена новым титульным листом на бумаге того же времени, на которой, очевидно, рукою Л. М. Мешетича сделана следующая запись: «Исторические записки артиллериста-капитана 1812 и 1813 годов». При переплете страницы были обрезаны, и примечание автора к концу текста (л. 99) оказалось частично утраченным. В тексте рукописи рукою неустановленного лица сделаны заметки на листах и отдельные места подчеркнуты красным карандашом. В 1921 г. вместе с коллекциями Музея 1812 года «Исторические записки» Г. П. Мешетича поступили в Исторический музей. Фонд Музея 1812 года (ОПИ, ф. 160) прошел научно-техническую обработку в 1979 г.

«Исторические записки» Г. П. Мешетича — сложный по составу и жанровой принадлежности памятник, относящийся к начальному этапу развития русской мемуарной литературы о 1812 г., когда она вся была насыщена впечатлениями от недавно минувших войн. В основе их лежат личные переживания участника Отечественной войны и заграничных походов русской армии. Вместе с тем автор по имеющимся в его распоряжении источникам по истории наполеоновских войн на 1818 г. дает краткую характеристику Наполеона, рассказывает об истории взаимоотношений России и Франции накануне войны, об общем ходе кампаний 1812, 1813 и 1814 гг., о «Ста днях» и битве при Ватерлоо 1815 г. В его рукопись включены цитаты или переложение правительственных манифестов, обращений, воззваний и приказов по армии М. И. Кутузова, агитационных изданий походной русской типографии и некоторых других источников. На «Исторических записках» несомненно сказалось влияние современной им историко-публицистической литературы на темы 1812 г.

Интересно сравнение «Исторических записок» Г. П. Мешетича с хорошо известными воспоминаниями в четырех частях его однополчанина, другого офицера 11-й артиллерийской бригады, И. Т. Радожицкого, «Походные записки артиллериста

с 1812 по 1816 год», изданными в 1835 г. Воспоминания Мешетича значительно уступают этому изданию по объему, зато написаны почти на 20 лет раньше, «по горячим следам».

В записках Г. П. Мешетича отражены все этапы войн 1812—1814 гг., начиная со вторжения наполеоновской армии в Россию и кончая вступлением русских войск в Париж. Рассказывая об отступлении русских войск в начальный период войны, о грабежах и разорении французами местного населения, Мешетич, подобно ряду других мемуаристов*, критически оценивает Дрисский лагерь, указывая на то, что армия там подвергалась большой опасности.

Особо следует выделить сообщение Г. П. Мешетича о встрече с генералом Д. С. Дохтуровым, командиром 6-го пехотного корпуса, отделившегося в начале войны от главных сил 1-й армии и вынужденного пробиваться из окружения. Как явствует из анализа текста, Мешетич был послан к Дохтурову в конце июня 1812 г., как и другой артиллерийский офицер той же 11-й бригады — И. Т. Радожицкий (*Радожицкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 1. С. 49—60). Воспоминания Мешетича наряду с записками Радожицкого позволяют более обстоятельно показать деятельность Дохтурова во время отступления русской армии в июне—июле 1812 г., так как в отличие от его подвигов под Бородином и Малоярославцем она осталась недостаточно раскрытой как в воспоминаниях современников**, так и в исторической литературе, и тем самым внести дополнительные штрихи к портрету прославленного полководца.

В «Исторических записках» дается образное описание сражения под Островно 13 июля 1812 г., которое, однако, нуждается в проверке другими источниками, в том числе воспоминаниями очевидцев. Мешетич, попав, вероятно, впервые в своей жизни в крупное сражение (его дивизия шла в авангарде 4-го пехотного корпуса), стал очевидцем того, как эскадрон лейб-гусар, устремившийся в атаку, был уничтожен французскими стрелками; как была изрублена отборной неприятельской конницей Нансути конная батарея полковника Кандыбы; как сильный орудийный огонь неприятеля расстривал артиллерию и уничтожал целые батальоны пехоты. Может быть, поэтому он не смог по достоинству оценить то «непоколебимое присутствие духа» в генерале А. И. Остермане-Толстом, о котором

* См.: *Тучков П. А.* Мои воспоминания о 1812 году // *Русский архив.* 1873. № 10. С. 1931—1932; воспоминания К. А. Бискупского в форме писем А. А. Краевскому, вышедшие изданием: *Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Шукиным* (далее: *Бумаги Шукина*): В 10 ч. Ч. VII. М., 1903. С. 304; *Шшиков А. С.* Дрисские записки. СПб., 1864.

** Известны лишь воспоминания П. Х. Граббе «Из памятных записок графа П. Х. Граббе» (М., 1873. С. 69—70), Н. Е. Митаревского «Воспоминания об Отечественной войне» (М., 1871), А. И. Михайловского-Данилевского в журнале «Сын Отечества» (1817. № 2).

писал тот же Раджицкий, посланный в составе 3-й артиллерийской роты на помощь Кексгольмскому и Перновскому полкам *. Вместе с тем Мешетич указывает на «упорную защиту россиян», которые удержали неприятеля при Островно до позднего вечера и, несмотря на значительные потери, затормозили его продвижение, позволив основным силам 1-й Западной армии выйти к Смоленску на соединение со 2-й армией П. И. Багратиона.

В воспоминаниях Г. П. Мешетича о Смоленском сражении 4—6 августа 1812 г. следует выделить два момента: 1) рассказ о подвиге генерала Н. Н. Раевского, в течение суток с 15-тысячным корпусом оборонявшего город от основных сил наполеоновской армии, численно превосходившей его в 10 раз **; 2) «чрезвычайно трогательную, печальную и разительную картину» положения Смоленска во время штурма его французскими войсками: ожесточенный артиллерийский обстрел, пожары, охватившие весь город, толпы беженцев — стариков, женщин и детей, вступление в город французов, — которую Мешетич наблюдал, находясь в составе 4-го пехотного корпуса на другом берегу Днепра. Эта картина дополняет описание того «трогательного зрелища», которое представилось глазам Раджицкого (Указ. соч. Ч. 1. С. 111—115), находившегося рядом с Мешетичем, близка к «Письмам русского офицера» Ф. Н. Глинки и запискам И. С. Жиркевича (Русская старина. 1874. Т. 10. № 8. С. 648—651).

Характеризуя дальнейшее отступление русской армии, Г. П. Мешетич подчеркивает, что «неприятелю каждый шаг был затруднителен и стоил крови». Он приводит примеры проявления патриотизма русского народа, рассказывает о начале партизанской борьбы крестьян, о сборе пожертвований на нужды армии и об организации ополчения.

Особо хотелось бы отметить описание Бородинской битвы, представляющее собою не только воспоминания одного из ее героев, но и яркий, образный рассказ о «сей кровопролитной битве», которую Г. П. Мешетич сравнивает с Куликовской. Этот рассказ, как нам представляется, займет достойное место в галерее многочисленных воспоминаний о Бородине.

Повествуя о подготовке 25 августа к генеральному сражению, Мешетич противопоставляет мертвую тишину в лагере русских, приготовившихся «к падению за Отечество», суматохе

* См.: *Раджицкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 1. С. 74—76; *Живов Н. А.* Из воспоминаний // *Русский архив.* 1873. № 7; *Граббе П. Х.* Указ. соч. С. 30; *Ермолов А. П.* Записки // *Русская старина.* 1912. № 7. С. 20.

** Этот рассказ дополняют «Записки» И. Ф. Паскевича, дневник В. Г. Пяткина, воспоминания А. Н. Раевского, В. И. Харкевича (1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников (далее: 1812 год в дневниках...)). Вып. 1. Вильна, 1900. С. 82—120; Вып. 2. Вильна, 1903. С. 174—175), воспоминания Н. И. Андреева (*Русский архив.* 1879. Кн. 3. № 10), П. Х. Граббе и Н. Е. Митаревского.

в лагере неприятеля, который «ночь провел в шумном веселии, увеличил огни»*.

Описание самого дня 26 августа, содержащееся в воспоминаниях Мешетича, можно разделить на две части:

1) Рассказ о начале сражения 26 августа, когда Мешетич в составе 11-й артиллерийской бригады 4-го пехотного корпуса находился на правом фланге русской армии, по берегу р. Колочи против села Нового (вторая батареинная рота была поставлена в укреплении между 11-й и 23-й пехотными дивизиями — см.: *Богданов Л. П.* Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении // 1812 год. М., 1962. С. 101), и не принимал непосредственного участия в боевых действиях.

Содержащееся в записках Мешетича описание начала битвы («с показанием на горизонте солнца, предвещавшего прекраснейший день...» и т. д.) перекликается с воспоминаниями других участников**.

Рассказывая об ожесточенных боях на левом фланге русской армии, Г. П. Мешетич обращает внимание на то, что начальник Главного штаба генерал Л. Л. Беннигсен, нарушив приказание главнокомандующего М. И. Кутузова, выдвинул вперед 3-й пехотный корпус генерала Н. А. Тучкова, который должен был находиться в засаде «для ударения неприятеля в тыл», вследствие чего его полки понесли «великую потерю убитыми и ранеными». Таким образом, выясняется, что в среде рядового офицерства было известно о произвольном действии Беннигсена гораздо раньше, чем об этом поведал Ф. Н. Глинка в «Очерках Бородинского сражения», опубликованных в 1838 г. (см.: 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников (далее: 1812 год в русской поэзии...)). М., 1987. С. 337—338), и чем об этом специально рассказал А. А. Щербинин, бывший свидетелем отданного Беннигсеном Тучкову «непростительного распоряжения». Первая ссылка на записки Щербинина относится к 1859 г.***

2) Описание боев за батарею Раевского, данное Г. П. Мешетичем уже как непосредственным их участником. Оно

* Подобный контраст между «расположением духа обеих сторон» отражен в записках А. Н. Муравьева — будущего декабриста, а в то время офицера арьергарда 1-й Западной армии (Декабристы: Новые материалы // Труды ОР ГБЛ. М., 1955. С. 190—196), В. И. Левенштерна, в 1812 г. адъютанта М. Б. Баркляя-де-Толли (Из записок генерала Левенштерна // Русская старина. 1900. № 12. С. 572—582), в «Очерках Бородинского сражения» Ф. Н. Глинки, «Записках о походе 1812 года» А. И. Михайловского-Данилевского (СПб., 1834. С. 414), публикуемых в настоящем сборнике воспоминаниях И. Р. Дрейлинга и др.

** См.: *Радожницкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 1. С. 135—139; *Ермолов А. П.* Записки. Ч. 1. М., 1865. С. 187—207; *Евреинов М. М.* Русский архив. 1874. № 1. С. 97—100; *Жиркевич И. С.* Русская старина. 1874. Т. 10 № 8. С. 653—655; *Бутурлин Д. П.* Русская старина. 1894. № 10. С. 204; *Сухошин Н.* Русская старина. 1912. № 2. С. 281—283, и др.

*** См.: *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. Т. 2. СПб., 1859. С. 152—153; Бородино... С. 395—397.

содержится как в «Исторических записках», так и в «Обзоре обоюдных военных действий», но хронологическая последовательность событий здесь несколько нарушена. Поэтому должную оценку этого места записок Мешетича можно дать только при восстановлении истинного хода событий и сопоставлении соответствующих страниц воспоминаний с официально-документальными материалами и записками других участников сражения.

В «Обзоре обоюдных военных действий» Г. П. Мешетич указывал на просчет Наполеона, считавшего, что после падения Багратионовых флешей «начнется ретирада»; по его мнению, «сражение тогда только началось, когда подошел правый фланг и центр армии». Как известно, в разгар битвы на защиту батареи Раевского был выдвинут 4-й пехотный корпус. Мешетич в составе 11-й пехотной дивизии находился на позиции «с левой стороны батареи, несколько позади горжи ее, в овраге» (Богданович М. И. Указ. соч. Т. 2. С. 211). Остермановский корпус сразу же оказался под жесточайшим «перекрестным огнем, который был... и с правой стороны, где действовала неприятельская артиллерия, направленная против этой батареи, и с левой стороны, откуда защитников батареи громили орудия, утвердившиеся на позициях, занятых французами после отхода русских» (Тарле Е. В. Бородино. М., 1962. С. 58). «Пушечная канонада,— писал Мешетич,— обоюдно начала усиливаться, батареи, выпустившие снаряды, сменялись свежими... Становится оглушающим гром артиллерии и ружей, тучи облаков густого порохового дыму, и, казалось, солнце в сумраке». Картины «оглушающего грома артиллерии», уничтожившей целые ряды пехоты, «густых облаков дыма», не позволявших «видеть вовсе неприятельских движений», рисовали другие участники битвы 26 августа, находившиеся в центре позиции*. Однополчанин Мешетича Радожицкий писал: «Это зрелище истребления людей столько поразило меня, что я не мог более смотреть и с сжатым сердцем отъехал к своим пушкам» (Радожицкий И. Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 135—159). Главнокомандующий 1-й Западной армией М. Б. Барклай-де-Толли вспоминал «ужасную канонаду, сбивавшую с места целые ряды... казалось, что Наполеон решил уничтожить нас артиллерией». В своем рапорте М. И. Кутузову он подчеркивал, что полки Остермана-Толстого выдержали «страшный огонь с удивительным мужеством» (Бородино... С. 334, 174). Этот драматический эпизод стояния частей русской армии под огнем неприятельской артиллерии вызывает в памяти строки бессмертного произведения Л. Н. Толстого «Война и мир»:

«Не сходя с этого места и не выпустив ни одного заряда, полк (Андрея Болконского) потерял здесь еще третью часть

* См.: Крейц К. А. Записки // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 72—74; Митаревский Н. Е. Указ. соч. С. 62; Раевский Н. Н. Бородино... С. 381.

своих людей. Спереди и в особенности с правой стороны в нерасходившемся дыму бубухали пушки, и из таинственной области дыма, застилавшей всю местность впереди, не переставая, с шипящим быстрым свистом вылетали ядра и медлительно свистевшие гранаты... и беспрестанно оттаскивали убитых и уносили раненых» (Ч. III. Гл. 59).

Г. П. Мешетич дает описание второй по счету атаки на батарею Раевского, вспоминая, как в II часов месторасположение батареи «вдруг покрылось множеством врассыпную конницы и в нескольких колоннах идущей из-за лесу их правого фланга пехоты» и французы, несмотря на значительные потери, ворвались на батарею. Это описание, данное очевидно, дополняет официальные известия Н. Н. Раевского (Бородино... С. 161) и М. И. Кутузова (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. I. М., 1954. С. 166). Описывая организовавшую А. П. Ермоловым и А. И. Кутайсовым знаменитую контратаку русских войск, которые вновь завладели батареей, отбросив противника от Курганной высоты с потерей свыше 3 тыс. человек, Мешетич подчеркивает, что французы, «заваливши трупами ров батареи, тут нашли свою смерть от картечных выстрелов и тучи пуль позади стоявших второй линии густых колонн с артиллериею». Эти воспоминания перекликаются со словами донесения Кутузова о том, что в результате ожесточенной схватки за батарею «неприятель был совершенно истреблен: вся высота и поле оной было покрыто неприятельскими телами» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. I. С. 166—167), с воспоминаниями самого А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского (см.: Бородино... С. 355, 381), а также И. Т. Радожницкого и Н. А. Дивова, в то время прапорщика лейб-гвардии артиллерийской бригады (Русский архив. 1873. № 7). Вызывает рассказ Мешетича о гибели при взятии батареи начальника русской артиллерии А. И. Кутайсова, которому автор записок давал исключительно высокую оценку.

Особый интерес представляет описание заключительного этапа борьбы за батарею Раевского, когда, как писал М. И. Кутузов, неприятель, «собрал большие силы во множестве пехоты и кавалерии, атаковал Курганную батарею» и после «наикровопролитнейшей битвы» овладел ею. Г. П. Мешетич обращает внимание на то, что батарея «понесла большую потерю в людях заколотыми и изрубленными, но оставила только один люнет», дополняя описание «последнего приступа» на батарею, данное другими участниками битвы. «Закипела сеча, общая, ожесточенная, беспорядочная, где все смешалось: пехота, конница и артиллерия», — вспоминал артиллерист П. Х. Граббе, адъютант А. П. Ермолова (Из памятных записок графа П. Х. Граббе. М., 1873. С. 80). «Сражение перешло в рукопашную схватку... люди дрались спереди, сзади; свои и враги смешались», — писал В. И. Левенштерн (Русская старина. 1900. № 12. С. 577). «...Обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками...» — вспоминал артиллерийский офицер Н. Любенков

(Рассказ о деле Бородинском. СПб., 1837. С. 48). «Ясные, желтые и стальные, гладкие и шершавые латы и шишаки зеркально сверкали двойным освещением: лучами солнца и красными пучками огня, вылетающими из жерл пушечных,— писал Ф. Н. Глинка.— Люнет с его холмом, на котором громоздились конники французские, казался вместе горою железною и горою огнедышащею... Это было уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо. Иззубренные палаши ломались в куски, пули сновались по воздуху и пронизывали насквозь!» (Очерки Бородинского сражения // 1812 год в русской поэзии... С. 380, 386). А вот что писал однополчанин Мешетича И. Т. Радожицкий — свидетель «этого кровопролитного приступа»: «Кавалерия наша мешалась с неприятельскою в жестокой сече: стрелялись, рубились и кололи друг друга со всех сторон»; неприятельская пехота «была опрокидываемая штыками русских в ров, который наполнялся трупами убитых; но свежие колонны заступали места разбитых и с новою яростию лезли умирать; наши с равным ожесточением встречали их и сами падали вместе с врагами. Наконец, французы с бешенством ворвались в люнет и кололи всех, кто им попадался... Груды тел лежали внутри и вне окопа; почти все храбрые защитники его пали» (Указ. соч. Ч. 1. С. 154). Обращает на себя внимание рассказ Г. П. Мешетича о гибели дивизии улан Рожнецкого «под пулями и штыками» защитников батареи.

Общую картину сражения вокруг батареи Раевского, данную в «Исторических записках», конкретизирует содержащийся в «Обзоре обоюдных военных действий» рассказ о действиях самого Мешетича с четырьмя орудиями во время нападения на Кексгольмский полк французской конницы, прорвавшейся в тыл пехотным дивизиям 4-го корпуса. Этот рассказ является ценным дополнением к героической истории борьбы на Курганной высоте.

Мешетич вспоминал о том, как французская кавалерия «попелась вихрем и напротив батареи в атаку... сдвинуты были даже с места линии пехоты, но она, устроившись в колонны, упорствовала, и прикрывавший батареи батальонов батальный огонь их останавливал». Сам он был «потребован с четырьмя батарейными орудиями к полку; добежавши на рысях, с правой стороны ударил картечью в конницу», которая бросилась назад. После этого Мешетич «начал действовать в их артиллерию, чтобы избавить пехоту от убыли в людях», и неприятельская артиллерия также «была конфужена». Свидетелем этого был Радожицкий, указывавший, что «французские кирасиры и уланы сделали нападение на пехоту 4-го корпуса, но... встреченные вне окопа нашою пехотою, были засыпаны пулями и прогнаны с большим уроном» (*Радожицкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 1. С. 150—151). Обстоятельную оценку «несомненного мужества» 4-го пехотного корпуса дал М. Б. Барклай-де-Толли в рапорте М. И. Кутузову и «Изображении военных действий»: «Всю свою наде-

жду полагал я на храбрую пехоту и артиллерию, сделавшихся в этот день бессмертными; обе исполнили мое ожидание, неприятель был приостановлен... Неприятельская конница, кирасиры и уланы повели атаку на пехоту 4-го корпуса, но сия бесподобная пехота, нимало не расстраиваясь», встретила французскую кавалерию «с удивительною твердостью, подпустила ее на 60 шагов», а потом открыла такой «сильный и деятельный огонь», что «неприятель был опрокинут и в большом расстройстве искал спасение свое в бегстве» (Бородино... С. 175).

На помощь русской пехоте из резервов устремилась конница. Как указывал М. Б. Барклай-де-Толли, «началась кавалерийская битва из числа упорнейших когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывали, потом строились они под покровительством артиллерии и пехоты, наконец, наша успела с помощью конной артиллерии в обращении неприятельской кавалерии в бегство. Она совершенно отступила от поля сражения» (Бородино... С. 335). Воспоминания Г. П. Мешетича позволяют проследить один из эпизодов этой битвы. Описывая, как «пронеслась бурею русская кавалерия, напала на французскую конницу» и преследовала ее так далеко, что «пехота неприятельских ближайших мест была вся встревожена», Мешетич имеет в виду тот критический для него момент сражения, когда на помощь ему устремились драгуны. Этот эпизод детализирует общую картину контратаки русской конницы на одном из участков сражения у Курганной высоты, известную по другим источникам. Так, Радожицкий писал о том, что «гусары и уланы преследовали французскую кавалерию до неприятельской пехоты» (*Радожицкий И. Т. Указ. соч. Ч. 1*). Об «отличном мужестве» русской конницы в преследовании неприятельской кавалерии свидетельствуют Ермолов, Барклай-де-Толли, командир резервной кавалерии Ф. К. Корф (Бородино... С. 356, 175, 159—160). Наконец, М. И. Кутузов указывал в рапорте Александру I, что, когда «храбрая пехота» 4-го корпуса отбила натиск неприятельской конницы, «несколько полков 2-го кавалерийского корпуса, преследовав бегущего неприятеля, гнали до самой пехоты. Псковский драгунский полк под командою полковника Засса врубился в неприятельскую пехоту; адъютант его высочества полковник князь Кудашев довершил истребление другой неприятельской колонны, подскакав с четырьмя орудиями гвардейской конной артиллерии...» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. I. С. 167—168).

Г. П. Мешетич отмечал, что, завладев батареей Раевского «ценою стольких крови и настойчивости», неприятель «линейной позиции не воспользовался и начал сам ослабевать в атаках». Это — чрезвычайно важное свидетельство участника сражения у Курганной высоты, понимавшего, что захват главного опорного пункта не означал прорыва русского фронта и ничего по сути дела не дал французам. Как артиллерийский офицер, Мешетич обратил внимание на разгоревшееся после падения батареи с новой силой артиллерийское сражение, когда пушки

с обеих сторон «обоюдно безумолчно перестреливались и поражали одни других, также пехоту и конницу». М. Б. Барклай-де-Толли, Д. Н. Болговский, И. Т. Радожицкий также указывали на то, что «канонада продолжалась до самой ночи, но большей частью с нашей стороны и к незначительному урону неприятеля; а неприятельская артиллерия, будучи совершенно сбита, даже совсем умолкла к вечеру», чем французы как бы «признавались в бессилии» и отказывались «от надежды нас победить»*. Ф. Н. Глинка посвятил специальную главу «Очерков Бородинского сражения» доказательству того, что «схватки, и схватки сильные, происходили на линии уже на исходе дня» (цит. по: 1812 год в русской поэзии... С. 345—348). М. И. Кутузов писал в своем рапорте, что после падения батареи Раевского русские войска «заняли высоту, близ кургана лежащую, где, поставив сильные батареи, открыли ужасный огонь на неприятеля. Жестокая канонада с обеих сторон продолжалась до глубокой ночи. Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю целными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 1. С. 168).

Таким образом, воспоминания Г. П. Мешетича не только уточняют отдельные эпизоды Бородинской битвы, но и показывают роль артиллерии 4-го пехотного корпуса в защите батареи Раевского, свидетельствуют о личном мужестве русских артиллеристов, их тактической подготовке и прекрасной выучке, об успешном взаимодействии артиллерии с другими родами войск — пехотой и кавалерией.

Патетическое описание Бородинского поля после окончания битвы, данное Г. П. Мешетичем, близко по силе эмоционального воздействия к «Очеркам Бородинского сражения» Ф. Н. Глинка. Мешетич подчеркивает мужество и героизм русских воинов в сражении при Бородине, высоко оценивает руководство войсками М. И. Кутузовым, который, как указывалось в «Обзоре обоюдных военных действий», при Бородине показал «искусство, как в деле малыми частями противостоят большому массам». Здесь можно отметить определенное влияние на него первого печатного известия о Бородинской битве — рапорта Кутузова Александру I, опубликованного в искаженном виде в «Прибавлении к С.-Петербургским ведомостям» от 3 сентября 1812 г. **

Г. П. Мешетич исключительно высоко оценивает совершенный по плану и под руководством М. И. Кутузова Тарутинский марш-маневр русской армии, считая его «памятником на целые тысячелетия». Из описаний конкретных боевых действий особо

* Бородино... С. 176; Из воспоминаний Д. Н. Болговского: Замечание на Бородино // Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 227—228; Радожицкий И. Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 152.

** См.: М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 1. С. 154; Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 96—119.

следует выделить рассказ о действиях русской артиллерии против французской кавалерии при Спас-Купле, дополняющий немногочисленные воспоминания об этом бое*. В «Обзоре обоюдных военных действий» Мешетич указывает на большую роль в судьбе кампании 1812 г. Тарутинского сражения, последствием которого явилось «разбитие неприятеля под Малым Ярославцем, довершение его истребления при ретираде». Содержащееся в «Исторических записках» описание ночного нападения 6 октября русских батарей на французские биваки дано глазами участника этой боевой операции и дополняет воспоминания о Тарутине других участников боя**. Рассказ Г. П. Мешетича о действии артиллерии в сражении при Малоярославце можно поставить в один ряд с воспоминаниями других артиллерийских офицеров***.

Данная в «Исторических записках» образная картина бегства наполеоновской армии из России займет достойное место среди многочисленных памятников русской и французской мемуаристики. Собственные впечатления Г. П. Мешетич дополняет перефразированными фрагментами из армейских агитационных изданий. Автор «Исторических записок» особо подчеркивает роль русского народа в разгроме наполеоновской армии в России, в недрах которой, как он писал свыше 170 лет назад, «скрываются невидимые силы».

Значительная часть воспоминаний Г. П. Мешетича посвящена заграничным походам русской армии 1813—1814 гг., которые автор рассматривал как прямое продолжение Отечественной войны. Мешетич описывал не только ход военных операций, но и города, через которые проходили русские войска, памятники архитектуры и достопримечательности природы, быт и нравы населения Польши, Германии и Франции (особо следует выделить красочное описание немецкого города Касселя). Он обратил внимание на бедственное положение польской деревни, «угнетенной частыми воинскими наборами, разными поборами и поработенной иноземными правителями», на нищету французских крестьян, о чем писали

* См.: *Радожницкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 1. С. 217—226; *Орлов-Денисов В. В.* Из воспоминаний // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках. Вып. 1. С. 224—225; *Ермолов А. П.* Кутузов в 1812 году // *Русская старина.* 1894. № 10. С. 219—220; *Маевский С. И.* Мой век, или История генерала Маевского // *Русская старина.* 1873. № 8. С. 145—148.

** См.: *Жиркевич И. С.* Русская старина. 1874. Т. 10. № 8. С. 656—657; *Голицын А. Б.* Военный сборник. 1910. № 2. С. 30—33; *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 228—229; *Сухашин Н.* Русская старина. 1912. № 3. С. 485; *Еврейнов М. М.* Русский архив. 1874. № 1; *Левешитери В. И.* Русская старина. 1901. № 1. С. 116—119; *Дуриново Н. Д.* Знамя. 1987 № 8. С. 176—177, и др.

*** См.: *Митаревский Н. Е.* Указ. соч. С. 125; *Габбе П. X.* Указ. соч. С. 109—111; *Радожницкий И. Т.* Указ. соч. С. 227—228; *Козен П. А.* Из воспоминаний // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках... Вып. 2. С. 214—225.

и некоторые другие русские участники похода 1814 г. Рассказывая о вступлении русских войск на территорию Пруссии, Мешетич подчеркивал, что немецкий народ встречал их «с радостными лицами», считая «своими друзьями и извавителями от французских войск»*.

Особенно обстоятельно останавливается Г. П. Мешетич на военных действиях начиная с середины апреля 1813 г. Он подробно рассказывает о Люценском и Бауценском сражениях, закончившихся поражением союзных войск и «их всеобщим отступлением с быстрым преследованием неприятеля». Автор «Исторических записок» правильно оценивал основные причины военных неудач в весенней кампании 1813 г., указывая, в частности, на то, что «русские войска, безостановочно преследуя неприятеля... от частых боев и походу имели великую убыль в людях» и были отдалены от резервов, а также на тяжелые последствия для союзных армий смерти М. И. Кутузова, предостерегавшего против неоправданного движения вперед. Он прямо писал об ошибках при подготовке к Люценскому сражению нового главнокомандующего союзными армиями П. Х. Витгенштейна, не называя его по имени, — важно учитывать, что в момент написания записок Витгенштейн был жив и командовал 2-й русской армией. Собственно, подобные же мысли проводились и в дневнике А. И. Михайловского-Данилевского, который писал 29 апреля (11 мая) 1813 г. о Кутузове: «...будь он жив, нам бы не пришлось отступать 200 верст от Люцена» (Бумаги Щукина. Ч. VII. С. 297). Сопоставление воспоминаний Г. П. Мешетича с воспоминаниями другого офицера арьергарда М. А. Милорадовича — И. Т. Радожицкого (Указ. соч. Ч. 2. С. 88—111), с публикуемыми в настоящем сборнике мемуарами М. М. Петрова, а также с записками В. И. Левенштерна (Русская старина. 1901. № 4. С. 171—195) и И. С. Жиркевича (Русская старина. 1874. № 11. С. 421—426) позволяет нарисовать картину поспешного отступления союзных войск, осветить эпизоды арьергардных боев, в том числе при переправе через Эльбу.

В повествовании Г. П. Мешетича об осенней кампании 1813 г. следует отметить рассказ о сражении при Кацбахе, который дополнял «Описание сражения при Кацбахе» А. Ф. Ланжерона, опубликованное в 1817 г. в «Военном журнале» (Кн. III. С. 59—63), за год до написания «Исторических записок». Весьма ценны воспоминания Г. П. Мешетича о Лейпцигской «битве народов» ввиду немногочисленности воспоминаний русских офицеров, особенно о решающих днях сражения —

* Подобные же впечатления отразились в записках И. И. Лажечникова (Походные записки русского офицера. СПб., 1820. С. 88—91), Н. Н. Муравьева-Карского (Русский архив. 1885. № 12. С. 453—469), В. С. Норова (Записки о походах 1812 и 1813 годов. Ч. 2. СПб., 1834. С. 12), Н. Свечина (Из дневников русского офицера о заграничном походе 1813 г.//Русский архив. 1900. № 7. С. 286), И. С. Жиркевича (Русская старина. 1874. Т. 8. № 11. С. 417).

6—7 октября*. Следует выделить рассказ Мешетича об ожесточенном артиллерийском сражении при начале генерального наступления союзников на Лейпциг, о кровопролитном сражении за деревню Шенфельд и описание штурма города, данное глазами офицера, находившегося в самом пекле битвы.

Воспоминания Г. П. Мешетича о походе во Францию можно сопоставить с другими воспоминаниями**. Следует отметить, что незадолго до написания «Исторических записок» Г. П. Мешетича в «Военном журнале» (1817, № 9, С. 32—50) появились записки Н. Б. Голицына «Сражение при Реймсе. Последние дни жизни графа Эммануила Сен-При». Это могло побудить Мешетича включить в свои записки воспоминания о трагическом эпизоде кампании 1814 г. — о неожиданном нападении в Реймсе на русские и прусские войска авангарда французской армии и гибели Э. Ф. Сен-При. Несомненный интерес представляет и описание Г. П. Мешетичем обороны крепости Витри, пятидесятичный гарнизон которой защищался против значительно превосходящих численно, отборных французских войск. Этот один из заключительных актов кампании 1814 г. практически не освещен в воспоминаниях участников заграничных походов.

Специальный раздел воспоминаний Г. П. Мешетича посвящен знаменитому партизану А. С. Фигнеру, «герою, подававшему великую надежду на себя России». Сравнивая эти воспоминания по времени их создания, следует подчеркнуть, что Мешетич одним из первых — и независимо от других мемуаристов*** — рассказал о партизанской деятельности Фигнера в 1812 г. и его трагической гибели в 1813 г. при переправе через Эльбу. Как явствует из текста записок, он был лично знаком с Фигнером, служил с ним вместе в июне — августе 1812 г. в 11-й артиллерийской бригаде, хотя особой близости между ними — как, например, между Фигнером и Радожицким — не было.

Воспоминания Г. П. Мешетича представляют собой не просто хронику военных событий 1812—1814 гг., их можно считать

* См.: *Радожицкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 2. С. 254—283; *Михайловский-Данилевский А. И.* Записки о походе 1813 года. СПб., 1834. С. 401—432; *Муравьев-Карский Н. Н.* Записки // Русский архив. 1886. № 11. С. 43—47; *Зайцев А.* Воспоминания о походах 1812 года. М., 1834.

** См.: «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова (М., 1836); «Записки генерала Каховского о походе во Францию в 1814 году» (Русская старина. 1914. № 2. С. 444—462; № 3. С. 676—685); записки И. С. Жиркевича (Русская старина. 1874. Т. 8. № 11. С. 411—450) и Н. П. Ковальского (Русский вестник. 1871. С. 78—118).

*** См.: *Радожицкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 1. С. 125—166; *Бискупский К. А.* // Бумаги Щукина. Ч. VII. С. 293—344; *Ермолов А. П.* Записки. Ч. 1. М., 1865; *Жиркевич И. С.* Русская старина. 1875. Т. 13. № 8. С. 655—656; *Неведомский Н.* Последнее сражение Фигнера: Отрывок из истории партизан // Русский инвалид. 1838. № 91—99; *Давыдов Д. В.* Воспоминания о А. С. Фигнере в форме письма М. Н. Загоскину от 6 марта 1830 г. // Русская старина. 1887. № 12. С. 696—699; *Дневник партизанских действий* // *Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 356—370.

художественным произведением, которое написано образно, хотя и несколько архаичным языком. Их автор, офицер-артиллерист, по горячим следам пытается осмыслить сущность и историческое значение крупнейших сражений Отечественной войны и заграничных походов русской армии. Эти воспоминания относятся к начальному периоду русской мемуаристики 1812 г. Как указывает А. Г. Тартаковский, «мемуаристика, как и вся русская общественная мысль той эпохи, была охвачена пафосом борьбы с наполеоновским нашествием» (*Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 181*). «Исторические записки» Мещетича по праву займут место в одном ряду с «Письмами русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Записками» В. И. Штейнгейля, воспоминаниями А. И. Михайловского-Данилевского и первыми трудами по истории войны 1812 г., вышедшими в свет в то десятилетие.

Г. П. Мешетич

Исторические записки
войны россиян с французами
и двадцатью племенами 1812,
1813, 1814 и 1815 годов.
1818 г.

Долгом для себя поставляю уведомить, что упоминаемые здесь военные происшествия, так же и описания заграничных мест, есть истинные, в которых я, в то время служа государю и отечеству, лично находился, исключая верного исторического описания сражения под м[естечком] Ватерлоо, которое входит в состав второго похода россиян во Францию. Относительно же некоторых обстоятельств императора Франции и сношение его с российским двором также есть истинные и взяты в Истории.

Г. М.

Подвиги императора Франции Наполеона Бонапарте¹ и военная его слава есть чрезвычайное происшествие в мире! По невеликому его происхождению, не будучи предопределен по природе царствовать, он в воспитании своем видел одну только военную славу, и так все его способности получили развитие искусного полководца. Но судьба его возвела, кажется, дабы показать разительный пример непостоянства счастья человеческого чрез нескончаемые желания к самодовольству человека до степени могущественного и великого императора, не менее и для событий на земле, чтобы видеть тщету успокоения и ненадежности жизни людей, ибо по мере его возвышения во Франции Европа лишалась своей свободы и спокойствия. Кровь человеческая полилась рекою, разорение целых государств и провинций последовало войною. Так, покорение народов и царств

был его девиз и соответствовавший его гению! В его время одни державы падали, цари слезы лили, другие королевства возникали и с верноподданных возводились королями. Он сам упоминает после в своих записках на острове Елены², что он не родился государем, чтобы вяло царствовать, а заслужил так и решился поддержать себя покорением всех тех, кои не желали признать его императором, ибо недоставало только не заслуг его, оные Франция оценила, а он не имел породы, ни царской крови, следовательно, и не надеялся приобрести дружбу тех династий, кои в то время царствовали в Европе, но, покоривши оных, не желал их ожесточать лишением престолов; оставался доволен одним их повиновением, считая их, что в знак благодарности останутся ему верными; но это была большая ошибка его! Ими покуда страх обладал его могущества, до того времени и оставались ему верными. Императора России Александра³ он полюбил, но, взвесивши его и силы империи, предположил также и Россию покорить.

Будучи уже почти целой Европы властелином, его владычеству и величию ничего более недоставало, как наслаждаться оным в совершенном спокойствии. Франция, возведенная им на степень могущественнейшей империи в Европе, оставалась им довольна и привязана к нему была; пожелал оставить свой престол потомству, недоставало наследника, ибо был с первою его супругою⁴ бездетен,—воспоследовал развод с оною и искание руки российской великой княжны Екатерины Павловны⁵; ежели бы на сие последовало согласие российского двора и ежели бы закон греко-русской веры допускал оное, конечно, перевороты велики могли быть к покорению еще некоторых государств, уже вне Европы, но последовал отказ в невесте, и он сочетался с австрийскою императорскою дочерью и был щастлив наследником⁶.

Питая некое мщение к российскому двору и видевши также в России соперницу такого рода, коих в Европе две существовать не могут и перевес возьмет которая-нибудь одна, и в сем случае он имел перевес. Тильзитский мир⁷ весьма был выгоден для Франции. Россия, будучи вовлечена им в войну с Швециею, с Англиею, в одно почти время с Турциею⁸, ослабленная военными силами и прекращением свободной торговли, требовала большего отдохновения. Но Наполеон, не допустивши еще окончить войну с Турциею, предьявля некоторые претензии к им-

ператору Александру относительно политических дел в Германии и торговли России, без объявления войны двинул несметные силы военные почти всей Европы, двадцати языков, к границам России. Сам же, прибывши в г[ород] Дрезден, будучи окружен императором Австрии⁹, королем прусским¹⁰ и германскими принцами и своим двором, положил решительно покорить Россию и назначал пришедшее время падения оной и ее столицы. Наконец, в числе шестисот тысяч¹¹ вторгся в пределы одного государства. Так и приспело смутное время, приспело горе великое для народа России! Где взять силы? где взять столько войск, чтобы победить так[ое] величайшее воинство, не только по множеству, но и по опытности оных; полководец их, величайший в мире, победил уже с ними несколько государств; печаль и скорбь была великая России. Дворянство спешит к своему усердию и службе, духовенство — к своим мольбам к Богу — единой надежде, единому поборнику на врагов. Император же России, будучи стеснен весьма малочисленностию своих войск, неимением даже огнестрельного оружия для своей милиции¹², не мог противиться такой величайшей силе, был чувствительного сердца, не желал войны! Просит мира у своего врага, посылает к нему в г[ород] Вильно своего генерал-адъютанта¹³ с письмом; но император Франции не соглашался ни на какие переговоры и кондиции, дал ответ в коротких словах: «Ваш государь пристаёт с ножом к горлу». Он уже вступил к совершенному покорению России и следовал без всякой препоны внутрь империи. Вид его воинства был страшнейший, броня одного блестящая и грозная, зад некоторых конных полков от верху шишака до поясницы был прикрыт длинными волосяными польмажами¹⁴, орудие тяжкое и ужасное, удары его были жестки, величина одного далеко превосходила российское оружие; так все места шествия сих войск вдруг соделались несчастною пустынею, грабежи и неистовства воинов ничего не упустили из виду, что могло оставить память самую погибельную для народа; окончив пределы Польши, они еще более в России означали свой путь уже кровно, истребляя огнем и последнее достояние поселян — хижины.

Войска российские, будучи расположены по обширным границам и провинциям своего государства, для соединения своих частей должны были отступать безостановочно. Малочисленность их против многолюдства неприятеля не позволяла и думать, чтобы вступить

в явный бой на границах империи, ибо еще часть оных была в войне с Турциею. Российские маленькие корпуса, отступая, соединялись благополучно; пройдя Свенцяны над Дриссою¹⁵, решались в укреплениях сделать некоторой отпор, но неприятель пошел другою дорогою в обход; пройдя Полоцк, оставили корпус войск под командою генерала от кавалерии графа Витгенштейна¹⁶ для прикрытия С.-Петербургской дороги, остальные корпуса имели направление к г[ороду] Витебску, здесь был сделан трехдневный отдых¹⁷; в сие время было получено радостное известие в армии о заключении мира с Турциею¹⁸, а по сему случаю принесено было благодарственное молебствие при выстрелах с артиллерии.

Войска Наполеона также следовали к г[ороду] Витебску, и авангард их в числе 70 тысяч, большею частию кавалерии¹⁹, 13 июля остановился под м[естечком] Островно; от армии россиян был послан небольшой отряд для открытия неприятеля под командою генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого²⁰. По диспозиции маршевой впереди шли 2 эскадрона лейб-гусар, за ними — конная батарея, два полка пехоты и один егерской, пешая полубатарея и стороною полк драгун; войдя в густой лес по обеим сторонам дороги, нашли в оном корчму, ночью разбитую французами, и, по показанию хозяина, неприятель только в 4 верстах; кажется бы, начальнику отряда по случаю лесистого дефиля²¹ следовало выпустить стрелков, удалив кавалерию, но сего не было сделано; лейб-гусары, завидя передовые посты неприятеля в лесу, погнались за ними и встречены спешившимися шассерами²² по обеим сторонам дороги пулями; проскочивши оных, за лесом во множестве неприятельской конницы сих храбрых неосторожных сонм исчез, как капля во множестве воды; скакавшая за ними конная батарея г[осподина] подполковника Кандыбы²³, не будучи никем остановлена, подверглась рубке оной, не сделавши и выстрела; едва шесть орудий пробилось, а шесть взяты в плен²⁴. Подошедшая пехота с нешею большого калибра полубатареею оттеснили конницу назад, но с этим вместе множество неприятельских орудий открыли огонь, пешая полубатарея долго противилась неприятелю, но приведена была в совершенное расстройство потерею людей и лошадей, часть орудий была подбита, командир оной г[осподин] подполковник Котляров²⁵ и в одно же время два генерала — командиры полков также были убиты²⁶.

В сие время выведен был один батальон пехоты из кустов, множество неприятельских орудий устремилось на него ядрами, целые ряды жестоко вырывались из фронта; когда было доложено графу Остерману-Толстому* о напрасной убыли и потере людей, он, под березой стоя, нюхая табак, сказал: «Стоять и умирать»²⁷. Хороша смерть со славою, когда она полезна, сбережение людей в оное время нужнее было, батальон, прикрывшийся кустами, сделал бы сильный отпор с потерею немалою в рядах неприятельских. Но в подкрепление оному подошла легкая батарея²⁹ и, действуя не на далеком расстоянии сильным огнем неустрашимо, подверглась сначала огню втрое большего количества неприятельской артиллерии, потом сильной атаке кавалерии, расстроилась также потерею людей, всех почти офицеров ранеными и в плен взятыми. Но пехота, прикрывшись в кустах, удерживала неприятеля до вечера, и он шагу не мог сделать вперед; наконец решился выпустить множество стрелков в кусты, но удерживался сильно нашими стрелками. Ночь нападение их прекратила и упорную защиту россиян от 9 часов утра и до позднего вечера. Отряд русской состоял не свыше как шести тысяч весь и понес значительный урон, около половины убитыми и ранеными и в плен взятыми³⁰.

От сего уже места войска россиян отступали медленно, неся почти на раменах³¹ неприятеля, удерживали его стремление; не проходило того дня, в которой не слышно б было грома артиллерии, останавливавшей его. Россияне достигают г[орода] Смоленска, и здесь воспоследовало последнее благополучное соединение 1-й армии со второю под командою генерала от инфантерии князя Багратиона³².

Подходит также 5-го августа³³ и неприятель к г[ороду] Смоленску с несметными силами и со всеми ужасами войны. Впереди города, за несколько верст, стояла дивизия пехоты под командою генерал-лейтенанта Раевского³⁴; вдруг будучи атакована множеством кавалерии, почти пробиваючись, отступила. Сей именитый вождь имел в сих же войсках своих двух сынов, приказал им

* Флегматический нрав одного начальника нам всем известен был; в подкомандуемой им артиллерии он имел двух бригадных командиров по фамилиям: одного — Гулевич²⁸, а другого — Малеев и оных иначе не называл, как Гулевича — Малеевым, а Малеева — Гулевичем при всех частых с ними свиданиях (*Примеч. авт.*).

со знаменами выйти вперед и, взявши в свои руки у одного знамя, скомандовал: «Вперед, я и дети мои с вами»³⁵ — и, соединясь с подкреплением, пришедшим из города, держался еще несколько часов; но перед вечером возвратилась 1-я армия из маневра против одного корпуса французов³⁶, шедшего на г[ород] Поречье, выслала несколько колонн пехоты с артиллериею на валы города и в стены Смоленска. Неприятель, приближаясь к оному под довольным количеством артиллерии русской, повел атаку также своею артиллериею, сблизив и пехоту к оному; так и ночь настигла³⁷. На другой день, сблизясь еще более к городу, повел атаку стрелками; с полудня русские войска, имея в виду еще переправу чрез реку Днепр, начали уступать неприятелю валы города, наконец, стены и город, под которым пало врагов до 10 тысяч³⁸. Россияне, переправясь чрез р[еку] Днепр³⁹, стали на возвышенном месте перед городом, с которого картина Смоленска была чрезвычайно трогательна, печальна и разительна; неприятель открыл сильную канонаду множества батарей по городу, пожар разлился по оному во всех почти улицах и по форштадту⁴⁰; жители, не находя уже убежища, гонимые ужасом и страхом идущих к ним французов, выходили толпами из города, целыми семействами, в отчаянии, в слезах горьких, с младенцами на руках, малолетние дети подле них рыдали громко, мужчины и женщины некоторые были уже ранены. Потом последовал вынос чудовной Божией Матери Смоленской и за ней следом — разрушение моста чрез реку. Неприятель в больших густых колоннах начал вступать в город, барабанный бой, игранье музыки и беспрестанный крик «Виват император Наполеон!» оглушали воздух, и изредка пальба русских в город по врагам из пушек увеличивала ужас сей картины. Вдруг распространился слух в ближайшей частичке русских войск к городу, что Наполеон въехал в оный и остановился в каменном двухэтажном генерал-губернатора Апраксина⁴¹ доме, который только чрез реку был на пушечный выстрел; в сумраке вечера два орудия, подойдя ближе, против оного бросили несколько гранат в оный, но увидели только распространившийся пожар более.

Российские войска 7-го числа августа от развалин и пеплу г[орода] Смоленска отступили и продолжали идти по дороге, ведущей к древней столице Москве, и неприятелю каждый шаг за ними был затруднителен и стоил крови. Кроме частых авангардных перестрелок

он во всех местах на пути находил города и деревни оставленными жителями, кои с собою забирали съестные припасы и имущество; чего не могли забрать, то истребляли сами с сими словами: «Пускай не достается врагу нашему». Некоторые удалялись в города, позади лежащие, а другие скрывались в лесах со своими семействами, вооруженные пиками и ружьями, и по мере нападения защищались. В сие время в войска российские прибыл герой, прославивший себя своею доблестию в отдаленных странах Европы,— князь Голенищев-Кутузов⁴² и принял главное начальство в армии.

Уже воззвание раздалось в отдаленных странах России: «За царя и веру, против врага, восставшего на землю Русскую!»⁴³ Уже бояре, дворянство и народ волнуются слухами о приближении неприятеля к древней столице; народ восклицает: «Умрем за царя и веру, но не пустим опустошить землю отцов наших и разорять храмы божии!» Полились реками пожертвования, переделываются земледельческие орудия на смертоносное оружие, вооружаются ополчения и отправляются против врагов своей земли, и к армии от Москвы милиции прибыло до 50 тысяч⁴⁴. Но по распоряжению начальства она, по неимению огнестрельного оружия, вся оставлена для выносу и призрения раненых, а после вся поступила в ряды армии на убылые места.

Между воинами русскими часто были слышны разговоры: «Долго ли нам идти все назад, лучше остановиться, поразить врага или положить свой живот за отечество!» Наконец приспевает желанный час, армия останавливается в 7 верстах от г[орода] Можайска, при деревне Бородино! Позиция при оном имела несколько наскоро устроенных полевых укреплений, впереди оных мелкую речку Бородинку⁴⁵, правый фланг армии прикрывал высокий крутой берег оной реки, но от центра к левому флангу находились только одни пологие возвышения, впереди оных — зеленая поляна и на пушечный выстрел — лес.

Августа 24-го является к оной позиции и неприятель, делает нападение тотчас на авангард армии, стоявший против левого фланга, и, потерявши два орудия конной артиллерии, захваченные казаками, тотчас заметил решимость русских на мужественное сопротивление⁴⁶; усиливши свой авангард, подходит к позиции левого фланга русских, воспользовался лесом, прикрыл им свой левый фланг и, введши в оный батальоны егерей, на конце леса

против центра нашей армии окопал маленькую батарею, а чрез нее после в сражении действовавшая не в малом количестве его артиллерия не имела никаких видимых прикрытий.

На другой день, т. е. 25 августа, император Наполеон, в большой массе штаба и генералов, сделал рекогносцировку, осмотрел положение русского стана. Неприятельских войск атакующих, как показывали пленные, было 170 тысяч да в резерве в 30 верстах 20 тысяч. Российских же войск, как известно, было накануне сражения и грудью стало 100 тысяч *⁴⁷. Россияне начали готовиться к падению за Отечество молитвою, утро было проведено в церковной палатке, поставленной в центре армии, в слушании литургии и в знаменовании в чудовный образ Божией Матери Смоленской, привезенной армиею с собою из Смоленска, и почти до вечера входило к ней на поклонение все воинство. Неприятель этот день провел в некоей суматохе, колонны с артиллериею переходили с места на место, стрелки то открывали огонь, то стихали, вообще заметно было некое волнение; с вечера почти и всю ночь провел в шумном веселии и кликах, увеличил огни и на левом их фланге выставил даже ярко пылающий маяк. Русской же стан ночь покрыла мертвою тишиною, даже огней подле их бивак видно не было.

Пробуждение же в день 26 августа 1812 года пребудет надолго в памяти каждого русского воина, участвовавшего в сей кровопролитнейшей битве. С показанием на горизонте солнца, предвещавшего прекраснейший день, показались из лесу ужаснейшие колонны неприятельской кавалерии, чернеющиеся, подобно тучам, подходящим к нашему левому флангу, и из оных вдруг близ, как молния за молниею, одна за другою и с громом посыпались ядра градом на стан русской; палатки, еще в некоторых местах стоявшие, как вихрем, ядрами оными были сняты, и кто в них покоился еще, тот заснул и вечным сном. Вставай, Русс! — смерть подошедшая будит и враг бодрствует! Стряхнулс я наш левый фланг, уже Багратион давно на коне, и за клубился дым его батарей, и загрохотали, загремели почти залпы в неприятеля, но велик числом оный ⁴⁹, все увеличивает свои батареи и наступает

* В количестве войск некоторые показывают русских болсе, но я говорю, исключая милицию, не бывшую в деле, но гвардию в счету, хотя также в сражении не бывшую; французская гвардия также в деле не была, имя в центре самого Наполеона ⁴⁸ (Примеч. авт.).

ближе; уже храбрый Тучков⁵⁰ сворачивает свои дивизии в колонны, чтоб дать верный отпор пулями в кавалерию, но смерть неумолима, почти везде двойное количество неприятеля губит целые ряды пехоты и расстраивается артиллерия. Неприятель все более настукает в колоннах пехоты; так славившийся своею мудростию и храбростию главнокомандующий и командующий левым флангом князь Багратион пал; за ним и корпусный его командир генерал-лейтенант Тучков пал. На самом левом фланге поставленный отряд для прикрытия Старой Московской дороги⁵¹, для ударения неприятеля в тыл в случае шествия его по оной дороге, не будучи скрыт, как приказано было от главнокомандующего, в кустах и за пригорками, будучи генералом Беннигсеном⁵² выведен вперед, полки понесли великую потерю в людях убитыми и ранеными. Неприятель начинает атаковать первую батарею⁵³ и, наполнив наши рвы трупами и понесши великую потерю от картечных выстрелов и от сзади стоящих прикрытий пехоты, завладел люнетом⁵⁴ оной, но артиллерия сошла⁵⁵. Не вдруг был сильный отпор, армия стояла в боевом порядке фронтом в три линии, растянувшись версты на четыре и в неизвестности, которая часть будет совершенно атакована! Но орел русской парит над Кутузовым! Быстрее молнии полетели гонцы на правой фланг и центр армии, и неприятель увидел скачущую на рысях артиллерию и нашел для себя сильнейший погибельный огонь оной. Наполеон сказал: «Кутузов — старой воробей, его мякиной не обманешь, дивизию кавалерии и пехоты послать взять его вторую батарею»⁵⁶. Смысл оной был открыт, оная понесла большую потерю в людях заколотыми и изрубленными, но оставила один только люнет.

Кавалерия французская понеслась вихрем и напротив батареи в атаку и, как казалось, учинила блестящую. Император Наполеон восхитился оною, сказал: «Они поехали, поехали! Подайте кресты!» Сдвинуты были даже с места линии пехоты, но оная, устроившись в колонны, упорствовала, и прикрывавших батареи батальонов батальный огонь их останавливал; в добавление уже слышен шум и звук оружия — это пронеслась бурей русская кавалерия, напала на французскую конницу, и успех их атаки кончился, они все враспыленную назад, не завладевши артиллериею, и с немалою потериею возвратились⁵⁷.

Пушечная канонада обоюдно начала усиливаться; батареи, выпустивши все заряды, сменялись свежими, нако-

нец, и корпуса наши с правого фланга и центра в густых колоннах тихими шагами в безмолвии подвинулись к левому флангу, неприятельская пехота во множестве колонн подходит также. Становится оглушающим гром артиллерий и ружей, тучи облаков густого порохового дыму взносятся в воздух, и, казалось, солнце в сумраке. В одиннадцать часов одно возвышенное место, где поставлена была одна значительная российская батарея⁵⁸, [которая] имела выгоду действовать весьма удачно по равнине по атакующим, вдруг покрылась несметным множеством врассыпную конницы и в нескольких колоннах идущей из-за лесу их правого фланга пехотою, и с этим вместе оное место облеклось облаками густого порохового дыму, сверканием огней, блеском разного оружия, и слышны поминутные крики «Ура!» и «Виват император Наполеон!». Уже французская конница на батарее — летит на помощь оной юной герой, уже известный своею доблестию, доброю душою и умом, начальник артиллерии в звании генерал-майор граф Кутайсов⁵⁹, схватил ближайший полк кавалерии — «Вперед, в атаку, защитит свою батарею!». Увы! защитил, но не остановил порыва бегу своей лошади, не оглянулся, далеко ли от него позади полк, померк в очах его сей свет, множество посыпалось на него сабельных неприятельских ударов, лошадь его одна назад только возвратилась; он имел уже Георгия 3-й ст[епени] на шее, и дух его отлетел для украшения небесными лаврами. Французы же, заваливши трупами ров батареи, тут нашли свою смерть от картечных выстрелов и тучи пуль позади стоявших второй линии густых колонн с артиллериею⁶⁰. Дивизионный их начальник, будучи окружен одними трупами своих войск, среди оных был взят в плен, не могший завладеть артиллериею*. В подкрепление первым двинулась с места храбрейшая дивизия польская⁶², смело вошла на батарею, но уже поздно: передние были павши, и полками третьего корпуса, бывши ударена в тыл пулями и штыками, вся погибла. Неприятель, видя все свои покушения и предприятия тщетными завладеть батареями, хотя был на оных, но линиею позиции не воспользовался, начал ослабевать и сам в атаках. Россияне, видя оное, собрав всю

* Дивизионный оный генерал, видевший гренадера, хотевшего заколоть его штыком, назвал себя королем; он, взявши его за шиворот, и привел к главнокомандующему, за что тут же получил Георгиевский крест⁶¹ (Примеч. авт.).

резервную кавалерию в числе до 15 тысяч⁶³, показались в атакующем строю против неприятельского правого фланга; конная артиллерия, выбежав быстро, атаковала оный фланг, но густой лес, прикрывавший в оном месте французов, препятствовал успеху. Но пехота неприятельских ближайших мест была вся встревожена, тотчас свернувшись в густые кареи; начальники оных во мгновение ока вскочили в средину оных и в сей осторожности простояли долго. Артиллерия же обоюдно безумолчно перестреливалась, и поражали одни других, также пехоту и конницу.

Уже не стало того величественного виду и русской позиции — трех боевых линий пехоты с артиллериею между них; линии пехоты последнего 4-го корпуса изредка стояли на левом фланге, редая и выдерживая последний штурм неприятеля, другие стояли уже на отдыхе, свернувшись в колонны. Тут-то был виден кровавый пот бранный усталости, слезы и сожаление о потерянных начальниках, товарищах и знакомых. Поле брани уже покрылось множеством бездыханных трупов, лощины и кустарники — множеством стонущих, просящих одного — прекращения жизни — раненых; по рытвинам текла ручейками кровь человеческая, с обеих сторон еще падали мертвы герои. Наконец, гром артиллерии, действовавшей от начала и до конца до тысячи с обеих сторон орудий в сражении, визгом ядер, грохотом гранат, шумом картечи, свистом пуль возвещал желание неприятеля сбить с места россиян, но оные мужественно противились, поражали, падали за Отечество и удивляли самих врагов. Под вечер начал чувствовать совершенную усталость неприятель, не стала слышна быть ружейная перестрелка, сумрак вечера прекратил и действие артиллерии⁶⁴. Русские провели всю ночь на своих местах, и позиция боевой линии за ними осталась. Неприятель, как слышно было, наполовину с обозами ночью отступил 7 верст от места сражения⁶⁵. Потеря с обеих сторон простиралась до 60 тысяч убитыми и ранеными⁶⁶. Так история судеб и царств человека вместила в себе битву под Бородином в число кровопролитнейших на земле. Тихо приняла земля в хладные свои недра в несколько часов десятки тысяч убитых людей, но ежели бы она отозвалась стоном, как на Непрядве во время Мамаева побоища бывшему с князем Дмитрием⁶⁷ Монаху, то на русской стороне плач ее был смешанной с неутешною горестию вдовицы и рыданием девицы; на неприятельской стороне — отчаяние

и без надежды, вопль и рыдание. Молния небесная, их поражающая, как ни слаба была, но уже заметна.

На другой день оной битвы россияне, не имея достаточных сил, чем бы могли довершить поражение врагов, отступили также 7[мь] верст к г[ороду] Можайску. Неприятель не вдруг решился преследовать и уже едва вечером показался в небольшом количестве кавалерии перед г[ородом] Можайском. Российские войска продолжали далее отступление к древней столице своей Москве, армия останавливается перед оной и занимает боевую позицию. Многие были в недоумении, что будет? Одни говорили, будет еще кровопролитное сражение, другие утверждали, что Москва будет оставлена неприятелю. Наконец войска с вечера тронулись со своей позиции, и ночью начали проходить Москву, и нашли уже оную оставленную пустынею⁶⁸. При дальнейших отступлениях был несколько дней сряду виден русским воинам столб густого дыму над оной, что происходило от беспрестанных пожаров в оной. Россияне ощущали какое-то уныние в это время; хотя Москва не составляла их целого Отечества, но была некогда столицею оного! Потом русские войска сделали крутой поворот с Рязанской дороги к г[ороду] Подольску, где остановились на несколько дней для отдыха. Здесь бессмертный герой своей мудростию и неустрашимостию, бывший главнокомандующий Барклай-де-Толли⁶⁹, объезжая ряды своих малочисленных полков, перед фронтом каждого объявил свой план, что так[ая] продолжительная ретирада отвлекла неприятеля от всех выгод в его армии и послужит ему гибелью и что он впал в приготовленные ему сети, из которых он не выпутается иначе как истреблением оного. От сего места армия уже не отступала, а прошла на Красную Пахру, Вороново, на старую Калугскую дорогу и остановилась под д[еревней] Тарутином, во фланг неприятелю и почти в тыл в боевой позиции⁷⁰.

Неприятель, занявший Москву, хотел забыть войну, ибо и от Наполеона так войскам своим было объявлено, и французы мечтали, что Россия покорится, и спокойно смотрели на ужасное истребление оного города пожарами. Неприятель, однако, выслал свой авангард вслед за войсками российскими по Рязанской дороге; оные, пройдя поворот к г[ороду] Подольску, утратили из виду российскую армию, приписав сие еще скорому и быстрому отступлению; прибавя еще скорее марш вперед, чтобы догнать россиян, узнают, что армии их впереди нет;

поворотя назад, к удивлению их, открывают, что войска российские в тылу их стоят спокойно.

Наконец 22 сентября достигают оных, показывается авангард французов ⁷¹ в числе 30 тысяч пехоты и кавалерии к деревне Чернышне, впереди оной стоял также отряд русской в числе одного 4-го корпуса под командою генерала Милорадовича ⁷²; неприятель был встречен российской батареею; ни превосходство их сил, ни жестокой огонь их артиллерии и ни напор их егерей не могли сдвинуть с места Русс! Егеря наши, сошедши к ним в кусты, брали их штаб-и обер-офицеров в плен, но большею частию их ранивши штыками; так и до вечера удержали за собою место, и от оного уже неприятелю не удалось более следовать вперед, ибо сзади оного в пяти только верстах находилось и Тарутино, где вся армия стояла ⁷³.

Враг, дерзновенно прошедши немалое пространство России от ее границ с бесчисленным множеством войск, доселе не находил нигде сопротивления своим силам, которое могло бы его совершенно остановить; наконец в стане под Тарутином узрел вторую решимость его поразить. Взглянувши изумленным оком и со страхом на грозные линии пехоты с батареями между оной, имея еще в свежей памяти холодное ожидание в оных смерти с оружием в руках и увидевши также лес конных копий и с быстрым полетом птиц и блеском оружия, французский император, измерив силы и своих войск, находит, что дух уже его армии не соответствует его желанию покорить Россию! Наполеон просит письмом к императору Александру мира; маршал французский, прибывший с оным к главнокомандующему Голенищеву-Кутузову, просит оное письмо без замедления доставить к императору, между прочим упоминал, «что война становится довольно жестокою с обеих сторон и что уже время окончить оную!». Но от главнокомандующего получил в ответ: «У нас война еще не началась». Российский же монарх и тень мира отклонил ⁷⁴.

Неприятель впал в некое уныние и бездействие, чем пользуясь русские партизаны и разъезды казачьи и посылаемые отряды легких войск везде их поражали, брали в плен, где только они показывались за продовольствием и фуражом.

Россияне, соскучась бездействием неприятеля, стоявшего перед их глазами и следовавшего прежде с таким дерзновением, 6 октября под командою генерала от инфантерии Барклая-де-Толли ⁷⁵ напали на их 30-тысячный

авангард. Русской артиллерии несколько батарей, пробравшись ночью лесом, с рассветом ударили почти залпами по их бивакам; подошла к ней на помощь и прикрыла пехота. Неприятельская артиллерия начала было сопротивляться, но русская кавалерия⁷⁶ понеслась на их батареи в атаку; в добычу неприятель бросил пять батарей в числе 40 орудий, разного рода оружие; конница их бросила свои блестящие, самой лучшей полировки латы, кои все достались нашим кирасирам, и в знак памяти оные полки и теперь их имеют, сами же бежали 15 верст в беспорядке⁷⁷. Стан французов представил взорам русских воинов ужаснейшую их нужду в пище, лошади уже были их снедею и пареная рожь. Но, к сожалению нашему, мы лишились в сем деле незабвенной памяти своею доброю душою корпусного командира генерал-лейтенанта Багговута⁷⁸; неприятельское ядро в 26-м сражении его лишило жизни. Прах его был почтен, в гробе лежащий, церемониальным маршем и проходом в трауре всех войск, участвовавших в оном сражении.

Шумит уже бурный холодный ветер Севера, природа поблекла, утра осенние стали оледенелые. Русские стали вкапываться в землю; а глава народов и неприятельских войск в Москве, в дремотном ожидании мира, вдруг получает известие об совершенном истреблении его авангарда и о потере им всей артиллерии. Впав в отчаяние, предпринимает последнее усилие проложить себе путь к отступлению изобильнейшими местами, чтобы доставить более способов к продовольствию своих войск, желая пройти на Калугу и чрез Малороссию — ужаснейшее предприятие; он должен был пройти Малой Ярославец, а там он уже нашел сначала небольшой отряд русской, а после подоспела и вся главная армия, которая в сие время едва только могла равняться с ним своими силами.

Неприятель первый напал 14 октября на Малой Ярославец⁷⁹, батареи его загрели, со стороны россиян, постепенно оные увеличивались по мере подходу их войск от Тарутино; к полудню он сблизил все свои войска к городу и начал штурм оного, колонны его под картечными выстрелами входили в улицы города, до половины оный занимали и подходящею пехотою русскою выгонялись; и по выходе из оного, случалось, встречали русских из пушек вместо картечи пятаками, награбленными в Москве. Так усиливались несколько раз и обратно каждой раз выгонялись; но вечером ими замечено уже было, что русская армия вся подошла и на возвышенных местах над

городом расположилась в густых колоннах, подобно дремучему лесу. Так французы в сумраке вечера предались отчаянному бегству по опустошенной ими обратной Смоленской дороге⁸⁰, но армия начала было уклоняться назад, и часть оной подалась было вправо и осталась бы в тылу неприятеля.

Читавши древнюю историю, можно сравнить положение европейских войск, пришедших покорить Россию, с греками, забравшими все богатства Трои, и, разделивши их между собою, на обратном пути подверглись самому бедственнейшему случаю и погибли в морских волнах вместе с оными. Французы же и двадцать язык с ними, разоривши Москву, ограбившие все на своем пути места, обобравшие всю утварь храмов божиих, будучи быстро преследуемыми россиянами, претерпевают сильные поражения под Вязьмою, Красным⁸¹ и прочими местами, угнетенные голодом и застигнутые стужей стран северных, падают с добычею в руках и доставляют похищенное обратно в руки русских. К довершению их истребления часть войск российских, бывшая в войне с Турциею и остававшаяся в их тылу, пересекает им дорогу у [города] Борисова⁸² и удерживает переправу чрез реку Березину⁸³. В отчаянии очищают небольшой части войск дорогу и самому Наполеону спастись бегством, которой их и оставил на произвол судьбы*.

Обратный путь врагов России был ужаснейшей картины. Солнце во все почти время редко освещало горизонт своими лучами, беспрестанно бурные северные ветры с снегами, вьюгами и морозами сопровождали армию и не оставляли видимыми их следов.

В ретираде же нашей мы только видели один ливный дождь, во все почти время тихая и ясная погода. Взгляд же неприятеля назад поражался смертельным страхом от чернеющей вдали тучи копий и от летящих с блеском и громом ядер в тыл; неся вместо оружия отчаяние, они

* На переправе Наполеон показал хитрость опытного полководца: отправивши в одну сторону реки значительную часть кавалерии для виду только переправы, а сам с всеми войсками в противную сторону пошел, к настоящей переправе. Генерал Чичагов⁸⁴, командовавший российскими войсками, счел неприятельскую кавалерию отправленною к настоящему пункту переправы и в один час разошелся с Наполеоном в разные стороны; но французы нашли также и на настоящей их переправе небольшую частичку русских войск, которая несколько удерживала переправу; после подошли и прочие войска, но уже нашли Наполеона с главными его силами переправившегося (*Примеч. авт.*).

только ожидали одной мучительной от голоду и стужи смерти. Последствием всего этого было: брошенная на нескольких верстах артиллерия, по дороге разбросано всякого рода оружие, на нескольких шагах видны из-под снега трупы человеческие по обеим сторонам дороги, и беспрестанно догонялись идущие по дороге тени человеческие с отмороженными частями, с всклокоченными волосами, в помрачении ума, в одеждах разного рода: в женских салопах, в капорах, в священнических ризах и шишаках, другие, сидящие в снегу и мечтающие, что они уже возвратились на родину, призывали своих родных, ласкали их самыми нежными именами. В добавление на несколько стах верстах не представлялось взору человеческому ни одной хижины, где бы можно было укрыться от северной стужи, кроме труб и полусторелых руин, занесенных снегом. Мужественная рука россиян в сем положении не поражала уже своих врагов: случалось видеть, что одна баба с палкою гонит целую толпу до другой деревни и они ей строго повинуются. В таком плачевном состоянии величайшая армия оставила свои планы поработить игу Наполеона Россию! Небольшая часть ее возвратилась в свое отечество, она вся почти в течение шести месяцев истребилась.

Путь веры России тесен, но велик; сыны Севера, живущие в стране железной, но доблестию сильны; рассеянные по обширным степям и пустыням необозримого пространства границ своего государства, но слышат глас, призывающий за их веру и царей; народ, воспитываемый не на прохладе стран теплоюжных, но в северном суровом климате, привязан к скипетру своего правления, под оным их беспомощный находит покровительство закон, заслуги в уважении, собственность каждого священна. Так чего пожелала почти вся Европа от такого народа? Свободы? Нет, он за свой железной кусок хлеба положит живот и не имеет зависти на роскошь иноземных народов. И оные, сошедши к ним войною, отведали их нежного хлебосольства и легли для отдыха костями на снежных постелях, прикрытых стужею Севера; сама природа их даже преследовала и была покровительницею российскому народу⁸⁵.

Войска России, дошедши до своих границ, расположились на малое время для отдыха; совершенное успокоение их Отечества и свобода Европы требовали похода в чуждые страны⁸⁶.

Наконец знамена победоносного воинства России развеваются в Варшавском герцогстве⁸⁷; вид оного пред-

ставлял разительную картину обманутой свободы: везде царствовала бедность со всеми печальными ее изображениями, во многих местах хижины без покрытых кровлей, в других местах целые деревни без жителей, которые, будучи гонимы страхом и не имея себя чем пропитать, оставили свои жилища. Народ, угнетенный частыми воинскими наборами, разными налогами и порабощением иноземным правительством, он был недоволен своей страной и как будто не находил в оной уже своего пристанища. Знатнейшие, видя попеременно чуждых народов в своей стране, имели привычку сообразовываться с своими обстоятельствами и, как казалось, принимали русских чистосердечно. В некоторых приметно было соболезнование об своих детях и родственниках, погибших в войне с Россиею. Другие были недовольны Наполеоном, что он навлек им нещастие и разорение их страны, не могли сделать добра. Город Варшава, столица тогдашнего герцогства, довольно многолюдный, обширный и шумный, имеет много громадных красивых строений и с окрестностями над рекою Вислою по покатости берега составляет прекрасную картину⁸⁸.

Россияне, переправясь реку Одер⁸⁹, оставили печальную картину Варшавского герцогства и вступили в Пруссию на плодородные поля Шлезии⁹⁰. Здесь все переменяло свой вид: в городах и деревнях показалось изобилие и опрятность, трудолюбие поселян было заметно в большей степени, земли везде хорошо обработаны, около каждого почти домика поселянина есть садик, им обработанный, где он свободное время от трудов проводит с своим семейством. В некоторых местах Пруссии Богемские горы, покрытые снегом, показываются на горизонте в виде неподвижных прозрачных облаков, кои, соединяясь с чернеющим дремучим лесом на оных горах, составляют вдаль величественную картину природы. Хотя уже и сие королевство страдало от зла Наполеона и его войск, но трудолюбие народа предохранило его от видимых недостатков. Народ встречал россиян с радостными лицами, начал их считать своими друзьями и избавителями от французских войск; приветствовали: «Да здравствует Александр!» — и соединили все свои силы с русскими войсками⁹¹.

В таком положении русская армия вместе с прусскими войсками вступила в границы Саксонского королевства. Король оного с войсками своими оставил свои владения и вошел в союз с Наполеоном⁹², хотя при приближении

еще войск российских к границам Пруссии обещал императору пособие в продовольствии и соединении своих войск с ним, коих было до 30 тысяч. Корпуса российские, не останавливаясь, вступили вовнутрь Саксонии, проходя города Лаубань⁹³ и Герлиц; в последнем, невдалеке за городом, видна гора, любопытная не по обширности оной, а по высоте в виде закругленного сверху шпиля; на вершине оной поставлена каменная башня, и, как нам рассказывали, она есть памятник тех времен, когда польские короли носили титул и саксонских⁹⁴. Проходя мимо, русские офицеры полубопытствовали взойти на оную, ставя лошадей у подошвы горы, сами, по крутизне оной, едва после нескольких отдыхов могли взойти на верх горы; облака, казавшиеся над оною, закрыли их, и они оттуда в солнечный день вниз ничего не могли видеть и возвратились оттуда измокшими.

Далее войска прошли г[ород] Бауцен, приблизились к столице оного королевства г[ороду] Дрездену, который лежит в долине по обеим сторонам реки Эльбы, имеет целые улицы в подряд красивейших громадных строений, красивейший королевский дворец, картинную галерею, из которой, как говорили, вывезены были самые лучшие уже картины⁹⁵; через всю р[еку] Эльбу на каменных арках чрезвычайный славившийся по Европе по его редкости каменный мост⁹⁶. Отряд русских войск, идущих в авангарде, настиг здесь часть французских войск, которые при отступлении самую середину моста подорвали⁹⁷. Вообще Дрезден с высот перед оным с окрестностями и загородными домами делает величественный и прекраснейший вид.

В Саксонии города вообще все красивы, везде чистота и опрятность и удивительная приятность в одеянии, особенно женского полу. Поселяне живут вообще в изобилии, земли их плодородны и не обременяют их многим обрабатыванием, много есть виноградников, дающих им хорошее красное вино, имеют в домах своих по два жилья, одно нижнее, а другое верхнее, любят в воскресные дни гуляния и веселятся. Народ красивый, ласковый, гостеприимный, рослый, любящий свою страну, но не привыкший к большим трудам и к перенесению нужд военных, а от сего павших в России много видно было их голубых шинелей тонкого сукна на русских воинах⁹⁸. Любят вообще около своих домов хорошие сады. Недовольны были на свое правительство за соединение их войск с французами, и некоторые, одевшись в круглые

шляпы с зелеными перьями, такого же цвету тонкого сукна куртки с поперечными патронташами и ружьями, являлись для совместного похода с нами, но по малочисленности их не было обращено на них внимания⁹⁹.

Наполеон же кроме саксонских войск, вынудя еще у многих германских владетелей войска, и свои оставшиеся во Франции и возвратившиеся из Испании, увелича их конскрипциею и наборами, составил значительную армию, так что она далеко превосходила соединенную российско-прусскую, и с оною подошел к границам Саксонии и наконец среди г[орода] Лютцена остановился, скрывши наполовину оную. Русские войска, безостановочно преследуя неприятеля на так великом пространстве от Москвы, проведя зиму лютую на биваках, от частых битв и походу имели великую убыль в людях, а от резервов далеко были отдалены. Так, армия наша едва составляла до шестидесяти тысяч, да пруссаков тысяч около тридцати пяти¹⁰⁰. К тому же россияне на походе своем поседевшего во бранех героя, генерал-фельдмаршала и главнокомандующего князя Кутузова оставили, он в Шлезской Пруссии, в г[ороде] Бунцлау¹⁰¹, опочил от земных трудов, оставя незабвенную память своих заслуг для России. Он завещал и советовал далее Пруссии с своими войсками нейти, а подождать своих резервов и увеличить оную значительно. И кажется, остановясь на границах Саксонии и окопавшись в укреплениях с прусскими войсками, армия имела бы хороший отдых и спокойное укомплектование, а может быть, и политические сношения с Австриею были бы успешнее. Но решились атаковать французов, и от так весьма немногочисленной армии еще отделили отряд в числе пятнадцати тысяч под командою генерала Милорадовича зайти неприятелю в тыл и атаковать его, ретирующегося, ибо навверное предполагали разбить.

Так император Александр, с российско-прусскими войсками подойдя к г[ороду] Лютцену, атаковал французов; неприятель был сильнее вдвое и имел в Наполеоне великого и искусного полководца, он по дыму и выстрелам видел бессилие и малочисленность противной стороны, но тщательно скрывал уже свой выигрыш и перевес сражения, все находился в оборонительном положении. Но с половины дня, выведши из-за пригорков значительно сильные массы войск, ударил быстро на правый фланг и, разгромивши оной, в короткое время начал его преследовать. Левою же фланг,

видя уже несколько почти отрезанным, ударил на оный, которой уже в беспорядке также начал отступать¹⁰². Частица русских свежих войск, бывшая в тылу неприятеля под командою генерала Милорадовича, едва успела заступить место арьергарда и по случаю скорого отступления вправо прусского арьергарда находившегося не могла долго удерживать напор неприятеля и была в великой опасности быть совершенно отрезанной и истребленной¹⁰³. Артиллерия шла рысью целых пять верст и тогда еще было набежала на французских фланкеров, но не в далеком расстоянии заметили на пригорках наш гренадерский корпус; так, остановившись и прикрывшись тут бывшим местечком, удерживали увеличивающегося из лесу неприятеля, и пехота вся арьергарда подошла, так сим и кончилось Лютценское сражение, весьма неудачное, стоившее убитыми и ранеными свыше 8 тысяч одних россиян¹⁰⁴.

Войска российско-прусские продолжали отступление к [городу] Дрездену! Прошедши оный, имели переправу чрез реку, чрез каменный городской мост и чрез понтонный вправо от города. Войска чрез наведенный мост были скорее преследуемы неприятелем; батальон, стоявший в руде для прикрытия моста, пошел чрез оный последним, оставляя руду постепенно, понемногу; после выстрелов в французов последних несколько человек дошли только до середины моста, как оный был сожжен и подорван; оные, возвратясь назад в отчаянии, спрятались в биваки без надежды к спасению от неприятеля; но сказалось великодушие русских казаков — оные, усевши в лодку, перевезли оставшихся, сим и спасли их или от плена, или от смерти^{*105}. Некоторая часть войск с множе-

* Во время удержания городского моста чрез реку Эльбу на нашей стороне находилась также часть города под названием Новой город; из числа стоявших здесь казаков два офицера вошли в каменный двухэтажный дом весьма хорошего ублажения; быв хозяином введены в залу, нашли протчие комнаты запертыми, пожелали позволения от хозяина осмотреть и протчие комнаты. Дойдя до одной комнаты, хозяин, как смерть бледный, умолял их не требовать осмотра оной комнаты, но офицеры давали ему руку дружбы и слова, чтобы он ничего не боялся, сим убедили отпереть и оную комнату и нашли здесь двух молодых его дочерей и настоящий фортепьян. Офицеры подошли к ним и просили их поиграть; уселась сначала одна, а потом другая; послушавши их с аккомпанементом пушечными выстрелами довольное время, положивши каждой по русскому червонцу и поклонясь хозяину, вышли. Хозяин впоследствии времени как редкость показывал многим оные червонцы и рассказывал об оном случае (*Примеч. авт.*).

ством артиллерии оставлена была для удержания неприятеля от переправы, и на другой день с утра вправо от города вышло чрез реку сильное артиллерийское дело ядрами и картечью одни в других, и расстройство было немалое бывших в деле артиллерийских ротах убитыми людьми, лошадьми и ранеными¹⁰⁶; но это был отвод от настоящей переправы; неприятель во время дела перешел в 12 верстах реку и сильно начал преследовать к г[ороду] Бауцену.

Под г[ородом] Бауценом вторично остановилась вся прусско-российская армия; неприятель тотчас напал на правой фланг, скоро сбил его с места; оный, не имея никакого подкрепления, начал отступать. Левою же фланг, имея в прикрытии большой пригорок, заросший кустами, несколько держался, но неприятель начал его обходить. Против центра неприятель выставил множество колонн пехоты, на которую думали броситься великою массою конницы, собравши всю ее вместе, но залпы пехоты нанесли б великую потерю в людях и расстройстве¹⁰⁷. Так и началось всеобщее отступление с быстрым преследованием неприятеля, которой обратно занял все германские земли, Пруссию, и, дойдя до крепости Швестниц¹⁰⁸ в Прусской Шлезии, остановились; обозы наши и большие тягости остановились также близко Немана уже; такие были последствия скорого движения прусско-российских войск вперед, почти к границам Франции, и проигранных двух сражений. Император России и прусский король должны были предложить на шесть недель перемирие императору Франции, иначе прусские войска, потеряв свое отечество, оставили б российские. Но Наполеон согласился, и сие есть преткновение к его щастию и концу величию и его военной славе, ибо в течение спокойных шести недель, в кое время текло перемирие, в союз вступила Австрийская империя, подошли шведы, англичане и явились российские резервы и ландверы¹⁰⁹ Пруссии; с этим вместе составилаь многочисленная армия¹¹⁰.

С окончанием перемирия открылись вновь и военные действия. Войска российские в числе нескольких корпусов, в том числе и гвардия, вступили в Богемию для соединения с австрийскими войсками¹¹¹; по дороге в горах находят под местечком Кульмом корпус французских войск в числе тридцати тысяч, препятствовавший соединению союзных войск. В самоскорейшем времени был оный атакован русскими; батареи на горах были взяты

штурмом российской гвардией, корпус оный весь почти истреблен, а часть оного рассеялась в горах; корпусный командир генерал Вандам также был взят в плен¹¹². Государь император в честь оной победы учредил кресты черные на серебре под названием Кульмских, которые в то время вся гвардия надела¹¹³.

Другая часть войск в числе нескольких корпусов соединилась с прусскими войсками, составя армию в числе 100 тысяч под названием Шлезской¹¹⁴, и поступила под команду генерал-фельдмаршала Блюхера¹¹⁵; этой части войск назначено было очищение всей Шлезии и Пруссии, и впереди себя имела всю главную армию французов под командою самого императора Наполеона. Так сия армия, тронувшись с места вперед, тотчас открыла главную армию французов. Блюхер начал уклоняться от генерального сражения, начал отступать. Французы преследовали несколько переходов, потом сами начали уклоняться назад; князь Блюхер опять за ними; французские войска остановились и начали приуготовляться к атаке; князь Блюхер опять с войсками отступил. Наполеон, будучи уже в опасности с тылу от соединившихся российско-австрийских войск и видя безуспешное свое наступление на войска Блюхера, с главною своею армиею уклонился внутрь Саксонии, оставя таковую же часть войск против князя Блюхера, дав оным повеление идти за ним и, где он остановится, его разбить. Князь Блюхер по приближении к нему французов тотчас открыл, что с ними уже главной армии нет, решился только уклониться до позиции, что и воспоследовало под д[еревней] Кацбахом¹¹⁶. Французы, быстро преследуя, переночевали под Кацбахом, поутру рано находят не на больших высотах стоящую небольшую часть войск, а остальные войска все были Блюхером за пригорком скрыты. Французы были так уверены в разбитии сих войск, что целую дивизию послали в обход в тыл Блюхеру. С утра самого полил почти ливный дождь, но французы повели великою массою пехоты атаку на высоты, батареи открыли сильной огонь, и увеличивались час от часу; и дождь нисколько не уменьшался также, а сделался обложным и прекращать стал ружейную перестрелку; ружья становились замокшими, но артиллерия с обеих сторон действовала палительными свечами сильно. Почти до вечера перевес не заметен был сражения, но перед оным стали слышны быть крики русских «Ура!», и, где колонна стояла французов, там ее не бывало, и вся назад врассыпную; в добавление выско-

чила из-за высот с шумом и брызгом оружия, как буря,— это кавалерия в больших массах, и мигом вся на батареях французских, 30 орудий было взято, целые колонны, не могли сделать ни выстрела, сдавались без боя, остальные бежали, бросая по дороге обоз и оружие. Дивизия пехоты генерала Пюто¹¹⁷, посланная в тыл, прибыла к г[ороду] Ливенбергу¹¹⁸, имея впереди себя реку Бобер, разлившуюся от ливного дождя, и снесенные и потопленные мосты, остановилась и по наступлении оной вся была истреблена, а часть оной с их дивизионным начальником была взята в плен.

Французские войска, будучи отесняемы с многих сторон, все сблизилась к городу Лейпцигу, и к оному впоследствии сосредоточие всех войск союзных держав, кои нашли неприятельские войска в укреплениях; с 5 октября 1813 года начали их атаковать кругом¹¹⁹; но ими в тылу дорога к границам Франции, к реке Рейну, атакою корпуса графа Витгенштейна была очищена. 6 октября с семи часов утра началось генеральное сражение¹²⁰ атакою соединенною российско-австрийскою армиею французского правого фланга¹²¹; оный по мере усиления атаки сблизался, отступая к самому городу. В одиннадцать часов утра под командою князя Блюхера и русского генерала графа Ланжерона¹²² армия, состоящая из 100 тысяч русских и прусских войск, имея 30-тысячный корпус шведов в резерве и две батареи английских конгревовых ракет¹²³, пришедшая от г[орода] Галле, приблизилась также к левому флангу французам и в виду г[орода] Лейпцига не более как версты на две, перейдя глубокий овраг, подойдя к французским укреплениям, начала выстраиваться в ордер де баталии¹²⁴ шахматом под сильным огнем французской артиллерии, и, поставя между линий казачьи полки, выслали на рысях большею частию большого калибра батареи русской и прусской артиллерии, не менее как из 160 орудий состоящие. Не более как двухчасовое действие оных заставило их батареи замолчать и оставить свои укрепления. Пехота поколебалась до такой степени, что линиями начала отступать назад. Саксонская кавалерия, прикрывавшая левой фланг, вся начала сдаваться без бою; высланная на место их французская кавалерия была встречена двумя батареями английских конгревовых ракет и легкими полками русской и прусской кавалерии прогнана назад. Наконец все линии войск всех союзных держав с барабанным боем и игранием музыки тронулись вперед; дойдя до позиции

французских войск, нашли их батареи так изрытыми, что признаку амбразур не было, на оных брошена подбитая артиллерия, взорванные ящики, и поле позади, где стояли прикрытия пехоты, устлано трупами. Неприятель, дойдя до форштадта города, еще остановился в значительных силах впереди оною, выстроил свою артиллерию, большею частию большого калибра, и открыл сильную канонаду; левой же свой фланг прикрыл деревнею, прилежащею к городу, в которую и стянул значительную часть пехоты. Она деревня тотчас была атакована русскою пехотою и двумя шведскими и русской батареями; деревня зажжена, и неприятель был с оной вытеснен¹²⁵. Сумрак вечера прикрыл ретираду неприятеля и прекратил на сей день с обеих сторон сие кровопролитное сражение.

На другой день с рассветом все союзные войска, став в ружье, дожидались вторично вступить в дело, ибо около города еще заметна была значительная часть неприятельских колонн. Союзные монархи, выехав на возвышенное место около города, приняли посольство от оною, состоящее из важнейших генералов саксонских, от имени своего короля, которое униженно просило на несколько часов перемирия для очищения их города от французских войск, что по истечении оною времени особа короля с своими войсками отдается под покровительство союзных государей. Но российский император Александр в следующих словах дал ответ: «Скажите вашему королю, что он меня два раза обманул, а третий раз я ему не обязан верить»¹²⁶, и ту минуту стоявшая здесь российская гвардия получила приказание идти на штурм к городу, следом за оною прусская и австрийская. Проходя в полном порядке мимо союзных государей, российская слышала приветствие от своего императора: «На труд, ребята, за царя и веру!» По приближении к городу густых гвардейских колонн загорелась около оною пушечная и ружейная перестрелка, но колонны не останавливались, шли вперед и с криком «Ура!» ударили в штыки и вошли в предместье города, а потом и в улицы оною; гвардейский саксонский полк с особой короля сдался. Прикрывавший ретираду целый корпус польских войск дрался, но обозы, загрузившие мост через реку Плейсе, попрепятствовали перейти значительному количеству артиллерии и оному корпусу; артиллерия взята россиянами, а польские войска были часть истреблены, а часть потоплены, и сам главнокомандующий, решившись переехать вплавь

65
чрез реку, бывши подстрелен, погряз в волнах *. Остальная армия французская, ретируясь форсированно, бросила по дороге артиллерию, оружие, обозы, и ретирада их походила несколько как на шествие из России! Дойдя до города Ганау, здесь неожиданно находят отставший от них 40-тысячный корпус баварских войск; сделавши им преграду возвратиться во Францию, идя по дороге в густых колоннах, останавливаются весьма на короткое время, вынустивши всю свою артиллерию вперед; разгромили центр баварской армии и, ударивши в штыки, пробившись и прошли к границам Франции и скрылись в крепости Майнце на реке Рейн ¹²⁸. Такие последствия Лейпцигского сражения, коего начало было вокруг города на пространстве почти около 50 верст; следовательно, ужас оно не так заметен был, но сражалось более полмиллиона людей с обеих сторон, одни за свободу, а другие для порабощения.

Союзные войска после победы под Лейпцигом следовали к пределам Франции, а некоторые для занятия тех владений, которые не были еще в союзе; в том числе корпус российских войск под командою генерал-лейтенанта графа Сент-Приеста ¹²⁹ следовал для занятия королевства Вестфалии и столицы оною и короля Иеронима Бонапарта ¹³⁰ — родного брата Наполеона — [города] Касселя. Сколько обрадовало сердца россиян, когда они на пути своем увидели в некоторых местах, на воротах почти каждого дома, прибитые бумажки с российской надписью: «Земля русской принцессы Марьи Павловны!» ¹³¹ Это была часть пределов Веймарского герцогства, жители были ласковы и старались оказывать гостеприимство русским. Эта государыня во время могущества Наполеона и войны в России, при всех своих смутных обстоятельствах, пленным русским, которые проходили ее пределы, делала большие пособия, учредила магазин, из

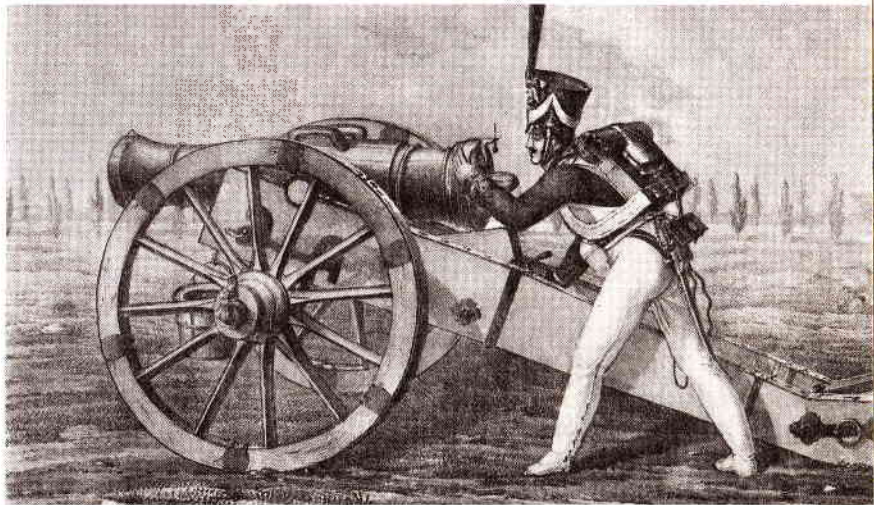
* Главнокомандующий польских войск князь Понятовский ¹²⁷ найден в реке Эльстере, в кою впадает [река] Плейсе; рыбак, выехавши на рыбную ловлю, вытащил его сетью, удивился золоту и звездам, на нем бывшим; при обыске же превзошла радость его ожидание, ибо в карманах кроме золота в монете нашел довольно количество бриллиантовых, весьма высокой цены вещей, как-то в портретных табакерках, кольцах, часах и прочего, кои оный князь, вероятно, имел всегда при себе для награды за отличие по его замечанию своих подчиненных-иноземцев, ибо, кажется, льстился надеждою по восстановлении Польши занять титул польского короля, ибо и был первой особой по заслугам в оной. Вещи оные рыбак не скрыл, и оные ему принесли знатные суммы денег за выкуп оных его родными (*Примеч. авт.*).

коего выдавалось одеяние и делалось вспомоществование деньгами. При проходе же некоторых войск ее столицы г[орода] Веймара сама угощала генералов, штаб- и обер-офицеров, разговаривала с каждым ласково и приветствовала: «Велик Бог русских!»

Войска российские, занявши г[ород] Кассель, нашли уже жителей готовыми принять прежнего своего курфюрста-наследника владетелем, а бывшего короля своего, Иеронима Бонапарта, оставившего свое королевство и забравшего все богатства дворца, удалили.

Столица — г[ород] Кассель — не обширный, но довольно красивый и много имеющий прекрасных строений, обширную площадь, обстроенную лучшими строениями¹³². От города версты на три идет из тополев в два ряда по обеим сторонам перспектива к дворцу королевскому, которой расположен на высоте, и вид от оногo на город весьма приятный. Позади дворца находятся искусственные каскады, славящиеся и поныне своею чрезвычайностию по всей Европе! Именно находится высота, усеянная деревьями и искусственно обработанная устройством многих перспективных дорожек для прогуливающих, усеянных по обеим сторонам разными ароматическими цветами. На верху самой высоты поставлена довольно обширная башня, и на верху оной из тонкой бронзы поставлен Геркулес в виде опершегося на дубину человека. У подошвы высоты он представляется ростом в виде обыкновенного человека, но, приближаясь по ступеням в верх башни к нему, самая тончайшая часть ноги около сустава имеет в диаметре окружности около аршина; по сей пропорции можно судить об его росте и о расположении протчих частей. Пространство башни внутри довольно обширно, вверху, около наружности, вокруг расположены перила для гулянья, из коих открывается вид на город и на окрестности единственный. Внутри башни в самом низу находится глубокое, довольно обширное место в виде каменного бассейна с водою, которая там всегда в огромном количестве находится, будучи поднята трубами из речки Фульды, и от дождей, и подвозом в случае великой и продолжительной надобности. Начиная от подошвы горы, к башне вход устроен с множества широких из дикого камня ступеней, кои, подойдя к основанию башни, имеют над собою фронтон, поддерживаемый несколькими колоннами. Пол устлан мрамором, по бокам под фронтоном стоят две каменные статуи, держащие в руках инструменты: одна — горн,

Русский артиллерист-наводчик.
Рис. и литогр. Лещинского.
1-я четв. XIX в.

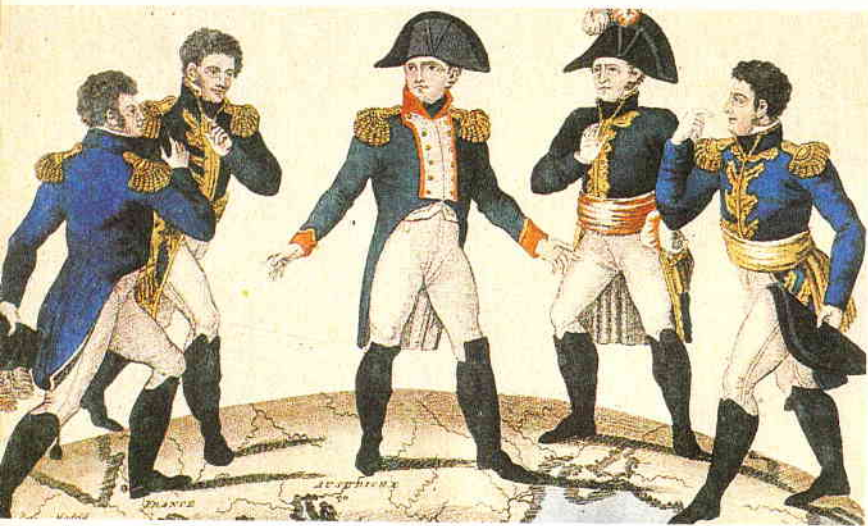

**Лейб-гвардии артиллерийская
бригада на марше.**
Рис. и литогр. Лещинского.
1-я четв. XIX в.

Наполеон I.
Раскр. грав. Ф. Арнольда
по ориг. Г. Делинга.
1-я четв. XIX в.

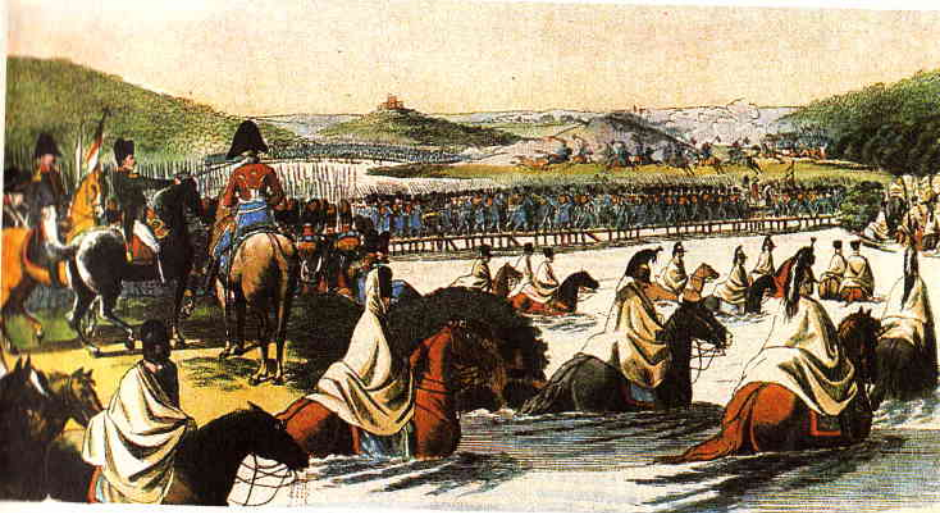

Александр I.
Миниатюра неизв. худ.
1810-е гг.

**Наполеон Бонапарт делит
Европу между родственниками.**
Раскр. грав. неизв. худ.
Нач. XIX в.

Начало войны 1812 года.
Раскр. грав. неизв. худ.
1-я пол. XIX в.

Сражение у Островно 25 июля.
Литогр. по рис. А. Адама.
1830-е гг.

Смоленск. Вид города.
Цветная грав.
М. Ф. Дамам-Демартре. 1811 г.

Перед стенами Смоленска.
18 августа в 5 часов вечера.
Литогр. Э. Эменже по рис.
Х. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

Наполеон I.
Грав. Е. Шулера и Г. Метцерота
по ориг. Ф. Жерара.
1-я четв. XIX в.

М. И. Кутузов.

Грав. Д. Годби по ориг.
Р. М. Волкова. 1814 г.

А. И. Кутайсов.

Грав. С. Карделли. 1810-е гг.

Н. А. Тучков.

Худ. И. А. Клюквин. Сер. XIX в.
(Копия с портрета Д. Б. Дамона-Ортолани 1800-х гг.)

П. И. Багратион.

Грав. Ф. Вендрамини по ориг.
Л. Сент-Обена. 1813 г.

Н. Н. Раевский.

Миниатюра неизв. худ.
1-й пол. XIX в.

**Французская атака на батарею
Раевского и смерть генерала
Коленкура 7 сентября 1812 г.**

Автолитогр. В. Адама.
Сер. XIX в.

**Бородинское поле
17 сентября 1812 г.
Литогр. Э. Эменже по рис.
Х. Фабер дю Фор. 1830-е гг.**

И. Н. Мюрат.
Литогр. Г. Греведона по ориг.
Ф. Жерара. 1826 г.

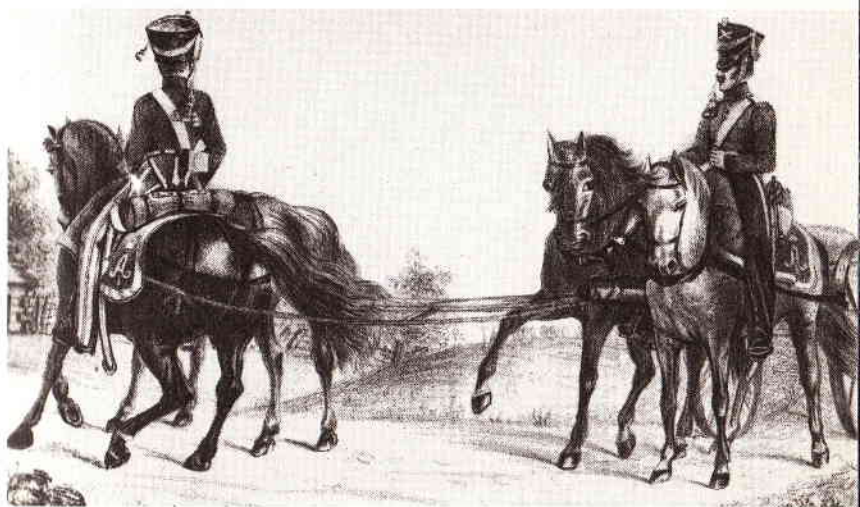
К. Ф. Багговут.
Миниатюра А. Арнольда.
1810-е гг.

**Разбитие неаполитанского
короля Мюрата при селении
Дмитровском 6 октября 1812 г.**

**Грав. И. Иванова (?)
1-я четв. XIX в.**

Русская артиллерия на марше.
Литогр. К. А. Хендрикова.
1-я четв. XIX в.

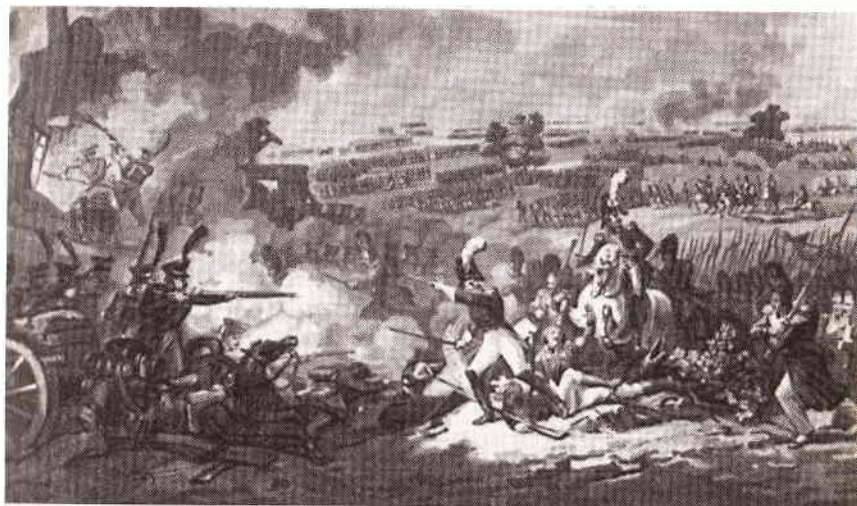
Отступление французской армии
из России в 1812 г.
Ксилограф. по ориг. Л. Потта.
2-я пол. XIX в.

Переправа через р. Березину.
Раскр. литогр. по ориг.
П. Гесса. Сер. XIX в.

Вступление русских в Варшаву
8 февраля 1813 г.
Раскр. грав. по ориг. И. Фольца.
1-я пол. XIX в.

Сражение при Люцене.
Гравюра Ле Бо по ориг. Ноде.
1-я четв. XIX в.

П. X. Витгенштейн.
Миниатюра негиз. худ.
1-я пол. XIX в.

Сражение при Каубахе
26 августа 1813 г.
Раскр. грав. А. Барча по ориг.
Клейна. 1-я четв. XIX в.

Пленение Вандама 30 августа

1813 г.

Раскр. грав. Раля по ориг.

Клейна. 1-я четв. XIX в.

**Народное сражение
при Лейпциге.**

Раскр. грав. по ориг. Вагнера.

1-я четв. XIX в.

**Князь Понятовский,
найденный в р. Эльстере.
Русская народная картинка.
1-я пол. XIX в.**

**Германия. Кассель.
Парк с фонтанами.
Раскр. грав. Х. Г. Хаммера.
Нач. XIX в.**

Э. Ф. Сен-При.
Гравюра Г. Мансфельда.
1-я четв. XIX в.

Д. С. Дохтуров.
Миниатюра неизв. худ.
1810-е гг.

**Смоленск, на правом берегу
Днепра. 19 августа.**
Литография Э. Эменже по рис.
Х. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

А. С. Фигнер.
Миниатюра неизв. худ.
1810-е гг.

а другая — флейту. Когда поднимутся машины, удерживающие внутри башни воду, то в ту же минуту каменные статуи под фронтоном начинают играть, каждая на своем инструменте, чрезвычайно гармонически и приятно. Вода начинает показываться под фронтоном из стен башни фонтанами, потом из полу вверх, и с этим вместе начинает быть слышен полный оркестр невидимой в стенах музыки, фонтаны в великом множестве увеличиваются, и шум воды мешался уже с оркестром музыки и ревом падающей оной по ступеням вниз горы. Эти минуты для любопытствующих делаются обворожительными. Вода, спустясь вниз, рассыпается на великое множество ручейков по всем дорожкам садовым между деревьев, и, где бы вы по дорожкам ни ходили, журчащий ручеек и блестящий, в виде бриллиантов между деревьев, вас найдет, и ежели вы захотите его преследовать, то, пройдя за ним немалое пространство, он вас доведет до ужасной пропасти между двух дикого камня скал, где они, уже все соединясь, с великим ревом падают в оную пропасть и кверху клубятся в виде жемчужной пены. Остановясь на сем месте, вы видите перед собою чрез пропасть мост, которой кажется, однако, так ветхим, что опасно решиться перейти чрез оной; и ежели пойдете по нем, то удостоверитесь, что он весьма прочно устроен и безопасен. Перейдя мост, вы слышите шум воды уже под землею; идя за шумом некое пространство, вы вдруг увидите, что вода выходит из-под земли рекою, пройдя она несколько, падает одним великим каскадом из каменных руин, поддерживаемых несколькими колоннами, и наконец перед дворцом образует озеро, посреди коего устроен бьющий фонтан, который высотой весьма многие превосходит.

Не в дальнем расстоянии от дворца представляется весьма древнего вкуса замок. Подойдя к нему ближе, можно явственно видеть искусственно обработанную его древность. Внутренность замка так же соответствует его древности, везде видны древние картины, тканые обои с многосложною резьбою, мебель и прочее. В оном есть также музей рыцарских доспехов, вооружений и самых рыцарей, сидящих на лошадях в полном одеянии рыцарского времени, вооруженных и в закрытых касках, довольно искусственно обработанных. В птичнике находятся чрезвычайной красоты фазаны.

Корпус графа Сент-Приеста, простояв здесь некое время, выступил к берегам Рейна и уг[орода] Дюссельдорфа

приблизился к оным. Здесь найдена на другом берегу небольшая часть французских войск, которые уничтожили все способы в сем месте переправы; когда российская артиллерия начала их тревожить ядрами, то жители города небоязненно кричали: «Виват Александр!» Но по распоряжению начальства оный корпус выступил для переправы и вступления во Францию, к г[ороду] Эребренштейну, расположенному на самом берегу Рейна, и напротив, на другом берегу, г[ороду] Кобленцу, который был занят французскими войсками, но корпус получил приказание учинить здесь переправу. Так в полночь против 1814 Нового года бригада егерей, заготовивши в заливе лодки, под командою генерал-майора Карпенки¹³³ села в оные и в темноте ночи выбралась из залива в реку. Неприятель с противоположного берегу по шуму гребцов пустил батальный огонь; когда наши егеря сделали залп с лодок, река осветилась, батарея их, несколько стоявшая вправо, открыла было косвенный огонь картечью, но в то же время увидела против себя с берега несколько батарейных орудий, открывших сильный огонь ядрами и картечью в оную, и в подкрепление егерям на паромах плывущих несколько легких орудий, которые решительно действовали одною картечью. Егеря, доплывши, пуская батальный огонь до берега, с криком «Ура!» вышли на берег и свезли свою легкую артиллерию, дождались тотчас переправившуюся пешую бригаду с несколькими батарейными орудиями, тронулись в густых колоннах к неприятелю, нашли батарею их брошенною, орудия были свезены¹³⁴. Французы прикрылись форштадтом города, держались в оном батальным огнем и действием их артиллерии, но прибывающие беспрестанно с другого берега уже беспрепятственно русские подкрепления усилили атаку форштадта, сначала густою цепью стрелков, потом колонны начали одни подходить ближе, а другие — в обход города и во фланг. Неприятель начал колебаться, артиллерия их начала сниматься с своих мест, колонны русские с криком «Ура!» двинулись к форштадту и вошли в оный, с рассветом очистили и все улицы города, и неприятель скрылся, оставя в городе всех раненых и огромный госпиталь больных.

Берега Рейна, по которым она часть войск имела направление, начиная от г[орода] Кобленца и до крепости Майнца, состоят почти из одних гор, заросших лесом и кустарниками; кажется, сама натура здесь положила границы народам. На нескольких верстах беспрестанно являются запустелье, разваливающиеся по обоим бере-

там реки каменные замки, представляющие отдаленность времен рыцарских, превратность фортуны и непостоянство образа жизни человека. По местному положению видно, что в сих замках живущие при спокойных обстоятельствах приятно чрез реку веселились, а при ссорах и несогласиях с одного берега на другой одни в других стреляли и нападали.

Союзные войска все более и более вступали с разных сторон во внутрь Франции; проходили города Нанси, Барледюк, Сент-Дизье, Витри, Шалон и протчие места. Города во Франции довольно красивы, многолюдны и достаточно изобильны, из них первой Нанси — довольно обширный город, имеет красивую, хорошими строениями площадь, университет и каменный театр, на котором во время прохода русских войск представлялись пиесы, и не печальные. Но в деревнях во многих местах видна была бедность, поселяне живут неопратно, мужеской пол вообще сверх камзолов носит свои синие рубашки, женщины носят деревянные бабмаки, и вообще далеко были отставши в приятности образа жизни от германских народов. Проходя г[ород] Сент-Мишель, русские имели случай удивляться произведению одного скульптора. В городском тамошнем костеле, в приделе, находится тринадцать фигур в обыкновенный рост человека, высеченные из одного дикого камня, изображающие положение Иисуса Христа в гроб, черты лиц каждой фигуры чрезвычайно живо изображают их чувства, и майстер занимался сим изделием тридцать лет¹³⁵.

По назначению союзных государей должно было занять вторую столицу Франции — город Реймс. Сие поручено с российским корпусом и двадцатью пятью тысячами прусских войск генерал-лейтенанту графу Сент-Присту. Он, дошедший до оного, находит оный занятым французскими войсками, кои находились в укреплениях в окопах и за палисадом, все главные улицы были заняты батареями. Переночевав невдалеке, с раннего утра повели атаку на город¹³⁶. Русская артиллерия с северной стороны начала громить окопанную французскую батарею, левее оной прусская артиллерия открыла огонь по окопам и палисаду. Колонна русских войск левее своей артиллерии выпустила множество стрелков, кои даже подбегали к форигадту. Неприятель, где замечал больше войск в движении, туда начал стягивать больше своих сил; передние русские колонны двинулись с артиллериею по дороге от Шалона к главной улице Реймса. В этом пункте

неприятель был сильнее всех, ибо по оной дороге все войска подходили. Резервы своротили вправо с дороги шалонской, начали подкреплять сильно стрелков к форштадту, оные начали врываться уже в улицу; неприятельские батареи были уже все почти в сильном огне с русской и прусской артиллериею, как вдруг услышали сильный крик «Ура!». Сильные густые резервные колонны русских взошли в улицу форштадта, разломали палисад и поставили несколько орудий. Пруссаки в сие время формально пошли на штурм, взяли французскую батарею с левой стороны, взошли в улицу оной части города и поставили несколько орудий артиллерии. Резервы французские подходили к занятым улицам, но встречались картечью. Неприятель начал ослабевать, и в главном пункте, по дороге от Шалона, русские войска, стоявшие на оном месте в густых колоннах, двинулись вперед, батарею нашли брошенную, взошли в улицу и заметили неприятеля, уже отступающего. Те, которые были отрезаны русскими, начали сдаваться в числе трех тысяч¹³⁷, прочие отретировались по дороге к [городу] Парижу. Российско-прусские войска завладели городом и нашли в оном до пяти тысяч убитыми и ранеными.

Командующему сими войсками графу Сент-Приесту угодно было оным сделать отдых. Так, донеся государю императору Александру о занятии Реймса, полки разошлись на пространстве от города верст до тридцати на квартиры в разные стороны. Государь остался доволен движением войск графа Сент-Приеста и послал с посланным для донесения адъютантом в награду ему орден 2-й степени Георгия. Графу же захотелось в сие время принести благодарственное молебствие; так войска, которые с ним были в городе, вышли все на площадь в ожидании молебствия, их всего было немного: две бригады, одна русская и прусская, небольшая часть кавалерии российской и прусской, казачий отряд, стоящий за городом на пикетах, и два парка артиллерии, не свыше 70 орудий, русской и прусской, стоящие также за городом. Граф прибыл к молебствию, и оно началось; в середине оно прискакал казачий офицер с пикетов с донесением, что невдалеке от города показалась неприятельская конница. Граф, выслушав, отвечал, что это, может быть, из войск, отступивших из города,—молебствие продолжалось. К концу молебствия прискакал казачий штаб-офицер, командовавший всеми передними пикетами, нашел его уже в соборе городском и донес, что французская кавале-

рия великою массою идет рысью к городу и что это не что иное, как авангард главной армии французов под командою Наполеона!¹³⁸ Ту минуту войска, которые стояли у молебствия, получили приказание идти за город и становиться на позицию и прикрыть артиллерию, которая успела стать к орудиям и открыла огонь по кавалерии. Но пруссаки, не бывши собраны к молебствию, не успели скоро выйти из квартир и потеряли всю артиллерию. При всей близости неприятельской конницы во множестве русская артиллерия сильно дралась, поддерживаемая пехоты скорым батальным огнем; но горе великое — их небольшая горсточка, на подкрепление нет надежды, оно весьма вдальке. Уже подошла и пехота неприятеля, колонны оной начали обходить во фланг — граф, скакавший по всем пунктам, заметил, что правой фланг русской начал колебаться; видевши неприятеля, готового ударить их в штыки во фланг, прискакал к оному, но в этом месте была уже густота великая во множестве пуль французских. Так сей герой, скакавши к оному, заплатил своею жизнью за свою оплошность — кусок гранаты раздробил ему плечо. Войска в беспорядке начали отступать к своему спасению и по разным дорогам^{* 140}. Неприятель вошел в город; полки, которые были расположены в окрестностях оного, не давали ему почти целую ночь покоя; пришедши к городу, находили в оном французов; давши залп пулями, отступали, пользуясь темнотою ночи, по разным дорогам, а пруссаки некоторые и сдавались. Так сей храбрый корпус, потерявши многих и начальника, и сам рассеялся по разным сторонам¹⁴¹.

Небольшая частичка оного корпуса прибылась к маленькой крепостице и г[ороду] Витри, в оной находилось два полка пехоты, полк драгун и батарейная рота артиллерии; нашли оную крепость занятою небольшою частию прусских войск. Не так в продолжительном времени показался тот же неприятель, то есть главная армия французская под командою Наполеона, состоящая из обеих гвардий его, старой и новой, и из отборных войск в числе около пятидесяти тысяч. В крепости же Витри

* При ретираде из числа артиллерийских офицеров в звании в то время штабе-капитана, а ныне известный по весьма великим уже заслугам и высокому званию Михаил Николаевич Жемчужников¹³⁹ бросился сам в город отыскивать отставшее одно орудие, проехал даже одну улицу и в другой был взят в плен (Примеч. авт.).

находилось не более как до пяти тысяч русско-прусских войск под командою генерал-майора Васильчикова *¹⁴². Войска французские, стянувшись в густые колонны, стали в виду города почти на пушечный выстрел; кавалерия, рассыпавшись перед оным, открывала наших стрелков, подъезжая к форштадту. На другой день Наполеон чрез маршала¹⁴³ потребовал сдачи крепости Витри; генерал Васильчиков, выехавши из крепости для переговоров, дал следующий ответ: «Русские без бою не сдаются».

Наполеон присылает вторично сказать, «что у него 100 орудий готово к штурму города и что по взятии оного никому не будет дарована пощада». Генерал Васильчиков вторично дал ответ, «что в императора Наполеона воле располагать побежденными, но русские не побеждены еще и будут защищать свой пост до последнего человека». Так сия небольшая частичка войск прусско-русских была в совершенной опасности быть истребленной от лучших войск французских. На другой день войска французские начали делать приуготовления к штурму: множество заметно было привозимых на форшнахах¹⁴⁴ фащин¹⁴⁵ и приготавливались лестницы. Витри — крепостица была обведена сухим рвом и весьма невысоким старым валом, а впереди каждых ворот — наскоро устроенные полевые укрепления. Так русские ожидали, может быть, и ночного штурма, но с одной южной стороны только ночью подходили неприятельские стрелки к форштадту и нашли бдительность батальона пехоты великую и с огнем, разведенным около каждого дома,

* Мне досталось в оном городе иметь квартиру [у] директора окружного их училища. С первых дней никого в доме не было видно, кроме хозяина и прислуги; но после директор меня представил двум молодым дочерям своим и просил меня об их покровительстве, в особенности от прусских войск, здесь бывших; но они больше всех боялись наших казаков. Красота, воспитание и веселость сих девиц были главным достоинством; составяя ипогда за обедом с булочных шариков колонны и линии войск, поставя и начальников, оканчивали штыками русских со словами: «Все потеряно». Сзади своего двухэтажного домика имели картинную галерею, оранжерею, садик и цветник; здесь послеобеденное время они проводили в маленьком молчоне, и в это время можно было видеть их искусство, ловкость и гибкость в игре в волан. Привычка меня видеть каждый день в своем семействе была поводом, что во время прихода Наполеона к оному городу с войсками хозяин, прощаясь со мною со слезами, вручил мне лоскуток бумаги, на коем выражался так: «Благородный офицер! Примите мою благодарность за доброе и ласковое пребывание в моем доме; в случае несчастья с вами, раны или плену, прошу вас ко мне, найдете верное спасение и успокоение» (*Примеч. авт.*).

чтобы в случае напора великого неприятеля оный форштадт зажечь; так, пустивши батальный огонь, стихли. С рассветом дня неприятель, видно было, хлопотал наскоро приготовлением пищи; к 9 часам некоторые колонны начали становиться в ружье и показалась густая цепь стрелков, к крепости идущих, но с этим вместе стали слышны быть пушечные выстрелы, только далеко от крепости. Русские воины стали припадать к земле, слушать оные и узнавать, сближаются ли они или пройдут мимо крепости и кому Бог пошлет помощь, как вдруг на цепи стрелковой неприятельской офицер передал лоскуток бумажки, в коем значится: «Действующая впереди их главная армия преследует стороною наших два корпуса, разбивши оные, и что крепости приличнее сдаться на капитуляцию». Но опытность русских артиллеристов по вслушании в выстрелы явственно различала, что выстрелы, ближайши к ним, реже и слабее; противной же стороны впереди оных гораздо чаще и сильнее; так заключили, что русские войска преследуют французов, и в то же время выстрелы становились слышнее. Неприятельские войска хотя пришли в движение и изредка наша пальба пушечная в ближайши колонны была производима, но батарей неприятель не выпускал, может быть, из сожаления к городу, чтоб его не выжечь, перед вечером уже, еще гром катился сильнее и выстрелы сближались с крепостью, и наконец сзади крепости, на горах, как лес дремучий, показались колонны кавалерии, и увидели бегущих французов. Это прибыла главная армия союзных войск, показались гвардейцы в крепости, следом въехал государь Александр с прусским королем; на другое утро объехали ряды войск на валах, приветствовали: «Здорово, ребята!» Ответ сопровождался по всей крепости криком «Ура!». Неприятель в ночь отступил от крепости; для преследования оного из главной армии отряд русской кавалерии, состоявший тысяч из семи, послан был. Государь, поблагодаря коменданта за несдачу крепости, которую не менее того он сам спас, отправился с войсками по дороге к Парижу!

По тесноте всех скопившихся вместе союзных войск во Франции необходимостью нашли для лучшего продовольствия сделать некое распространение, а по сему предмету кроме корпуса графа Сент-Приеста рассеянного подверглись на походе уничтожению еще два корпуса, один под командою генерал-лейтенанта Капцевича¹⁴⁶, а другой под командою генерал-лейтенанта Олсуфьева¹⁴⁷.

Этот корпус, идя в назначенные ему квартиры, на дороге был встречен главною армией французов под командою Наполеона, быстрая атака оными войсками заставила стать корпус на позицию и обороняться. В сие время французская кавалерия, обогнувши кольцом российские войска, начала в тыл поражать картечью, так сие храброе воинство гибло кучами верною смертию и возбудило в самых врагах сожаление, они издали ему кричали: «Сдавайсь, русс!» Корпусный начальник, залившись горькими слезами, вставши с лошади, кричал: «Бросай ружья, ребята!» — и сам, махая белым платком, взят был в плен и имел честь тот вечер отужинать с Наполеоном. Другой корпус, генерал-лейтенанта Капцевича, таким же образом истреблению подвергся и рассеянию, но сам начальник спасся с конною ротою и частичкою кавалерии. Сие самое побудило государя Александра взойти в квартиру главнокомандующего австрийских войск князя Шварценберга¹⁴⁸ и сделать ему упрек: «Князь, вы спите!» — и приказал тронуться всей главною армией с места и отыскать Наполеона. Главная армия, тронувшись с места, вдруг преградила дорогу ему к Парижу и, настигши, могла совершенно его армию истребить. Но он подвергся только сильному натиску и быстрому преследованию до крепости Витри, а от оной главная армия его оставила и двинулась к столице Франции, а для наблюдения его преследовал генерал-майор Винценгероде¹⁴⁹ с небольшим отрядом легкой кавалерии, как выше сказано — до семи тысяч, которой он тотчас выследил, что он невелик, внезапно в лесу было его отрезал и, напавши на оный, отнял половину конной батареи; и отряд оный, с потерею немалою пробившись, отступил за главною армиею. Наполеон же опять взял направление к крепости Витри.

Союзные войска, прибывши к г[ороду] Парижу, нашли его склонным уже к сдаче и с войсками, которые в нем находились. Одна гора Монмартр сделала некое сопротивление, и то, увидевши идущие колонны на оную в штыки, безостановочно сделавши несколько выстрелов с батареи, все разбежались¹⁵⁰. Союзные монархи, вступивши в Париж, учредя новое правительство, уничтожив власть в войсках Наполеона, приказали его самого арестовать и гвардии его разойтись по домам.

Наполеон, получив известие о занятии Парижа около города Сент-Дизье, прибыв с вечера обратно к Витри, уже не занялся оной, а поутру рано форсированным маршем пошел к замку Фонтенбло, куда прибывши с ве-

чера, отдал приказ своей гвардии и протчим войскам, с ним бывшим; описывая в оном вероломство г[орода] Парижа с национальной его стотысячной гвардиею и протчих войск, кои в сие время в оном находились, предположил наказать как город, так и виновных, участвовавших в сдаче оного, назначил утром смотр войскам. Но ночью получен старшим генералом по нем маршалом Неем из Парижа приказ от высшего правительства, коим уничтожалась власть Наполеона с отдачею его под арест, что было скрыто до самого окончания его смотра войскам¹⁵¹. Утром, объезжая ряды, он еще слышал радостные крики своих воинов, говорил к ним прокламацию об измене Парижа и об его наказании через поход к нему; на все сие тот же один ответ: «Да здравствует император Наполеон!» Но при отъезде его уже от войск собравшимся всем генералам был объявлен полученный из Парижа от нового правительства манифест, на что весь генералитет между собою согласился оное выполнить и приказал по полкам положить оружие. Но сие от штаба Наполеона не могло уже укрыться, и доложено ему было, но следом за сим и все почти генералы его войск к нему взошли. Нашли его уже приготовившимся их встретить с заряженным пистолетом, лежащим на столике в зале, и его подле оного стоящим; когда показался впереди первый генерал, он взялся за пистолет, но вдруг увидел их всех, подавшихся вперед, и услышал голос: «Сдайся, император!» С смертно-бледным лицом он положил обратно свой пистолет и подле оного, вынувши, свою шпагу и сам удалился во внутренние покои, кои уже были окружены караулом¹⁵². С согласия всех союзных государей приговор был сделан — дать ему для жительства остров Эльбу с полной его свободой и управлением оным, куда он и был отправлен*. На престол же Франции призван был прежней династии Бурбонов Людовик XVIII¹⁵³ и возведен на оный королем. Войска же всех союзных держав возвратились в свое отечество.

Наполеон Бонапарте на острове Эльбе чувствовал в полной мере потерю величия великого и могущественного императора и славы победителя почти целой

* Дорогою в одном местечке была приготовлена высокая виселина, где была повешена большая кукла Наполеона, и когда поравнялся сто экипаж с оною, то был остановлен толпою народа, хотели его выгадить и повесить, но избавлен был ехавшим сзади русским полковником графом Шуваловым¹⁵⁴ (Примеч. авт.).

Европы. Имея множество приверженцев во Франции к себе, он менее как чрез восемь месяцев выступил смело обратно из острова Эльбы на берега Франции, и везде загремело во множестве народа: «Да здравствует император Наполеон!» Войска спешили целыми корпусами от имени короля воспрепятствовать его вторжению, и все с радостными криками сдались ему; и наконец столица, все крепости и вся Франция покорились ему¹⁵⁵.

Прусские войска первые были собраны на новых своих границах, прилежащих Франции, не в дальнем расстоянии и англинские. Нападение Наполеона воспоследовало на прусские войска почти внезапно, быстро и решительно. Прусские войска с их позиций были сбиты и в беспорядке начали отступать до такой степени, что сам главнокомандующий князь Блюхер был в тесноте сшиблен с лошади и мимо его, прикрытого ординарца плащом, пронесся целой эскадрон конницы французской. Отделив от армии целой корпус, тогда когда бы следовало со всеми силами идти за пруссаками или со всеми силами заставить англичан переменить позицию, которую они имели весьма крепкую и ожидали французов почти в укреплениях; но сего не воспоследовало, гений искусного полководца его оставил, он приказал отделенному корпусу быстро преследовать пруссаков. Но командир одного корпуса не мог сего вполне выполнить с боязни быть разбитым впереди значительными пруссаков силами — отстал. Сам же Наполеон с остальными войсками форсированно пошел на англичан и нашел в весьма крепкой их позиции. Пруссаки, не заметивши за собой никого близко и тыл безопасным, поворотили также к позиции англичан, а услышавши выстрелы, пошли форсированно к оной. Наполеон, выславши значительное число батарей, повел атаку на англичан, усиливая атаку постепенно и пехотою, но англичане упорствовали и оставались непоколебимыми в своей позиции. Уже за полдень! Наполеон усиливает атаку батареями — около 100 орудий действует по англичанам, и батареи французам еще увеличиваются, резервы англичан уже все вошли в дело. Французская кавалерия начала массами ходить в атаку. Англичане первыми вечером начали колебаться и близки уже были к всеобщему отступлению, а французские резервы еще не вступали в дело, как на правом фланге французам показались войска. Обратив внимание на оные издали, Наполеон оных еще счел за свой корпус, оставленный преследовать пруссаков; но вдруг открытый

огонь прусской артиллерии по его правому флангу удостоверил, что это пруссаки пришли на помощь англичанам. В сию решительную минуту также гений великого полководца его оставил — вместо высылки батарей против пруссаков и резервов своих, пехоты и конницы, кои еще в деле не были, сие, навверное, ему послужило бы, пользуясь темнотою вечера, к порядочному отступлению и спокойному, ибо англичане имели уже великую потерю и были ослабевши. Но Наполеон, обратив все свое мщенье на англичан, приказал всем своим как пехотным, так и кавалерийским резервам и всей гвардии идти в атаку на позицию англичан, сим своих сам оттеснил. Прусская конница с батареями конными начала захватывать их почти тыл и бросилась в атаку, пехотные колонны приблизились к правому флангу французов на батальный огонь. Французские войска стали смешиваться между собою, и конница их стала давить свою пехоту, и, наконец, все, рассеявшись, побежали назад, не слушая никаких приказаний. Наполеон, заметивши это, сказал: «Они смешались» — и было хотел туда доскакать на лошади, но был удержан своим при нем находившимся штабом; артиллерия его, видя себя оставленную, бросила все свои орудия, коих было до ста пятидесяти, и поле битвы осталось только усеянным бесчисленным множеством погибших трупов; убитых находили до половины тела от головы рассеченных, и армия французская как будто не существовала¹⁵⁶. Наполеон же сам сдался военнопленным англичанам и от союзных государей был приговорен к ссылке на отдаленный остров, весьма малый, состоящий почти с одной скалы Св. Елены, без свободы, во владении англичан.

Между прочим, русские войска, также по союзу с европейскими государями, тронулись из отдаленной своей страны и прошли в числе 200 тысяч всю Пруссию, Саксонию и все на пути германские народы, явились на берега Рейна в грозном виде с распущенными их знаменами, громкими музыками и вступили в пределы Франции¹⁵⁷. Некоторые крепости не все еще были сдавшиеся королю, в том числе крепость Верден; небольшой отряд русских был послан под оную, состоящий из двух полков егерских, одной батареи большого калибра и полка драгун под командою генерал-лейтенанта Вунча¹⁵⁸. Отряд, пришедший под крепость, заночевал в 7 верстах от оной; на другой день, осмотревши оную, нашел высоты с северной стороны выгодными для действия артиллерии, а драгуны

очистили оные от аванпостов неприятельских. Утром же подошел и весь отряд к крепости. Фланкеры¹⁵⁹ драгунские рассыпались по равнине перед крепостью для открытия стрелков. Командиру полка драгун велено потребовать парламентаря для переговоров об сдаче крепости. Гарнизон крепости превышал более как вдвое отряд, исключая на валах множества крепостной артиллерии; так и воспоследовал отказ в сдаче русскому отряду. Командующий генерал-лейтенант Вуич приказал, сближаясь с крепостью, занимать высоты артиллериею; взвозя орудия медленно, поодиночке, полки начали всходить повзводно и редко и медленно один от другого, и чрез сие полдня прошло в выстраивании войск; но вид из крепости был множества войск, становящихся к атаке крепости; когда взошли на высоты оба полки и артиллерия, то вторично послац был парламентёр для переговоров, которого они впустили в крепость и ввели в городовую ратушу, где, после долгого совещания, сочинили капитуляцию об сдаче крепости на таком основании, «чтобы русские войска отступили от крепости; она должна подлежать французскому правительству, которое постоянно утверждено, и, ежели королевская особа в Париже, в таком случае сдается крепость под его распоряжение». Начальник отряда не согласился на отсрочку, а уведомил, что действительно король вступил в управление и приказывал, как союзник Франции с войсками в пользу короля, выставить в крепости на валу белое знамя и чтобы крепость отворила ворота, иначе действие военное начнется. Крепость выставила на валу белое знамя, но войска все должны были отступить, и вход и въезд в оную был позволен только на весьма короткое время, и то почти поодиночке и не свыше трех-четырех человек. Когда королю допесено было об сдаче крепости, он было пожаловал штаб- и обер-офицерам орден под названием Белой Лилии¹⁶⁰, но государю Александру угодно было оной вовсе запретить носить по его ничтожности.

Союзным государям угодно было видеть устройство и блеск российского воинства, прибывшего во Францию, по косму случаю и назначены государем императором маневры на полях Шампани, близ местечка Вертю¹⁶¹, где и были собраны 200 тысяч русских войск поблизи гор и были поставлены в три линии в боевой позиции. К дню маневров для лучшего блеску государем все милостивейше были пожалованы знатные суммы в армию для обер-офицеров на золотые и серебряные вещи. Маневры совер-

зились в присутствии императоров России, Австрии, королей Пруссии, германских с их герцогами, принцами, главнокомандующими, знатнейшими вельможами, и горы были усеяны бесчисленным множеством народа. Вместо команды сигналы подавались с горы, где присутствовал государь, пушечными выстрелами. Грозной строй казался в виде огромной движущейся машины, переменяя после каждого выстрела разные виды и по разным направлениям, и вдруг по шестому выстрелу пушечный гром и батальный огонь ружей всей армии потрясали воздух и помрачали солнце облаками порохового дыму. По седьмому выстрелу кавалерия вся понеслась рысью — эскадронами, артиллерия — целыми батареями, пехота — батальным ускоренным маршем мимо союзных государей.

Великое удивление было европейских государей на сих воинов; гигантская армия, покорившая почти всю Европу, пала в короткое время в их отечестве, и мужественная неустрашимость оных воинов в заграничных боях в виду тех же самых государей придавала им еще более того блеску удивления.

На другой день войска были собраны опять к горам, уже для принесения благодарственного молебствия царю небесному, вместе с их монархом, приветствовали его радостными криками «Ура!». После чего, оставя своих единоземцев, 40-тысячный корпус, на четыре года для поддержания престола во Франции Бурбопов¹⁶² и для спокойствия своих врагов, двинулся во многих колоннах в свое отечество. Проходя разных германских народов, их красивые города, богатые деревни, плодоносные равнины, горы, усеянные виноградом, где на нескольких верстах представлялись прекраснейшие картинные виды, находили везде жителей, прославляющих имя монарха Александра I, построенные триумфальные ворота с надписью: «Избавителям Европы!» Везде оказывалось им уважение, ласковость, гостеприимство и все выгоды приятного отдыха после марша.

Обзор обоюдных военных действий

В пространстве времен история показывает обыточность многих уже войн между народами; мир основан на коловратности и непостоянстве в образе жизни людей, и счастье смертных часто подлечит изменению, ибо оно

им и не назначено на земле в совершенстве; без того бы шла беспрерывная цепь благоденствия и спокойствия народов. Нет сомнения, что идут и впереди многие еще войны! История и оные также покажет и нашему потомству, но вечность много поглощает истин в событиях даже чрезвычайных, и они по прошествии веков от разных случаев вовсе исчезают или кажутся несбыточными или маловажными. Так, письмена, изображающие характеры народов и последствия их доброй нравственности, всегда должны быть в уважении и остаются памятниками полезными.

Война целой Европы в России в показанное здесь время есть чрезвычайная и памятник одного государя, пожелавшего возвыситься до обладателя значительного количества царств на земле. Вначале щастие ему благоприятствовало, но гению его воинственному положен был предел, но он сего не замечал. Возвысившись высоко, он меньше стал обдумывать порядок своей цели; беспредельность желания славы тяготила медленностию его душу, хотелось и великие предприятия кончать скорей, и, наконец, жизни бы его недостало окончить оные..

Так, Наполеон велик был по природе в искусстве полководца действовать войсками, но иногда он уже надеялся на сверхъестественные силы своих воигов переносить при тяжких походах голод, жары и стужу; конечно, при томительных трудах и беспокойстве смерть покажется отдыхом и не так страшна, но она всегда почти приходит не вовремя и не по желанию такого политика! В Египте армия Наполеона¹⁶³ вся почти погибла в сыпучих песках, томимая от жаров, жаждою и голодом. Военная его тактика была медленная, а через сие в его генералах и в нем самом замечалась некая медленность в нападениях; обзор делался всегда противной стороны продолжительной, хотя бы и имел великий перевес в силах. От сего происходило: небольшой страх его войск и упорство оным. Когда же брал верх, то некая робость замечалась в его преследовании, оное всегда было медленное.

В России, под местечком Островно, как значится в сих записках, шеститысячный отряд русской напал сам на семидесятитысячный авангард всей его главной армии. Но одна запальчивость лейб-гусар была причиною потери их и полубатарей, но протчий отряд, подошедший к ним на близкое расстояние, упорствовал и противился с утра до вечера. Я, бывши в сем деле лично, выбегал три

раза на рысях с четырьмя артиллерийскими орудиями против их кавалерии и артиллерии; по второму разу подвергся атаке их конницы, но, прибившись к кустам, отбилсЯ с егерями от оной; по третьему разу ставши на позицию, не допускал идти их колоннами по дороге. На другой день неприятель не вдруг решился идти по следам сего отряда и едва около позднего вечера сделал около 8 верст¹⁶⁴. Но случилось, удары их были чрезвычайно верны и наносили немалой вред, но при смелом сближении с оными они уже не были так опасны. Под селением Бородино бывший в то время Кемзольский¹⁶⁵ пехотный полк*, ставший на левом фланге на позицию боевой линии фронтом, вдруг был атакован двумя орудиями артиллерии и несколькими эскадронами конницы¹⁶⁶; сначала их ядрами поражали, потом половина эскадронов долетела до полка. В сие критическое время я был потребован с четырьмя батарейными орудиями к полку; добжавши на рысях¹⁶⁷, с правой стороны ударил картечью в конницу; сие заставило их оглянуться — и назад врассыпную. Тотчас же примкнувши к правому флангу полка, заметили остальную кавалерию, подходящую ближе шагом; с согласия старшего по полку мы с оным вместе двинулись вперед до 70 сажен, и в ту минуту посыпались наши картечные выстрелы; к удивлению нашему, кавалерия остановилась**. В благодарность ей я уже посоветился стрелять в оную для сбережения оставшихся картеч и начал действовать в их артиллерию, чтобы избавить пехоту от убыли в людях¹⁶⁸; но и артиллерия их, бывши конфужена приближением, не успела переменить своих навесных выстрелов, и множество их ядер летело чрез нас. Впоследствии времени от прибывших им еще на помощь двух орудий артиллерии мы много потерпели, и я, выпустивши все заряды, замолчал; но прибывшие к нам на помощь наши четыре орудия и два взвода драгун¹⁶⁹ подали далее их конницу влево, наконец [она] и исчезла.

Гигантская армия, введенная Наполеоном в край, великий пространством пределов, но не часто населенный, должна была предпринять к этому весьма дальний поход для окончательного результата, и надо было ожидать, что и не весьма щастливого, ибо войска с половины

* Пыше императора австрийского полк (Примеч. авт.).

** Что видно из грамоты, данной мне из Капитула российских орденов на золотую шпагу с надписью: «За храбрость» (Примеч. авт.).

похода начали чувствовать усталость и нужду в продовольствии; армия, впереди их ретирующаяся, была маленькая, но им ничего лишнего не оставляла, и хотя им льстило, что она от них бежит, но по мере их расслабления она становилась упорствующею сильнее, так и дошло дело до генерального сражения под Бородином. Здесь Наполеон еще видел, что по количеству войск он может иметь перевес, но уже истощатся все почти силы армии, а способы к усилению и подкреплению войск без надежды отдалены; но, видно, заключал, что русские его не прозрели и страх велик его. Но главнокомандующий россиянами первое показал ему искусство, как в деле малыми частями противостоят большим массам. Это он видел по левому флангу русских. Атаковавши его почти вдвое и заставивши изменить боевые линии, он думал, что начнется ретирада. Нет, сражение тогда только началось, когда подошел правый фланг и центр армии! И с этим вместе атака кавалериею его левого фланга как его генералов, так и самого его уже испугала¹⁷⁰, и он ослабел, что было явственно видно. В таком положении он и пущен в Москву! 20 тысяч кавалерии и гвардейский корпус удачною ночью атакою на усталых французов могли остановить и не допустить их до Москвы! Но впоследствии доказала лучше гораздо, так он и засел в западне, оная Москва!

Порядок в оной войне российских войск был благословляем на то время как в войсках, так и в гражданском сословии. Рассыпавшиеся по небольшим частям так называемые корпуса по разным местам России, ежели бы вздумали где-либо противиться великой силе противной стороны, были бы неизбежно все порознь истреблены. Начальники оных корпусов все были некусны и опытны, и при всей великой опасности избегали быть отрезанными один от другого. Второй корпус, бывший на то время под командою генерал-лейтенанта Дохтурова¹⁷¹, оставался с левой стороны по дислокации от главной армии и в неизвестности был некоторое время его соединения. Я сам лично был по сему предмету с взводом казаков командирован для отыскания оного корпуса. Получив данные мне депеши из главной квартиры с приказанием от начальника штаба генерал-майора Ермолова¹⁷², «своротя с большой дороги круто влево, ехать в прямом направлении от оной в сторону верст до тридцати, и ежели можно, и более, и в случае опасности плену стараться ту минуту депеши истребить, дорогой иметь военную

осторожность и без авангарда в деревни не въезжать, в каждой из них расспрашивать об войсках как наших, так и неприятельских». Так отправясь и проехавши три деревни, в последней, четвертой, на 33-й версте, узнаем от поселянина, что поутру, не так рано, проехал французский разъезд, довольно значительный, оную деревню,— это значит в одно время, как я выехал из главной квартиры,—но направление его прямое, т. е. в параллель большой дороги, а выстрелы слышны были с левой стороны. Мы по выстрелам заключили, что в одной стороне должны быть непременно наши,—решились еще проехать до пяти верст и увидели вдали синеву дыма. Подъезжая осторожно, казаки открыли на пикетах стоящих часовых и весь корпус на позиции наш. И доселе не могу забыть радостного и ласкового приема сего мудрого и доброго душою военачальника, к которому я почти во весь галоп вскочил в двор его квартиры с казаками и вручил ему депеши. Он спросил меня: «С главной квартиры?», обнял меня, приказал напоить чаем, и изустно от него услышал, что он уже два раза натыкался на упомянутые мною французские разъезды, но они идут все почти в параллель ему с левой стороны, и ежели бы я еще далее проехал, то встретился бы с неприятелем, и после расспросов о благополучии нашей части войск он вручил мне ответные депеши, и я без отдыха ночью отправился обратно; в ту же минуту и весь корпус выступил на всю ночь почти по моим следам и на другой день к вечеру благополучно соединился. Не могу также не выразить страх, наведенный в то время в российской армии под г[ородом] Дриссою: едва половинная частичка оной, которая была под Бородином, остановилась выжидать всей главной армии неприятеля в полевых наскоро устроенных укреплениях, имея вблизи в тылу себя значительную реку Двину и один только понтонный мост. Никто не сомневался в атаке около 500 тысяч их войск, и вернейшее — отступление российских войск в самом ужаснейшем виде чрез мост, ожидали даже, что придется вылавь чрез реку, но благодаря всевышнему, простояв в оном месте несколько дней, благополучно отступили.

После всех трудов продолжительной ретираты и битв с неприятелем армия достигла с[ела] Тарутино! Здесь теперь се был величественный, и уже ясно видны были плоды мудрого распоряжения войсками; совершенное расстройство и разбитие неприятеля под Малым Ярославцем, довершение его истребления при ретирате есть

памятник на целые тысячелетия чрезвычайный, ибо и история мало показывает таких примеров¹⁷³. Последствием всего — вступление войск за границу, но в действиях кажется от быстрых походов вперед проигрыш Лютценского, Бауценского сражения, а с сим вместе и скорое отступление российско-прусских войск опять к границам Польши. Перемирие с Наполеоном было благодетельно и сделало большой перевес в военных действиях по случаю соединения австрийских войск и прочих держав. Победа шла за победой, потом вступление войск и внутрь Франции, но и потеря в оной трех российских корпусов, как-то: генералов Сент-Приеста, Олсуфьева и Капцевича, значится по истории немалым сожалением о сынах России! Тому причиною праздное бездействие войск против главной армии Наполеона и медленное весьма прибытие соединенной армии к Парижу. Но, по определению судеб божиих, Россия взросла и уничтожила на то время врагов своих, явных и дерзких, и в недрах ее и ныне скрываются невидимые силы! Это привязанность народа к своей вере и отечеству, и как он ни прост, но знает, что лучше держаться сего пути.

Заслуги партизана, артиллерии штабс-капитана,
впоследствии Главного штаба подполковника
и кавалера Александра Самуиловича Фигнера
1812 и 1813 годов

Штабс-капитан Фигнер¹⁷⁴ в 1812 году прибыл в 11-ю артиллерийскую бригаду из Турции, имея за отличие орден Георгия 4-й степени. По личному сего показанию, вызывались охотники под крепостью Рущуком¹⁷⁵ для измерения глубины и ширины крепостного рва и, ежели можно, высоты вала с инженерных или артиллерийских офицеров. Он явился первым к главнокомандующему и сделал уверение, что он дело исполнит сие самым аккуратным образом, ежели возвратится назад. Так немедленно в темноте ночи отправился к крепости; ползши долго на руках и на животе до рва, выполнил по возможности эту порученность, взялся охотником на штурм крепости, и оказалась верность в его измерении, за что и награжден вышепрописанным орденом. Имев довольно именитого родителя по состоянию в звании гражданского губернатора¹⁷⁶, он как по воспитанию, так и по

природе имел необыкновенную способность к изучению иностранных языков, объяснялся на трех — французском, немецком и италийском, в особенности на французском говорил так, что не всякой природной француз мог так правильно выражаться. С открытием военных действий против французских войск он, по убыли ротного командира, оставался старшим и командующим ротой. По оставлении нашими войсками г[орода] Смоленска во время отступления он остановлен с ротой в арьергарде, скучал, стоявши со своею батареею в ожидании действий неприятеля против себя, и, увидевши впереди себя множество стрелков в деле в кустах, отправился к ним и, поощривши их двинуться с ним вперед, лично сам взял в плен их капитана и представил его к главнокомандующему, потом явился на свою батарею, двинул и оную вперед, действовал довольно хорошо, за что награжден чином капитана¹⁷⁷.

Более не находя случая к отличию себя, особенно до отступления русских войск к Москве, здесь, с позиции перед оною, явсья к главнокомандующему, объявил про один пункт, где пожелал стать с своею батареею. Со вступлением же французов в Москву начало в нем замечаться что-то особенное, чего он никому не открывал, как-то: запускаемая, небритая борода и всклокоченные, запускаемые волосы на голове; и по прибытии войск наших к Тарутино он просил позволения у главнокомандующего отлучиться в Москву, узнать совершенно, в каком положении неприятель, и получил приказание отправиться. Надев на себя лохмотья самого бедного последнего сословия нищего старца, дошел до Москвы, пробрался в улицы оной, дошел до Кремля и начал нантомимами испрашивать подавание хлеба, но скудно очень оный доставал, терпел и голод. Как вдруг взят был одним французом к дому, где стоял главного штаба Наполеона высокого звания чиновник в должности помощника начальника штаба; поручено ему было таскать, где пойдет, дрова, топить печки и исправно смотреть за оными, был причислен к прислуге и питался с нею вместе. Слышал их всех разговоры, особенно генералов, приходивших к хозяину, где он жил, но имел одно помышление, которое его не оставляло ни день ни ночь, — это убить Наполеона!¹⁷⁸ И как кажется, он о своем сем намерении перед отходом в Москву предъявлял сие достоверно неизвестно кому. Подумал прежде как-нибудь поместиться в Кремле, вышел утром прямо в ворота, но в оных был

тотчас остановлен часовым — старой гвардии солдатом прикладом ружья в грудь до упаду с ног. Так лишась оной надежды, явился опять к прежнему своему хозяину; вечером слышит разговор, что назавтра крайне нужно отправить с депешами от Наполеона офицера в авангард и что надобно поискать верного проводника, который бы довел до того места. Взявши сие на замечание, показавшись ему оный случай лакомым. Вставши поутру рано, вытопил свои печки и ни шагу с передней. Генерал, рано вставши, видит в передней своего истопника исправным, приказал позвать поляка и велел спросить у Фигнера, не знает ли он до такой деревни дороги. «Знаю». Генерал приказал ему объявить награду — несколько червонцев, ежели он возвратится назад, а на место его приказал найти другого истопника. Явился офицер конно и два рядовых улана, посадили и Фигнера на лошадь и отправились прямейшим трактом на ближайшие аванпосты казачьи. Всю дорогу он думал, как их сдать казакам, чтобы не ускользнули. Прибывши к деревне около четырех верст от аванпостов русских, он сказал, чтобы они в этой деревне сделали добрый отдых, уже ехать недалеко, а он пойдет расспросить, нет ли какой опасности впереди, и чтобы они его дожидались непременно. Они вошли в избу и расположились на отдых, а он поскакал на лошади прямо на пикет, объявил, что в деревне есть неприятельской офицер с депешами и два улана польские с ним. Весь пикет кинулся с ним, и нащли их в избе спящими. Фигнер, вошедший в избу с казаками, разбудил офицера, сказал ему по-французски: «Вставайте, я привел вам проводников! Давайте ваши бумаги, мы их вместе доставим в их место». Казаки обезоружили улана и представили к главнокомандующему. Когда доложили ему, что капитан Фигнер прибыл с пленными, он его не узнал, вошедшего с офицером и с бумагами, спросил: «Где Фигнер?» Когда он сказал: «Я, ваше сиятельство!», он его обнял, поцеловал, долго с ним разговаривал после и наедине. Когда спросили с пленного офицера, был ли он знаком в Москве с своим проводником, он показал, что он служил истопником у их помощника начальника главного штаба Наполеона в виде нищего. Фигнеру по высочайшему приказу велено состоять по гвардии.

Но он одной просил награды у главнокомандующего — чтобы иметь свою партию наездников, на что и впоследствии согласие; дана была ему партия сначала 300 человек кавалеристов разной конницы, с которыми

он, скрываясь ночью в лесу почти в тылу неприятеля, внезапно нападал на разные партии фуражиров по деревьям, по дороге на обозы и подвоз провианта или фуража, останавливал и предавал огню. Наживши себе таким образом полное одеяние французского штаб-офицера с фуражкой, надел на себя и небоязненно из лесу несколько раз отправлялся в стан неприятельской, на биваках у огня дружески разговаривал с ними, жаловался на недостаток всего в лагере, выпытывал, куда они намерены ехать — на фуражировку или за продовольствием, выспрашивая, как велика их партия, просил позволения послать совместно с ними свою партию и внезапно их истреблял и брал в плен. Один раз выехал в французский лагерь и взял с собою трубача улан, одевши его в их плащ и высокую их польскую шапку, приехал на их аванпостную цепь, отдал свою лошадь держать улану; беря лошадь, плащ его как-то распахнулся, и часовой заметил что-то сомнительное, взял было на прицел ружье в трубача, но вдруг громкий смех Фигнера с посыпавшимися колкостями на французском языке на часового и строгий приказ: «Не стреляй в своего!» поляка его остановил, и часовой, когда опустил ружье, получил от него похвалу за осторожное стояние, и поехал далее. Так в короткое время доставил множество пленных, офицеров и нижних чинов, и был произведен в полковники гвардии; партия же его была увеличена до 800 человек и четырех орудий конных артиллерии.

Но вместе с сим и слух по лагерю распространился неприятельскому, что партизан есть из русских, штаб-офицер, по фамилии знали, чрезвычайно смелый, приезжает иногда на их биваки и узнает, что нужно, и нападает удачно. Назначена была даже награда, кто его живого приведет или истребит. Так ему уже приходилось дело иметь гораздо с большими партиями фуражиров, которые прикрывались целыми батальонами пехоты с артиллериею.

Но дело шло все так для них неожиданно неудачно, что они бросали свои орудия, и пехота сдавалась, и неприятель все истреблялся и расстраивался и терпел уже великую нужду в продовольствии, как пехота, так и конница. Каждый почти день пригонялись партии пленных. Наконец французы нашли необходимостью подкрепить свой авангард пехотою, так до трех тысяч с бригадным их генералом и отделились от главной квартиры и следовали спокойно в тылу своего авангарда к оному, как

вдруг неожиданно верстах уже в десяти от своего места из лесу летит ядро, другое, и являются с разных мест разного рода кавалерия, гусары, уланы, казаки и рысью на картечный выстрел два конных орудия. Неприятель начал сворачивать с дороги и выстраивать фронт под выстрелами артиллерии, казаки начали обхватывать тыл. Наконец, сам Фигнер с трубачом выехал галопом на середину, труба потребовала переговоров и сдачи; подъезжает сам генерал, слышит правильный выговор своего языка и при приятном голосе самое красноречивейшее убеждение положить оружие. Генерал не пожелал сего, но попросил на полчаса прекратить действие для объявления о сем штаб- и обер-офицерам своего отряда. В это время весь отряд Фигнера из лесу вышел на большую дорогу с двумя конными на оной дороге орудиями и взял на прицел картечного выстрела — и время истекло полчаса; начальник отряда выехал и объявил капитуляцию отряда, что они оставляют оружие, но багаж, вещи и что есть собственное — все остается при них. Фигнер добавил, что и оружие оставляется как генералу, так и штаб- и обер-офицерам при них. Отряд оный прибыл в главную квартиру российскую и прошел в полном параде с музыками полков мимо князя Кутузова.

По случаю истребления французского авангарда под Тарутином и совершенного разбития всей неприятельской армии под Малым Ярославцем французы предались бегству, и с сим вместе и партизанство г[осподина] Фигнера окончилось¹⁷⁹, и за все его заслуги он награжден по собственному его желанию орденом, соответствующим званию генерал-майора уже, Георгия 3-й степени на шею. По прибытии к нашей армии государя императора был он потребован лично и удостоился весьма ласкового приваятия и назначен командиром иностранного пятитысячного легиона, состоящего из числа пленных, пожелавших штаб- и обер-офицеров и нижних чинов служить под знаменами России против французских войск. Давши оному легиону воинственное образование и по одеянию красивый вид и полное оружие, он с ним выступил за границу, бывши отдельным командиром своей части, и был всегда впереди армии, вступившей также за границу.

Какое было тайное сожаление об сем храбрейшем штаб-офицере, патриоте России, великих способностей полководца и ученейшем, но предопределение его было уже начертано рукой провидения. Руссы не были его

командою, которую он столько любил, что шаг его был вперед, так и вздох неизвестности об его жизни. Наконец мелькнул он уже на границе Саксонии с правой стороны от главной армии. Сколько он ни старался привязать оный отряд к себе ласковым и добрым обращением и милостивыми поступками, но они все, начиная от командиров полков, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, скрывали свой умысел, и никто ему не открыл. Не так большая частичка неприятеля в Саксонии мелькала за рекою Эльбою, которую он выследил и предположил разбить, не сомневаясь в успехе оногo. Ночью сделавши переправу чрез реку, на рассвете внезапно ударил на неприятеля. Вместо крику «Ура!» поразило сердце его ужасом: это крик «Виват император Наполеон!». В одну минуту выстрелы стихли, и легион этот положил весь ружья. Он один и при нем адъютант по фамилии русских дворян Беклемишев, сидя на лошадях, остались, кавалерия неприятельская кинулась за ними. Фигнеру как сдать-ся, когда жизнь его была оценена в России от неприятеля, так, не находя никакой надежды к своему спасению, он бросился вплавь в реку Эльбу с своим адъютантом, и оба погрязли в волнах оной. Так да будет надолго известна в потомстве слава его заслуг и ему от его соотечественников доброе сожаление с воспоминанием об герое, подававшем великую надежду на себя России.

Комментарии к воспоминаниям Г. П. Мешетича

¹ Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский государственный деятель и полководец, император Франции в 1804—1814 и 1815 гг.

² Имеются в виду, очевидно, записки Эммануила-Огюста Лас-Каза, камергера Наполеона, находившегося при нем на острове Св. Елены в 1815—1816 гг., которому Наполеон диктовал свои воспоминания. Известная книга Лас-Каза «*Mémorial de Sainte Hélène ou journal ou se trouve consigné, jour par jour, tout se qu'a dit et fait Napoléon durant 18 mois*» («Записки с острова Св. Елены, или Подневные записки всего, что говорил и делал в течение 18 месяцев находившийся там в заключении Наполеон») была издана в Париже в 1823 г., но имелись и более ранние публикации записок Лас-Каза о Наполеоне, известные в России. Так, в письме П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 2 ноября 1818 г. говорится: «Есть ли у Вас Лас-Казас?» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 138). Можно предположить, что Вяземский имел в виду «*Letter from the count de Las Cases, consisting of a second letter to prince Lucien Bonapart in which is contained an account of the circumstances, attending his arrest and removal from St. Helene...*» («Письмо графа Лас-Каза, состоящее из второго послания принцу Люсьену Бонапарту, в котором содержится отчет об обстоятельствах, сопровождавших его арест и высылку с острова Св. Елены...»). «Письмо», опубликованное в 1819 г. в Лондоне, написано было 8 января 1817 г., и, очевидно, оно-то и получило распространение в России. Обращает на себя внимание сходство отдельных положений «Письма» с характеристикой Г. П. Мешетичем личности Наполеона.

³ Александр I (1777—1825) — российский император с 1801 г.

⁴ Имеется в виду Жозефина Богарнэ (1763—1814), с которой Наполеон развелся в 1809 г.

⁵ Мешетич ошибается: имеется в виду великая княгиня Анна Павловна (1795—1865).

⁶ Мария-Луиза (1791—1847) — вторая жена Наполеона, дочь австрийского императора Франца. В 1811 г. у нее родился сын Жозеф Франсуа Шарль, провозглашенный наследником (ум. в 1832).

⁷ Согласно Тильзитскому мирному договору 1807 г. между Россией и Францией, имевшему неравноправный характер, Александр I признавал территориальные изменения в Европе, происшедшие в результате наполеоновских войн. Россия обязывалась разорвать с Великобританией дипломатические отношения и примкнуть к торговой системе так называемой континентальной блокады и вывести свои войска из Валахии и Молдавии.

⁸ Русско-шведская война началась в 1808 г., русско-турецкая — в 1806 г.

⁹ Имеется в виду Франц I Иосиф-Карл (1768—1835).

¹⁰ Имеется в виду Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), прусский король с 1797 г.

¹¹ Главные силы наполеоновской армии (свыше 440 тыс. человек) были развернуты вдоль Вислы. Между Одером и Эльбой находились резервные части (ок. 160 тыс. человек). Русская армия к началу военных действий насчитывала 480 тыс. человек, а против Наполеона с большим трудом удалось выставить 218—220 тыс. (см.: *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. С. 74—80).

¹² Одно из названий народного ополчения.

¹³ Имеется в виду генерал-адъютант Александр Дмитриевич Балашов (1770—1837), направленный 13 июня 1812 г. Александром I в Вильно для переговоров с Наполеоном о прекращении военных действий.

¹⁴ Т. е. плюмажами.

¹⁵ 1, 3 и 4-й корпуса русской армии прибыли в Свеняны (ныне г. Швенчёнис) 19 июня.

¹⁶ Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842), в начале Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант, с сентября — генерал от кавалерии, командир 1-го отдельного пехотного корпуса, прикрывавшего дорогу на Петербург. Отличился в сражениях под Клястицами и Полоцком. После смерти М. И. Кутузова некоторое время, с 16 (28) апреля по 19 (31) мая 1813 г., командовал союзными армиями, сменен после проигранных Люценского и Бауценского сражений. Затем командовал корпусом в Богемской армии союзников. С 1826 г. — фельдмаршал.

¹⁷ Войска 1-й Западной армии сосредоточились в Дрисском лагере 29—30 июня 1812 г. 1 июля было принято решение об отступлении к Витебску, 6 июля армия достигла Полоцка, а 11 июля — Витебска, где находилась в течение трех дней.

¹⁸ Приказ по 1-й Западной армии о получении известия о победе над Турцией был объявлен 11 июля 1812 г. (Бумаги Шукина. Ч. 10. М., 1904. С. 437).

¹⁹ Авангард французских войск, которым командовал Мюрат, был усилен кавалерийским корпусом Нансуги.

²⁰ Остерман-Толстой Александр Иванович (1770—1857), граф, генерал от инфантерии. В начале русско-французской войны 1806—1807 гг. в чине генерал-лейтенанта назначен командиром 2-й пехотной дивизии в армии Л. Л. Беннигсена. Отличился в сражениях при Чарнове и Пултуске на р. Нарев 11—14 декабря 1807 г., преградив путь численно превосходящим силам неприятеля. 27 июня 1812 г. назначен командиром 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Отличился в сражении под Островно 13 июля, в Бородинской битве 26 августа, в бою под Спас-Куплей 22 сентября, в Тарутинском сражении 6 октября, при освобождении Вязьмы и Дорогобужа (22 и 26 октября 1812 г.), в сражении под Красным 3—6 ноября. Под Бауценом 8 (20) мая 1813 г., защищая высоты на берегу Шпрее, был тяжело ранен. В августе 1813 г. командовал гвардейским корпусом в составе Богемской армии союзников. Прославился в сражении под Кульмом 17 (29) августа 1813 г., где потерял руку.

²¹ Т. е. дефиле — теснина, проход.

²² От французского *chasseur* — егерь.

²³ Кандыба, подполковник, командир 5-й конно-артиллерийской роты, был ранен под Островно картечью (Сто лет русской конной артиллерии. 1794—1894. СПб., 1894. С. 34). В Бородинской битве участвовал в сражении за батарею Раевского.

²⁴ Как указывается в Журнале генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии К. Ф. Толя, «2 эскадрона лейб-гусар, за коими следовали 6 орудий конной артиллерии роты Кандыбы, открыв неприятеля и преследуя его слишком горячо, наскakали на всю неприятельскую конницу, которая их обратила до нашей пехоты. При сем случае все шесть орудий достались в руки неприятеля» (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 178, л. 3).

²⁵ Котляров, подполковник, командир 11-й артиллерийской бригады.

²⁶ В сражении под Островно был убит командир бригады генерал-майор Окулов.

²⁷ Смысл этой крылатой фразы хорошо отразил С. Н. Глинка в своих «Записках о 1812 году». Вот что он писал о значении сражения при Островно: «Нужно было прикрыть движение главной армии и облегчить соединение ее с армией Багратиона. Яростно гремела неприятельская артиллерия и вырывала целые ряды храбрых полков русских. Трудно было перевозить наши пушки, заряды расстрелялись, они смолкли. Спрашивают графа: «Что делать?» «Ничего,— отвечает он,— стоять и умирать!» Русские стояли непоколебимо и отстояли новый путь к соединению армий» (цит. по: 1812 год в русской поэзии... С. 454).

²⁸ Гулевич, подполковник, командир 23-й батареинной роты, был награжден золотой шпагой за отличие в Бородинской битве (Бородино... С. 289). Отличился также в сражении под Вязьмой 22 октября.

²⁹ Имеется в виду 3-я легкая артиллерийская рота, потерявшая 60 канониров, 30 лошадей, четыре пушки и трех офицеров ранеными.

³⁰ В сражении под Островно 13 июля и на следующий день под Витебском было убито, ранено и пропало без вести 3764 человека (Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 203).

³¹ Рамена — плечи (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1980. С. 57).

³² Багратион Петр Иванович (1765—1812) — князь, знаменитый русский полководец, ученик и сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Во время русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг. генерал-лейтенант, командовал авангардом русской армии. Особо отличился в сражении 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г. при Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск). В русско-шведской войне командовал отрядом, который весной 1809 г. занял Аландские острова, в русско-турецкой возглавлял Молдавскую армию (июль 1809—март 1810). С 1809 г. генерал от инфантерии. В Отечественной войне — командующий 2-й Западной армией, которую искусным маневром вывел с боями из-под удара превосходящих сил врага на соединение с 1-й Западной армией под Смоленском (22 июля). Его войска нанесли крупные удары по неприятелю у Мира (27—28 июня), Романова и Салтановки (2 и 11 июля), 24 августа 1812 г. 12-тысячный отряд 2-й Западной армии героически оборонял Шевардинский редут. В Бородинском сражении 26 августа П. И. Багратион командовал левым флангом русских войск, куда Наполеон направил главный удар. Проявив исключительную стойкость и личную храбрость, в течение шести часов удерживал Семеновские (Багратионовы) флеши. Во время отражения восьмой неприятельской атаки на флеши был смертельно ранен. Скончался 12 сентября 1812 г. в д. Симы Владимирской губернии. В 1839 г. останки П. И. Багратиона были перенесены на Бородинское поле.

³³ 180-тысячная французская армия подошла к Смоленску 4 августа.

³⁴ Раевский Николай Николаевич (1771—1829) — знаменитый русский полководец. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 7-го пехотного корпуса. Отличился в сражении при Салтановке 11 июля. В первый день Смоленского сражения 4 августа оборонялся (вместе с дивизией Д. П. Невверовского) против трех наполеоновских корпусов — маршалов Нея, Мюрата и Даву. В Бородинской битве прославился упорной защитой центрального редута, вошедшего в историю под названием «батареи Раевского». В 1813 г. командир гренадерского корпуса. За

отличия при Бауцене, Кульме, Лейпциге произведен в генералы от кавалерии.

³⁵ Ошибка: имеется в виду сражение при Салтановке 11 июля (см. наст. изд. с. 370).

³⁶ Имеется в виду корпус Нея, действовавший под прикрытием кавалерии Мюрата.

³⁷ Поздно вечером к Смоленску подошла 2-я Западная армия, а ночью — 1-я. Утром 5 августа 7-й пехотный корпус был заменен 6-м пехотным корпусом Д. С. Дохтурова и 3-й пехотной дивизией П. П. Коновницына (см.: *Жизни П. А.* Указ. соч. С. 99—100).

³⁸ Потери французов под Смоленском достигли 20 тыс. человек, русских — 10 тыс. (см.: Генерал Багратион: Сб. док. и матер. М., 1945. С. 235).

³⁹ Переправа русских через Днепр началась 5 августа, последние части из корпуса Дохтурова покинули Смоленск 6 августа и сожгли за собой мост (*Щепки Е. Н.* От Вильны до Смоленска // *Отечественная война и русское общество.* 1812—1912. Т. III. М., 1912. С. 190—192).

⁴⁰ Форштадт (нем.) — предместье.

⁴¹ Возможно, Апраксин Степан Степанович (1747—1827) — генерал от кавалерии, бывший смоленским губернатором накануне войны 1812 г.

⁴² Кутузов, Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813) — великий русский полководец. Главнокомандующий русской армией во время русско-австро-французской войны 1805 г. В марте 1811 г. назначен главнокомандующим Молдавской армией, которая активизировала военные действия и разгромила турецкую армию. Будучи опытным дипломатом, добился подписания выгодного для России Бухарестского мира 1812 г., за что 29 июля получил титул светлейшего князя. После оставления русскими войсками Смоленска 8 августа 1812 г. был назначен главнокомандующим русскими армиями, прибыл к войскам 17 августа при Цареве-Займище. Принял решение дать 26 августа генеральное сражение под Бородином и умело руководил войсками в день сражения. 31 августа произведен в генерал-фельдмаршалы. Стремясь сохранить армию, Кутузов без боя сдал Наполеону Москву и, совершив смелый фланговый марш-маневр с Рязанской дороги на Калужскую, остановился в Тарутинском лагере, где пополнил войска и организовал партизанские действия. 6 октября под Тарутином нанес поражение французскому корпусу Мюрата и вынудил Наполеона ускорить оставление Москвы. Преградив под Малоярославцем путь французской армии в южнорусские губернии, Кутузов заставил ее отступить на запад по разоренной Смоленской дороге. Благодаря мудрой и гибкой стратегии Кутузова русская армия одержала блестящую победу над сильным и опытным противником. 6 декабря 1812 г. ему был пожалован титул князя Смоленского. Скончался в г. Бунцлау (Силезия) в начале заграничных походов русской армии 16 (28) апреля 1813 г.

⁴³ Имеется в виду манифест Александра I о созыве народного ополчения, обнародованный 6 июля 1812 г.

⁴⁴ К концу августа 1812 г. в Московском ополчении (милиции) числилось свыше 25 тыс. человек (*Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества.* Т. II. М., 1912. С. 322).

⁴⁵ Имеется в виду р. Колоча.

⁴⁶ Имеется в виду сражение 24 августа за Шевардинский редут, для обороны которого был выделен отряд под командованием генерал-лейтенанта князя А. И. Горчакова.

⁴⁷ В последнее время в исторической литературе приняты следующие цифры соотношения сил на Бородинском поле: русские — 125 тыс., французы — 135 тыс.

⁴⁸ Явная неточность. В «Официальных известиях из армии» от 27 августа — одном из важнейших агитационных изданий армейской походной типографии — М. И. Кутузов подчеркивал, что «не в силах достаточно оценить храбрость Смоленского и Московского ополчений» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 1. С. 153). Свыше 20 тыс. ополченцев приняли участие в сражении за Утицкий курган (см.: *Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 124). Самое активное участие принимали в битве русские гвардейские части, тогда как Наполеон в разгар сражения отказался от ввода в бой своего последнего резерва — старой гвардии.

⁴⁹ К моменту восьмой, последней атаки на Багратионовы флеши Наполеон сосредоточил на этом участке 40 тыс. человек. Багратион имел для защиты флешей 20 тыс. (*Жилин П. А.* Указ. соч. С. 133).

⁵⁰ Тучков Николай Алексеевич (1765—1812), генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса, герой 1812 г. Смертельно ранен в бою за опорный пункт на левом фланге русских войск — Утицкий курган.

⁵¹ Имеется в виду Старая Смоленская дорога.

⁵² Беннигсен Леонтий Леопольдович (1745—1826) — генерал от кавалерии. С декабря 1806 г. главнокомандующий русской армией во время русско-прусско-французской войны. Серьезные просчеты Беннигсена в расположении русских войск привели к их поражению под Фридрихс-ландом 2(14) июня 1807 г. С августа по ноябрь 1812 г. — начальник главного штаба действующих армий. Произвольно вмешивался в распоряжения М. И. Кутузова во время Бородинской битвы и других сражений, был отозван из армии. С августа 1813 г. командовал Польской армией союзников.

⁵³ Имеются в виду Семеновские (Багратионовы) флеши, на которых было установлено 36 орудий.

⁵⁴ Лыонет — открытое с тыла полевое укрепление, состоявшее из валов со рвом впереди и прикрытое с флангов.

⁵⁵ Завладев ценной огромной потерей Багратионовыми флешами к полудню, французы не смогли развить успех: генерал-лейтенант П. П. Коновницын, принявший командование левым флангом после смертельного ранения П. И. Багратиона, отвел войска за Семеновский овраг.

⁵⁶ Хронологическая последовательность изложения событий нарушена. В данном случае имеется в виду третья, заключительная атака на батарею Раевского. В три часа Наполеон отдал приказ своим войскам во что бы то ни стало завладеть батареей. На этом участке он сосредоточил 35 тыс. человек и 300 орудий. Для прорыва центра русской позиции батарея должна была быть атакована одновременно с двух сторон — с фронта, где на Курганную высоту должны были наступать пехотные дивизии Брусье, Морана и Жерара, и с тыла, где по левому флангу защитников батареи должен был быть нанесен массированный кавалерийский удар. Батарея героически обороняла 24-я пехотная дивизия генерала П. Г. Лихачева из 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова, сменившего 7-й пехотный корпус П. Н. Раевского. «Русская пехота штыками, русская артиллерия усиленным огнем отбрасывали и истребляли кирасир, улан, пехотинцев, которые взбирались на высоту, усевали переколоть защитников, но отбрасывались прочь подоспевшими подкреплениями. Страшное побоище окончилось взятием батареи, прямо покрытой на всех подступах густыми пластами трупов русских и французов» (*Тарле Е. В.* Бородино. М., 1962. С. 53).

⁵⁷ Против 4-го пехотного корпуса были направлены кирасирские дивизии Ватье и Лоржа, уланская дивизия Рожнецкого и вестфальские кирасиры. Они должны были проскочить в промежутки между стояв-

ними за батарею 11-й и 23-й (4-й пехотный корпус) и 7-й (6-й пехотный корпус) дивизиями и с ходу ворваться на батарею с тыла. Однако бурный натиск кирасир и улан был остановлен русской пехотой, поддержанной артиллерией, и лишь отдельным отрядам французской кавалерии удалось ворваться на батарею. Затем навстречу французской коннице устремились подоспевшие из резервов кавалергардский и конногвардейский полки, гусарские и драгунские полки 2-го и 3-го резервного корпусов. Они опрокинули неприятельскую кавалерию и быстро рассеяли ее. Преследуемые русской конницей, французы бежали почти через все поле сражения, пока не скрылись под прикрытием своих резервов. Как указывал М. Б. Барклай-де-Толли, «неприятельская конница к 5 часам совершенно была опрокинута и отступила вовсе из виду нашего, а войки наши удержали свои места, исключая Кургана, который остался в руках неприятеля» (Бородино... С. 176).

³⁸ Имелась в виду вторая атака на батарею Раевского, в которой участвовали пехотные дивизии Брусье, Жерара и Морана, кавалерийская дивизия из корпуса Груши, кавалерия Мюрата и «итальянская гвардия». Несмотря на сильный картечный и ружейный огонь, французской бригаде Бонами удалось ворваться на батарею и временно завладеть ею.

³⁹ Кутайсов Александр Иванович (1784—1812) — граф, выдающийся русский военачальник и военный теоретик-артиллерист. С 1806 г. генерал-майор, за отличие в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807) награжден орденом Георгия 3-й степени. В 1812 г. начальник артиллерии 1-й Западной армии, в Бородинской битве командовал всей русской артиллерией. Убит в бою за батарею Раевского. Оценка, данная Кутайсову Мешетичем, близка к той, которую дал ему А. П. Ермолов («Одаренный полезными способностями, мог он впоследствии оказать отечеству великие услуги»).

⁶⁰ Г. П. Мешетич имеет в виду знаменитую контратаку русских войск, организованную А. П. Ермоловым и А. И. Кутайсовым. Оказавшись в районе Курганной высоты, начальник штаба 1-й Западной армии А. П. Ермолов бросился на штурм батарей во главе батальона Уфимского пехотного полка, увлекая за собой отступавшие егерские полки. Эту контратаку поддержали 12-я и 26-я пехотные дивизии и три конноартиллерийские роты, атаковавшие противника по флангам. В своих воспоминаниях А. П. Ермолов указывает, что бывший вместе с ним А. И. Кутайсов, «подходя к батарее, отделился вправо, где, встретивши часть нашей пехоты, повел ее на неприятеля, но пехота сия была обращена назад, а он не возвращался. Вскоре прибежала лошадь его, и окровавленное седло давало подозрение о его смерти» (Ермолов А. П. Записки // России двинулись сыны. М., 1988. С. 69). Н. Н. Раевский вспоминал о том, как «...атакованная вдруг с обоих флангов и прямо, французская колонна была опрокинута и преследуема до самого оврага, лесом покрытого и впереди линии находящегося» (Бородино... С. 381).

⁶¹ Имеется в виду бригадный генерал Шарль-Август Бонами (1764—1830) из 1-й пехотной дивизии Морана, взятый в плен фельдфебелем Золотовым. Желая спастись, Бонами назвал себя королем неаполитанским Мюратом. «...Этот мнимый Мюрат был генерал Бонами. Когда русский гренадер хотел его колоть, то он для спасения своего вскричал: „Я король!“ Тогда усач, взявши короля за шиворот, потащил к главнокомандующему. Князь Кутузов тут же поздравил рядового унтер-офицером и наградил его знаком отличия военного ордена Св. Георгия» — так писал об этом эпизоде однополчанин Мешетича И. Т. Радожицкий (Указ. соч. Ч. 1. С. 145). Золотов был произведен в подпоручики.

⁶² Имеется в виду польская уланская дивизия Рожнецкого из 4-го кавалерийского корпуса Латур-Мобура, участвовавшая в третьей атаке на батарею Раевского. Ворвавшись на батарею, уланы Рожнецкого были уничтожены артиллеристами 6-го пехотного корпуса.

⁶³ В составе 1-й Западной армии действовали: 1-й кавалерийский корпус Ф. П. Уварова (2,5 тыс. человек) и казацки полки М. И. Платова (5,5 тыс. человек), которые в разгар битвы нанесли удар по левому флангу французской армии, а также 2-й резервный кавалерийский корпус Ф. К. Корфа (3,5 тыс. человек) и 3-й кавалерийский корпус К. А. Крейца (3,7 тыс. человек), которые участвовали в сражении за батарею Раевского.

⁶⁴ После захвата французами батареи Раевского русские войска в полном порядке отошли на 1—1,5 км. Образовалась новая линия (так называемая третья позиция) русской армии от Горок до Старой Смоленской дороги. 4-й пехотный корпус примыкал к левому флангу 6-го пехотного корпуса, а левее его стояли остатки пехоты 2-й армии. Эта линия примыкала к Горицкому большому редуту, снабженному мощными батареями. С Горицкого редута начался жесточайший обстрел неприятельских войск русской артиллерией, продолжавшийся до позднего вечера.

⁶⁵ Опасаясь перехода русских к активным действиям, Наполеон отвел свои войска с Багратионовых флешей и батареи Раевского на исходные позиции.

⁶⁶ Согласно последним историческим исследованиям, потери французской армии в сражении при Бородине составляли ок. 60 тыс. человек, русской — 45 тыс.

⁶⁷ Дмитрий Донской (1350—1389) — великий князь владимирский и московский, в Куликовской битве 1380 г. у р. Непрядвы находился во главе русских войск, разгромивших полчища темника Золотой Орды Мамай. Вместе с ним сражались два монаха Троицкого монастыря — Пересвет и Ослябя.

⁶⁸ Москва была оставлена русскими войсками 2 сентября.

⁶⁹ Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761—1818) — знаменитый русский полководец. Во время русско-прусско-французской войны генерал-майор, командовал авангардными и арьергардными отрядами, отличился в сражениях при Пултуске 14 (26) декабря 1806 г. и Прейсиш-Эйлау 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г., где был ранен. Произведен в генерал-лейтенанты. В 1812 г. генерал от инфантерии, военный министр, командующий 1-й Западной армией и до прибытия М. И. Кутузова главнокомандующий русскими армиями. Ему принадлежит большая заслуга в сохранении русских войск в первый, самый тяжелый период войны. В условиях значительного превосходства французских войск успешно осуществил единственно правильный план отхода и соединения двух русских армий. В Бородинском сражении руководил действиями войск правого фланга и центра русской позиции. 22 сентября 1812 г. по болезни уехал из армии. С февраля 1813 г. командовал 3-й Западной армией, с мая 1813 г. — главнокомандующий русско-прусскими союзными войсками. За умелые действия в Лейпцигском сражении 4—7 (16—19) октября 1813 г. получил титул графа. В 1814 г. за отличие при взятии Парижа произведен в фельдмаршалы.

⁷⁰ Русская армия сосредоточилась в Подольске 6 сентября, через три дня остановилась лагерем у Красной Пахры, где находилась до 15 сентября, а 20 сентября достигла Тарутина.

⁷¹ Имеется в виду 26-тысячный корпус Мюрата.

⁷² Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал от инфантерии, граф (1813). В начале Отечественной войны 1812 г. руководил

формированием в районе Калуги, Волоколамска и Москвы резервных войск, с которыми присоединился к главным силам у Гжатска. После Бородинской битвы 26 августа 1812 г. начальник арьергарда Главной армии, обеспечивал тарутинский маневр русских войск. В период преследования наполеоновской армии командовал авангардом. Отличился под Вязьмой, Дорогобужем и Красным. Во время заграничных походов 1813—1814 гг. командовал арьергардом и авангардом союзных войск, в Лейпцигской битве — русской и прусской гвардиями. Впоследствии петербургский генерал-губернатор, смертельно ранен 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади декабристом П. Г. Каховским.

⁷³ М. И. Кутузов писал о том, что 22 сентября при Спас-Купле было «дело столь важное, которое, конечно, назвать баталиєю заслуживает» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 1. С. 342). В недавно опубликованном дневнике Н. Д. Дурново содержится интересное описание этого сражения: «После полудня была слышна канонада в арьергарде, которым командовал генерал от инфантерии граф Милорадович. Она закончилась в нашу пользу. Было взято в плен четыре сотни французов. Мы потеряли мало людей и ни одного офицера. Огонь прекратился лишь с окончанием дня» (Знамя. 1987. № 8. С. 175). А. П. Ермолов подчеркивал в своих записках, что в этом бою «артиллерия была превосходна» (Русская старина. 1912. № 9. С. 87).

⁷⁴ Имеются в виду переговоры между М. И. Кутузовым и французским генералом Ж.-А. Лористеном, присланным Наполеоном 23 сентября в Тарутино с письмом о предложении мира (см. подробнее: *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 121—149).

⁷⁵ Явная описка; имеется в виду Л. Л. Беннигсен, командовавший русскими войсками в Тарутинском сражении 6 октября 1812 г.

⁷⁶ Имеются в виду казачьи и кавалерийские полки под командованием генерал-майора В. В. Орлова-Денисова, которые вместе с двумя ротами конной артиллерии на рассвете 6 октября нанесли внезапный удар по неприятелю. Наступление было поддержано двумя другими колоннами русской армии под командованием А. И. Остермана-Толстого и К. Ф. Багговута.

⁷⁷ Потери французов в Тарутинском сражении составили 2500 убитыми и ранеными, ок. тысячи человек было взято в плен. Было захвачено 38 орудий (см.: *Жилин И. А.* Указ. соч. С. 231).

⁷⁸ Багговут Карл Федорович (1761—1812) — в 1812 г. генерал-лейтенант, командир 2-го пехотного корпуса. В Бородинском сражении войска его корпуса сражались на Багратионовых флешах и у батареи Раевского. После ранения Н. А. Тучкова командовал войсками в районе Утинского кургана. Убит в сражении при Тарутине 6 октября 1812 г.

⁷⁹ Сражение при Малоярославце происходило 12 октября 1812 г. С каждой стороны участвовало до 25 тыс. человек. Город восемь раз переходил из рук в руки. О роли артиллерии в сражении при Малоярославце упоминал в своих заметках «Отечественная война 1812 года» декабрист М. И. Муравьев-Апостол, в 1812—1814 гг. офицер лейб-гвардии Семеновского полка (см.: Декабрист М. И. Муравьев-Апостол: Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 35).

⁸⁰ После поражения при Малоярославце французская армия 14 октября начала отступать от Боровска на Верею, Можайск и далее по Смоленской дороге.

⁸¹ Сражение под Вязьмой состоялось 22 октября, под Красным — 3—6 ноября 1812 г.

⁸² Борисов был освобожден 10 октября 1812 г. 3-й Западной армией под командованием П. В. Чичагова, в которую влились значительные силы войск, высвободившихся после заключения мира с Турцией.

⁸³ Остатки наполеоновской армии переправились через Березину 14—17 ноября 1812 г.

⁸⁴ Чичагов Павел Васильевич (1767—1849)—адмирал, в 1802—1811 гг. морской министр, с 1812 г. командующий Дунайской, затем 3-й Западной армией. По плану М. И. Кутузова армия Чичагова совместно с корпусом генерала П. Х. Витгенштейна должна была отрезать пути отхода наполеоновской армии через Березину. Однако отсутствие взаимодействия между отдельными группами войск, ошибки Чичагова и Витгенштейна не позволили реализовать этот план.

⁸⁵ В рассказе Г. П. Мешетича о бегстве наполеоновской армии из России прослеживается влияние армейских летучих изданий, выпускавшихся в 1812 г. походной типографией штаба М. И. Кутузова. Ряд описаний и характеристик в «Исторических записках» почти дословно совпадает с заключительной частью знаменитого обращения Кутузова к офицерам и солдатам от 29 октября 1812 г. («Настают зима, вьюги и морозы, но вам ли бояться их, дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов») и с «Известиями из армии» от 4 ноября 1812 г. о бегстве французов («...Те дороги, по которым мечтали они возвратиться с добычею и торжеством, усеяны мертвыми их трупами») (Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. док. М., 1962. С. 63—64).

⁸⁶ Боевые действия русской армии по изгнанию войск Наполеона из стран Западной Европы начались 25 декабря 1812 г.

⁸⁷ Варшавское герцогство — вассальное государство в системе наполеоновской империи, образованное согласно Тильзитскому миру 1807 г. на части польских земель.

⁸⁸ Русские войска вошли в Варшаву 26 января (7 февраля) 1813 г.

⁸⁹ Русские войска переправились через Одер в феврале 1813 г.

⁹⁰ Т. е. Силезии.

⁹¹ 16 (28) февраля 1813 г. был заключен русско-прусский союз, по которому Пруссия выставляла против французов 80-тысячную армию. 16 марта 1813 г. прусский король Фридрих-Вильгельм III объявил войну Наполеону.

⁹² Имеется в виду король Саксонии Фридрих-Август I, который в марте 1813 г. при известии о приближении войск коалиции бежал в г. Регенсбург.

⁹³ Ныне г. Любань (Польша).

⁹⁴ В 1697 г. курфюрст саксонский Фридрих-Август I был избран польским королем; уния с Польшей продолжалась до 1763 г.

⁹⁵ Дрезденская картинная галерея была основана в 1560 г. как дворцовое собрание курфюрстов саксонских, расширена в начале XVIII в.; специальное здание для галереи было построено в 1847—1856 гг.

⁹⁶ Имеется в виду так называемый Старый мост («Alte Brücke»), или мост Августа, построенный в XIII в. и неоднократно перестраивавшийся, один из самых протяженных в Европе начала XIX в.

⁹⁷ Первым, 10 (22) марта 1813 г., вступил в Дрезден отряд знаменитого партизана полковника Д. В. Давыдова (см.: *Давыдов Д. В. Соч.* М., 1962. С. 424—448). При приближении к Дрездену союзных войск маршал Даву «перевел войска и обозы на левую часть реки... и приказал взорвать часть моста, под которую была заложена мина» (*Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии. Т. 1.* СПб., 1863. С. 92—93).

⁹⁸ Во время нашествия на Россию в 1812 г. в составе наполеоновской армии действовал саксонский корпус.

⁹⁹ Мешетич не совсем точен: в составе союзных войск летом 1813 г. был образован Саксонский отряд волонтеров под командованием генерала И.-А. Тильмана (см. наст. изд. с. 382).

¹⁰⁰ К апрелю 1813 г. путем дополнительных наборов Наполеону удалось довести численность своей армии до 200 тыс. человек. Союзные войска насчитывали 92 тыс. (54 тыс. русских и 38 тыс. пруссаков).

¹⁰¹ Ныне г. Болеславец (Польша).

¹⁰² В разгар Люценского сражения 20 апреля (2 мая) около 5 часов дня Наполеон, заметив, что натиск союзных войск начал ослабевать, ввел в действие корпус Бернтрана с дивизией Морана и 45-тысячный отряд Мюрата с корпусом Макдональда. Опасаясь быть обойденными с правого фланга и не имея возможности вести борьбу с превосходящими силами неприятеля, П. Х. Витгенштейн вынужден был отступить. Описание Мешетичем Люценского сражения близки к запискам И. Т. Радожицкого (Указ. соч. Ч. 2. Гл. III). А. А. Карлова — полковника, командира бригады 1-й артиллерийской дивизии (Витебск, 1910. С. 13—54), артиллерийского офицера О. Ю. Граббе-Горского (Девятнадцатый век. Кн. 1. М., 1872. С. 201—212), А. И. Михайловского-Данилевского (Записки о походе 1813 года. 2 изд. СПб., 1836), Н. Б. Голицына (Офицерские записки. М., 1838), Ф. Н. Глинки (Письма русского офицера. Вып. 3—4).

¹⁰³ Имеется в виду стычка союзных войск с французами у Харты, которая произошла через три дня после Люценского сражения. 23 апреля (5 мая) 1813 г. отряд М. А. Милорадовича прибыл на помощь 8-му пехотному корпусу Э. Ф. Сен-При, который из-за послешного отступления пруссаков едва не оказался в окружении.

¹⁰⁴ Потери союзников в сражении при Люцене составили ок. 10 тыс.: 8 тыс. прусских войск и свыше 2 тыс. русских (Богданович М. И. История войны 1813 года... Т. 1. С. 192).

¹⁰⁵ Имеется в виду батальон Шлиссельбургского пехотного полка, который отступал последним и оказался на подожженном раньше времени мосту.

¹⁰⁶ 27 апреля (9 мая) 1813 г. корпус М. А. Милорадовича вступил в дело с переправившимися на правый берег Эльбы французскими стрелками, обосновавшимися в Убигау. Будучи обстреляны французской артиллерией с противоположного берега реки, русские потеряли много людей (Богданович М. И. Указ. соч. С. 217—218).

¹⁰⁷ Другие мемуаристы иначе оценивают ход борьбы во второй, решающий день Бауценского сражения, 9 мая, на правом фланге союзных войск, которым командовал М. Б. Барклай-де-Толли. Так, Ф. Ф. Шуберт указывает, что Барклай хоть и был потеснен, но сохранил позиции. Вместе с тем Мешетич справедливо подчеркивает упорное сопротивление левого фланга, которым командовал М. А. Милорадович (сам он находился на левом фланге), а также то, что центр позиции союзных войск, защищаемой пруссаками, был прорван наполеоновскими войсками. Это находит подтверждение в записках И. С. Жиркевича, М. М. Петрова и др. Отступление союзных войск происходило в полном порядке.

¹⁰⁸ Имеется в виду Швейдниц, где располагалась главная квартира союзной армии. Ныне польский город Свидница.

¹⁰⁹ Ландвер (нем.) — народное ополчение.

¹¹⁰ Плесвицкое перемирие между Александром I, прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и Наполеоном о приостановке военных действий было заключено 23 мая (4 июня) до 8(20) июля, а затем продлено до 29 июля (10 августа) 1813 г. С подходом русских резервных частей, дополнительных прусских войск, вступлением в войну с Наполеоном Австрии и Швеции, также направивших свои войска на театр военных действий в Германии, численность союзных войск к осени 1813 г. возросла до 492 тыс. человек.

¹¹¹ В Богемской армии, которой командовал австрийский фельдмаршал К. Шварценберг, находилось 77 тыс. русских.

¹¹² В сражении под Кульмом (ныне г. Хлумец) 17—18 августа (29—30) 1813 г. гвардейский корпус А. И. Остермана-Толстого, входивший в состав Богемской армии, разгромил 37-тысячный 8-й французский корпус под командованием генерала Доминика-Рене Вандамма (1771—1830). Корпус потерял 10 тыс. убитыми и ранеными, 12 тыс. пленными и 84 орудия. Сам Вандамм был взят в плен.

¹¹³ В честь победы союзников под Кульмом прусский король Фридрих-Вильгельм III наградил 12 тыс. русских гвардейцев особого вида Железным крестом, получившим впоследствии название Кульмского. В 1816 г. на параде в Петербурге присланные из Пруссии награды были официально розданы участникам сражения.

¹¹⁴ Из 99,5 тыс. Силезской армии русских было 61 тыс. Наступление Силезской армии началось 3(15) августа 1813 г.

¹¹⁵ Блюхер Гебгард Леберехт (1742—1819)— прусский генерал, в 1813 г. главнокомандующий Прусской армией, затем Силезской армией союзников. Произведен в фельдмаршалы за победу в Лейпцигской битве. В 1814 г. сыграл большую роль в организации наступления союзных армий на Париж. Прославился в битве при Ватерлоо (1815).

¹¹⁶ Сражение при р. Кацбах (ныне р. Качава в Польше) состоялось 14(26) августа 1813 г.

¹¹⁷ Пюто (Пито) Жак-Пьер-Мари-Луи (1769—1837)— французский генерал, командовал десяти тысячной дивизией 5-го корпуса. Взят в плен под Цобтенем (ныне г. Соботка в Польше) при переправе через р. Бобер (ныне Бубр) 17(29) августа 1813 г.

¹¹⁸ Правильнее читать: Лёвенберг (ныне г. Львувек-Слёвски в Польше).

¹¹⁹ Лейпцигская битва началась 4(16) октября 1813 г. ожесточенными боями у Вахау, Линденау и Мёрнау.

¹²⁰ 6(18) октября 1813 г. бой начался в 10 часов утра.

¹²¹ В Лейпцигской битве участвовали: Богемская армия К. Шварценберга (138 тыс. человек, в том числе 38,8 тыс. русских), Силезская армия Г. Блюхера (60 тыс., в том числе 39 тыс. русских), Северная армия под командованием шведского наследного принца Бернадота (58 тыс., в том числе 20 тыс. русских) и Польская армия Л. Л. Беннигсена (54 тыс., в том числе 30 тыс. русских).

¹²² Ланжерон Александр Федорович (1763—1831)— граф, французский эмигрант, состоявший на русской службе. В 1810—1812 гг. командовал корпусом в Молдавской армии, за отличие в сражении против турецкой армии под Рушуком 22 июня 1811 г. произведен в генералы от инфантерии. В 1812 г. участвовал в сражении при Березине. В 1813—1814 гг. командовал корпусом в Силезской армии союзников. За взятие Парижа награжден орденом Андрея Первозванного. Впоследствии одесский градоначальник.

¹²³ Вид боевых ракет, названных в честь английского инженера и артиллерийского генерала У. Конгрива (Congreve) (1772—1828). Были введены в начале XIX в. во многих европейских армиях, применялись в Лейпцигском сражении 1813 г.

¹²⁴ Босвой порядок (франц.).

¹²⁵ Имеется в виду деревня Шёнфельд, откуда французы были выбиты войсками Ланжерона после многократных атак.

¹²⁶ Как указывает А. И. Михайловский-Данилевский, в ответ на предложение саксонского короля Александр I ответил: «Я с ним в переговоры вступать не могу» (*Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 года. СПб., 1834. С. 424.*)

¹²⁷ Понятовский Иосиф-Антон (Юзеф) (1763—1813) — польский политический и военный деятель, племянник польского короля Станислава-Августа, командовал 5-м корпусом в наполеоновской армии (Вислинский легион). В Бородинской битве действовал против левого фланга русских в районе Утицкого кургана. При отступлении французов из Лейпцига, пытаясь перешлыть р. Эльстер, был ранен и утонул.

¹²⁸ Как указывает Л. Г. Бескровный, «союзнники слабо преследовали французскую армию». Не имела успеха попытка Баварского корпуса К. Вреде преградить Наполеону путь к Рейну. «Французская армия отошла за Рейн и была готова к продолжению борьбы» (*Бескровный Л. Г. К 150-летию Лейпцигского сражения // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 112*).

¹²⁹ Сен-При (Saint-Priest) (1776—1814) — граф, французский эмигрант, состоявший на русской службе. В 1812 г. генерал-майор, начальник штаба 2-й Западной армии П. И. Багратиона. В сражении при Бородине был контужен. С 1813 г. генерал-лейтенант, командир 8-го пехотного корпуса. Убит в бою под Реймсом 1 марта 1814 г.

¹³⁰ Жером (Иероним) Бонапарт (1784—1860) — младший брат Наполеона, король вестфальский (1808—1813). Бежал из своей резиденции г. Касселя при приближении союзных войск.

¹³¹ Мария Павловна (1786—1859), великая княгиня, сестра Александра I. С 1804 г. замужем за великим герцогом Саксен-Веймарским Карлом-Фридрихом.

¹³² Имеются в виду построенные в XVIII в. огромная прямоугольная площадь Фридрихплац (151—324 м) и Обере-Кенигштрассе — главная прямолинейная улица города, которая в виде аллеи соединила Кассель с загородной резиденцией местных ландграфов — парком Вильгельмскхёз, спланированным итальянским архитектором Гверниери в 1-й половине XVIII в. (см.: *Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства: Поздний феодализм и капитализм. М., 1989. С. 73*).

¹³³ Карпенко (Карпенков) Моисей Иванович (1775—1854) — генерал-лейтенант. Участвовал в войне с Францией 1807 г., отличился в сражениях при Гейльсберге и Фриланде. В октябре 1810 г. в чине полковника назначен командиром 1-го егерского полка. За мужество в Бородинском сражении произведен в генерал-майоры (ноябрь 1812 г.). С мая 1813 г. командир бригады 11-й пехотной дивизии. Войну закончил в Париже. Награжден орденами Георгия 4-й и 3-й ст., Владимира 4-й, 3-й и 2-й ст., Анны 3-й, 2-й и 1-й ст. В декабре 1816 г. вышел в отставку «за ранами». С 1839 г. снова в армии. В 1840 г. произведен в генерал-лейтенанты с назначением начальником 2-й пехотной дивизии (Польша). В 1849 г. назначен членом Генерал-аудиториата.

¹³⁴ О героической переправе егерей через Рейн под командованием А. И. Карпенко подробно рассказано в публикуемых в настоящем издании воспоминаниях М. М. Петрова.

¹³⁵ Имеется в виду произведение скульптора Лижье Ринше (1530).

¹³⁶ В сражении под Реймсом участвовали части 8-го пехотного корпуса русской армии (15 тыс. человек), а также 2-го корпуса прусской армии. Штурм города начался 28 февраля (12 марта) 1814 г.

¹³⁷ В плен было взято 2500 человек (*Богданович М. И. История войны 1814 года во Франции и низложение Наполеона I, по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1865. С. 355*).

¹³⁸ В ночь с 28 февраля на 1 (12/13) марта к Реймсу двинулся 30-тысячный авангард французской армии под командованием самого Наполеона.

¹³⁹ Жемчужников Михаил Николаевич (1788—1865), в 1812—1814 г. офицер 11-й артиллерийской бригады; с 1832 г. — костромской, а с 1836 г. — петербургский гражданский губернатор, с 1840 г. — тайный советник и сенатор.

¹⁴⁰ «Графу Сен-При пришла счастливая мысль собрать русские войска за городом, между Нёвшательской и Шарлевильской дорогами, в большое каре для молебствия за одержанную победу, — писал однополчанин Мешетича И. Т. Радожницкий об этом трагическом эпизоде. «...Такой суматохи, такого хаоса и такой опасности я еще не видывал...» (*Радожницкий И. Т.* Указ. соч. Ч. 3. С. 79, 87). См. также воспоминания подполковника 1-го егерского полка М. М. Петрова, принимавшего активное участие как в штурме города, так и в сопротивлении неприятелю после поспешного отступления из Реймса союзных войск (см. наст. изд. с. 257), а также С. И. Маевского, в 1814 г. командира 13-го егерского полка (*Маевский С. И.* Указ. соч. // Русская старина. 1873. № 9. С. 279—281).

¹⁴¹ Союзники потеряли свыше 2 тыс. человек (*Богданович М. И.* История войны 1814 года... Т. 1. С. 362).

¹⁴² Васильчиков Дмитрий Васильевич (1778—1859). В 1812 г. полковник, командир Ахтырского гусарского полка. За отличие при Бородине произведен в генерал-майоры. В марте 1814 г. отличился при обороне Витри.

¹⁴³ Имеется в виду маршал Мишель Ней (1769—1815), герцог Эльхингенский, сподвижник Наполеона, в 1812 г. командующий 3-м корпусом наполеоновской армии. В Бородинском сражении командовал центром наполеоновской армии, во время отступления — ее арьергардом, который был почти полностью уничтожен под Красным. В 1814 г. перешел на сторону Бурбонов, был назначен эрром Франции, однако в 1815 г. во время «Ста дней» перешел на сторону Наполеона. После Второй реставрации Бурбонов (10(22) июня 1815 г.) был арестован и расстрелян.

¹⁴⁴ Форшпан (нем. Vorspann) — пристяжная лошадь.

¹⁴⁵ Фашины — связки хвороста, употребляемые для заваливания рвов.

¹⁴⁶ Кащеевич Петр Михайлович (1772—1840) — генерал-лейтенант. В 1812 г. командир 7-й пехотной дивизии корпуса Д. С. Дохтурова, участник сражения при Смоленске, Бородине (занимал батарею Раевского), Тарутине, Малоарославце и Красном. С августа 1813 г. командовал 10-м пехотным корпусом Силезской армии, который 30 января (11 февраля) 1814 г. был разбит при Монмирале.

¹⁴⁷ Олесуфьев Захар Дмитриевич (1772—1835) — генерал-лейтенант. В 1812 г. командир 17-й пехотной дивизии корпуса Н. А. Тучкова, в Бородинской битве отличился в бою за Утицкий курган. В 1814 г. командовал 9-м пехотным корпусом, который 29 января (10 февраля) был разбит в сражении при Шамнобере.

¹⁴⁸ Шварценберг Карл-Филипп (1771—1820) — князь, австрийский фельдмаршал. В 1812 г. командир австрийского корпуса в армии Наполеона, действовавшего во время похода на Россию на юго-западном направлении. С 1813 г. командующий Богемской армией союзников, потерпел неудачу в Дрезденском сражении 14(26) августа 1813 г.

¹⁴⁹ Виценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818), в 1812 г. генерал-майор, с конца года — генерал-лейтенант, командир отдельного отряда, который прикрывал направление Москва — Петербург и вел партизанские действия. 10 октября при попытке войти в занятую французами Москву захвачен в плен и отправлен во Францию, но по дороге отбит отрядом казаков. В 1813 г. командовал отдельным кавалерий-

ким отрядом, затем русским корпусом в Северной армии. За отличия при Людене и Лейпциге произведен в генералы от кавалерии.

¹⁵⁰ Мешетич несколько недооценивает сражение при Монмартре 18(30) марта. Париж капитулировал после упорного сопротивления. Как указывает Е. В. Тарле, «ожесточенный бой длился несколько часов; союзники потеряли в эти часы 9 тысяч человек, из них около тысячи русских» (Тарле Е. В. 1812 год. М., 1961. С. 328).

¹⁵¹ 21 марта (2 апреля) 1814 г. Сенат Франции объявил Наполеона лишенным престола. Было учреждено Временное правительство.

¹⁵² Наполеон подписал отречение в Фонтенбло 25 марта (6 апреля) 1814 г.

¹⁵³ Людовик XVIII (1755—1824)—король Франции с 1814 г. Во время «Ста дней» бежал за границу, вернулся в июле 1815 г. вместе с войсками иностранных государств.

¹⁵⁴ Имеется в виду Шувалов Павел Андреевич (1774—1823), граф, генерал-лейтенант. В начале Отечественной войны командовал 4-м пехотным корпусом, затем по болезни оставил армию. В 1813 г. состоял при Александре I, участвовал в подписании Плейвицкого перемирия. В 1814 г. по поручению союзных монархов сопровождал Наполеона на о. Эльба.

¹⁵⁵ Имеются в виду так называемые Сто дней — время вторичного правления Наполеона во Франции, от 8(20) марта (вступление в Париж) до 10(22) июня 1815 г. (вторичное отречение от престола).

¹⁵⁶ Битва при Ватерлоо состоялась 6(18) июня 1815 г. Французы потеряли в ней 32 тыс. человек и всю артиллерию.

¹⁵⁷ Как указывает Е. В. Тарле, численность русской армии, выступившей в поход в 1815 г., достигала 250 тыс. человек (Тарле Е. В. Указ. соч. С. 362).

¹⁵⁸ Вуич Николай Васильевич (1766—1836), в 1812 г. полковник, командир бригады, состоявшей из 19-го и 40-го егерского полков. В сражении 26 августа 1812 г. вместе с М. И. Карпенко отличился в бою за с. Бородино, был произведен в генерал-майоры. В 1815 г. генерал-лейтенант, командир 24-й пехотной дивизии.

¹⁵⁹ Фланкеры — конные воины, которых посылали рассыпью по флангам отряда.

¹⁶⁰ Орден Лилии (L'Ordre de la Fleur de Lys) — французский орден, учрежденный в эмиграции. Подтвержден в 1814 г. при реставрации Бурбонов.

¹⁶¹ В августе 1815 г. Александром I в Вертю (120 км от Парижа) был устроен смотр 150-тысячной русской армии, большая часть которой должна была покинуть Францию.

¹⁶² Имеется в виду русский оккупационный корпус М. С. Воронцова.

¹⁶³ Экспедиция французской армии в Египет 1798—1801 гг. во главе с генералом Бонапартом, несмотря на отдельные победы, не давала перспектив на конечный успех.

¹⁶⁴ 14 июня 1812 г., когда 4-й пехотный корпус Л. И. Остермана-Толстого был сменен 1-м кавалерийским корпусом Ф. П. Уварова и 3-й пехотной дивизией П. П. Коновницына, бой разгорелся с еще большей силой (Жилин П. А. Указ. соч. С. 91).

¹⁶⁵ Явная описка — имеется в виду Кексгольмский пехотный полк, который за отличие в кампании 1812 г. был переименован в гренадерский, а 7 октября 1814 г. получил к своему наименованию дополнение — «за величества императора австрийского полк».

¹⁶⁶ Во время третьей атаки на батарею Раевского по защищавшему ее 4-му пехотному корпусу ударила французская кавалерия: «Уланы

Рожнецкого — правее, кирасиры (саксонская гвардия Цастрова и Малаховского) — левее, конная артиллерия в центре. Кирасиры были с дистанции 60 шагов опрокинуты огнем 33-го егерского, Перновского и Кексгольмского полков...» (Ст. «Бородино» // Военная энциклопедия. Т. IV. СПб., 1911. С. 29).

¹⁶⁷ Т. е. рысью.

¹⁶⁸ Согласно «Ведомости об убитых, раненых, без вести пропавших и прочтем артиллерии 1-й Западной армии», в сражении при Бородине 26 августа во 2-й батареевой роте 11-й артиллерийской бригады было убито восемь рядовых и один фейерверкер, ранено 21 и без вести пропало двое рядовых (Бородино... С. 207).

¹⁶⁹ Имеется в виду Пековский драгунский полк и Гвардейская конная артиллерия.

¹⁷⁰ Имеется в виду удар кавалерийских полков Ф. П. Уварова и М. И. Платова, нанесенный по приказу М. И. Кутузова в разгар сражения по левому флангу французской армии, который вызвал переполох и панику в ее тылах. Связанная с этим двухчасовая задержка атаки на батарею Раевского позволила Кутузову подтянуть сюда подкрепления.

¹⁷¹ Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756—1816) — генерал от инфантерии. В 1812 г. командовал 6-м пехотным корпусом 1-й Западной армии, фактически оторванным от основных сил армии, вывел его из окружения в районе Лиды. Отличился при защите Смоленска 5 августа 1812 г. В Бородинской битве 26 августа командовал сначала центром, а после ранения П. И. Багратиона — левым флангом русских войск. Тяжело раненный в сражении при Малоярославце 12 октября 1812 г., вынужден был покинуть армию. В 1813 г. руководил осадой Гамбурга. Участвовал в наступлении союзных войск на Париж в 1814 г.

¹⁷² Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — знаменитый русский полководец, генерал от артиллерии, государственный деятель. В Отечественную войну 1812 г. генерал-майор. С 1 июля 1812 г. начальник штаба 1-й Западной армии. В день Бородинского сражения выполнял наиболее ответственные поручения М. И. Кутузова, лично руководил контратакой батареи Раевского, временно захваченной французами. В сражении при Малоярославце 12 октября командовал правым флангом, в период контрнаступления русской армии находился в авангарде. С 1813 г. генерал-лейтенант, начальник артиллерии. Отличился в сражениях при Бауцене, Кульме и Лейпциге. В 1814 г. командовал гвардейским корпусом, отличился при взятии Парижа, впоследствии — главнокомандующий на Кавказе, покровительствовал декабристам.

¹⁷³ Однополочанин Мешетича Радожицкий почти дословно повторил его оценку Тарутинского марш-маневра Кутузова, указывая, что «потомство наше соорудит памятник событиям, необычных в летописях мира» (*Радожицкий И. Т.* Указ. соч. Ч. I. С. 296).

¹⁷⁴ Фигнер Александр Самойлович (1787—1813) — знаменитый партизан. Окончил кадетский корпус. В 1810—1811 гг. участвовал в русско-турецкой войне. В начале Отечественной войны 1812 г. командовал 3-й легкой ротой в 11-й артиллерийской бригаде. После занятия французами Москвы, сдав свою роту И. Т. Радожицкому, проник в город с целью ведения разведки, добытые сведения пересылал в штаб М. И. Кутузова. С конца сентября 1812 г. возглавил партизанский отряд казаков, егерей, улан и местных крестьян, действовавший в тылу противника от Москвы до Можайска. Партизаны Фигнера уничтожали отдельные отряды французской армии, доставляли пленных, взрывали артиллерийские парки, нарушали коммуникации и отбивали неприятельские обозы с награбленными драгоценностями. За совершенные

подвиги в конце 1812 г. А. С. Фигнер был произведен в подполковники с переводом в гвардейскую артиллерию, а в марте 1813 г. — в полковники. Осенью 1813 г. во время боевых действий на территории Германии Фигнер организовал так называемый «легион смерти» из дезертиров наполеоновской армии — насильственно завербованных в нее итальянцев и испанцев, а также немецких волонтеров; для обеспечения надежности в легион были включены русские казаки. 1(13) октября 1813 г. отряд Фигнера был окружен крупными силами французов и отеснен к берегу Эльбы. При попытке переправиться через реку Фигнер утонул (*Розанов Н.* Замысел Фигнера // *Русская старина.* 1875. № 6).

¹⁷⁵ Крепость Рушук (ныне г. Русе, Болгария) была взята штурмом в сентябре 1810 г.

¹⁷⁶ Отец А. С. Фигнера Фигнер Самуил Самуилович, статский советник (ум. в 1811 г.), был псковским вице-губернатором в 1809—1811 гг.

¹⁷⁷ Имеется в виду бой 7 августа при Лубине (в 10 км к востоку от Смоленска) между трехтысячным отрядом генерал-майора П. А. Тучкова, на помощь которому устремились другие части 1-й Западной армии, и французскими корпусами Жюно, Нея и Мюрата. В результате этого боя французы потеряли 8000, русские — 5000 человек.

¹⁷⁸ О попытке Фигнера пробраться в Кремль, чтобы убить Наполеона, свидетельствуют также И. Т. Радожицкий, который был лично дружен с Фигнером (*Радожицкий И. Т.* Указ, соч. Ч. 1. С. 205—216), и К. А. Бискупский, сражавшийся в партизанском отряде А. С. Фигнера (Бумаги Щукина. Ч. VII. М., 1903. С. 293—344), а также знавшие его Д. В. Давыдов (*Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий // Соч. М., 1962. С. 532) и П. Х. Граббе (*Граббе П. Х.* Из памятных записок. М., 1873).

¹⁷⁹ После отступления наполеоновской армии из Москвы еще больше возросла роль армейских партизанских отрядов, которые активно участвовали в разгроме французских войск совместно с главной армией. Партизанский отряд А. С. Фигнера принял участие в сражении под Вязьмой 22 октября и в окружении (совместно с партизанскими отрядами А. Н. Сеславина и Д. В. Давыдова и кавалерийскими полками В. В. Орлова-Денисова) бригады Ожеро в районе деревни Ляхово 28 октября 1812 г. (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 2. 1955. С. 254; *Давыдов Д. В.* Дневник партизанских действий 1812 года // *Давыдов Д. В.* Соч. М., 1962. С. 359—366).

Вступление к воспоминаниям М. М. Петрова «Рассказы...»

Автор «Рассказов» — Михаил Матвеевич Петров (1780—1858) родился в семье мелкопоместных дворян Воронежской губернии. В 1797 г., получив домашнее образование, начал военную службу сержантом Смоленского мушкетерского полка. В 1798 г. переведен в Псковский гарнизонный полк, где получил чин прапорщика и прослужил четыре года в должности адъютанта. С 1802 по 1808 г. — командир роты в Елецком мушкетерском полку. В 1808 г. переведен в Гренадерский полк графа Аракчеева. С 1810 по 1815 г. командовал батальоном 1-го егерского полка. За время службы М. М. Петров участвовал в 68 сражениях: в войнах России с Францией (1805—1807), Швецией (1808—1809), Турцией (1806—1812), в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах 1813—1814 гг. Подвиги Петрова в сражениях при Пултуске, Прейсиш-Эйлау, Фридрихсфельде, Батине, Бородине, Тарутине, Малоярославце и Монмартре были отмечены орденами и другими знаками отличия, в том числе орденом Св. Георгия 4-й степени. В октябре 1812 г. Петров был произведен в чин подполковника, в октябре 1814 г. — в полковника. «После 26-летней полевой военной службы» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1337, оп. 1, ед. хр. 179, л. 1) он вышел в отставку и поселился в своей деревне Петровской Воронежского уезда (Русский биографический словарь. Т. «Павел — Петр». СПб., 1902. С. 683).

Среди своих сослуживцев М. М. Петров отличался острым умом, наблюдательностью, феноменальной памятью и даром интересного рассказчика. Поэтому в первый же день Отечественной войны командир и офицерское общество 1-го егерского полка поручили майору М. М. Петрову вести ежедневные записи о боевой жизни полка и подвигах его товарищей. В приказе по полку от 13 июня 1812 г. говорится: «Чтобы подвиги наши не сокрылись по полку через малое время в неизвестности, подобно как предшественников наших, то один из нас, предназначенный нами, будет описывать всю военную полковую бытность, изображая движения и взаимодействия и каждого порознь отличия. Ему предоставляем мы, как равному соучастнику в пожертвованиях собою с нами, написать в память тех, которые из нас лишатся жизни в боях, все то, чего они, по общему мнению, достойны были».

Выйдя в отставку, М. М. Петров привел в порядок эти записи и составил «Журнал военных действий 1-го егерского полка в 1812—1814 гг.». В 1838 г. он направил «Журнал» военному министру А. И. Чернышеву. Тот ознакомил с его содержанием Николая I, который повелел передать журнал на хранение в штаб 1-го карабинерского (бывшего 1-го егерского) полка «по исключению из журнала этого всего постороннего» (ОР ГБЛ, ф. 231/III, картон 9, д. 12, л. 1—1 об.). Ныне «Журнал боевых действий 1-го егерского полка в 1812, 1813, 1814 гг.» хранится в ЦГВИА СССР (ф. 29, оп. 8, ед. хр. 5, л. 7—77).

В нем зафиксированы действия полка с мая 1812 до конца 1814 г. К сожалению, текст «Журнала» дошел до нас с весьма значительными утратами: отсутствуют описания важнейших событий Отечественной войны за период с 9 августа по 29 октября 1812 г. и ряда существенных эпизодов заграничных походов (Бауценского сражения и др.).

По свидетельству современников, М. М. Петров обладал чрезвычайным трудолюбием и энергией. Он живо интересовался литературой по истории Отечественной войны. В ОР ГБЛ сохранились его собственноручные «Выписки из истории Наполеона I, сочинения Николая Алексеевича Полевого, с моими замечаниями, по праву моего служения во все время войн Наполеона до конца буйного владычества его» (ОР ГБЛ, ф. 231/III, картон 9, д. 10, л. 1—16), а в ЦГАЛИ — письмо М. М. Петрова от 8 сентября 1839 г. к Ф. Н. Глинке с просьбой прислать две части издававшихся тогда последним «Очерков Бородинского сражения» (ЦГАЛИ СССР, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 362). Во второй половине 1830-х гг., когда А. И. Михайловский-Данилевский готовил свой труд о войне 1812 г., М. М. Петров предоставил в его распоряжение ценный материал, в том числе и «Журнал боевых действий 1-го егерского полка» (ОР ГБЛ, ф. 231/II, картон 3, д. 12/2, л. 17 об.; д. 12/3, л. 4; *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. Т. IV. СПб., 1839. С. 22—23).

Однако любимым детищем неумоимого мемуариста, главным результатом его деятельности были воспоминания, написанные в форме рассказов. «Рассказы» М. М. Петрова являются как видно уже из их названия, обширным автобиографическим повествованием, охватывающим около трех десятилетий, по предела насыщенных крупными событиями военной истории России, участником которых был мемуарист.

В архивах сохранились две рукописи «Рассказов», составленные М. М. Петровым собственноручно. До последнего времени эти рукописи считались утерянными. Об их существовании было известно лишь по упоминаниям в литературе (см.: *Тартаковский А. Г.* К определению состава неразысканных и утраченных мемуаров об эпохе 1812 года // «Археографический ежегодник» за 1981 г. М., 1982. С. 286, 290).

Одна из рукописей хранится в Государственном Историческом музее, куда поступила в 1914 г. в составе собрания

известного коллекционера, археолога и этнографа Е. В. Барсова. Она написана темными чернилами, четким, ровным почерком, без исправлений и помет, на бумаге размером в лист, судя по штемпелю — французского производства 1840-х гг. (см.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959. Штемп. 274). Объем рукописи, заключенной в переплет коричневой кожи, — 162 листа (л. 137—140 — чистые). Текст завершается подписью: «Инвалид Михаил Петров. Июля 27-го дня 1845 года. Д. Петровская на реке Усмане» (ОПИ ГИМ, ф. 450, ед. хр. 806 б, л. 160 об.). Рукопись была принесена М. М. Петровым в дар Николаю Мишину, видимо его соседу по имению, владельцу небольшой деревни Михайловской Воронежской губ. (*Савелов Л. М.* Воронежское дворянство: Материалы для генеалогического словаря. СПб., 1896. С. 25; ЦГВИА СССР, ф. 405, оп. 2, ед. хр. 8701, л. 298—301). Об этом свидетельствует надпись на л. 1, повторенная той же рукой на форзаце верхней крышки переплета: «Подарена полковником М. М. Петровым Николаю Мишину. 1846 июня 28-го дня».

Рукопись состоит из 35 пронумерованных и хронологически продолжающих друг друга «Рассказов» — каждый со своим названием (л. 1—136) — и помещенной несколько особняком записки «О благоустройстве Германии» (л. 141—160), тематически связанной с рассказами о заграничных походах. В конце рукописи — оглавление, написанное рукой М. М. Петрова (л. 161—162).

Другая рукопись «Рассказов» хранится в коллекции мемуаров и дневников ЦГАЛИ СССР (ф. 1337, оп. 1, д. 179, л. 1—137). Она отличается от рукописи из ОПИ ГИМ текстуально, по структуре, оформлению и является более краткой и ранней редакцией воспоминаний М. М. Петрова, датированной 6 октября 1840 г. Рукопись представляет собой тетрадь в бумажном переплете; авторский заголовок отсутствует. На форзаце помещен миниатюрный портрет М. М. Петрова (рисунок тушью, в овале). Эта рукопись была подарена автором соседям по имению И. Д. и К. Д. Веретенниковым, что явствует из его собственноручной надписи. При меньшем объеме она содержит на пять «Рассказов» больше за счет более дробного тематического деления текста. Последовательность рассказов не всегда совпадает с последовательностью их в рукописи из ОПИ ГИМ. Записка «О благоустройстве Германии» (вариант ЦГАЛИ) помещена в качестве последнего, 41-го рассказа автора и имеет подзаголовок «Воспоминания на досуге уединенной моей жизни в деревне Петровской 1839 года».

Судя по тексту этих рукописей, при составлении «Рассказов» М. М. Петров пользовался своими дневниковыми записями. На это указывает точное обозначение дат в описании не только боевого пути полка, но и незначительных событий личной жизни автора воспоминаний, подробное описание местности

и бытовых эпизодов, широкое применение прямой речи и настоящего времени в повествовании о давно минувшем. По всей видимости, использовался и текст «Журнала военных действий 1-го егерского полка», с которым в «Рассказах» обнаруживается дословное совпадение отдельных фраз.

С момента своего появления эти мемуары вызвали большой интерес. Уже в начале 1840-х гг. «Рассказы» М. М. Петрова попали в поле зрения М. П. Погодина. Одна из рукописей, подаренная автором своему сослуживцу полковнику М. М. Вендорфу, в конце 1842 или в начале 1843 г. была прислана издателю «Москвитянина» его воронежским корреспондентом Н. В. Баталиным. При этом Баталин в письме от 26 апреля 1846 г. предупреждал Погодина: «Бога ради, не издавайте особой книгой рассказов г. Петрова... Он мне именно сказал, что охотно соглашается напечатать в Вашем журнале его рассказы в виде отрывков, но отнюдь не в особой книге, ибо он имеет какие-то свои виды» (ОР ГБЛ, ф. 231/II, картон 3, д. 12/3, л. 4 об.—5, 6 об., 10 об.). Причина нежелания Петрова публиковать мемуары в полном объеме заключалась, вероятно, в том, что в это время он работал над составлением расширенной редакции своих воспоминаний, которую закончил в 1845 г. (именно эта рукопись находится сейчас в Государственном Историческом музее).

В 1843 г. воспоминания М. М. Петрова были частично опубликованы в «Москвитянине» (1843 г. № 5. С. 126—160; № 6. С. 442—500) под названием «Рассказы старого воина о его службе». Было напечатано в отрывках и изложении редактора всего около половины текста «Рассказов» М. М. Петрова, известного нам по другим его рукописям. В редакционном примечании, завершавшем публикацию «Рассказов», М. П. Погодин восклицал: «Что, если бы все полки, действовавшие в 1812 году, имели подобные, каждый о своих действиях! Какое драгоценное пособие для истории и вместе живительное чтение для воинов!» (Москвитянин. 1843. № 6. С. 500). Лежавшая в основе погодинской публикации рукопись М. М. Вендорфа по составу текста отличалась от упомянутых выше двух других рукописей. В ней отсутствовали, в частности, приказ по 1-му егерскому полку от 13 июня 1812 г. о ведении журнала боевых действий (см. наст. изд. с. 175) и заметки «О благоустройстве Германии». По всей видимости, рукопись, принадлежавшая Вендорфу, представляет собой особую редакцию воспоминаний М. М. Петрова, которая по времени являлась промежуточной между редакциями 1840 г. из ЦГАЛИ и 1845 г. из ОПИ ГИМ.

Помимо рукописи М. М. Вендорфа предметом частичной публикации являлась и ранняя редакция (1840 г.) воспоминаний М. М. Петрова по рукописи Веретенникова, находящаяся ныне в ЦГАЛИ СССР. Накануне 50-летнего юбилея Отечественной войны в издании «Воронежская беседа на 1861 год» (СПб., 1861. С. 78—127) появилась статья М. Ф. Де-Пуле «Михаил Матвеевич Петров — ветеран 1812 года» с пространными

выдержками из его «Рассказов», предоставленных М. Ф. Де-Пуле сыном И. Д. Веретенникова — В. И. Веретенниковым.

Полвека спустя в юбилейном издании «Воронежское дворянство в 1812 году» (Воронеж, 1912. С. 115—202) веретенниковская рукопись была напечатана почти целиком, за исключением повествования о предках и родственниках М. М. Петрова и записок «О благоустройстве Германии». В редакционном пояснении к «Рассказам» отмечалось: «Михаил Матвеевич просил положить и сохранить их до дальних времен. Теперь эти времена настали, и мы печатаем их во всей неприкосновенности, как исторический памятник, имеющий большой научный интерес» (Указ. изд. С. 33).

Имеются сведения о существовании еще одной рукописи «Рассказов» М. М. Петрова. В составленной А. Иокишем биографии командира 1-го егерского полка генерал-лейтенанта М. И. Карпенко, близкого друга М. М. Петрова и одного из главных героев его воспоминаний, приведены обширные цитаты из рукописного дневника за 1812—1814 гг., авторство которого А. Иокиш приписал М. И. Карпенко (Военный сборник. Т. 83. СПб., 1872. С. 123—156). Однако эти цитаты дословно совпадают с текстом «Рассказов» М. М. Петрова, из чего можно заключить, что одна из рукописей мемуаров была М. М. Петровым подарена М. И. Карпенко и хранилась в архиве последнего.

Таким образом, в середине XIX в. имели хождение по меньшей мере четыре рукописи «Рассказов» М. М. Петрова, пущенные в оборот самим автором независимо от их публикации, — случай довольно редкий в практике распространения мемуарных произведений той эпохи.

Несмотря на то что «Рассказы» М. М. Петрова трижды являлись объектом публикации, напечатаны они были далеко не полностью. К тому же эти публикации не являлись научными и не сопровождались комментариями, часть текста печаталась в редакторском изложении. Но и в таком — урезанном — виде мемуары М. М. Петрова не были достоянием широкого круга читателей, ибо помещались в изданиях, выходивших мизерными тиражами и давно ставших библиографической редкостью.

В настоящем издании воспоминания М. М. Петрова публикуются без каких бы то ни было изъятий по тексту их последней, завершенной и наиболее полной редакции из ОПИ ГИМ, которая никогда не появлялась в печати. В частности, впервые публикуются описания отдельных эпизодов начального периода войны и Бородинского сражения, рассказы о том, почему не удалось полностью разгромить Мюрата под Тарутином и Нея под Оршей; о шефе полка принце Августе Ольденбургском и бывшем командире полка Я. Я. Давыдовском, героически погибшем в сражении с наполеоновской армией при Пултуске в 1806 г. Впервые также печатаются чрезвычайно интересные авторские оценки общего хода войны, стратегии

М. Б. Баркляя-де-Толли, М. И. Кутузова, Наполеона и заметки «О благоустройстве Германии», основанные на впечатлениях заграничных походов.

«Рассказы» охватывают период с конца 1770-х гг. до 1815 г. В них идет речь о предках и детстве автора, о судьбе его старших братьев, отличившихся в суворовских походах и при штурме Измаила. Чаще всего упоминается третий брат, Иван (впоследствии генерал-майор), бок о бок с которым прошла вся жизнь М. М. Петрова. Подробно описываются военные события, участником которых он был: походы в Силезию и к Висле, сражения при Пултуске, Прейсиш-Эйлау и Фридрихсфельде (1806—1807); оборона Балтийского порта и эскадры П. И. Ханькова, блокированных шведско-английским флотом (1808); русско-турецкая война и одно из решающих ее сражений — Батинское (1810).

Почти три четверти всего объема воспоминаний занимает повествование об Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813—1814 гг. М. М. Петров был в строю с первого до последнего дня войны, находясь в арьергарде в первый ее период и в авангарде — с начала контрнаступления и до взятия Парижа.

Из событий первого периода войны основное внимание уделяется Бородинскому сражению, в ходе которого 1-й егерский полк находился на правом фланге и одним из первых вступил в бой, успешно отражая попытки противника переправиться через р. Колоочь. Командир батальона М. М. Петров, в частности, руководил уничтожением единственной переправы. М. И. Кутузов в своем донесении Александру I о главных событиях Бородинской битвы писал: «Французы, ободренные занятием Бородина, бросились вслед за егерями и почти вместе с ними перешли реку, но гвардейские егери, подкрепленные пришедшими с полковником Манахтиным полками и егерской бригадой 24-й дивизии под командою полковника Вуича, вдруг обратились на неприятеля и соединенно с пришедшими к ним на помощь ударили в штыки, и все находившиеся на нашем берегу французы были жертвою дерзкого их предприятия. Мост на реке Колоче совершенно был истреблен, несмотря на сильный неприятельской огонь, и французы в течение целого дня не осмеливались уже делать покушения к переправе и довольствовались перестрелкою с нашими егерями» (Бородино. 1812—1862: документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 136).

М. М. Петров сумел осмыслить и с максимальной точностью передать ход последующих крупных событий Отечественной войны и заграничных походов, участником которых он являлся: Тарутинский маневр, сражения при Малом Ярославле, Вязьме, Дорогобуже и Красном, переправа через Березину, поход по Германии, Люценское и Бауценское сражения, форсирование Рейна, сражение при Монмартре. Во всех описаниях он старается быть непредвзятым свидетелем побед и ошибок русской армии. Так, он высказывает свои

соображения по поводу того, почему был упущен атаманом Платовым корпус наполеоновского маршала Нея, воссоединившийся после того с остатком войска Наполеона. Заметное место в «Рассказах» автор отводит взаимоотношениям в офицерской среде, своим командирам и сослуживцам, в числе которых — А. Я. Сукин, Л. А. Тургенев, Я. Я. Давыдовский, М. И. Платов, И. С. Дорохов, П. П. Коновницын, Д. В. Давыдов, А. С. Фигнер, М. И. Карпенко. В мемуарах упоминается значительное количество неизвестных доселе имен участников Отечественной войны, о которых нет сведений в других исторических источниках. Воспоминания изобилуют рассказами о достопримечательностях европейских стран, описаниями дворцов и музеев Парижа, наблюдениями над особенностями быта и нравами населения германских княжеств.

Мемуары М. М. Петрова завершают заметки «О благоустройстве Германии». В этой части воспоминаний отсутствуют описания военных событий. Однако она представляет особый интерес, поскольку является итогом размышлений чрезвычайно наблюдательного и мыслящего человека о необходимости улучшения государственного и общественного устройства своей страны. Эти размышления были вызваны сопоставлением порядков в крепостнической России с тем, что увидели русские воины во время заграничных походов. «С той поры, как армии наши,— вспоминает М. М. Петров,— с 1805 года выходили за пределы Отечества своего... многие офицеры наши, прельщенные благоустройством и нравственностью тамошних обывателей, вникали в основание того и видели благоденствие их» (см. наст. изд. с. 300). Автор скрупулезно описывает быт земледельцев, ремесленников, чиновников, духовенства и других слоев населения, политические, судебные и общественные институты Германии, опережавшей в своем развитии Россию того времени. Являясь горячим патриотом и искренне желая видеть свою Родину благоустроенной, М. М. Петров как бы призывает Николая I последовать примеру Петра Великого и Александра I, которые в Германии собирали «добро житейское и, принеся его в Россию свою, дарили им верноподданных». Он находил в Германии образец общественно-экономического устройства, не замечая таких явлений, как политическая раздробленность страны, преобладание ремесленного производства и господство реакционной идеологии. Вместе с тем сам факт противопоставления Германии самодержавно-крепостнической России и обращения к Николаю I являлся смелым шагом. В октябре 1843 г. Н. В. Баталин сообщал М. П. Погодину о том, что у М. М. Петрова «есть преинтересная тетрадка замечаний о Германии, где он на походе схватил очень резкие черты тогдашнего быта Германии, и он только боится, что за вольностью некоторых лихих его мыслей она будет забракована» (ОР ГБЛ, ф. 231/II, картон 3, д. 12/3, л. 6). Опасения М. М. Петрова подтвердились: эта часть воспоминаний так ни разу и не была опубликована. Несмотря на идеализацию немецких порядков,

заметки «О благоустройстве Германии» в целом отражают умонастроения мыслящей части русского офицерства, иллюстрируют просветительное значение заграничных походов и позволяют глубже понять истоки декабризма.

Мастерство рассказчика, живой и образный язык, своеобразный, несколько архаичный стиль изложения, прямой и искренний тон повествования, насыщенные и яркие характеристики героев «Рассказов», чувство юмора в описании бытовых картин армейской службы и нравов русских офицеров — все это придает мемуарам М. М. Петрова особую прелесть и колорит.

Настоящая публикация вводит в научный оборот не только ценнейший источник по истории 1812 года, но и литературный памятник того времени. Эпический размах, информативность и художественные достоинства «Рассказов» М. М. Петрова ставят их в один ряд с лучшими образцами отечественной военной мемуаристики первой половины XIX в.

Эта публикация даст возможность расширить представление об одном из героических периодов истории нашей Родины. Автор «Рассказов» писал о назначении своих мемуаров:

«Ваши дети, ваши правнуки в последующем времени, может быть, взглянув на труды мои, воззовут существо мое из глубокой вечности. Я предстану им тем же живым военным духом моим; я расторгну завесу времени прошедшего и представлю им — как представляю вам ныне — славу любезного нашего Отечества» (ЦГАЛИ СССР, ф. 1337, оп. 1, д. 179, л. 2).

М. М. Петров
Рассказы служившего
в 1-м егерском полку
полковника Михаила Петрова
о военной службе
и жизни своей и трех родных
братьев его, зачавшейся
с 1789 года. 1845 г.

Оглавление [составлено автором воспоминаний]

1. О вступлении нас, четырех братьев, в полевую армейскую службу по получении грамоты на дворянство.
2. О службе моей во Псковском гарнизонном полку.
3. О полевой службе в Елецком полку. Генерал-майор Сукин 2-й.
4. О походе в Силезию. Нечаянное зрелище. Возвращение наше в Россию, в Пернов.
5. О походе к Висле. Сражения 1806 и 1807 годов. Потеря Сукина. Возвращение в Пернов.
6. Увечье генерала Сукина. Тургенев, командир полка его. Эскадра Ханыкова. Перевод меня в Аракчеева полк.
7. Нечаянное мое адъютантство. Курьерская езда.
8. Балканские выси. Болезни берегов Дуная. Знакомство мое с Д. В. Давыдовым, партизаном, поэтом.
9. Батинское сражение. Призовой пороховой парк.
10. Возвращение мое в Петербург. Губернатор Фигнер.
11. Прощание мое с генералом Сукиным. Дежурство мое при карауле императора в Гродне. Прислуга государя. Обувь по онучкам.
12. О начале войны 1812 года. Дорохов. Проворный атаман Платов. Герой Коновницын.
13. О Бородинском сражении от 24 по 27 августа.
14. Об отступлении нашем за Москву, к реке Пахре.
15. О Тарутинском стане армии нашей.
16. Благотворный кувшин варенухи на аванпостах.
17. О Вяземском сражении. Дорогобуж. Смоленск. Маршал Ней перескочил через Платова. Гор. Орша.

18. Цесаревич Константин Павлович на перепутье в 1-м егерском полку в Орше. Поход на Березину. Гренадер Алексеев.
19. О прибытии в Гродно. Могила Давидовского. Освобождение Отечества от двадцати язык.
20. Поход по Германии. Отступление от Люцена и Бауцена в Силезию.
21. Графиня Остерман. Адербсбах. Вармбрунн.
22. Ейзенах. «Земля Марии Павловны». Вартбург. Убежище Мартина Лютера. Рейн! Рейн!
23. Ночь немецкого Нового года в 1814 году. Кобленц.
24. Наивкуснейший обед в моей жизни.
25. Действия на Париж и вступление в Париж.
26. Сент-Клуский дворец близ Парижа.
27. Пребывание наше в завоеванном Париже.
28. Достопамятная встреча в Большой Парижской опере.
29. О Бюффонном кабинете натуральной истории.
30. Тюльерийский дворец и Картинная галерея его, соединяющая с ним луврские палаты.
31. Прибытие полка нашего из-за Парижа на Рейн в Мангейм. Почести там императрицы нашей.
32. Возвращение к Берлину. Путешествие великих князей наших. Галле. Дессау.
33. Потсдам. Сан-Суси. Берлин в торжестве.
34. Возвращение наше на Неман. Вступление в Отечество и на непрременные квартиры в Ревель.
35. Прощание с храбрым товарищем.
36. О благоустройстве Германии.

1. О вступлении нас, четырех братьев, в военную армейскую службу по получении грамоты на дворянство

По следам военных заслуг предков своих — осадного головы Воронежского стрелкового стана, степных окопов и маяков начальника Федора Сергиева, сына Петрова, и его сына, стрелкового разряда капитана Андрея Федорова, сына Петрова, — два родных брата отца моего, Петр и Михаил, к возвращению прав роду своему на дворянское достоинство, до того потерянного, — чрез непрременное требование правительством семейного перехода прадеда их в оседлое пребывание на Маздоцкой¹ линии военной — служили в войсках: 1-й, Петр, Иванов сын, — в Ингерманландском пехотном полку до чина поручика, в котором умер он, быв адъютантом генерала Синельникова², страдая открывшимися ранами — двумя полученными на приступах к Хотину и Бендерам, а третьей — при Кагуле³; 2-й, Михайло, — в Бахмутском

гусарском полку⁴, противу закубанских хищников, до чина прапорщика. Отец же мой, Матвей, Иванов сын, имевший на себе с детства наружное повреждение тела от ушиба лошадью, принужден был вступить в статскую службу, удовлетворяя ревности противу родных братьев его надеждою предать полевому военному служению всех четырех сынов своих, чему вполне последовал и внучатый брат его, коллежский советник Иван Алексеевич Петров, которого все три сына служили в полевой военной службе, испытав многие военные кампании — противу французов, турок и черкес, заслужа многие ордена оказанными в боях отличиями, а двое из них и умерли на службе в поручичьих чинах в артиллерии и пехоте действующих армий: Западной и Отдельной Закавказской.

Как воронежское жилище предков наших было близ давнего, времени Петра Великого, адмиралтейского собора Успения Пресвятыя Девы, где на обоих берегах реки Воронеж видны были тогда явственно следы благотворных трудов создателя света России, неусыпно подвизавшегося на верфи корабельной, чему были в ранние лета жизни отца нашего многие свидетели, выдавшие его там в парусинном или байковом полукафтани под картузом с топором среди плотничьих артелей, работавшего в поте лица возраставшие на стапелях мореходные военные суда, разных рангов, и пред горнами кузниц, в шкурной занавеске, под вьюгою искр и пепла, падавших на священную главу великого монарха России, ковавшего во всю богатырскую его мочь якори и укрепления корабельных остовов, для крутившего пряди канатов, хваля и щуня всячески мастеров — по праву полного знания всякого дела — то по-английски, то по-голландски, а в промежутках — на чистом русском языке. Домик — нет, его святилище! — бывший на островке реки Воронеж, близ правого берега, в 200 саженях ниже Успенской церкви, где Он, Великий наш, не 5 дней, как в Саардаме⁵, но 11 лет многомесячно пребывал⁶, не упущая из проницательного зрения работ верфи, производившихся кругом этого острова, в занятиях государственными и иностранной политики делами, воссоздавая из хаоса благоустройство всех частей просвещавшегося его светом Русского царства, и знатный цейнгауз⁷, наполненный остатками — моделями мореходных военных и ластовых судов⁸ разных рангов и конструкций иноземных, инструментами, такелажем, оружием абордажным и всяким, — были в то время святиною воронежских чувствительных граждан, пере-

иначенных им и приходивших туда благоговеть с сердечным умилением к своему Великому, единственному истинному святителю всей Русской земли, назначенному Провидением небесным разогнать тьму, помрачающую очеса людей, и озарить их светом чистого разума, но не водить под узцы коня священного Понтифекса⁹.

Отец наш, наслушавшись в его малолетстве от самовидцев о трудах «первого императора», часто приводя нас на опустелую верфь и к домику его и рассказывая о всем, что, где и как было там, говорил нам: «Дети! Вы родились на священных следах Великого Петра, трудившегося тут до изнеможения на верфи корабельной и приносившего в этом храме молитвы Царю царей, повергая в них под благословение Его свои благотворные думы и горести сердца, терзанного исчадиями крамол и заматерелого суеверства. Ежели и простой случай дал нам прозвание Петровы, то и тогда примите его святынею, по имени Великого Петра, и идите путем военной чести Отечества, любите просвещение, будьте праводушны, не бойтесь говорить правду по присяге, ибо правде помогает Бог».

Когда намерение свое предать нас всех, четырех сынов своих, истинному боярскому жребию открыл он матери нашей, то она, как женщина и мать, стала горько плакать от ужаса разлуки с нами и воображения смертных язв, долженствующих упасть на ее порождение. Но отец наш сказал ей: «Ежели судьба сделала тебя из купеческой дочери женою дворянина, которых сословие не платит податков государственных деньгами, владея вотчинами, то ты должна знать, что взамен того и в заплату за почет по неоспоримой справедливости и дети наши обязаны будут наряду с другими заплатить за свое почетное звание трудами военными, потоками крови на поле чести и, может быть, утратою которого-нибудь из них жизни: иначе же они были бы чистые тунеядцы, могущие размножением себе подобных на беспрекословной от совести льготе задушить свое Отечество, а не защищать. В целом свете дворянские поколения пользуются правом высшего уважения от всех иных сословий, но за то они, истаивая в военных трудах и огнях битв, защищают свои государства, прославляя их и себя». Здравый рассудок матери нашей постиг вполне эту святую истину, и она, перекрестясь, сказала: «Всевышний Отец и Ты, Матерь Господа! Услышьте меня: пред вами отрекаюся быть матерью вредных Отечеству сынов, пусть будут они усердными

воинами, я молиться буду пред вами о помощи вашей им исполнить долг свой Отечеству». И с того особенно времени стали мы открыто приготовляться к военной участи своей приучением себя к неусыпным утомительным военным трудам ружейною стрельбою и рыбною ловлею по рекам Воронежу, Усмани и Тамлыку между многочисленных дремотствующих во оцепенелости многие века полевых окопов и могил татарских, под бурями и дождями, без сна, нередко в холоде и голоде, по веселой воле своей.

Прибытие в домовый отпуск родных братьев отца нашего, одного в красивом мундире инфантерийского офицера, а другого в казистом гусарском наряде, восхитило нас о будущей участи нашей; возвращение же в отставку поручика Алтухова, двоюродного им по матери их брата, объяло души наши и повлекло к полному разумению военных бурь, шатающих, возвышающих и освящающих честь и сокращающих неугомонное человечество. Этот мужественный стройный старец-герой 1-го гренадерского полка Елизаветы I и Екатерины II, без правого глаза от пули с проткнутым скулом той же стороны и без левого уха, сдернутого картечью, имел необыкновенный дар слова для выражения военных картин. Он был еще и крестным отцом одного из нас — Николая — и приезжал к нам гостить из деревни своей Никоновой, находящейся от Воронежа в 35 верстах на реке Усмани, и рассказывал отцу нашему и особливо двум старшим братьям моим, готовившимся отправиться в армию, о штурмах и полевых битвах войн: Семилетней¹⁰, прусской¹¹ и турецкой графа Румянцова¹², им испытанных; и мы, два меньших кантониста¹³ воронежского дворянства, быв около седьмых годов жизни, тарачили глаза на выразительные высказывания истерзанного лица дяди нашего; и порывы победоносного голоса его усвоились слуху нашему по жребию, ожидавшему нас. Но мать наша, внимая тому и смотря на исковерканное чело героя, часто вздыхала и утирала слезы, не изменяя покорности року своему и уповая на милосердие Божие.

В 1788 году, в марте, отец наш, принеши из Дворянского собрания депутатов данную нам на дворянство грамоту, сказал матери нашей и нам: «Посмотрите — этот пергамент обложен кругом рисовкою по большей части полковыми знаменами, штандартами и корабельными флагами, обставленными военным оружием, и атлас, его покрывающий» — прикрепленный золотым снурком ви-

сячей большой печати — «предназначает огненно-красным цветом своим уплату за эту честь огнем и кровию войн под знаменами Отечества». Мать наша перекрестилась и поцеловала вензель Екатерины, и упавшие слезы ее скрепили обет отца нашего, сделанный по чистой совести дворянина.

Старшие мои два брата, Алексей 19 и Николай 16 лет, отправлены родителями нашими в начале 1789 года, во время кипевшей тогда турецкой войны¹⁴, прямо к военным действиям армии князя Потемкина-Таврического¹⁵, которой главная квартира находилась тогда на зимовке в Яссах. Там по прошению, поданным генерал-поручику Леванидову¹⁶, определены они младшими сержантами в Смоленский пехотный полк, бывший в корпусе Суворова¹⁷, находившегося на важном стратегическом пункте театра войны той в Бырладе¹⁸. Командиром полка Смоленского был тогда бригадир Иван Кириллович Владычин¹⁹.

Как все мы, четыре брата, по назначенному нам военному служению с отроческих лет приготовлены были к боевому делу упражнением в ружейной стрельбе, то в половине июля того же года старшие мои братья стали в боевой фронт Фокшанского сражения²⁰, предпринятого Суворовым скоропостижно атаковать турок «без оглядки, чем Бог послал», к изумлению австрийского полководца, союзника русских принца Кобурского²¹; и 11 сентября были в знаменитом сражении²², отрянувшем звуком вечной славы, раздавшимся от берегов речки Рымника, где совершенное разбитие Суворовым огромной армии турецкого визиря представило им военную честь в полном ее победоносном блеске, увенчавшем героев, первобытных питомцев бессмертного Суворова-Рымникского, разразившего там в прах полчища страшных дотоле австрийцам оттоманов, потерявших множество знамен и 80 пушек, разделенных Суворовым «по-братски» с изумленным победой его союзником принцем Кобурским, оставшимся ему во всю жизнь другом искренним. В продолжение той же войны братья мои были во многих авангардных и партизанских сшибках около Дуная и на островах его и рек, впадающих в левый берег около Галлаца; а потом в ужасном штурме твердынь Измаила, где от ранней зари 11 декабря 1790 года чрез весь день остервенелая смерть рыскала, размахивая булатною косою ее, в рядах и толпах спорившего геройства россиян и отчаянного

зверства оттоманов, но закатившееся за горизонт солнце облобызало последними лучами своими приветливо новый лавр неувядаемого венца главы героя Рымникского²³. После Измаиловского штурма²⁴ они были за правым берегом Дуная, при покорении горных Мачинских укреплений и еще во многих делах военных и за оказанные отличия в той войне получили чины прапорщиков.

По окончании турецкой и за ней польской войн, с покорением штурмом Праги, Варшавы и всей Польши, когда Смоленский мушкетерский полк стал на новые его непременные квартиры в городе Смоленске, отец наш в 1797 году, в исходе февраля, послал нас, остатных двух сынов, в полк к старшим братьям нашим, где мы давно записаны были унтер-офицерами. Шеф Смоленского полка генерал-майор Яков Иванович Повало-Швейковский²⁵ принял нас, по уважению отличной службы первых двух братьев наших, благосклонно, и мы зачали там служить, живя вместе с братом Николаем. Мне был тогда 17-й год, а брату Ивану Матвеевичу²⁶—19 лет.

Время начала военной службы моей в Смоленском полку осталось мне памятным, сколько любезным и священным, столько и горестным по воспоминаниям всего, ибо там впервые засверкало и зазвучало на юных раменах моих желанное от всей души моей прелестное украшение дворянина — военное оружие, врученное мне Отечеством на охранение его. Там под знаменем произнес я клятву в обязанностях воина, долженствующего принести в жертву спокойствие, кровь и жизнь свою во охранение царского трона, Отечества и Святой веры. И там же сердца мое и моих братьев родных поражены были первоупалым на них сиротством — рука Всевышнего властителя миров увлекла родившую нас от здешней в жизнь вечную 31 июля 1797 года, с небольшим чрез пять месяцев по отпуске последних сынов своих в службу. Плач и вопль отца и единственной юной сестры нашей, достигнув седьмым днем из Воронежа в Смоленск, поразили незнакомые сиротству сердца наши, и боевое оружие, орошенное горькими слезами нашими, зазвучало на нас, простершихся в сокрушении пред Господом, видевшим последние благословения ее нас и внимавшим молению Пречистой Матери Искупителя мира о покрове детей ее. Боже Превечный! и ныне, в последние дни жизни моей, Тебе молюся: не лиши души ее водворения в светлой обители, уготованной праведным, за исполнение закона Твоего во многом.

По восшествии на престол император Павел Петрович соизволил преобразовать гарнизонные баталионы в полки, поставя их знанием порядка фрунтовой службы в уровень с полевыми полками, дав в них офицеров из сухопутного кадетского корпуса, воспитанников графа Ангальта²⁷, гвардии и полевых полков сержантов, произведенных в прапорщики на многочисленные вакансии, бывшие в гарнизонах прежних баталионов, внутренних и пограничных, чрез удаление из них в инвалидные команды и отставку стариков, угасших телесными силами, необходимыми в полноте регулярности полевых фрунтов. Во исполнение такого соизволения в числе многих сот я и брат мой, Иван Матвеевич, получа самые блистательные для юношей фрунтовых прапорщицьи чины, поступили по высочайшему приказу, отданному при пароле в 19-й день февраля 1798 года, во Псковский гарнизонный Иванова полк.

Помоляся Богу пред чудотворным образом Смоленской Приснодевы, бывшим впоследствии с нами у Бородина и в Тарутинском стане, и поплакав при разлуке с милым нам братом Николаем, мы отправились в Псков, знаменитый своею древностию и рождением близ него, в пригородном сельце Любятове, прекрасной поселянки Ольги, супруги великого князя Игоря Рюриковича, которая в молодом своем вдовстве, воспламенясь любовию к невидимому вездесущему Богу, приняла греческий христианский закон в Константинополе от патриарха. В кафедральном соборе Псковском, огромном, греческой архитектуры, между другими св. мощами почтенны и особенно чувствительны для воина мощи великого князя Гавриила Псковского²⁸, героя, оправдавшего девиз, начертанный на мече его: «Чести моей никому не отдам».

2. О службе моей во Псковском гарнизонном полку

По высочайшему приказу императора Павла Петровича, отданному при пароле в 19-й день февраля 1798 года, возвысясь из сержантов Смоленского пехотного полка до блистательного юношества первого офицерского чина прапорщика, я и брат мой Иван Матвеевич примчались из Смоленска чрез Велиж и Великие Луки в Псков в полк шефа — полковника Иванова. Я поступил в роту майора Шварца, а братом занята была вакансия

полкового адъютанта с производством его по штату в подпоручики. Того же года ноября 4-го новый шеф полка полковник Липнинский, повыся брата моего в чин поручика, сделал меня полковым адъютантом, и мы začали служить благонадежно.

На первую пору нашего зелено-гибкого благородия, когда душа и сердце в молодых прапорных человечках суются куда зря и гнутся во всякую сторону по дуновениям на них ветров и зефиров житейских, милосердное провидение послало нам свою благодать, дав в напутствие юности нашей одного пожилого гражданина псковского, коллежского асессора Еремея Абрамовича Томина, приявшего наше дружество во охранение нас самих чрез право его образованного ума и разнovidных испытаний в высших гражданских кругах, около и в самом Петербурге.

Шеф наш, полковник Липнинский, любил мою прилежность к должности, а притом, желая дать способ поправить сколько-нибудь недостатки моего воспитания, позволил мне употреблять несколько часов в неделю на обучение себя от городских учителей танцеванию и еще кое-каким познаниям, нужным офицеру, особливо при возвышении его в капитанский чин, что мы с братом и находили еще и чрез соучастие в нас незабвенного благодетеля нашего, бездетного Томина, в домах: знаменитого семьянина Исаака Абрамовича Ганшибала²⁹, имевшего библиотеку отборных классических книг, из которых творения Лоррена, Бюффона и Боннета привлекали особенно наше внимание, донныне благотворное душе моей; статских советников Алексея Степановича Валуева и Павла Ивановича Тиньковского, благоприятствовавших нашему, вполне, нравоучению у них, образцовых нравами бояр. Но рок мой судил неопытности моей принять тогда первое испытание бед от прогневанного мною начальника по следующему строптивому случаю.

В марте 1799 года полковник Липнинский определил к себе в полк малолетнего лифляндского дворянина по прозванию Форст. Он был родной братишка жены шефа нашего, который в портупей-прапорщичьем чине, имея роднею полкового начальника и псковского коменданта, бездетного супруга фигурной молодой жены, делал много грубостей офицерам нашим, а еще того более было худого от него в том, что он, вертясь везде свободно в кругах нашего общества, служил ко злу многих наговорами шефу о всем виденном и слышанном им в офицерах-

ком товариществе, а мало ли чего там не бывает? Этот 12-летний мальчик был крайне привязан ко мне, так что всегда почти вертелся около меня в полковой канцелярии, находившейся в нижнем этаже казенного комендантского дома, принося мне часто от своих конфеты, фрукты и всячину. Только однажды он, Форст, шурин шефа, наговорил грубости стоявшему в главном карауле поручику Звягину, из кадет, офицеру особенно знатному, который, не вытерпя этого, выдрал ему уши, как следует шаловливому ребенку. Форст расплакался и побежал к сестре. После чего на другой день при смене главного караула шеф и комендант Липнинский, сделав неистовую придирку к какой-то мнимой нечистоте караульного дома, арестовал Звягина ни за что. В поправку такой ошибки Звягина мне должно бы, по здравому рассудку, умиловать шефа и шефшу чрез этого же привязанного ко мне ребенка, а я, напротив того, по безрассудству моему, не умея утаить моей досады в обиде моего наилучшего приятеля, вытолкал взащей в тот же день из канцелярии любившего меня Форста. Завизжав во всю мочь, Форст побежал вверх к сестре своей и зятю, и меня, бестолкового приятеля Звягину, того же лета пропустил шеф в представлении на вакансию в поручики. Но я успел, однако, склонить полковника, чрез Форста же, чтобы он откомандировал, по последовавшему от Военной коллегии наряду, поручиков Звягина и моего брата в Италию, в армию графа Суворова, с отборными из нашего полку, как и из других гарнизонов, назначенных туда, нижними чинами для дополнения там убыли в военноположивавших полках Итальянской нашей армии противу французов³⁰, куда они и выступили в первых числах мая с 204 человеками унтер-офицеров и рядовых из Пскова чрез Полоцк, Брест-Литовск и Краков по маршруту, данному им на Германию и далее. Прощаясь с братом и Звягиным, я горько плакал и от зависти еще, что они шли на поле чести—к Суворову, затверженному военными душами всех божеством по гениальным победам его и там, где Аннибал³¹ и Цезарь³² стяжали бессмертие.

Полковник Липнинский в сентябре того же лета выключен был из службы за азартную ссору с гражданским губернатором Беклешовым³³, по полицейским сношениям от комендантских дел, перешедшую как-то—не знаю—в личный раздор на бале городского собрания. На место Липнинского определен в шефы нам из Выборгского гарнизонного полку полковник

Николай Афанасьевич Перский, который тогда же представил о мне государю, и я произведен был в поручики с оставлением адъютантом полковым.

Через несколько месяцев по выступлении из Пскова в армию Суворова команды отборных солдат — это было в исходе сентября, когда я после окончания вахт-парада, по должности моей препроводя сменившееся полковое знамя, поставил в шефской квартире и сходил по лестнице вниз, — ко мне прибежал, задыхаясь, мой барабанный староста с известием, что у гобт-вахта³⁴ остановился едущий из армии Суворова курьер и просит моего свидания с ним. Опрометью бросился я, по какому-то предчувствию радости сердечной, к призывавшему меня, и можно сказать, что сажненное пространство перелетел стрелою к гобт-вахту. Ко мне подошел навстречу офицер в общем армейском сюртухе, с курьерскою сумкою на груди. Принимая мою руку, он сказал: «Ежели вы полковой адъютант Петров, то вы родной брат мне, поручику Алексею Петрову». Мы обнялись с кровным чувством радости, и трехчасовое свидание, чрез девять лет разлуки, принесло нам незабвенную мне поныне радость. Он известил меня, что видел нечаянно брата Ивана Матвеевича на марше их соединенной колонны по Австрии, а случилось это следующим образом.

Близ главного моравского города Ольмюца шла колонна русских пехотных военных чинов, состоявшая из 3000 человек, под командою Рижского гарнизонного полка майора Гессе, в которой были и Псковского полка солдаты отряда поручиков Звягина и Петрова. Перейдя от краковской стороны Ольмюц, она стала привалом при Брюнской³⁵ дороге для отдыха после долгого парадного шествия через город. И когда офицеры частей поверяли ряды дивизионов своих и доставляли рапорты колонному командиру, стоявшему у самой дороги, то в это время набежал пред нее русский курьер армии генералиссимуса Суворова-Рымникского, ехавший из Цюриха в Петербург с депешами. Усмотрев пред собою на чужбине земляков своих, идущих с родимой сторонуншки его, курьер, вестимо, остановился и спрыгнул с почтовой фурманки к кругу офицеров, чтобы поговорить и узнать что-нибудь о милой Отчизне. Его обступили штаб- и обер-офицеры, желающие услышать о делах Суворова. Курьер отвечал на вопросы многих и сам спрашивал о многом. Ах! сердце мое еще и теперь вот бьется от припомнутых себе подобных случаев, бывших мне не раз в часы возвраще-

ния моего к границам Отечества с чужбины дальней. Я скажу тем, которые никогда не покидали его, словами достославного Карамзина³⁶, что они действительно при всей величайшей приверженности к нему душ их не имеют настоящего понятия о той высокой цене, какую в самом деле их сердца ему полагают. Даже уверяю и в том, что самый злодейски изгнанный, как Аристид, Фемистокл³⁷ и прочие, возвращаясь в него, забывают все и прощают своих гонителей более и более на каждой последней версте приближения к нему. Поручик Иван Матвеевич Петров около четверти часа соучаствовал в разговорах с курьером суворовской армии, который, наконец, взошел на фурманку, говорил уже майору Гессе и офицерам его прощальные приветствия, с пожеланием всех приятств марша по Германии, но в это время пришел к ним от задней части колонны командир дивизии Старобыховского гарнизонного полка штабс-капитан Быков, давний знакомец этого курьера по служению с ним в одном полку армии Потемкина-Таврического. Взглянув на курьера и узнав его, Быков закричал: «Здравствуйте, Алексей Матвеевич! Иван Матвеевич! Ведь это брат ваш!» Два единокровных брата бросились в объятия друг друга, пролив радостные слезы. Все предстоявшие тронуты были чувствительным удивлением о милости провидения, определившего, после девятилетней разлуки, двум братьям свидание на чужбине, открывшееся случайно и едва не минувшее их. Пробыв вместе около получаса и поговоря между прочим и о том, что я служу полковым адъютантом в Пскове, чрез который почти прямая от Бреста-Литовского в Петербург дорога, они расстались на 30 лет. Два колонновожатых австрийских офицера, препровождавшие колонну Гессе к Суворову, видевшие это свидание, крайне были тронуты им и по прибытии в Мюнхен припечатали в тамошней газете, описав это свидание искусно от доброго германского сердца, чувствовавшего тогда особенно уважение и благодарность к россиянам в залог предстоявшего чрез 13 лет полного спасения нами Германии. И вот старший брат повидался со мною — на 20 лет — выросшим из семилетнего ребенка почти с него и имевшим равный его чину чин, в должности, уважительной везде, служившим.

После 10-месячного похода брат Иван Матвеевич возвратился из-за границы к полку в Псков на почтовых. Но тут скоро благоприятные виды службы нашей изменились. Почтенный, благовоспитанный шеф наш,

полковник Перский, исключен был из службы за побег из его шефской роты полку двух рядовых с ружьями и патронными сумами, а на его место прибыл, не помню откуда-то, полковник Вестублев, человек старый, дослужившийся из артельщиков, ничком, в штаб-офицеры, и это бы ничего, но он любил куликать с деньщиками своими. Такие виды соблазна заставили меня отпроситься из адъютантов уже не полковых, а батальонных, ибо полк составился тогда из Новгородского, Псковского и Нарвского батальонов под шефством ген[ерал]-майора Вырубова³⁸. Мною занята была ваканция моего чина в фланговой комендантской роте, где почти тогда же поручено мне было командование его по наружности фрунтовой частью за болезнь капитана Игумнова, что и исполнял я целый год, до отставки его и прибытия из Новгородского 1-го нашего батальона штабс-капитана Лаврентьева.

По восшествии на престол императора Александра Павловича в 1802 году в феврале переведен я был вместе с братом моим в Елецкий мушкетерский полк Санкт-Петербургской инспекции, занимавший непрменные квартиры полкового штаба в Нарве, а батальонами — уезды Петербургской губернии Ямбург и Гдов.

Оставляя Псков, мы всего чувствительнее оплакали разлуку с благотворителем юности нашей Томиным и душевно сожалели о утрате приятелей, нами там приобретенных в пять годов, тех, которые ласкали нас, как родных. И вот угасает жизнь моя, но душа моя, слава Богу, сохраняет мое священное сокровище — благодарность тем согражданам, которые обязали меня своею приязнью. Мне там нравилась одна молодая прекрасная умная девица, дочь майора и кавалера Александра Матвеевна Копьева, одна дочь у матери-вдовы, жившей своим домом. Друзья мои, и особливо Томир, советовали мне искать руки ее, но я возражал им и сердцу моему: «Я дворянин, обязанный оправдать это обетное звание. Мне 22 года от роду. Мое достояние — острая шпага, мои прелестные сокровища — военная честь и боевая слава, мой жребий — тяжкие труды и смертельные язвы, мой брачный гимн — победные крики торжества героев Отечества моего. Но я не приобрел еще ничего из этих стяжаний, священных избранным сынам Отечества, и не принес должной жертвы этим обожаемым в свете чудотворным кумирам. Вижу и понимаю тебя, ясная путеводительница героев! И последую твоему призыванию нас на Запад,

туда, где священная тень «отца войны» — Суворова — показывает нам стезю, им проложенную для нас. Любовь моя светла, совесть покойна, и сердце покорно долгу чести народной. Направо — кругом — марш-марш».

3. О полевой службе моей в Елецком мушкетерском полку. Генерал-майор Сукин

По восшествии на престол императора Александра Павловича все молодые офицеры гарнизонных полков переведены были по желанию их в полевые полки. Вследствие такого высочайшего соизволения я и брат мой Иван Матвеевич поступили из Псковского гарнизонного батальона в Елецкий мушкетерский полк, квартировавший полковым штабом в Нарве, куда мы и явились немедленно. Шефом полка был тогда генерал-майор Яфимович³⁹, полковым командиром — полковник Варнек, женатые на дочерях одного нарвского жителя, Г. Козена. Нас определили на вакансии поручиков в роты гренадерского батальона, брата — в шефскую, а меня — во 2-ю гренадерскую. Командиром батальона нашего был старый, истреленный в войнах на суше и во флоте служака и сам искусный егерь майор Тургенев⁴⁰, умерший по 42-летней службе в отставке генералом 1828 года 3 октября близ Воронежа, в селе Таврове, бывшей крепости, на купленном им там клочке земли с домом, покрытым соломою, в пособие пенсии к прожитию с женою и тремя дочерьми.

Елецкий полк был тогда в остатках своего прежнего блистательного образования, необходимого к служению по мирному времени на взорах всесветной публики, в виду особ императорского двора, данного ему предместниками Яфимовича — старым военным энциклопедистом Франции, эмигрантом графом Делаамбертом⁴¹ и по нем тагчинским гвардейцем Витовтовым⁴², умершим на верховой лошади пред учебным фрунтом того полка от паралича. Но с 1799 года без поддержки всего — от Яфимовича, обремененного на старости молодою женою, кучею мелких детей и неугомонною страстию его, от митавших полевых чинов еще, к карточной игре банка, покончившей у него время службы и все средства к поддержанию полка. Однако он имел давнюю протекцию, обратившуюся в милосердие, генерал-адъютанта Волконского⁴³, по которой командование его полком брело

по прежней славе полка, даже с благодарностями и подарками ему от царя за маневры и смотры императорские; сверх того, он часто получал перстни от государя, прошенного, чрез предстательство милосердовавшего о нем Волконского, на крестины сынов, что тогда же им продавалось и шло в истраты по дому его и на расплаты по игре, ему вовсе не таланившей, а полковые детали исправлялись кое-как кое-кем, с горем и грехом пополам.

В последних числах декабря 1802 года судьба довершила сиротство наше, лишив нас родителя. Это несчастье предало души наши покорности воле высшего провидения, а исполнение священного завета родивших нас: «Не щадить ни крови, ни жизни своей в жертву охранения благоденствия государя и Отечества, на поле боевом и везде» — было памятником в душах наших им, сооруженным и освящаемым до конца службы и жизни нашей, по принесении всеми четырьмя сынами их вообще около полутора столетия послуг Отечеству, без приращения карманных богатств, на пространстве земли от Заворонежских казарских степей до скандинавских тундр Лапландских, от Балканских, Альпийских и Вогезских высей до гряд Арденнских лесов и за Париж, почти до Луары; восприяв 24 боевые кампании, запечатленные потоками и нашей крови и истощением всех сил жизни молодой.

Во время пребывания Елецкого полка в Нарве я и брат мой каждую осень после маневр и смотров езжали на несколько дней из Гатчины в Петербург. Великолешие северной столицы нашего царства и изящности, произведения художественные, виденные нами в Академиях, Кунсткамере и Эрмитаже, сильно поощрили нас к познаниям подробностей их; но этому доброму стремлению нашему было препною строгое занятие всех службою полевой и гарнизонною близ лица императорского.

К нам прислан был в Нарву из Воронежа внучатый наш брат, старший сын коллежского советника Ивана Алексеевича Петрова, ловкий молодой человек Петруша, и определился в наш полк, где и дослужился было до поручика с отличиями в войне 1806 и 1807 годов, но после нас, когда мы взяты были в гренадерский Аракчеева полк, он — в белой горячке — застрелился.

В начале весны 1803 года на место Яфимовича, оставленного быть по армии, прибыл к нам новый шеф, определенный из баталионных командиров гвардии Измайловского полка, генерал-майор Александр Яковлевич Сукин 2-й⁴⁴, имевший от природы дар проницательный,

и как он был единственный сын остатка рода своего, древних русских бояр, то получил по состоянию своему отличное воспитание при всегдашнем его в Петербурге близ императорского двора пребывании опричь вояжей в посольствах. Он знал совершенно языки, кроме отечественного — немецкий и французский, математику, артиллерию, историю войн и иных событий мира нравственного и материального.

Приемка полка, сделанная им от Яфимовича, достойна не только памяти, но и удивления. Новый шеф наш принял полк по изготовлении табелей, ведомостей и списков, в три или четыре дни на отделку, без всяких домогательств следующего, а так как он был на виду, с платою за недостающих лошадей и вещи мало что не по штатным ценам. И сверх того по окончательному расчету, снисходительному как нельзя более, следовало Сукину получить от Яфимовича 9300, которые он, не имея денег, сулил отдать вскорости, по получении из каких-то вотчин его оброка, а до того времени просил Сукина взять от него актовую расписку. Благороднейший всеми помыслами своими Сукин, взяв предложенную ему расписку, выдал Яфимовичу чистую квитанцию и рад был тому, что все кончил. Как у Сукина каждый день обедали приглашенные с прибытия его навсегда все почти штаб-и обер-офицеры полка его, находившиеся в полковом штабу, то он около самого обеденного времени, возвратясь к себе от Яфимовича, изъявил всем нам, сослуживцам своим, искреннюю радость, говоря: «Ну, слава Богу, я с Матвеем Николаевичем (имя Яфимовича) расчелся совсем начисто и, получив от него все, что следовало мне, выдал ему квитанцию». Бывший при том баталионный же — наш командир — майор Тургенев спросил шефа:

«И деньги, ваше превосходительство, все сполна получили?» — «Хоть не наличными, а актовую распискою; но это все равно, ибо он дал мне честное слово уплатить по ней вскорости, как лишь только получит оброк от вотчин». — «Да по этой расписке, ваше превосходительство, сполна получить вы можете только на том свете, и то угольями, а на этом ни копейки не дождетесь». — «Эй! Что вы говорите, Лев Антипович?» — «Поверьте, ваше превосходительство. Я говорю вам истину, ибо ежели не более, то уж не менее двухсот бумаг есть в полковой канцелярии, полученных от разных мест присутственных, даже чрез Военный департамент,

требующих с него уплаты по разным актовым документам; а вотчина его, находящаяся в тщедушной Смоленской губернии, давно описана за давние пред вашим его долги многим». — «Ну, спасибо вам, что вы сказали мне об его обстоятельствах худых. Он вот сейчас придет обедать с нами, и я соглашу его переменить это обязательство на лучшее для меня».

Спустя полчаса Яфимович пришел. И генерал Сукин встретил его ласково и чрез пять минут частного разговора сказал:

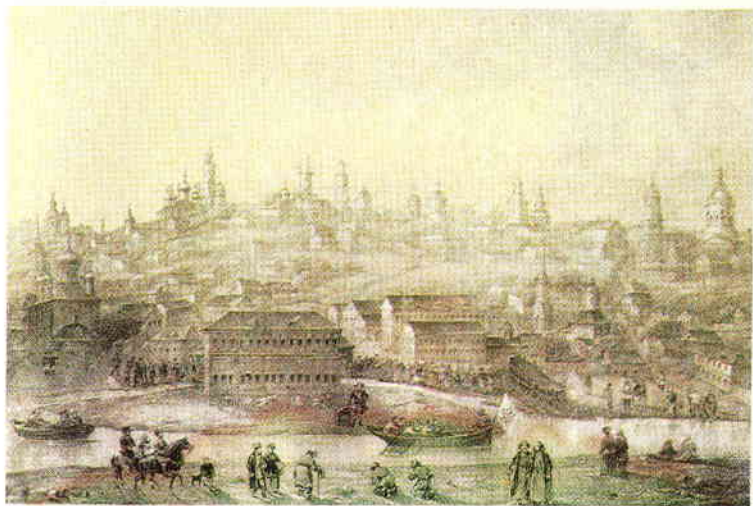
«Матвей Николаевич! Мне, право, совестно пред вами, что я взял с Вас расписку в деньгах, как будто не достаточно одного вашего слова к полной уверенности моей в скорой уплате вами мне этих денег. Ведь Вы мне уплатите следующие мне 9300 рублей и без письменного обязательства без замедления, как Вы это обещали?» — «Поверьте, Александр Яковлевич, честию боюсь Вам, что тотчас представлю по получении: вот оттуда-то, от того-то». — «Но довольно, Матвей Николаевич, одного вашего уверения при бывших Ваших сослуживцах к полной надежде моей получить мне следующее; итак, вот ваша расписка, пусть ее не будет между нами». Сказав это, Сукин разорвал расписку и, отдав ее Яфимовичу, прибавил с радостным лицом:

«Ну, конечно все, милости просим хлеба-соли откушать, сядемте за стол, обед готов».

После этого почтенный шеф наш никогда не говорил никому о этом долге Яфимовича, а и тот с своей стороны тоже деликатен был: он, будто подслушав речь майора Тургенева, даже и не думал никогда на этом свете, как и других своих кредиторов, беспокоить Сукина уплатою долга своего деньгами. В 1811 году я спросил у Сукина: «Уплатил ли Вашему превосходительству Матвей Николаевич долг сдачи полка?» «Все к чему-нибудь вперед пригодно, — отвечал генерал, — приходите с Тургеневым на том свете на мой бивак, уж будет чем шашлыки жарить и самовар вскипятить».

Картежники большею частью бывают несговорчивы на zapлату всяческих долгов, а потому им и не должно верить без упрёку совести. У меня был знакомец, служивший в Нарвском гарнизонном батальоне, из кадет, штабс-капитан Криштафович, себяразорительный игрок в карты. Вот однажды я спросил его: «Криштафович! скажи мне, когда ты перестанешь обыгрывать себя в карты?» — «Когда черт умрет и сорочины по нем кон-

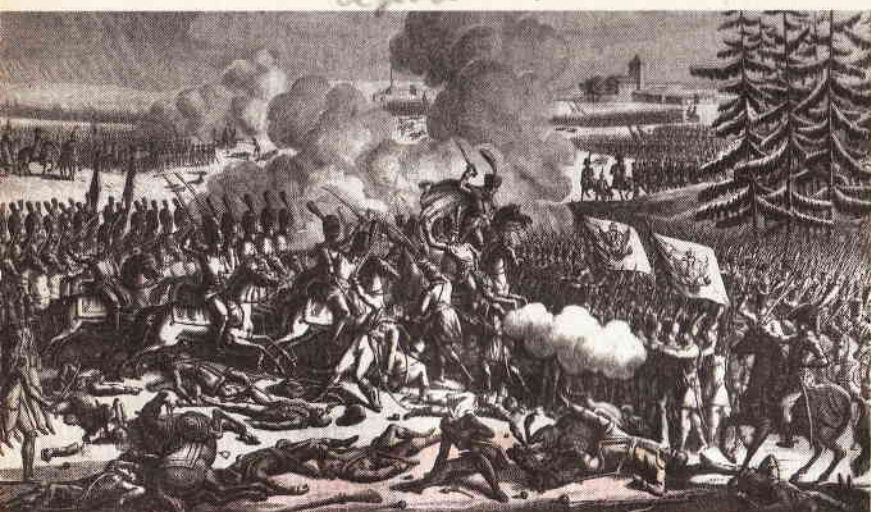
М. М. Петров.
Миниатюра нсизв. худ.
1-я пол. XIX в.

«Вид города Воронежа, дворца
и цейхауза императора
Петра I, где на острове изо-
бражен и сам великий монарх».

Тонированная литография
Дюпрессуара по рис. Васильева.
Сер. XIX в.

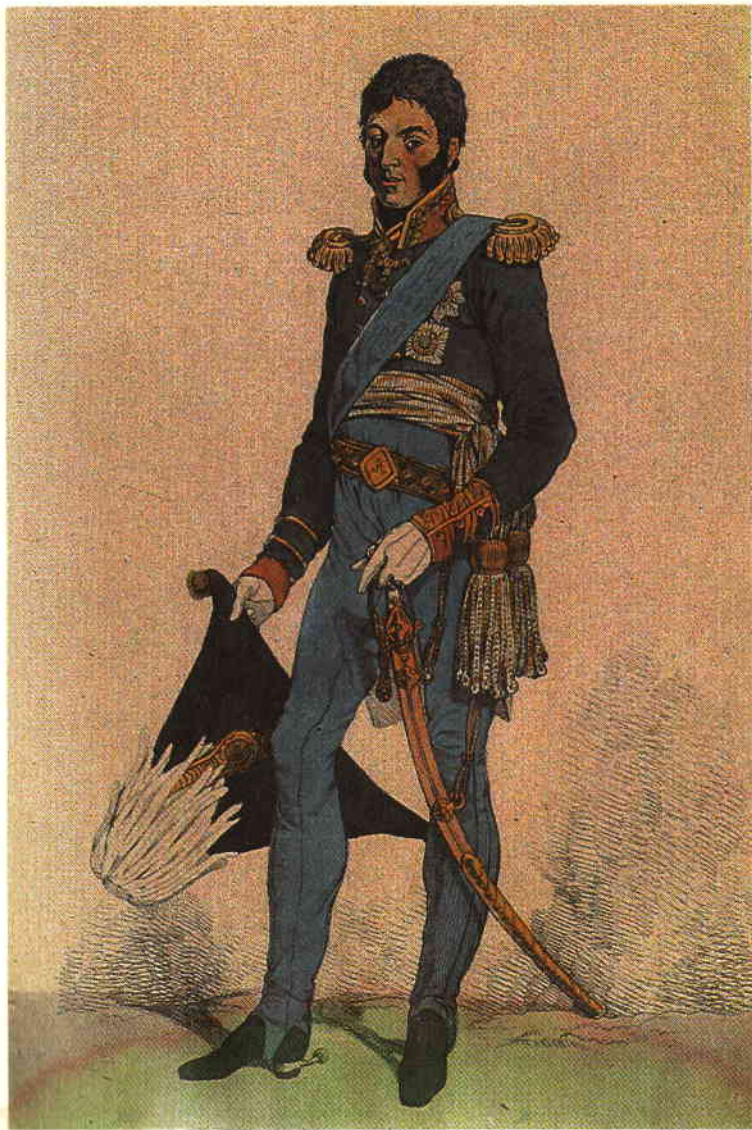
Нарва. Вид крепости. На противоположном берегу р. Ивангород.
Неизв. худ. Начало XIX в.

Сражение при Прейсш-Эйлау.
8 февраля 1807 г.

Гравюра Ле Бо по ориг. Ноде.
1-я четв. XIX в.

П. И. Багратион.
Рис. и грав. Д. Дайтона,
1814 г.

Д. В. Давыдов.
Худ. В. П. Лангер.
1820-е гг.

Я. П. Кульнев.
Миниатюра неизв. худ.
1810-е гг.

И. С. Дорохов.
Неизв. худ. 1810-е гг.

Ф. П. Уваров.
Гравюра Ф. Вендрамини
по ориг. И. Изабе. 1816 г.

М. Б. Барклай-де-Толли.
Гравюра Г. Доу по портрету
Д. Доу. 1830-е гг.

Смоленск.
Раскрашенная гравюра
неизв. англ. худ. 1814 г.

Смоленск. Вид с северной сто-
роны 19 августа.
Фрагмент литогр.
по рис. А. Адама.
1828 г.

Евгений Богарне.
Грав. Гопвуда. 1-я пол. XIX в.

Л. Н. Даву.
Литогр. Х. Биллана.
1-я пол. XIX в.

**Атака корпуса Е. Богарне
на русские позиции
у с. Бородино.**

**Раскр. грав. неизв. худ.
1-я пол. XIX в.**

М. И. Карпенко.
Неизв. худ. Конец 1820-х гг.

Мост через р. Колочь у Боро-
дина. 17 сентября 1812 г.
Литогр. по рис.
Х. Фабер дю Фора. 1830-е гг.

Москва. Пожар 1812 г.
Раскр. грав. Клара.
1-я четв. XIX в.

А. Н. Сеславин.
Грав. И. Ческого по ориг.
А. Витберга
1-я четв. XIX в.

Партизан Д. Давыдов.
Грав. М. Дюбурга по рис.
А. Орловского. 1814 г.

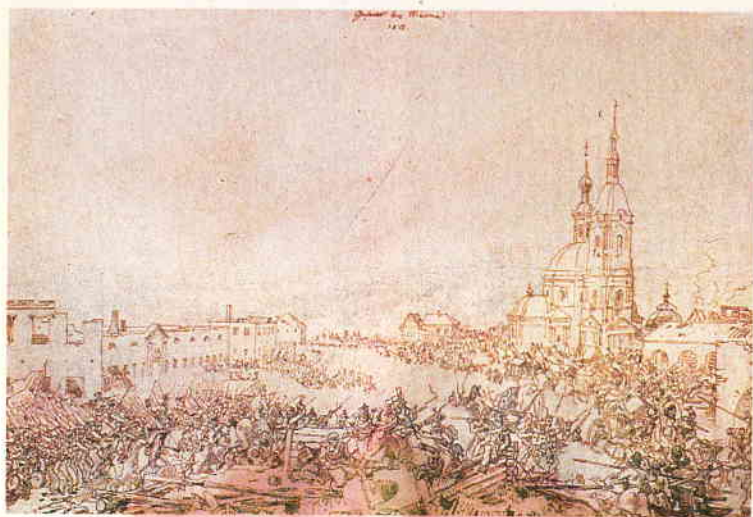
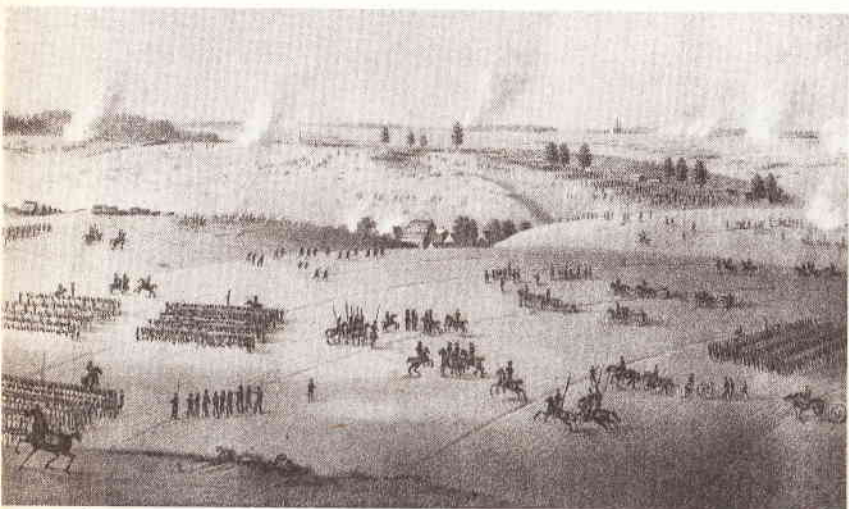
В. В. Орлов-Денисов.
Неизв. худ. 1-я пол.
XIX в. Копия с портрета Д. Доу
1820-х гг.

И. В. Васильчиков.
Миниатюра неизв. худ.
1-я пол. XIX в.

**Сражение при Тарутине
6 октября 1812 г.**

**Литогр. С. Шифляра по рис.
А. И. Дмитриева-Мамонова.
1822 г.**

**Уход из Вязьмы. 1812 г.
Рис. пером П. Гесса. 1830-е гг.**

М. Ней.
Гравюра Г. Паркера по ориг.
Ф. Жерара. 1833 г.

М. А. Милорадович.
Грав. Ф. Вендрамини по ориг.
П. Росси. 1816 г.

Бедственное положение французской армии при отступлении из Москвы.

Раскр. грав. М. Дюбурга по ориг. Д. Аткинсона. 1813 г.

М. И. Платов.
Раскр. грав. неизв. худ.
1-й пол. XIX в.

П. С. Кайсаров.
Грав. К. Ческого.
1-я четв. XIX в.

А. П. Ожаровский.
Миниатюра Ж. А. Беннера.
1817 г.

**Разбитие маршала Давуста
при Красном 5 ноября 1812 г.**
Раскр. грав., выполненная

под рук. С. Карделли по ориг.
Д. Скотти. 1814 г.

Рядовые армейской пешей
артиллерии.
Акварель Л. И. Киля. 1819 г.

чатся». Спустя полгода после того, когда стояли мы полковым лагерем при Нарве, у Ювольского водопада реки Нарвы, со стороны Иван-городского предместья при Псковской почтовой дороге, Криштафович пришел к нам туда. А как в лагерях — офицеры после службы бывают обыкновенно вместе. Многие слушают чтение книг, им подмастных, а другие занимаются музыкою, играя и пилюкая; свайка тоже не забыта; затем есть кулига у такой братии, которые надувают друг друга в пеструхи спрости и всячески. И как видно, черт еще здравствовал тогда, то Криштафович сильно пожелал вступить в ратоборство, а денег у него, как и всегда, не было ни гроша. Вот он и сказал мне:

«Петров, одолжи мне десять рублей». «Пожалуйста, хоть двадцать, — ответил я, — только не теперь, а тогда, когда черт умрет». — «Сатана тебя знает, что ты мелешь; да над ним еще и не шаманили». Тем и дело кончилось — Криштафович остался без проигрыша.

Едва ли был кто-нибудь из сослуживцев в Елецком полку, который бы знал начальника правосуднее генерала Сукина. Он вполне принадлежал сослуживцам — друзьям его единственным. Правда, в 1-ю весну его шефства у нас учения тяготили полк строгостию требований фрунтовых точностей, ибо он поступил к нам из гвардии, где при лице императора наблюдаются все принятые порядки обрядов полевой и гарнизонной службы в полном совершенстве, и хотя Елецкий полк, как я прежде сказал, имел незадолго до того шефов славных по фронту, каковы были Деламаберт и Витовтов, за всем тем, однако же, все-таки в полковых учебных и вахт-парадных поступках были кое-какие ошибки и хоть негладкости, на которые, очень нередко, новый шеф наш крикливо негодовал. Затем же, что офицеры, получившие от него репреманты⁴⁵, были надолго смутны чересчур, он однажды после полкового учения в лагере, созвав все общество офицеров полка пред знамена среднего баталиона, сказал им следующую достопамятную речь:

«Господа офицеры! Вы и я, полковой шеф ваш, служим государю по одной присяге в полковом военном сословии, государством содержимом, в ожидании случаев войны, где каждый из нас, может, пойдет по судьбе и способности своей, стезею, иногда особенною весьма, а до того времени мы обязаны заниматься приготовлением себя и солдат наших к тому искусному и утомительному испытанию, исполняя императорскую волю. Тут на

учениях мелкие ваши ошибки обязан я замечать вам и взыскивать за допущения их, а вы — исправлять в себе и своих подчиненных. Но полковой шеф один, а подчиненных ему много, и потому не можно с досады, иногда до явной и необходимой грубости слов, в огорчении, подобно мне, или по усердию к воле государя и пристрастной привычке к благовидности стройных военных оборотов — машин боевых, — а может быть, и по вспыльчивости моего, при стеснении, характера. Но во всяком случае, Боже меня сохрани, чтобы я когда-нибудь досады мои удержал в душе моей далее окончания учения и принес их с учебного места хоть чрез один шаг земли к жилищу моему, освящаемому вашим дружеством в свободные от службы часы. Нет, клянусь и пред Богом, пусть он накажет меня, если я не все неприятное покидаю там, где нахожу его: на траве зеленой под росой небесною. И суди Господь всякого из вас, когда кто понесет отсюда хоть что-нибудь неприятное из семейного нашего родного круга с травы зеленой на чужбину».

Когда бы, слыша теперь от меня это, кто сказал, что речь его была речью умелого политика, тогда я представлю в доказательство искренности слов его то, что во все время командования его нашим полком ни один офицер полка нашего не переведен в гарнизон по неспособности, ни в отставку по неприятности не вышел, как у иных генералов нашей же инспекции — Демидова⁴⁶, Мазовского и других великих артистов фрунтовых. — О блистательной выучке и вообще всей чресчурности вышеупомянутых генералов полков наш шеф говаривал наедине нам: «Не станем мы домогаться подобной славы, ибо она ужасно как дорого стоит нижним чинам этих полков. Посмотрели бы вы под эти гладкие мундиры их: у них спины гниют от всемогущего дубинору, а унтер-офицеры давно без зубов службу царскую исправляют. Пусть Демидов, Мазовский, Шарков и Вердеревский⁴⁷ достигают за эту цену славы и похвал мирного времени, а мы побережем по возможности жизнь солдат наших для истинной славы воинов, может быть близко предстоящей нам; тогда пусть иссякнут силы жизни и проливается кровь их вместе с нашею кровью на поле боевом за благоденствие Отечества, во славу полка, государю усердного. Утомительные стройные движения фрунтов есть необходимость регулярных воинов, и древними римлянами признаваемая необходимым средством приготовления солдат в мирное время к военному». Эти правила

его, все, я изучил вполне, но не мог почерпнуть у него той осторожности, которой научила его школа большого света и воспитание. Я сражался со всяким злом, подобно ему, но открытым боем, напропалую, и не умел охранять моего тыла никогда.

Шеф наш особенно преследовал своею приязнию молодых офицеров, замеченных им в обращении с неблагонадежными гражданами. Таких он всегда ловил к себе на роскошный обед свой и ужин, возил осматривать мастерские полка и брал в гости на вечера в дома почетных граждан и тем возвращал их на стезю благопристойности чрез поселенную в них амбицию. Но самое убедительное доказательство любви его к нам было следующее: генерал наш был холостяга лет 45, не имевший при себе никого, что бы могло послужить в пример худого кому-нибудь из его подчиненных. Никогда не сердился на прапорщиков и смеялся от души, когда этот, по словам его, «деловой досужий народ» отбивал кое-каких любовниц. Но в Нарве он к концу нашего квартирования свел приязнь сильную с молоденькою вдовушкою, переехавшую из поместья своего из-за Дёрпта⁴⁸ в Нарву с большою малюткою, единственною дочерью у ней, чтобы лечить ее от искусного доктора Сандерса. Эта вдовушка однажды скомпрометирована нашим лихим штабс-капитаном Шеншиным на городском бале: дав обещание танцевать с ним будущий танец, а пошла с другим — это был молодой инженерный генерал Гертарт⁴⁹ — Шенщина это своевольство взорвало, и он наговорил ей упреков с три пропаста поносительных — так что она принуждена была скрыться, удалясь с балу. Шеф был тут же, но сохранял строгий нейтралитет. На другой день Шеншину была очередь представить свою роту, шефскую, на учебный смотр и вступить в караул со знаменем. Все ожидали мщения от шефа, как нередко в подобных случаях бывает, поелику не многие следуют добродетелям Гендриха IV⁵⁰. Но генерал Сукин напротив поступил. Он, кажется, радовался даже оказии явить свое примерное беспристрастие, чтобы снискать тем к себе доверенность офицеров, выказав славную свою душу и покорное уму сердце, ибо в представленном Шеншиным ротном учении и вахт-парадной поступе он хвалил от души, с радостным лицом все, что было хорошо, и по окончании всего объявил Шеншину в полковом приказе полную благодарность за доведение им роты его до совершенства во всем образовании. И впоследствии во все время службы его

генерал Сукин любил Шеншина как славного ротного командира и неустрашимого в войне офицера, наилучшего сподвижника своего в боях на поле чести, которому, надо правду сказать, из нас никто не был равен, и ежели бы Сукин не потерял ногу при Фридланде, то Шеншин, продолжая служить, достиг бы, по его высокому честолюбию и познаниям, больших отличий в последней с французами войне, раздольной геройству. Он вышел в отставку в 1808 году и, живя в Орловской губернии, писал ко мне, его старому товарищу войны Прейсиш-Эйлауской; по 1844 года на кавказских водах скончался.

Редко видеть можно подобного хозяина в военном полевом быту, каким был Сукин: все у него было благовидно и изысканно при изобилии всего. Его хлеб-соль особенно привлекательна была тогда, когда бывали у него свои офицеры и городовые всегдашние его знакомцы на обеде или чае и ужине; тогда бывало множество веселых рассказов, наполненных блестящими остротами, нередко клонившимися на сильные поучения, особливо от моральных солистов нарвского общества: отставного бригадира и кавалера военного ордена ученого Ювенала Польмана, наших майоров — англичанина, бывшего адъютантом графа Ангальта, Вельдена и Тургенева, штабс-капитанов Шеншина и Шефлера, поручиков Хвостова, Чуйкевича и других.

Вот в пример поучительности беседы шефской я расскажу вам хоть о следующем.

Однажды, при чайном собрании шефа, разговор коснулся гнева государя на картежников, банкового разбоя артистов, продувных шулеров по некоторому злодейскому случаю, происшедшему пред тем в Петербурге, и майор Вельден сказал, иронически усмехаясь: «Ежели бы знал государь аргументальную антипатию к картежникам своего майора, нашего Льва Антиповича Тургенева, то, сделав его патрульным полицмейстером всей империи, мог бы скоро истребить этих беззаконных дневных разбойников».

Генерал наш, по новости его, не зная настоящей причины отвращения от карт своего баталионного командира, сделал ему вопрос: «Скажите мне, Лев Антипович, родовая ли у вас ненависть к картежникам или самоиспытанная?» — «Ненависть моя, ваше превосходительство, собственная и весьма горько и громко отзывающаяся в душе моей». — «Так нельзя ли вам рассказать о причинах ее и мне, новому Вашему товарищу военной

жизни?» — «Очень рад, ваше превосходительство, оказии повторить покаяние о неумолкающем проступке молодости моей и подтвердить вечную ненависть души моей к этому разбойничьему сутоплищу, рыщущему везде: во мраке и при лучах самого благотворного светила государственного».

«Случилось это смрадное испытание мое весною 1779 года. Я тогда служил в Брянском пехотном полку прапорщиком, занимая должность полкового комиссара. Полк наш квартировал в Крыму, около и в самом Карасу-Базаре. Я имел трех повозочных и одну верховую лошадей, а по удобоместности той страны, по давней родовой дворянской доблести общей и данному мне от ранних лет сиротства моего воспитанию крестным отцом моим генералом Еропкиным⁵¹, вечная ему память, держал две своры борзых и одну легавую собаку, имея несколько хороших охотничьих ружей. В этом году произвели меня в подпоручики с переводом в Елецкий полк. Полковые шулера, видя, что я уезжаю от них достаточным офицером, избегнув их дьявольских козней, подделались ко мне вздохами и элегиями о утрате моего драгоценного им сотоварищества. Угощая у себя на прощании чаем, пуншем и винами, они втянули меня в маленькую игру банка, проиграв мне умышленно до 500 рублей. «Вот я, все еще прапорщик!» — взвился помыслами моими выше палат горы крымской, и, казалось, ясно мне, прапорному, что я осезаю даже блестящий жребий свой, думая, что я избран судьбою покарать злохитников и приехать в новый полк мой знатным герцогом. «Куй железо, пока оно красно», — сказал я сам себе и засел с ними в генеральную схватку, в которой эти продувные каналы в несколько часов игры моей с ними облупили меня как белочку, выиграв у меня всех лошадей с повозкою, собак, ружья и все, даже мундир с плеч, так что я остался в одном камзоле и панталонах дорожных, словом, почти в таком состоянии, в каком банкрот герцог Кроа почует истленным засушенным прахом в ревельской Алай-кирке⁵². В этом состоянии, укрывая от сраму офицерское имя, я выступил тайком ночью из Карасу-Базара в 600-верстный поход чрез степи к новому полку своему в Кременчуг, неш, сопутствуемый моим старым отцовским слугою, который на всем долгом пути этом грыз неумолкаемо тыл мой бранью лютою от всей умиравшей голодной смертию утробы его. В одной землянке пустого чабанского тырла обрели мы, казалось, многоценное сокровище

спасения нашего — это был бараний курдюк; но, сваривши часть его в бывшем с нами котелке и поевши без хлеба, мы расслабили от поноса до того, что едва могли, держась один за другого, передвигать ноги. Наконец милосердное провидение спасло нас великодушием настигнувших нас чумаков, возчиков казенной соли, которые еле успели удержать кашицею и соломитой души наши, прощавшиеся со шкурами и костями. Мы должны были сказать благодетелям нашим почти правду: что нас на ночлеге ограбили разбойники. Они перевезли нас чрез всю степь до днепровской Береславльской пристани, где мы, поблагодарив их — словами — за спасение жизни нашей, пошли чрез селения, там уже нередкие, к Кременчугу, говоря везде то же, что мы ограблены разбойниками, но не изъясняя какими. После этого урока, ваше превосходительство, карты мне так опротивели, что я поклялся ненавидеть их вечно, и поныне когда гляжу и на гран-пасьянс, то чувствую мороз, буроблющий мою спину, и брань старого отцовского слуги отзывается в слухе моем, как вой тени мертвеца в обители смертной. О, поверьте, Ваше превосходительство, Вельден правду сказал: я скорее пощадил бы какого-нибудь головореза-разбойника, за знать рискующего жизнью для наживы, нежели картежника, свободно обирающего неопытность».

В 1818 году Тургенев призван был в Петербург для совещания о пользе начатого им военного поселения в Климовецком уезде Могилевской губернии Елецким полком; то император Александр Благословенный, угощая его праздничным обедом, услышав из краткого намека — на английском языке — лейб-хирурга своего Веллие⁵³, служившего прежде младшим лекарем в Елецком полку, о этом уроке Тургенева, спросил его с лицом приятственного любопытства: «Правда ли это, полковник, что ты давно когда-то, молод бывши, имел страсть к картам и почему-то перестал играть?» Тургенев отвечал: «Истинная правда, Ваше императорское величество». — «Расскажи же нам, полковник, как это было».

Тургенев, имевший высокий дар слова и голос сильный, рассказал об этом горьком преткновении его молодости с резкими выражениями всего, и государь, быв доволен его повестью и заключительным заклинанием себя на вечную вражду против картежничества, сказал:

«Вот это стоит большой похвалы, что он дал слово сам себе и сдержал его; а сколько миллионов есть на

свете таких людей, которые то и дело клянутся и присягают на общую обязанность чести и тогда же нарушают священные обеты свои Богу».

4. О походе в Силезию.— Нечаянное мною зрелище.— Возвращение наше в Россию

Пробыв более семи лет на непременных квартирах в Нарве, Елецкий полк наш выступил в половине мая 1805 года в поход на военную кампанию противу французов под командою своего шефа генерал-майора Сукина по маршруту: чрез Дерпт, Мариенбург⁵⁴, Дюннабург⁵⁵, Вильно, Варшаву и Калиш в Силезию.

На привале первого от Нарвы перехода баталионный командир наш майор Тургенев созвал к себе всю благородную тосковавшую молодежь, и как сам он страдал тож от занозы сердца рыцарского, то долгом почел, как бы приор ордена героев, ободрить унылых своих сподвижников для предстоящего иного геройства следующей речью: «Друзья, юные любимцы Марса! Теперь пойдем от волшебного лабиринта Цирцеи⁵⁶ к звучным триумфам победоносных полей бога брани. Прочь все вздохи, недостойные геройских сердец! Слушайте мой командирский и дружеский завет: чур не писать к любимым в Нарву прежде прибытия нашего на Рейн. Прибыв туда, и мы напишем по-карамзински: «Милые, милые! Уж мы на Рейне. Льем кровь врагов Отечества и стреляем дупелей в виноградниках берегов величественного Рейна». Вот какова была самонадеянность на побеждения французов — питомцев бессмертного Суворова, обыхших поражать врагов своих на берегах быстрого Дуная и на неприступных снеговых вершинах альпийских.

На походе полка шеф наш, идя с уверенностию разделять с нами неразлучно все опасности войны, разделял и труды похода, к ней приближавшего нас, идя почти каждый переход пред колонною полка своего неотлучно. Бывало, на привале полка мы лежим с ним на траве отдыхаем, и вот является с кухенным ящичком и брыкою⁵⁷ его метрдотель Глазов с подчиненными ему слугами, отличными, генерала; ставят раскидной стол и подают водку с закускою славною при наилучших винах. Мы ели и запивали его изобильную хлеб-соль, ходя около стола, а по барабанному бою становились во фронт и шли до ночлега полка.

К началу зимы пришли мы к границе силезской. Отойдя от Калиша три перехода, полк наш вступил в Силезию общею колонною. Я был тогда по очереди моей в полковом авангарде. Пред закатом солнца авангард полка, идя с проводником, приблизился и стал пред маленьким силезским пограничным городком Штропеном⁵⁸. Во ожидании приходу полковой колонны и команды к возвращению авангарда в ряды полка, чтобы вступать в город церемониально, ибо в Штропене должен был остановиться полковой штаб наш на почлег, я, стоя свободно, обратил взоры на народ немецкий обоего полу, высыпавший из городка пред авангард русского полка, и обильные⁵⁹ загородные предметы. Между прочим и окрестными форверками⁶⁰ загородья вдруг предстало глазам моим вблизи, в правой стороне, какое-то отдельное строенье, стоящее на бугорке, шагах во сто от дороги, не видаемого никогда мною образа: с пятью столбами из кирпичей, стоящими на высоком круглом цоколе. На столбах этих лежали перекладины. Я спросил проводника моего: «Что это такое?» Он отвечал: «Виселица».

От затылка до пят дрожь пробежала по всему телу моему, и тоскливое изумление, как черный ворон, простерлось и объяло душу мою скорбию. «Как,— думал я,— и в те самые минуты, когда казалось мне, что судьба совершила уже лестные желанья мои, приблизив меня в благоговении к божественной Германии, к народу, казавшемуся мне, по описанию и слухам от многих, благоизбранных нравов, и вот на первом шаге моем к ним встречает меня прекрасное ручательство — виселица!»

В это время генерал Сукин приблизился на верховой лошади к моему авангарду от шедшей за ним полковой его колонны. Я скомандовал было моему фронту первые приемы ружья, но он махнул рукою отрицательно, и я, спустя ружья с плеч к ногам, став вольно, опять впери унылый взгляд к виселице. Шеф, заметив это, спросил меня: «Что ты, М. М., так пасмурно смотришь?» «Да, ваше превосходительство,— отвечал я,— Вы отгадали; вот место, где я, со всеми прелестными мечтами и надеждами моими, обломился, как на льду взморья, и барахтаюсь безотрадно. Я шел в благословенную Германию, чтобы возвеселить сердце мое полным познанием благоденствия ее народа, и что же встретило меня у них? — Вот посмотрите сами и посудите, генерал,— дыба!» — «Перемени только точку зрения твоего на этот предмет, и ты уразумеешь, что оттого-то они наиболее и благонаравны.

Видишь ли ты, молодой поручик, виселица эта пуста, но она стоит на бугорке между сходящихся к судебному и торговому месту дорог так, что видна далеко всем и страшна многим гражданам и поселянам, имеющим удобошаткие души. Возьми эту точку и смотри с нее. Но об этом поговорим после, а теперь собери твои патрули и приготовь авангард к возвращению в колонну полка; когда же, по вступлении в Штропен, роты пойдут по квартирам в селения, то ты останься в штабу с другими мною приглашенными, и мы попируем в первый вечер вступления нашего в благословенную Германию — да, благословенную, поручик, — и побеседуем о новом для нас порядке управления, а равно и предмете, может, многих русских, подобно как тебя, изумляющем».

В городке Штропене у почтенного нашего шефа пированье наше длилось до четвертого часу за полночь в сообществе 20 персон германских. Были танцы, был роскошный ужин без лишнего куликанья, и, между прочим, мы выслушали внимательно суждение нашего генерала, сделавшего, по высокому познанию его, тонкий разбор предмету, возникшему в душах многих из нас пред Штропеном. С той поры я понял совершенно средства германского правительства к сохранению гражданского благоденствия. Там вредный артист уничтожается скоропостижно весь и уклончивый злодей не соблазняет полузлодеев к достижениям сил полного злодея, а между тем во все многолетние походы наши по Германии никто из нас не видел там ни одного повешенного преступника; чего же им еще хотеть, когда у них пустые виселицы так красноречиво говорят проповеди и ускромляют совестью людей затейливых к послушанию правде законов Божеских и гражданских, зиждущих благоденствие общее.—И у них нередко появляются в горах и лесных ущельях шайки грабителей и разбойников, но противу их действуют партии сыщиков, предводимых дворянами, сражающиеся с ними открытым боем, по долгу рыцарскому, умерщвляя многих на местах и вешая на виду при дорогах попадающихся в руки живыми. Сыщички получают знатные призовые награды деньгами, а дворяне — почести, их званию следующие. Такие разбойники, которых бить можно, мало опасны, ибо число их малозначаще в сравнении со стерегущими общее спокойствие и пред ними граждан и поселян шеи не простерты без обороны.

Зиму кислого для России 1805 года простояли мы каютонир-квартирами в Силезии, близ правого берега реки Одера, около города Волау⁶¹. Полковой штаб

и шефские роты стояли в большом селении Лейбус, а генерал Сукин квартировал в кластере⁶² того же названия, при самом селении находящемся, у правого берега реки Одера, пред впадиною излучины, на приятной долине. Отсюда шеф наш часто ездил в главную квартиру нашего корпуса, бывшего под командою генерала от кавалерии Беннигсена, в Бреслав⁶³. Особенно памятна мне, бывшему у него за адъютанта, одна его поездка со мною и еще другими двумя офицерами на великолепный бал, данный прусским кабинет-министром графом Гаухвицем, где было посетителей более 500 персон обоего полу, принятых пышно и угощенных по-лукулловски.

Кластер Лейбус вмещал тогда в себе общество монахов ордена св. Бенедикта. Строение его огромно и великолепно. Оно предлежит главною фасадою четырехфазного трехэтажного замка двору, или, лучше сказать, богатой площади, к стороне реки Одера, пред ним лежащей, украшенной фонтанами с рыбными сажалками и каштановыми аллеями обсаженной, пред красивыми гостиницами для всех классов посетителей этой тучной обители святых отцов. К заднему его фазу — на восток — прилежит зверинец, пространством на немецкую милю окружности, обнесенный высокою плотною каменною стеною с подзорными на ней башенками. Великолепием своим он обязан наиболее Болеславу Храброму⁶⁴ и другим его преемникам польского престола. Штат монастыря большой митропольный, под начальством прелата бискупского права. В нем с давнего времени учреждена Академия наук, снабженная библиотекою, кабинетами: натуральной истории, физики, анатомии — и картинною галереей.

Надобно сказать, что по всей Северной Германии только этот кластер уцелел от реформы после Вестфальского мира⁶⁵, и то лишь до 1809 года, а тогда он обращен в Королевскую суконную фабрику.

Число учащихся у монахов премудростям житейским было тогда совсем ничтожно, и то наиболее из детей богатых польских бояр, имевших еще, по старинному порядку католического благочестия, из Лейбуса домовых капелланов, тучных и разгульных, — по огромности богатств маестностей⁶⁶ святого гнездилища своего, направляющих исповедными шептаниями польских аристократов и всех к подвигам в пользу римского владыки, истреблявшего германцев кострами священных огней и боевым оружием лиги католической, с их помощью

обратившего Германию на вечное мщение Польше и поныне.

Жители селения Лейбус и других приближенных к монастырю, будучи католического исповедания, достигли поведением своим до удивительной покорности воли отрекшихся от мира сего ради Царствия Божия, как и везде при монастырях в Польше обитающие люди.

В феврале 1806 года мы выступили из Силезии в обратный марш в Россию. Почтенные силезяне, лелеявшие нас два с половиною месяца, прощались с нами в общих окружных собраниях с сильным выражением чувств дружества, как бы предузнавая в нас свое будущее спасение. Из городов Воляу, Прауздница⁶⁷ и Трахенберга батальоны полка нашего, соединясь в Равиче в общую колонну, пошли на Калиш, Плоцк, Гродно, Жижморы⁶⁸, Ригу и Лемзаль⁶⁹, за которым достигли и расположились на непрременных квартирах в Пернове⁷⁰ и уезде его ненадолго.

Когда вступили мы в штаб-квартиру полка в г. Пернов, то я, увидя майора Тургенева на городской площади и окруженного офицерами, подошел к нему и сказал: «Лев Антипович! Не забудьте снабдить молодых рыцарей разрешением писать в Нарву к любезным: «Милые-милые! Уж мы на зимних квартирах — в Пернове!»» Все и сам майор Тургенев от души посмеялись худому событию нашей геройской мечты; но этот смех наш отозвался тяжким стоном страдавшего честолюбия нашего.

На другой день прибытия нашего в Пернов граждане его почетные: Гардер, Шмит, оба Францины, Штубендорф и другие капиталисты — сделали визит генералу нашему и просили его не лишить своей приязни дома их. Но шеф наш, зная совершенно немецкий язык, отвечал им следующее:

«Тысячекратно благодарю вас, почтенные господа, за ваше приятное для меня посещение и лестное мне вполне желание видеть меня в семействах ваших разделяющим время; но я должен сказать Вам о клятвенном обете, самому себе данном пред Богом: разделять все часы, остающиеся от службы, с моими единственными на свете друзьями, офицерами полка, государем мне вверенного, с которыми суждено мне переносить общий жребий трудов военных всякого времени и часы смертные на полях браней для славы Отечества. Простите мою откровенность вам, почтенные граждане, и извините ради Бога меня в том, что я не умею и не должен уметь разлучаться

с офицерами, ибо считаю это грехом тяжким, могущим омрачать душу всякого начальника раскаянием».

Граждане Пернова уразумели вполне военного своего гостя душу, особенную от многих, и пребыли к нему с высоким уважением во все время пребывания полка нашего у них, изъявляя во всякий торжественный день почести и при публичных собраниях приверженность, заслуженную его поступками, наблюдая строгий порядок квартирования у них полка. Он посещал иногда и их дома, но без особенной привязанности. Присоединя к полковой семье своей живших в Пернове отставных военнослуживых — полковника Петровича, майоров Пилларта и Мейзенкампфа, поручиков Древника и Фрейтаха, угощал обедами и вечерними собраниями с музыкою при танцах между собою молодых офицеров, друзей — детей его, окончивая ужином точно так же, как пребывал в Нарве; только в Пернове не сыскался подобный Польману Ювенал и не обрелась такая прелестная вдовушка.

Вскорости по прибытии нашем в Пернов я, получа штаб-капитанский чин, принял в командование мое 1-ю мушкетерскую роту полка от брата моего Ивана Матвеевича, а он, произведенный в полные капитаны, получил 3-ю гренадерскую.

5. О походе к Висле.—

Сражения: при Насильске, Пултуске, Прёйсиш-Эйлау, Гутштате, Геильсберге и Фридланде⁷¹.— Увечье генерала Сукина.— Возвращение Елецкого полка в Пернов

В половине августа 1806 года Елецкий мушкетерский полк наш выступил из непременных квартир своих от Пернова к Риге под командою шефа своего, ген[ерал]-майора Сукина 2-го, где и поступил в дивизию графа Остермана-Толстого. Я был тогда штабс-капитаном и командиром 1-й мушкетерской роты, а брат мой И. М., полный капитан, — 3-й гренадерской.

В Риге, осмотря полки свои, дивизионный начальник ванн ген[ерал]-лейтенант граф Остерман объявил всем штаб- и обер-офицерам своей дивизии желание государя императора, сообщенное ему в циркуляре генерал-адъютанта Волконского, «чтобы они уменьшили свои багажи для удобства движения большой действующей армии

в маневрах предстоявшей тогда войны с французами так, чтобы помещались на вьючных лошадях вместо повозок, обременяющих и стесняющих действующие армии истреблением экстренных продовольствий фрунтовых лошадей и затопляющих дефилейные дороги и переправы вообще». Тут кто что заговорил: многие о пользе желанья императора; некоторые о случае болезни и тяжелых ран; иные о пропитании себя, как будто шедшие воевать среди Валахских степей; а я молча пошел на свою квартиру и, сообразя деликатство государя, могшего нам повелеть, с моим убеждением в истине причин необходимости уничтожения абельмы⁷² офицерских повозок, стесняющих пути армий, разбивающих дороги и отвлекающих строевых людей под видом ослабелых в походе для призору, в помощь денщиков, повозкам офицерским всеконечно необходимых, тотчас кассировал все свои пожитки, оставя только две рубашки, один — в запас — мундир с панталонами, два полотенца и одну пару теплых получулочек, а прочее: лошадей, повозку, погребец, чемодан и все, что было у меня, — распродал, тайком от брата, на толкучем рынке за что попало, так что через пять часов после услышанного мною желанья государя казенный мой денщик Ефим, уклавши весь мой и свой багаж в обыкновенный солдатский ранец и привеся к поясу медный чайник, стоял предо мною на смотре в походной форме с бадиком⁷³ в руке. «Славно, Ефим», — сказал я ему и лег на солому спать со спокойным сердцем, выполняя желанье Государя, как верноподданный и воин, умевший и тогда еще понимать надобности войны как следует офицеру не наемному, а кровному, своего Отечества.

На другой день после смотра мы выступили в быстрый форсированный поход к Висле. Тут майор Тургенев зачал первый издеваться над моим «бобыльским благородием», и даже брат мой родной И. М. тоже строитиво осуждал мое «торопкое, необдуманное послушание», но я говорил им, что моя лучшая выгода от того — беззаботность о себе самом. Денщик мой Ефим Переструков был человек усердный и дюжий. Он шел вперед роты моей и, имея у себя на расход деньги, заготовлял все, что мог найти сытного, вдоволь мне и себе, предваряя мое прибытие, тогда как другие служители офицерские, прибывая с повозками после господ своих, измученные распутицею дальнего переезда, суетились под бранью их, чтобы состряпать кое-чего, чем бы убить голод и гнев барский,

добиравшийся до брылей⁷⁴ их. «Но это на марше одной дивизии; посмотрим, что будет в соединенном движении армии всей при готовностях к порядку баталий», — говорил я сам себе и засыпал покойно, веселясь моим послушанием необходимости войны.

По переходе у Ковна⁷⁵ за Неман полки нашей и других дивизий приняли летучее движение на многих тысячах подставных фурманок немецких, согнанных пруссаками с Кёнигсбергской провинции, ускоряя соединение нашей графа Каменского⁷⁶ армии с прусской, разбитой по ту сторону Эльбы при Йене и Ауерштете французами⁷⁷, чрез что война та приняла крайние неудобства, ибо фельдмаршал наш шел воевать с французами около Эльбы на готовом продовольствии от прусского правительства, но с нами встретилось неожиданное обстоятельство, чрез которое французская армия, предводимая Наполеоном, перейдя Берлин и Познань, заняла Варшаву и протянула операционную линию свою по правому берегу Вислы, а наша едва успела утвердиться аванпостами по левому берегу Вкры и правому Наревы, около Сиротска и Сохочина⁷⁸, на местах, не имевших никакого заготовления продовольствий, сделавшихся внезапно театром огромнейшей войны 1806—1807 годов.

При таких крайностях обстоятельств армии нашей, во ожидании поставок чрез ливерантов⁷⁹-жидов провианта и других жизненных потребностей, поручено было полкам довольствоваться людей пищею чрез покупку ротными командирами у обывателей где что найдут, платя из артелей ротных на счет казны, выданной шефам полков. Тут содержание каждого солдата, по общей сложности издержек всех полков, стоило в сутки 35 копеек серебром. При этом случае я продовольствовал мою роту в продолжение ноября месяца издержкою по двенадцати копеек серебром в сутки на человека. Артельщики мои, ходившие со мною 2 декабря в полковой штаб для расчета, притащили в роту пропасть деньгуры золотом и серебром, ибо отпущено было, по общей сложности полковых цен, по 22 копейки серебром на порцион всем ротным поровну, которые я приказал тотчас раздать по рукам, оставя что следовало в артели, всем нижним чинам, бывшим в сборе на ротном дворе. Рота, посовествовавшись между собою, прислала ко мне правящих отделениями унтер-офицеров с предложением, не пожелаю ли я взять часть денег из добавочных, сверх требования роте отпущенных. Я отвечал им, что очень благодарен роте за ее

заботу о моем состоянии, и, показав им мой кошелек, довольно полный чрез недавнее получение третнего жалованья, велел сказать солдатам, «что у меня есть достаточное число денег и что ежели я буду убит, то пусть и эти деньги, мною заслуженные у государя, разделят по себе и помнят, что я никогда не желал ничего мне не следующего».

Декабря 11-го французы переправились чрез реку Вкру около местечка Сиротска. Дивизия наша под командою графа Остермана поспешила туда к авангарду Барк-лая-де-Толли, где были Остермановы егерские полки 1-й и 20-й. Здесь особенно прославил было себя первого полка полковой начальник полковник Давыдовский⁸⁰, который, получа там две раны, не оставил поля сражения и не ослабил гибельного противникам его отражения переправы чрез Вкру; но спустя три дня при Пултуске от третьей раны, смертельной, в плечо оставил поле битвы, выигранной нами 14 декабря, и скончался в Гродне.— Благословение праху героя.

12 декабря авангардные войска наши отступили от Сиротской переправы к мест. Насильску, где и было первое той войны соединенное нескольких наших дивизий сражение⁸¹. Тут-то душа моя приняла первое испытание себя; здесь-то я рассматривал самого себя и благодарил провидение, что оно даровало мне право по сердцу моему достойно называться дворянином, служащим под военною хоругвию славного моего Отечества: пять часов битых ядра, гранаты и картечи рвали и разрывали ряды обеих сторон; свинцовый град визжал и щелкал то в нас, то в оружие наше, но мы отступили к Пултуску, где 14 декабря Беннигсен принял от Наполеона генеральное сражение⁸² и отразил французскую армию, которая на отступе преследуема была нашею кавалерией чрез всю ночь по грязной распутице к Сохочину.

Как ни чувствительно нам было тогда торжество первой победы нашей над Наполеоном, но никогда не забуду я собственного моего торжества над охуждателями моего неукоснительного уничтожения повозки в Риге. Об этом торжестве моем я вспоминаю всегда с веселием и расскажу вам теперь с сердечным удовольствием. Денщик мой Ефим, бывший во время сражения этого в овраге за армию, в версте от резервной боевой линии, видя, как он говорил, «что наши не пятятся назад, а пушки загнули, смекнул делом, что наша взяла и что господин сто, стоя в батальи от ранней зари чрез весь день, отошал

наотделку», пред вечером вылез из оврага и явился ко мне с его прелестною ношею. Уж то-то он мил мне был, как я об этом вспомню и ныне, несмотря на то что щекотурка грязная покрывала его, как и всех нас. Вот я, поприветствовав любезного Ефимушку с братским наименованием за великое одолжение и перекрестясь, хлобысть чару горелки, палых⁸³ жареного гуся крыло — и пошла зубная потеха моя с аккомпанементом за ушми. Майор Тургенев прошел мимо меня поодаль и, взирая на блаженство мое, чесал на левом пустом тоскующем надскулье своем бакенбарду; прошел в другой раз поближе, покашливая истошальным отзывом опустелого подгрудья. Потом, когда Ефим стал укладывать съестное в благодатную торбу его, подступя ко мне, спросил кратко мое «бобьльское благородие»: «Что вы, М. М., делаете?» Я отвечал ему, что отдыхаю, заливши и заевши пороховой дым выигранного нами сражения. Он добавил, стоя предо мною или, лучше сказать, милою и ему торбою Ефима, лежавшею на сырой земле Пултусского поля: «Теперь-то я вижу, что вы умный и предусмотрительный офицер, а я в наказание за мои над вами безрассудные насмешки вот уже третьи сутки почти одним воздухом питаюсь, и поделом». «Где же ваша бричка?» — спросил я его, вскочивши с земли. «Она пред Насильском послана была по назначению гевальдигера⁸⁴ армии, в числе многих сотен экипажей офицерских, в вагенбург⁸⁵ армии к Голомину, но, сбившись с надлежащей дороги, вместе с шефскою коляскою и другими повозками нашей дивизии попала в сатанинские лапы французов. Один из денщиков моих, почти нагой, ускользнув из плена, явился ко мне два часа тому назад во время давешней свалки». «Вот-вот! Ну так чего же вы церемонитесь! Эй, Ефим, подавай водки и все, что есть. Милости прошу выпить и покушать на здоровье себе».

Едва Тургенев посл, смотрю: бежит брат Иван Матвевич, возвращавшийся с полубаталионом из отряда, и кричит издали: «Брат, вели накормить меня, я двои сутки не ел». Ефимова торба разверзлась и опять явила свою премудрость на другом оголодалом до смерти охудателе моего послушания Государю деликатному и дальновидному императору. Когда брат наелся досыта, то я сказал ему: «Видно, и ты, мой брат, старший капитан полка, должен пожалеть, что не уничтожил в Риге свою повозку по-моему?» Он отвечал: «Я готов признаться в похвалу твоего предусмотрительного поступка, но жа-

леть о потере экипажа моего не стану, потому что началась такая война, от которой ежели останется у кого хотя клочок жизни, то и тогда должно поздравить того с большим барышом». Ефим между тем вскипятил чайничек, и мы, впотьмах уже, выпив по жестяной мензурке чайку, заключили втроем прелиминарные⁸⁶ пункты условия, по которому вскорости Тургенев и брат мой пристали ко мне в артель. Мы завелись двумя вьючными лошадьми, на которых было у нас под руками при колонне всегда почти в виду всякое продовольствие, а с хлебом-солью и любезным чайничком, даже и между сугробов, райское житье.

На другой день Пултусского сражения армия наша отступала к Остроленке, а с 17 декабря устремилась в поперечь неприятельскому движению на Кёнигсберг⁸⁷, идя быстрым маршем чрез Вилленберг, Ортельсбург, Бишофсбург, Зесбург, Янково и Ландсберг⁸⁸ к Прёйсиш-Эйлау, где 26 января 1807 года армия Беннигсена стала на генеральную позицию, преградив французам путь на наши запасы продовольствия, готовившихся в Кёнигсберге, Пиллаве и Мемеле⁸⁹. Тут того же дня пополудни в час неприятель выступил из лесу от стороны Ландсберга вслед отступавшего русского арьергарда, командуемого князем Багратионом, атаковал большими силами Беннигсена. Предмет атаки неприятельской был: рекогносцировка общей нашей позиции и занятие им городка Эйлау, который удерживал отряд генерал-майора Барклая-де-Толли. Много пролито было французской крови в улицах его нашим славным и тогда генералом Барклаем. Три раза французы врывались в город, и три пласта трупов их легли, одетые валившимся тогда снегом, пред грозными фрунтами русской инфантерии, поражавшей неприятеля перекрестными огнями, искусно направляемыми, и ударами штыков, отважно довершавших каждое отражение; но при последнем отпоре, преследуя за город, пал, от тяжелой раны истекший кровью, славный многими отличиями генерал Барклай-де-Толли, а заступивший на его место по старшинству генерал-майор Сомов не умел, подобно Барклаю, защищать и удерживать важнейшего этого пункта генеральной нашей позиции, и городок в два часа пополудни чрез беспорядки, допущенные там нашими полковыми начальниками, перешел во власть неприятеля.

К рассвету дня 27 января полководец наш переменял свою диспозицию в центре порядка баталии по случаю

занятия французами городка Эйлау. А когда рассвело и ободнялось, то французские войска густыми колоннами, как лютая язва, напали на наши отводные посты, а потом и на всю боевую линию центра и правого фланга армии русской, стоявшей во фрунте в три протяжения зигзагами. Но вскоре поваливший непроглядный снег без ветра заслонил все виды местоположений, и в этом-то мраке корпус Ожеро потерял данную ему Наполеоном дирекцию и, как известно, свое существование, приняв влево забредший в угол зигзажной нашей трехлинейной фрунтовой позиции, высунулся головами колонн из снежной занавесы прямо к главной 40-пушечной батарее нашего центра, грянувшей по ним скорострельным огнем картечей; французы спохватились, хотели уйти назад, но было поздно, ибо полки нашей Остермановой дивизии и других, зайдя полковыми фрунтами двух передних баталионов каждого полка налево и направо, охватив их, зачали душить, работая штыками русскими! Нас подкрепили значительными силами пехоты и кавалерии, и ужасные костры тел неприятельских загромоздили пригородную луговую долину. В этом поражении и я с военными чадами роты моей совершал мщение ожесточенного сердца моего неслыханною до того войною на сугробах зимы северной страны, но военный гнев мой скоро нашел столкновение свое и поник до скорби сердечной, когда разъяренные солдаты наши, сломив все и облевшись, стали разрывать штыками костры трупов, ища под ними скрывшихся французов живых.— Я это видел, о Боже!

Но: «Не внимай им, небесный мститель паш! Не внимай...»

Шиллер

К вечеру подоспел от стороны г. Бронсберга⁹¹ на помощь нам корпус прусских войск генерала Лештока⁹², и французы были отбиты назад, к стороне Остероде, прикрытого лесными глушами. Потеря полка нашего в этом бою, как и всех, была большая: ревностному неустрашимому шефу нашему прострелила правую ногу пуля выше икры; полковой командир подполковник Танкачев пал мертвый; всех баталионных начальников изранило, и только шесть офицеров из 43 осталось при 370 нижних чинах трехбаталионного почти комплектного полка под командою капитана Тихонова 1-го. Во фрунте роты моей осталось 47 человек, у брата моего—19. Я ранен был пулею в правую щеку, брат—в голову, около маковки⁹³.

По окончании сражения всего, ночью, многие тяжело и легко раненные офицеры соединились в купы у огоньков бивачных за боевою линиею в пяти верстах, при деревушке, занятой штабами армии нашей и корпусов. Я отыскал брата моего, Шеншина и других нашего полку офицеров, на соломе у огоньков лежащих в перевязках ран их, и приютился к ним и любезному огоньку бивачному. Обращая помышление мое на минувший ужасный ураган кончившегося кровопролития, я сказал товарищам моим: «Какое сегодня происходило убийство между сынами прапраотца Адама — православными христианами, то едва ли большего придумать можно». Близ меня лежавший штабс-капитан Шеншин, поднявши голову с связки соломы и опершись на невредимую руку, заговорил: «Попробуй-ко кто сочинить жарню фигурней этой, тому старшой сатана будет вечным мстителем, ибо он гут истожил все свое сатанинское уменье — на славу». «Правда, — добавил штабс-капитан Шефлер, — что это сражение — самое высокое творение адской академии, но и то будет не ложь, если побожимся, что черти между колонн сражавшихся не быди, а с дальних бугорков восхищались и аплодировали ораторию, ими сочиненную, нами разыгранную; счастье наше, что зимний день короток, а иначе они бы еще акта два набавили».

После Прейсиш-Эйлауского сражения последовала четырехмесячная пауза военных действий. Русские корпуса стояли около Гейльсберга, имея авангард под командою князя Багратиона в Лоунау и Штольцгагене, а французские — за рекою Пассаргою, в лесных глушах пред Остероде⁹⁴, где и формировались как они, так и мы. В половине этого промежутка времени шеф наш, выздоровев от раны и прибыв к бригаде его и полку, дав в команду мою 230 отборных стрелков с четырьмя офицерами Санкт-Петербургского гренадерского и Елецкого мушкетерского полков своей бригады, поручил мне аванпостную дистанцию пред самым Гутштатом, в обширном лесу, между селения Штольцгагена влево к обер-форштату до кирпичного завода, где оканчивался левый фланг моей аванпостной патрульной полосы, которую я и содержал, быв под командою полковника Эмануэля⁹⁵, до дня Гутштатского сражения, в котором, распоряжая моими стрелками пред дивизиею графа Остермана, показал отличие, очищая засады французов в деревнях Шорники и Лангенау, добавившее мне к золотому эйлаускому кресту Анненскую шпагу.

В исходе мая зачалась новая кампания; мы атаковали Неев корпус при Гутштате⁹⁶ и, разбив его, прогнали за реку Пассаргу; потом дрались лихим лютым боем при Гейльсберге⁹⁷, где хотя и осталось место сражения за нами, но мы должны были, предупреждая неприятеля, идти к Фридланду, при котором Беннигсен принужден был опять для предохранения кёнигсбергских припасов, принять битву на невыгодном ему месте за левым берегом Алле, которая и была проиграна нами с истратою многих тысяч убитыми и ранеными, но без потери знамен и пушек⁹⁸. Наша Остерманова дивизия действовала в центре генеральной позиции. Полк наш лишился там своего шефа, генерала Сукина 2-го, потерявшего ступню левой ноги, оторванную ядром; майора Тургенева чрез рану при атаке неприятелем занимаемого нами на левом фланге боя кустарника, французами схваченного в плен. За потерей всех старших, я, быв штабс-капитаном, сделался командиром полка. И когда армия наша отступила чрез Фридландский мост на правый берег Алле и сожгла его, то я, находясь на неприятельской стороне реки для удержания деревни Сортлек на левом фланге нашей позиции, выше города в одной версте, велел неумеющим плавать, взяв доски и бревна, плыть на другую сторону, забрав с собою раненых, а с умеющими офицерами и солдатами остался прикрывать их удаление, и когда они перебрались, то я, приказав остальным моим стрелкам, бросив ружья, тесаки и патронные сумы в речку, плыть за мною на правый берег Алле, перемахнул ее в мундире без сапог, с заложенною на спине за опояску обнаженною шпагою. Тогда, собрав я к знаменам своим, бывшим там заранее, остатки людей, присоединился на другой день к дивизии своей, отступавшей к Тильзиту⁹⁹, где заключен был мир — брр.

6. Увечье генерала Сукина. — Тургенев
с полком в Пернове. — Дуэль Шенщина. —
Оборона эскадры. — Перевод меня в Аракчеева
полк

В сражении при Фридланде, 1807 года июня 2-го, ядро оторвало ступню левой ноги по щиколку шефа нашего, генерал-майора Сукина 2-го. Ему сделана была первая ампутация за линиями сражения дивизионным штаб-лекарем Дегио; но она, по жуткому часу военной грозы

и будораги, не была хорошо споровлена и оказалась гибельною, потому что мясо икры конец отпиленной берцовой кости, а шкура мясо недостаточно закрывали. Спустя две недели после сражения, на границе прусской в городке Юрбурге¹⁰⁰, явился к нему присланный государем лейб-хирург Яков Васильевич Веллие, служивший с начала прибытия его из Англии в Россию младшим лекарем в нашем Елецком полку, при бригадире Фенчиче, тоже англичанине. Увидев по оказавшемуся при оголившемся конце кости антонову огню, что смерть надымается к взмаху своего губительного булата на героя, шефа любезного ему полка, Веллие спросил его, может ли он вытерпеть другую операцию опытной и усердной его руки. Сукин отвечал: «Умею терпеть, делайте, что придумаете, смиренно буду лежать». Веллие вмиг сбросил с себя сюртук, жилет и галстук, оставшись с одними подтяжками на дюжих плечах его по красной александринковой рубашке, и, засучив рукава за локти, не медля ни полуминуты, отхватил кость берца под самую чашкою колена. И жизнь генерала нашего устояла на свете на одной родной ноге, подружившейся с деревяшкою. Однако для полка его, особливо офицеров, не стало любезнейшего начальника, деликатного и внимательного к их службе и жизни приватной. Командиром нашим сделался оставшийся по нем старшим в полку вышедший из плена, произведенный в подполковники Тургенев, знавший кое-чего много до занятия полковою казенщиною принадлежащего, но не перенявшего ничего у Сукина к сохранению благополучия офицеров необходимого, побретших в унынии разными путями жизни по разным причинам.

После Тильзитского мира полк наш из дивизионного лагеря, бывшего при Дисне на Двине, возвратился в Пернов, где и расположился по-прежнему непременно квартирами, штабом и двумя очередовавшимися для крепостного и полкового караулов ротами в городе и слободах его, а прочими — в уезде. Я с своею 1-ю мушкетерскою ротою стоял в мызе Салентага, принадлежавшей г-ну Гротенгельму.

Зимой 1808 года, во время пребывания моего с ротою в уезде, произошла в Пернове полковая неприятность, весьма обыкновенная в армейских офицерских обществах, но важная по влиянию ее на ход службы моей, и кто знает, что это не к лучшему было для меня; однако она вывела из службы лучшего всех нас офицера. В городском клубном доме, играя на биллиарде, повздорили,

сперва за счет поеней, а потом за грубые укоризны нравам, каких они поистине и тени не имели, штабс-капитан Шеншин и подпоручик Редькин. Ссора их случилась при нескольких гражданах, и они решились приязненно покрыть ее военным боем. Тургенев, не уважив известной всем в войне знатной храбрости их, подстрекнул еще колкими шутками, из статей Дон-Кихота, к кровопролитию. Две недели спустя после ссоры их я прибыл с моею ротою сменить Шеншина и роту его с очередного караула Перновской крепости, исполненного ими без нарушения порядка службы, ими любимой всегда. Шеншин был мне военный приятель и поныне мною уважаемый за его благороднейшие правила, и я принужден был стать секундантом его в дуэли. Противники нанесли один другому по четыре сабельных раны, от которых чуть-чуть не померли. Полковой командир, испугавшись того, не утаил происшедшего, а как на виду было, что он сам своими насмешками понудил ссорившихся к отчаянной разделке, то дело это хотя и не пошло вдаль, но нас, неугомонных скосьрей¹⁰¹, скоро-дobre соскучившихся мирными днями жизни, обошли чинами при общем производстве на вакансии, открывшиеся чрез утраты в минувшей военной кампании, претендентов — по два раза, а секундантов — по одному. После моей отличной службы и двух наград за нее крестами наказание за чужие грехи, и дельное, как Бог свят, меня опечалило. Я подал рапорт о болезни моей, чтобы в сентябре проситься в отставку. При этом рассказе не должно умолчать о высоком благородстве военной души тогдашнего перновского коменданта ген[ерал]-майора и военного ордена кавалера барона Будберга¹⁰². Он, узнав приватно об этом происшествии, бывшем за городом, и виду не показал, что знает о том, и когда усмотрел на другой день поутру вошедшего к нему в квартиру подполковника Тургенева, при пасмурном лице, с бумагою в руке, то встретил его следующими словами: «С сердечным прискорбием моим знаю, г-н подполковник, о Вашем несчастии, что из лучших Ваших военных сподвижников, о которых Вы, прибыв с военной кампании, мне и всем так много похвального говорили, — Шеншин и Редькин, катаясь вчера за городом, избиты взбесившимися лошадьми до опасного состояния жизни. Ежели Вы об этом хотите подать мне рапорт, то не надо его, ибо я обо всем уж знаю; а сделайте и мне, старому воину, как и самому себе, Ваше благодеяние, приложив всевозможное старание к сохранению и спасению их жиз-

ни, к чему я с моей стороны обратил уже на пособие им городских докторов Венценбреера и Тремпе. Ежели мы таким образом успеем сохранить их, они некогда принесут еще свои заслуги славе Отечества и государю, а нам благодарность за сохранение их». И этот благороднейший поступок коменданта Будберга уклонил нас от военного суда, по которому лишались бы мы чинов¹⁰³. В 1814 году, когда 1-й егерский наш полк возвращался из Франции на неприменные квартиры свои в Ревель чрез Пернов, то я с последней дневки пред ним полка своего поспешил явиться к генералу Будбергу и принес ему благодарность за его благодеяние мне, возвращающемуся полковником из Парижа. Герой-ветеран обнял меня с чувствительностию, как сына, не имевши своих никогда детей, угощал, делал мне вопросы и слушал ответы мои о войне, изъявляя восторги души, следившей наши подвиги всюду на концах огромного театра военных действий той исполинской войны, обуревавшей Европу всю.

Наступившего лета 1808 года, в начале августа, когда, по обстоятельствам войны со шведами и англичанами¹⁰⁴, два баталиона нашего Елецкого полка находились на островах Балтийского моря Эзеле и Даго, а наш 2-й баталион майора Нейтгарта оставался в Перновской крепости, невзначай потребованы были, что называется вскок, «не медля ни часа», в Балтийский порт¹⁰⁵ для спасения эскадры адмирала Ханькова¹⁰⁶, загнанной англо-шведским флотом в тамошнюю открытую бухту. При выступлении баталиона нашего из Пернова я стал во фронт, чтобы при такой экстренной надобности послужить еще государю противу неприятеля под знаменами полка своего, осенявшими многократно наше усердное служение в боях на поле чести.

По перемаху в трое суток 120 верст, прибыв к Балтийскому порту, баталионный командир мой отрядил меня немедля занять моею ротой прибрежный пост правой стороны мола-батареи, места, удобного для привалу баркасов с высадными войсками от неприятельского флота, стоявшего на якоре пред бухтою в пяти верстах, числом 37 кораблей, под главным начальством великобританского адмирала Сомерца¹⁰⁷

Расположа пикеты и подкрепления их по показанию свитского подполковника Фрейганга¹⁰⁸, я, по особенному назначению, явился за приказанием к командовавшему за увечьем генерала Сукина помощнику его в командовании 11-ю пехотною, бывшею Остермана дивизиею, ген[ерал]-

майору Лаврову¹⁰⁹, бывшему некогда в Италии адъютантом Суворова и потом начальником Кяхтенской китайской линии. Генерал Лавров, сделав мне многие наказы о средствах наблюдения морского берега, противу моих постов лежащего, и способах задержания высадки неприятеля до прибытия из лагеря баталионов с полевыми орудиями, на конец всего спросил меня, совершенно ли я выздоровел от болезни, давно видной ему и известной по полковым рапортам. На что я отвечал моему начальнику искренно и сообразно с его праводушием, известным нам, что я в минуты получения приказа его о походе баталиона из Пернова стал во фронт здоровым потому, что надобность службы важного этого случая несравненно превосходит не то что мою скорбь, но и жизнь, которые забывая, по усердию моему, не мыслю потерять права на все милостивейшее увольнение меня от службы. Лавров, похвалив мои честолюбивые правила, сказал: «По всему видно, что ты офицер с истинною военною честью, стало быть, встретившееся с тобой побочное недовольство не должно удалять тебя от военной службы, где со всяким почти наилучшим офицером случиться может побочная проруха, но она у нас редко отходит вдаль, ибо о ней посудят военные начальники по своему военному сердцу — и только. Но в отставке ужели ты думаешь найти приятности и многое уважение? Нет, не обманывай себя, капитан! Ты посмотри, что там делается у нас! Да ты там с знаками отличия твоего будешь у многих как бельмо на глазу. Я, сдавши Кяхтенскую линию, возвратясь в Петербург, был по личной просьбе моей государю уволен на год в отпуск для устройства вотчинных дел моих в Орловскую губернию; да я там жизнь мою проклял было от разных каверз. Александр Яковлевич (Сукин) видел тебя хорошим офицером в войне; вот и я вижу твое добросовестное честолюбие, так предоставь же нам заботу о себе!»

Я поклонился ему и пошел к моему посту, на отлогий берег моря, стеречь неприятельские крейсера и ожидать случая, чтобы показать мое усердие новому начальнику, оживившему мою военную душу надеждою послужить еще государю и Отечеству.

Месяца полтора англо-шведский флот блокировал нашу эскадру в бухте Балтийского порта между берега матерой земли и острова Рогена¹¹⁰, стоявшую на якоре, и самый городок, занятый собравшеюся туда 11-ю пехотною дивизиею, куда тогда же прискакал сухопутно из

Петербурга и сам морской министр адмирал П. В. Чичагов на выручку своих и жил там до окончания этой будораги, кислой всем по милости Ханькова. Бомбардирские суда неприятелей, приближаясь наиболее по ночам, пред бухту бросали к нам в иные сутки около трехсот бомб семи- и девятипудовых. Многократно направляли в ряды наших кораблей брандеры; но их тотчас многочисленными табунами ядер с батареей береговых и бортов кораблей пред боною, перекинутою во входе, растерзывали и спускали на дно моря, там весьма глубокого. На случай абордажного неприятельского нападения к завладению нашими кораблями несколько баталионов разных полков наших размещены были ротами по кораблям в добавок их экипажей и 1-го морского полка. Я с моею ротою был сперва на корабле «Амгентене» у капитана Лисянского¹¹¹, а потом — на стопушечном «Гаврииле» у командора Чернявского. По ночам особо мы бодрствовали на палубах и часто отправлялись на патрульных баркасах пред бону¹¹² к брандвахте¹¹³ для поисков и открытия неприятельских покушений, с которыми встречаясь жарили друг в друга, показывая огнем береговой передней, на мысе стоящей, мола батареи место неприятеля, по которому она, открыв свой адский огонь из 150 орудий огромного калибра, прогоняла назад и на дно моря отряды англичан и шведов.

В последних числах сентября неприятельские флоты, по опасению равноденственных бурь, свирепствующих в Балтике, ушли к Карлскроне и за Зунд к Дувру, а затем и наш отплыл с нашей шеи в Кронштадт. После чего полки дивизии Лаврова возвратились на свои квартиры, бывшие в разных местах Эстляндии и Лифляндии, имея дивизионную квартиру в Ревеле. Чрез две недели по прибытии нашего баталиона в Пернов, куда и весь полк наш тогда же собрался, мне объявлен чин полного капитана за отличную службу при спасении эскадры Ханькова.

В исходе 1808 года сделан был мне запрос на желание перейти на службу в графа Аракчеева полк. Я согласился, и меня перевели в него. Брат мой Иван Матвеевич был уже там прежде, по производству его из капитанов в майоры, по старшинству дивизионному на вакансию в тот полк, когда он назывался еще Ростовским мушкетерским. И вот я остался служить и перебрался из Пернова в достославную столицу, созданную великим Петром на северном краю России, на удивление каждого взирающего на нее, особливо ныне.

7. Нечаянное мое адъютантство.— Климатные перемены на курьерской езде от севера на юг

В начале 1810 года, служа капитаном в гренадерском графа Аракчеева полку в Петербурге, живя близ Таврического дворца в артиллерийских казармах, я и брат мой Иван Матвеевич, майор того полка, говели на первой неделе великого поста. И вот в субботу в полковой церкви при обедне, незадолго причастия Святых Таин, слышу я за собою — наш молодой подпоручик Елгазин, только что пришедший в церковь, шепчет другому нашему офицеру: «Меня сейчас призывал к себе генерал Сназин¹¹⁴ и уговаривал ехать с ним в Дунайскую армию, на кампанию войны, его адъютантом». — «Что ж, ты согласился?» — «Да как же! Он отроду не нюхал вражьего пороху, а я и с своим издали недавно стал знакомиться; тут велика находка в адъютантстве». — «И то правда». Тем и кончился шепот.

После причащения нашего я подозвал к себе Елгазина и спросил: «Так ли мне послышалось давече, что вас соглашал генерал Сназин ехать на военную кампанию на Дунай и вы отказались?» «Точно так», — отвечал Елгазин. «Не стыдно ли вам, дворянину, желавшему быть воином, но не идти на призыв войны?» — «Да велика находка небывалому идти на войну с небывалым начальником. Я думаю, и вы, бывалый, от подобного предложения, по-моему, попятитесь бы на тыл без упреку совести». — «Напротив, из мирного пребывания на войну я пойду со всяким, кто меня позовет, для опытов или как случится». — «Да вы это говорите для того, чтобы меня, молоко-соса, теребить?» — «Совсем нет, я говорю истину, как опытный офицер должен думать и говорить новым сослуживцам своим». — «Хорошо, позвольте же мне уведомить генерала Сназина о том». — «Согласен и прошу не забыть прибавить к тому, что я был уже в тринадцати огнях военных, и не без отличия в некоторых».

Того же дня вечером явился ко мне ординарец Сназина, прося к нему, и я немедленно поехал к генералу.

Генерал Сназин принял меня ласково и спросил: «Правда ли, что вы желаете разделить со мною военную кампанию в армии Дунайской?» — «Правда, ваше превосходительство, ибо, избрав себе во участь жизнь военную по обязанности дворянина, почитаю за величайшую ми-

лость принять оказию испытания войны; только сомневался, чтобы меня определили в ваши адъютанты, ибо я полный капитан и еще старший в полку нашем». — «Я уж упрошу графа Алексея Андреевича¹¹⁵, и он, наверное, по родству его мне и службе с ним, везде бывшей, не откажет, а вы только дайте ваше согласие на то». — «От всей благодарной души моей даю его вашему превосходительству, только не должно умолчать мне, что я, кроме жалованья, не имею никакого средства, а Елгазин богат; следовательно, в моем адъютантстве противу его быть может большая недостача исправности, особливо в устройстве себя к тому наскоре, на одну кампанию, вероятно до прибытия вашего на Дунай начаться должную». — «Это уж не ваша будет истрата, ибо если вы соглашаетесь разделить со мною военные труды и опасности, то значит ли что-нибудь с моей стороны поделиться с вами избытками моего богатства на надобности военные ваши».

Я поклонился, благодаря его за внимание к моей службе и обещание помощи, и, пробыв среди его приветливого семейства чайное время вечера, я возвратился в казармы.

На другой день после полудни высочайшим приказом назначен я был в адъютанты к генералу Сназину, а ввечеру полковым предписано мне было сдать мою фузилерную поручику моему и явиться к новой моей должности. Итак, я от минуты слышанного мною в церкви рокового шепота чрез пять дней, простясь с милым братом моим Иваном и петербургскими знакомыми, полетел с генералом на курьерских, сперва по пути в Вышневолоцкую вотчину его, куда за два дня прежде нас отправилось на почтовых семейство его, а потом понеслись вихрем честолюбия чрез Тверь, Москву, Орел, Киев, Могилев-на-Днестре, Яссы, Бырлад и Рымник к армии, стоявшей лагерем близ Дуная несколько выше Гирсова¹¹⁶, у которого готовилась ей переправа к переходу на правый берег под командою молодого графа Каменского 2-го¹¹⁷, героя Оравайской битвы¹¹⁸.

На быстром курьерском полете от Москвы на Юг мы изумлялись изменениями зимних видов на весенние и летние. От Москвы, где покинута нами была полная зима, через ночь одну насккали мы на полное распутье, чрез сутки — на талый земляной путь, в третьи сутки увидели цветущие сады; переправясь за Днестр — в колено траву, а за Дунаем, около Кузгуна, Кучук-Кайнарджи и Силистрии, — спелые черешни.

8. О Балканских высях.— Болезни берегов Дуная.— Знакомство мое с Д. Васильевичем Давыдовым

Когда армия генерала от инфантерии молодого графа Каменского 2-го, хваленного в Италии Суворовым, в 1810 году после покорения крепостей Базарджика и Силистрии держала два месяца в тесной блокаде турецкого визиря Юзуфа, некогда бывшего комендантом Акры, не добытой Наполеоном Бонапартом многими приступами, запавшего с ордами его в неприступном нырище — Шумле¹¹⁹, находящейся в охвате крутом утесистой огромной обширной дуги плосковерхой горы, отделившейся от северной окраины главного хребта Балканского, а в то же время отряд генерал-майора Цызырева¹²⁰ отдельно наблюдал с близкой блокадной линии крепость Варну. В эти два месяца тяжелая инфантерия наша, в коей находилась бригада моего генерала Спазица, состоявшая из полков Шлиссельбургского и Ингерманландского мушкетерских, не имела никакого дела, составляя только резерв блокадной линии, и потому многие из нас, адъютантов генеральских, по любопытству делали поездки для осмотра местностей протяжения Балканского кряжа гор: то направо, к стороне Тырнова, до отдельных постов корпуса ген[ерал]-лейт[енанта] Левиза¹²¹, то налево, за тыл армии, к Варне, чрез Проводы¹²². Как при корпусе нашем, Эссена 3-го¹²³, находился штатный толмач, грек старый, житель Галлац, по прозванию Гальяни, ходивший чрез всю долгую жизнь его по Турции с торговыми караванами приказчиком, то мы, расспрося его о топографии Балкан, осмотрели некоторые места, по возможности избегая опасностей от разбойников, наполняющих тамешние пригорные ущелья, прикрытиями форпостных своих гусар и казаков, получа из того следующее познание виденных нами Балканских высей.

Гряда Балканских гор предлежит взирающим на нее от стороны Дуная хребтом своим по протяжению его от западного берега Черного моря к Сербии, где соединяются с нею отрасли иных гор, идущих от севера и запада, т. е. Карпатских и Швейцарских белоголовых кряжей. Она состоит из высей незаоблачных. Почти все кабаны ее протяжения, кроме одного гигантского шпиля, гордо высящегося из всех над ущельем города Тырнова, — огромные, но не скалистые, покрыты до вершин сперва дебелыми деревьями, а потом кустарниками. Между каменис-

тых опор оснований их, в ужасных диких углублениях, текут и бушуют быстрые речки и так называемые турками бешеные ручьи — «дели камчик». По надпочвенным площадям уступов горных во многих местах в чрезвычайно обрубистой высоте видны с помощью хорошей зрительной трубы явственно признаки давно былой там торговой оседлости людей прибрежных обширного моря. Вот, противу городка Провод на юго-восток лежат на высокой неприступной окраине одного из уступов Балкан объятые летаргиею многих десятков тысячелетий развалины многочисленных каменных строений и от них в окраине неприступного утеса вырубленные длинные линии ступеней, обыкновенных торговых сходов к воде, и говорят, что во многих местах есть еще и железные большие кольца, укрепленные стеблями их в утесе, какие в гаванях служат обыкновенно для привязи морских судов; но их усмотреть по отдельности не можно, а приблизиться, по опасности от разбойников, там во множестве кочующих, никто не отважится.

Смотря на все эти горные явственные признаки давным-давно оцепенелой, и навсегда, жительности людей торговых, изгрызенных досужими зубами алчного времени, ныне покрытые токмо многими миллионами гадов пресмыкающихся и гнездящихся около них ради изобильной добычи змей и желтопузиков в пищу себе, и состав земной почвы, даже степей обоих берегов Дуная, мысль человека внимательного, рассекая темную мглу огустелого давностию времени прошедшего, сквозь многие тысячелетия, внимательно прислушивается к тихому отдаленному, но явственному шепоту событий природы и людей, времен, неведомых никому, вызывающему разум на понятия, что там, давно когда-то, бушевало бурное обширное море, сражавшееся с горными утесами пределов своих, и раздавались восторженные крики отплывавших и приплывавших из Колхиды и иных стран златорунных искателей. Хемус, Карпат, Антитавр и Кавказ были границами воздыханий яростных волн его, доколе прежде Геродотовых дознаний могучий подземный взрыв не расторг перешейка Византийского, бывшего между морями Черным и Мраморным, открывши Босфор, передающий ныне приращения Эвксины, чрез Гелеспонт, Средиземному вместилищу вод; или сила и деятельность лучей Солнца, как новые теоретические заключают, не увлекла хляби земной, преобращающейся беспрестанно в эфир, за поверхность атмосферы нашей, понижая тем воду, шар земной одевающую.

С половины августа месяца около турецких берегов Дуная и особенно в долинах Малых Балкан поспевают все фрукты в чрезвычайном изобилии и доброте, или, лучше сказать, властительной прелести вида и вкуса их. Из ста человек пришельцев от страны скупого Севера едва ли сыскивается треть вырожденцев праматери нашей Евы, которые бы удержались от излишества употребления плодов тех и спасли себя от неминуемого страдания болезнями чрез прелесть эту, особливо разнородных виноградов и абрикосов, при употреблении на них масляного плода зерен грецких орехов, в свежести их лакомых на вкус, а при холодности тамошних долгих ночей, по обычному всех вечернему купанью, решительно смертельных последствиями мучительных лихорадок и кровавого поноса. Начальникам бывавших там армий нашего авосьного народа предстоит дело трудное — вразумлять своих воинов о сохранении здоровья, убедя их предписаниями, что там надлежит предохранять жизнь воздержанием от еды с 3 часов пополудни всяких фруктов, ибо с утра и за полдень несколько такое употребление ничуть не вредно и даже полезно, по своему легкому питанию, поелику сырость фруктовая выжимается чрез испарину от жаров дневных, доходящих там часто до 40°, а к ночи вредно, потому что в той стране с закатом солнца вдруг, почти без зари, обнимает ночь холодная, поглощающая всю знойность дня, оставляя в воздухе тепла не более 3°. Казалось бы, нетрудно понять, что при таком изменении теплоты на холод не следует пред вечером задолго ни фруктов есть, ни купаться, поевши их, а только вкушать что-нибудь зажаренное, натертое солью, перцем, или сухарей с кашицею. Но праматерь наша Ева передала нам вполне невоздержанность свою в оболыщении благовидностию плодов вопреки рассудка и наказов, и мы, вернопослушные ее праправнучата, всех чинов без изъятия, страдаем при уповании на авось. Вот и я рассуждаю на статью, а какую там лихорадку вытерпел, то альни и теперь вспомнить страшно, а все от вечерней еды фруктов и ночного купания и авось.

Во время формальной осады крепости Руцука¹²⁴ армиею графа Каменского 2-го, в 1810 году в июле месяце, генерал мой Сназин заболел лихорадкою, а в это время

наряжена была экспедиция противу трехбунчужного паши Куманеца-аги, или, как его называли тогда, Кушанцаллия¹²⁵, — выдвинувшегося из ущелий от Тырнова на окраину Малых Балкан с 16 000 янычар и спагов и ставшего конным лагерем при верховье речки Янтары, выходящей там из большого мохового болота, — порученная в полное распоряжение преславного генерала Кульнева¹²⁶. В этот значительный отряд поступил и бригады моей генерала больного Шлиссельбургский мушкетерский полк. Как у больного генерала адъютант ни к чему, то я отпросился, и меня командировали к Кульневу послужить охотником в этой экспедиции.

Прибыв к отряду Кульнева и вступив в должность разъездного адъютанта отрядного начальника, я стал на ряду службы с гусарским штабс-ротмистром Д. В. Давыдовым¹²⁷, тоже волонтером из адъютантов князя Багратиона, прибывшим, как и я, послужить в той экспедиции, длившейся пять дней, без значительного успеха выжить Кушанца-аллия из трупобой гор и болотистых промежутков исходища речки Янтары.

Между военных действий славного Кульнева были иногда часы, когда мы, адъютанты его, мечась с приказаниями по линиям атак и маневров наших от пехоты к гусарам и от казаков к драгунам, соединялись у нашего почтенного, незабвенного начальника-героя, любезного всем Якова Петровича, то поесть кашицы и шашлыков или попить с ним чайку, сидя у огонька вкруговую. Тут Денис Васильевич Давыдов острыми своими высказками изливал приятное наслаждение утомленным душам нашим. Он пил, как следует калиберному гусару, но не «темную», а для шутки любил выставлять себя «горьким». Выпив поутру первую чашу, он, бывало, крехнет и поведет рукою по груди к животу, качая головой медленно в наклон к груди; и как однажды Кульнев, давний друг его, спросил Давыдова: «Что, Денис, пошло по животу?», он отвечал: «По какому уж тут животу идти, а по уголькам былого когда-то живота зашуршело порядочно».

В Отечественную войну нашу я разделял с ним часто труды и опасности боевые аванпостной службы. Но после Тарутинского переворота обстоятельств, когда он, быв образцовым партизаном наших могучих удалых витязей, крутился с своею удалою дружиною в промежутках колонн в беспорядке улетававшегося из России неприятеля, то мы часто с летучим егерским отрядом нашим приспевали к ним на помощь, а иногда и на выручку.

В декабре 1812 года наш 1-й егерский полк, стреканувши от корпуса Милорадовича вперед отдельно, приспел к партии Д. Давыдова в Гродно, чтобы помочь ему очистить его от неприятеля, но он прежде прибытия нашего успел негоциациею ¹²⁸ удалить из него австрийцев и встретил нас, подавая заздравный ковшик Карпенкову, финляндскому, и мне, задунайскому, товарищам, в виду границы прусской, нами достигнутой по трупам французов!

После Люценского сражения весною 1813 года, на третий день отступления нашей армии к Дрездену, перешед Фраубург, арьергард наш, идя чрез всю ночь, остановился рано поутру 23 апреля, отойдя мило от этого города, на позиции, ожидая неприятеля для обыкновенной арьергардной схватки. Я немедленно поехал по приказанию Карпенкова, командира полка нашего, осматривать левую сторону нашего места, чтобы знать там ситуацию подробно на случай военного действия, а генерал Карпенков, как аванпостный начальник, остался при бригаде его сторожить неприятеля с лица. Посылая меня осматривать место, он сказал мне: «Приезжайте скорее, а я потороплю здесь всех — и своих, чтобы нам не опоздать накормить солдат и самим поесть до наступления неприятеля». Осмотрев низину левого берега, лесного, реки Мюльды, замечая обрывы предбрежия, я, повернув налево, поднялся на горную окраину логовища, по которой и возвращался уже к арьергардной колонне. Вдруг вижу я пред собою, под кустом дубняжка, лежащего человека, разметавшегося в крепком сне, и остановился при нем. На спящем была рубашка красная с косым воротником, обложенным галуном, шаровары темно-синие суконные, верхнего наряда не было. Его борода, черная густая, недлинна была. Недалеко от него, на меже наших, чегыре казака, сидя у огня, что-то стряпали, а еще подальше, у кустов над оврагом, стояли биваком гусары и казаки, вместе, числом до 200 человек, и тоже варили завтрак в навешенных котелках. Всмотревшись в спящего, я узнал в нем удалого нашего партизана-поэта Давыдова. «Денис Васильевич! Денис Васильевич!» — закричал я, спрыгивая с лошади. Он проснулся, сел потурецки и протянул мне руку с приветом. «Что вы тут разлеглись? Разве ретивое ваше не чует близость товарищей военных?» Он рассказал мне, что с самого Люценского сражения дни и ночи бродил с его партией для разведывания боковых движений неприятельских, из которого поиска только того утра пред восходом солнца возвратился на тракт общего отступления союзной армии. Тут я ему сказал:

«Видите ли, полковник, вон там те два высокие дерева на краю поля и при них дымок любезный?» «Вижу», — сказал партизан-поэт. «Там, на биваке 1-го егерского полка, варится котел славной каши, и Карпенков ждет нас с «ковшиком», полным угорской водки, на братскую полевую трапезу». Услышавши это, Денис Васильевич вскочил с земли и, как был, без верхнего платья, с подтяжками на плечах по красной рубашке и малиновой феске, поспешно вспрыгнул на поданного казаком коня, и мы поскакали к Карпенкову есть кашу и смачивать «уголья» и пепелища в геройских грудях наших, носивших печаль о умершем пред тем князе Кутузове-Смоленском и проигранном сражении при Люцене Витгенштейном. Между едою и питьем Карпенкова финляндский мой и задунайский военный товарищ говорил много умного о зачавшейся тогда новой кампании Витгенштейнской и читал нам наизусть гармонические стихи «Певца в стане русских воинов»¹²⁹, только что раздавшиеся во услышание сынами Отечества нашего, и свои приятные всякому «Наказы зефирам лететь к Отчизне дорогой», между прочим, и «За штофом сивухи хоть простой», и прочие. После полутора часового возлежания нашего на биваке мы стали во фронт противу наступавшего неприятеля, а партизан-товарищ взвихрился с удалою дружиною его в сторону левого фланга французского авангарда.

Удаляясь от военной службы в родное жилище мое, я ни разу не видел этого славного героя — товарища браней, сделавшегося свободным семьянином сельским; но сочинения его, выходявшие в журналах отдельными статьями и соединенные в изданных книгах, услаждали и услаждают мою душу, родную его душе. Всякое пылкое изъяснение его в сладкозвучных стихах и прелестной прозе вразумительно и любезно мне, видевшему его вполне блистательным героем полевых подвигов: за Дунаем и в Отечественной войне, разразившейся громкими ударами побед наших в Германии и Франции, где на вершине Монмартра погасли последние выстрелы ружей русских под развернутыми знаменами нашего Благословенного!

9. О военной добыче в Батинском сражении. — Предохраненный пороховой призовой парк

На правом берегу Дуная у дороги, идущей от Руцука на Никополь, при селении Батине, 26 августа 1810 года граф Каменский 2-й, покинув на время предприятия

своего в блокадных параллелях Рушукских корпус Ланжерона, сам с большею частью своей армии напав на трехбунчужного пашу Куманеца-агу, или Кушанц-аллия, ставшего по перемещении своем в верховья речки Янтары с 16-тысячным корпусом отборных войск в окопах при селе Батине, обошел его кругом тайным ночным движением, разбил наголову, убив его самого, побрав в полон, кроме вырвавшегося с конницею отчаянного партизана, или, **истиннее** *, разбойника тех стран, Яур-Госана, всех пашей, все знамена, всю артиллерию, багажи в шести лагерях, запасы и остальных от истребления янычар, положивших оружие, 12 000 человек ¹³⁰.

Пехотный отряд генерала Сназина, у которого я был адъютантом, шел штурмовою колонною на неприятельские ретраншаменты ¹³¹ от правого фланга линии общего нашего приступа на левый турок, примыкавший последним редутом к окраине береговой крутизны Дуная, на котором видна была нам, как на ладонке, сражавшаяся в одно с нами время наша черноморская Запорожская гребная флотилия, состоявшая из 11 канонирских лодок и плавучих батарей, противу 27 судов Порты, спустившихся от Видиня к левому флангу армии Кушанц-аллия для соединенного действия к освобождению от блокады Рушука и Журжи ¹³², но разбитых в отделку и побранных в плен нашими удалыми черноморцами.

Когда генерал-майор Сабанев ¹³³ и граф Дебальмен ¹³⁴, взявшие многие редуты правого неприятельского фланга, нападали окончательно на последний главный окоп турок укрепленного села Батина, где столпились все остатние Кушанц-аллия силы, окруженные нашими колоннами, то отряд моего генерала, окончившего успешно заблаговременно покорение штурмом назначенных ему взять двух редутов, поспешил подкрепить Дебальменову часть своим содействием в окончание последнего натиска нашего на село Батино, положившего конец всему сражению.

В этом сражении я был больным в промежуточный день моей лихорадки. Чрез большую немощу, с принуждением себя, сносил я обязанности мои по службе боевого исполнения надобностей: скача между колоннами и кареями за приказаниями и с приказаниями, и когда кончилось сражение все покорением главного редута, самого

* Подчеркнуто автором.

села Батина, то я, быв тогда за этим селением с известием от генерал-лейтенанта Уварова¹³⁵, командовавшего нашим правым флангом, у графа Дебальмена, кончившего, соединенно с Сабанеевым, сражение последним огнем многочисленной артиллерии по селу Батину, чрез узкий овраг, от стороны Янтары, в открытые толпы турок, стоявших тесно в редуте Батинском, возвращался к своей колонне, следуя с двумя конвойными моими уланами Волынского полка чрез большую луговую поляну, образованную соединением двух балок ниже села Батина; но, пришед в изнеможение, я сошел с лошади и лег на землю, чтобы отдохнуть на свободе приобретенной победою всего дотла. Тут в 15-ти шагах от меня стоял большой турецкий обоз фур до двухсот, сдвинутых плотно одна к другой в три круглые купы с малыми промежутками; а к левой стороне поляны, под крутизною впадины луга этого, толпились до 800 верблюдов, навьюченных всячиною багажа прихотливых восточных ратников, особливо их начальников.

Лежа на бугорке поляны перед потерями неприятеля, я смотрел и сквозь немощь мою веселился, видя, как наши ребята, победители, разбирали турецкие пожитки, наполнявшие огромный лагерь этой долины, и тащили, не зная обращения, навьюченных верблюдов, бормотавших на них и обдававших с головы до ног нежеланных ими новых карнаков соплями, единственным орудием их гнева. В то же время иные различинцы армии, промышленники вольного рынка и маркитанты полков, овладев котлами и провизиею неприятеля, принялись варить кашу, всыпая в навьюченные над огнем котлы сарацинского пшена, изюму и думая, «что тоже к тому же», валили туда ливанского кофею, в шелушице у азиатцев держимого, принимая его за бобы «иносветные», варя же и пробуя жевать, фуркали из рта, говоря: «Эй! да это ажно крепко в варке!» Сквозь немощь и веселие мое вдруг мысль моя торопко бросилась на фуры турецкие, близ меня почти при огнях стоящие без прикосновений, чем-то наполненные, под покрышами недельанных буйволовых шкур. Некоторое темное предчувствие подняло меня на ноги, и я проворно бросился посмотреть, что в них лежит. Заглянув в крайние фуры ближней купы, я увидел, что они наполнены бочонками и кожаными торусками с порохом. Откуда сила у меня взялася! Я зачал бегать и заливать огни под котлами, крича солдатам: «Что вы делаете, злодеи, ведь это пороховая

казна турецкая, нужная для нашей армии». Конвойные мои уланы приспели помогать мне, и мы образумили досужих кашеваров, которые, подхватя свои котлы на рычага, побежали под крутизну берега Дуная достряпывать себе пилов из разных провизий, не исключая и ливанского кофею вместо бобов, крепких, что ти страх, в варке! Немедля послал я рапортную записку, карандашом написанную, которою уведомил моего генерала об опасном положении призового порохового парка, прося прислать караул и артиллеристов для разыскания, нет ли в нем зажженного штопина¹³⁶ ко взрыву его, неприятелем приложенного, а сам остался с одним уланом караулить его и отгонять новых приспешников. Этот парк предназначен был визирем спустить по Дунаю к крепостям Рушуку и Журже в пополнение недостатка в них пороха. Но гребная флотилия их, разбитая нашею, не успела того выполнить, и он, сохраненный мною, годился нашей армии.

Чрез 10 минут по отправлении моей записки смотрю, несется за посланным мною уланом эскадрон драгун и один конноартиллерийский офицер с восьмью своими фейерверкерами и канонирами, бросившимися из-под ветра нюхать запах штопина горящего; но к счастью — и моему, — его нашли и залили вмиг готовою у многих в руках водою во фляжках. Тут я успокоился, легши на отдых еще раз, радуясь, что и моя немощь послужила к пользе. Почтенные кавалеристы напоили меня чаем, и я, отдохнув полчаса, собрался силою и возвратился к своему отряду. Меня наградили за Батинское сражение орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

10. О возвращении моем из армии в Петербург через Псков.— Губернатор Фигнер

По окончании военной кампании 1810 года молодой граф Каменский 2-й, герой Оравайский, взявший крепости Базарджик, Силистрию, Разград, Рушук, Журжу, Систов¹³⁷ и Никополь, приникнув наблюдательными отрядами, чрез Ловчу и Лупенину, почти до Софии — древней Сардики, расписал армию свою по зимним квартирам в обе Валахии и Бессарабию. Тогда генерал мой Сназин, по расстроенному его здоровью, испросив позволения главнокомандующего возвратиться в Петер-

бург, отправился туда с адъютантом графа Аракчеева ротмистром кавалергардского полка графом Апраксиным 1-м¹³⁸, оставя меня на несколько дней при Рущукe, в главной квартире армии, для сдачи бригадных дел. Приведши в окончание сдачу бумаг бригадных, я отправился в пятый день после моего генерала в Россию — чрез Букарест, Яссы, Житомир, Шклов, Сенно, Полоцк и Псков в Петербург.

Как, в Пскове служивши, я в первых офицерских чинах приобрел много знакомых из граждан, то, прибыв туда пред сумерком дня в последних числах октября, спросил у давнего моего знакомого помощника почтовой конторы И. А. Аношинского, кто есть в городе из приятствовавших некогда там меня, чтобы хоть в один час времени повидаться с некоторыми из них. Помощник почты уведомил меня о всех, кто были там, но любезного Томина не было, ибо он давно отбыл на всегдашнее жительство в Белев, и, как это было воскресенье, советовал мне повидаться с ними в назначенном быть того вечера собрании в их Италианском клубе. Я согласился, и знакомец мой тотчас послал за гостиним билетом, а когда настало время полного собрания бала, мы пошли туда. Входя в клубный дом, я остался на минуту назади, чтобы уклонить от расспросов о мне знакомого сопутствовавшего.

Войдя в танцевальную залу, я увидел многих давних знакомых моих, сидевших в кругах компании и танцевавших англез. Но я не подошел к ним, взяв на себя лицо чужого, не знакомого у них никому. Походивши немного по танцевальному залу, я вышел в боковую большую диванную комнату. Тут также усмотрел многих моих знакомых, игравших на многих столах в бостон, вист и читавших газеты, и хотел было только переступить в биллиардную, как вдруг подступил ко мне проворно незнакомец, то был советник Псковской казенной палаты Крылов, сказав мне: «Милостивый государь! Давние ваши знакомцы признают в вас господина Петрова и просят не таиться от них, а пожаловать к ним на свидание, весьма приятное им всем». — «Премного счастлив я, милостивый государь, если они меня вспомнили чрез такое долгое время странствования моего в войсках, чего я совсем не чаял, ибо...» — «А вот и Анна Дмитриевна Рагозинская, пославшая меня к вам, сама идет сюда».

Старушка Рагозинская, родная сестра бывшего знатного вельможи двора Екатерины II А. Д. Ланского¹³⁹,

подошла ко мне, кинувшемуся ей навстречу, говоря: «Что ты от нас прячешься, ты думаешь, мы тебя забыли и не узнаем? Нет, ступай-ко сюда и уверься, что мы тебя помним». Я поцеловал ей руку, а она повела меня в залу танцевальную к обществу своему, в большом числе мне знакомому, с которыми я радостно поздравился и принял от них многоценные для меня ласки и приветы; она посадила меня на диван между севшими на него и на придвинутых к нему в обвод креслах. Вместе с Рагозинскою Валуевы, Таньковские, Беклешевы, Пальчиковы, Ремеры, Вихмантовы и другие составили круг, любезный душе моей. Тут Рагозинская спросила меня: «Да скажи же ты нам, наш милый явленьи, откуда тебя Господь и Пресвятая Матерь сюда к нам занесли?» Я отвечал ей, что девятым днем пути моего в Петербург поспешил к ним из-за Дуная от Рущука, из лагеря армии Каменского.

Слова «Из-за Дуная, из лагеря армии Каменского» всполошили их утлую дружину, как внезапный меткий выстрел пушки картечью колонну новобранцев, так что кресла, двинувшиеся прочь от дивана, звучно заскребыхали по полу, и Рагозинская сказала: «Ах, Господи! Да он весь, от шеи до ступней, в басурманской кровище! Ну перескажи же нам, что у вас там делалось!»

Удовлетворяя их любопытству, я представил им вкратце свежие задунайские происшествия рассказом во весь размах военной души моей, недавно крутившейся в обуревании тех яростных событий, и они ахали и вздрагивали, прижимаясь одна к другой, от высказов кровопролитных сцен театра войны, весьма нефасонистых в рукопашных боях с турками. Причем веселая старушка Рагозинская не пропустила okazji сказать мне: «Ох, пожалуйста, говори ты нам, ну, знаешь, помирнее, а то ты так страшно рассказываешь, что аль ни наши головушки чрез силу на плечах держатся; пощади же их, ведь они,— перекрестясь,— не басурманские».

В продолжение моего рассказа о делах войны за Дунаем, подступая с многими другими мужчинами к кругу нашему, слушал косвенно, но внимательно один статный высокорослый брюнэт, пожилой статский чиновник с орденами Св. Анны на шее и Владимира в петлице, и как видно было, что он в рассказе моем находил особый интерес. Я спросил шепотом: «Кто он?»— и узнал, что то их вице-губернатор и временный полный начальник губернии Псковской, статский советник Фигнер. Я еще

предложил вопрос: «Нет ли у него сына в артиллерии Задунайской армии?» Мне отвечали согласительно, и я на то сказал: «Велика Божия милость ему в том, что он имеет такого славного по разуму и неустрашимости сына¹⁴⁰; но довольно о нем, я счастлив теперь не менее его, нашед вас здоровыми и не забывшими меня, тогда как я для вас не что иное, как смиренный постоялец города Пскова в давно минувшие годы». «Ой, перестань,— сказала Рагозинская,— вот еще что зачал высчитывать! Как будто из Парижа пожаловал к нам».

Между тем кто-то пересказал слова мои Фигнеру, и он, подошед ко мне, оставшему пред ним, спросил меня: «Я слышал, милостивый государь, что вы недавно из армии Задунайской?» «Точно так, ваше превосходительство»,— отвечал я, поклонившись низко, как следовало всякому офицеру кланяться отцу наиславнейшего воина армии нашей, знаменитого партизана Фигнера, предвиденного еще и тогда всеми. «Не знали ль вы там, в артиллерии, поручика Фигнера, сына моего?»— «Александра Самуиловича, сына вашего, я знаю, и вот несколько дней тому назад, оставляя Руцукский лагерь армии графа Каменского, я был вместе с ним у инженерного поручика Мартоса, траншейного товарища его, и, пока тот писал письма в Петербург к отцу и родным, со мною лететь следующие, мы поговорили о делах войны минувшей кампании. Следовательно, о здоровье его мне приятно сообщить вам полное несомненное известие; а о блистательных отличиях службы его я хотел бы предоставить сказать вам вместо меня тем, которые за несколько минут пред этим слышали от меня про него отзывы мои, и это бы было уклонением от подозрения льстиво угодить вашему превосходительству в отраду родительского сердца, а оно само по себе было бы все то же».— «Мне уже сказали эту радостную весть; но позвольте вас спросить: здравствуют ли ваши родители?» Я произнес медленно и уныло: «Нет».— «Слышу по унылому ответу вашему, что они вам и вы им любезны были, и потому-то хочу просить у вас в память их хоть одну минуту приятной вести от вас матери знакомого вам Фигнера».— «Прошу представить меня ей, ваше превосходительство, и я почту приятным и священным долгом моим сказать благополучнейшей матери о здоровье и геройстве славного сына вашего; нет нужды, что вы обо всем знаете от него и других».— «Она вот, почти возле вас».

Я подошел к госпоже Фигнер и, по привету супруга ее порекомендовав себя ей, сел при ней и стал говорить об

отличиях ее первенца — из двоих только и бывших у нее детей живых, — особенно тех отличиях, которые показал он всей армии, бывши траншей-майором в передних параллелях формальной блокады крепости Руцук, очищая заваленные гнилыми телами людей места апрошные, и слезы материнского сердца лились по дородному и еще очень прекрасному лицу ее. Пришел во умиленное сочувствие к ней, я сказал ей: «Не истощайте себя, сударыня, слезами, но сохраните сердце ваше для веселия; ваш сын того и ждите, что притащит к вам в Псков одною рукою визиря за бороду, а другою приведет визиршу за левую ручку». Г-жа Фигнер и все зачали смеяться и спрашивать меня, так ли хороши турчанки, как о них говорят. И этот вопрос извлек из солдатской души моей панегирик псковитянкам с основанием его на красоте Ольги Псковской, прельстившей Игоря Рюриковича. После того г-н Фигнер спросил меня, долго ли я пробуду в Пскове. Я отвечал ему, что с нуждою решаюсь пробыть завтра за полдень.

«Итак, просим же, — сказала г-жа Фигнер, — обязать вас еще вам благодарностию, пожаловать завтра откусывать хлеба-соли в дому отца и матери военного товарища вашего». «Не могу, — сказал я ей, — ибо дал уже слово госпоже Рагозинской». Тогда г-н Фигнер спросил: «А если Анна Дмитриевна согласится вместе с вами у нас кушать, то примите ли вы это с вашей стороны?» Разумеется, я согласился на их желание. Госпожа Фигнер под села к старушке Рагозинской и другим моим знакомым, и все было улажено.

Квол ¹⁴¹ сон родительских сердец! И на другой день, еще в восемь часов утра, прибыла за мною к почтовой гостинице Фигнерова карета, и я, бивачный и траншейный обитатель, прискакавший на перекладных из-за Дуная в Псков, явился в гостинице г-на и г-жи Фигнеров, ожидавших меня при чайном и кофейном столе, уставленном роскошным завтраком; а к обеду — раннему, по необходимости моей — собрались туда знакомые мои, с которыми я провел время весело в приятных разговорах. После обеда тут же, простясь со всеми, я сошел в подъезд в провожании Фигнера и Крылова, сел на почтовую телегу, и тройка ретивых коней помчала меня летя в Петербург чрез Лугу и Гатчину, к милому моему брату Ивану Матвеевичу и иным петербургским приятелям моим.

Прибыв в Петербург, я нашел генерала моего, страдающего от опухоли ног, последствия дунайских лихора-

док, прерванных не раз там хиною для скорой надобности здоровья по тому военному времени службе. Ожидая его выздоровления, я был вольным казаком: ходил к вахтпараду или прямо в Зимний дворец, выписывал высочайшие приказы, приносил их и прочитывал больному моему генералу, проводил остатки дней в его семейном кругу или у генерала Сукина. В Петербурге были тогда по своим делам брат мой Николай Матвеевич и почтенные мои земляки, жители города Воронежа: Ираклий Алексеевич Левшин, Илья Семенович Молоцкой, Алексей Абрамович Селихов, Александр Петрович Титов и пресловутый сутяга и шпинь — преуморительный И. М. Докукин, с которыми мне, на досуге моем, было в полном смысле раздолье. Я, оба братья мои и незабвенный всякому в приятствиях Молоцкой бывали часто в праздничные дни у Ивана Петровича Мартоса¹⁴², которого один сын, Алексей, был моим товарищем войны задунайской, а другой служил офицером в баталионе брата моего в полку Аракчеевом. У Мартоса кроме трех сынов было пять дочерей чрезвычайной цены по всему. Он жил в Академии художеств. Там мы видали артистов¹⁴³, сослуживцев его: Шубуева¹⁴⁴, Егорова¹⁴⁵, Варнека¹⁴⁶, графа Толстого¹⁴⁷, и нам было что послушать о изящностях не одного Петербурга, а всей Европы: ибо из них каждый жил в Италии и Париже десятилетие и более для изучения художествам. Театр, маскарад и концерты тоже нас увеселяли, равно как городские и загородные пиры приятелей петербургских услаждали.

Потеряв надежду к возвращению здоровья прежнего, генерал мой вышел в начале 1811 года в отставку, а я не захотел возвращаться к службе опять в полк графа Аракчеева; но по желанию моему — чрез право, данное генеральским адъютантам, — поступил в 1-й егерский полк по обольщению себя славными аванпостными поступками полкового командира полковника Карпенкова в войне финляндской 1808 и 1809 годов, с которым служба военного времени могла удобно двинуть всякого честолюбивого офицера скорым ходом вперед по русской пословице: либо в покойники, либо в полковники, что со многими его подчиненными и со мною сбылось: ибо я в один год и 11 месяцев военного времени Отечественной и заграничной войны, по аванпостному служению с ним в общих делах со всеми соединенно в генеральных битвах, перешел за отличия из капитанов в полковники и к тому еще в то же время и за такие порывы мои под

его командою награжден пятью орденами наградами. Вот каков был полковник и потом генерал-майор тогда, в молодости, служащий ныне в генерал-лейтенантском чине по старости комендантом крепости Замосцьа.

11. Прощание мое с генералом Сукиным.— Дежурство у караула императорской квартиры.— Прислуга государя.— Обувь по онучкам

Поступя из генеральских адъютантов в 1-й егерский полк, в котором был старшим капитаном и командуя отдельным запасным баталионом, потребован я был в половине декабря 1811 года из Копыса в Петербург на экзамен, где, приняв его от Клейнмихеля¹⁴⁸, получил в феврале 1812 года майорский чин и отправление к полку своему, уже не близ Несвижа, в местечке Клецках, находившемся, а за Гродно, в Одельске¹⁴⁹, при аванпостах у границы прусской. Изготовясь к отъезду из Петербурга к полку, к делу видимой борьбы нашей со врагами, я пришел проститься, или, лучше сказать, принять надежное благословение бывшего моего шефа Елецкого мушкетерского полка и дивизионного начальника 11-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Сукина 2-го. Это было в первых числах марта и в воскресный день поутру. Родная сестра генерала, единственный друг его, старая и от малолетства глухая девица, Александра Яковлевна была тогда у обедни. Генерал сказал мне: «Отобедаем сегодня вместе, ведь ты меня, одноногого калеку, долго не будешь видеть, а пока до обеденного времени поедем покатаемся; мне это теперь особенно необходимо стало для аппетита, ибо грусть, с которою смотрю я на выступающие из Петербурга на военную кампанию войска, совсем лишила меня его. Да, любезный майор! Были и для моей военной души подобные дни, и я выступал не раз с вами вперед на брани для славы Отечества нашего, а теперь вот». Он постучал костыльною тросточкою крепко и сердито по деревянной ноге его. «Ну, поедем — карета готова».

Покатавшись часа полтора, мы возвратились в квартиру генерала, бывшую на площади Зимнего дворца, в первом доме с левой стороны большого экзерциргауза¹⁵⁰. Вышед из кареты, генерал спросил слугу, выбежавшего из дому в подъезд, чтобы поддержать его с другой стороны при всходе вверх по парадной лестнице: «Сестра возвратилась от обедни?» Слуга отвечал: «Нет еще, ваше

превосходительство». Спустя четверть часа и она, прибыв домой с родным своим племянником Семеном Филипповичем Мавриным, пошла к нам, в гостиную генеральской половины. Увидя ее, генерал спросил, крича громко: «Где вы, сестра, так долго были?» — «Мы были в Невском монастыре у обедни. Служил митрополит и сам проповедь говорил». — «А воистину чего изволила его бородушка шевелиться?» — «Разумеется, о благочестивом долге мирских людей, чтобы они уклонялись от согрешений». — «Туразил бы он родимых своих блох в широких черных мантиях своей беспрокой братии, это было бы пристойнее иных затеев, а которые из них поглаже послал бы тысячки две-три туда, куда идут воины — искупители Отечества, — эй, там бы уж выпрудили их начисто». — «Да у них, — смеясь, говорила сестра, — может, и нет их». — «Ведь ты, моя родимая, не знаешь их дел нечивошунька, так поверь мне, что блошья садом в этих мнимых амфибиях». — «Да, может, они у них не свои, а от нас же, грешных мирян, самовольно напярдали к ним врасплох». — «Как же не так, слышь, родная! — свои кровные: фивейского и афинского племени, прикочевавшего к нам чрез Царьград, погибший от них».

Я тихонько сказал генералу: «На что вы, ваше превосходительство, нападаете на божественную кротость и смирение любезной вам сестрицы вашей?» Он отвечал мне: «Не думаешь ли ты, что слова мои делают ей что-нибудь неприятное? Нет, ты это видишь и знаешь. Избави Бог, она — мой единственный откровенный друг, воспитанная вместе со мною, и потому не ханжа, как и я. Ведь она ездит в монастырь, глядя на других, от нечего делать, как девка старая, за глухотою не хотевшая идти замуж, а молится она усердно дома, и делая притом добро многим несчастным».

После обеда, уже вечером, прощаясь со мною, он обнял меня и, положив на груди моей крестное знамение, сказал: «Будь на тебе Божие и мое грешное благословение. Прости, любезный товарищ Пултусского и Прейсиш-Эйлауского сражений. Я проливаю — и буду проливать — только слезы мои, благословляя пред Богом ваши труды и мужество. Завидую судьбе каждого из вас: вы идете, как герои, еще сражаться за славу и благоденствие нашего Отечества, а я околею здесь, как горемычная баба, — на постели! В душных этих стенах для воина, искажаемый обычными причудами торговых воплей, не торжественными кликами геройства на поле победы, — прости».

За такое убедительное напутствие воинов, шедших на спасительные, **решительные*** битвы с ужасным врагом, угрожавшим цепями рабства, я пасильно поцеловал руку его, благословившую меня в новом чине моем, на брань идущего, и удалился с слезами, лившимися из очей моих; не видев его более до конца жизни его, прекратившейся в С.-Петербурге по долговременном страдании от ран, в войне полученных, июня 1837 года, в чине ген[ерала] от инфантерии, в звании генерал-адъютанта, сенатора и коменданта Петропавловской крепости, имевши все ордена русские и многие иностранных государств. Мир священикому праху твоему, добродетельный герой!

Вскоре по прибытии моем с экзамена из Петербурга в Одельск и принятии в командование мое 1-го баталиона полка, в половине мая, потребовали наш полк в Гродно на смотр государя, объезжавшего с военным министром Барклаем-де-Толли аванпостную линию обеих Западных армий, от Ковно до Волковиска. Прибыв в Гродно, полк наш занял караулы как городской, так и императорской квартиры под дежурством моим на все время.

Император прибыл в Гродно пред вечером 17 мая, а на другой день рано поутру назначен был высочайший смотр Изюмскому гусарскому генерал-майора Дорохова¹⁵¹ полку, и того же 18-го числа пополудни — нашему с 18-м егерским полком.

В ночи пред днем смотров, быв неотлучно при почетном карауле государя, я то и дело поверял посты наружной цепи ночной квартиры и внутренние до спальни императора. Пред восходом солнца я вошел белым рундом¹⁵² посмотреть уборных часовых унтер-офицеров, стоявших у дверей пред спальни государя. Там служители его величества были уже на ногах, готовы платье для одежды императора, за три часа до того после трудов многих, с военным министром и другими сановниками его бывших, заснувшего, приказав разбудить себя для смотра гусарского полка в пять часов пополудни. Все они исполнены образцового учтивства, ведомого мне еще и по службе моей в Петербурге, особенно в звании генеральского адъютанта, мигом подали в зал на столик чудесного кофею и бисквитов, говоря, «что мне надо

* Подчеркнуто автором.

подкрепить себя, потому что они, очередуясь у дверей кабинета спального государя, видели меня чрез всю ночь на службе охранения императора, пребывающего в открытом городе, в версте с небольшим от аванпостов неприятельских, которых сообщники наполняли тогда все те места». Я не удивлялся и не удивляюсь, что у государей наших пристойная их благоприятству прислуга, ибо известно мне и то еще, что однажды в Петербурге государь Александр Павлович, увидев нечаянно, что камер-лакей, зазевавшись, не успел отворить двери шедшему из гербовой к аванзалу армейскому подпоручику, бывшему во дворце для выписки приказов, велел позвать к себе гофмаршала графа Толстого¹⁵³ и при всех гневно соизволил сказать ему: «Сейчас, неожиданно, я видел здесь невежество, оказанное офицеру армии моей забывшимся дворцовым служителем. Оставляю это для первого раза без строгого наказания, но поручаю вам объявить всем прислужным штатам дворцов наших, что всякий офицер гвардии и армии равно есть член моего семейства, ибо они в самые дорогие дни жизни их оставляют по долгу своему и усердию отца, мать и весь родной круг, нередко навеки, чтобы служить со мною Отечеству, принося на жертву спокойствие и жизнь. И потому священная истина требует, чтобы я заменил им все эти утраты неразлучным с нами всегда и везде сообществом моим, как с своекровными детьми моими, любезными моему сердцу. Но это неудобно даже до невозможности, так по крайней мере пусть хоть тогда, когда случай приведет кого из них быть в жилище моем, всякий из них видит и чувствует, что он не на чужбине, а в доме своего отца, вполне его благоприятствующего. Скажите им, что впредь за всякое невежество, офицеру оказанное, я отомщу, как за оскорбление собственного дитя моего, а не то что накажу, но погублю преслушников моей воли». И с того времени особенно во дворцах государя всякому прапорщику дверь настежь, до тронной и внутренних половин дворцовых покоев, занимаемых семейством императора. Впрочем, и тронную всякому удобно видеть можно, ибо огромная створчатая дверь из кавалергардской залы никогда не затворяется, но при ней стоит офицерский караул кавалергардов.

Позавтракавши у батюшки царя своего вплотную, я обратил особенное внимание мое на обувь императора. Вижу, стоят на стуле подрейтузные его полусапожки и на них лежат онучки из льняного полотна плотного, какое употребляется на рубахи гвардейских солдат. Я спросил денщика государева: «Или наш отец не по чулкам?»

Служитель отвечал, что государь по причине сухих мозолей уже три года заменяет чулки онучками. «Сначала было нам хлопот с этими онучками,— прибавил он,— бывало, мы путаем-путаем, вертим-вертим около ступней, либо пятка светится, или палец выглядывает; но, спасибо, скоро догадались: призвали старого гвардейского солдата, который, живя при нас неделю, выучил нас всех обуваться и обувать государя по онучкам со всеми сноровками, опрятно и удобно для спокойствия ног; так что государь теперь никогда не намерен обуваться по чулкам».

Рассмотря и испытав истину удобства обуви по онучкам, я, поучась взятыми уроками у старых егерей моих, принял себе во всегдашнее средство успокоения ног, изнуренных походами и охотою с ружьем.

...И брань, коль восстает судьбою
Сын Россиянки среди бою,
Со славой должен умереть.
Но слава тех не умирает,
Кто за Отечество умрет...
С гробов их в души огонь польется...
*Державин*¹⁵⁴

12. О начале войны 1812 года.— Авангард Дорохова.— Атаман Платов.— Герой Коновницын

В достопамятные дни испытания Отечества нашего, следовавшие за тем, когда ни мирные обязательства Тильзитского договора, ни Эрфуртские¹⁵⁵, самолично государя нашего с Наполеоном конференции не отклонили войны с этим кровожадным бичом Европы и когда остервенелые, еще в годы революции, орлы безнравственного и безбожного народа французского, наряд от Рейна к берегам Вислы, окликали и влекли вереницы 20 вольных и невольных споспешников своих на кровавый пир русской земли, по обычаю древних дикарей, не знавших прав политических и ничего, кроме жажды хищения и пагубы людей. Государь император наш вынужден был поставить армии свои в оборонительное положение пред границами австрийскою и прусскою, ожидая неистового и многократно сильнее себя Наполеона, возлагая полное упование свое на Бога и усердие верноподданных своих. И наконец, когда французы перешли Неман, Александр сказал: «Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, Свободу. Я с вами. На зачинающего Бог»¹⁵⁶, обнажил меч, и война забушевала лютым пламенем.

До половины июня полк наш 1-й егерский, в котором я тогда служил майором, командуя 1-м баталионом, был в авангарде 4-го пехотного корпуса под командою ген[ерал]-майора Дорохова, занимавшего аванпосты по правому берегу Немана пред местечками Олиты¹⁵⁷, Мерець и Ораны. Там полковой командир наш полковник Карпенков, взирая на движения за левым берегом Немана многочисленного неприятеля и измеряя его опытными взорами, постигавшими всю важность предстоявшей борьбы нашей с ним, сделал письменное воззвание к обществу штаб- и обер-офицеров полка своего следующее:

*«Местечко Ораны, 13 июня 1812 года.
Полковой лозунг: Святослав.»*

Дух бодрый и сердце твердое ко брани есть основание нашей надежды и взаимной доверенности друг к другу. Враги Отечества нашего перешли Неман, в пределы России! Древние римляне никогда не хотели знать о числе своего неприятеля. Я и вам говорю только, что французы по сю сторону Ковна, что мы ждем мановения Александра, от коего воспламятся и закипят битвы бурные! Нам предстоит много новых испытаний, но мы сыны Севера, потомки сподвижников мужественного Святослава, и «срам не будет покрывать костей наших».

Чтобы подвиги наши не сокрылись по полку чрез малое время в неизвестности, подобно как предшественников наших от невнимания на то их начальников полка, то один из нас, предназначенный нами, будет описывать всю военную полковую бытность, изображая движения и военноподвиги полка и каждого порознь отличия. Ему предоставляем мы, как равному соучастнику в пожертвованиях собою с нами, написать в память тех, которые из нас лишатся жизни в боях, все то, чего они, по общему мнению, достойны были. Ежели же, чрез раны или смерть, не станет при полку сего наблюдателя, тогда пусть другой кто из вас воспримет труды его.

Суворов, Суворов! Приникни духом твоим к нам из обители небесной и благослови нас, твоих возлюбленных питомцев. Вера, надежда и любовь в сердце воинов Отечества твоего, чрез тебя навеки водворенные, потрясут ад и разженут сонмы презиранных тобою богомерзких нечестивцев. Во славу государя и Отечества нашего и в память бессмертного имени твоего ура-ура-ура!»

Подлинное подписал полковник *Моисей Карпенков.*

Авангардный начальник наш генерал-майор Дорохов, узнав чрез партию, ходившую вниз по берегу Немана, о вступлении в границы России французов, перешедших Неман выше Ковно, и быстром движении их чрез Троки¹⁵⁸ к Вильне, а приватно — о том, что граф Шувалов с нашим 4-м корпусом отступил поспешно назад из местечка Олкеник 14-го числа, не дав авангарду своему сведения об отступе! — решился 16 июня самопроизвольно снять аванпосты свои и пустился что есть духу догонять свой корпус на пути к сборному месту наших армий в Свенданы; но при всей поспешности нашей не было средств к соединению, ибо конные егеря и гренадеры корпуса Даву¹⁵⁹ успели занять теснины пред большими Солешниками, Ошмянами и Ольшанами до Сморгоней, где отступавший от Лиды 6-го корпуса арьергард графа Палена 2-го¹⁶⁰, не дождавшись нашего прибытия туда, принужден был, перейдя за правый берег Вилии, истребить переправы, как в городе Сморгонях, так и в других местах выше и ниже его бывшие.

Хотя такие обстоятельства поставили было нас на край погибели бесславной, но опытность в войнах и достаточность сведений военных нашего отрядного начальника генерал-майора Дорохова, направившего быстрое, благоразумно избранное движение отряда своего, исторгли нас из предстоявшей беды. Имея в обеих сторонах пути своего сильные партии, от двух Донских и Гусарского полка его, он шел с бригадою егерей, двумя ротами артиллерии и обозами без ночлегов, а только с краткими привалами чрез местечки Воложин, Камень и двор Межицы на Столбцы, к 2-й Западной армии, достигавшей тогда от Пинска Несвижа, или в противных обстоятельствах предполагал пробраться чрез Игумен¹⁶¹ на Борисов или Глужск и Бобруйск к Быхову, а оттуда — куда Бог приведет.

В последний опаснейший 60-верстовый переход к двору Межицам, когда открыты были туда движения с обеих сторон сильных неприятельских частей для пресечения нам пути, изнурение нижних чинов егерской нашей бригады в жаркий день до того простерлось, что несколько человек пали на пути мертвыми и у многих, по истощении всего поту, выступила под мышками кровь. Тут офицеры 1-го и 18-го егерских полков изъявили чрезвычайную любовь к своим подчиненным: они верховых своих лошадей навьючили ранцами обессилевших солдат, а сами несли на своих плечах по две патронных сумы

и по два ружья, а иные могучные — и более. Конница наша не могла сделать нам помощи, ибо она вся отстаивала напор неприятеля, стремившегося на разные пункты нашего ухода, а жители попутных селений все с имуществом их скрылись в глухие лесные ужожи. В сумерки 24 июня изнеможенная егерская бригада наша и артиллерия достигнули до двора Мешиц, где егеря наши, присоединясь к действовавшим казакам и гусарам, обошед скрытно неприятельские фланги и несколько тыл обеих сторон дороги, хватили огнем и холодным оружием спешившихся конных егерей и гренадер французских, поставивших было нам преграду, и отбросили их назад в разные стороны на полверсты, чем и открыли себе и всем тяжестям отряда свободный отступ к Несвижу без всякой утраты пленом. Хвала Дорохову — герою!¹⁶²

Присоединясь у Столбцов к армии князя Багратиона и перейдя чрез Бобруйск к Старому Быхову на Днепр¹⁶³, мы маневрировали одним нашим Егерским полком с атаманом Платовым¹⁶⁴ при его 20 казачьих — Донских, Уральских, Татарских, Калмыцких и Башкирских — полках, у 16 орудий Донской артиллерии его около Могилева, Копыса, Орши, Любавичей и Рудни до Бабинович и Поречья. По этим местам мы пропасть полей и перелогов исплутали, не имея нигде и в намеке военных дел, опричь кое-где пошлых казачьих «чу и гиков». Спасибо еще нашему атаманушке батюшке Матвею Ивановичу, что он в чрезвычайных движениях этих давал нашему полку два Башкирских полка возить: ранцы, шанцовые инструменты¹⁶⁵ и заслабелых егерей; а без того все они, не рожденные быть конями, стинули бы в отделку от беготни по извилистым тропам героев донских.

По отступе нашем от Рудни к Смоленску на позицию аванпостов, примыкавших левым флангом к правому берегу Днепра, близ д. Чубуры, 1-й егерский полк наш осмотрен был своим шефом принцем Августом Голштейн-Ольденбургским¹⁶⁶, находившимся при главной квартире 1-й Западной армии. Он был доволен сохранившимся устройством полка имени своего, выдержавшего все перетурки казачьей войны без повреждений порядка регулярной службы воинов, и приказал полковому командиру нашему полковнику Карпенкову, чтобы он после всякого значительного военного действия его полка присылал и ему реляции со списками штаб- и обер-офицеров, рекомендованных за оказанные отличия к наградам, обещаясь с своей стороны принять всевозможное и сподручное ему участие в снискании наград, им

следовавших за заслуги их. Такое обещание шефа нашего очень приятно было нам, и полковой командир наш исполнял приказание это с особенным тщанием и удовольствием во всю войну ту по удобству всегдашнего пребывания шефа нашего при главной квартире, и тем более что Карпенков сроден и привычен был только бодрствовать мастерски на аванпостах и сражаться везде усердно и неустрашимо, как бы назначенное ему дело ни было трудно. Однако это принцево обещание не было осуществлено нисколько, и наше упование на него было совершенно суетною мечтою.

Ходы войн, по моему немалому практикованию в них и внимательному чтению о них, не были для меня арабскою грамоткою; но за всем тем я остаюсь и поныне в горестном недоумении: за что все почти отечественные бытописатели военных происшествий 12-го года упрекают и обвиняют знаменитого полководца нашего Баркляя-де-Толли в том, что он не сделал генеральной атаки наполеоновой армии, стоявшей **умышленно** * в растянутом положении при Любавичах, Рудне и Лиозне? Посмотрите, ради Божией правды, на карте те места — я по ним бродил с Платовым вдоль и поперек, а поблизости их, в Копысе, квартировал в 1811 году с командуемым мною, еще в капитанском чине, запасным баталионом полка нашего. Что же можно было надеяться от того нападения нашего на французскую, сильнейшую вдвое нас армию, предводимую Наполеоном, кроме того, что центральные его корпуса по малом сопротивлении отступали бы от Рудни на Бабиновичи и даже за Сенно, а в то же время от флангов их бывшие части усилили бы Даву в Орше и Богарне в Поречье, которые могли стремительно двинуться на Смоленск и, соединившись там в тыле нашем, составить армию, превосходящую наши общие силы, с которою сам Наполеон, перебравшись туда со штабом своим, напал бы на тыл наш, а отступавший к Сенно — с лица. И тогда последовало бы уничтожение всех надежд спасения Отечества нашего и всей Европы. Это благоразумное уклонение его от атаки и пагубных сетей, расставленных Наполеоном нашим спорившим полководцам, приобрело большой добавок к правам его на монумент, поставленный благодарною Россией Баркляю-де-Толлию.

Когда соединенные армии наши оставили залитый кровью и объятый пламенем пожара Смоленск, взяв из

* Подчеркнуто автором.

него, к утешению страдавших от скорби душ, образ Смоленской Присно-Девы, выхваченный из огня, объявшего уже город, генералом графом Кутайсовым с артиллеристами батареей роты полковника Глухова¹⁶⁷, отступали через Соловьевскую переправу Днепра к Дорогобужу и далее, то тут, кажется, для того, чтобы ввести Наполеона в решительность идти прямо на Москву и завоевать Россию покорением ее в одну кампанию, как он завоевал другие державы европейские и Египет, поручен был арьергард нашей армии атаману Платову, который, давая ежедневно безрасчетные сражения, отступал до села Семлева¹⁶⁸, пред которым новый главнокомандующий Кутузов без всякой церемонии сменил его умным, образованным героем генерал-лейтенантом Коновницыным¹⁶⁹, колонившим французов на каждом удобном месте способами военного любомудрия, достойными изучения нашего ремесла людьми; особливо памятные всем необыкновенную важность оказавшие удары его при деревне Грядневой и за ней до самого Колоцкого монастыря¹⁷⁰, близкого Бородинской позиции. Он побил французов чрез находчивость свою при обороне каждого места, а своих воинов утратил малость. Да, «дело мастера боится»,—говаривал нам родимый Суворов, и эти слова непосредственно принадлежат памяти достоинств смелого, благоразумного героя—генерала Петра Петровича Коновницына.

13. О Бородинском сражении, от 24 по 27 августа 1812 года

Генерал-лейтенант Коновницын, с раннего утра 24 августа, отражая наступавшего на него большими силами короля неаполитанского Мюрата¹⁷¹, отступал с арьергардом своим от Колоцкого монастыря к селу Бородину, при котором, разделясь, войска его пошли частями на разные пункты генеральной нашей позиции, взятой князем Кутузовым-Смоленским, дабы занять каждому полку свое место в дивизиях, состоявших в общем порядке исполинской генеральной баталии. Наш 1-й егерский полк, выдержавший все отступные сражения арьергарда, бывшие после переправы чрез Днепр у д. Соловьевой до речки Колочи, пошел влево, на правый фланг своей Первой армии, и примкнул там к отряду принца Евгения Виртембергского¹⁷².

В четвертом часу пополудни французская армия приблизилась к генеральной нашей позиции. Тут Наполеон, как будто желая присвоить себе девиз Юлия Цесаря, «пошел», не медля нисколько, на наш выставный редут, у села Шевардина устроенный, и овладел было им; но он, переходя из власти во власть, при последнем, третьем разе, уже в сумерки, отнятый князем Багратионом, остался за нами, пока его, по собственным расчетам нашим, не покинули около полуночи уже. Во время обороны Шевардинского редута кавалерия наша, содействуя ударам пехотных колонн своих, взяла семь орудий французских, чем и кончилось подражание Наполеона Юлию Цесарю.

25 августа

Армии обеих сторон оставались на своих местах без военных действий. В продолжение всего этого дня происходили движения войск к перемещению частей, предъявлявшие ужасные предприятия полководцев, стоявших лицом к лицу с огромными полчищами их, чреватými давно губительною жаждою боя. К вечеру известно и видимо всем стало, по открытости и покатоности места от Колоцкого монастыря к Бородину, что наполеонова армия соединилась многочисленностию дивизий 20 языков за селом Бородиным, по обе стороны почтовой дороги и речки Колочи. Но русские воины смотрели на все громадные содомы вражеские с непоколебимым духом. Вера, Надежда и Любовь, великим Суворовым в сердца их водворенные, сделали души наши готовыми на всякое пожертвование ко спасению Отечества.

Расположение двух наших армий, соединенных в один ордер баталии генеральной, простиралось: 1-й — от предутья правой стороны речки Колочи, впадающей там в Москву-реку, противу села Нового, вверху по правому берегу до почтовой дороги, оканчивая левый фланг свой у д. Горки; 2-й — от д. Горки к д. Семеновской, с поворотом от Раевского батареи или большого люнета влево — назад — вверх по правой стороне обрывистого логовища Семеновского ручья до д. Утицы, что на Старой Смоленской дороге. Императорская гвардия была в резерве за центром всей позиции, а кирасирские бригады — за левым флангом 2-й армии. Резервная артиллерия в числе 180 орудий стояла у с. Псарева.

Командовавший всеми войсками — светлейший князь Кутузов-Смоленский, питомец Суворова, с пресловутым

помощником его Беннигсеном, начальником штаба Ермоловым, генерал-квартирмейстером Толлем¹⁷³, начальником всей артиллерии Кутайсовым, командирами армий: 1-й — Барклаем-де-Толлием, 2-й — князем Багратионом, начальниками корпусов: 2-го — Багговутом, 3-го — Тучковым, 4-го — Остерманом-Толстым, 5-го — Лавровым, 6-го — Дохтуровым, 7-го — Раевским и 8-го — Бороздиным 1-м¹⁷⁴. Через весь тот день трудясь во усовершенствовании военных приготовлений к генеральному сражению, приводили все войско во уверенность и полную надежду дать отпор врагам своим. И тогда же немалое число духовенства полков, присоединившихся к нам из Смоленска и иных мест, носили образ Смоленской Присно-Девы, Матери Спасителя нашего, по всем линиям войск, готовившихся с сердечной теплою молитвою пред ней Богу спасти жизнь Отечество в предстоящем, давно желанном общем сражении.

26 августа

Громы артиллерийских орудий, потрясавших землю, и пламень, изрыгаемый ими, волновавшийся под небесами, были предшественниками солнца, восходившего над горизонтом в страшный день Бородинской битвы. С рассветом дня маршал Даву, грянув из 120 орудий артиллерии залпом, повел пехотные колонны свои в штурмовую атаку нашей укрепленной позиции пред д. Семеновскою, а вице-король Италианский¹⁷⁵ сделал решительный удар корпусом своим на село Бородино, чтобы чрез его ворваться в центр соединения наших армий по почтовой дороге, отнявши мосты на речке Колоче, в самом селе Бородине находившиеся, обороняемые засадами в домах селения лейб-егерским полком, под командою неустрашимого полковника Бистрома 1-го¹⁷⁶ бывшим.

Беспрерывным действием обеих сторон ярившейся многочисленной артиллерии произведен был оглушительный рев и сутолпные развалы клубов дыма, заглушавшие и затмевавшие ружейный огонь, треск и всю аларму рукопашных терзаний — и в вид и в звук. Ядра, гранаты, брандскугели¹⁷⁷ и картечи, бушующая в воздухе с злобным шипением и завыванием и бороздя землю лютыми припадами к ней, скача вперед, терзали все встречное и поперечное — даже в линиях колонн первых резервов.

В восьмом часу утра неприятельская инфантерия Итальянского корпуса, усиленная новыми подкреплениями,

напала решительно на с. Бородино, где державшийся до того успешно лейб-егерский полк наконец принужден был уступить селение, а потом и мосты неистребленные, перепустя по ним неприятеля на правый берег Колочи, в центр генеральной позиции наших армий. Чтобы сбить перешедшего вслед за лейб-егерским полком на правый берег Колочи неприятеля и овладеть снова мостами и с. Бородиным, помощник князя Смоленского генерал от кавалерии барон Беннигсен потребовал наш 1-й егерский полк, виданный им славным в битвах войны 1806 и 1807 годов, дав лично¹⁷⁸ приказание полковнику Карпенкову, чтобы он, сменив лейб-егерей своим полком, атаковал перешедшего из села Бородина на правый берег Колочи неприятеля и, переброся его обратно за речку, прогнал за с. Бородино.

Полковой командир наш немедленно двинулся с полком своим к предназначенному пункту атаки и стал близ его, за закрывный узкопродолговатый — со стороны ручья Стонца — бугорок, чтобы высмотреть вместе с батальонными своими командирами, мною и другим майором, Сибирцевым¹⁷⁹, положение перешедшего по мостам неприятеля. Исполняя это внимательно, он согласил полковника Бистрома 1-го, чтобы по точному назначению Беннигсена «собрал он в колонну командуемый им лейб-егерский полк и удалился в резерв, очистив боевую линию предместья на ответственность исполнения 1-му егерскому полку одному...»¹⁸⁰. На что он, полковник Бистром, согласился и по крайней своей необходимости, ибо лейб-егерский полк его, действуя с утренней зари против многочисленного неприятеля, возобновлявшего многократно отбитые нападения усиленными атаками, был совершенно истощен понесенною потерей большого числа нижних чинов и особенно офицеров¹⁸¹.

Когда лейб-егерский полк, собравшийся по сигналу в колонну, пошел от предместья Колочи назад, в 5-й свой корпус, тогда полковник Карпенков выстроил из колонны моего 1-го батальона фронт, а 3-й, майора Сибирцева, придвинул к нему в колонне к атаке из середины — на расстоянии 15 шагов от задней шеренги моего. Бугор, или, лучше назвать его, узкий продолговатый гребень поля, выдавшийся влево от почтовой дороги к впадению ручья Стонца, предлежит вершиною своею почти на расстоянии пистолетного выстрела от правой оконечности высокого моста и ружейного — от нижнего плавучего, пред которыми стояли впало перешедшие неприятель-

ские отряды. Полковник Карпенков с баталионом моим, имевшим ружье наперевес, быстро взбежав на бугорок, дал меткий залп всем фрунтом по неприятелю, и, когда дым выстрела еще клубился пред лицом неприятеля и люди их, пораженные и озадаченные залпом баталиона моего, были в смятении, егеря наши, опрометью бросившиеся за пулями вслед на неприятеля, ударили в штыки. А как гвардейцы, хотевшие истребить за собою мосты, успели на верхнем, высоком, на сваях стоящем мосту снять около десяти мостовин на середине его, то к этой прорехе и крутизне берега тинистой речки притиснули мы французов, и как в то же время 3-й баталион наш майора Сибирцева, повернутый вполоборота направо, бросился из-за моего на нижний, плавучий мост, находившийся возле высокого в 40 шагах, и также по залпе переднего дивизиона ударил трехгранным, то мы и истребили все отряды неприятельские с их генералом, штаб- и обер-офицерами и, перешед на левый берег Колочи в с. Бородино, потурили соединенно всем полком из него неприятеля. К окончанию этого удачного натиска нашего прискакав по мостам, отнятым нами у неприятеля, начальник главного штаба генерал Ермолов с капитаном Сеславиным¹⁸² приказал оставить село Бородино, до половины занятое, и, отозвав из него полк на правый берег Колочи, истребить оба моста дотла. Во исполнение этого приказа полковник Карпенков, созвав полк свой, перевел на правую сторону речки и поручил мне поспешить истреблением мостов, что надлежало исполнять под сильным близким огнем неприятеля, стрелявшего по нас из восьми орудий с бугров селения и ружей от крайних домов и огорожей. Но все это успешно было мною исполнено чрез особенное соревнование к чести моих офицеров — штабс-капитана Юшковича, поручика Коневцова, подпоручиков Сиверских 1-го и 2-го, смертельно там израненных, и прапорщиков Готовцева, Атаманского и Кабеки¹⁸³, бывших со мною для примера и ободрения подчиненных по груди в воде тинистой речки, при глазах нашего русского Роланда А. П. Ермолова, стоявшего на окраине берега над нами под убийственными выстрелами неприятеля и одобрявшего наше превозможение всего, и того, когда мы шпагами и тесаками рубили веревчатые и форостяные прикрепы плавучего моста.

Разломавши плавучий и сожегши надводный свайный мосты чрез способствие бывшего с нами там неразлучно в штычном поражении французов конноартиллерийского

полковника Никитина¹⁸⁴, освобожденного на предместии по указанию моему егерями моими из-под убитой под ним наповал в голову картечью лошади его верховой, приславшего нам каюшера своего с брандскугелями и фитилем, полковник Карпенков отвел полк свой опять за предместный горбылек, оставя в ложементе¹⁸⁵ предместия правой стороны роту егерей с капитаном Зубко, который и продолжал перестреливаться с французами до самого отемнения дня, не допуская их приближаться из улиц с. Бородина к берегу Колочи, где, исправя расчет фрунта и пополня сумы натронами, пошел немедля на правую сторону ручья Стонца противу показавшихся покушений неприятеля перейти при впадении его в Колочу на наш берег, в тыл большого люнета, каковых четыре повторения были отбиты нашим полком, панесшим большие уроны в отрядах неприятеля при каждом разе.

В продолжение остатка этого сокрушительного дня, упоившего нивы и овраги бородинских окрестностей вдо-сыть кровьюми и покрывшего плотным слоем растерзанных тел и разробленных костей, принятых недром той земли, наш 1-й егерский полк, занимая пред армией место при впадении ручья Стонца в Колочу, действовал отдельными частями к удержанию за собою правого берега этой речки, имеющей удобные переброды, причем наши славные стрелковые распорядители поручик Коневцов и прапорщик Атаманский оказали знатные отличия, а всеми остатными силами два раза, вместе с данным в бригаду полковнику Карпенкову Либауским мушкетерским полком, отвечали на генеральные напоры неприятеля, штурмовавшего Раевского батарею.

Когда артиллерийская батарейная рота полковника Гулевича, занимавшая место боевое с нами за левым берегом ручья Стонца, потеряв бо́льшую половину лю-дей, остановила свое действие и хотела отойти назад на правый берег ручья к почтовой дороге, то полковник Карпенков послал меня с двумя офицерами и 40 нижними чинами, выученными до войны еще в Слониме в дивизионной квартире на подобный случай артиллерийскому делу, которыми я, пополнив число чинов батареи, дал средство продолжать огонь ее, находясь сам при ней до востребования меня Карпенковым для представшей край-ней надобности произвести ему всею его бригадою атаку на неприятеля, овладевшего важным местом левее нас...¹⁸⁶

Во время действия этого дня, после отбития и истреб-ления мостов, пред вечером, главнокомандующий 1-ю

армиею Барклай-де-Толли прислал в полк наш в два раза 38 крестов серебряных ордена Св. Георгия для паграды таявших в боевом огне отличных егерей, сопроводив первую присылку карандашною запискою собственной его руки, изъявлявшую полную его благодарность полку. В сумерки он, призвав к себе полковника Карпенкова, повторил ему лично признательность за все порывы его на отличия с полком и бригадою противу всего встретившегося ему в тот день; а мне за мое усердие, известное ему от Ермолова и Сеславина, объявил, что я за истребление мостов буду по статусу награжден орденом Св. Георгия 4-го класса, который и был мне наградой за отличия при Бородине.

С наступлением ночи угаснул пыл Бородинской битвы, кровопролития прекратились; ружейные выстрелы кое-где изредка во мраке ночном мелькали; нет-нет, иногда орудия артиллерийские, как бы отфыркивая свое дневное утомление, покрывали поле сражения гулом свирепых вздохов своих. Лишь стоны умиравших от язв длились между грядями убитых, покрывавших все поле и наполнявших овраги. Они были нам будто прощальными приветами священных теней разлучившихся с нами храбрых наших товарищей, падших там со славою, защищая свое Отечество. Мир вашему праху, благословенные сыны России! И вечная память потомства, которому огонь Бородинского сражения будет неугасимо поднебесною лампадою светить над вами, призывая к поклонению вам, спасители Отечества*.

Когда сражение заумолкло, то полковник Карпенков, я и другие офицеры многие, метавшиеся с ним во весь день от одного места к другому для восстановления успешного боя, повалились на землю в изнеможении и отошталости. Через пять минут этого полумертвого лежания наш храбрый и расторопнейший капитан Токарев¹⁸⁷, занявший место раненого баталионного командира майора Сибирцева, встал и попросил у полковника позволения отлучиться на 10 минут к батарее, стоявшей за нами вблизи. Полковник позволил. Токарев сел на верховую лошадь и поскакал быстро. Через несколько

* Подчеркнуто автором.

минут он возвратился в торжественном виде: держа в руках узелок. Соскоча с лошади пред нас, он развернул узелок на земле пред Карпенковым и мною. В нем было по тому случаю неоценное сокровище: пять или шесть сухарей и две селедки — простые.

«Ах, капитан,— сказал полковник,— это ваше попечение о боевых своих товарищах и тогда, как вы сами смертельно изнурены, обязывает нас на вечную благодарность вам. Да где же вы это сокровище достали?» — «У артиллеристов. Я сказал им: «Господа! Снабдите чем-нибудь съестным двух штаб-офицеров 1-го егерского полка, оставшихся от сражения изнуренными до смертельного изнеможения, которые и теперь еще на своем месте — впереди всей армии». И вот они дали почти все, что у них было съестного, и еще»,— сказал он, вынимая из грудного кармана фляжку сивухи мерою чарки в четыре. Возблагодаря пречувствительно славного нашего боевого товарища капитана Константина Алексеевича Токарева, мы с Карпенковым, выпив по чарке сивушки, вкусили его священное предложение на побережьях речки Колочи и ручья Стонца, как евхаристию Иисуса Христа, на вечную нашу о ней память до жизни той — за гробом. В 1839 году от 6 ноября генерал Карпенков в письме его мне из Москвы, говоря о Бородинской годовщине и самом событии этом 1812 года, сказал, между прочим, и о вечерней трапезе нашей там следующее: «...а что мы под Бородиным, после кровопролитного побоища, ели сухарик и пили сивуху, а десертом служила селедка, то правда; не подкрепи сил наших Токарев — заживо ложись в землю...» Это письмо хранится у меня вместе с подобными ему товарищескими письмами, драгоценными для души моей до последнего часа жизни.

В продолжение ночи на 27 августа посланные от нашего полку патрули с часа за час открывали передовые посты французские отступавшими назад далее и далее, и, наконец, пред самую уже полуночию дозорный офицер, возвратясь из обхода, рапортовал полковому командиру, что им не открыт неприятель в промежутках Раевского батареи от ручья Стонца и направо до речки Колочи. Чтобы иметь большее сведение и догадку об обстоятельствах дрогнувшего от отпора нашего неприятеля, приказано было одному унтер-офицеру с 10 егерями, сбросив

сапоги, перебрести Колочу и узнать, занимают ли французы с. Бородино. Через час патруль возвратился и донес, что в с. Бородине нет неприятеля, а за селом, на бугре у правой стороны р. Войны, заметна их конная густая цепь. Полковой командир наш, сообразя все открытия, как опытный штаб-офицер аванпостной службы многих разных войн, представил о том чрез адъютанта полкового командующему первою армиею Барклаю-де-Толлию, а между тем, предполагая с началом будущего дня получить непременно приказание о наступательном действии, велел ротным старшим пополнить число патронов в суммах егерей. После чего позволено было людям, составя ружья в козлы, прилечь на отдых, и они приклонились к земле и предались покойному сну на крутом бережку Колочи, ниже мостов, отбитых и истребленных ими, не в дальнем расстоянии, вправо за нами, своей главной надбережной окопной батареей. И Господня рука благословила сон неустрашимых сынов брани на кровавом поле битвы Бородинской!

В пятом часу пополуночи 27 августа мы отрядили команду рабочих и натаскали с биваков лесу к берегу Колочи, туда, где был плавучий мост, чтобы не замедлить построением переправы в с. Бородино, и ждали с нетерпением: вот-вот последует приказ нам, сняв аванпосты, идти к Можайску вслед армии, отступавшей к Москве, а казакам, не подаваясь вперед, наблюдать неприятеля, бывшего только одними конными пикетами на позиции, какую он имел 25 августа. Мы исполнили это прискорбное приказание, данное нам Барклаем-де-Толлием чрез присланного им адъютанта его полковника Закревского¹⁸⁸, не видя ни одной живой души неприятельской. Но впоследствии, пред Красною Пахрою, прощаясь с полками армии своей, знаменитый полководец, наш военный министр¹⁸⁹ изъяснил нам эту тайну спасительного маневра своего от границы прусской до Царева-Займища, где, переданная им князю Смоленскому, она, как видно, согласна была с такою же волею государя императора, порученною Кутузову в исполнение, которая повергнула все полчища врагов России в уничтожение и спасла многие народы Европы от порабощения.

Многие писатели считают большою ошибкою Наполеона при Бородине, что он не принял совет маршала Даву: сделать главными силами нападение на русскую

армию от д. Утицы, в левый фланг паш. Но это неосновательно, ибо Наполеон давно знал Кутузова лукавым полководцем, а известен был чрез шпионов, что москвитян и поселян обапольных мест, вооруженных чем попало, собранных в куны воззваниями графа Ростопчина, было, как для ободрения народа пущали слухи, более 100 000 собравшихся пред Можайск и Борисов¹⁹⁰. При таких сведениях не лишне было подумать Наполеону, что если он, оставя пред Колочею один корпус, проберется ночью со всеми прочими войсками на Старую Смоленскую дорогу, к корпусу Понятовского, и выстроит линию генеральной атаки своей от верховья Семеновского ручья вправо, к с. Псареву, до истока ручья Стонца, и с этой линии атакует нас в левый фланг, то эта сотня тысяч, фантастическая, бородатых отчаянных силачей плотными массами, в соединении Донского корпуса и других конных бригад с конною артиллериею, навалится на тыл его от сторон Можайска и Борисова, в то время когда Кутузов, умевший и имевший способы узнавать загодя, переменя дирекцию свою, немедля придет в наступательное движение и действие, пославши в обход правого его фланга всю легкую кавалерию. Пред тылом же и фронтом Наполеона предлежали бы гладкие места, не удобные к задержанию колонн войска и масс милиции русских; стало быть, и нельзя ему было воспрепятствовать дружному нападению нашему с лица и тыла его в одно время. Для этого-то самого, кажется, думал Наполеон, Кутузов и отошел, по своей «лисиной» стратегии, от Царева-Займища к Бородину, с позиции, гораздо крепчайшей, но не имевшей подобной западни, могшей при действительнейших успехах воззваний Ростопчина поставить французов в гибельное положение, не отдавая родимой старушки-Москвы напрокат. На острове Святой Елены Наполеон говорил, будто он отвергнул совет Даву для того, что опасался отступя нашего с Бородинской позиции. Это неправдоподобно или сбивчиво с истины. Ибо Наполеону известно было, что лучшей позиции, и даже никакой, для генерального боя русских не было на расстоянии от Бородина до Москвы. Под стенами же самой Москвы есть место только для гибельного разброду армии, хотя бы она вдвое сильнее была, ибо мощные части должно бы было обводить во время бою по улицам предместья московского по причине оврагов и прудов, поперечащих нашу боевую линию, которую мы 1 сентября заняли было прежде военного совета

в д. Филях. А помощь граждан вооруженных — мечта пустая, подтвердившаяся событием при покорении нами Парижа, где говорили нам, будто 300 000 граждан вооруженных, а на поверке вышло: всего ничего.

В полдень 27 августа полк наш, поступая опять в арьергард под команду Платова, отошел от Бородина в Можайск, стал на позицию арьергарда, выставя свою линию аванпостных егерских притинов¹⁹¹ по окраине слободы южного конца городка, чрез которую идет почтовая Смоленская на Москву дорога. Тут Карпенков мне сказал: «Вы вчера были не таковы. Я понимаю вас. Скачите скорей в главную нашу армию и успокойте свою душу; а если исполнилась воля Божия, то не забудьте Отечество и остатних военных товарищей ваших, обязанных спасти его». Проскакав за Можайск три версты и две передних линии армии своей в 3-й резервный, я, увидев образ Смоленской Присно-Девы Марии, сошел с боевого коня моего. При образе стояли два гвардейских гренадера на часах от офицерского караула главнокомандующего. Усердно да усердно я молился пред ним. Сел на лошадь — и вдруг увидел гренадер, несущих в манерках воду; по шифрам на эполетах их видно было, что они Аракчеева полку. Я перекрестился и спросил их: «Гренадеры! Жив ли ваш майор Петров?» — «Жив, ваше высокоблагородие». — «А полковник Княжнин¹⁹²?» — «Жив и он». — «Где бивак вашего полка?» — «Вон на том бугорке». Что есть духу понес меня конь туда, и я увидел любезных мне: брата и Бориса Яковлевича Княжнина. Пожалел о большой потере их полка и, попивши с ними чайку, поскакал гораздо шибче того, как к ним, обратно в арьергард. Карпенков, увидя меня, по лицу моему догадался, что брат мой жив остался от Бородинского побоища, и вскрикнул: «Слава Богу, вы благополучно возвратились».

14. О отступлении армии нашей за Москву.— Обход наш во фланг неприятелю

По окончании достопамятного военного совета, бывшего в главной квартире армии нашей ввечеру 1 сентября у стен Москвы, в д. Филях, пред рассветом

последовавшего дня все корпуса прошли чрез Москву, от Даргомиловской на Коломенскую заставу. Наш 1-й егерский полк, составляя задний отряд ариергарда Милорадовича, имея за собою несколько сотен казаков, отступал последним пред неприятельскими волтижирами¹⁹³, мимо Кремля, направо по набережной площади, обойдя Воспитательный дом.

Смятение москвитян было трогательно даже твердым душам воинов, испытавших ужасное Бородинское побоище пред тем за шесть дней. Сердца наши замирали от горести при виде злополучия обитателей древней столицы Отечества нашего. Один Бог всемилостивый, тайно и неисповедимо предвещавший душам нашим благодать свою, был невидимым утешителем и подкрепителем скорби, сохранившим полки русские от всеконечного расторжения чрез благодатную покорность солдат офицерам их и в ту язвенную годину преткновений, когда померкал луч всякой надежды в душах наших.

Да, други мои! Я видел, как Москва пылала и сокрушалась лютым роком войны! Видел счастливых чрез два века граждан ее, с воплем бродивших по стогнам объятаго врагами и пламенем города своего и бежавших куда зря во отчуждение от любезных им жилищ своих. Тут старцы, согбенные бременем лет и болезнями, едва живые брели, спотыкаясь, упрекая смерть и проклиная жребий свой, доведший их последние дни жизни до позорного бедствия Отечества. Там родители, обремененные ношами своего порождения и самого нужного имущества, подавляемые изнурением и гонимые страхом, ускоряли уход от ужасных врагов своих, падая шаг за шагом. А когда перешли мы Москву и выступили за Коломенскую заставу, то увидели по обсем сторонам почтовой дороги толпы воющих скитальцев, сидевших при огоньках в отчаянии и бродивших наобум, не имея ничего к отраде своей, кроме собственного вопля пред Господом. Тяжело мне и теперь еще вспомнить и досказать вам. Я видел несчастных младенцев, в скоропостижной общей беде родителями утраченных, на пути раздавленных скакавшими на уход колесницами. Во всем этом я видел впоследствии, о Боже! какую горькою чредою Ты, непостижимый, исполняя миллионы бедственных жребиев, ниспосылаешь избавления и благодать Твою царям и царствам земным, заливая кровию и слезами перуны войн пагубных.

Когда ариергард наш, пробираясь скрытными стезями от Боровского моста Москвы-реки с Рязанской на

Калужскую дорогу вслед всей армии своей, стал 4 сентября на ночлег без бивачных огней, как и вся армия наша, на правом высоком берегу этой реки около с. Никитского, то с горного стана нашего видны были огромные гряды взмахов пресыщенного пламени, метавшегося в облака с одоленных им зданий Москвы, где несколько сот церквей и до 8 тыс. домов сделались жертвою ему чрез алчность завоевателей, утративших понятие о истинной геройской славе, которой предки их изучались от великих Отечества своего полководцев Конде и Тюрены¹⁹⁴, помраченных теперь потомками их чрез школу якубинства.

Тем временем, когда вся армия наша пробиралась от Боровского моста к городку Подольску и Красной Пахре, на Рязанской дороге пред французским авангардом оставался один Донской полк, отступавший по Коломенскому тракту в таком порядке, как следовало прикрывать арьергард большой армии ретировавшейся. Король Неаполитанский Мюрат, турая за этим казацким полком, оказал весь свой мишурный гений, подобный его театральному наряду. Наконец, 5 сентября и тех потерял из виду, ибо они рассеянно отлетели в сторону своей армии к Серпуховской и Калужской дорогам, оставя Рязанскую чистою; так что после такого достославного преследования армии русской, состоявшей из нескольких сотен казаков под предводительством войска Донского полковника Ефремова¹⁹⁵, он, Иоахим Мюрат, медлил полторы сутки, не зная, куда девалась наша армия и что о ней рапортовать великому Завоевателю и полному властителю опустелого Кремля и пылавших домов всей Москвы, шурину своему, Наполеону.

15. О Тарутинском военном стане армии нашей

Совершая беспрепятственно стратегическое предначертание тайным обходом правого фланга французов, предводимых Наполеоном, ввалившимся в дымно-угарную атмосферу Москвы, армия наша стала сперва на общую позицию у Красной Пахры. Тут главнокомандующий первую армию знаменитый полководец наш Барклай-де-Толли, по сокрушенному здоровью его, испрося от князя Смоленского позволения удалиться от армии в деревню свою, в окрестности Дерпта, 7 сентября простился лично со всеми полками армии своей¹⁹⁶.

Приезжая пред колонну бригады, он вызвал штаб-, обер- и ун[тер]-офицеров вперед, благодарил их за исполнение всех обязанностей и боевую неустранимость, заключая следующими достопамятными словами:

«Мы никогда не теряли надежды побеждать врагов своих и побеждали их везде. Но такого хитрого и многократно нас сильнейшего врага не одна победа, а совершенное истребление было у нас в предмете. Теперь французы, обольщенные отданною им Москвою, поставлены на такой пункт, с которого они должны со стыдом и утратою всего бежать, спасая только себя, или на месте погибнуть. Я знаю и уверяю вас при разлуке моей с вами, что в мире им государем нашим будет отказано и вечная война с Наполеоном подтверждена».

Вот так простился с нами знаменитый полководец Отечественной войны 1812 года; тот, который при всех злых стеснениях могущества своего, преодолевши все лютые встречи, исполнил необходимости той войны. Его неукоснительное движение от Дризы¹⁹⁷ вверх по Двине, виды боя, показанного им принять у Витебска¹⁹⁸, и, наконец, всего этого важнее уклонение его вопреки мнению и настойчивости многих от атаки Наполеоновых войск, **умышленно** * растянуто расположенных около Любавичей, Рудни и Лиозны, будут и в грядущие времена возносить хвалы от умных созерцателей военного искусства. Ежели бы кто помыслил осуждать его растянутое расположение обеих Западных армий наших пред началом войны 1812 года от Кейдан¹⁹⁹ до Пинска, тому не должно упущать из виду следующей истины: где сами монархи составляют и исполняют планы наступательных войн, там трудно их отгадывать противникам. Суворов сказал Тугуту²⁰⁰: «Государь мой дал мне план, вот посмотрите, какой он славный» — и показал бланкет, имеющий подпись: «Павел I». И потому план завоевания России таился в душе Наполеона и, может быть, любимцев его: Бертье²⁰¹ и еще двух-трех доверенных особ его штаба. Это завоевание виделось тогда по трем планам: первому — влево чрез Петербург или Тверь, второму — чрез Киев, Малороссию, мимо Донской области на Брянск, Тулу и Москву, а третьему — чрез Смоленск прямо на Москву. По таким причинам и были растянуты армии наши. Занятие французами Смоленска и Дорогобужа не открывало еще

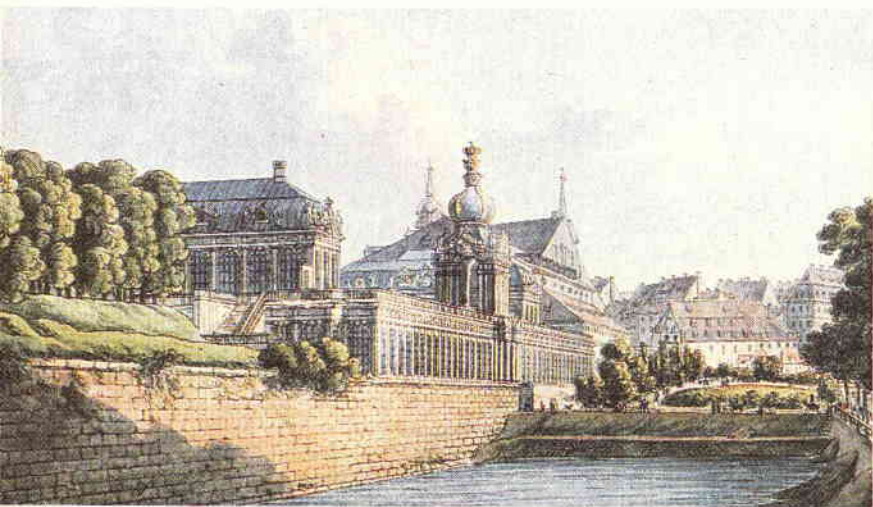
* Подчеркнуто автором.

А. И. Остерман-Толстой.
Гравюра Ф. Вендрамини по рис.
Ф. Ферьера. 1814 г.

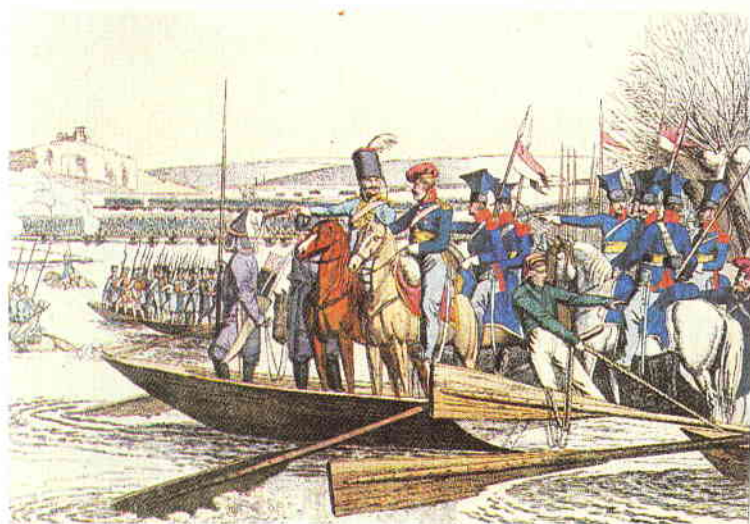
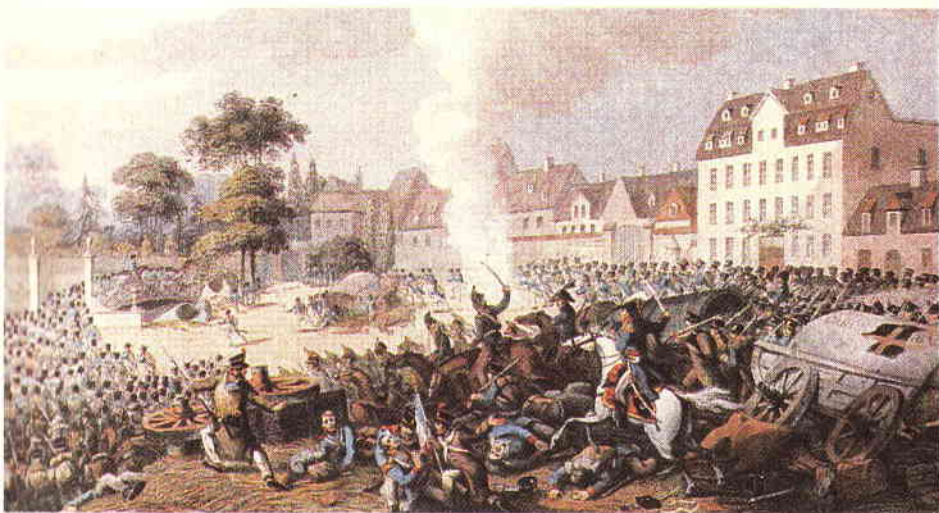
Бауценское сражение
20 мая 1813 г.
Раскр. грав. неизв. худ.
1-й пол. XIX в.

Дрезден. Цвингер.
Раскр. грав. нач. XIX в.

Богемия. Юнгбунцлау.
Раскр. грав. К. Постля по ориг.
Л. Янша нач. XIX в.

Преследование французов
в Лейпциге 19 октября 1813 г.
Раскр. грав. неизв. худ.
1816 г.

Переправа объединенных войск
союзников через р. Рейн.

Раскр. грав. неизв. худ.
1-я пол. XIX в.

А. П. Ермолов.
Грав. А. Ухтомского по ориг.
А. Машкова. 1820-е гг.

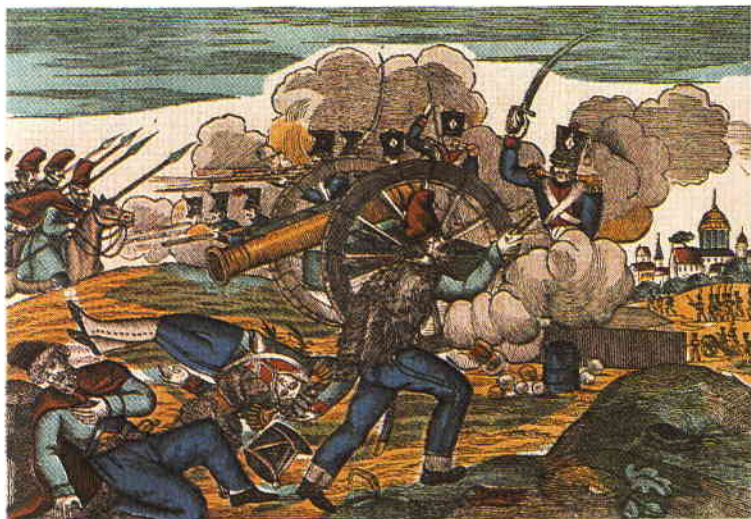

Г. А. Эмануэль.
Литогр. И. А. Клыквина
по ориг. Д. Доу. 1848 г.

Г. Л. Блюхер.
Раскр. грав. Леграна. 1-я пол.
XIX в.

Оборона Парижа.
Французский лубок. 1-я четв.
XIX в.

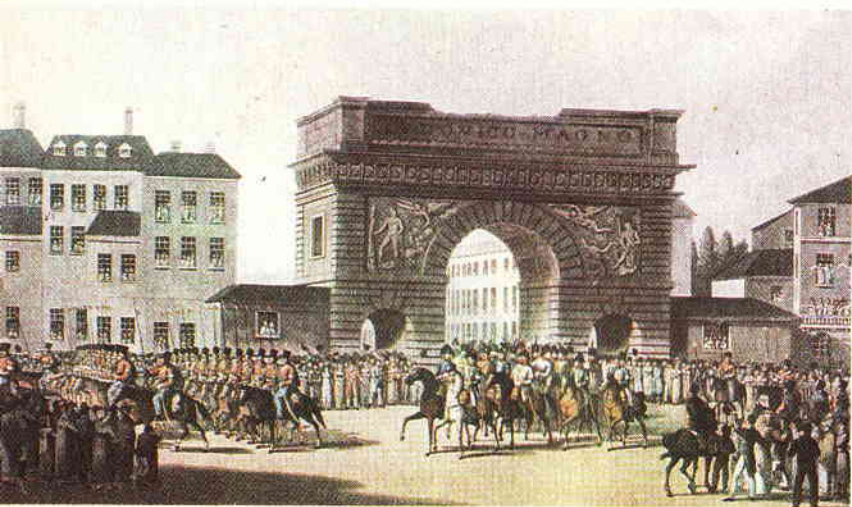
Сражение перед стенами Парижа
18 марта 1814 г.
Грав. неизв. худ. 1-я четв.
XIX в.

Капитуляция Парижа 31 марта

1814 г.

Раскр. грав. неизв. худ.

1-я четв. XIX в.

Торжественное вступление союзников в Париж 31 марта 1814 г.

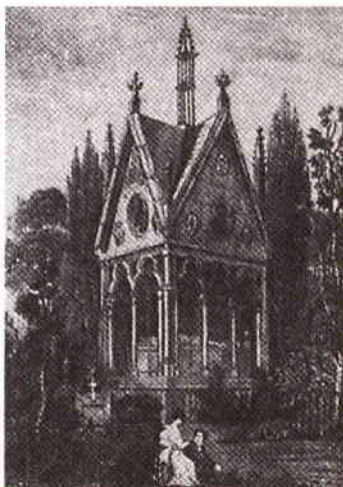
Раскр. грав. неизв. худ.
1816 г.

Бивак казаков на Елисейских полях в Париже 31 марта 1814 г.
Раскр. грав. И.-П. Жазе

по ориг. А. Зауервейда.
1-я четв. XIX в.

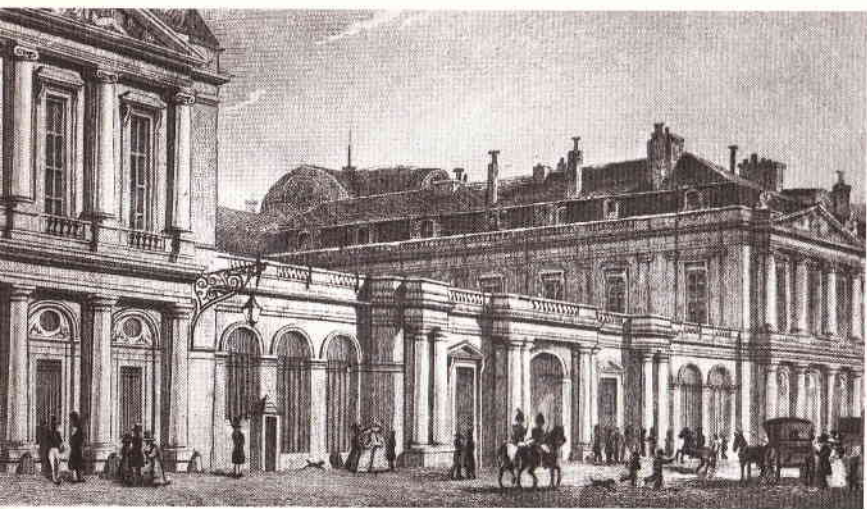
Париж.
Церковь на холме Монмартр.
Грав. Ф. Хавелла по ориг.
Ф. Нэша. 1830 г.

Париж. Пер-Лашез. Памятник
Абеляру и Элоизе.
Грав. Р. Феннера по ориг.
Дж. Нэша. 1829 г.

**Париж. Пале-Рояль со стороны
улицы Риволи.**

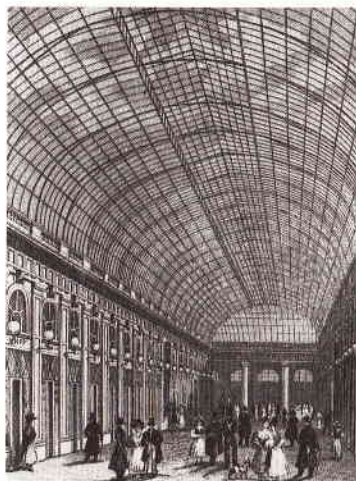
Грав. Дж. Хеншелла по рис.
Б. Феррея. 1829 г.

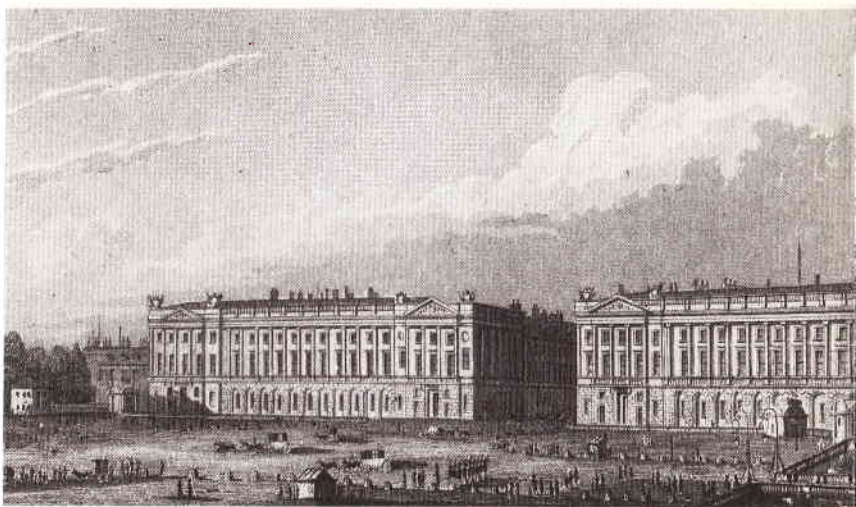
Париж. Пале-Рояль. Двор.

Грав. Феннера и Сирса по рис.
Б. Феррея. 1831 г.

Париж. Интерьер Пале-Рояля.
Грав. Феннера и Сирса. 1831 г.

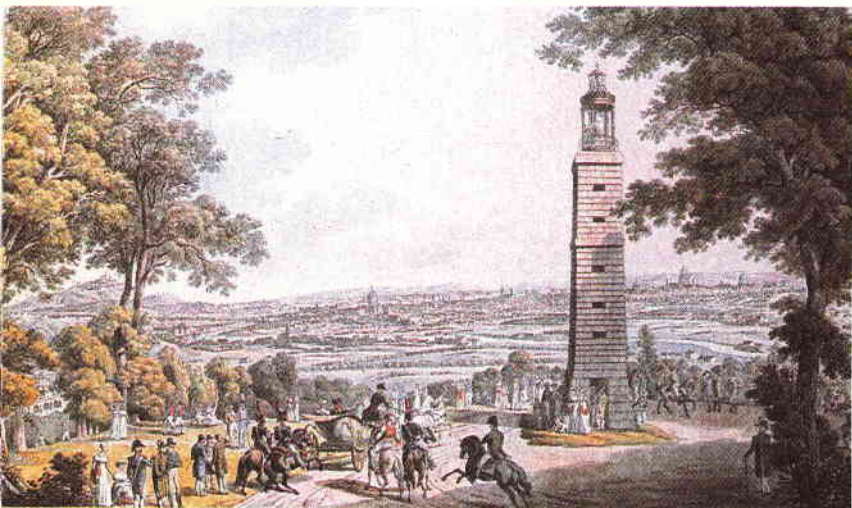

Париж.
Церковь Дома инвалидов.
Грав. Дж. Тингла по ориг.
Б. Феррея. 1829 г.

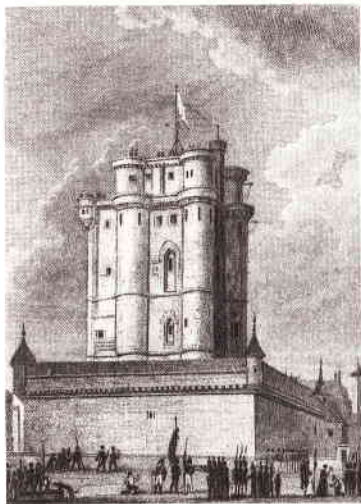
Площадь Людовика XV.
Грав. Б. Уинксла по ориг.
Т. Бьюри. 1830 г.

Париж. Вид из сада Сен-Клу.
Раскр. грав. Клейна по ориг.
Рунка. 1-я четв. XIX в.

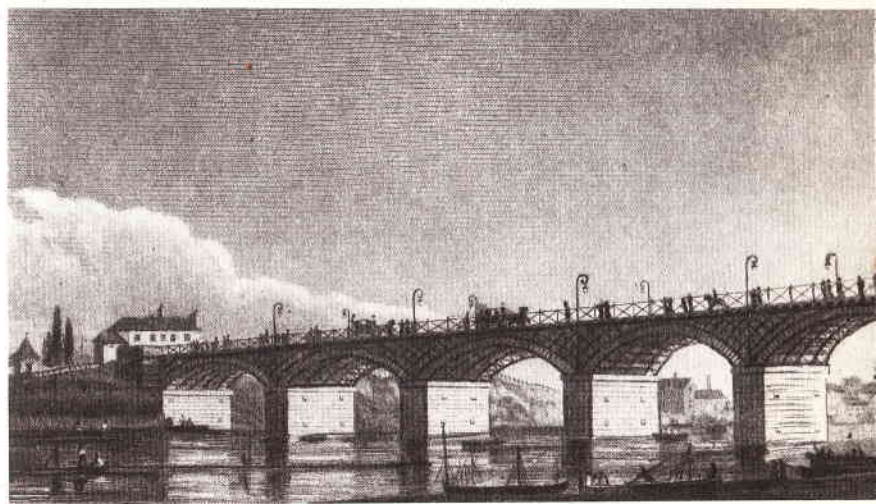

**Версаль. Фасад дворца
со стороны сада.**
Грав. М. Берна по ориг.
Т. Бьюри. 1829 г.

Замок Сен-Венсен. Донжон.
Грав. Льюиса по ориг.
Дж. Нэша. 1830 г.

Париж. Аббатство Сен-Дени.
Грав. Ромнея по ориг.
Дж. Нэша. 1829 г.

Париж. Аустерлицкий мост.
Грав. Р. Уэллеса по ориг.
Дж. Нэша. 1830 г.

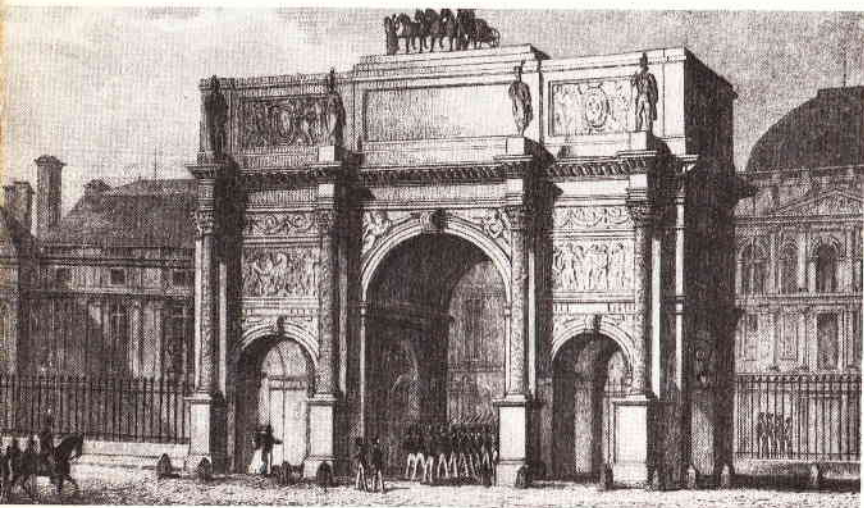
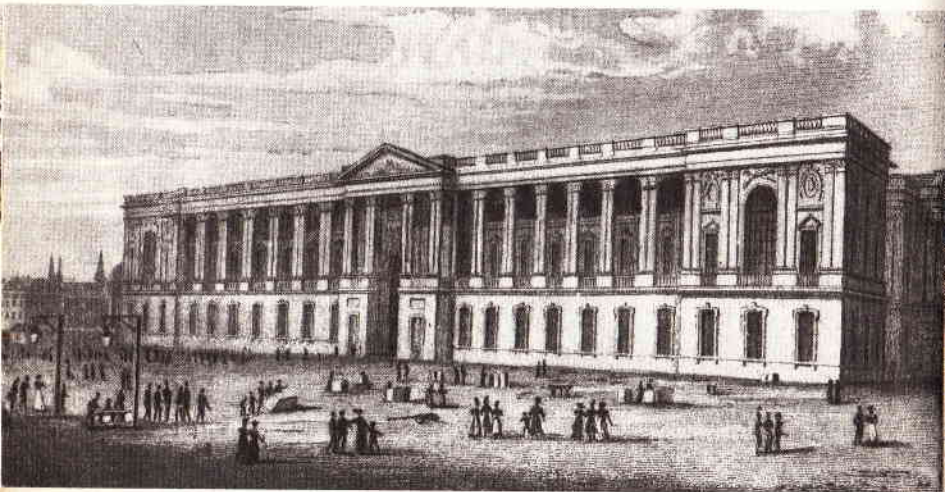
Наполеон I.
- Раскр. литогр. Карьера по
ориг. Минере. 1-я пол. XIX в.

Жозефина.
Грав. Гопвуда. 1-я пол. XIX в.

Париж. Колоннада Лувра.
Грав. Р. Уэллеса по ориг.
Ф. Арундейла. 1828 г.

Париж. Триумфальная арка
и Тюильрийский дворец.
Грав. Ф. Сирса по ориг.
Б. Феррея. 1830 г.

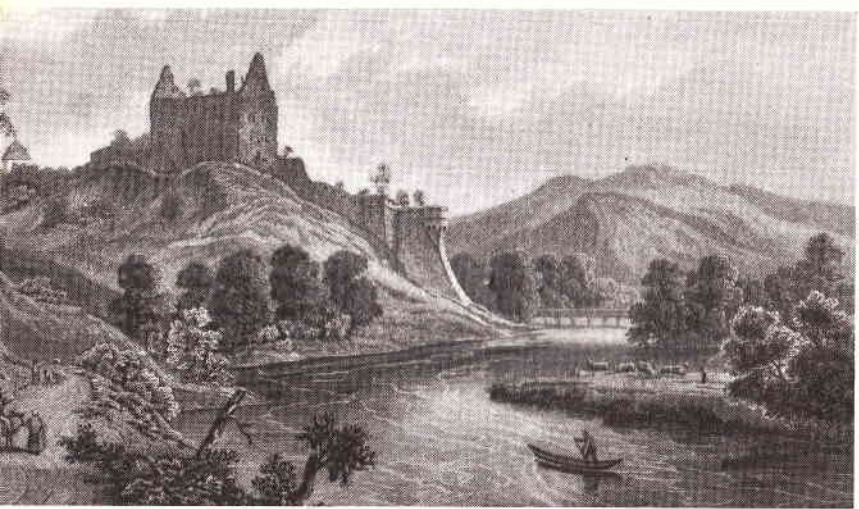
Богемия. Лаучин.
Пейзаж с замком.

Раскр. грав. В. Бергера.
Нач. XIX в.

Богемия. Верхняя Эльба.
Раскр. грав. К. Постля по
ориг. Л. Янша. Нач. XIX в.

**Богемия. Мельник —
город на Эльбе.**
Раскр. грав. К. Постля по
ориг. Л. Янша. Нач. XIX в.

Германия.
Пейзаж с руинами замка.
Гравюра. 1-я пол. XIX в.

избрания третьего плана Наполеоном, и он потому только решился на него, что второй, чрез Брянск на Тулу, — самый вернейший — требовал трех лет жизни его, нужных ему — по исполинскому его плану **общей монархии** * — для завоевания других частей света. Когда, вступая в Вязьму, французская армия приостановилась было, то главнокомандующий наш, Барклай, виделся всем сумрачным, и в лице его прояснилось только тогда, когда наш арьергард был опять атакован большими силами неприятеля с полными видами решимости.

Когда спохватившийся Иоахим Мюрат и посланные от Наполеона генералы Бессиер²⁰² и Орнано²⁰³ стали охватывать с сторон нашу позицию у Красной Пахры, Кутузов-Смоленский отступил чрез села Вороново и Баутово на укрепленный Тарутинский стан. На **отступе** * этом, пред обоими указанными местами, генерал Милорадович и наш граф Остерман корпусами их имели сильные схватки с Мюратом, причем 1-й егерский полк оказал, особенно 22 сентября, знатное отличие, за которое Карпенков получил Георгия 3-го класса, а я — Анны 2-го. Сентября 23-го главная квартира армии нашей стала в д. Леташевке²⁰⁴, а арьергард — пред левым берегом р. Нары, имея аванпосты у ручья Чернишны, за которым стоял авангард короля Неаполитанского Иоахима Мюрата.

Поелику Тарутинская наша позиция имела пред собою значительную реку Нару, хотя вовсе неширокую, но довольно глубокую, быструю и в крутых берегах, то князь Смоленский, зная невозможность скорого и быстрого неприятельского нападения, велел, чтобы полковые командиры строили в обапольных селениях и берегах р. Нары и оврагов бани для освежения солдат, зануженных в долговременном тысячеверстном боевом отступе нашем от Немана, и обучали новоприведенных из депо необученных рекрут целью стрельбе глиняными пулями в мишень. К тому же французы, потерпевши ужасные утраты, видимо, ускромнили свою заносчивость до уничижения своего.

С 23 сентября по 1 октября армия наша при селе Тарутине пришла в грозное могущество чрез присоединения к ней резервов, рекрутских депо партий и команд выздоровевших от ран и болезней. До этого дня в ней все было втихомолку и самый обряд полевой службы совершался не звучно. Но 29 сентября последовало приказа-

* Подчеркнуто автором.

ние: «Бить вечерние зори во все барабаны при музыке, ибо настало время начать въявь торжествовать победы наши над неприятелем, стоя во фланге его с 90 000 бодрых воинов». Так объявил дежурным корпусов штаб-офицерам волю фельдмаршала нашего князя Кутузова-Смоленского дежурный генерал армии, храбрый благо-разумный герой Коновницын. К тому же надобно ска-зать, что когда армия наша счастливо переступила с Ря-занской дороги к Красной Пахре, во фланг неприятеля, то высланные тогда в свое время в тыл французов залет-ные наши партизаны — ген[ерал]-майор Дорохов, полков-ник князь Кудашев²⁰⁵, подполковник Д. Давыдов, капи-таны Фигнер, Сеславин и многие другие из регулярных кавалеристов и донских удалых налетов, врываясь во все удобные места займища нечистой вражьей силы, душили и арканили незваных гостей Московского царства, так что каждый день приводили их в д. Леташевку из разных мест Подмосковья от 100 до 300 и более того человек пленными, живьем и полуживьем, сверх того, ожесточен-ные бедствиями поселяне, даже бабы, убивали их немалое число во ублажение своего горя и во спасение душ своих...

В первых числах октября негоциация между доверенным Наполеона и князем Кутузовым-Смоленским показалась с нашей стороны в истинном виде своем, ибо в последней конференции с Ларистоном²⁰⁶, уполномоченным искателем Наполеону мира России, Кутузов сказал, потирая руки: «ЗаклЮчить мир? Да войны еще не было!» — и, обводя вопросительным взором одного быстрейшего его глаза своих генералов, спросил по-французски: «Когда же мы воевали? Скажите от нас вашему императору, что мы хотим начать только войну с вами, а до сей поры армии наши маневрировали пред вами» — и заговорил с ним о посторон-них предметах. В самом деле, стоя в грозном могуществе, на выгоднейшем стратегическом пункте, многим из нас понят-но стало благоразумное, даже единственное ко спасению России отступление от границы своей, из Польши, к приман-ке прежних завоевателей старушке-Москве. И когда наши войска отступили за Вязьму, можно ли было и тогда, а того более теперь думать, чтобы полководцы наши не успели укрепить мест пред Бородиным и самую Бородинскую позицию сильнее того, как была она во время этой битвы *, или не разочли пользы раскинуть партизан на тыле неприят-

* Хотя полагают, что чрез смерть Кутайсова осталось большое число артиллерии²⁰⁷.

теля, двинувшегося от Смоленска к Москве? — Нет, это ясно, что они не хотели, для того чтобы не понудить Наполеона к перемене своего скорохватного плана однолетнего завоевания России на трехлетний или отделу в правую сторону от Вязьмы на Юхнов сильного корпуса на пути украинских наших всяких пособий, где предположено было в тайном совете императора нашего с военным министром и потом Кутузовым-Смоленским сделать шах — и дать мат 20-летнему буянству французов и их предводителю. Несбыточное приготовление к бою у самой Москвы было тоже, как и военный совет в д. Филях, стратегическая проделка и надувка некоторых обапольных умов: дабы остатние силы неприятеля удержались все совокупными к окончательному одолению предполагаемого отчаянного защищения столицы древней войском и огромными массами вооруженных ее граждан, совокупленных воззваниями Ростопчина. В противном случае могла встретиться помеха спасительному обходу нашему неприятельского правого фланга к Красной Пахре от Боровского моста, что на почтовой Коломенской дороге. Ежели бы Наполеона отбили от Бородина в Польшу, то он сформировался бы чрез все народное восстание поляков и повел бы трехлетно.

Во время пребывания нашей армии при с. Тарутине имели случаи свиданий на аванпостах наших генералов с французскими. Из свиданий этих одно можно назвать особенно достопамятным. Это было свидание с королем Неаполитанским нашего героя, авангардного начальника Милорадовича²⁰⁸, рожденного для того, чтобы видимое пред собою, как и слышимое с вызовами на бой, поражать могучими ударами меча и слóва с блесками и громовыми раскатами на все стороны.

Октября 6-го армия наша хотела задушить, по сделанному плану Бенигсенем, отдельную орду Иоахима Мюрата, стоявшую авангардом армии Наполеона пред Тарутиным, за правым берегом речки Чернишны²⁰⁹; но он с потерейю многого, а не всего, как предполагалось, вывернулся из когтей орлов русских по причине смерти от первого выстрела неприятельской пушки, поразившей ядром командира 2-го корпуса Багговута, которого корпус, поступя в команду старшего по нем генерала, умедлил выполнить предписанное той колонне движение, назначенной быть дирекционною в начине атаки для всех иных пехотных корпусов. На другой день армия наша зачала маневрировать к предохранению Калуги и всей Украины, вступив 12 октября в трехдневное сражение в городке

Малоярославце, где фельдмаршал Кутузов, изведав уход Наполеона, выерзнувшего с московского пепелища, пустился на перехват его по разным направлениям фланговыми маршами, послав Милорадовича с 2-м и 4-м пехотными корпусами и конницею Васильчикова²¹⁰ и Корфа²¹¹ в обход с левой восточной стороны к Цареву-Займищу и далее, в виду иногда почтовой Смоленской дороги, тогда как атаман Платов с донскими и разными казаками пред пехотною дивизиею Паскевича²¹² налегал на тыл неприятеля, идя по самому почтовому тракту, прибирая все к рукам для царя, для Дона и потом — «мало-толико» — на долю храма Казанской Пресвятой Богородицы, а партизаны граф Орлов-Денисов²¹³, Кудашев, Д. Давыдов, Сеславин, Фигнер, Ефремов и другие терзали как кому где попало, в одиночку и сообща — в брыле, боки и тыл. Сам же светлейший шел с главными силами армии его на Медынь, Юхнов и Ельню к Красному, прикрывая себя Милорадовичем, имевшим под командою своею Остермана и князя Долгорукого²¹⁴, заступившего место убитого пред Тарутиным Багговута.

Обращая взгляд на Тарутинское общее нападение наше на короля Неаполитанского 6 октября, я не могу понять причины нестройности атаки нашей. Ибо не отыскано того, кто остановил ввечеру 4 октября подъем полков с позиции и переход по приготовленным понтонным мостам реку Нару с правого на левый берег ниже села Тарутина и какой и от кого 6-го числа поутру, при начале сражения, прислан был офицер приостановить движение к нападению на неприятеля колонии пехотных нашего правого фланга. Глубокая вечность молчит²¹⁵.

16. Благотворный кувшин

малороссийской варенухи на аванпостах войны

Отступая от Дорогобужа к Бородину, в одном месте послана была от нашего Платова ариергарда в сторону с почтовой дороги команда при офицере в господскую усадьбу, чтобы истребить запасы сахарного завода. Офицер нашего 1-го егерского полка прапорщик Россинский-Кабека не нашел в нем ничего, кроме четырех больших кадей белой сахарной патоки, которую он, сколько успел, раздал в присланные от полков ариергарда посудыны для солдат и офицеров, а затем остатное немалое количество

должен был, разрубая кади, спустить в ручей прилежащего к заводу оврага. Но прапорщик Кабека сверх розданной в полки припас налитой ею 10-ведерный бочонок, прикрепленный к двухколесной тележке, который и отослал на какой-то подбродяжной кляче в полк своему полковому командиру полковнику Карпенкову.

Смотря на бочонок сахарной патоки, полковник Карпенков вспомнил родную ему малороссийскую варенуху, по мнению его весьма пригодную образу жизни в тяжелых трудах аванпостных военного времени, особенно наступательных и отступных.

Было у нас при полку около сотни милиционных пикинеров, данных нам незадолго пред тем, как и другим полкам егерским, для отнесу из сражения тяжелораненых и амуниции ружейной убитых. Полковник Карпенков велел двум из них достать где-нибудь в опустелой деревне кувшин порядочной величины, как, например, в полведра, и ржаной муки узелок. Такой кувшин наполнялся ежедневно, с утра, патокою до половины и доливался срезь пенною горелкою; туда же клали: пригоршню рябиновых ягод, лавровых листов и щепоть зернового перцу с гвоздичною головкой. После чего он, заложенный ветошную пробкою и замазанный тестом, ставился к легкому огню на весь день; а если отряд арьергарда отступал, то милиционные пестуны кувшина переносили благоутробное чадо свое на древке пики назад, вон из выстрелов, и продолжали нагревать до самого сумерка дня. В это время, когда прекращаются все местные и всякие с французами битвы, полковник наш посылал верхового отыскать кувшин свой. И когда он являлся среди бивачной беседы нашей, то тут бывала у нас отрадная попойка, оживлявшая наши силы, истощенные боевыми напряжениями в лютых состязаниях с неприятелем, приступавшим к сердцу России, которому уступленного нами места каждый шаг требовал жертвы кровей обеих сторон, и потому мы часто пили и в вечную память «вчера беседовавших» в кругу нашем около священного кувшина.

Кувшин этот был таким божественным кумиром полковой нашей семьи, приближенной к полковнику, что каждый из офицеров ее круга, как бы ни был изнурен сражением, при одном намеке полковника о сыске кувшина бросался опрометью и скакал напропалую чрез рвы, рывины и буераки, лишь бы ускорить призвание его сахарное благоутробие к поклонению ему

на благословляемой Господом сил вечери усердных сынов Отечества. Уварившийся чрез целый день исподволь нектар этот вдруг чудотворно оживлял каждого вкушавшего от него. Хвала ему во веки веков!

Сентября 22-го в сражении корпуса Милорадовича пред Тарутиным²¹⁶ — это уже было за полдень — вдруг прибежал ко мне в боевую линию пикинер наш — то был один из пестунов священного кувшина нашего — с следующею поистине горестною вестью. «Ваше высокоблагородие, — говорил он, задыхаясь, — беда сделалась: мы варили вон там, за бугром этим, кувшин, откуда ни возьмись, чиненка упала подле нас, да как лопнет, и вот этим оскретком своим так и рассадила нарочно кувшин». Он показал мне в поле казакеня²¹⁷ его принесенные им святые мощи мученика — кувшина нашего и злодейский осколок гранаты.

«Ах вы, глупцы-святопредатели! — сказал я пикинеру. — Да зачем вас лихая болезнь присунула так близко к выстрелам?» — «Мы, кажись, далеко были — и грех ее беса знает, как она к нам хватила». — «Ну, брось эти черепья и не показывай глаз полковнику, а то он тебя живьем съест; беги скорей за село Тарутино к вагенмейстеру²¹⁸ Максимо-ву и скажи ему от меня, чтобы он тотчас заправил вновь другой кувшин, и выварите его — да скорее же беги». И пикинер, бросив черепья между иными убитыми, пустился от меня во все ноги собачьей рысью к селу Тарутину.

Сражение при д. Винькове, пред левым берегом оврага ручья Чернишны, кончилось в сумерк дня того прогнанием неприятеля за ручей, но полковник Карпенков, бегая с егерями по порубке, однолетними отпрысками дубняжка покрытой, вспотел, а по захождении солнца, когда охолонуло, то он, не имея шинели, потому что она, быв привязана за седлом запасной лошади его, которая, испугавшись рикошетного ядра, вырвалась от рейт-кнехта²¹⁹, отыскавшего ее уже на другой день за с. Тарутиным, прозябнув, получил лихорадку. Огня разложить было не можно по причине близости на прямой открытости низкого кустарника нашего места неприятельской батареи, поставленной по отступе его на высоту правой стороны Чернишны противу нас, могшей целить на огни биваков наших, и благотворного кувшина-феникса, настрашенного нахальною «чиненкою», три верховых посланца отыскать не могли. Полковник трясся и стонал, но никак не соглашался оставить аванпостной позиции, славно приобретенной победою нашей; горе, да и только. Наконец, пред самую полуночию, в 11 часов, услышал я,

сидя возле страдавшего моего храброго полковника, голос подпоручика Бурдукова, спрашивавшего: «Где Михайла Матвеевич?» — «Я здесь, ежели нашел, ступай сюда!» И радостное слово его: «Нашел!» — возвеселило и восхитило душу и сердце мое не меньше, как выигранное в тот день знатное сражение. «Давай его сюда, любезный Бурдуков, скорей!» — закричал я в радости для больного и здоровых, зачиная с себя.

Ошупью впотьмах сняли мы клубок с сахарного нашего божества Бурхана. Налив крышку флейтичьего футляра, обернутую платком, я подал стонавшему в ознобе полковнику, клича его: «Моисей Иванович, Моисей Иванович! Нуте-ка выпейте». Он вздынул голову, окутанную солдатскими шинелями. Руки его тряслись, и весь он ходором ходил от лихорадки, и я, держа крышку, поил его. Выпив половину крышки, он стал сам держать ее; допив же всю, ухнул, перекрестился, и все прошло — испарина показалась. Слава-благодарение Богу вышнему и чудотворному его кувшину, оживившим храброго, драгоценного Отечеству аванпостного полковника-героя. Но мы невесело распили тогда этот нектар наш, ибо не было в кругу нашем того, который доставил нам оказию к этому каждовечернему наслаждению. В 20 шагах назади темного бивака, на месте знатной победы нашей врагов Отечества, лежал при могиле, вырытой пикинерами, простреленный в грудь, падший со славою там прапорщик Россинский-Кабека в ожидании полкового священника, чтобы он, при блеске звезд неба, призвал благословение Божие на священное тление падших в бою защитников Отечества. — Мир праху твоего, юный друг наш, почивший там, в родной земле, с славными товарищами твоими в ожидании пробуждения нашего к невечернему дню Царствия Христова с нашим Благословенным!

Во время пребывания нашего в Тарутинском стане армии к нам приходили на вечера для собеседования о войне Отечественной по воссиянии счастливой звезды нашей и вкушения нектара от священного кувшина полковники Борис Яковлевич Княжнин, Александр Александрович Писарев²²⁰ и Кутузов²²¹; брат мой Иван Матвеевич и другие многие герои бранного поля. Они называли варенуху эту «аванпостною пламенихою, млеком божественных сосцов Гигейи»²²².

И ныне здесь, на родине моей, в воспоминание благотворности ею нам на аванпостах приносимой, я каждый год к 26 августа изготавляю такого нектара по-

рядочной величины кувшин с печатью на замазке пробки, означающею 1812 год, отсылая его в Тавров, ежели уже не в дом военного бородинского и монмартрского товарища генерала Тургенева, то к могиле его, где созванные мною на Бородинскую годовщину военные знакомцы и родные мои разделяют мою хлеб-соль и распивают ввечеру его с восторгом в память славного громкого события, пред Москвой в 1812 году нам предстоявшего.

17. О Вяземском сражении.— Освобождение Дорогобужа и Смоленска.— Достижение Орши

Продолжая быстрый фланговый марш от Царева-Займища проселочными тропами, по промежутку правого крыла главной своей армии, шедшей от Медыни на Юхнов, и французской левого, убежавшей от бед, обрушившихся на главу ее, по почтовому тракту к Смоленску и восвояси, генерал Милорадович с корпусами пехоты князя Долгорукого 2-го и графа Остермана-Толстого, имея впереди и в правой стороне кавалерию, вышел 22 октября с проселочного тракта на почтовую дорогу пред Вязмою, не доходя трех верст до нее в д. Федоровской, где в прекрасное утро светлого осеннего дня вступил в битву, встретя с лица от Вязмы маршала Даву всеми своими силами пехотными и кавалерийскими, а авангардом нашим, бывшим под командою принца Евгения Виртембергского, выставленным пред самый город Вязму, занял боем вице-короля Италианского Богарне.

Хотя это сражение по окончанию своему имело все выгоды, дающие нам право называться полными победителями, но оно в рассуждении своего порядка баталии не имело в себе ничего достойного изучения офицеров нашего боевого ремесла, ниже памяти о подробностях его суматошного хода. Надобно полагать, наверно, что Даву находился в несомненном предположении прибытия в Вязму с Юхновской стороны большей части войск Главной армии князя Смоленского, что непременно должно было последовать, если бы не случилось посылки пустого конверта Кутузову вместо рапорта о времени этого сражения, Милорадовичем предпринятого *, и по-

* Взгляните на страницу 381 третьей части описания войны 1812 года сочинения генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского... Но ведь?²²³

тому, словив только подставленный ему правый фланг нашей линии, протянутой параллельно почтовой дороге, не нанес решительного вреда обоим нашим пехотным корпусам, второе его малочисленным, имевшим за собою чрезвычайно большое протяжение болотистого кустарника берегов речки Утицы, пресекающей близ самой Вязьмы Юхновскую дорогу, а стремительно поспешил в Вязьму, чтобы не утратить средства соединения с Главною армиею своею, в 30 верстах пред ним бежавшею, около Семлева, с самим Наполеоном.

Рукопашными ударами вытеснив французов из Вязьмы, отдыхали мы там от вечернего времени 22 октября до полудни другого дня и видели в первый раз позорище, содеянное врагами Отечества нашего и веры, героями новой философии: там, где с благоговением поклонялся народ Создателю и Искупителю своему в алтарях святых Евхаристии, обращенных в конские стойлища, святоприемные, для напоминаний и восторжений сердец сущие, иконы повержены были в срамные нечистоты, а стены исчерчены гнусными карикатурами Парижской школы — великого народа! Тут лежали падалища коней и трупы самих разрушителей всего божественного людям. И вот — о ужас! Лик Пресвятыя Девы, лишенный очей, и образ самого преблагословенного Спасителя мира изъязвлен опять поругательно оружием давно осатанелых героев якубинства.

До 25 октября погода стояла ясная, даже жаркая в дни, а в этот день, пополудни в четвертом часу, впервые во всю осень ту зачал порошить снежок; ввечеру при северо-западном ветре нахлынули густые тучи, при морозе 4° выказавшие полную зиму с метелью. Наш полк поступил на ночлег около опустелого Болхова монастыря в авангард генерал-майора Юрковского²²⁴ вместе с 4-м егерским полком и многими конными.

Октября 26-го до света авангард Милорадовича корпуса под команду генерал-майора Юрковского выступил от Болхова монастыря к Дорогобужу по следам казаков, гусар, улан и конной артиллерии, протопытавших пехоте снеговые завалы.

В первые минуты рассветавшего дня святого Димитрия, призывающего к памяти героев Куликовской битвы, среди рева бури с вьюгою раздались победоносные наши крики и выстрелы в улицах Дорогобужа, наполненного войском Неева корпуса и отсталыми всех других. Четырехчасовым отважным действием ружейного огня и шты-

ков егерей 1-го и 4-го полков мы овладели половиною города с выотою соборного древней крепости бугра, на котором поставленная Юрковским артиллерия произвела сильный огонь, коим очищена была и остальная часть Дорогобужа от неприятеля, вытолкнутого за Смоленскую заставу на чистое прохладное белое поле, заполохнутое вьюгою с колоннами Неева корпуса, преследованного нашею легкою кавалерией.

Едва замолкли выстрелы орудий боевых, чуть минуло полчаса по уходе из города неприятеля, как стеклись в него отовсюду, из лесов и дебрей, граждане Дорогобужа, не верившие от изумления глазам своим и насилу могшие от смертельного изнурения чувствовать радость свою о том, что город их перешел во власть воинов соотечественных. Прежде всех приспел к нам старец-священник в изорванной рясе, со впутавшеюся соломою в волосах головы его, свалявшихся почти в колтуны. Он бросился, в благочестивом восторге, со слезами умиления к ногам генерала Юрковского, бывшего на отдаленном крае города с егерями полков его, и, стоя на коленях, призывал: «Господне благословение на воинов, подвизавшихся во спасение Отечества от обдержания вражия». Многие умоляли нас, говоря: «Батюшки вы наши, родные отцы наши, спасители наши! Скажите нам: наяву ли мы дожили до этой радости, что вы у нас, вразумите же вы нас ради Господа, что нам делать; можем ли мы притащить сюда, в дома свои, стариков и ребятишек своих, живущих в лесах и оврагах околицы, и не придут ли опять французы?» Получа же от нас радостные вести, они, отбежав несколько десятков сажень, возвращались опять к нам: «Ну как мы притащим сюда стариков и ребятишек своих, а супостаты-то снова привалют к нам?» В несбыточности страха их мы с трудом успели их уверить, и они тогда, положив по нескольку земных поклонов, глядя на опустошенный собор свой, на высоком бугре стоящий, священный для них и в его срамном преобращении врагами, скрылись от нас в разные стороны. В поздние часы ненастного вечера того, при ревении бури, воздымавшей и ярошившей белые космы свирепой подруги Норда, прибрели эти страдальцы в город, в дома и на пепелища домов, в ужасном искажении всей их сущности людской. По представлению Милорадовича штаб- и обер-офицеры авангарда генерал-майора Юрковского за освобождение Дорогобужа награждены за

отличия чинами и орденами и я произведен в подполковники.

К рассвету дня 27 октября вьюга затихла, небо озвездилось, а мороз увеличился до 10 градусов. Авангард наш под командою Юрковского пошел на заре из Дорогобужа преследовать неприятеля и настиг его на пепелище села Усвят, за речкою Ужею, сидевшего у огоньков чудочных. Из 10 орудий, поставленных у правого берега Ужи, генерал-майор Юрковский, отбив прикрытие не вовсе истребленного моста, сидевшее в двух предмостных баррикадах, сделанных из содвинутых в купы фур, и исправив переправу, перешел Ужу, за которою пустился быстро настигать и обезоруживать французов ломкою и бросанием со стороны дороги в снег всякого ручного оружия их, оставляя самих на произвол рока, завлекшего Наполеона в Москву. Обезоруженные нами, ненастем и смертельным голодом, французы оставались на Смоленской почтовой дороге сидевшими в изнеможении смертельном на угаслых или угасавших бивачных огнищах или сугробах.— Суд Божий постигнул этих мечтателей буйных!— Они недавно губили безжалостно миллионы соотечественников своих гильотинами, не щадя ни Сократов, ни Аристидов,— словом, терзали всех, кто преколовил их буйству и кто не следовал ему!— и вот в отмщение того они гибли тогда наигорчайшею смертию от жестокого климата русской страны, довершавшего победы наши в летние и осенние ясные дни, одержанные над ними, принудившие их идти путем погибели, как побежденных боями нашими, и мудрою волею монарха, повелевшего отвлечь их от Польши и исполнить все им предназначенное полководцам. Покрытые эфирною одеждою и питаясь дохлыми конями, они терпели жестокую кару возмездия, судьбою им предопределенного за зло свету в нравах семейного блаженства, многих народов Европы содеянное. Какие страшные представления предлежали взорам нашим на пути этом. О, Боже! Там у изнемогших при огнях лежавших французов отгорали руки или ноги; в иных местах упавшие оканчивали жизнь, делая страшные кривляния и вместо стонов испускали из уст клочкотание замерзавшей пены. Как ни велики были злодеяния французов, содеянные в недрах нашего Отечества и везде, но мера лютостей страдания их превзошла и превозмогла справедливую к ним ненависть и священное право мщения за Отечество воинов наших, которые, смотря на их тартарное мучение с сердечною скорбью

и состраданием, желали простреть им не пагубу окаленного оружия своего, а теплую руку помощи от умиления христианской души их; но никто не находил никакого средства ко спасению погибавших, ибо селения и по сторонам почтовой дороги на большое расстояние истреблены были войною и мародерами неприятельскими дотла, а «клеба», просимого ими у нас, мы сами почти не имели по причине поспешного преследования, отдалившего нас от шедших за нами провиантских запасов в обозах корпусов. Однако нельзя не вспомнить с благоговением святого, незлобивого умиления наших воинов, отдававших последний свой хлеб умиравшим от голода врагам своим, просившим помощи. О, эти крупинки драгоценнейшего благотворения их из последнего! Всевышний Отец наш, без сомнения, благословил и возвратил им изобилием благ земных в остатние дни жизни их, и еще некогда Он помянет и взвесит эти крохи милосердия противу громады житейского злата сокровищами неба там, «во Царствии Своем».

Прошед почтовую станцию Михайлевку, авангард наш остановился на ночлег в сосновом мелколеске бора, за пять верст от Соловьевской переправы Днепра. Тут ночью генерал-майор Юрковский получил предписание от фельдмаршала князя Смоленского, присланное с адъютантом его лейб-гусарским ротмистром Левенштерном 1-м²²⁵, чтобы он шел со своим отрядом в обход города Смоленска с левой стороны чрез леса пустошные к г. Красному со всевозможным поспешением для присоединения к Милорадовичу; а полковнику Карпенкову приказано было с его полком, частью драгун и казаков и четырьмя батарейными орудиями следовать к Смоленску через Соловьевскую переправу, отбив ее у неприятеля. Полковник Карпенков, сделав сперва рекогносцировку переправе, произведенную им егерями и казаками 28 октября, напал на нее 29-го пред рассветом дня, открыв скорострельный гранатный и картечный огонь из четырех его орудий, придвинутых ночью к самому надбрежию узкого там Днепра, по тетдепону²²⁶ правого берега, окопанному и отыненному палисадом, а между тем егеря наши переползли, вразноту, по тоненькому льду с жердинками под обеими мышками, накануне всяким для себя приготовленными, и, соединясь в колонну, бросились штурмом на него и, выбив два слабых батальона прикрытия французского из фланговых ложаментов, овладели им с восьмью орудиям неприятельскими. Полу-

разрушенный мост скоро был исправлен моим старанием, и во втором часу пополудни отряд полковника Карпенкова, весь с артиллериею перешед Днепр, пустился догонять французов по почтовому тракту на Смоленск; а ввечеру приспел к нам отряд казаков генерал-майора Грекова 1-го²²⁷, шедший от Дорогобужа правым берегом Днепра, к которому мы и поступили в распоряжение на поход к Смоленску²²⁸.

Там, у Соловьевской переправы, на обоих берегах священного Днепра, достигнутого нами чрез многие победы врагов наших, гнавших уже из Отечества нашего, я видел особенную высокую честь героев — полковника Карпенкова и сотоварищей моих, штаб- и обер-офицеров 1-го егерского полка. Они, оболъщенные до высшего упоения сердец славою побед и полною надеждою скорого освобождения Отечества, не обратили благородных взоров своих на сокровища, брошенные французами на обеих сторонах Соловьевской переправы в повозках, брыках и фурах, наполненных сундуками, и баулами, и чемоданами, на многие миллионы рублей. Все это предоставлено было нижним воинским чинам отряда, к которым присоединились многочисленные толпы горемычных поселян войною разоренных мест, стекшихся туда, как на толкучий рынок, — дуван-дуванить, улажая свое несчастье. О, ежели из этих почтенных товарищей моих кто-нибудь когда-либо восчувствовал скорбь от предметов, «досаждающих наглостию своего звона и блеска» честной скудости нашей, то ужели он не помянул или забудет помянуть светлый и священный этот день его жизни — нашего испытания — это благороднейшее выпренное ощущение чести, дающее ему, как светозарному герою, право уважать себя пред лицом Всевидящего, в руке которого все — и сердца царей, во искупленном и его жертвами Отечестве.

За отбитие Соловьевской переправы я награжден алмазным украшением ордена Св. Анны 2-го класса.

Ноября 3-го поутру отряд генерал-майора Грекова 1-го быстро приступил к Смоленску и, очистив егерями обгорелый Московский форштадт до самой земляной крепости правого берега Днепра, служащей мостовым прикрытием, соединился на Покровской горе, в оконечности Петербургского предместья, с корпусом атамана Платова, ставшего биваками на покатоности к Днепру места, оголенного пожаром, у шлагбаума выезда к Поречью, в который Платова корпус только что втиснул

остатки размочаленного им корпуса Италианского, прибежавшего налегках, без артиллерии и обозов, от города Духовщины, при котором несметные богатства поглотили коши сынов Дона²²⁹.

При воззрении моем на пепелище Смоленска, лежащего на покатости отлогой левого берега Днепра против Покровской горы, я восчувствовал тяжкое прискорбие, видя опустошенность того города, где я пробыл два года в раннее время жизни моей, в первые дни службы полевого фрунта, в унтер-офицерском чине у знамен славного Смоленского мушкетерского полка, в сообществе моих двух милых мне старших братьев родных и сотоварищей молодых сержантов полка нашего. Скелет оглоданного огнем Смоленска виделся тогда чуть напоминавшим прежде его благоустройство. Одни лишь исполинские башни крепостной стены, создания Годунова²³⁰, окружая безобразный пустырь, как бы дебелие анахореты тление своего чудотворного владыки, уныло бормотали о давней его знатности.

Остатки французских корпусов Даву, Нея и Богарне, прикрывая себя стеною города, не совсем накрепко замерзшую рекой и предмостною земляною крепостью, были в Смоленске двое суток единственно для того, чтобы иметь способ к отдыху от смертельного изнурения их на бегстве от завоеванной Москвы. Вечеру 4 ноября атаман Платов получил известие от перешедшего к нам польского капитана, что французы в следующую ночь оставляют Смоленск, заряженный ими по повелению Наполеона во многих местах сильными минами, наложенными сверху палуб их бомбами, гранатами и камнями. Вследствие чего дал предписание 20-го егерского полку майору Горихвостову²³¹, чтобы он с полком, им командуемым, по удалении французов не прежде вступил в Смоленск, как по прошествии трех дней, стараясь в те дни уничтожить штопины огнепроводные мин. В начале ночи, того же числа, Донской корпус наш готов был к маршу, по предписанию князя Смоленского, вниз по течению Днепра, правую стороною, к городу Орше; но для сбора частей его, бывших в партиях, выступление назначено было пополуночи.

В тишине звездной морозной ночи пламень многоместного пожара, возжженного французами, не стыдившимися срамного геройства, а искавшими токмо спасения в бегстве от нас за преградами огня, пожиравшего остатки зданий города, чреватого взрывами адских воп-

лощений, ярко освещал все горные окрестности Смоленска, отливаясь в гладкой полости чистого льда, покрывавшего тогда Днепр. В половине второго часа пополудни взрыв первой мины прынул к зениту и покотил грохотание свое по крутизнам горных ущелий, облегающих город. Камни разных тяжестей, силою пороха окрыленные, заревели и зажужжали на разные тоны в высотах разнопарабольных своих полетов и, перенесясь на разные расстояния, застучали по мерзлому пожарищу предместь городских, пред колоннами, за колоннами и в промежутках колонн нашего корпуса. Бомбы и гранаты, раскинутые во все стороны, произвели лопанье и хлопанье батальным треском; которые прерваны были на минуту ревом второй и третьей мины, грянувших почти в один раз и сопровождаемых такими же представлениями, только в двойном и перепутанном расположении всего бушевавшего в воздухе и раздиравшего землю. Остатные две мины вскинулись чрез 15 минут после прошлого двойного взрыва с промежутком 25 секунд; при последнем взорвало главный артиллерийский парк французской армии, стоявший в походных лабазах на дворе цитадели, называемой Королевскою крепостью. И вот тогда-то исполнилось театральное представление драмы Страшного суда Божия, где предназначено пылать и трястися земле и всем громам, от начала мира бывшим, возгреметь к изъявлению ужасного гнева Господня на земнородных грешников. Оно еще бы было подобнее, ежели б бывшие за егерскою колонною нашего и 20-го полка 3000 пленных французов, смотревших на это позорище, стоя на коленях, в оцепенении, сложа ладони пред грудью, возопили: «Горы и холмы, падите на нас и сокройте от лица Судящего наше срамное геройство».

Прикрывая артиллерию Донского корпуса, 1-й егерский полк наш шел вниз по течению Днепра, невдалеке правого берега, чрез селения Катань и Гусиное, около которых атаман Платов прибрал к рукам разбродные партии французов, иные числом более тысячи, оголодавших и оборванных душ; но 7 ноября, когда мы пред полуднем были на привале в д. Герасименке и там шумным обществом продолжали поздравлять атамана своего с получением графского диплома, присланного ему накануне чрез Главную квартиру армии, вдруг явился в тылу нашем маршал Ней с пехотною колонною из 3000 человек, шедший тож вниз по Днепру от деревни Сырокоренья к Орше. Его перебросил к нам на правый берег

Милорадович боем 6 ноября от г. Красного. Пушки не имел он ни одной, и лошадей только около сотни верховых и вьючных. При маршале было до 20 генералов и многие сотни штаб- и обер-офицеров разных корпусов штабов и штабов генерального военного правления, припасенного было Наполеоном для объема завоеванной России, приставших к Нею в чаянии сыскать спасение свое в его удалстве, и не ошиблись.

Атаман граф Матвей Иванович Платов почел ничтожным делишком прибрать к рукам своим такую малую частицу неприятельской пехоты без пушек, имея у себя вкупе 12 Донских регулярных полков кроме милиционных, татарских и других, питомцев берегов рек Волги, Маныча и Урала, 16 конных орудий и наш Егерский полк, состоявший тогда хотя только из 360 человек, но чистой выжиги воинов под командою неустрашимого Карпенкова, не уважив того, что эти 3000 отчаянных пехотинцев находились под личным командованием наилучшего и отважнейшего из славных маршалов Наполеона, которые, не быв ничем отягощены, а лишь побуждаемы гибельною крайностию своею на все, станут стараться всякими военными изворотами и отвагой, свойственными маршалу Нею и другим особам, огромный его штаб случайно увеличившим, проскользнуть сквозь казацкие дружины Матвея Ивановича на свободу вперед — к своим — в Оршу и Польшу.

«И такими судьбами» атаман Платов обратил большую часть донских и иных казаков своих, все 16 орудий артиллерии и Егерский наш полк назад своего марша, навстречу колонне Нея, поруча исполнение этого дела бывшему при нем князя Смоленского адъютанту полковнику Кайсарову²³², объявившему себя старшим Карпенкова, в полковничьем чине, хотя поистине офицеру, одаренному от природы блистательными талантами и воспитанием приготовленному к военным отличиям и вечному уважению его от каждого, кто был хотя один день под командою его или бы мельком видел на боевом поле противу неприятеля, но молодому, неопытному в сравнении представшего ему противника, а всего более замечательнее, не знавшему тогда еще, по новости его, настоящего достоинства удали донских героев.

Полковник Кайсаров, обольщенный представшим ему огромным призом, подхватя полки и артиллерию всю, понесся — по громогласному, при всепоздравительной кампании, наказу корпусного нашего командира — ата-

мана казаков, а наиболее по чужой вере многих в его волшебное вдохновение и волю: «Взять зажигателя и разрушителя Смоленска на аркан! и притащить к нему» — во всю прыть по дороге к д. Сырокореньям, к колонне маршала Нея. Карпенков за два дни до того сказался больным и лег в бричку, а при полку его остался старшим по нем майор Бек, тоже опытный егерский распорядитель.

Надобно сказать: дорога, идущая от д. Герасименки вверх по правому берегу Днепра к Смоленску, сначала идет прямо по высокому плоскому полю, а отойдя полверсты и миновав долгую кочкарную болотину, прилежащую влево к дороге той, она поворачивается круто налево сажень на сто для обхода крутоберегой балки, влегающей в логовище Днепровское; а за балкою, опять повернув направо, так же круто, подходит к надбережью Днепра у того места, где левый берег балки и правый Днепровского логовища, соединяясь, образуют покатый мыс, на котором колонна Неева остановилась, спустясь несколько вниз по отлогости мыса к окраине балки. Тут маршал Ней стоя отстреливался от казаков, высматривал место и наши движения, ожидая случая и ночи; а когда увидел он, что Платовы дружины с артиллериею и пехотою обошли балку на левую сторону, то стремительно бросился чрез нее на правую сторону ее и на дорогу того места, с которого мы к нему сошли, свободную для него, по которой и пошел густою колонною, окружив себя стрелками, на д. Герасименку и далее вниз по течению Днепра мимо Россасны к Орше, почти беспрепятственно с лица и сильно понуждаемый с тыла идти скорей туда, куда ему надо и где его дожидался Наполеон, говоривший окружавшим его: «В Тюльерийском дворце есть у меня 20 миллионов ливров, охотно отдал бы я их за спасение Нея». Атаман Платов, спохватясь пустоты «очарованного аркана» своего, хотя и делал ретивые наскоки, чтобы сбить с дороги колонну неприятеля и обойти с артиллериею и егерями вперед, но не мог: ибо у старого штукаря — маршала Нея трудно взять потерянный перед, столько же, как легко молодому, неопытному полковнику потерять его.

Здесь должно с достоверностию сказать, что если бы в обход балки не послали артиллерию и Егерский полк, а оставили их пред лицом неприятельской колонны удерживать ее отступление, наводя на засады батарей и стрелков чрез всю ночь, истребляя лавами казаков

высылаемых из колонн застрельщиков французских, а с тылу отдалили всякое нападение и в то же время все прочие излишние казачьи полки быстро двинули с шестью орудиями на Оршу, стараясь отодвинуть как невозмож-но далее неприятеля, как я о том предлагал лично полковнику Кайсарову, то на другой день разве смерть спасла бы только душу маршала Нея из плена русского. По переходе за левый берег балки с полком и артиллереею я с горестью предсказал моим сослуживцам, что маршал Ней освобо-дился, о чем ту же минуту уведомил больного Карпенко-ва, который прискакал благим матом поправлять дело, но было поздно. В сто годов войн едва ли бывает такая одна оказия к огромному пленению неприятеля, и често-любивое благородное сердце Кайсарова до конца жизни его не перестанет скорбеть о том, что он, при всех своих высоких дарованиях, допустил чрез излишнюю веру в ка-зачье геройство потерю славы необыкновенной для себя и нас, опытных служак аванпостных, чувствительной. Во всю службу мою тогда только однажды я подосадовал с озлоблением на малый чин мой — ей-Богу, однажды.

Ноября 10-го маршал Ней присоединился близ самой Орши к высланному от Наполеона для его выручки кавалерийскому отряду, сохраняя 20 миллионов Тюильерийс-кого казнохранилища.

Того же числа корпус Платова, выбив арьергард на-полеоновской армии из Орши, занял ее нашим полком, оставя его там, с назначением Карпенкова комендантом для восстановления в ней правления городского, описи отбитых запасов и амуниций, а равно и отсылки многих тысяч пленных, набранных на пути от Смоленска, в даль-ние губернии России, чрез Чаусы и Климовичи на Сураж, посредством передачи их обывательским конвоям. Сверх того, ему назначено было учредить госпиталь для оста-вшихся 1500 раненых и больных французов и очистить город от мертвых тел, покрывавших улицы. Ему дана была сотня милиционных донских казаков, а сам Платов пустился в погонь к Толочину.

18. Цесаревич на перепутье в Орше.— Поход на реку Березину.— Гренадер Алексеев

С 10 ноября 1812 года, отделясь от Донского Платова корпуса, 1-й егерский полк наш, имея при себе сотню казаков, расположился в г. Орше, где полковник Карпен-

ков, по возложенной на него должности временного коменданта, учредил городское правление, составил опись всего отбитого у неприятеля военного имущества, отправил более 5000 пленных по пересылке во внутренние губернии российские и занялся очисткою города от мертвых тел французского войска людей и лошадей, покрывавших улицы, площади и дворы, исполняя это посредством сжигания на кострах, складенных на набережной Днепровской долины правого берега, учредил госпиталь для больных и раненых французов, брошенных Наполеоном, как и везде, на побеге его восвояси из России.

За три часа до утренней зори 14 ноября к унтер-офицерскому загородному пикету, стоявшему у призового вагенбурга французского при Поречной дороге, подъехала дорожная коляска, запряженная четырьмя лошадьми в ряд. На оклик часового отозвался из нее мужественным голосом: «Русский — товарищ — солдат. Кто здесь, в Орше, стоит?» «Полковник Карпенков с 1-м егерским полком», — отвечал подступивший к коляске караульный унтер-офицер. — «Вели ефрейтору меня, цесаревича Константина Павловича²³³, проводить в его квартиру».

Прибыв в квартиру Карпенкова и вошед в комнату, где спал полковник, по давней аванпостной общей нашей привычке в мундире, имея огонь под надзором часового в боковой комнате, цесаревич зачал громко кликать: «Карпенков, Карпенков! Проснись, великий князь к тебе прибыл и желает здравствовать герою от всей души и сердца искреннего во славу Отечества нашего». Такие воззвания, неожиданно в темноте ночной услышанные, изумили бы и не спросонного, почему полковник и стал выспрашивать звавшего: как это, почему известно? Тогда посетитель повторил: «Вставай, Моисей Иванович, цесаревич с тобой говорит».

Полковой командир наш, удивленный неожиданным снисхождением цесаревича, встал поспешно, прося высочайшего прощения в беспорядочном принятии его высочества, но великий князь отвечал ему на то: «Ничего, несколько нет твоей вины, полковник: ибо каждому потрудившемуся в войне, как ты, впереди других на аванпостах армии, лоб к лобу с неприятелем дни и ночи многих месяцев, можно и должно уснуть — успокоиться сладким сном усердного сына Отечества в часы приобретенной оружием свободы».

Служители полковника, услышав разговор, прибежали с огнем.

Великий князь отказался от почетного караула и ординарцев, а равно не пожелал ничего предложенного кушанья, кроме чаю, и то своего, сказав: «Я тебя попотчую моим чаем, у тебя нет такого».

Разливая чай сам, великий князь расспрашивал нашего полкового командира о последних делах войны, бывших после Малоярославского. При чем Карпенков не пропустил okazji высказать цесаревичу многие недавние примеры достоинств офицеров армии нашей вообще. И великий князь довершил его рассказ следующим: «Знаю, и государь знает, что они уж слишком даже стремительны к боевым отличиям, ибо несоразмерно втрое бóльшая числом противу нижних чинов утрата офицеров ясно это доказывает и приводит самого императора нашего в чувствительное прискорбие о лишении их». После того великий князь спросил полковника: «Что это, видел я, у тебя за городом, в левой стороне, над Днепром в долине так жарко?» И когда полковник донес, что там горят мертвые тела французов, числом 1700 с присоединением 300 лошадиных падалин, укладенных в несколько слоев на дровяные костры по затруднению убрать их иначе без ожидания вредных последствий весной, то великий князь, обрадованный таким известием, взяв руку полковника, сказал: «Славно-славно! Знаешь ли, полковник, ты эту мысль выхватил из моей души. Я донесу государю и скажу светлейшему, и ты узнаешь скоро, что везде начнутся подобные твоему всесожжения».

Тут полковой командир представил цесаревичу меня, возвратившегося с объезда загородных дальних постов. Великий князь обратил ко мне многие вопросы о войне и службе моей вообще и, быв доволен моими ответами, удостоил меня приветствий своих.

Пред рассветом дня лошади цесаревича были, по выкормке их, впряжены и поданы, ибо он ехал от некоторого места пути его по следам армий на долгих, в одной коляске четвернею, не имея никакой свиты и никого, кроме камердинера, денщика и кучера. Когда стало рассветать, его высочество изволил выехать из Орши в Главную квартиру армии, находившуюся тогда в городке Конысе, куда дано было знать тотчас о прибытии к нам цесаревича дежурному генералу Коновницыну и протянута предохранительная патрульная цепь из казаков по почтовой дороге, идущей близ крутизны правого берега Днепра, в предосторожность нечаянного нападения шлявшихся еще тогда французско-белорусских мародеров.

Полковник Карпенков, я и два адъютанта на верховых лошадях проводили чрез город и за город своего незабвенного гостя цесаревича Константина Павловича²³⁴.

Из Орши 16 ноября мы выступили с полком нашим в поход по особенному маршруту и предмету военных назначений отделившемуся полку нашему влево от общего движения армии. Пришед в Шклов, мы повернули вправо, чрез д. Кисели, по проселочному тракту на местечки Бельнич и Погост, составляя экстренный резерв партизанов графа Ожаровского²³⁵, Д. Давыдова и Сеславина, посланных в ту сторону наблюдать и замедлять уход Наполеона к Слониму для соединения с Шварценбергом.

На третий день этого отдельного марша нашего, по ночлеге полка в д. Киселях, 13 ноября, пред выступлением нашим в поход, случилось следующее немаловажное приключение.

Полковой командир наш имел ночлег в деревенской корчме, имеющей крытое балясничатое крылечко на широкую улицу, в которой и я, как обыкновенно, квартировал с ним. На дворе той корчмы, в особом жилом строении, пребывал постоем приезжавший из Шклова провиантский чиновник 8-го класса, распорядившийся в нескольких селениях приготовлением сухарей для армии. Поутру, по пробитии генерального марша пред сбором колонны полка к походу, полковник Карпенков, призвав к себе провиантского чиновника, стал соглашать его на выдачу из заготовленных им сухарей трехдневную пропорцию на полк наш, в запас ко взятому им из Орши. Провиантский чиновник на этот отпуск не соглашался, представляя свои доводы, некоторым образом справедливые. В этой же большой комнате тогда сидел я, при конце длинного узкого стола, стоящего у лавки противу четырех окон в правой стороне по входу в дверь с улицы, спеша докончить прежде марша поверку отчетной ведомости амуниционных вещей своего батальона, требованной наскоро к подаче.

Спор полковника с провиантским чиновником прерван был следующим: отворилась дверь корчмы уличной стороны, и вошел, в полной походной амуниции, зимней формы по шинели, но без ружья, известный в полку

своею храбростию, искусною стрельбою и наилучшим поведением один из шести охранительных в сражениях особы полкового командира, гренадер-егерь Федор Алексеев. Повернувшись налево влоборота, он подошел к полковому командиру и донес: «Ваше высокоблагородие, я сыскал здесь, в деревне, двух рекрутиков нашего полку запасного батальона; они два родных брата, наемщики этой деревни, и были спрятаны в гумне их матери — в скирде соломы». — «Где эти бездельники, подлецы, подавай их сюда». — «Они здесь, на крыльце корчмы, и с матерью их, под присмотром двух товарищей моих, стрелков вашего высокоблагородия».

Сказав это, Алексеев отошел назад, растворил дверь и ввел в корчму беглецов, при которых была и мать, старуха низкая, плотная-сугорбая, в белом суконном чекмене, с повитою свернутым полотном головою. Десятири одеты были в мужицкие загрязненные короткие балахоны, опоясаны обрывками, обуты по изорванным онучишкам в шкуряные постолы; шеи их обвязаны были заватланными холщовыми платчишками; головная стрижка волос солдатской формы не совсем еще отросла; бороды давно небритые. В руках у них были войлочные белорусские тулейки.

Полковник Карпенков, желая усостыжить беглецов и пострадать укывательницу мать их, зачал говорить: «Так-то вы, охочие наемщички, отслужили государю, присягнув с целованием святого креста и Евангелия, взяли с нанявших вас денежки, да и бежать с ними к родной матушке в гумно, на службу в полк мышей да крыс. А ты, старая скотина, так-то благословляла детушек своих в наемщички на службу царскую по присяге пред животворящим крестом и Евангелием; тотчас приняла беглецов-клятвопреступников в дом свой, чем бы, напомя им присягу и Божий гнев за нарушение клятвы, послать их явиться в свой полк. Вот они бы, по милосердию Господню, за твою правду и молитвы о них, отслужи верою и правдою, возвратились бы невредимыми к тебе, на радость и утешение в твоей старости, с крестами и медалями на грудях, вот такими, какие у него, — он показал на Алексеевы. — А теперь знаешь ли до чего ты дожила? Их за то, что они взяли наемные деньги служить государю своему и бежали к тебе, родной безрассудной матушке, вот при твоих же глазах поставят спина с спиною — так вот, — сказав это, он столкнул беглецов спинами одного к другому, — и, чтобы не тратить лишней казенной пули на негодаев, одним выстрелом в груди обоих положат их

в срамную могилу; вот ты и плачься век сама на себя». Окончив эту речь, полковник отвернулся от беглецов, и как тогда был противу него досадный ему провиантский чиновник, то он принялся опять шумливо уговаривать его выдать полку сухарей.

Этим временем Алексеев с беглецами и матерью их вышел вон из корчмы, полагая, что командир полка вполне рассудил его поимку и занялся уж не этакою дрянью, а продовольствием своих солдат, служащих государю верою и правдою. Провиантмейстер, оспоря полковника нашего, тоже пошел в свою станцию. Полковой командир, кропчась на несправедливость провиантского чиновника, ходил взад и вперед по длине корчмы. Вдруг раздался на улице, недалеко от квартиры нашей, ружейный выстрел. Полковник изумился, говоря: «Что это такое значит?»

Я отвечал ему: «Это значит не менее несколько того, что Алексеев исполнил свято командирское ваше предначертание». — «Как, да неужели он, дьявольский сын, и вправду это сделал? Избави его Господь, я и черт знает что с ним самим сделаю».

Тогда я, вставши с места моего, сказал ему тоном доклада по службе: «Господин полковник! Избави вас Бог, ежели вы хотя вид гнева вашего покажете храброму гренадеру, имеющему святую доверенность русского воина ко всякому вашему слову». — «Да я ведь только страшил этих беглецов и их мать». — «А он будто мог знать, что у вас на уме. Как бы то ни было, но ежели уж это совершилось, то я умоляю вас, г-н полковник, не откажите нам всем, подчиненным вашим, показать себя и в этом деле великодушным, оставя во всяком случае за собою добрую славу надежности слов ваших для подчиненных, не опасаяся никаких последствий худых от этого неумышленного...» При этом слове моем вошел в корчму гренадер Алексеев и сказал: «Исполнил, ваше высокоблагородие». Полковник спросил его робко: «Обоих?» — «Точно так, как изволили ваше высокоблагородие показывать: одною пулею». Полковник пожал плечами и сквозь прихлынувшие слезы еще сделал ему вопрос: «А мать их что?» — «Она воеет над ними и...» «Ступай, ступай, в свое место», — сказал ему отрывисто полковой командир.

Гренадер Алексеев повернулся лихо и вышел из корчмы бодро, как ни в чем не бывлый. Полковник, стоя оцепенело, сложа руки на груди и выпав на выставленную вперед левую ногу, глядел на выходявшее из корчмы свое любезное везде-храброе чадо.

Когда дверь корчмы затворилась и скрыла от глаз наших ужасного мстителя нарушения клятвы, исполненного везде праводушного геройства, но глухого вполне ко гласу природы, терзанной им здесь безжалостно, полковник, тронутый до глубины сердца состраданием, всплеснув руками, сказал: «Всевышний Отец! Прости мне это нечаянное осуждение и казнь неумышленную малодушных преступников клятвы, пред Тобою всеу данной, и страдание безрассудной матери их — страдание вечное!» Но делать было нечего. Полковник немедленно сел на мое место к столу и написал письмо к корпусному командиру своему графу Остерману, известив его искренне и подробно о происшествии, просил себе и гренадеру Алексееву прощения от высшего начальства, которое письмо тотчас отправил с полковым адъютантом Фроловым, и в ту ж пору, грянув во все барабаны сбор, выступил с полком в поход и удалился от того места, на котором могущественный рок, каким-то уродливым изветом души и сердца его, поверг в могилу, печально и неожиданно, двух малодушных преступников клятвы, воздымив виновную кровь на месте рождения при взорах преступной матери и многих родных — в урок многим.

Через четыре дня полковой командир Карпенков получил на марше около местечка Бельничей, от графа Остермана между прочими предписаниями полку нашему и следующее: «...храброму усердному гренадеру Алексееву вручить от меня приложенные здесь пять червонцев и, ежели нет по службе его никаких препятствий, произвести в унтер-офицеры». Что и было тогда же исполнено вручением ему денег и нашивкою золотых галунов. Отслужив все кампании той войны, по возвращении в Россию он, по 20-летней службе и многим ранам, выпущен в отставку с пенсиею на знак отличия ордена Св. Георгия.

В сношении с партизанами своими, левой стороны армии нашей, при ожидании их надобностей в нашем содействии противу частей дивизии Домбровского²³⁶ полк наш шел то скоро, то переставая на предназначенных пунктах до 23 ноября, а в этот день, получив новый маршрут от Коновницына, переправился за местечком Погостом чрез реку Березину, пошел вверх по правому берегу ее мимо Шабашевичей, Борисова, Стахова, Брилей к Зембину, где с прискорбием тогда посмотрели мы на

луговую впадину между затонов правой стороны р. Березины, противу д. Студенки лежащую, при которой славный морской мудрец Чичагов не сумел на суше поставить решительной преграды Наполеону, переправлявшемуся там с остатком растерзанной его армии, и не воспользовался даже единственными к тому там Зембинскими тесинами извиистой между топей речки Гайны.

Имея 19-дневный запас сухарей, полк наш шел свободно по следам бегства от Студенки французов на местечки Плещиницы, Хатовичи и Молодечно — юдолию погибели остатков завоевателей России, пораженных со всех сторон оружием многих отрядов партизанов, холодом и голодом. Там, по пути этом, во многих местах между грядями трупов неприятельских разных званий полчищ сокрушенной армады: металлогрудых латников, медведеголовых гренадер и саперов — виднелись изредка и лейб-мамелюки²³⁷ Алли-Бонапарта, оттенявшиеся закопченными африканскими харями на на выстав из всех погибших в бегстве. Повернув несколько налево с ужасного пути этого, мы присоединились к своему 4-му корпусу, ставшему у Воложина на отдых. Здесь служившие в 1-м егерском полку обратили мысли свои на бедствие, при начале войны той постигшее нас, оторванных от 1-й Западной армии, — через затерявшееся об отступе от Немана приказание авангарду 4-го корпуса — и помянули, при общем полковом молебне, своего храброго, благо-разумного и благороднейшего авангардного начальника генерал-майора Ивана Семеновича Дорохова, избавившего нас от позорного плена, который страдал тогда от смертельной раны, полученной при удержании Малоярославца, и погребенного потом в городе Верее, отнятом им штурмом спешенного гусарского полка его от французов. Мир праху незабвенного героя!

19. О прибытии полка нашего в Гродно.— Приношение праху Давыдовского.— Освобождение Отечества

По следам летучего партизана-поэта, любезного сотоварища всех героев, отличавшихся ударами мечей и осуществлением ковшей, Д. В. Давыдова полк наш 1-й егерский составлял легкий отряд корпуса Милорадовича, махнув

отдельно быстрым маршем из Воложина чрез местечки Олону, Олкеники, Ораны и Меречь, достиг и вступил в Гродно 15 декабря 1812 года, где уже два дня Давыдов находился обладателем города и многозначительных запасов армии неприятельской.

По прибытии к полку нашему в Гродно прежде тяжелой инфантерии с прикрытием легких кавалерийских конвоев генерала Милорадовича с его штабом полковой наш командир Карпенков, получивший чин генерал-майора за военное отличие, при Бородине оказанное, сделал с позволения корпусного командира полный вооруженный полковой парад к могиле бывшего шефа нашего полка полковника Давыдовского, умершего 31 декабря на 49-м году в Гродне от ран, добавленных ему в войне с французами 1806 года декабря 11-го пред Сиротским двух, в ногу и в висок, и 14-го при Пултуске одной смертельной сквозь наплечную кость пулей, ставшей в груди.

В девять часов утра 17 декабря генерал-майор Карпенков, ведя парад полка своего, в колонне взводной, на полной дистанции, выступил за городское предместье Слонимское и приблизился к кладбищу, где покоится под простым кирпичным памятником прах незабвенного полку героя полковника и кавалера военного и других орденов Давыдовского. Сослуживец покойника, изувеченный в Отечественной войне французами, штабс-капитан Воячев нес перед 1-м взводом на блюде, покрытом голубым бархатом, венок, сделанный из лавровых ветвей, достатых в оранжерее.

Выстроив фронт противу памятника могилы, генерал Карпенков дал три ружейных залпа всем полком вверх как бы во извещение души героя об освобождении гроба его от обстояния врагов Отечества и прибытии к нему с победоносных полей прославленного им полка его. После залпов барабанщики отгрянули на молитву, и полк, положивши ружья па землю, приступил к могиле и обступил ее. Тут генерал-майор Карпенков, взяв с блюда венок, положил его на памятник могильный и поклонился со всем полком до земли праху храброго предместника своего. Тогда полковой священник наш совершил панихиду о почившем с благословениями герое, после которой полк, став в ружье противу могилы, отдал честь и, по бою тревоги, произвел долговременный батальный огонь с криком «ура» как приятнейшие для героев гимн и фимиам победоносные.

К довершению почести полк шел церемониальным маршем тихим шагом мимо могилы, идя правыми флан-

гами взводов близ самого памятника, с музыкою, при салютации штаб- и обер-офицеров, в которое время полковой командир с двумя за ним с боков адъютантами стоял с правой стороны надгробка лицом к могиле, приклоня шпаги до земли, хранящей священные остатки, драгоценные сердцам воинов, героя полка, а музыканты противу его с левой, игравшие полковой марш, любимый покойником Давыдовским.

Принеся священную признательность праху предшественника своего в начальстве полком и геройстве пред ним, генерал-майор Карпенков возвратился с парадом в город и распустил полк по квартирам, явился к генералу Милорадовичу, который, приняв рапорт о исполнении тризны, не преминул восхвалить выразительно почать, оказанную праху павшего со славою в бою известного и ему героя, сопровождая похвалу свою следующими словами, самородками души и сердца его: «Бог мой! Никто не может достойнее меня оценить эту почать, принесенную праху известного и мне героя от виденных мною во всех боях храбрыми — неустрашимыми».

В остальные часы дня и вечера того генерал-майор Карпенков угощал в квартире своей обедным — поздним — столом штаб- и обер-офицеров полка своего и многих военных жителей гродненских, причем полные бокалы бушующего вина многократно питы были в славную память павшего героя Давыдовского. В кругу почтенных собеседников один наш старослуживый офицер, бывший в войнах под командою Давыдовского, рассказал нам о его отличиях, в битвах оказанных, особливо представил мужественный и благородный подвиг его у Сиротска при сопротивлении переправе французов чрез реку Вкру, при впадении ее в Буг, где он и с двумя ранами, там полученными, не ослабил ни на минуту дивного всем мастерского поражения неприятеля, возобновлявшего шесть раз переправу чрез Вкру на паромах, плотках и наводимом им мосту. Изобразив его знатную самоученость в службе, от 15-го года жизни, при невзрачной наружности и простом малороссийском стиле слова, майор Бек умел представить нам в нем знаменитого Вейсмана²³⁸, еще раз показавшегося было, в близком ему подобии, пред славными ценителями военного дела: Барклаем, Сакиным²³⁹ и Остерманом; наконец, при Пултуске, разрежая впрах наступавшие силы врагов, падая от смертельной раны, сказав, удаляясь с места сражения: «Помните меня и сражайтесь так, как при мне сражались

вы везде, а ежели я не умру, то эта моя витхая скура * еще много будет стоять французам».

Полковник Яков Яковлевич Давыдовский был сын киевского помещика, имевшего одну деревеньку с 18 душами; он родился 1758 года, в военную службу вступил в Московский карабинерный полк, ныне драгунский его императорского высочества наследника цесаревича, на 14-м году. Как, по бедности родителей, не получил он формального образования, то потщился в свободное время от службы почерпнуть науки и познания от ученых молодых товарищей и частных знакомцев, даже читал и понимал хорошо французскую и немецкую литературу, но по худому малороссийскому выговору его никогда не говорил на этих языках. Быв поручиком, отличился в сражении при Рымнике в Белорусском егерском корпусе, за что и произведен был в капитаны, тут ранен был он пулею в правый бок. За отличие при Измаиле поступил в секунд-майоры. Суворов дал Давыдовскому от себя письменное свидетельство, в котором было сказано: «Давыдовский приобрел особое к себе уважение подвигом своим при взятии крепости и города Измаила и истреблении там многочисленной армии турецкой и отличил себя неустрашимою храбростию». За Дунаем сражался при Бабадаге и Мачине. В 1802 году, быв полковником, сделан шефом 1-го егерского полка, с которым, квартируя в Финляндии, в Сердоболе²⁴⁰, он упражнялся в охоте за лесною дичью, довел егерей своих до совершенства в цельной стрельбе и поисках ее осторожных, близких к совершенству военноподвигов егерских боевых. Он любил подчиненных своих, как детей, и офицеры, служившие с ним, поняли и переняли у него это священное достоинство, доказав его при многих случаях самым убедительным образом.

Круговая чаша вина, кипучего, как в битвах нашего героя душа, обходя приятную беседу, заключила поминовение в родных ему военных сердцах сынов Отечества, освятивших снова вместилище праха его поклонением и победоносными звуками и криками фрунта полка его, им препрославленного.

Выступив из Гродно 21 декабря, пошли мы, в отряде летучем генерала Палена 2-го, на Белосток и далее к Варшаве, не находя нигде сопротивления. Прибыв в Пултуск,

* Так у автора.

мы поехали всем офицерским обществом с генералом Карлеиковым на место бывшего там на пригородном поле западной стороны генерального сражения Беннигсена с Наполеоном в 1806 году. Рассматривая знакомые многим из нас места битвы, мы судили о том событии как опытные мастера нашего дела, всякий по своему рангу исполнения; когда же прибыла наша кавалькада на правый фланг позиции порядка баталии армии русской, то штабс-капитан Воячев отыскал и показал нам место, где пал герой полковник Давыдовский. Генерал и все мы сошли с верховых лошадей и, окружая его, с открытыми наклоненными головами, при крестных знаменях, поминули там павшего героя, нашим полком и многими обожаемого. За все, начала той кампании, отличия государь император прислал было Давыдовскому орден Св. Георгия 3-го класса, но эта милость достигла Гродно тогда, когда Давыдовский лежал уже в могиле.

Перешед и за Вислу и обошед Варшаву, уничижившую себя, может быть, уже в 20-й раз своею политическою прорухою, легионы коей иные забились в крепостные трущобы, а некоторые побрели за остатками французской армии, едва заметными! — Куда же девалась эта «непобедимая» армия врагов наших? — О чудо providения, благословлявшего в боях наше мужество и верность Отечеству! — Эта грозная армада из 20 разных языков, воздвигнувшаяся тогда на Россию, была уже ничто, она лежала на тысяче верстах рассеянно во оцепнении, под белым саваном дщери седого Норда, которую уже не голос могущественнейшего Наполеона, не тысячи барабанов, но разве труба Архангела Божия подымет некогда и соберет на общий смотр Еговы.

И нам, Господи, по велицей милости твоей слава во веки веков.

20. Поход по Германии.— Отступление от Люцена.— Бауценское сражение

Когда, по вдохновенному предвозвестию Александра Благословенного, «не осталось ни единого вооруженного врага на земле русской», то пехотные корпуса армии нашей, перешед Польшу, двинулись вперед свободно, без общего соединения, а полками, по Германии с приставшими в союз наш прусскими войсками чрез Силезию,

Бранденбургию, Померанию и Саксонию, вслед за сильными кавалерийскими отрядами и партизанами нашими, преследовавшими кое-какие оскретки французской армии, ускользнувшие от поражений наших. Герцогство Варшавское оставлено без внимания мстительного, ибо беспрестанные ошибки польского кабинета и всего народа Посполитой Речи, особливо во время протестантских сумятиц Европы, довели Польшу до необходимого ее разрушения, поелику сила поляков угрожает еще и теперь Германии воспрянутием на дыбы по-прежнему католической духовной власти пред ее пылающими кострами чрез сильное содействие хитрых и тучных капелланов, и ныне еще бодрствующих в домах вельможных панов польских.

Левого фланга общего движения союзной российско-прусской армии пехота корпуса Милорадовича только 8 апреля поутру в первый раз соединилась в общую колонну пред Дрезденом в парадном устройстве. Милорадович выехал пред нее с многочисленною свитою своею и другими персонами, прибывшими из императорской квартиры. Он был в полном духе восторжения своего и во всех орденах, густо покрывавших геройскую грудь его. Колонна стояла пред Нейштадтом, предместием Дрездена правой стороны Эльбы. Наш 1-й егерский полк был в голове ее. Подъехав к полку нашему, он поздоровался с солдатами и сказал всем сопровождавшим его: «Не нужно мне сказывать вам, господа сослуживцы мои, что это и по отличиям военным первый полк армии нашей». Объехав все бригады свои, приветствуя обязательно полки, он возвратился пред голову колонны и повел нас чрез Нейштадтскую крепость и знаменитый в Германии всей мост каменный в самый Дрезден. Тротуары и куртины моста, набережные, улицы, площади, балконы и окны дворцов и гражданских домов были наполнены и натисканы зрителями. Спиной к главному балкону Королевского дворца, на площади внутри города Милорадович стал на смотровое место, и полки проходили мимо его с музыкою, громом барабанов и криком «ура», мешавшимися с рукоплесканиями и возгласами народа. Солдаты наши, идя по городу, великолепно устроенному и наполненному нарядным и от самой природы саксонским из всех красивейшим народом, стекавшимся отовсюду, чтобы поглядеть северных богатырей, одолевших «непобедимых», гордо смотрели на восторженные лица их. Перешед Дрезден, полк наш стал квартирами в пригородном селении Признице. В остаток

этого дня мы осмотрели в Дрездене Королевский дворец с знаменитою картинною галереєю, оружейную палату и кунсткамеру, придворную католическую церковь великолепного римского образца с огромными колоннами снаружи и внутри под обширным, пологим до дерзнове-ния куполом ее. Правда, важнейшие редкости этой столи-цы — из опасения — вывезены были давно правитель-ством в неприступную крепость Кенигштейн, но все-таки оставалось их и в Дрездене немалое число. Вечеру по-смотрели и послушали славную Дрезденскую оперу.

С 13 апреля неделю св. Пасхи праздновали мы в четы-рех переходах от Дрездена, по дороге чрез Фрайбург, в прекрасном мануфактурном городке Хеймнице²⁴¹, где полк наш занимал близкое к нему селение и замок Обер-Роберштейн у благоприяженного нам владельца, по по-литической необходимости тогдашней удалившегося пред тем в Вену. Здесь объявлено нашему полку, что он за отличные военные подвиги, в год Отечественной вой-ны оказанные, высочайше награжден надписью на кивере «За отличие».

Отпраздновав светлую неделю в веселии и изобилии всего, мы к 20 апреля приспели на р. Эльстер, в городки Цейц и Пегау, где и началась наша новая Витгенштейн-ская военная кампания, означившаяся генеральным боем при Люцене, после которого на другой день полк наш поступил в арьергард генерал-майора барона Корфа, прикрывавший отступление нашей армии от Люцена чрез Звенкау²⁴² на Дрезден, и мы принялись трудиться в обыч-ном егерям деле отступного боя, борясь на каждом удоб-ном месте с преследовавшими нас французами. За Фра-убургом²⁴³ арьергардный командир наш генерал Корф как ни силился кавалерийскими форсами его воспроти-виться неприятелю стать чрез боковое обходное движе-ние на дорогу, идущую к Вальдгейму, но он, одолев его препоны, отрезал нашу егерскую бригаду, бывшую наза-ди всего арьергарда, однако ненадолго, ибо Карпенков, высмотря местоположение, завел сперва легкую перепал-ку, а потом тремя колоннами с разных пунктов концент-рических стебанул его штыками так сильно и сноровисто, что он рассеялся куда зря по кустарникам и пропал из вида нашего. При этом отступе нашем за Вальдгеймом, близ города Носсена, встретилась со мною, для моих честолюбивых и искренно-усердных намерений по служ-бе, затруднительная оказия, или, лучше сказать, строп-тивное искушение следующее.

Отступая по главному Дрезденскому шоссе пред городок Носсен, арьергардный егерский отряд Карпенкова стал за обширную балкою при селении Эндорф²⁴⁴, имеющею значительный ручей, склоняющийся к реке Мюльде, где 1-й егерский полк наш занял теснину правой стороны этой балки, в селении Эндорф, лежащем по обеим сторонам Дрезденского шоссе в длинной ложбине, совокупной с балкою, выставя наблюдательные посты направо и налево, а французы придвинулись к левой окраине балки противу нас лежащей стороны, крутой обрубно, поставя четыре орудия на короне утеса балки, одетой кустарником, напротив теснины селения Эндорф и над мельничкою, огороженною на ручье балки, подошедшем к их левой стороне на близкий ружейный выстрел. Мельничка, пошвенная, состояла из одного плетневого анбаришка, вмещавшего в себе толчейку для дробления коры, на задубу кожевенного дела потребной, и другого сарая, тоже плетневого, покрытых соломою, в последнем лежали материалы работы.

Как у генерала Карпенкова было тогда в команде кроме нашего еще два егерских полка, то он, поруча мне удерживать полком своим эту шоссеиную теснину, сам отбыл на правый фланг своей аванпостной дистанции, вниз по правой стороне балки.

Чрез полчаса по отбытии генерала Карпенкова пришла к аванпостному моему резерву из Главной армии нашей, от гор. Носсена, мушкетерская бригадная колонна. Приблизясь к тылу линии моей, она остановилась на шоссе, и начальник колонны, бывший на верховой лошади, одетый светло-серою шинелью по суртуху и покрытый краснооколою фуражкою, спросил громко: «Кто здесь командир аванпостов?» Подошед к нему, я отвечал, что мне, майору Петрову 1-го егерского полка, поручена от генерала Карпенкова оборона этого места за отбытием его к усилившемуся делу отражения неприятеля на правом фланге линии его постов. Тогда командир мушкетерский сказал: «Очень хорошо, извольте же вы занять вашу всю частью вон ту мельницу на ручье балки, а моя бригада будет у вас в прикрытии».

Я доложил неизвестному мне начальнику мушкетерской колонны о всех невыгодах его предназначения, присовокупя к тому, что ежели бы это было хотя несколько нужно для обороны места, то генерал Карпенков не упустил бы из виду удерживать эту плетневую, крытую соломою мельничку, стоящую под дулами неприятеля.

гельских пушек на близком картечном выстреле. Но бригадный начальник решительно приказывал мне идти занять полком плетневые строения мельницы и держаться в них.

Разочтя явную без пользы потерю полка и сравнив се в душе моей, как офицер, ценивший по чистой совести моей остатки полка своего, людей, показавших знатные заслуги государю, познал я выше несчастья, меня одного постигнуть далеко, уже на чужой земле, за послушание могшего, я доложил повелевавшему мне, чтобы он послал, ежели вправе по старшинству своему, приказание свое сперва к генералу Карпенкову, а что я, не зная, кто мне приказывает в противность данного мне приказания аванпостного и полкового моего командира, исполнить не решаюсь из опасения справедливого за то взыскания. Тогда начальник мушкетер, распахнув шинель и показав на груди своей звездой орденскую, сказал: «Смотрите, вот кто».

Усмотря знак генеральского отличного достоинства, я ужаснулся, но доложил ему следующее: «Позвольте же, ваше превосходительство, донести вам мне как опытному егерскому штаб-офицеру, служившему во всю эту и многие прежние войны при аванпостах армий с искусными этого дела начальниками, что вы даете приказание 1-му егерскому полку к явной потере его без всякой пользы».

Тогда генерал сказал мне: «Сдвиньте вашу колонну с дороги, пустите меня с бригадою вперед — я вас осрамлю». И я, ответив ему: «Служащие в 1-м егерском полку, ваше превосходительство, не знают ничего, кроме доброй славы и похвал», скомандовал колонне моей: «Направо, марш-марш — стой во фронт».

Бригадный командир двинулся с колонною его вперед и, проезжая мимо левых флангов взводов моих, сказал: «Помните, майор Петров, что вы уж под судом».

Оскорблен быв не только что непризнательностию истины представлений моих, но и жаждою мне зла, я закричал ему во всю мочь голоса: «Не забудьте, генерал, что этот майор Петров не боится беззакония». И тем кончилось: бригадный командир повел свою колонну к мельнице, а я, поруча полк старшему по мне капитану Юшковичу, немедля поскакал к генералу своему, дабы довести до сведения его все, что произошло в небытность его на шоссе в Энндорфе. Генерал Карпенков крайне удивился предприятию неизвестного генерала, пожелавшего иметь славу обладания плетневою мельницею,

и благодаря меня за мою правильную настойчивость к сохранению прав его и полка, «везде и всегда готового на славные жертвования», приказал мне поспешить к своему посту на шоссе в Энцидорф.

Когда я прискакал обратно к полку своему, то увидел объятую пламенем мельничку, а при ней лужок, покрытый трупами мушкетеров, а не егерей, моих подчиненных. Капитан Юшкович объявил мне развязку этого порыва геройства, к осрамлению нашего полка рванувшегося. Французы, подпустя мушкетерскую колонну к мельничке, вдруг грянули по ней с крутизны балки из четырех орудий картечьми, и когда смешавшаяся бригада втиснулась в плетневые строения и стала за них, открыв ружейный огонь по каменному утесу, то они зажгли их брандскугелями, доверша поражение прибавкою к картечам ружейного огня, обративши оба полка мушкетеров в беспорядочное отступление, уже не мимо колонны 1-го егерского полка, а прямо в левую сторону от нас, за лесистый бугровый мыс берега балки нашей стороны, за Энцидорф.

Прибывший вскорости после меня в Энцидорф генерал Карпенков пожалел сильночувственно и сердито о павших ни за что мушкетерах и поблагодарил еще раз перед полком меня за сохранение людей полка своего, служивших для полезных отличий. Но какая была эта бригада и кто был ее опрометчивый генерал, открылось уже 28 апреля; когда мы, отступя чрез Эльбу в Дрезден, готовились при Вейсгирше²⁴⁵ военнопобедить нашим полком в арьергарде графа Сен-При, то этот же генерал с его бригадою прислан был в резерв отряду генерала нашего в полную подчиненность. То был давно служащий в Дунайских войсках генерал-майор Турчанинов²⁴⁶, который при этом разе показал характер совершенно иной, ибо, являсь к генералу Карпенкову и приняв от него приказание, где ему с колонною его находиться, он тотчас подошел ко мне и с видом чувствительного прискорбья просил у меня «извинения и прощения в мыслях, недостойных моего любочестия и опытности», заключа словами, обязывающими его «во всю жизнь искать оказии вознаградить обиду эту признательностями при всяком благоприятном к тому случае». На что я отвечал ему, что легко забуду обиду эту, как сделанную мне по неведению его меня, и притом в порыве усердного геройства, весьма редко встречающегося в опасных случаях. В заключение моего ответа я просил генерала Турчанинова обратить

свое внимание в предстоявших военных действиях на службу мою и всего 1-го егерского полка нашего. Тут почти в тот же час неприятель атаковал нас, и началось военное действие в зверинце короля Саксонского, в семи верстах от Дрездена, продолжавшееся на трехдневном отступе нашем за Бишовсверду при глазах генерала Турчанинова, от которого Карпенков не потребовал ни разу помощи, чтобы доказать ему, что умеет и умел обходиться сам собою по крайней возможности к тому.

При Бауцене, 8 и 9 мая, в генеральном сражении²⁴⁷ я командовал 1-м егерским полком в сводной, временной Егерской дивизии, порученной генералу Карпенкову; дрался на левом фланге армии нашей, удерживая одну из высот купы гор Кюневильдских, отрасли Богемского хребта, выдержав нападения неприятеля, отбивая и опрокидывая его назад многократно почти до вечера 9-го числа, когда получил рану пулею в левый бок и снесен с горы к городу Вуршену. В этом бою я видел особенно отличные поступки генерала Карпенкова, превозмогавшего все покушения французов в продолжение битвы обоих дней и, наконец, павшего замертво от картечной контузии на живот под самую грудь. Но как могу я изъяснить вам дивные порывы геройства ведомого всем корпусного командира нашего графа Остермана! Вот каким теперь вижу его там, в кипучих свалках, с его легкою черкесскою наружностью и обличьем их. На гнедом коне, в инфантерийском мундире распахнутом, покрытый краснооколою фуражкой, он носился везде пред полками своими в самых упорнейших огневых и рукопашных схватках, влеча за собою всех к победе и одолениям врагов. И когда пуля впиалась глубоко в грудь его близ левого плеча, он, и облитый по белому жилету кровию, летал чрез овраги с горы на гору, как невредимый и едва ли знавший о язве своей, в пылу геройского устремления своего, приносившего всем в лозунг победу, пока не упал с боевого коня, обессилев чрез исток крови. Это было в 5 часов пополудни тож 9-го мая.

Когда принесли меня, раненого и перевязанного, в Вуршен, то немедленно положили на фурманку обывательскую и тотчас выпроводили за город, ибо невозможно было оставаться ни на час по причине проигранной нами битвы, и меня в ту ночь и последовавшие дни везли к Силезии проселочными дорогами, ибо по шоссе ретировалась вся громада российско-прусской армии, преследуемая Наполеоном в первые три дня с особенною

быстротою, а потом, когда многими удачными отпорами нашего арьергарда сшибли им крылья, то утишились как нельзя значительней. Наполеон лишился своего друга Дюрока²⁴⁸, убитого ядром.

21. Графиня Остерман.— Адерсбах.— Вармбрунн²⁴⁹

В Саксонии между городов Бауцена и Вуршена 9 мая 1813 года в генеральном сражении с французами раненые корпусной командир наш граф Остерман, генерал Карпенков, я и многие иные русской и прусской армий разные чины должны были чрез всю почь на 10-е число удаляться от места проигранного сражения разными сторонами путями, кому где попало, к Силезии, ибо главное шоссе, чрез Герлиц идущее, внатиск было загромождено отступавшими союзными армиями. Ко мне присоединились нашего полку капитан Усков 2-й, поручик Косов и еще другие три офицера раненые, и мы ехали на немецких фурманках. На третий день пути моего настиг меня посланный от полку верховой и вручил бумагу следующего утешительного содержания:

Послание

майору Михайлу Матвеевичу Петрову

Сражений в сотне подвизавшись,
Всегда ты счастлив в боях был;
Но вчера, геройски дравшись,
Смертельную рану получил.
Не я один, но все жалеют
О ране, мучащей тебя,
Солдаты в бодрости слабеют,
Лишась преславного вождя.
Герой! Скорее излечися,
Чтобы еще врагов карать;
Восстань и снова ополчися
За рану ранами воздать.

Преданный

майор Константин Токарев*.

10 мая 1813 года

Продолжая печальное следование наше назад, мы прибыли 11-м днем на р. Одер в маленький силезский городок Бриг²⁵⁰. Как раны наши третий день не имели

* Оригинальное послание это хранится у меня в бумагах; на нем написал сознательно читавший его сосед мой, знакомец Токарева: «Советник В. Савич-Базилевский, в стихах».

перевязки, то мы, остановясь там на площадке набережного квартала, послав служителей наших поискать какого-нибудь лекаря или хоть фельдшера, чтобы перевязаться, остались сами лежащими в фурманках, дабы ехать к тому, кто найдется к помощи нашей.

Во время ожидания нашего перевязки подошли к повозкам три дамы, хорошо одетых, из которых одна спросила, к крайнему удивлению нашему, по-русски: «Позвольте, господа, узнать, которого вы корпуса?»

Оживленные чудотворно в исчезавших силах жизни нашей от многодневного мучительного толкания на пути и удивленные внезапным звуком слов русских приятного женского голоса, услышанных в тяжких страданиях наших на чужбине дальней, мы вдруг, как бы по Божественному гласу ангела, воззавшего нас от тли, поднялись и высунулись к ним из глубоких длинных немецких фурманок, как будто из не опущенных только в могилы гробов своих. Пред нами стояли три дамы, одна средних лет, а две молоденькие. Один из нас, сказав им, что мы Остерманова корпуса, спросил их, кто они таковы. Старшая из них отвечала: «Мы маркитантские жены,— да скажите, господа,— прибавила она сострадательным тоном,— перевязаны ли ваши раны? Ежели нет, то мы знаем, где тут находится лекарь, и можем сходить и прислать его перевязать вас».

«Благодарим вас,— сказал я,— любезные нам ангелы Божии нашего родного неба! Мы уже послали отыскать лекаря, но вы побудьте при нас хоть несколько минут, и слова ваши оживят нас гораздо более и скорее, нежели всего света медицинские седые факультеты, или возлиют многоценное миро в уготование к погребению на чужбине. Ведь вы маркитантши, так уступите же нам, родным своим, хоть часочек благополучия — побеседовать с вами, милыми россиянками. Поручик Косов! Ужели с потерянною одною рукою пропали все твои чичезбейные таланты? Приступи-ка к ним». Но маркитантши засмеялись и побегли от нас, ибо добрый молодец Косов в самом деле маршировал к ним грудью, простря уцелевшую руку, как таможенный безухер²⁵¹, для осязания товаров маркитантш, принятых нами за сердечных торговок главного вагенбурга армии нашей, плавающих нередко под различными флагами, в том числе и сострада-ния о героях.

Печальными взорами, по общей участи калек, посмотрели мы вслед уходивших от нас красавиц и улеглись

по-прежнему в путевые домовища свои, желая, чтобы хоть какой-нибудь фельдшер был снисходительней их к нашему положению.

Через несколько минут по уходе от нас маркитантши прибежал к нам адъютант графа Остермана гусарский ротмистр Лаптев, говоря: «Ах, Боже мой! Вы живы, Михайла Матвеевич! Вас граф Александр Иванович, принц Ольденбургский, Карпенков и все полагали раненым на отделку. Карпенков ищет вас везде; он был у графа в Бреславле и поехал в Рейхенбах, желая хоть где-нибудь попасть на след ваш. Как же граф обрадовался, когда услышал от графини, что вы...» «От какой графини?» — спросил я торопко и беспокожно, перебив речь адъютанта. «Да графиня, супруга Александра Ивановича²⁵², принявшая в Бреславле раненого графа в свое попечение, ходя по Бригу с племянницами ее, княжнами Туркестановыми, нашли на ваш обоз здесь и, возвратясь, сказали о вас радостную весть графу». — «Но, любезный адъютант! Наделали же мы беды: они сказались маркитантшами, а мы, поверя тому, что... черт знает что мы им намолостили от скуки и боли давно неперевязанных наших ран». — «Не беспокойтесь о том, графиня сказывала о всех ваших неунывных речах, и граф весело отвечал ей: «Вот каковы они у меня, небось не разохотятся, как бабы, от лихих болячек, и вы, как маркитантши, должны простить им их шутки геройские...» Доктор графский, — прибавил адъютант, — пошел в городовую аптеку за лекарствами, и он сейчас явится сюда, а мне граф велел скорей возвратиться».

Когда графский, вольный, доктор пришел, нас ввели в ближний обывательский дом, где и сделана была перевязка ран наших. После того пришел к нам опять графский адъютант сказать от имени корпусного командира нашего, чтобы офицеры, сопутники мои, ехали в Ченстохов, и просил их принять от него в пособие, на случай надобности в болезни их в чужой земле и удалении от полку, по 10 червонцев, а мне сделал убедительное приглашение присоединиться к его семейству, ехавшему в Нейс²⁵³, что и было мною принято с благодарностью — и поныне вполне.

По прибытии нашем в Нейс, на третий день, приехал туда к нам генерал Карпенков. Отыскивая меня, он изъездил около 200 верст и был чрезвычайно рад, что нашел меня и не совсем в отчаянном положении к жизни, ибо хотя костоедица угрожала позвоночной кости спинной,

но доктор, прикладывая корпию, напитанную сырым яичным желтком, смешанным с четырьмя каплями трепетанного масла, отвратил эту опасность. Пробыв с нами сутки, он отправился к полку своему, стоявшему кантонир-квартирами в д. Klein-Virлу. Контузия картечи повредила живот его до того, что он ходил, согнувшись в дугу, опираясь на костыль.

В Нейсе лечился я при графе три недели, пребывая в соседнем графской квартире доме, на главной площади города бывшей. Графиня с княжнами, как благотворные посланницы неба, посещали иногда и меня, оживляя свою пресветлую беседу, в которой однажды склонилась их веселая речь и о маркитантшах, убежавших с божественными благотворными товарищами сердец от истрелянных покупателей, питомцев военных незабвенного начальника-героя графа Александра Ивановича Остермана. Весь двор прусского короля, удалившийся для безопасности из Берлина, сперва в Бреславль, находился тогда уже в Нейсе, под защитой труднодоступной перво-классной крепости. Имея квартиру мою на главной площади, противу замка генерал-губернаторского, занятого тогда королевским двором, я часто из окна моей комнаты видел прогуливавшихся пешком детей короля прусского, в том числе и принцессу Фридерiku-Луизу, неведомую тогда нам споручительницу на наше благоденствие, нынешнюю императрицу Александру Федоровну Всероссийскую²⁵⁴.

Получа благонадежные ощущения в моей ране и когда граф Остерман по совету лейб-медика прусского двора Гуфеланда отправился в Ландек, то я, возблагодаря благодетелей моих, поехал в полк свой, стоявший во время Пойшвицкого перемирия²⁵⁵ на новых кантонир-квартирах в городке Болкенгейме.

Леча рану мою, пребывая обыкновенно не отдельно от генерала Карпенкова, я жил с ним в селении Альтвассере, близ г. Ландсгута²⁵⁶, у кислых минеральных вод, ставших ему в необходимость по колотьям и судорогам в пояснице его, часто случавшимся, после инцета излетней картечи на живот, полученного при Бауцене.

Сделавшись главнокомандующим российско-прусской армией, генерал от инфантерии Барклай-де-Толли прислал в половине срока Пойшвицкого перемирия с нарочитым офицером своеручное письмо на имя генерала Карпенкова, которое было следующего содержания:

«Ваше превосходительство,

Милостивый государь
Моисей Иванович!

Вступая в командование армию, я увидел из рапорта 1-го Егерского полку, что в оном Вы и майор Петров состоите больными при полку. Хотя по образу честолюбивой Вашей службы в войне потеря и самой жизни дело обыкновенное, но я приятным нахожу спросить Вас, генерал: нет ли тому особенной причины? — Прошу отвечать мне искренно, дабы я мог с душевным удовольствием отратить все, если есть что-либо несправедливое, тяготящее Вас.— С уверенностью в Вашей откровенности, готовый на справедливую помощь Вам, остаюсь

19 июля 1813 года
Рейхенбах».

покорный слуга
М. Барклай-де-Толли.

Генерал Карпенков отвечал, что он и я ничем, кроме ран, не отдалены от фрунта и пребываем при полку в надежде еще послужить и заслужить его милостивое к нам это внимание.

Когда здоровье Карпенкова и мое возымели упование пожить и послужить еще Отечеству, то мы осмотрели сперва неподалеку от Альтвассера стоящий в полугоре на уступе высокого каменного утеса замок Фюрстенштейн (Княжий Камень), описанный подробно, с историческою точностию в Письмах русского офицера Ф. Глинки²⁵⁷, и потом Крейцберг, где впоследствии на вершине этой отдельной горы, пред древним замком рыцарей германских, воздвигнут памятник верному неустрашимому герою, спасителю Пруссии Блюхеру. После того ездили мы два раза в Богемию, по дороге от Ландсгута на Кениген-Грец²⁵⁸, на половину другой мили, чтобы посмотреть там Адерсбах, или каменный лес, уже не простую игрушку природы, а вычурные гримасы ее. Проехав четверть версты от австрийской таможни, повернули мы направо, на запад, по стосаженной широты луговой гладкой полосе, простирающейся на три мили к Габелю²⁵⁹ с малыми изгибами, имеющей почти везде аккуратно посредине неуглубленный ручей без кустарников, текущий с юго-запада на северо-восток. Обе стороны этой долины обставлены как бы фрунтами, без разрывов и значительных выставов многочисленными скалами с промежутками тесными одна от другой, а в иных местах плотно соединенными с виднеющимися вертикальными шрамами от

земли до верху. Широта гурб этих к стороне Праги, на юг,— полмили, а к Силезии, на север,— на версту и менее. Сплошные толпы эти имеют по многим направлениям почвенные тропы или коридоры с перелазами, удобопроезжимые. Высота их большею частью до 200 футов; объемы—от 20 до 80 охватов. Фигуры скал разнообразные: иные пирамидные, а наиболее колонные—с заострившимися верхушками чрез разрушение от мокрот и пригревов солнца. Есть несколько имеющих подобия сахарных голов, стоящих на усеченных остроконечьях. Вообще это представляет такое зрелище, что как будто когда-то некая волшебная моча двинула туда в две продольные гурбы пред ручей долины Адерсбаха, от восточных стран света,obelisks, пирамиды, минареты и башни замков. Они состоят некоторым числом гурб из синеватого железистого шпата толстых параллельных слоев, покрытых вверх известковыми пластами, рыхлывшимися от многовековых воздушных перемен, грызущих чело земного шара, а иные отделы—из первобытного сплава в базальтовых образованиях, с вертикальными шрамами или тропами, идущими мерно из пошвы до корон утесов, с перемычками поперечно, которые не можно приписать ни землетрясениям, ни электрическим расхибам, ибо тогда многие были бы в перекосных самослучайных направлениях.

В энциклопедическом лексиконе происхождение скал Адерсбаха приписывается стремлению вод ливней дождевых и таявших снегов. Но снега везде тают и ливни падают, следовательно, такие сплошные скалы были бы ежели не на всех каменистых и меловых местах, там и у нас, то на многих, а притом потоки вод бугровых, сваливаясь в одну купу и стремясь к раздолью своему, как, например, на долину ручья Адерсбаха, размыли бы некоторые тропы, особливо при оконечностях их у долины Адерсбахской, превратив их в капитальные балки или лога, а эти оконечности коридоров в каменном лесе, или Адерсбахе, при окраинах ровны, как и в середине куп скальных. Ежели бы наши Дивногорские меловые шпили вздумали сравнивать с Адерсбахом, по Болховитинова догадке о них²⁶⁰, надо не забыть, что эти на окраине мелового горного кряжа пред пространном логовищем Дона на полуденном пригреве образовались в разноте, а Богемские занимают длинные и широкие полосы без расширения выходов на долину. И кто знает, что Дивногорье наше не есть затея монашествующих к построению там обители, снабженной причинами привлечения

простодушных и простодумных поклонников чудотворной святыни, oprичь хитростей грешных людей, умноживших до 300 гвозди Христовы.

В бытность мою в Галле я спрашивал профессоров Августа Лафонтена и старшего Немеера о теории Адерсбаха, но и они не умели ничего сказать мне более, как то, «что он не что иное, как хвастливая показная гримаса природы, о которой и самый глубокомысленный геогност Вернер²⁶¹ не мог положить полной догадки». При втором посещении нашем мы прибыли в гостиницу долины Адерсбаха во 2-м часу пополудни. Черная туча нависла, дождь при чуточном ветерке продолжался более часу, и ежеминутные блески молний извивались и ерзали по скалам фрунтов, видных нам на обеих сторонах долины, представляя прелестные феномены, а раскаты и перекааты грома, ярившегося в междугории, возвратили слуху нашему $\frac{1}{15}$ часть оратории «Сокрушения света», бывшей в день Бородинской битвы. Когда прояснилась погода, то проводники повели нас в лабиринт междускалия южной стороны, где в одном месте, показав колоссальный бюст, иссеченный из верхушки скалы базальтовой, лежащей на маленькой лужайке, сказали нам, что 70 лет тому назад один богатый лорд, английский путешественник, застигнут был там грозой. Удар молнии отбил и свалил пред его лицом огромный осколок шпиля. Лорд послал нарочитого гонца в Берлин, и призванный оттуда каменоседец выделал из этого осколка бюст на пьедестал в память случившегося с ним там. Жаль, что время шершавым своим языком слизало надпись почти всю.

Когда болезнь генерала Карпенкова по присуждении факультета военных докторов армии потребовала пользования пресными минеральными водами, то мы переехали в половине августа в Вармбрунн, имеющий точно такую воду, в 28 градусов натуральной теплоты, вытекающую из гор Богемских скрытыми жилами в два бассейна, красиво надстроенные купольными храмами со светлицами вокруг для переодевания купающихся.

Местечко Вармбрунн, в трех верстах от Гиршберга²⁶², при окраине Богемских гор лежащее, принадлежит, с тремя городами и многими селениями, владетельному графу Шавкочу, которого предок во время Реформации показал во многом усердие правому делу унии, несмотря на свой бискупский сан, и пострадал от казни поносной на виселице в замке Кишасте от папешей за измену им.

Сам владетельный граф Шавкоч и его семейство жили тогда в Вармбруннском богатом замке. Супруга его,

графиня Шавкоч, придворная дама, хотя имела взрослых уже детей, но по благоприятному дружеству ей природы была еще красавица, особенно стройностию ее легкого стана и живостию голубых глаз, осененных светло-русыми волосами,— о, это было бедовое созданище!

При ней жила тогда родная сестра ее, разрознившаяся с мужем, богатым богемским графом Эльмптом. Тут же пребывал и родной дядя графа Шавкоча, 65-летний чопорный Малтизиянин, командор ордена святого Иоанна Иерусалимского²⁶³, осиявший своим форменным алым с золотыми петлицами мундиром всю систему Вармбруннского двора. Его тупей, как подобало, был всегда высоко взъеревенен и оснежен французскою пудрою.

Прибыв со многими бригады своей ранеными офицерами в Вармбрунн, генерал Карпенков не хотел сделать визита графу Шавкочу, во-первых, по слабости сил, даже согнутости поясицы от боли в ней, а еще и того более потому, что он считал Шавкоча обязанным быть сперва у русского бригадного генерала, раненного при подвиге, бывшем для освобождения Пруссии. Но граф Шавкоч, как видно было, не так рассуждал, и по его мыслям минеральной воды купален коронные приставы зачали делать нашим офицерам и самому генералу препятствия и даже грубости в споре о времени принятия ванн в очередь с приватными посетителями их. Генерал Карпенков вразумительно бумагою, переведенною на другой половине листа на немецкий язык его адъютантом фон Клуганом, известил графа Шавкоча о том, требуя его внимания и истраты воды и забот к успешному пользованию русских офицеров как его бригады, так и других частей армии нашей, «проливавших и долженствующих еще проливать кровь наших врагов и свою кровь для спасения Германии, удрученной игом рабства от алчного хватателя престолов и корон княжеских, графских и королевских в пользу сродичей и споспешников его». В противном случае грозил жаловаться королю их, искреннему союзнику нашего императора.

Отношение это, врученное адъютантом Клуганом самому графу, всполошило душу Шавкоча, и он, тотчас прибежав к генералу Карпенкову, просил убедительно извинения в том, что будто он заботами исполнения общих требований обоих правительств отторгнут был до того от приятного ему долга наблюдения выгод пользования и успокоения нашего, чего впредь никак не будет им упущено из виду, по высокому уважению той священ-

ной обязанности, которая питает надеждами души германских народов.

И подлинно, с того дня пошло все иное: учтливое и деликатное во всех отношениях его, Шавкоча, к раненым офицерам русским. Каждое утро присылано было от графа спрашивать о здоровье генерала и моем, и сам он навещал нас нередко, причем изъявлял сильное желание, чтобы мы посетили его замок.

Через неделю наилучшего внимания к нам Шавкоча генерал послал поутру адъютанта известить, что он хочет посетить графа, который, быв тем обрадован, просил усердно пожаловать к нему. Пред полуднем, в 10 часов, генерал Карпенков со мною и еще четырьмя офицерами и штаб-лекарем Леонтовичем пошел в замок, бывший в ста саженях от нашей квартиры, где все было в парадной готовности, зачиная от швейцара до полотера и истопника.

Граф встретил нас при входе нашем в аванкамеру с особенною вежливостию и чрезвычайною радостию на лице, ввел в гостиную и, спрося позволения у генерала, пошел во внутренние покои, оттуда вывел графиню свою и все семейство, которым мы рекомендовали себя по представлению нашего генерала. Графиня Шавкоч, как я сказал выше, была особа большого света, и по немалому остатку красоты ее ожидавшая и тогда еще от каждого кумирных приношений, зачала изъявлять нам, с первой минуты появления своего пред нас, важный тон по праву личности ее, то указывая рукою или пальчиком на офицеров, о которых желала что-либо знать, а иногда отвечала на вопросы их, смотря чрез плечико свое. Такие и подобные таким пассажи графини взбудоражили наши упоенные военною славою сердца с первого появления их, и генерал наш, пришед в досаду, нам сказал: «Ах, дьявольская она дочь! Да наша графиня Остерман всем знатнее ее, а у ней и тени нет подобного высокомерия, а о божественном обращении нашей царской фамилии и помянуть здесь грешно даже. Она не графу чета; ее заоблачных воздыманий спустить на уровень Вармбруна мы и ума не приберем — тьфу ты, Господи!» «Надобно, однако, нам, аванпостным, — отвечал я ему, — постеречь оказии, авось кому-нибудь из нас припадет она: столкнуть эту спесь с ее подгромостки. Готовцев! На тебя надежда, выручи!» Надобно сказать, что Готовцев — 22-летний брюнет-красавец, и с тремя ранами даже.

Наше другое посещение графа было к званому обеду, а третье — на чай и концерт. При обоих этих случаях

графиня не отступала от своего свинчатого для нас тона, но еще сильнее чертила свои великосветные вычуры при подошве Богемских гор, в местечке Вармбрунне. «Горе да' и только, хоть ты о землю грянься»,— сказал тогда в досаде генерал наш.

Еще в одно посещение наше, после обеда, около чайного времени, генерал сел за бостон с графиней, ее сестрою и нашим капитаном Усковым, а я поместился при них, как и прочие, у стола зрителем игры. Вот к графине Шавкоч пошли да пошли сплошь пребольшие игры карт, и она, пришед в восторг, сказала, что ей в привычку обыгрывать русских, ибо когда Беннигсен стоял с корпусом его около Бреславля зимою 1806 года, то она часто обыгрывала там его, князя Голицына и других генералов; всего же памятнее ей счастливая игра ее с ними на бале кабинет-министра их графа Гаухвица, данном тогда в Бреславле по случаю заключения мира России и Австрии Аустерлицкого²⁶⁴.

Чтобы отворотить бодливую выходку заносчивой графини, забывшей Йену и Ауерштет, я сказал ей: «Да, великолепный этот бал министра Гаухвица по своим изысканностям убранств, увеселений и угощения был каждому гостю выигрышем на тысячу призов».— «А вы были на нем?»—спросила меня графиня Шавкоч.— «В числе четырех адъютантов нашего дивизионного начальника я был на этом достопамятном бале».

Тут нелегкая дернула ее подострить словечком: «Как жаль, что я не имела чести знать вас тогда».— «Графиня!—сказал я.— Это невозможно было вам, знатной даме, потому что вы были окружены тогда только первенствующими особами того собрания, а русских офицеров находилось там более ста персон, в том числе и я, поручик. Что ж касается до моего шефа — дивизионного начальника, то его, как славного человека чином, видом и воспитанием, а всего более близостию дружбы везде Беннигсену и Голицыну, надеюсь, вы непременно заметили надолго».— «А кто был генерал ваш?»— «Генерал-лейтенант Ливронский, со многими орденами при двух звездах на груди».— «О, помню, очень помню его».— «Не правда ли, графиня, что он прекрасный молодой генерал, стоящий долгой памяти всякого видевшего его?»— «Да, это уж можно сказать, что он прекрасный молодой мужчина, одаренный блистательными талантами».— «Ведь он был тогда только лет 25 с небольшим?»— «Действительно, не более этих годов».— «Ростом он, графиня,

ведь не ниже вот нашего поручика Готовцева, тож и брюнет с черными глазами?» — «Да, знаете ли, майор, мне сдается, что-то много сходства в этом офицере с генералом Ливронским, сколько я могла его припомнить». — «Точно так, почтеннейшая графиня, и я чувствительно вас благодарю за память о моем славном начальнике, которому подобного у меня никогда не было». — Я досказал эти слова, вставши и поклонясь ей низко, а потом обернулся от стола и, взявши влеве подручно лежавшую на фортепиане мою фуражку, пошел тихими ступнями вон из гостиной и из замка, сказав мимоходом одному своему офицеру: «Ну вот, попалась она».

Графиня Шавкоч, усмотря многозначачие улыбки на лицах сослуживцев моих, спохватилась, но уже поздно. Сестра ее бросилась за мною в аванкамеру, остановив и обернув меня к себе своим призывом, спросила: «Скажите, г-н майор, зачем вы от нас удаляетесь?» — «Ничего, сударыня, нет мудреного в том. Я так обрадован вашею сестрицею, что мне тесно стало в гостиной вашей и даже в самом Вармбрунне, и я чрез несколько часов отправлюсь на простор в армию нашу, в огонь военный, простите, желаю вам благополучий, но не прошу помнить о мне, ибо не надеюсь быть так счастлив, как генерал Ливронский».

Поклонясь госпоже графине Эльмпт, я пошел из замка.

Возвратясь в гостиную на свое место, сестра хозяйки сообщила на богемском языке свое замечание о моем удалении от них, и они, кончив игру кое-как, вызвали генерала с его офицерами гулять в аллеях. Я был там, хотя сперва укрывался переходами в противоположные стороны их прогулке, но генерал призвал меня чрез Готовцева к себе. Когда я приблизился к ним, графиня Шавкоч, протянув мне руку, сказала: «Майор, не оставляйте ни Вармбрунна, ни нашего семейства и будьте нам впредь искренним другом; теперь я вас знаю и буду уважать — довольно!» И действительно, в последовавшие за тем пять дней окончательного пребывания нашего в Вармбрунне все семейство графа Шавкоча было как бы родным нашему русскому обществу офицеров, и особенно оно показало много благоизлияний оставшимся там тяжелораненым россиянам всех чинов.

Октября 2-го мы выехали из Вармбрунна к армии на Лейпциг, где одного сожаления о том, что не успели к Генеральной битве²⁶⁵, достаточно было заглушить все

бывшее назади; а когда шагнули за Рейн и Париж, то громады знатнейших новостей и интересов вытеснили совсем худые и добрые прикосновения к военным душам нашим, в Вармбрунне пребывавшим в принужденной покорности страдавшим от язв телес наших. Однако вот пришла чреда его, и я, идя по пути жизни моей, помянул еще раз горькое и сладкое Вармбрунна, находящегося под окраиною Богемских гор.

22. Эйзенах — земля Марии Павловны. — Вартбург. — Рейн, Рейн!

Излечась от ран в Вармбрунне, генерал Карпенков, я и еще пять обер-офицеров нашей бригады, следуя в армию свою, турившую тогда французов от Лейпцига из Германии восояси за Рейн, чрез Лейпциг, Наумбург, Веймар и Готу, прибыли мы 10 ноября в городок Эйзенах, принадлежащий герцогу Веймарскому. В этом открытом городочке, равно как и в селениях, принадлежащих Веймарскому герцогу, которые мы переехали по пути от Наумбурга, в объезд Эрфурта, блокированного пруссаками, на Арнштадт, на каждом обывательском доме приклеен был лист бумаги с крупною четкою русскою прописью: «Земля Марии Павловны» — для извещения проходивших там войск русских летучих отрядов и Донского Платова корпуса, предохранявших от злобы разбитых при Лейпциге французов родную нашу землю.

Приезд наш в Эйзенах случился в день бурной с холодным дождем, но как можно не посмотреть убежища Мартина Лютера²⁶⁶ — замка Вартбурга, где этот счастливый поединщик, подобный вдохновенному свыше отроку Давиду, ставшему против исполина Голиафа, поразив на Вормском соборе в 1525 году пращю святого апостола Павла, знаменитых воителей папы Льва X, укрылся на девять месяцев от угрожавшей ему опасности тайного погубления его по отказе императором Карлом V²⁶⁷ в явном по данном Лютеру его ручательству.

Замок Вартбург стоит на каменном шпиле плосковерхом и видится, по причине сизоватости его от моха скалы, как бы висящим над городком Эйзенахом с юго-западной стороны его. Он занимает все темя этого рожденного природою гиганта, имеющее плоскости одну квадратную десятину, прильнувшего одним кострецом

к левой, или южной, оконечности овального герцогского гульбища, устроенного на 15-десятичной поверхности горы выровненной, имеющей от восточной продольности овала своего широкою, удобовъездную для экипажей апарель²⁶⁸, обсаженную по обеим сторонам березами, сходящую отлого впоперечь глубочайшего оврага на торговую площадь городка Эйзенаха. Апарель и плоскость ватерпасная, горы гульбища не натуральные, а сделанные трудами людей давних поколений, ибо плоскость гульбища каменной, толстослойного песчаника, горы ровна и окружена по окраине обруба всего выработанным из самой горы бруствером и снабжена плотным слоем плодородной земли, питающей посадку разных дерев и кустарников, но большею частию сосен. По всему видно, что там был некогда укрепленный город, которому шпилевый замок служил цитаделью, названною Вартбургом, чаятельно по смыслу слова немецкого Warten — подождать, что в ней Лютер переждал свою лихую годину. Западный бок гульбища предстоит междугорной обширной круглой долине, представляющей смотрящему чрез бруствер гульбища прекрасный ландшафт со множеством ферм, прудов и ручьев, обставленных стремнинами горной цепи, по 10-верстному, на глазомер, протяжению ее, из которых высочайший кабан, влеве, предстоит лицу шпиля вартбургского исполина, за узкою дефилею, с долины на юг идущею в глубь Тюрингии, что и было, кажется, причиною уничтожения крепости по изобретении пушек, могших оттуда сгладить цитадель и город.

От порывистой бури с дождем и по слабости сил наших после ран трудно было нам взобраться на крутизну Вартбургского шпиля, а остаться ночевать в Эйзенахе, чтобы переждать бурю, мы и подумать не умели, ибо честолюбие наше трепетало от мысли опоздать в соучастии боевой переправы чрез Рейн! Соединясь в плотную гурбу около своего храброго генерала, мало знакомого с «нельзя», крикнувшего и тут: «За мной, друзья, ура!», мы, преодолев с ним, как и везде, и бурю и крутизну осклизлого восхода, взобрались по 200 ступеням, вырубленным в каменной почти отвесной отлогости, одетым дерном, в выгнутом расположении, суживающимся вверху, у предвратной площадки шпилевого замка, имеющей над собою бойницы стародавнего образа фортификации.

По восходе на двор замка, имеющий длины 80 и поперечины с востока на запад 60 шагов, отдохнув немного в приемной гостинице, находящейся при самых воротах

на правой стороне, по входу, у проходной арки, в нижнем поясе общего двухэтажного замкового четырехфазного корпуса, мы осмотрели сперва рыцарскую столовую залу, по древнему обычаю христиан, с церковным престолом посредине ее — для напоминания ежевечерне преломления хлеба, запиваемого чашею вина, Тайной вечери Искупителя,—складенным из кирпича под щекатуркою, на которой, как и на стенах всей залы, начерчены во множестве надписи посетителей Вартбурга, из которых только некоторые не стеснены гурбами иных. Имена Гёте, Шиллера²⁶⁹, Лафатера²⁷⁰, Лаврентия Стерна²⁷¹, Виланда²⁷² и других великих людей окружены предохранительными чертами, а прочие столплены, как сволочь зевак толкучего рынка, большею частию с подобною тех хламною болтовнею всякого по-своему — и от всей силы душ их.

По обеим продольным стенам и близ их расставлены и развешаны в несколько рядов разные антические доспехи древних рыцарей германских, как-то: мечи, фламеи, копья, палицы, щиты, кольчуги, шлемы и латы сильных могучих богатырей и дебелых коней с их металлическими покровами спин и наголовниками — необходимостями давнего рукопашного военного ремесла. Многие из них собраны в полные остовы всадников, поставленных в конные фрунты дружин, украшены золотыми и серебряными насечками и чеканными прокладками. Посетителям, вступающим в дверь южной концевой стороны этой пространной высокой палаты, пред фланги основных всадников конных, стоящих двумя фрунтами, одного противу другого, с промежутком 10 шагов, на конях, оседланных и замуштученных по металлическим наголовникам; одни лишь деревянные, грубые поставы козлов, виднеющиеся вместо конских ног, мешают ожиданию увидеть рукопашную богатырскую молотьбу: ибо выставленные копья и взмахнутые ими мечи чувствительным образом предубеждают всякого обыклого воина, что вот-вот забушует свалка Роландов²⁷³, Святославов²⁷⁴ и Цимисхиев²⁷⁵.

Есть там и несколько картин большого размера, но они не заслуживают никакого уважения ни по своему художеству, ни по значению, ибо представляют, червонным суздальским колоритом, легенды давних католических бредов, дарственных духовными пройдохами слепоте людской. Как, например: вот, на противоположной входу поперечной стене толпа рыцарей в каком-то осажденном

городе, томимых смертельным голодом, принимает от явившейся святой жены букеты роз, которые обращаются в небесный хлеб и спасают их от голодной смерти, и тому подобные бредни.

Наконец, чичерони²⁷⁶ повел нас по узкому обходу снаружи на дворе замка, у стены под окнами галерею кругом устроенному, со взлазами и перелазами, в самые чердачные подкровельные каморки, вмещавшие в себе некогда громовую тучу, сокрушившую перунами своими когтистые лапы ватиканской орды дервишей. Под крутою черепичною крышею замка, перейдя по доскам чрез переметы подстропильные, вступили мы маленькою дверью в шестиаршинную налево к двум оконцам длины и четырех — по входу поперек комнатку, выбеленную просто по глиняной подмазке, в которой влево у дверной продольной стены стоит узкая кровать, а у противоположной и оконной — маленький столик и три стульца с высокими заспинниками, обитых покраснелою от времени юфтою. Вся эта мебель почти топорной работы. Отсель прямым ходом от преддверья первого вошли мы в другую горенку, гораздо меньшей широты, но долготы одинаковой, в ней одно оконце туда же, на предутесную долину западной стороны горного гульбища и шпиля. Полная верста от окон вниз отвесно по обрубку шпиля до уровня долины представила нам необыкновенный ландшафт, на котором, укрываясь от худой погоды при утесе в дефилее, начинающейся у шпиля и идущей на юг в горы, ходившие стада разного домашнего скота и их пастухи казались нам плямками разных теней, в фогель-проспекте двигавшимися по дну долины. В этой меньшей горенке прямо противу двери, у глухой бревенчатой голой стены, стоит правым концом, по входу, к печке синеузорчатого кафля продолговатый стол, выкрашенный голубою краскою, на дебелых точеных ножках, с выдвинным большим ящичком, имеющим точеную, грибовою фигуры черную ручку. Пред столом находится кресло, обитое сине-краснополосою пестрядью. На столе стоит чернильница, круглая, точеная, из прочерненного дерева, вершков трех в диаметре, с вышибленным на вершок конически к центру краем при ударе его швырма в призрак сатаны, пригрезившегося ему в помешание перевода Библии с латинского на немецкий язык, в припадке его, по малодвижимости чрез многие месяцы скрытного пребывания с его полнокровием, как он, Лютер, сам изъяснил то словом: в белой горячке от печки;

виден на стене чернильный облив, произведенный этим ударом, который почти весь глубоко вырезан посетителями. Вот то тайное убежище бедного августинского монаха, избавившее его от горькой участи, подобной Петра Вальды²⁷⁷, Иоанна Гусса²⁷⁸, Иеронима Прагского²⁷⁹ и многих миллионов других мыслителей, погибших на кострах могущественнейших святителей огнем корыстолюбивого их преобладания на ристалищах изуверства, гасивших остатки света Божественных предназначений кроткого Иисуса Христа, хотевшего ценою крови и жизни Его укротить сутолпное богослужение целого колена всего народа первосвященников иудейских.

Прочие камеры Вартбурга имеют в себе остатки разных потребностей рыцарского обиталища. Узорчатые шкафы, столы, кресла и кровати стоят в порядке быта жилого людей, гнездившихся под облаками ради чести обетного звания.

Спустясь с Вартбургского шпиля и сойдя с городского гульбища, мы, севши в дожидавшиеся нас у апареля на городской площади экипажи, пустились пред вечером в путь по Маянцкой дороге на Вейлебург.

Едва отъехали мы на полмили от Эйзенаха, как вдруг косматая буря, северо-западная, завывала и забуробила каляными лапами своими по лицу вестфальской земли, вскинув над нас белесую тучу. Снег посыпался, метель закрутилась, мороз на все оскалился, и мы насилу добрались на ночлег в какую-то деревеньку. На дороге еще я почувствовал какое-то стеснение и боль в груди от простуды, полученной на горе Вартбургской при взлазах на крутизну скалы замка и лестницах чердачных Лютера убежища, и у меня в ночи той оказалось кровотечение из груди харкотинное; но полковой эскулап наш Леонтович в три дня на пути унял его Галлеровой кислотой. Вот как дорого обошлось было мне любопытство посмотреть убежище и место чернильнопролитой драки Лютера с сатаною — один на один даже и тогда, ежели бы Лютер и не промахнулся!

Из города Мунтербаура, последнего нашего ночлега на пути к Рейну, мы выехали 14 ноября рано поутру, почти не помня сами себя от радости, наполнявшей сердца наши надеждами предстоявшей славы. Нигде, казалось нам, не проходили мы во всю нашу жизнь таких долгих миль, как те две, чрез которые мы тогда быстро неслись, во весь дух украинских удалых лошадей своих, по дороге к городку Талю, находящемуся тогда под

крутизною скалы Эренбрейтштейнской. Держа наготове в руках для награды по червошцу, генерал и я то и дело спрашивали проводника, мунтербаурского мещанина: «Скоро ли виден будет Рейн?», и эта злодейская флегма, сося свою трубку, двадцать раз отвечал нам: «Вот там-то, как проедем и доедем, а потом подыдемся...» Чтобы прах его побрал в ту пору, Господи, прости нас и благослови его весь род племен на многие лета.

Наконец предстала нам обещанная самим себе за 9 лет пред тем минута счастья. Еще может быть, что проводник, сидевший с кучером на козлах коляски нашей, собирался только пошевелить губами, дабы сказать нам об открывшемся Рейне, а наши взоры уже лобызали священное чело его, а руки радостно подавали червонцы проводнику, изумленному нашей щедростью.

Мы прискакали в Таль. Квартира для генерала и меня нанята была посланным еще в ночи из Мунтербаура офицером нашим на самой набережной Рейна. Все жители городка этого, ожидавшие прибытия нашего, увидев нас, кричали «ура» все время, пока мы не нагляделись на Рейн и Кобленц и вошли в генеральскую квартиру. Хозяин наш, богатый торговый гражданин Талья, встретил нас со всем его семейством на крыльце, а когда мы вошли в комнаты, то поприветствовал чувствительною речью от искреннего старогерманского сердца, оживленного надеждами, спросил генерала, чем может он угостить гостей — спасителей Европы? Генерал Карпенков сказал ему: «Всего приятнее будет нам, когда подадите воды Рейна!» Он понял наше желание, поклонился низко и бросился сам с хрустальным кубчаном на берег, почерпнул и принес воды, которую, налив семь больших бокалов, подал генералу и офицерам — его спутникам, причем все семейство его и он низко клашались. Поздравя друг друга, мы выпили досуха наши кубки как нечто наимприятнейшее, имевшие в себе. И именно так: это вода священного Рейна, к которой древние рыцари германские с великим торжеством приходили крестить поворожденных своих сынов с упованием, что погружение в этой воде давало детям их непобедимость. Вот и мы, сыны России и благословенного Александра, достигли по чреде многочисленных побед наших Рейна, испили священной германцам воды этой, став в боевую готовность переступить его для завоевания мира от разбитого везде народа французского. Благословляю вас, наипрекраснейшие минуты моей

жизни! Ах! отзывайтесь, отливайтесь в душе моей до последней минуты жизни и там — в вечности — простритесь с нею пред блаженными великими душами венчаных лаврами героев славного нашего Отечества.

Боже всемилостивейший! Пред Тобою предстою — не отринь моего моления грешного.

23. Ночь немецкого Нового года и переправа наша чрез Рейн.— Занятие Кобленца

Как с давних веков ведется, что германские народы везде встречают первый час Нового года в обществах городских собраний и в фамильных дружеских беседах, при танцах молодежи и застольных песнях пожилых и всех, чокающихся полными кубками светлого, не бунтливового вина при звоне часов, означающих полночь, разделяющую старый год от нового. Так в последний вечер и часы остатние 31 декабря 1813 года, совершая подобное празднество, они присоединяли нас к кругам фамилий своих и городских собраний около правого берега Рейна, пред тем временем нашими войсками в кантонир-квартиры занятого.

За несколько дней пред Новым годом немецким * осьмый пехотный корпус наш под командою генерал-лейтенанта графа Сент-При, прибыв от Касселя обходом на Дюссельдорф, стал штабом в маленьком городке Тале, лежащем противу Кобленца, под крутизною огромной береговой выси, имеющей на себе развалины разрушенной французами по Люневильскому трактату неприступной крепости Эренбрейтштейн, грозно повелевавшей чрез Рейн Кобленцем, занимающим низину мыса берегов Рейна к устью Мозеля правой стороны, а полками — в ближних городах Нассау, Мунтербауэре²⁸⁰, Эмсе и Нейвите с обапольными селениями.

Хотя 1-й егерский полк наш всеми батальонами кантонировал в селении Рансбах, за милпо ниже Таля, в двух верстах от Рейна, но штаб его находился в самом Тале, где и моя, опричь батальонной, временная квартира была у герцогского главного лесничего барона Трофа. Я тогда получил чин подполковника за военное

* Русский календарь отставал от западноевропейского в XIX веке на 12 суток.

отличие, оказанное в России в 1812 году при Дорогобуже, но тогда только объявленный мне по команде.

Семейство барона Трофа составляли две его дочери-баронессы и ближайшая родственница их, пожилая вдова. Младшая дочь служила гоффрилиною у их старой герцогини Нассауской, по в это время, по смутности обстоятельств княжеских домов Рейнского союза, раскальываемых Наполеоном для возблистания его корсиканской династии, жила она у отца в отпуску, по удалении герцогини в Вену.

У этого старого лесничего барона Трофа судьба привела меня с несколькими офицерами нашего полка быть на вечере прощания с окончившимся славно для нас 1813 годом и встречи наступающего 1814 немецкого года. Его родные и друзья, как и он сам, оживленные вполне надеждою освобождения Отечества от порабощения иноплеменных владык, ласкали и угощали нас — «спасителей своих», — прибывших к тому дню из Москвы на Рейн! В богемских хрусталях и русских сердцах наших, объятых тогда благоприветною славою, Гохгейм и Йоганнесбергское вина искрились при восхитительных тостах добросовестных германцев монарху нашему и его воинам, в благодарность вымышляемых. Не помню, кто-то из моих, желая изъяснить раздолье победоносной славы нашей на Рейне, спросил шампанского. Хозяин мой, барон Троф, от правдивого германского сердца возразил энергически на этот машинальный спрос: «Боже меня сохрани и помилуй, чтобы я, родный сын старой честной Германии, допустил в доме моем угощать почтенных героев русских этим холопским пойлом шипучей Франции, или, справедливее молвить, поддельным винишком паршивой Шампанской земли. Да разве нет у нас, на берегах благодатного Рейна, во сто раз достойнейшего к вкушению вашему? Избави и сохрани, Боже! Вот вина кометные — Гохгейм и Йоганнесберг, Лаубенгейм и Ниренштейн. Как, да неужели у вас, в России, эта дрянь ницелодной Шампаниии значит что-нибудь в сравнении с знаменитыми винами иных стран?» И запел любимую песню обитателей берегов Рейна с прибавкою нового куплета восторженными сердцами германцев, тогда похваляемыми в канте на похвалу нам:

Am Rhein, am Rhein.
Da wachset unser Reben,
Da blühet unser Glück.

.....

Willkommen, willkommen,
Unser Retter Russen,
Für uns Gäste Süsse*.

Пивши пунш, мы спросили у буфетчика лимона, чтобы заменить им малиновый экстракт. Хозяин, узнав о том, сказал: «Что тут значат лимоны для таких гостей! Эй, ключница! Поди принеси из погреба одну бутылочку из тех, что там». Вот молодая ключница живо слетала в погреб и принесла спрошенную бутылочку, закупоренную с заклеюкою и заштемпелеванную висячей на проволоке свинцовой печатью. На боку бутылочки был наклеен очень нарядный, с позолотою под лаком, патентовый билетец с паныгирною надписью, означающею содержащееся в ней снадобье Klükallum Russalum. «Что это, барон, за эссенция?» — спросил я моего хозяина. «Да уж это такой божественный элемент к созданию искусительного пунша, чудо, да и только, ни дать ни взять, что в новых военных маршах почтарский рожок». Сказав это, он раскупорил бутылочку, стоящую у них, чрез тарифные поборы многих таможен, два талера, и влил в пуншевую вазу щедрую пропорцию. Мы попробовали поданные нам стаканы, и приложение действительно оказалось чудесным. Но что же это было? Наша родная «Клюква Русская!», переделанная голландскими кондитерами в сиропную эссенцию для мореходных путешественников в тропические страны. Вот нам, русским, встречавшим на Рейне немецкий Новый год, встретились вдруг два новых урока: в большей оценке и уважении у нас шампанского квасу, делающегося, как мы после сами видели, быв на стоянке в Силери и Эпернее, из никуда не годного кисло-водянистого лугового шампанского винограда, усахаренного соку, с особенными приправами г-жи Клико и других, надувающих нашу святую простодушную Русь, и в ничтожности своего родного продукта — клюквы, многоценного сокровища для иностранцев, беспристрастных ценителей добрых вещей.

Корпусу нашему назначено было той ночи пред полуночью сесть на приготовленные речные веслоходные суда

* На Рейн, на Рсйн,
Там растут наши виноградные лозы,
Там цветет наше счастье.

Добро пожаловать, добро пожаловать,
Наши спасители русские!
Наши дорогие гости.

в четырех местах отдельными колоннами и, переправясь за Рейн, в границы Франции, занять Кобленц. Полку нашему и немецкому мушкетерскому, составляющим 2-ю переправную колонну генерал-майора Карпенкова, велено было отвалить с правого берега Рейна, выступя из устья р. Лана, впадающей в Рейн выше Таля в полторе версте. Все это распределено было секретным приказом корпусного командира нашего по повелению начальника всей коалиции Александра I, бывшего тогда с главными силами союзной его армии на марше из Базеля в Кольмар.

До назначенного часу сбора колонны нашей к устью правой стороны р. Лана я был в веселой компании моего хозяина, а когда приблизился тот час, в который надобно было мне отбыть от нее к переправе, на сладчайший пир славы Отечества моего, то я велел моему баталионному адъютанту, чтобы он, отошед на несколько минут от квартиры моей, возвратился позвать меня от имени генерала нашего ехать с ним на концерт куда-то за город к помещику. Пред тою порою дочери хозяина моего и подруги их высказали свое сожаление, что им не скоро прилучится не то что видеться с их кобленцкими родными и приятелями, но ниже письменно поздравить с Новым годом. Я, услышав это, сказал хозяйкам моим: «Не отчаивайтесь, почтенные баронессы, в письменном поздравлении родных и друзей ваших, ибо завтра поутру рано наш офицер отправляется к кобленцкому берегу Рейна парламентаром, и потому вы можете поручить мне теперь же общее письмо ваше к родным и друзьям вашим, вздыхающим о вас, как и вы о них; лишь только не примешивайте в него ничего касающегося до военных и политических происшествий, ибо его непременно распечатают». Фрейлины, поблагодарив меня приязненно, тотчас написали всем обществом письмо и, запечатав его ненакрепко, вручили мне с приятными просьбами и книксенами. Обещая им исполнить их желание, я присовокупил к тому, что надеюсь даже и ответ на него им доставить. Тут вошел мой баталионный адъютант и сказал мне кое-что. Я извинился пред хозяином и всею компаниею его, изъявляя сожаление, что должен оставить приятное мне общество. Они уговаривают меня отказать от концерта, но я, опровергнув советы их затруднением того по многозначающему для меня от самого корпусного командира приглашению быть там, оставил беседу барона, ожидавшего в веселии обменять старый год на новый с придачею им мира и тишины, германцами давно желанных.

На площадке южной оконечности городка Таля, при берегу Рейна, готовы были наши верховые лошади, и мы перенеслись на них к устью р. Лана, где оба полка наши соединиться должны были к назначенному часу пред полночью 19 декабря 1813 года старого стиля.

Собралась бригада, составляющая 2-ю переправочную колонну нашу. Наступил час, назначенный по диспозиции к зачатию военноподвижения, и я, по предназначению мне, взошел с 1-м баталионом моим на гребные боты, поднимающие от 20 до 30 человек, управляемые искусными рейнскими судовщиками, имея пред собою отборных стрелков полка под командою штабс-капитана Коневцова, выступил из устья р. Лана на быстро-широкое раздолье величественного Рейна! Не было в жизни моей до того минут высшего чувствования военной чести и самой жизни, как тогда, ибо не в мечте пылкого воображения, а в самом деле быстрые струи Рейна покорно трепетали в беге своем под ногами сонма храбрых сынов России — славного нашего Отечества!

Кормщики и гребцы — германцы искусно-усердным действием их, без стука и шелеста о воду весл, приблизили нас поспешно к неприятельскому берегу и границе Французской империи! Саженой десять не допусая до своей стороны к привалу, французские набережные посты, усмотря лодки наши, открыли ружейный огонь, по которому и 4-пушечная береговая окопная батарея их, устроенная противу устья р. Лана, грянула залпом, чем и начался наш «загородный концерт» во всеуслышание. Но мы поспешили привалить к неприятельскому берегу, на котором, бросясь опророметью с судов, соединились в баталионы, отгеснив береговые неприятельские посты, и завладели окопною батареею с пушками; после чего чрез несколько оборотов поисков ночных-ощупных и стычек нашими егерскими отрядами, туразившими за французами по загородным виноградным садам около бывшего до революции Картезианского девичьего монастыря, мы, отогнав их прочь, к стороне Трира, соединились в общую бригадную колонну и пошли парадным скорым маршем с барабанным боем и музыкою в растворенные для нас гражданами ворота Кобленца, оставленного начисто неприятелем. Мой 1-й баталион полка составлял голову колонны. Город был тогда по случаю встречи Нового года с особенным вниманием иллюминирован фонарями и плошками.

Лишь только раздалась вместо умолкнувших артиллерийских и ружейных выстрелов музыкальные звуки

нашего парадного шествия, то жители домов главной улицы, по которой мы вступали, как бы оживленные ими, вдруг показались в отворившихся окнах всех этажей огромных домов и дверях уличных крылец обеих сторон проспекта при совершенной тишине морозной ночи бесснежной тамошней зимы с пылавшими в руках свечами и факелами вдобавок общему освещению городскому, произнося громогласно: «Да здравствует Александр — спаситель Германии, да здравствуют его храбрые воины, герои и благодетели, друзья наши вечные, ура, ура, ура!» и прочее, что только мог внушить им тогдашний искренний восторг их, освященный любовью Отечества. Некоторые из них, будучи смелее прочих, выскочив на улицу пред колонну, принялись под музыку нашу, подаваясь вперед, прыгать, хлопать в ладоши и кружиться, схватясь в круговни, крича во всю мочь, от всей души немецкой, скучившейся французским преобладанием, расторгшим их на 19 лет с единоплеменными им сынами самобытной Германии. Нашлись и такие, которые между немецкими словами замешивали и русские: «Браво, Русско! Топра Русска!», прибавляя в брань Наполеона: «— — —», просим не погневаться, чистешенько по-русски!

Колонна наша, прибыв на середину города, стала на главной площади, обставленной по всем четырем фазам большой квадратуры прекрасными огромными домами новейшей архитектуры и освещенной не то что густо, но даже жарко. Тут полки 1-й егерский и Полоцкий мушкетерский выстроились во фрунты полковые по двум сторонам, наш — к стороне Рейна, а Полоцкий — противоположно нашему, первый спиною, а последний — лицом к стороне Рейна. Выслав стрелковые команды егерей и мушкетеров для осмотра города и поисков неприятеля, удалившегося, по показанию граждан, за каменный Мозельского устья длинный мост в фольварки загородные и селения вверх по левому берегу той реки, немножко меньшей Воропежа. Генерал-майор Карпенков немедленно послал адъютанта своего Клугена в Таль, к остававшемуся там корпусному нашему командиру генерал-лейтенанту графу Сен-При, с рапортом о благополучном окончании назначенного ему занятия Кобленца и преследовании неприятеля малыми отрядами вверх по Мозелю обоих берегов к Тромбергу, куда он большею частию от нас раздробленными частями отступал.

В ожидании приказа в предназначение дальнейших действий к преследованию отступавшего неприятеля

и прибытия в Кобленц самого корпусного командира полки всех прочих переправленных колонн, прибывши к нашей, выстроились на той же площади по всем фазам ее линиями баталионных колонн. Музыки всех восьми пехотных полков гремели, играя кадрили и экосезы, а торжествующие германцы — граждане Кобленца, обоего полу молодежь, и наши офицеры составили партии танцев более пежели в 40 местах на чистом гладком помосте, из тесапого квадратного камня устроенном и освещенном кроме фонарей многими факелами. Окна всех домов площади и балконы были полным-полно натисканы зрителями этой единственной картины, освещенной ярким огнем фонарей, плашек и факелов, а еще того более воспламенением радостию сердец германских. То было уже в четыре часа пополуночи.— При этом пиршестве, увидев полкового командира Елецкого пехотного полка подполковника Тургенева пред его колонною, я, вспомнивши давно прошедшее общее наше горе, подошел к нему, сказал: «Милый! Милый! Уж мы за Рейном празднуем Новый год немецкий!» — и, обняв его радостно, от всей души поздравил с исполнившеюся девятилетнею мечтою нашею о Рейне; тогда он, по выступлении полка Елецкого из Нарвы к Аустерлицу, ублажая молодых своих офицеров в любовной грусти, какою и сам страдал, стоваривал писать в Нарву, к любезным друзьям, таким начинном письма — с Рейна!

Смотря на граждан, праздновавших первые часы Нового года и освобождения своего от порабощения, я вспомнил о письме, бывшем у меня в грудном кармане мундира, от семейства барона Трофа. Подозвав к себе молодого гражданина и показав ему адрес письма, я спросил: «Где дом того, кому оно следует?» Спрошенный показал мне невдалеке от площади, в той улице, по которой вступали в город, и я попросил его известить того дома жителя, чтобы он подошел ко мне для получения письма, ему следующего. Опрометью бросился он исполнять мое желание, и чрез пять минут явился с ним ко мне гражданин средних лет по фамилии Фохт, согласно адресу письма. Я отдал ему письмо, прося его немедля на него ответа или хоть уведомления о доставке мною письма. Чрез четверть часа ответное письмо вынесено мне было ко фрунту сыном г-на Фохта, который, вруча его, поздравил меня от всего их семейства с благополучным переходом за Рейн и просил обязать их моим посещением. Ответное письмо я тогда же послал в Таль с унтер-

офицером, написав карандашом на конверте со стороны печати: «Концерт кончился, а рукоплескание еще длится, и вот обещанный мною вам ответ на письмо ваше. Я иду преследовать неприятеля».

Точно так и было, ибо когда граф Сеп-При прибыл к полкам своим, переехав из Таля на левый берег Рейна и границу Франции — в Кобленц, то 1-й егерский полк немедля пошел вслед казаков с двумя орудиями вверх по левому берегу Мозеля для поисков и преследования неприятеля. Через четыре дня, когда возвратился полк наш из преследования и занял квартиры в самом Кобленце, составляя его гарнизон вместе с другими полками под командою временного русского военного губернатора генерала Карпенкова, я припужден был ехать немедля в Эмсбад для пользования левой руки, онемевшей ниже плеча до локтя от простуды чрез намочение левого бока моего при падении моем в воду, спрыгивая с лодки на берег неприятельский в ночи переправы чрез Рейн. По пробывтии там одной недели, в которую болезнь моя миновала, когда я возвратился лишь в Кобленц, то в тот же день, 28 декабря, полк наш выступил к крепости Майнцу; идя туда набережным шоссе чрез Богнарт, Бехард и Бинген, оконченным Наполеоновым могуществом — чрез соборные контрибуции с земель Рейнского союза²⁸¹, как бы нарочито для русских в прошлое лишь лето. Во многих местах это шоссе проведено в набережных надводных утесах, в выделанных в камне галереях, с аркадными просветами над Рейном, катящимся там быстро, с шумом между каменистых высей обоих берегов, досаждающих ему своим сближением, производящим на то его ропот.

Когда генерал Карпенков был временным военным губернатором Кобленца, то имел в помощь свою комендантом артиллерийского полковника Михаила Семеновича Магденко, умного, образованного офицера-героя. Этот чувствительный к славе своего Отечества как на боевом поле, в огне сражения, так и на дипломатической арене, необходимый помощник Карпенкова, знавший совершенно немецкий и особенно французский язык, не оставил без внимания пирамиду, поставленную на набережной Рейна в Кобленце, — там, где примыкал к левому берегу Рейна мост, устроенный для французской армии, шедшей завоевывать Россию в 1812 году. Архитектор этого памятника, парижский академик, желавший выразить мысль прочности славы похода армии завоевателя,

носящего железную лангобардскую корону и несшего крепкие оковы железные России, сделал надпись воронеными железными буквами, по черному, как жук, событию этого похода. Полковник Магденко, получа в свою власть этот памятник, призвав к нему каменосечца-француза, оставшегося как-то в Кобленце, принудил его вырубить под железною надписью пирамиды на мраморной доске, по порожнему месту междурамия, на французском же языке следующее: «Траурное событие черных букв пирамиды сей, как и событие похода, свидетельствую. Российской армии полковник, кобленцкий комендант Магденко. Декабря 1813 года».

Майнц держали мы в утеснительной блокаде нашим 8-м, прежде бывшим 4-м, героя Остермана корпусом с Нового года нашего стиля по 1 февраля, до того времени, когда прибыли на смену нам вольные полки милиции княжеств Рейнского союза под командою молодого принца Саксен-Кобургского²⁸², а мы пошли чрез Нанси и Шалон к Реймсу в армию Блюхера. Почтенный барон Троф и его семейство писали ко мне в блокадную линию Майнца, а по возвращении нашем из Парижа на Рейн — в Мангейм. Фрейлина в первые дни Нового года потребована была герцогинею ее во Франкфурт-на-Майне к служению, но я их не видел с того дня, как проезжал из Эмсбада чрез Таль в Кобленц, ибо полк тогда был во фрунте, готовом к маршу. Письма их и теперь сохраняются у меня как многоцветные памятники приобретения моего искренней умной дружбы на Рейне.

24. Наивкуснейший обед в моей жизни

При взятии штурмом Реймса 8-м пехотным корпусом под командою генерал-лейтенанта графа Сен-При, быв начальником штурма колонны в части генерал-майора Карпенкова 1814 года февраля 27-го на рассвете дня, в общей кутерьме штурмовой бури и я ворвался в город с моею колонною чрез Верденские крепостные ворота, разбитые нашими батарейными орудиями. Гарнизон города был частью истреблен, другою забран в плен, а наибольшее число его, вырвавшись из крепости, пробилось сомкнутою массою сквозь наблюдательный кавалерийский отряд генерал-майора Панчулидзева 1-го²⁸³, ушло по дороге на Суассон, в преследовании конницы

генералов: нашего Эмануэля и прусского Ягова, до теснин городка Фимми²⁸⁴.

Когда, одолев все препоны и силы неприятельские, завладели мы городом, то корпусный командир наш велел ударить отбой и сбор, по которому все прекращено, и полки, оставя штурмовые права солдатские, собрались и построились во фрунты на площадях и внутренних эспланадах укрепления противу тех мест, где штурмовали они городовые обороны. По осмотре штурмовых отделений корпусный командир, изъявив войскам своим полную благодарность, приказал поставить полки по квартирам в городе и ближних селениях, не раздробляя ротных частей, а ставя в большие дома значительными числами, послав сильный авангард свой, состоящий из драгун и конных егерей, по дороге Суассонской в Фимми, где и стал он аванпостами, недостаточно протянутыми влево, к стороне Парижа, к городу Феру, под начальством Панчулидзева.

На мой баталион дано было 13 домов. Моя квартира была на площади кафедрального собора, почти против самого главного портала этого величественного храма ростральной²⁸⁵ архитектуры готического образца²⁸⁶, где обычно исконные французские монархи, кроме Бонапарте, принимали перевенчание. Со мною квартировал любимец мой, военный поручик Готовцев.

Хозяин наш, молодой купец, красивого лица человек, имел жену — привлекательную брюнетку, как и он сам. Они встретили нас, пришедших к ним во Францию с контрвизитом из Москвы, разумеется, с принужденною учтивостию, прикрытою страхом на лицах их и явною ненавистию в сердцах. Сборным местом штурмовых колонн нашей части хотя был знатный замок Силлери, имевший в подвалах своих огромные запасы шампанского силлерийского вина, пресловутого на Руси, но мы пошли на штурм, почти только им одним надувши пузы; а потому Готовцев зачал хлопотать о фриштике²⁸⁷ так усердно, как может проголодавшийся; за всем тем хозяин наш и хозяйка, отзываясь штурмовым расхищением, незаметным в их дому ничуть по смежности их дворов с крепостною эспланадою, представили нам огромный винегрет кислых своих извинений, а в необходимом для нас обещались только постараться сыскать кое-чего. И подлинно, на неопрятно накрытый стол поставили они для нас менее нежели кое-что. Не видя в доме этом никакого признака следов дела наших ребят, деток раз-

ных маток, и понимая такую бессовестную уклончивость от прощения нашего, по откинутых нами штурмовых правах, душа моя предалась какой-то смуте до отвращения от пищи и непреодолимому влечению осмотреть прежде фриштика левую сторону города по глухим переулкам до Шалонских ворот. Напрасно Готовцев представлял мне от всей алкавшей внутренности его, что немного надобно минут на вкушение такого ничтожного фриштика, могущего все-таки заставить голод затихнуть хоть на час, но я последовал непонятному моему желанию и пошел вон из квартиры. Вышед из дому на уличное крыльцо и взглянув на диковинный портал кафедрального храма, в 30 шагах предо мною бывший, я спросил провожавшего нас усердно из дому хозяина, не может ли он отыскать привратника этого собора, чтобы нам по возвращении назад, к квартире, посмотреть внутреннее устройство его. Он отвечал, что дело немудреное считать ключаря между убитыми, валяющимися где-нибудь, но отыскать нельзя. Я махнул рукою и пошел в левую сторону, приказав двум стрелкам охранительным своим идти за мною поодаль в виду меня.

Едва удалился я с Готовцевым на 200 шагов от квартиры моей, вступив чрез два переулка на площадь меццанских кварталов, как услышал в домах и на дворах пред собою крики и вопли жителей этого бедного захолустья, занимаемого ремесленниками. Опрометью бросились мы на помощь расхищаемых — после отбоя — и без того уже скудных граждан-суконщиков, послав одного стрелка моего бегом, чтобы он призвал на помощь мне половину всего моего баталионного караула и резерва.

Бегая из дома в дом, я и Готовцев, исполненный всегда прекрасным стремлением души и сердца его, исторгали жертвы из рук мародеров, особливо прусских ландверов дивизии генерала Ягова, безмерно злых на французов за многолетние расхищения их королевства. Прибежавшие от баталионного резерва егеря мои облегчили наши небезопасные труды среди толпы отщепенцев истинного геройства, минующего слабых и побежденных. Но в одном из домов, спасаемых нами, чуть было я не положил жизнь храбрейшего из любимых мною офицеров поручика Готовцева. Вбежав с ним в один домишко ткача, я увидел прусского ландвера, бьющего пинками лежащего на полу старика-мещанина и порывавшегося колоть штыком его семейство, притиснутое к углу, домогаясь денег, крича: «Донэ ларжан». Выхватя у грабителя

ружье, я ударил торчмя приклад его, но курок, бывший на втором взводе, сорвался с зубца, и ружье бацнуло, пуля царапнула воротник сюртука Готовцева. Оборотясь и усмотрев его в пороховом дыму на ногах стоящим, я едва поверил глазам своим, что он жив и что вечное раскаяние в добром устремлении на помощь несчастных не помрачило чувств моих от той поры на всю жизнь мою.

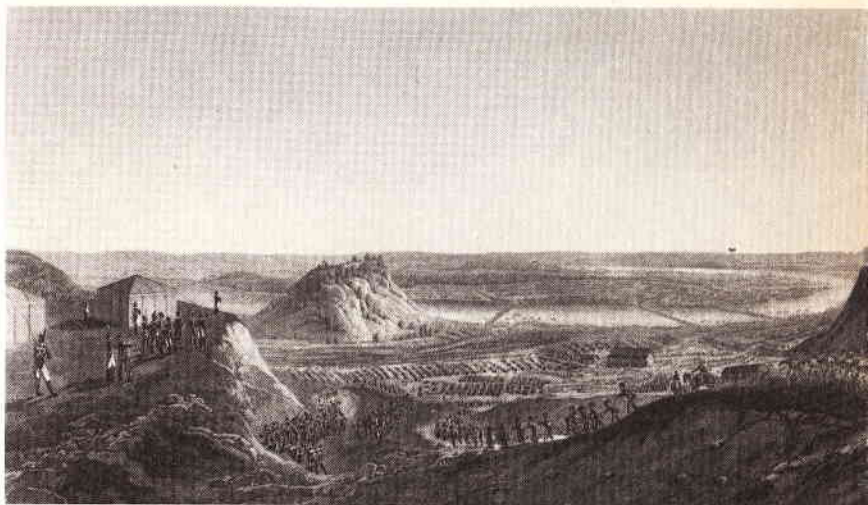
Прекратя грабеж той бедной части города, лишенной со времени революции прежних выгод, по уважению к нему особенно венчания там Девою Орлеана²⁸⁸ на царство короля французского Карла VII²⁸⁹, я пошел с Готовцевым на квартиру мою, сказав толпившимся около меня жителям, чтобы они послали по следам моим несколько человек узнать мое местопребывание, обещаясь во всякое время приспеть на помощь им. За нами шли поодаль человек восемь молодых мещан, и когда я стал у квартиры моей отдавать приказание унтер-офицеру баталионного дежурства о удвоении патрулей в ту сторону, откуда я возвратился, то некоторые из мещан, следивших меня, бросились на двор и в дом хозяина моего. Вошед в мою квартиру, я сказал Готовцеву: «Теперь, любезный поручик и друг мой, когда, сделав доброе дело, возвратились невредимы, то как бы ни был худ обед наш, но мы поедем с приятностию без упрёку хозяевам — попроси подать». Готовцев, высказав свое удивление о моем предчувствии надобности моего внимания, стал спрашивать хозяина о обеде — каком-нибудь, все равно. Но хозяин приступил ко мне с просьбою убедительною, чтобы я дал им полчаса времени для приготовления чего-нибудь непостыдного им на угощение нас. И сколько я ни уговаривал его, что и посредственным столом имею быть доволен, но он настоял на том, что мы должны были, выпив водки и закусив порядочно, подождать обеда. В самом деле, чрез полчаса с небольшим стол был готов изобильный блюдами вкусными и питьем. Мы сели за обед с хозяином и хозяйкой, угощавшими нас радушно, сопровождая каждое предложение нелицемерными приветствиями. Вот наивкуснейший обед в моей жизни, приправленный собственным моим уверением себя в праве радостного вкушения.

После обеда и кофею хозяин сказал мне, что мещане, охраненные мною, отыскиали где-то на другом краю города, в подземельном подвале, ключаря и церковь кафедральная отворена. Он пошел сам с нами, как знаток всего там находящегося. Ведя торги, еще отцом его основан-

И. Р. Дрейлинг.
Фотокопия нач. XX в. с миниатюры неизв. худ. 1814 г.

И. М. Дука.
Литография И. А. Клюквина по ориг. Дж. Доу. 1848 г.

Переход через Неман 12 июня 1812 г. и начало войны 1812, 1813, 1814 гг.

Гравюра исполнена в мастерской И.-С. Клаубера по ориг. Д. Бажетти. 1810-е гг.

П. И. Багратион.
Неизв. худ. 1830-е гг.

**Битва под Москвой 7 сентября
1812 г. Французская атака на
батарею Раевского.**

Литогр. по рис. А. Адама.
1830-е гг.

**Казак лейб-гвардии
Черноморской сотни.**
Литогр. Г. Энгельмана по рис.
К. Верне. 1810-е гг.

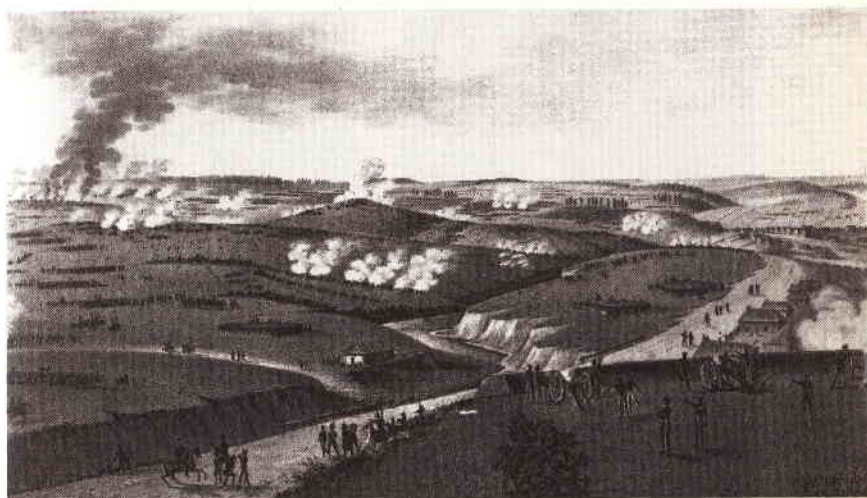
М. И. Кутузов.

Грав. Г. Доу по ориг. Дж. Доу.
1830-е гг.

Сражение при Бородине
26 августа 1812 г.
Литогр. С. Шифляра по рис.

А. И. Дмитриева-Мамонова,
1822 г.

Сражение при Бородине
26 августа.
Раскр. литогр. Виктора по ориг.
П. Гесса. Сер. XIX в.

П. П. Коновницын.
Неизв. худ. 1810-е гг.

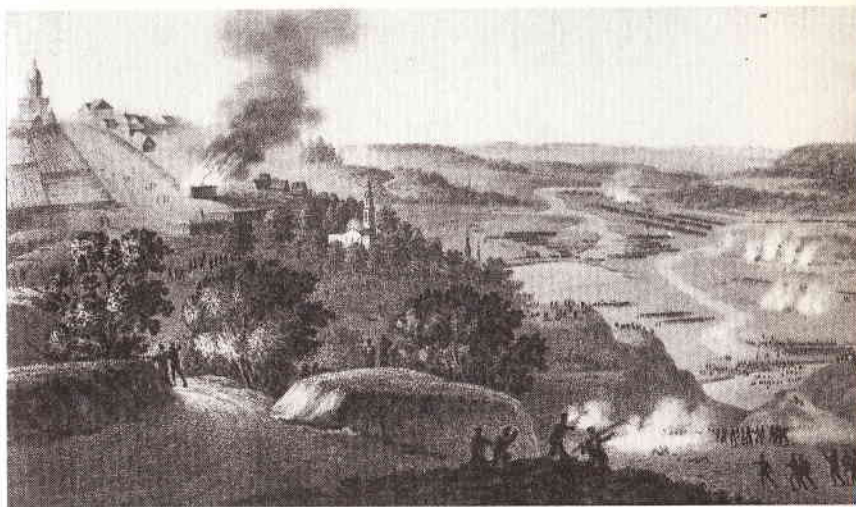

М. С. Воронцов.
Гравюра неизв. худ. 1-й четв.
XIX в.

Раненого П. И. Багратиона
уносят с поля битвы при Бородине 26 августа 1812 года.
Рис. И. М. Жерена. 1816 г.

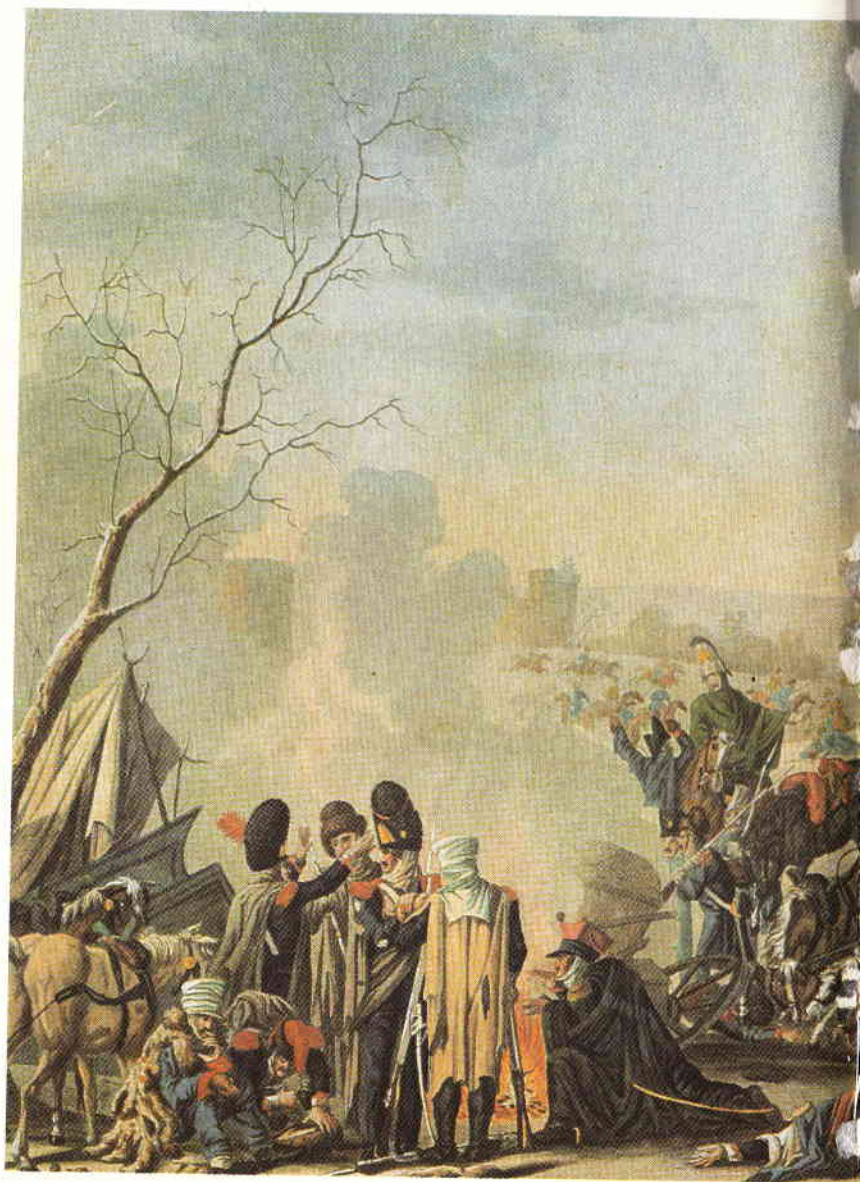
Русская кавалерия.
Раскр. грав. неизв. худ.
1-я четв. XIX в.

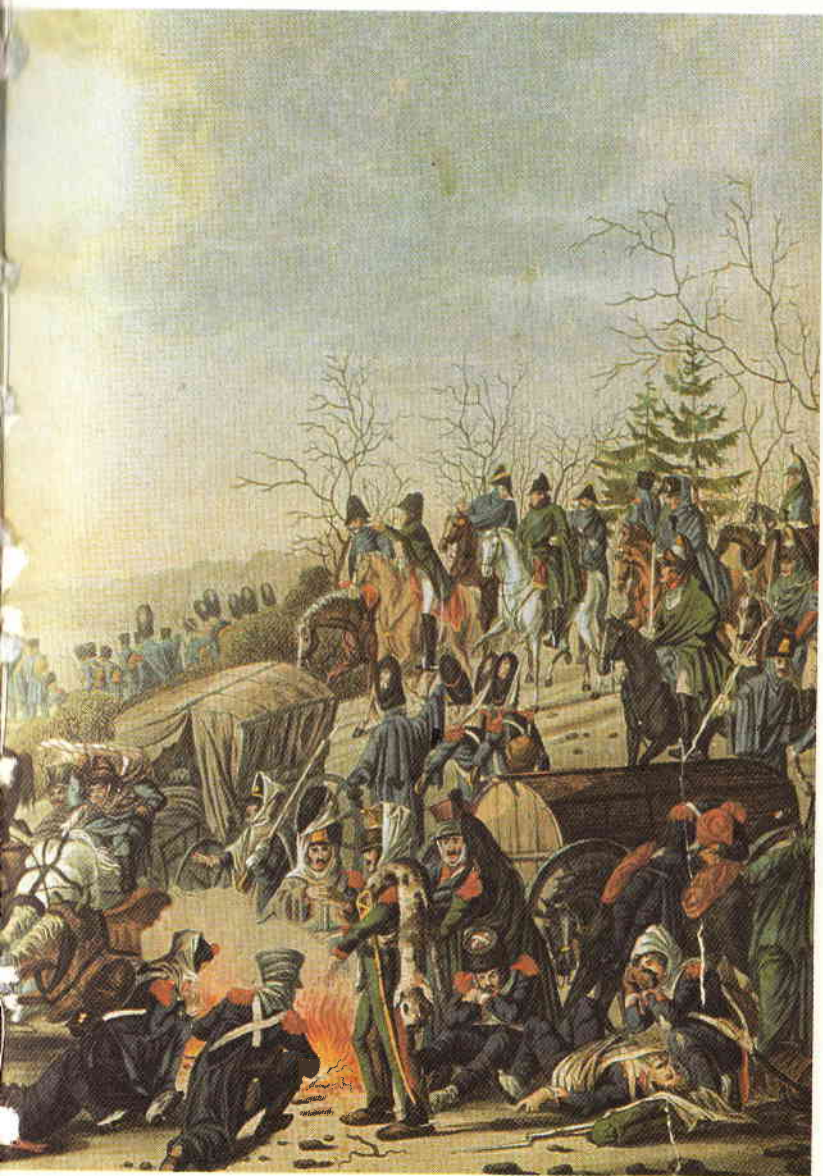

Сражение при Малоярославце
12 октября 1812 г.
Литогр. С. Шифляра по рис.
А. И. Дмитриева-Мамонова. 1823 г.

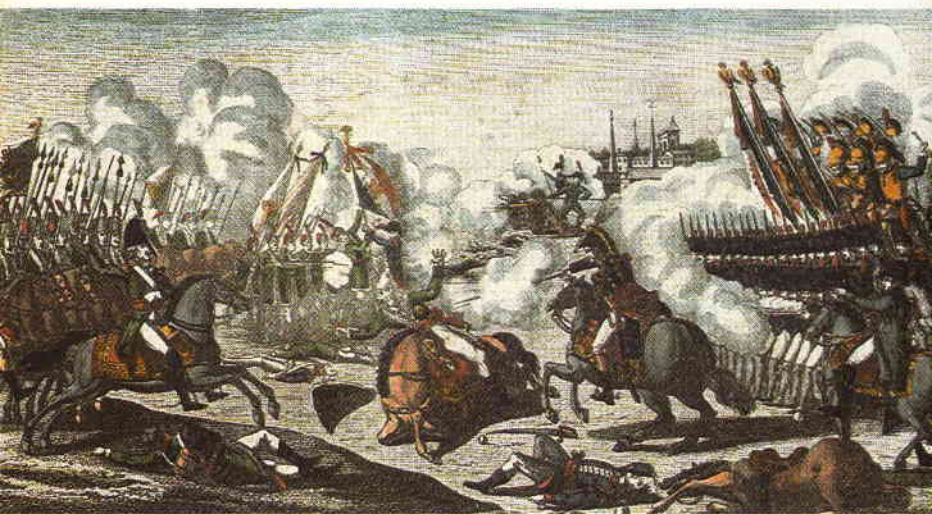
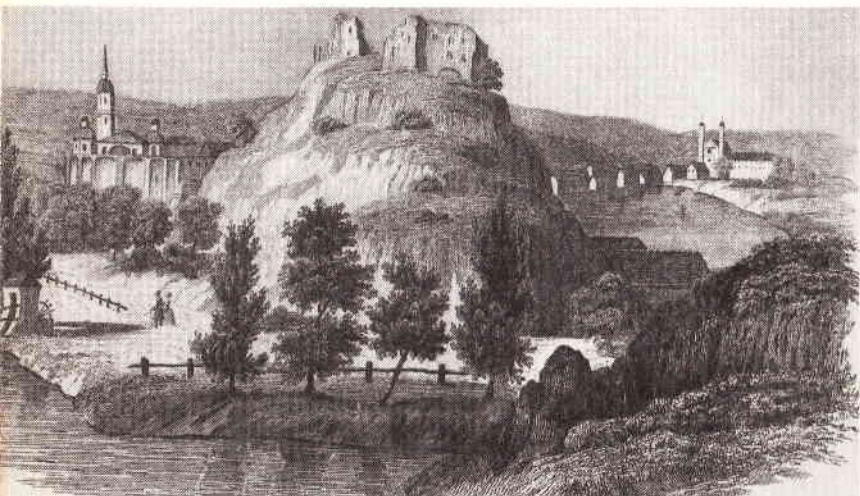
**Отступление французской армии
из Москвы в 1812 г.**

Раскрашенная гравюра
Д. Ругендаса. 1-я четв. XIX в.

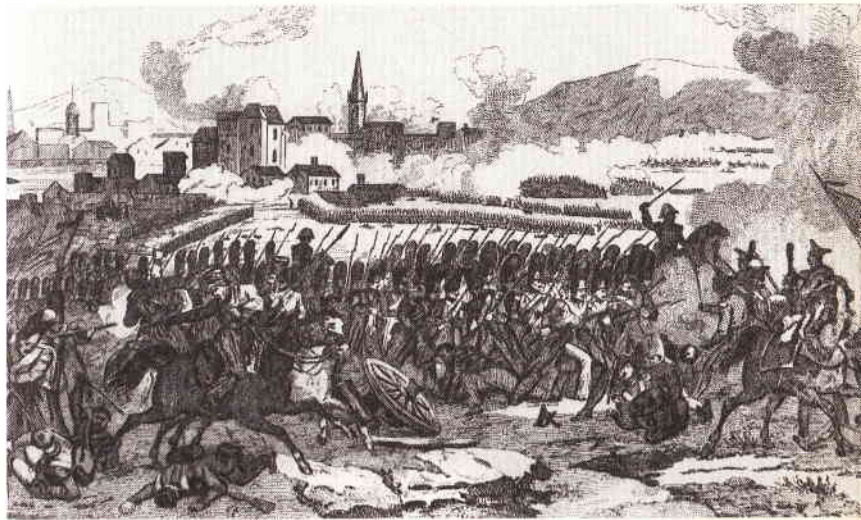

Вильно. Вид на Замковую гору.
Литогр. 1-я четв. XIX в.

Сражение при Люцене
2 мая 1813 г.
Раскр. грав. неизв. худ.
1-й четв. XIX в.

Дрезденская битва.
Грав. по ориг. Мартине.
1-я пол. XIX в.

**Смерть Моро при Дрездене
в августе 1813 г.**
Раскр. грав. Т. Сатерленда
по ориг. Хита. 1815 г.

И. Ф. Тильман.
Грав. И. Ф. Кретлова по ориг.
Л. Вольфа. 1-я четв. XIX в.

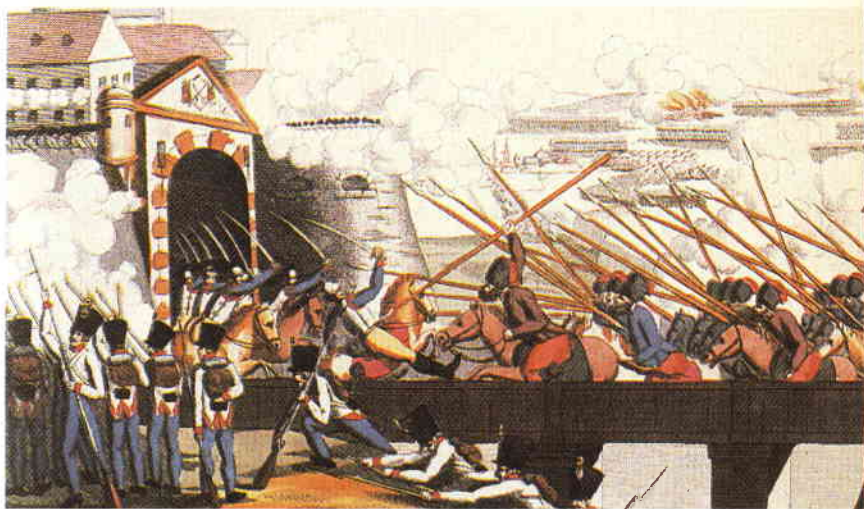

Л. Вальмоден Гимборн.
Грав. Р. Клара по ориг.
Г. Мансфельда. 1-я четв. XIX в.

Сражение при Лейпциге
16, 18 и 19 октября 1813 г.
Раскр. грав. К. Раля по ориг.
И. Клейна. 1-я четв. XIX в.

Взятие союзниками Лейпцига.
Раскр. грав. неизв. худ.
1-я пол. XIX в.

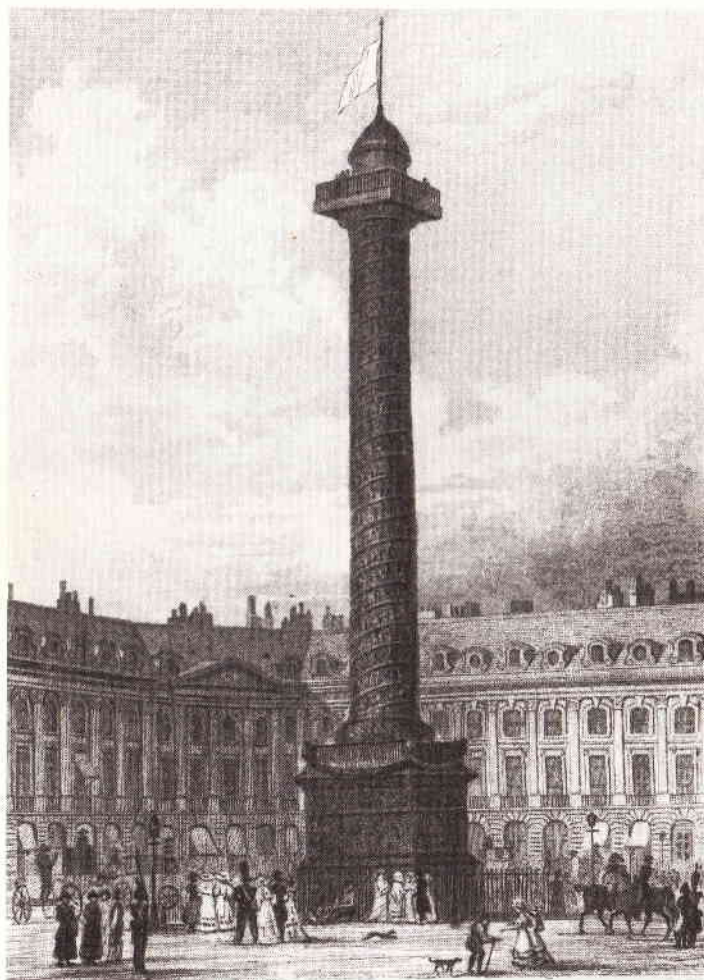

**Стремительное бегство через
Лейпциг французов, преследуе-
мых союзными армиями.**

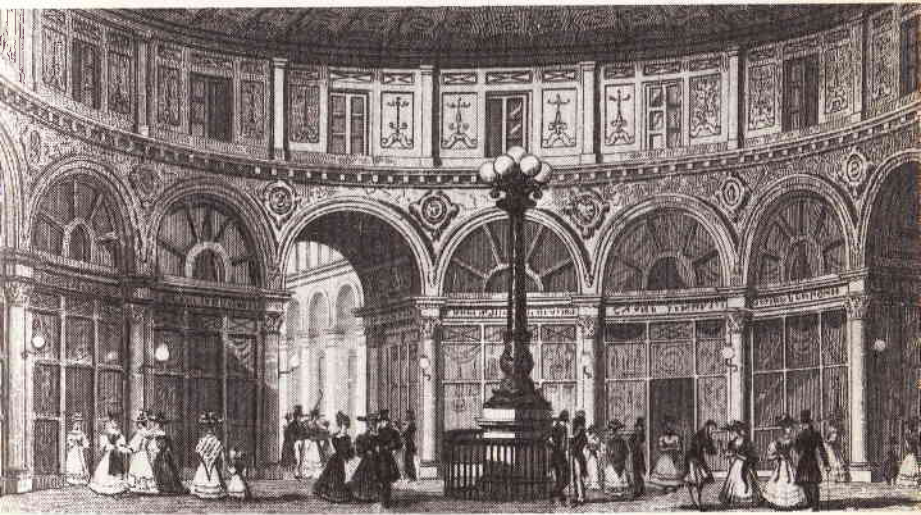
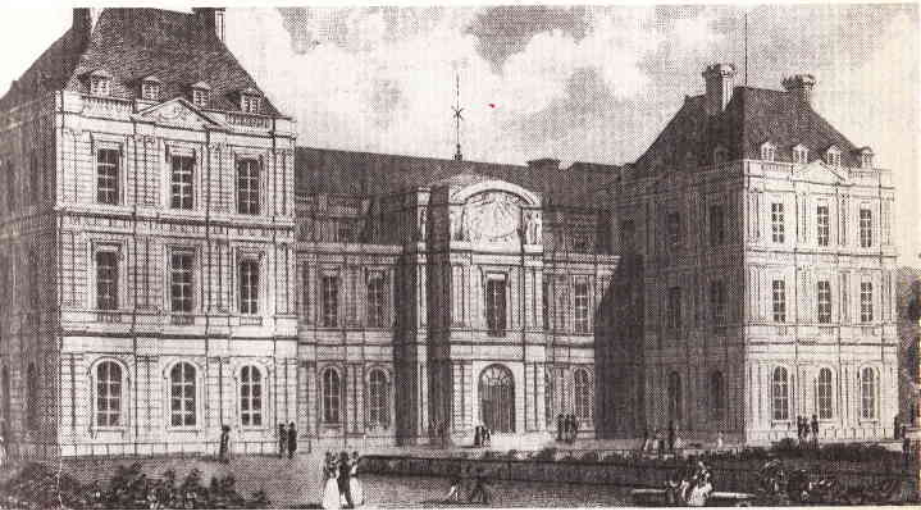
19 октября 1813 года.
Раскр. грав. неизв. худ. 1815 г.

Париж. Колонна на Вандомской
площади.

Грав. Дж. Льюиса по ориг.
Дж. Нэша. 1829 г.

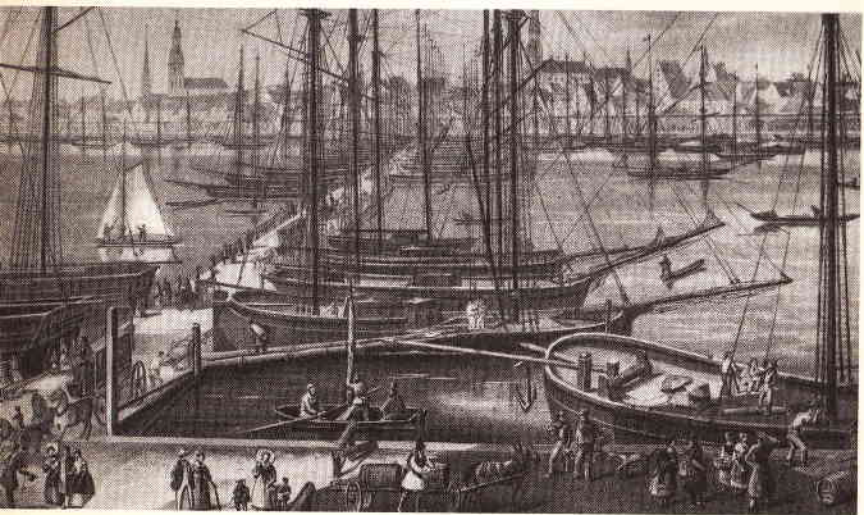
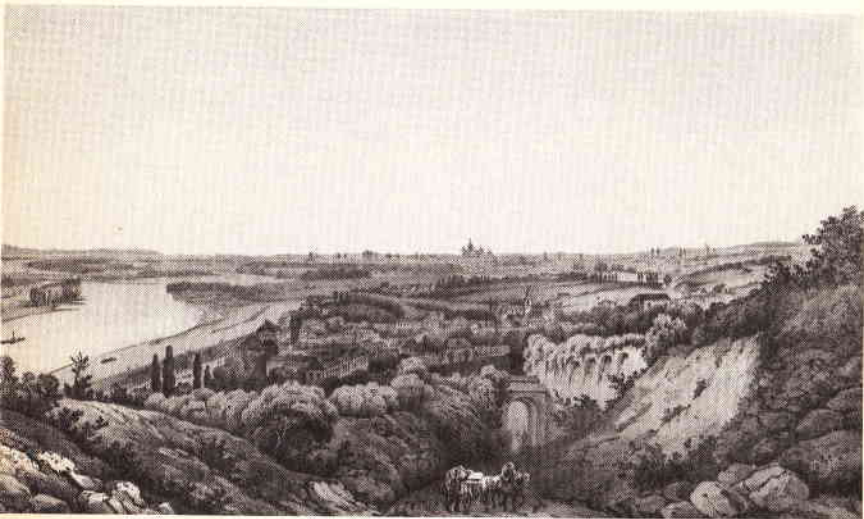
Париж. Люксембургский дворец.
Грав. Э. Роберта по ориг.
Б. Феррея. 1829 г.

Париж. Ротонда в Торговом
пассаже Кольбера.

Грав. Т. Уинкlsa по ориг.
Дж. Нэша. 1829 г.

**Вена. Вид города
и окрестностей.**
Литогр. Сер. XIX в.

**Рига. Вид пристани
и набережной.**
Литография Ф. Дойча.
Сер. XIX в.

ные, в Германии, он говорил чисто по-немецки, а жена его — уроженка листигская, и потом умел хорошо изъяснить о всем, что там есть изящного и как происходило некогда царевенчание. Внутренние колонны, антические мраморы и бронзы составляют великолепие и изящество его. Жаль, что день был пасмурен, и потому находящаяся над главным порталом во фронте общей капитальной арки розета²⁹⁰ — произведения удивительного по оптическому вымыслу из разноцветных пластин хрусталя, имеющая диаметр около 20 аршин, — не показала нам полной прелести своей обаятельною игрою радужных цветов ее, разливающихся при падении солнечных лучей на нее, но полостые внутренности храма поистине великолепного во всех наружных и внутренних частях.

25. О движении к Парижу; битва при Париже и вступление в Париж 1814 года

Покоренный штурмом нашего 8-го пехотного корпуса город Реймс был только два дни в обладании нашем, ибо 1 марта, нападши нечаянно со всеми легкими кавалерийскими дивизиями, обведенными от стороны Суассона чрез Фер, Наполеон ворвался с драгунами в него врасплох! Причем корпусный наш командир гр[аф] Сен-При, желая исправить обстоятельства, неосторожностью его запутанные чрез небрежность наблюдения левой стороны своей к Феру, бросился сам в бой с Рязанским мушкетерским полком противу кавалерии, вломившейся в Суассонское предместье Реймса, но осколок гранаты сорвал у него левое плечо по самую мышку. Его, чуть живого, привезли в Лаон, где он и умер три дня спустя. Когда гр[аф] Сен-При опасно ранило, то корпус наш принял знаменитый службою своею генерал-майор Эмануэль, который, успев соединить все части, его отвел в возможном порядке по Лаонской дороге к селению Бериобаку, за реку Эн, к авангарду Блюхера, командуемому генералом Йорком²⁹¹, где он и поступил в распоряжение нового корпусного командира — генерал-лейтенанта Рудзевича²⁹². И вот, таким-то жалким случаем кончилась жизнь и весь карьер графа Сен-При, бывшего у Багратиона начальником штаба 2-й Западной армии.

От Лаона вся Блюхерова армия бросилась быстрым маршем вслед за главною французскою армией в поисках

сперва к Суассону, а потом чрез Фимми и Реймс к Шалону, пред которым встретило Блюхера радостное для него и всех нас назначение: идти — «форвец» — для завоевания Парижа, чего он и спавши не переставал желать, согласно с желанием нашего императора, противившегося общему почти мнению необходимости отступа за Рейн! Ибо главная армия союзных монархов, отбив Наполеона 8 и 9 марта генеральным боем при Арсисе²⁹³, заставила ее отступить к Сен-Дизье, а потому, обратясь на корпуса маршалов Мармона²⁹⁴ и Мортье²⁹⁵, оставленные Наполеоном для прикрытия Парижа около Жерменона²⁹⁶, Самсу²⁹⁷ и Фершампенуаза, напав многочисленную кавалерию, в пух разбила их и отняла все запасные парки, взяв в плен и прикрывавшие их бригады с двумя генералами их.

Когда полк наш по случаю болезни генерала Карпенкова, быв в команде старшего по нем в полку подполковника Бека, проходил 13 марта чрез Шалон, то я, увидевшись там с задунайским моим сослуживцем, товарищем войны 1810 года, флигель-адъютантом князем А. С. Меншиковым 1-м²⁹⁸ и узнав от него о предпринятом намерении государей союзных покорить Париж напором быстрым всех армий, послал, с позволения подполковника Бека, нарочитого верхового офицера с карандашным письмом моим в Реймс к генералу Карпенкову следующего содержания:

«Ваше превосходительство!

Сей час в Шалоне уведомил меня задунайский мой военный сотоварищ флигель-адъютант полков[ник] князь Меншиков, что союзные армии наши, отеснив двудневным боем при Арсисе Наполеона к Сен-Дизье, идут всеми силами на Париж, дабы покорением его положить конец кровопролитиям войн.

Для такого знаменитого случая умоляю Вас от лица всех чинов полка Вашего: одолейте, генерал, и все Ваши прискорбия, возникшие от неведения нового начальника корпуса нашего, и соберите остатние силы жизни Вашей, поспеша прибытием к бригаде своей, чтобы и при Париже приобрести себе и полкам Вашим славу, всегда и везде с Вами дружную. Помыслите, генерал, сколько будет прискорбно Вашим подчиненным, которых Вы сопровождали и устремляли на отличия в битвах пред Москвою и везде — на огромном пространстве театра этой исполинской войны, не иметь Вас своим командиром в смелой борьбе у стен Парижа, в бою решительном, достос-

лавном, а может быть, и последнем этой войны и даже нашей жизни.

Егерские полки нашего 8-го и других корпусов армии Блюхера поспешно идут к Фершампенуазу на помощь кавалерии добывать корпуса маршалов Мармона и Мортье, совершенно уже расстроенные. Храбрый Ваш любимец Готовцев о многом Вам расскажет, а я повторяю тысячекратно просьбу мою и всего полка желание — немедленного Вашего прибытия к нам на пир героев. Остаюсь с моим истинным почтением и вечною преданностию

*Вашего превосходительства покорнейший слуга
Михаил Петров».*

13 марта 1814 года

г. Шалон

С новым нашим корпусным командиром генерал-лейтенантом Рудзевичем полки наши, обойдя Вертю, повернули на Мо и ускоренным маршем присоединились у Лаферти²⁹⁹ к колонне русских корпусов Блюхеровой армии. Вечеру 16 марта за гор[одом] Мо возвратился ко мне из Реймса поручик Готовцев, не привезший полку никакой надежды на возвращение к бригаде генерала нашего, ибо бывший с ним в Реймсе, тоже по болезни, старший по нем в бригаде генерал, шеф 33-го егерского полку, генерал-майор Бистром 2-й³⁰⁰, всмотревшись в письмо мое лукавыми глазами, разуверил нашего полкового командира в несбыточности предвещенного мною события, остановил отъезд его к бригаде, а сам тайком, не медля и трех часов, ускользнул из Реймса под предлогом осмотра своего полкового обоза, стоявшего в селении по пути к Мо, на другой же день вечером явился в корпус и принял в командование бригаду Карпенкова, которою и распоряжал в деле при покорении Парижа. И таким образом обманул своею выворотною наизнанку дружбою генерала нашего, умевшего в несколько раз лучше его обманывать неприятелей на аванпостах и в открытых общих боях. Через сутки с небольшим Карпенков, узнав о фальшивых поступках своего изгибистого приятеля, хотя и поспешал к Парижу, но прибыл к Монмартру 18 марта вечером, тогда, когда мы стояли на вершине его победителями, получивши с бою перемирие для заключения капитуляции Парижа и всего, и тогда уже действительно от лютой горести, объявшей геройскую душу его, заболел и не показался к бригаде своей во избежание стыда и неприятности. Такой поступок Бистрома противу товарища может только оправдать лишь одна польская поговорка: «Кужды шука свего гонора»³⁰¹.

Полки нашего сводного большого Ланжеронова корпуса, составляя авангард Блюхеровой армии, взявшей прочими корпусами марш свой, для удобства нестесненного приступа к Парижу, вправо, к Мори³⁰², и далее к Суассонской дороге, прибыли 17 марта ввечеру пред аббатство Св[ятого] Дионисия и стали аванпостным протяжением в близком виду Парижа; а на другой день, при утренней заре перейдя Обервиль и отводок Урского канала, приступили к выстрелам батареей вершины и подошвы гордого Монмартра, маневрируя и сражаясь егерями с видами и начинаниями штурмовых предприятий для отвлечения французских войск с правого их фланга, от Бельвиля и Пантена, упорно и бурно пламенивших с раннего утра боевыми огнями обеих сторон, при нападении россиян и пруссаков, распоряжаемых самолично под выстрелами главнокомандующим ими Барклаем-де-Толлием, поспешавшим исполнять дело свое иначе, нежели как Шварценберг при Дрездене в прошлом году пред тем.

В этот достопамятный грядущий векам день 18 марта лучи восходившего солнца смешались с пламенем раторборных извержений огня, пылавшего на Бельвильской выси, Лавилетском удолье³⁰³ и вершине и подошве Монмартра. Выстрелы артиллерии обеих сторон, расшвирепав, обратились в неразрывные раскаты грозы, явившейся за полуденные часы. Укрепления неприятельские, штурмованные гвардейским и гренадерским корпусами россиян, переходили несколько раз из обладания одних к другим, противным, до 4-го часу пополудни, в которое время русской гвардии 2-я дивизия под геройским распоряжением и предшествованием представителя всей храбрости россиян генерал-лейтенанта Ермолова, подоспевшего на помощь опрокинутым многочисленностию французов гвардиям прусской и баденской, восстановила отрядный бой нашей стороне, очистивши все Пантенское предместье до заставы города. Оставалось только укротить гордыню широкотемего исполина — Монмартра и сжать огнеметные зевы его чудовищ, зиявших и поражавших ряды колонн нашего Ланжеронова корпуса. И вот к половине 5-го часу пополудни приспевший со всеми корпусами армии своей ретивый губитель французов фельдмаршал-форверц³⁰⁴ Блюхер с размаху пустил штурмовую колонную нашу линию с музыкою, барабанным боем и криком «ура» на крутизны Монмартра. Наш 8-й корпус под командою Рудзевича двинулся на приступ, составляя правый фланг колонной линии пехоты Блюхе-

ра армии, начавшийся у шоссе, идущего в Сен-Дени из Парижа по аллее.

Ядра, гранаты, картечи и пули, осыпавшие колонны наши с вершины и уступов Монмартра, прекращали только стремление пораженных из нас, не спасая его от поражения. Пыхнул еще один бурный порыв героизма нашего, и победоносные стопы наши попрали вершину гиганта с 29 орудиями, на которой могучие орлы Александра распростерли свои крылья во благоизлияние человечеству. И там штурмовые крики замолкли, выстрелы средели, и вот пять, вот три и один — последний, прощальный той двухгодовой войны, раздавшийся и умолкший на вершине Монмартра! Пусть бы тогда отверзлась обитель небесного блаженства; пусть бы приклонились над нас седые чела русских героев. О, как мы были славны тогда и любезны всему свету, обратившему очеса свои к Секване!

Первый егерский полк наш, идя колонною своею на правом фланге Лапжеронова корпуса и всей армии Блюхера от Сен-Дениской шоссеиной аллеи, сделал беговую егерскую быструю атаку на промежуток 10-саженный от подошвы горы до городской стены, где, отняв четыре орудия и ложемент, прогнал французов к стороне больницы Святого Лазаря, а потом вступил на Монмартр, выставив свою аванпостную линию пред стеною Парижа на расстоянии пистолетного выстрела.

К 7-ми часам вечера все было кончено, возвышения и удельные предместья правой стороны р. Сены, от Шарантона до Булонского леса, заняты были союзными войсками до самой каменной 10-аршинной высоты стены ограды Парижа, на расстоянии упора штыка русского! Легкие и батарейные орудия всей почти Союзной армии, взлетевшие во весь дух лошадей на выси и уступы высей, расставлены и нацелены были в кварталы середины Парижа; но объявленное перемирие, заключенное с маршалами Франции на несколько дней, укротило стремление разъяренных воинов Союзной армии нашей, покушавшихся истребить предвратные палисады и ворваться в самый Париж. — В 9 часов вечера пронеслись по аванпостной нашей линии адъютанты штабов корпусных и иных с приказанием от главнокомандующего нашего Барклая-де-Толля — пожалованного по окончании боя того дня в фельдмаршалы, — что перемирие кончилось, а потому и требовалось обратить всевозможное внимание на вылазы городские, особливо нашего

правого фланга, от Елисейских полей Парижа к Булонскому лесу, по опасению проползновения к своим парижанам Наполеона. Вследствие чего патрули удвоены, засады усилены, резервы отводных постов приближены, осмотры ворот и стены городской начальниками всех передних частей войска сделаны были чрез всю ночь беспрестанно, чтобы быть готовым в предстоявшее утро приступить с быстрым успехом к занятию самого Парижа, пред нами простерто лежавшего на обширной равнине обоих берегов Сены.

К часу утренней зари представшего дня полковые начальники сами собою, выстроив батальонные колонны, распределяли штурмовые отряды, готовясь к нападению на Париж. Но когда под тихим голубым небом зачала заливаться румяная заря, уготовлявшая благозрачную стезю солнца, готовившегося дать день, счастливейший из всех дней жизни нашей, 19 марта 1814 года, радостный и незабвенный всем народам Европы, то со удалением ночного мрака удалилась, со скрежетом зубов, кровавая война, и пришествием утреннего света озарилось радостно унылое человечество; весны теплое, чистое дыхание смягчило сердца царей, вождей и дипломатов, и мы внезапно увидели на Монмартрской башне телеграфной и на всех каланчах Парижа белые флаги мира во извещение о мире миру. Прискакали полковые адъютанты от императорской квартиры из Бонди к полкам, и был прочтен приказ нашего Благословенного о прекращении войны с французским народом с ручательством капитуляциею столицы его. В благодатное весеннее тех мест утро то, дышавшее уже бальзамическим испарением зелени, многие миллионы людей, извещенных телеграфами, вознесли благодарение всеблагому промыслу Божию за его милосердие, ниспосланное удрученному человечеству. И наши ратоборные души поникли во смирении при общих молебствиях, с восхождением солнца совершившихся пред дивизиями. Полки корпуса графа Ланжерона молились на площади вершины Монмартра, на отдаленном конце пути военных действий, дымившихся еще от крови жертв, принесенных там во искупление мира общего, доныне услаждающего Европу.

Война, зачавшаяся в 1812 году, имела два пункта, где видно было близкое равновесие рвення россиян на отличия: один на поле Бородинском, а другой при Монмартре. На первом все воины наши были храбры до озлобления, ибо не умереть, а остаться живыми в завоеванном

французами Отечестве боялись. Но когда шли на укрепления Парижа, или, лучше сказать, лезли на бодливое тело Франции, то каждый солдат пылал румянцем героизма, понимая важность совершавшегося окончательного подвига и отщепенца, и каждый из нас не хотел умереть прежде покорения Парижа.

После молебствия нашего на Монмартре я уволен был бригадным генералом Бистромом 2-м для свидания с моим родным братом И. М., полковником Аракчеева полку, ежели он остался жив от битвы, накануне бывшей. Прискакав на Бельвиль к полку графа Аракчеева, я нашел невредимых и обнял любезных мне брата и уважаемого всеми генерала, бывшего незадолго и моим полковым командиром, Бориса Яковлевича Княжнина 2-го. Они готовились вступать в Париж с гренадерским полком их в голове всей пехотной колонны парада. Причем я одолжил бывшего моего командира крестом моим Св. Георгия на время парада взамен разбитого пулею в сражении Бельвильском на героической груди его. По совету Княжнина и брата моего я не пропустил okazji видеть достопамятное вступление союзных государей с их почетными войсками в покорившийся с бою Париж, не знакомый с чужими триумфами в нем давно.

Когда император Александр Благословенный и его благодатный союзник король прусский прибыли верхами со многочисленными свитами их от стороны замка Бонди пред общую колонну парада, стоявшего во всей готовности пред Пантепскою заставою на шоссе, к Мо идущем, то я, присоединясь к свитам их величеств, следовал за ними в Париж.

Впереди всего парада, далеко отделясь от пехотной колонны, шли полки: лейб-гвардии Донской и за ним Уланский цесаревича Константина Павловича; за ними на некотором расстоянии шла сотня лейб-запорожцев, составлявшая всегда конвой нашего государя; потом следовали два генерал-адъютанта. Тут ехали оба союзные монарха, наш император с левой, а король прусский с правой стороны. Император был в кавалергардском стуртуке, темно-зеленом с черным бархатным воротником и серебряным прикладом, в шляпе с белым султаном. На груди Благословенного нашего были только три беленьких, младших степеней, крестика орденов Св. Георгия, Марии-Терезии и Красного Орла, и на прусском короле такие же. Александр ехал на любимом его мекленбургском боевом коне, белом, как снег, называвшемся

Марсом, а прусский король — на темно-сером. За монархами следовали рядом фельдмаршалы, за ними полные генералы, а потом уже прочие генералы, последующие разными чинами, составлявшими свиты. По следам этого огромного военноедействовавшего кортежа союзных монархов шла знаменитая Преображенская музыка с капельмейстером Дерфельдом³⁰⁵. Потом маршировала скорым шагом колонна пехоты, состоявшая из почетных полков союзных государей. В голове колонны шел гренадерский наш корпус, имея впереди Аракчеева полк, ибо колонна шла из общего построения парада слева, дабы самое лучшее показать парижанам после, и потому лучший только из гренадерских полков Аракчеева шел впереди вместо назначенного по диспозиции той Екатеринославского, уступавшего ему людьми и амуницией; первый же всего войска Преображенский оканчивал колонну пехоты, которую замыкали: гвардейская артиллерия, кавалергардский и лейб-гусарский полки, которым в блистательном образовании всего, по общему признанию, нет нигде подобных.

Колонна парада, вступив в Пантенскую заставу, шла дивизионами на полудистанции по Сен-Мартинской улице и, пройдя Триумфальные ворота того же названия, вступив ими на бульвар, поворотила направо и этим сугорбым аллеинным проспектом пришла на великолепно украшенную и обставленную египетскими, коринфскими и римскими антиками мраморов и гранитов площадь Людовика XV, с середины которой, повернув вправо, шла главной аллеею Елисейских полей, в которой, прошедши сажен триста, государь император наш и король Прусский остановились на правой стороне, дабы осматривать войска парада, проходившие мимо их величеств с громом барабанов и шумом музыки, но без крику «ура», могшего досадить и благоприятствовавшим нам парижанам.

Народу было на улице Сен-Мартинской, бульваре, площади Людовика XV и аллее такое множество, что со всею деятельностью национальной гвардии и жандармерии Парижа едва могли проходить дивизионы полков сквозь толпы зрителей. Даже самые дебелие березы бульвара и Елисейских полей ломились от станиц, унижавших ветви их народа, особливо цопких парижанок разноцветных.

После парада государь наш почти на руках парижан внесен был и с верховою лошадейю к квартире его, в дом Талейрана, находившийся на площади Людовика XV,

при конце бульварного проспекта, на углу левой стороны. Народ французский, прельщенный поступками и божественною доверенностию нашего государя у них и к ним, препровождая его к квартире, как некогда своего благословенного Генриха IV³⁰⁶, кричал: «Виват, ура!», целовал руки, ноги его и даже прекрасного белоснежного коня Марса. Наконец, чтобы доказать свою приверженность к нашему государю, парижские граждане ринулись с воплем от Талейранова дому на Вандомскую площадь и там стоявшую на монументальной колонне статую Наполеона, опутав кругом шеи канатными арканами, принялись тащить долой на землю, ревя яростно всякие поношения ему; о чем узнав тогда государь наш послал к ним своих генерал- и флигель-адъютантов, поручив им упросить народ от имени его «оставить такое их предприятие, могущее падением такой громады нанести утрату жизней многим из нападавших на лик почти не вредного уже никому, кроме себя». Парижане хотя и послушались нашего императора, однако не прежде успокоились и оставили Вандомскую площадь, как надели холщовый саван на статую бывшего своего властителя, прикрепя с тылу его древку с белым мирным флагом, в каком положении она и стояла два дня, пока гражданское правление Парижа, удовлетворяя нетерпимому, даже грозному требованию вопившего народа, приставило к монументу леса с машиною, спустившею статую Наполеона вниз с головокружной высоты на уровень, роком ему определенный.

Воспоминание мое и поныне представляет мне все это, мною виденное под Парижем и в Париже, как бы роскошный призрак сонного соплетения, выходящего из пределов политических возможностей нашего времени. Похвалы парижан союзным монархам, ругательства и проклятия своего недавнего «идола, молоха, пожиравшего юношество Франции» и теперь еще оглушают и изумляют мою военную душу. И тогда, когда придет последний час мой, настанут остатние минуты бытия моего, душа моя, прощаяся с жизнью земной, облобызает священные лавры военной славы Отечества, давшего мир народам всей Европы, утопавшей 20 лет в крови, купленный и моими пылинками трудов, и кровью моею, не раз пролитою в боях с французами. И кто знает, что Господь не услышит моего моления грешного и не подкрепит еще однажды душу мою, желающую в последний раз обнять ту славу своего Отечества и погасить

последний взор жизни на священном лице монарха благословенного и окружающих его полководцев — начальников моих, озаряющих мое жилище светом веры и надежды радостной, там — за гробом! — сущей с ними.

26. Сент-Клудский дворец близ Парижа, 20 марта 1814 года

На другой день по вступлении союзных монархов в Париж полк наш 1-й егерский, поступя в летучий отряд генерал-лейтенанта Эмануэля, сошед с северо-западного уступа Монмартра, пошел поутру рано за кавалерию вправо, мимо Булонского леса, и, перешед там в Нельи р. Сену с правого на левый берег, прибыл в Сент-Клу³⁰⁷, где и остановился на привал не для отдыха, а чтобы удовлетворить любопытство, ибо этот пригородный дворец замечателен многими происшествиями, зачиная от умерщвления в нем рукою злого фанатика, монаха доминиканского Жака Климента, зарезавшего там короля французского Генриха III³⁰⁸. Впоследствии, за многими событиями в один из пароксизмов революции, там же низложен пятисотенный Совет гражданский неустрашимостию Люциана Бонапарта³⁰⁹ и Иоахима Мюрата с его гренадерами, спасшими блистательный жребий и самую жизнь оробевшего было там Наполеона, консула мятежной республики и главного директора Совета старейшин народа французского.

Генерал Эмануэль, как человек высокого образования, любивший познания в себе самом и других, собрав многих штаб- и обер-офицеров отряда своего, повел нас в Сент-Клудский дворец, оставленный за несколько суток пред тем императрицею Марией-Луизой и малолетним ее сыном, королем Римским³¹⁰, незадолго до удаления их к Орлеану при угрожавшей опасности Парижу.

От подъезда до зал и гостиных с великолепными диванами, обстановки внутренних украшений изумительны. Там, можно сказать, каждый аршин места напитан прелестью вымысла и отделки до удивления. Полы покрыты драгоценными гобеленовскими коврами, трюмо, камин и карнизы уставлены фарфорами Севрской мануфактуры, а стены и плафоны — удивительною живописью, барельефами, статуями, зеркалами и люстрами.

В предуборной императрицы над небольшим диваном висела тогда на стене обширная, горизонтально-продол-

говатая картина семейного блаженства Наполеона. На ней изображен император в распахнутом мундире при белом жилете сидящим на софе в правой стороне зрителя. Он держит обеими руками под мышечки стоящего на его коленях сына своего, короленочка Римского, окинутого пеленою темно-пурпурного цвета, отведенною за левый бок младенца правою рукою отца. Ребенок, еще почти грудного времени жизни, буробит ручонками или маневрирует пальчиками по лицу Наполеона, имея полуоткрытый и лепечущий ротик. В это время императрица Мария-Луиза, сидящая близко противу супруга своего, спустя на колени руки, держащие шитье канвовое, умильно смотрит на лелеянье их сына. Красота блондинного лица юной императрицы, имея на себе полное присутствие благополучного чувства матери-царицы, озаряет приятным светом все предметы этой картины; даже самое оливковое лицо корсиканского порождения героя как бы вспрыснуто какою-то волшебною росой нежности, чуждой ему, одолевшею здесь всю зверскость его батальной физиономии. В личике ребенка, стоящего спинкою к его прелестной матери, совсем нет детской прелести; оно, по густой примеси отцовского обличья, ни нежно, не выразительно и даже тупо. На не тесном рабочем столике, у правого бока императрицы стоящем, изображены разные детские игрушки: солдатки, пушечки и домик, а на полу, вправо зрителя, близ камина, представлен большой, на колесах под копытами, конь деревянный, оседланный парадным строевым сидельцем с звездами на чепраке. В дверь той же стороны виднеются в боковой комнате чинно стоящие прислужницы ребенка, внимательно ожидающие призывания их к надобности. Эта картина, как нам сказал гоф-фурьер, произведения кисти знаменитого Давида³¹¹. Дворцовые служители уверяли нас, что лица этой картины так подобны натуральным тех персон, что ничье зрение не находит в них разности.

Из предуборной диванной прошли мы чрез туалетную в спальню императрицы, оставленную дворцовыми служителями в том виде, как она покинула ее пред тем за несколько дней, ночевавшая в Сент-Клу в последний раз, готовясь удалиться к Луаре. Покрывало богатой, осененной балдахинном с голубыми занавесами постели ее лежало стиснутым в ногах, а подушки, измятые страдательными вращениями лежавшей на них, все облиты по белым батистовым наволокам горькими слезами императрицы-супруги-матери!!! Было время, когда, может

быть, и я мыслил, как и многие, наугад, что такие особы не знают и едва ли имеют слезы. Но вот там был разительный довод, что и у них есть слезы горькие. Да, поистине так, ибо когда потом, вскоре, посетив Мальмезон³¹², увидели однажды мы случайно в прогулке там по саду больную, скорбную Жозефину, прежнюю супругу Наполеона, эту умную кариолку по рождению своему, возведшую своего обожателя Бонапарте на стезю царственного обладания, то и ее лицо показало нам рок свой: утопания в слезах, как в бурном океане, переплытом ею от острова Мартиники в Европу, к пышному трону — и горькой могиле своей!

27. О пребывании нашем в завоеванном Париже 1814 года

Когда полк наш 1-й егерский, находясь в летучем отряде славного генерал-лейтенанта Эмануэля, обошедшем чрез Сент-Клу и Шетени³¹³ Париж и сделавшем разные наблюдательные движения для поисков и осмотра мест между Версалем и Фонтенбло, занял наконец постоянный пост пред г. Арпажоном, тогда я с позволения отрядного командира нашего отправился в Париж, чтобы воспользоваться случаем видеть его достопамятности, приумноженные властною рукою завоевателя, собравшего от всех мест, покоренных им, все удободвижные редкости, как будто на выставку союзников.

Прибыв в Париж с адъютантом Клугеном и штаб-лекарем Леонтовичем, я пошел там моего полкового командира генерала Карпенкова, занявшего квартиру близ бульвара в улице Темпель, напоминающей о бывшем там некогда пышном подворье храмовых рыцарей³¹⁴, исчезнувших при папе Клименте V и короле Филиппе Пригожем, сожегших, согласясь, последнего гроссмейстера их ордена — знаменитого добродетелями старца Иакова Молле. — Он увиделся со мною почти со слезами от сожаления о том, что не почтил безусловною доверенностию мое призывание его из Реймса в битву к стенам Парижа, уже заподлинно тогда оказавшеюся, как писал я ему из Шалона с нарочито посланным к нему поручиком Готовцевым, знаменитою на многие веки и последней в той войне с французами-наполеоновцами! Тут мы расположились с ним пожить во изобилии всего: к нам присоединился брат мой Иван Матвеевич, приехавший

почти каждый день с полкового бивака своего, бывшего за Фонтенблоскою заставою, на общей позиции гренадерского их корпуса. Мы были более десяти раз в Музее живописи и скульптуры³¹⁵, который был тогда первейшее диво Парижа и всего света; два раза — в Бюффонском³¹⁶ кабинете натуральной истории, имеющем при себе чрезвычайный ботанический сад с прудами и бассейнами, наполненными разными водожителями, и зверинец, содержащий знатных животных всех материков света. С почтением взглянули на огромную библиотеку, состоящую из 400 000 книг и 150 000 манускриптов, папирусовых, пергаментных и бумажных; механический магазин моделей и настоящих машин числом 52 000 видов. Осмотрели не раз Национальный французский музей, устроенный в бывшем до революции Августинском монастыре старанием одного благонамеренного парижанина — Ренуара³¹⁷. Эти редкости состоят из церковных вещей, собранных со всей Франции, как-то: лампад, паникадил, ковчегов, прозрачных образов, цветных оконниц и надгробных памятников, из которых — Абеларда и Элоизы³¹⁸ извлекает у многих зрителей вздохи, несмотря на простоту этой ротонды, осеняющей два содружно стоящие под нею надгробка. Видели пышные убранства луврских, тюльерийских и люксембургских палат; Пантеон³¹⁹ великих мужей Франции с гробами-надгробками, урнами праха и громкими надписями; Дом военных инвалидов³²⁰, увенчанный огромным, как жар, горящим в высоте куполом, позолотою с огня, под которым в церкви благоухает памятью славных, безукоризненных дел и нравов прах великого Тюренна. Многократно переходили мы прекраснейшую, богатыми античными мраморами и гранитами Египта, Афин, Коринфа и Рима обставленную, но ужасную по воспоминаниям прошедшего площадь Людовика XV, на которой в день Пасхи Христовой, 29 марта, преклонили мы колени с Благословенным монархом — полководцем нашим в вечную память скончавшегося мученически венценосца Франции Людовика XVI³²¹. Посещали Большую Оперу и так называемый Французский театр³²², где изумлены были превосходным искусством оркестра, совершенством перспективы декораций, а всего более — дивною игрою театральных артистов Тальмы³²³, Лаиса и других, равно и живостию танцев, пантомим молодого Вистриса и давнего нам знакомца Дюпора³²⁴.

Всечувственно извели роскошный Пале-Рояль³²⁵ со всеми его подоблачными и подземельными обителями.

Это столетнее меновое торжище чувств, бушующее из края в край, или, лучше сказать, арена страстей человеческих, благоизливающих и злоторвующих нравам людским. Там ежедневно и еженощно многие десятки тысяч народов разных — первостатейных и всяких, своих и чужих — крутятся и пресмыкаются в наслаждениях на семи кругах, выпретенных и преисподних, даже тартарных угождений душам и телесам: объедение, опивство, любо-страстие, корыстолюбие, любомудрие, изящество и крамола уловляют там всякого в устремлении души и сердца его к любимому им предмету утонченными обаяниями, пригребаяющими к себе не в общую кружку, а врозь золото от всех дотла. Вообще стихия парижан — бури всех страстей. Там на каждом малом пространстве, особенно бульварного проспекта и Елисейских полей, везде толются утонченные призывы сердец к наслаждениям. Тут показывают выученных зверей, птиц, рыб и гадов, фокус-покусы, фантазмагории, панорамы и волшебные фонари, или танцы великодушных кадрили на натянутых проволоках и веревках, или разные огнецветные китайские изделия, сгорающие при звуках приятнейшей гармонии с особенно изумительною прелестию переливов и блесков. И везде стаи удалых прелестниц рыщут и нападают с изощренным там их оружием на каждого, ища своих завоеваний, сражая всякое геройство наповал.

В окрестностях Парижа посетили мы славный изяществами и событиями Версаль³²⁶, приятное Сент-Клу, благовидный издала Сен-Жермен³²⁷, тихий Мальмезон, дымящийся кровью невинного страдальца Сент-Винцент³²⁸ и священное вместилище праха царей галльских — аббатство Святого Дионисия³²⁹. Там души наши вполне почерпали напоминания — приятные и отвратительные, даже ужасные, достойные похвал и удивления, презрения и проклятий народов и веков, грядущих за настоящим.

И все еще и в 30-й год после завоевания нами Парижа я рассказал о том событии и прибавлю к тому о теперешних его премудростях по влиянию Каниколярной звезды³³⁰, сияющей многим над спицем купола парижского Инвалидного Дома. Наполеон говорил от нечего делать, сидя в верши у англичан на о. Св. Елены, о укреплении и увеличении до четырех миллионов жителей Парижа и завоевании Алжирии, и по тому совету французы ведут войну единственно для того, чтобы хоть на пустырях не отвыкнуть от войны, а о колонизации земледельной и думать не стоит в том жарком климате южном, где и мав-

ры, выгнанные из Испании, при крайности их не основали своего царства. Париж же укрепляется не для неприступности к нему, а только чтобы напасть на эти укрепления сильною оппозициею и, доказав ненадобность его несообразностями всеми, обратить в прекрасный загородный бульвар с разными привольями для завлечения к нему и в ложи их богатых попрыгаев и попрыгуш всех земель, и особенно Польши, посылающей свои невольные конскрипции³³¹ воевать заодно с французами и всегда на погибель их везде.

28. Достопамятная встреча в парижской Большой Опере 1814 года марта 27-го

В один из первых дней пребывания нашего в завоеванном союзниками Париже генерал Карпенков, я и брат мой, полковник гренадерского Аракчеева полку И. М. Петров, приезжавший к нам на квартиру в улицу Тембль к полудню с корпусного загородного бивака своего почти каждый день, прибыли в Главную Оперу гораздо ранее начала представления. Того вечера давалась опера «Давид, гонимый Саулом». Давида играл Лаис. Опере назначен был последовать балет «Нина».

В ложу 1-го яруса, противу сцены, прибыли мы первые, ибо в Париже раздаются билеты на ложи врозь на шесть мест каждый. Немного погодя вошли к нам еще два зрителя: один пожилой, плотный собою, среднего роста, в синем англинском сюртуке, а другой молодой, невысокий в темно-коричневом фраке; в руках обоих были круглые шляпы и толстые черные суковатые, тогдашней парижской моды, палки. Они заняли места за нами; как Карпенков и брат мой сидели на первой паре табуретов, наглухо прикрепленных к стенам ложи, а я занял правый табурет 2-й пары от парапета, то пришедшие поместились: старший — в ряд со мною, а другой — за мною в последнем ряду.

Всматриваясь в старшего совместника ложи, я находил в его продолговатом сухощавом лице и быстрых больших карих глазах что-то очень виданного мною человека, но не в сюртучной персоне, и это обратило мое на него внимание неуклонно, и когда стал он, разговаривая по-французски с молодым его компаньоном, доставать из нагрудного кармана афишку ниесы, то я усмотрел на груди его большой железный орден прусский, что тотчас и навело меня на действительное познание в нем

корпусного командира прусского войска, генерала от инфантерии Йорка, первейшего союзника русских при изгнании из Отечества нашего французов вон. Немедля сказал я о том Карпенкову и моему брату, и мы, встав, поздравили этого знаменитого патриота Германии с завоеванием Парижа и просили, чтобы он и с сопутником его заняли передние места ложи, но генерал Йорк, пожав нам руки, благодаря за внимание и поздравляя нас взаимно с общим торжеством победы, просил убедительно оставить его, в необходимость инкогнитой его одежды, на занятом им месте.

Когда мы сели на места, Йорк сказал нам: «Да, почтеннейшие храбрые камрады, поистине есть о чем нам поздравлять друг друга, ибо с лишком сто лет неприятели Франции не приближались к стенам Парижа». Кажется, это от времени быстрых подвигов Морбурга³³², сопутника славы принца Евгения Савойского³³³. «И еще бы, может, прошел длинейший ряд годов подобной судьбы его, ежели бы, по жадности к быстрым обширным завоеваниям, не сделал Наполеон грубых ошибок на западе и востоке Европы, которые открыли нам верные пути: за Вислу, Эльбу, Рейн и Марну до верховья Сены. И за всем тем несколько дней тому назад едва ли из нас кто думал так скоро быть здесь! Но нить препятствий изчаврела в военных огнях при Краоне и Лаоне, а у Арсиса совсем расторглась и исчезла, и вот мы в ложе Главной Оперы Парижа! С чем я и еще раз вас, почтеннейших камрадов, сердечно поздравляю». Оркестр театра раздался и покрыл сердца наши увертюрою оперы, и мы замолкли, перешед чувствами вдруг из громкого многолетнего потрясения их славою побед к сладострастному упоению звуками музыки и обаятельными сценами представлений, завоеванных нами с Парижем.

По окончании оперы и балета, раскланиваясь с генералом Йорком, мы изъявили ему наше глубочайшее уважение, оставя себе на всегдашнюю память счастливый случай сообщества, беседы и увеселения нашего с ним в покоренном оружием нашим Париже.

29. Бюффонов кабинет натуральной истории

На третий день зачавшейся после двугодowego кочевания нашего на биваках роскошной жизни в Париже брат мой И. М. по условию, сделанному накануне, прибыл к нам в квартиру улицы Темплъ чуть свет с полкового

бивака, и мы с генералом Карпенковым и адъютантами пошли осматривать Бюффонев кабинет натуральной истории, находившийся у левой оконечности Аустерлицкого железного моста, пред большою набережною площадью Сены.

Еще далеко не дошед правую оконечности моста, упирающегося в булеварный проспект, услышали мы пред собою рев и рыкания зверей. Перейдя мост и площадь, мы вступили в Ботанический сад, которого парадные ворота и ограда чрез все протяжение набережной площади состоит из звеньев железной решетки с вызолоченными чрез огонь арабесками и вазами на гранитных полированных столбах, части разделяющих.

В саду этом, у самых ворот, войдя с площади напротив, находится зверинец, занимающий большое двухэтажное каменное здание с двором и амбарами назади, прилежащее левым флангом к железной ограде. Оно расположено скобою, загнутыми концами к парадным воротам сада. В этом строении, в нижнем ярусе всей скобы, расположены аркадные альковы с вертикальными загородками с лица их верстенным железом, имеющие в длину 6 аршин, в ширину 3 аршина и высоту арки $2\frac{1}{2}$ аршина. В своде каждой клетки устроены западни для чистки этих звериных светлиц, а в противоположной решетке стены, к двору зверинца, — отпускные чугунные закутки, поднимающиеся в таких же пазах, для удаления зверей в задние каморки, подобные публичным, к корму, причем делается чистка дневников чрез спуск в них западнями. В верхнем ярусе строения живут: директор зверинца, эконо́м, приставы, ветеринарный доктор, аптекарь и пикеры.

Когда подошли мы к клеткам зверей, то увидели одного из шести африканских львов, самца, шагающего взад и вперед в три ступени по его жилищу с теми рыканиями, какие встретили нас, не доходя Аустерлицкого моста. Мы спросили пристава: «Не от голоду ли этот зверь ревет?» И он ответил, что их кормят изобильно и всегда чуть свет, предваряя появление публики; а ревет он от страдания стесненной его быстрой природы, сродной иметь движения чрез круги мильные, а не шестишаговые, как здесь.

Сытые эти львы так благонравны и незлобливы, что пристав протягивал к ним руку, гладил их гривы и морды, причем они смотрели на него и на всех предстоявших взорами смиренными и даже приятными. С одним из них —

самцом — жила тогда беленькая шавочка; в это время, когда мы были, она лежала у шеи льва под душкою, положила рыльце на приголовье к загривку. Пристав уверял нас — по опытам, — что время жизни того льва, жившего с собачкою, уже три года, зависит также и от жизни его друга — собачки, чему были многие опыты. Испытывая степень любви льва к его собачке, пробовали не давать ему пищи около трех суток, и он, производя ужасные рыкания, не переставал любить товарища своего заточения, ластился и припадал к своему другу крошечному.

По сторонам львов, живущих поодиночке в средней фазе скобы здания, как и другие лютые звери, сидели тогда там четыре тигра, шесть леопардов разных пород, два огромных барса, две гиены, несколько пород рысей, пара дикобразов и два черных, как смоль, волка. Но эти звери не имеют и тени той благородной природы, какая выказывается в львах, ибо многие из них не допускают к себе близко никого без злобного фырканья и мурчания, даже и ухаживающих за ними.

Неподалеку от лютых зверей находятся более 10 ям, одетых от дна до верха пятиаршинной глубины пластовым гладкотесаным камнем и обнесенных плотными каменными же парапетами. Тут в восьми содержались попарно и в одиночку разных пород медведи, кроме белых, требующих особого приволья с холодной водою. Иные из них, выманивая от зрителей съестные подаяния, выказывают весьма забавно свою смышленость, подобно кружасьимся дервишам, то кувыркаясь на разные манеры или лазя по щеглам на колеса, наверху их утвержденные. Вблизи медвежьих ям вправо, при каменном теплом сарае, стоит острог, сделанный из стойниковых бревен с промежутками $\frac{3}{4}$ аршина, вмещающий в себе слона, послушного своему карнаку, по бороде, платью и колпаку персиянину. Тут же почти находится смрадная каменная казарма, занятая десятью породами обезьян, начиная от орангутанга, сходя до крошечного пифика; а на противной стороне сквозных сеней — казармы маргышек, направо, просторная светлица, приятная по всему, усажена многими попугаями разных пород. Разноперые, расписные фазаны и турухтаны, междоусобные на воле и везде драчуны, живут около того же места в крытых решетчатых загородках с теплицами для зимы. Еще правее, за острогом, на особенном просторном дворе помещены разных пород, материков и вод создания: моржи, сивучи, бобры, белые медведи, страусы, гагаки, суринамские ле-

тяги и пугалы, всякое в своем месте обеспеченное содержанием по крайней возможности к тому. В кристалловидных водах канав, прудов и бассейнов Ботанического сада золотые рыбы и почернелые, мохолобые от столетий карпы призываются позвонками на вид зрителей, и первые, как бы подражая парижанкам, чванясь своими ярко-золотистыми одеждами, прядают из воды и крутятся на поверхности ее стаями. Когда же бросят им спрошенные от приставов за деньги гостинцы — изломанную в куски крупитчатую булку или пару-другую бисквиток, то тут подымается у них возня на самой поверхности воды, преобразующейся в прелестную живую россыпь золотых самородков автоматных.

Осмотря все живое из созданий, мы вошли в анатомическое отделение, занимающее двухэтажный дом. Тут обозрели мы сперва скелеты всех животных, начиная от мыши до слона, носорога, гиппопотама и неуклюжего камелопарда. Потом — многие тысячи препаратов в спирте. Там же находятся десяток человеческих мумий египетских изумительной живости спящих лиц. Иные из них выказывают лицами как бы смыслы приятных и печальных грез своего четырехдесятивекового сновидения. Есть много и таких мумий, которые горячими песками Аравии и Абиссинии чрез голодную, невольную, теплую смерть из сухого тела произведены. Восковые изделия, для хирургии и акушерских теорий нужные, во множестве показываются желающим просто посмотреть их или изучать для практики тех познаний.

Ботанических предметов царства прозябаемых находится там многие десятки тысяч видов. Немалое число тропических растений содержится в особых местах, принадлежащих этому заведению, в светлых знойных теплицах с двойными зимою рамами. Есть и такие, которые, по огромности своей, занимают прозрачные, жарко натапливающиеся парами павионы. В них содержатся индейские пальмы разных пород.

После обозрения всего вышесказанного вступили мы в главные палаты вообще всех предметов натуральной истории. Двухэтажный каменный корпус, имеющий 80 сажен длины, вмещает в залах, можно сказать как бы на выставке, образцовые произведения природы земных материков и морей всех. К стороне окон дома, от линии главного входа по стезе дверной анфилады зал, от левого фланга строения к саду противу предместных ворот, все уставлено чучелами всех зверей, птиц,

рыб и пресмыкающихся. Огромные киты, крокодилы, кашалоты и зубастые акулы привешены к плафонам на медных вызолоченных цепочках, по одной — спинами, а по другой — каждого рода пузами вниз, а между ими размещены таким же порядком семипудовые исполинские черепахи Южного океана, по две пары каждой породы. Углы камер, к стороне окон, заняты пирамидами, сложенными из раковин, мушелей и огромных аммоновых улит разных морей стран света, расположенных по породам всех иных черепокожих тварей с подбором одинаких величин их, стройными красивыми четвертями поясов, от полу до потолка симметрично высящимися. Около продольных глухих стен правой стороны хода, противоположных окнам, и концевых простенков зал до дверей, на полках и на пристенных лавах, за зеркальными и под зеркальными стеклами, размещены: кораллы, мадрепоры, окаменелости животных, растений и полипов всех других родов. Руды благородных и простых металлов с большими самородковыми глыбами приисков их; драгоценные камни, кристаллы разных цветов купами укреплений их корнями в кварцах и фигурные капельники — словом, все истощенное из недр и объятий премудрой и причудливой матери нашей природы, сохраняя свои родовые образы, представляют там стройные звенья цепи творения десницы Всевышнего. Антики и игры технической силы всех подстереженных случаев природы мира вещественного гармонируют аккорды всего сонма творения, созванного туда приветами любимцев ее, на удивление любомудрых, слушающих благоговейно глаголы веществ избранных, поведающих славу божию.

В левой оконечности, по подходу от ворот предместной площади этого огромного здания, стоящего в общей каменной ограде заднего садового фаза к улице Ботанического сада и переулку Бюффоновскому, находится большая квадратная подкупольная высокая камера, вмещающая в себе библиотеку, полную творений, касающихся созерцания природы³³⁴, зачиная от Платона³³⁵, Аристотеля³³⁶ и обоих Плиниев³³⁷ до дивных обаятелей ее — графа Леклерка Бюффона и божественного благовестителя премудрости Творца Боннета³³⁸, с присовокуплением к тому огромного поприща пройденного за них глубокомысленным неутомимым Кювье³³⁹, бывшим тогда интендантом этого первенствующего в свете кабинета натуральной истории и почти неотлучно там тогда трудившимся и жившим со многими помощниками его, осо-

бенно по части сравнительной анатомии, во исследование новооткрытых пред тем гренландских и сибирских костей трех первых возродений природы мира нашего, предваривших библейское, Моисеевой 1-й Книги Бытия, краткое созерцание.

30. О Тюльерийском дворце 1814 года

Гостя в завоеванном Париже, генерал Карпенков, я и брат мой, приехавший к нам с полкового загородного корпусного бивака, пошли с полученным от парижского нашего русского военного губернатора генерала от инфантерии Остен-Сакена входным билетом осматривать Тюльерийский дворец³⁴⁰, знаменитый древностию его построения, от Екатерины Медичи³⁴¹, супруги короля Генриха II³⁴², отпраздновавшей в нем свадьбу короля Наваррского с финалом колокольного звона заутрени в ночи св. Варфоломея³⁴³. С нами были два адъютанта нашего 1-го егерского полка — поручик Клуген и подпоручик Татищев.

С Карусельной дворцовой площади впущены мы были по билету нашему караульным офицером французским чрез калитку, находившуюся при Триумфальных наполеоновских воротах в железной, богато украшенной золотыми фигурами решетчатой ограде, на двор Тюльерийских палат или площадь дворца.

Камер-лакей встретил нас на парадном входе во второй этаж дворца и провел в приемную комнату дворцового дежурства, где гоф-фурьер³⁴⁴, приняв учтиво билет, повел в парадные залы, приготовленные для водворения ожидаемого с часу на час графа де Артуа³⁴⁵, брата короля французского Людовика XVIII.

Зала побед Наполеона — консула и императора, а за нею аудиенций и потом тронная его не имели в украшениях своих почти никаких особенных богатств, кроме превосходнейшей стеной живописи картин, означающих победоносные битвы Наполеона — консула и императора, зачиная от Мантенотской³⁴⁶ до Ваграмской³⁴⁷, которые во многотрудных сложностях их батальных значений отделаны на диво. Обстановка этих зал, лежащих в одно протяжение к стороне Карусельной площади, по углам, над дверьми и окнами военною арматурою лепной и бронзо-позолотной отделки производила разительный эффект и аккомпанемент значению картин и самых

помышлений осматривающих тогда жилище своего противника, великого завоевателя. Над тронем Наполеона висела еще вместо балдахина на золотых цепях с медалионами гербов завоеванных им провинций большая, двухаршинного диаметра модель железной лангобардской короны с ее девизом по нижнему обручу.

В подкупольном зале квадратного чрез всю широту дворца пространства портреты новых маршалов Франции — сподвижников Наполеона предстают как живые, в полном росте и геройской фантазии лиц. Массена³⁴⁸, Ожеро, Сульт³⁴⁹, Даву, Лан³⁵⁰ и прочие быстрыми глазами смотрели на нас, русских, вошедших к ним; а пройдоха Ней, казалось, говорил нам: «Что, поймали, взяли на аркан? Гм!» Они обставлены настоящими арматурами и собранными в полные богатырские остовы древних рыцарских персон, стоящих в четырех углах в уровень обоих поясов линий портретов и окон с выставленными в правых руках пред грудь флашеями³⁵¹ и щитами на левых; пернатых шлемов их забрали опущены.

Придворная церковь мала и не имеет никаких особенных украшений. В ней только и есть один образ над престолом — Внемлющего грехи мира. Партеры и ложи ее обиты малиновым бархатом с золотыми позументами и бахромами.

Театр тоже не пространен вместилищем зрителей, но сценная его часть обширна. Камера Военного совета замечательна своим близким к столу плафоном, имевшим тогда на себе изображение Аустерлицкого мира, для зренья нашего уже не щекотливого там.

На половине императрицы Марии-Луизы ее уборная, спальня и гостиные комнаты, расположенные к стороне Тюльерийского сада, покрыты драгоценностями во изумительно прелестном образе украшений. Там живого, дышащего обольщением шитья по бархатам и прокладок золотых разного утонченного искусства в соединении с драгоценными камнями, жемчугом, бирюзой и антиками на уборном туалете, кровати, мебели, люстрах, зеркалах и жирандолях на многие десятки миллионов ливров. В детской, на убранном щегольски взносе, как бы на амвоне пристенном, вершков на десять от полу, под балдахинном с зелеными бархатными с золотыми вышивками и сетчатую бахромою занавесами, стояла копия колыбели, присланной жителями города Лиона королевичку Римскому в дар при его рождении. Но пусть виденные нами драгоценности стоят 300 миллионов рублей,

и ежели бы их помножить еще тремястами, то и тогда громада ценности далеко не достигнет цены чести истинной славы завоевавших Францию союзных монархов, оставивших в Париже и везде во Франции неприкосновенными все их сокровища и редкости вопреки правилам противника своего, Наполеона, забиравшего всюду, как и в Москве, даже крест кремлевского Великого Ивана!

Один из бывших с нами адъютантов наших, немец Клуген, изумленный невоображаемым богатством этой половины дворца, идя за нами, повторял шепотом товарищу своему Татищеву: «Ах, поше мой! Ну шево он еще катил?» Я, подслушав это, спросил его: «Что, Клуген, если бы у тебя этакой домишко был, ты бы, как видно, не пошел в Москву?» — «Шорт бы мини понос оттуда дуда». — «Лжешь — и ты бы пошел, я твое честолюбие видел и помню — кабы чин твой взрос повыше теперешнего».

Осматривая Тюльерийский дворец, я вспомнил сатирическое описание его нашим комиком Коцебу³⁵², но не заметил тех предметов, какие он так резко изобразил в своем рассказе «О достопамятностях Тюльерийского дворца». Ибо над кабинетною кроватью Наполеона для вспомоществования встающего нет смертодавной веревки, истребившей в темнице генерала Пишегрю³⁵³, и не заметно нигде лоскутков Амьенского трактата³⁵⁴, найденных им, Августом Коцебу, в бархатной сумке отхожего места у кабинета Бонапарте.

Из набережного фланга 2-го этажа 5-купольного протяжения этого старообразного дворца, соединенного от обеих оконечностей галереями с Лувром, вышли мы прямо из сеней обширнейших в знакомую уже нам Картинную галерею Музеума живописи. Эта галерея расположена над линией кладовых и прочих служб дворцовых в уровень вторых этажей Тюльери и Лувра. Она имеет длины, по близкой параллели набережной правой стороны Сены, чрез все расстояние Карусельной площади и Тюльерийского преддворцовья до 700 шагов. Окон в ней почти вовсе нет внутри, ибо они, почти все, начисто заглушены для помещения картин большого размера, а снаружи значатся вполне для красоты здания, но чрез каждые 50 шагов сделаны на обе стороны балконы, один против другого, со стеклянными большими створчатыми дверьми, по сторонам которых изнутри поставлены по две коринфских колонны, росту аршин пять, из желто-струистого мрамора, покрытые прекрасными антаблементами и драпированные малиновыми гардинами

с золотыми прикладами. В общей длинной крутой арке, покрывающей эту 12-шаговую широту галереи, есть в зените каждого промежутка балконов по два больших квадратных выпуклых литых белых стекла, покрытых зонтиками из луженого листового железа, добавляющих полную потребность света не прямым, но переломным отовсюду разливом его на картины, имеющие без помехи свои тени. Богатая эта арка украшена, по румяноцветному протяжению ее, сияющими золотыми зарницами, изредка расположенными с малою выпуклостью по всему своду. В ней находилось тогда до 2000 картин огромного, большого, среднего и малого форматов, произведения наиславнейших художников давних и новых времен, в том числе 26 первейших Рафаэля Санкцио Урбино³⁵⁵, не минуя и «Преображения Христова», 18 — Корреджия³⁵⁶ и 120 — Рубенса. Из последних особенно блистают говорливою изящностью: «Поклонение царей Востока родившемуся Спасителю мира»; «Распятие его» с дележом одежд Сына Божия по жребию палачами и «Положение во гроб»³⁵⁷ снятой со креста Иосифом Аморифейским уснувшей плоти Христовой, где лицо матери Христовой, убитой скорбию во многосуточном без сна мучении ее, одолевшей всю видимость ее: лицо, волосы и одежду, и Магдалины Божественной, красотой борющейся со страданиями души и сердца, удручающими чувства ее, и одеянием, благовествующим небесную избранность предстояния как бы от светлого, прелестнейшего лица ангелов. Она, с преклонением колен, проливая прелестные горькие слезы, обнимает остывшие ноги божественного Испытателя нашего, друга своего; представляет такие выражения, от которых всякой чувствительный зритель предается невольному стонанию души. А там — изумительное благоговение преклонивших колена приведенных светлою кометою царей, поклоняющихся божественному первенцу Марии, и робкое заглядывание под лапас яслей челядинцев царских, иных с земли, а других, перегнувшись чрез излучистые хребты навьюченных верблюдов, приводят в небытие прошлого времени 1813 лет, ставя каждого зрителя пред самое священное это событие как современника тому. Или вот, около распятого, умирающего на кресте за противукорыстие мишурных архиереев иудейских Испытателя нашего круговня палачей, сидящих на чапках, и лежащих на земле обаполо раскладенных частями: одежды, пояса и еще кое-каких ничтожных принадлежностей не отличавшегося ими ни от

кого бедного Спасителя мира! Их жадные взоры на бросаемые одним из них жеребьевые кости и судорожные, машинально протягивания рук к части дележа, всеми желанного, где нет ни алмазов, ни парчей и ни жемчугов, бывших приторным присвоением во украшение себя первосвященниками иудейскими, так и нудят руку воина, чтобы крошить этих ракальев священным мечом хранителя непорочности и простоты священной веры, воссозданной к поклонению невидимому везде существу Творцу вселенной Иисусом Христом. О выражениях лиц и рисовке всего картин «Преображения Христа» и других произведений Рафаэля едва ли может и смеет кто сказать что-либо достойное их совершенства, ибо они превышают всякое понятие о совершенстве живописного искусства.

В первом подкупольном зале Лувра, к которому примыкает Тюльерийская картинная галерея, стоят от полу высоко многие исполинских форматов картины Рубенса и Ребрюна³⁵⁸, а на то время, как мы, смиренные завоеватели, жили в Париже, многие знатные граждане выставили туда напоказ свои высокого художества картины, представляющие тож происшествия древней военной истории греков, римлян и карфагениев; из них вот которые мне памятли:

1-я. «Переход чрез реку Граник³⁵⁹ Македонского героя». Клит, прикрыв щитом главу юного монарха, друга и молочного брата своего Александра, поражает мечом дюжего свирепого мидянина Розоцеса, вознесшего с напряжением всей силы секиру на поражение главы великого завоевателя, восходившего с победоносными дружинами своими на неприятельский берег р. Граника, отбитый уже македонянами под личным предводительством самого Александра и его полководцев. Ярость лиц обеих сторон ужасна, поражения вразумительны вполне нам, воинам, приобыхшим к подобным свалкам в натуре при боевых рукопашных поражениях.

2-я. «Окончание Исского сражения»³⁶⁰ представляет блистательный венец всех военных добродетелей геройства. Победы неприятельских боевых сил — дело обыкновенное гениев военных и богатырей древних той или другой стороны, категорий диких и образованных народов: Батыя³⁶¹ и Тамерлана³⁶², Тюренна и Евгения Савойского, но одоления страстей своих юными полководцами давних времен — редкость, уступленная судьбою въявь исторически только Македонскому герою и молодому

Сципиону ³⁶³ — предводителю древних римлян в Испании. Окончая поражение персидской армии в долине Мизисинской, при Иссе, Александр поспешил успокоить взятое им там в плен семейство гордого врага своего — Дария Кодомана, грозившегося пред тем «поймать его, балмошного детину, и высечь лозами». Мать побежденного монарха Сизигамбиза, в помрачении чувств ее отчаянием, обняла ноги Пармекиона, тогда как дивной красоты, блистательно наряженная любимейшая из супруг Дария, юная, стройная Статира, и все прочее семейство шаха предстоят раболепно пред вошедшими к ним в шатер победителями. Согбенные бедою уродливые евнухи и плачущие невольницы пленных, стоя назади, за царицами своими, довершают картину горькой превратности счастья их. Но герой, свежий еще воспитанник Аристотеля, обратил лишь внимание свое к успокоению матери врага своего Дария, сказав ей приятственно, умолявшей у ног о прощении: «Успокойтесь, царица-мать моя. Вы ведь учинили малую ошибку, отдав почесть вместо 1-го 2-му Александру». Вот минута значения картины Исской победы.

3-я. Несомый четырьмя испуганными ретивыми конями, запряженными в ряд в колесницу, сбросившими возничего с разбитым лицом на переднее колесо левой стороны, по полю сражения Арбельского ³⁶⁴, чрез тела мертвые и обломки оружия, Дарий Кодоман, уничтоженный Александром Великим, распротря руки в стороны, являет гордое исступление его духа по утрате всего последнего войска в этом окончательном генеральном сражении, разрушившем всю его огромную монархию дотла.

4-я. И вот ясная, блистающая и нам еще зарница заката добродетелей Великого Александра. Дарий, по уходе от Арбел к стороне Бактрияны, умерщвленный вельможею его Бессом, испускает дух на руках приспевшего от Персеполя Александра, сбросившегося с его друзьями-полководцами с задыхающихся и припадающих к земле верховых коней, чтобы отвратить смерть и даже самое бедствие от побежденного им гордого и грозного всем противника своего. Как он велик и световиден в это время жизни его! Но тут сердце зрителя предается грусти, взирая на расстающихся: Дария — с жизнью и Александра — с добродетелями своими навеки! Воображение нехотя видит при этой и за этой прелестнейшею картиною Персеполь ³⁶⁵, объятый пламенем от руки опьяненного героя, получившего факел от жрицы распут-

ства, одушевлявшей смрадные оргии Бахуса³⁶⁶ и Венеры³⁶⁷; Клита³⁶⁸, утопающего в крови своей; Калисфена³⁶⁹, умирающего в страданиях за усердное стремление спасти погибавшие добродетели воспитанника Аристотелева, принятых по повелению, подписанному Александром во опьяненности, и прочее помрачившее все величие души и прелесть сердца исполинского героя, захлебнувшегося вскоре потом в вине огромной чаши Геркулесова храма близ Вавилона³⁷⁰.

5-я. Эпаминонд³⁷¹, полководец тебанский, dokonчивший поражение неприятеля, исторгает из груди своей стрелу и умирает спокойно, оставя по себе в память вечную двух знаменитых дочерей — Левтру и Мантенею, т. е. две его знатнейшие победы над врагами Отечества.

6-я. Леонид³⁷² — царь спартанский, защищая Фермопильскую теснину, умирающий образцовою смертию героев с достойными его 300-ми сподвижниками.

И прочие славнейшие картины, принадлежащие собственно народному Музеуму и выставные от граждан, предающих памяти события Веры и Геройства древних.

Музеум скульптурных произведений древних и новых знаменитых художников помещен был тогда в нескольких обширных камерах нижнего этажа флигельного придела луврских палат, к стороне галерей и набережной стоящего, ибо в то время начата была только одна часть, шагов на 200, постройки другой галереи, противоположной набережной линии, идущая по улице Риволи, предназначенная было Наполеоном для скульптурных особенностей своих, присвоенных и подсмотренных еще кое-где для добычи правом силы, одолевшей почти все народы было.

Опричь иных славных во множестве там находящихся тогда статуй, групп и барельефов, мраморных и бронзовых, мы видели в особенности памятные нам удивительные антические произведения древности следующие:

Лаокоона, троянского жреца³⁷³, погибающего с двумя его сынами от двух ужасных змиев, их удушающих обвивом своим, в одну купу сжатых и грызущих, резца Жажандра и Аполидора, неизвестных местом рождения и временем жизни их. В этой группе, первойшей в свете по сочинению своему и по всему, выражения лиц и спазмы всех тел мучащихся, отца и детей его, так сильно вылегли на мраморе, что, стоя пред нею в десятке шагов, кажется, будто слышишь шипение змиев, стоны погибающих и даже хрупение костей их. А взоры сынов к лицу

отца, отцовы с жалобой к небу и конвульсионное положение нагих тел можно назвать набатом Природы. Зрителю, имеющему разборчивую душу, но слабые нервы чувствительного сердца, надобно скорей удалиться от этой группы, а не то тяжело стиснется грудь его.

Во время первого Парижского конгресса³⁷⁴ союзных монархов английского верхнего парламента комиссары предлагали 50 миллионов ливров за эту группу, равно как и за картину Рафаэля «Преображение Христово», но их, как и прочее чужое, во втором занятии Парижа возвратили без платы своим прежним владельцам.

Аполлона Берведерского³⁷⁵, представленного в минутах торжества его при поражении стрелою чудовища Тифона, пущенного из держимого им в руке лука с трепещущею еще тетивою. Его победоносный вид, в самом высоком человеческом росте нагой наружности всего тела, кроме левого плеча, окинутого хламидою; чело, увенчанное лавровым венцом, и счастливое сбережение от давних веков без значительного повреждения членов изъясняют полную божественность. Мрамор статуи этой такой высокой доброты по составу своему и белизне, что едва ли было что у древних лучшего к посвящению божеству их немерцающего света небес. Жаль, что пенаты истории не черкнули нигде имени художника, ни время, ни место воссияния этого величественного представителя божества народов всех веков.

Венеру Медицисову³⁷⁶ резца Клеоменова, дрожащую от стыдливости и в Париже, как в Афинах и Флоренции.

Венеру Праксителеву³⁷⁷, пылающую пламенем любви и палящую многих смотрящих на нее своею лучистою красотою, «как Париса, Марса и Адониса», а может быть, и самого Праксителя.

Геркулеса Фарнесского³⁷⁸ в могущественнейшей крепости тела, с палицею или дубиною в руке.

Атлетов римских бьющихся и одного умирающего от поражения на арене коротким мечом в грудь.

Реку Нил в виде женщины колоссальной величины, лежащей прекраснейшим нагим телом над обрубом береговой горной крутизны, с покрытою до плеч головою, с чуть виднеющимся между него лицом. Крокодилы и многие лютые звери, питомцы пустынной Африки, ластаня около нее; из двух опрокинутых кувшинов льется на обе стороны вода в знак двойного, не отгаданного еще поныне исходища Нила. Долгота этой группы — аршин восемь, широта — три аршина, толщина по горизон-

ту пластом два аршина, а в заголовье — выше полуаршина. Мрамор ее иссиние-белый. Она отыскана в Верхнем Египте.

Шесть или семь больших камер в том же нижнем этаже луврского флигельного здания, под сводами своими вмещавшего тогда в себе множество иных славных произведений, как из мрамора, так и из бронзы, древних и новых времен художников.

В первой камере скульптурных антиков по входу с Карусельной площади из сеней от парадной лестницы, идущей вверх, в Картинную галерею, на правой стороне, у самой двери, в пространной, богато драпированной занавесами нише, пред драгоценными, отовсюду собранными в Париж антиками стояла тогда Наполеонова статуя мраморная резца знаменитого Кановы³⁷⁹. Наполеон представлен облаченным в римскую тогу по виднеющемуся из-под ней мундиру. На голове его был златовидный венец лавровый. Жезл императора Карла Магнуса³⁸⁰, длинный, в правой руке его, схваченный на половине, нижним концом стоял влево, с боку котурны, наперекосок от правой стороны. Этот жезл, как и венец, сделан из бронзы озлащенной. Стебель жезла имел три колена, отделенные двумя выпуклыми гайками; балдахинка его резная, гербовая, древней четырехгранной формы монарших жезлов. Опираясь на жезл великого предшественника своего, цезаря римского, тоже завоевателя, политика, ученого и мужа многих жен, он гордо смотрел и стерек собранные им редкости, доколе было можно.

Повторяя многократно обзор этих драгоценностей, мы каждый раз изъявляли благодарность лику Наполеона, собравшего многое в Париж и для нас, приведенных им самим от страны северной на берега Сены.

31. О прибытии полка из Парижа в Мангейм. Почести супруге Благословенного, 1814 года

Все войска корпуса графа Ланжерона с половины апреля перешли из-за левого берега Сены чрез Париж и Мо к Клермонту³⁸¹, где и расположились на квартирах, но я с генералом Карпенковым оставался еще на несколько дней в Париже; по прибытии же нашем в полк немедля выступили мы отдельно, с одним полком нашим, на Рейн в Мангейм, при котором назначено было присоединиться к нам еще трем егерским полкам,

порученным Карпенкову обмундировать для парадного марша чрез Германию обратно в Отечество.

Прибыв в Мангейм 22 апреля, нашли мы город в чрезвычайно радостных суетах, ибо в следующий день готовились там все сословия города и округов к блистательному принятию нашей государыни Елизаветы Алексеевны, супруги Спасителя Германии, с родительницею ее и всеми сестрами.

Полковой командир наш, генерал-майор Карпенков, поспешил оправить, по возможности, лучших из всей драгоценной выжиги полка своего людей, украшенных серебряными крестами Военного ордена³⁸², медалями и надписями на киверах «За отличие», из которых составил почетную роту, присоединив к ней музыку своего полка с Георгиевскими серебряными трубами, жалованными за храбрость³⁸³. Как почетный, так и городской караулы поручены были распоряжению и дежурству моему и потому еще, что по службе моей я знаком был и с дворцовым порядком службы, давно и недавно виденным мною в Петербурге.

В день св. Победоносца Георгия, 23 апреля, в 3 часа пополудни государыня императрица всероссийская Елизавета Алексеевна соизволила прибыть в Мангейм из Гейдельберга, сопутствуемая ее августейшую родительницу великою герцогинею Гессен-Дармштадтскою и сестрами: бывшею королевою шведскою, королевою баварскою и неразлучным другом ее, принцессой Амалией.

Свиту ее величества составляли: гофмаршал Александр Львович Нарышкин³⁸⁴, генерал от кавалерии граф Витгенштейн с супругою его, кавалерственною дамою императорского двора, и несколько других персон российского и иных дворов.

Государыня императрица, встреченная пред Гейдельбергскою заставою Мангейма генералом Карпенковым, русским и баденским комендантами города, мною, адъютантами и назначенным в ординарцы императрице поручиком Готовцевым на верховых лошадях, препровождена была чрез город, между плотными лавами стекшегося народа, затруднявшего проезд ее величества. Пред подъездом герцогского дворца почетная рота наша отгрянула честь своей матушке-царице, сопроводив и покрыв темпы прохваченных военным огнем ружей, барабанным боем, музыкою и криком «ура!».

Государыня императрица соизволила все это принять с изъявлением на лице ее величества явственных знаков сердечного чувствования, благосклонно от храбрых воинов своего препрославленного царства, возвратившихся

после двухгодичной войны на Рейн, в место рождения ее, с полною победою из-за Парижа малым числом остатки всех чинов полка, и то истерзанных войною.

Стекшийся к дворцу народ изъявлял радость, восходящую до высшей степени восторжения чувств, видя воспитанную у них, в Мангейме, от юности милую сердцу их, сострадательную принцессу Августу — супругу Александра, благословляемого на всех концах вселенной за мирное благоденствие, представшее Европе после 22-летней пагубы людей. Они пели хвалебные гимны ее величеству, метали пред ее величеством цветы и кричали, употребляя русские слова, именуя свою божественную гостью.

По вступлении в герцогский дворец императрица приняла поздравления от городских почетных чиновников, военных начальников и иностранных консулов торговых. Говорила приветливо со всеми. Многих вопросов и приветов удостоила генерала Карпенкова и прочих, представлявшихся ее величеству через графа Витгенштейна.

Приняв пятиминутное успокоение во внутренних комнатах дворца, государыня соизволила сойти в дворцовый сад, расположенный при самом правом берегу Рейна, любезный ей с дней юности ее, где и прогуливалась со всею компаниею по прекрасным аллеям и террасам его до самого сумерка. В этой прогулке 40 человек егерей моих, средней шеренги, рассыпанных около общества высочайшего, предохраняли его от стеснения многочисленностию народа, перебегая перекатно в обход по пути прогулки. В осьмом часу императрица и вся ее родственная компания восходили на астрономическую обсерваторию, а потом, сев в парадные экипажи, поехали гулять по городу, великолепно иллюминированному, причем карету, в которой изволила ехать государыня с ее августейшею матерью, провожали со сторон верхами генерал Карпенков, комендант города, я, ординарец Готовцев и адъютанты. Оконча прогулку по городу, наполненному хвалебными ее величеству представлениями прозрачных щитов в разноцветных огнях, разливом лучей нескольких миллионов шкаликов и площадок, пылавших тогда с сердцами многих сот тысяч благодарных Александру германцев, их величества прибыли в театр, где представлена была немецкими актерами опера «Иван Парижанин», игрою, музыкой, пением и обстановкой великолепная.

После оперы императрица со всею ее высочайшею компаниею изволила перейти прямо из герцогской ложи в зал общественного собрания, где благоволила быть за

ужином, данным родственными их величествам принцессами Рейс. К столу ужина приглашены были генерал Карпенков, оба коменданта и я, дежурный почетного караула.

За длинным, блистательно убраным на 50 кувертов столом сидела императрица пред серединою его, а по сторонам ее — прочие высочайшие особы, напротив которых были места хозяек, дававших угощение императрице. В левой половине линии императрицы шестым сидел гофмаршал Нарышкин, ниже его — граф Витгенштейн, адмирал Шишков³⁸⁵ и прочие русские спутники императрицы, противу которых получили места: Карпенков пред Нарышкиным, а я — пред Витгенштейном. Угощение было, и в яствах и в питиях, высокой изысканности. В половине ужина граф Витгенштейн спросил Карпенкова о приступе и взятии оборон Парижа. Карпенков доложил ему, что он, по болезни его, не был в этом сражении, и, показав на меня, сказал, что я могу вполне представить ему его военное действие. Витгенштейн обратился с вопросом ко мне. Как происшествие покорения Парижа было, по собственному соучастию в битве той, подробно мне известно, то я зачал тихо, чрез стол, рассказывать о ней графу и особенно прильнувшему к новому все еще событию гофмаршалу Нарышкину. Я хотел было сократить рассказ мой, но, взглянув налево, на императрицу, и увидев, что она, обратясь к нам, внимательно слушала военное собеседование нашего отделения, вменил себе в высшее благополучие внимание государыни и, выпив поспешно рюмку гохгейму и повыся голос, раскинул рассказ мой по стремнинам высот Бельвильских до удожья Пантенской заставы и предместия Лавилет, а отсюда вправо, мимо Монмартра к Булонскому лесу, столпя наилучшие сцены достопамятного того сражения пред сонм священной вечери той, бывшей на берегах Рейна и Неккара, и, наконец, быстро ринул колонны ретивого драчуна галлоода Блюхера на вершину Монмартра. Причем, выражая финал того сражения и всей войны при угасании и оредении выстрелов с ударом русского штыка, я сильно вонзил вилку в стол возле моей тарелки, так что обапольный столовый хрусталь зазвучал и гофмаршал Нарышкин в восторге о победе нашей, пуклятя полуседую голову свою, повторял: «Браво, полковник, браво, и я с вами в рядах там».

Когда ужин кончился, государыня встала, благодарила подошедших к ней родственниц своих, по общему обыкновению везде, за хлеб и соль, после чего обошла

левый конец стола на нашу сторону его, сперва к генералу Карпенкову, которого спросила о некоторых случаях войны на берегах Эльбы, а потом обо мне. От него императрица удостоила подойти ко мне, спросить и меня, сперва о ране моей — по отзыву о мне, ей сделанному Карпенковым, потом о родных, и особенно о единственной сестре у нас, четырех братьев, даже о ее детях, заключа пожеланием мне здоровья и «чтобы я, возвратясь в Отечество, нашел всех родных моих, особливо сестру с детьми ее, здоровыми».

В два часа за полночь государыня-императрица изволила выехать из Мангейма обратно в Гейдельберг, сопровождаемая за заставу Карпенковым, мною, комендантами, ординарцем Готовцевым и адъютантами, при восклицаниях полумиллиона германцев, граждан и поселян, напутствовавших благодарностями и благословениями родною свою принцессу Августу, супругу спасителя своего, монарха Александра, которым дарованный Европе мир длит их благоденствие и поныне.

В последовавший день в 11 часов утра, когда я находился в окрестностях Мангейма для распределения квартир моего батальона, в селениях левого берега Рейна, от селения Оппау к г. Вормс лежащих, прибыл из Гейдельберга в Мангейм гофмаршал Нарышкин к генералу Карпенкову и объявил ему высочайшую благодарность ее императорского величества за приятное сердцу государыни служение, оказанное им с полком в бытность императрицы в Мангейме, и притом вручил ему от щедрот благополюбия ее дары на память того: мне, «дежурному подполковнику Петрову», — золотую табакерку с богатою эмалью; командиру почетной роты капитану Юшковичу — золотую же табакерку без эмали; поручику Реутову — золотые часы с репетицией и ординарцу, поручику Готовцеву — часы с репетицией золотые с эмалью. Роте почетной и музыкантам — сорок червонных. Вот сколько радостей и милостей обрел храбрый 1-й егерский полк на Рейне в день св. Победоносца Георгия.

С 22 апреля по 18 июня шесть егерских полков армии нашей, переименованных за военные отличия в гренадерско-егерские, впоследствии карабинерные³⁸⁶, составлявшие отряд генерал-майора Карпенкова, производя новую обмундировку свою, квартировали при Мангейме, по обоим берегам Рейна и Неккара, близ города многолюдного, новейшей архитектуры, содержимого в особенном порядке, между жителями образцового благонравия. На знатном герцогском театре Мангейма искусные актеры

увеселяли офицеров наших почти каждый вечер представлениями пьес отличного их репертуара. В самое прекрасное весеннее время года мирного дворцовый герцогский сад и городской, на правой стороне устья Неккара, называемый «Миллау», имели частые собрания всех городских обществ для гуляния и танцев.

В окрестностях Мангейма г. Гейдельберг на Неккаре, имеющий университет, Ботанический сад, на уступах горных спланированных, кабинет натуральной истории и развалины стародавнего замка, в погребах которого осталась чудотворно спасаемая промыслом могущественного Бахуса бочка в 40 000 ведер поместы³⁸⁷. А неподалеку от Гейдельберга — местечко Швецинген, имеющее в долине при горах сад герцогский, считающийся наипрекраснейшим в той части Германии, особенно приятным устройством водяных фонтанных игр, достопамятных для нас, посещавших эти места на свободе и раздолье военной славы нашей, в сообществе искренних германцев — друзей наших. Левого берега Рейна города Дурхгейм, Нейштадт, Вормс и Шпеер по прекрасным своим местоположениям, а последние два и по событиям религиозных состязаний панелей с диссидентами³⁸⁸ во время исчезавшей силы первых при угасании костров св. инквизиции, защищавшей и отмщевавшей права пап продажи отпущения грехов и иных подобных торговых статей католической священновластительности Рима, тоже замечательны.

Но эти красоты природы и народного благоустройства на прекрасных берегах Рейна и Неккара упрочены и увековечены в сердцах народа русского тем еще, что там возлелеяна была одаренная божественным тихим разумом и красотой кроткою супруга благословенного монарха Александра, которой мы, 1-го гренадерского егерского полка воины, прибывшие из-за Парижа, удостоились послужить, услышать приветы нежного царского сердца ее и принять дары от благотворительной руки всемилостивейшей государыни своей, императрицы Елизаветы Алексеевны.

32. Возвращение к Эльбе.

Путешествие великих князей 1814 года

По предписанию фельдмаршала графа Барклая-де-Толля 1-й егерский полк наш, поступя в ариергардный отряд, составленный из многих егерских бригад армии

нашей, под командою ген[ерал]-лейтенанта Паскевича, ныне фельдмаршала, кн[язя] Варшавского, долженствовавшего прикрывать отступ гвардейского, гренадерского и прочих корпусов, шедших от Парижа мимо Страсбурга на Вислох, Карлсруэ и Вюрцбург, возвратно к границам России, выступил из Мангейма 18 июня в Гейдельберг, где и простоял два дня в ожидании прохода всех войск, назначенных возвращаться от Франции, пред нами.

В последний день пребывания нашего в Гейдельберге, отстоящем от Мангейма в 14 верстах, взошли мы на высокую гору правой стороны Неккара Гейлингенберг и там, на вершине ее, расположились у запустелых развалин былого монастыря офицерским биваком, имели прощальную беседу в виду Рейна, чокаясь полными кубками рейнвейна с провожавшими нас мангеймскими друзьями, говоря сердцами: «Прости, величественный Рейн! Воспоминание о тебе будет длиться чрез всю жизнь нашу с благодарностию за счастье, на прекрасных берегах твоих нас услаждавшее. Жертвы, двухлетнею войною приятые, снискали и обитателям величественных берегов твоих мир. Пусть же мирное это благоденствие их преходит многие веки от рода в род с неизменным их дружеством к народу русскому. Прости».

Из Гейдельберга егерский отряд наш следовал в ариергарде армии на Вюрцбург и Рудольфштадт к Йене и Наумбургу. Пред городом Йеною 9 июля генерал Карпенков с привалу колонны полка нашего отправился, по назначению Паскевича, вперед к нему в Йену, ибо отряд наш шел не общею колонною, но полковыми, имея всегда полк наш при ариергардной квартире. Быв старшим в полку по отбытии генерала Карпенкова, я вел с привала полковую колонну свою и приближался уже к самому городу Йене на полторы версты. Тут ехавшему мне пред колонною полка зазвучал назади почтарский рожок, и я оглянулся чрез левое плечо за себя на проезжих мимо левого фланга вблизи полковой колонны. И кого же увидел, кого узнал в почтовой коляске? Своих родимых великих князей Николая Павловича³⁸⁹ и Михаила Павловича³⁹⁰ — братьев прославленного предводителя всей коалиции Европы, проведеншего нас до берегов Луары. «В рядах, в рядах», — закричал я полку и велел ударить в барабаны скорый марш. Почтовая коляска проехала самым тихим бегом лошадей мимо колонны, и как там в недалеком расстоянии, у самой почтовой дороги, с левой стороны впереди были три пригородных

сельских дворика, то путешественники остановились при них и вышли из коляски со своим воспитателем генералом Ламсдорфом³⁹¹. Великие князья одеты были попутевому, во фраках, и круглые шляпы покрывали их, а воспитатель великих князей был в общем армейском сюртуке и фуражке краснооколой.

Остановя и оправя мою полковую колонну, я повел ее парадным скорым маршем, на полувзводе, с музыкою мимо их императорских высочеств, скомандовав баталионам: «Смотри налево, дирекция налево». Более мне нельзя было им отдавать почести, ибо они были во фраках для инкогнитного путешествия.

Когда колонна моя прошла, то их высочества, севши в коляску и объехав опять полк, удалились в город Йену, куда я вслед за ними послал верхового офицера с уведомлением генералов своих — Паскевича и Карпенкова — о проезде великих князей [...] по благоустроенной во всем Германии, с помыслами прапрадеда их Великого Петра: «Чтоб везде добро собирать».

На другой день, 10 июля, когда арьергард перешел в Наумбург, генералы Паскевич и Карпенков отъехали вместе в Лейпциг, на бывшую тогда ярмарку, а я с полком своим выступил на Мерзебург и 11-го числа вошел в Галле, где с нашим полковым майором Токаревым, бывшим после Лейпцигского сражения комендантом, я посетил знаменитого писателя романов и историй каноника Лафонтена Августа³⁹², жившего тогда в загородном его садовом доме. Он пребывал там как философ и каноник; домашний родственник его круг состоял из пожилой двоюродной сестры и прекрасной, умной ее дочери Луизы, обрученной тогда невесты молодого профессора прав Антония Немеера. От них пытался я тогда доведать о теории Богемского Адерабахса, но тщетно, ибо он никому не дается на отгад в его происхождении.

Июля 12-го генерал Паскевич ввел отряд свой передним порядком в Дессау, где старший герцог Леопольд-Вильгельм Дессауский, двоюродный брат Екатерины II, принял нас отлично, как следовало кровному нашего царского дома. Он на другой день вступления нашего в Дессау, на дневке, показал нам великолепный сад свой Верлиц, который хотя не имеет водяных фонтанных игр, как сады, виденные нами, — Версаль, Сен-Клу, Швецинген и другие, но, однако, местоположением своим между озер и заливов правого побережья Эльбы чрезвычайно прекрасен. Там кроме многочисленных устройств садовых,

обольщающих чувства любителей предугождений Сильвана и Армиды³⁹³, есть миниатюрные модели гор: Этны внутри ее с кузнечным горном мастерской Вулкана³⁹⁴ с его циклопами, освещенной, чрез обширный кратер вершины кургана развалистого, сковозь цветные стекла пламенновидных отливов, падающих на внутренность пещеры, а вправо от горна с прелестным жилищем супруги этого кривого хромья Венеры, подлинно волшебным; Везувия, на мысу в заливе вдавшегося, с потоками, застывшими на боках его лавы. Эта модель имеет внутри камеру коническую к вершине, которая при торжественных случаях заряжается горючими материями и офосфоренными камнями, которые с воспламенением камеры той, производящим извержения лавы, выбрасываются парабольными полетами, образующими в ночной темноте порядочное подобие настоящего вулкана Везувия, опустошителя окрестностей Неаполя и пожравшего Геркуланум и Помпею.

33. Потсдам, Сан-Суси. Берлин в торжестве

Из Дессау отряд Паскевича, выступя 14 июля и перейдя у селения Рослау Эльбу, прибыл 18-го пред Потсдам, а 19-го поутру генерал-лейтенант Паскевич ввел полки свои в знаменитый город этот, проходя церемониально мимо королевского дворца, по набережной затона р. Гавеля, прилежащего дворцу в 80 шагах, где из дворцовой колоннады первого крыла смотрели парад наш члены королевской фамилии, кроме короля и наследного принца, бывших тогда с нашим государем в этикетном путешествии в Лондон, Гаагу, Штутгарт, Карлсруэ, Регенбург и Вену.

Хотя по краткости времени, остатки того дня, мы не успели осмотреть всех достопамятностей Потсдама и его окрестностей, но мы видели самые величественные для военных сердец наших предметы: гроб Великого при Росбахе и везде Фридриха II³⁹⁵ и его прекрасное загородное жилище Сан-Суси. Боже наш! Сколько там по милости твоей у первого предмета воображение наше, рассекая утлость минувшего времени, передало военным сердцам нашим, объятым славою побед своих, лозунгов былого торжества над всем, обременившим великую его душу на военном поприще и правлении государством. А там, в прекраснейшем загородном хуторе его Сан-Суси и около

него, всякий шаг земли осенен лучами выпренного вкуса, не нарушенного нигде ни одним штрихом пушкарного драбандского искажения³⁹⁶. Да, поистине это место священо не токмо что для соотечественников, но и для чужеземцев, ибо там жил и пребывает духом благодати божией царству древних диких пруссов подобный нашему Петру великий полководец, проницательный политик и судия, неутомимый домоблуститель всех и, всего того знаменитее, деспот над самим собою! Во многие годы войн с французами, ходя по Пруссии, мы видели тогда многих старцев, помнивших его лично и не умевших говорить без вздохов и слез — священных сердцам чистым — о своем «старом Фрице», дышащих на них еще из глубокой вечности благодатию своею, подобно Петру Великому на русский народ.

Июля 20-го гренадерско-егерский ариергард наш из Потсдама прибыл, идя ночью, поутру пред Берлин, в который и введен нарядною формою парада Милорадовичем мимо дворца, стоящего при внутреннем конце тротуара Липовой улицы³⁹⁷, на балконе которого находилась королевская фамилия, прибывшая вечером под тот день из Потсдама.

Во время двухсуточного пребывания нашего в Берлине, торжествовавшем с иллюминациею день рождения одного из членов королевского дома, мы осмотрели некоторые главные предметы благоустройства, как-то: виды королевских палат столицы и загородные, иные только по наружности, а некоторые и внутри; театры, Липовую улицу с ее прекраснейшим нарядным тротуаром, при конце которого находятся великолепные Бранденбургские ворота с триумфальною на крыше их колесницею, озлащенной с огня, возвратившеюся чрез семь лет водою из Парижа с тюльерийской Карусельной площади, которой одни только четыре коня бронзовые, запряженные рядом, оттеняются, но колесница и держащие под уздцы двух боковых коней Беллоны, как жар, горят позолотою всего, отделанного изящно.

Видели многие мануфактуры, из которых особливо фарфоровая, принадлежащая королю, удивила нас своими изделиями, даже филигранных и кружевных прикрас, для выказу утонченного искусства на многих штуках, произведенных ею в состязание с саксонскими мессинскими³⁹⁸ произведениями.

Нельзя же, кажется, ни одному военному посетителю Берлина проронить хотя необширный, но приятный ду-

шам их предмет — это маленькая площадка, шагов тридцать длины и пятнадцать ширины, прилежащая одним продольным фасом к улице Мавров, а прочими — к глухим стенам казарм и двора их. Она обсажена с тротуаром от стен, в один рядик, невысокими тонкостебельными липками. На ней, по зеленой плоскости, стоят на пьедесталах статуи генералов, сопутников военной славы Фридриха Великого, по углам: Шверина со знаменем в руке, как он пал при Праге; Зейдлица³⁹⁹, Кейта и Винтерфельда; а на продольной линии к улице Мавров — Цитена в гусарском наряде, с удалою вихренною думою на лице. Посреди их тогда не было еще ничего, а казалось, что они ожидали своего Великого.

В Берлине ариергард Паскевича расформирован, а наш полк присоединен к 1-й гренадерской дивизии ген[ерал]-лейтенанта Чеглокова⁴⁰⁰; быв во всю ту войну в откомандировке от дивизии, в авангардах, ариергардах, летучих корпусах и отрядах под командою многих знаменитых генералов, исключая своего дивизионного начальника Чеглокова, не видевшего ни разу боевого отличия славного полка нашего в той долговременной войне, а это составляет большую потерю отлично служащих, ибо кто видел их честолюбие в войне своими глазами, тот, без сомнения, подорожит ими в мирное время от всей души его, возлюбившей остатки их жизни, уцелевшей от кровопролитных боев, как и его собственной; в пример тому достойным нахожу помянуть своего корпусного командира графа Александра Ивановича Остермана. О, и я видел его не раз проливавшим с нами священную всем нам кровь его за славу Отечества.

34. О возвращении нашем на Неман и в Россию

Отпраздновав в Берлине придворное торжество, 1-й гренадерско-егерский полк наш выступил 22 июля по следам своего гренадерского корпуса к Висле, по дороге на Кюстрин⁴⁰¹. Оставляя за собою прекрасные германские провинции Вестфалию, Саксонию, Бранденбург и Силезию, мы следовали прохладным маршем чрез Познань к Бромбергу, за которым, переправясь чрез Вислу на правой ее берег, продолжали марши мимо Грауденса⁴⁰² на Морунген⁴⁰³, Гейльсберг и Бартенштейн⁴⁰⁴ местами, бывшими в 1807 году учебным театром побед наших. Кислыми, но уже не горькими взорами окинули мы

боевое поле Фридландское, где судьба лишила Елецкий полк наилучшего шефа — генерал-майора Сукина 2-го, потерявшего там ногу.

С благодарностию поглядел я на быструю извилистую речку Наль (Угорь) за то, что она не упоила меня навеки своими струями, переплывавшего ее в одежде при ретираде армии Беннигсена, сожегшего мосты прежде отступа полков, прикрывавших левый фланг его позиции боевой, и не лишила удовольствия идти еще раз чрез нее с полным чувством славы отмщенного и превознесенного Отечества, из-за Парижа.

В Тильзите все полки гренадерского нашего корпуса стояли биваками три дня по обоим берегам Немана. Тут граф Милорадович сделал сперва молебствие с пушечною, ружейною стрельбою и восклицаниями войска своего при батальонном огне: «Ура! Ура! Ура!» стократно, а потом дал обед и вечером был на царский счет — всем генералам, штаб- и обер-офицерам и всему городовому знатному обществу обоего пола с иллюминациею обоих берегов и моста р. Немана. Нижним чинам всех полков отпущено было изобильное продовольствие, даже множество бочек рейнского вина и портеру. Все это было там, где за 7 лет до того Наполеон исторг у государя нашего принужденный мир, едва ли имевший такую силу жизни, чтобы доползти до Вислы, как Амьенский, Люневильский ⁴⁰⁵ и все прочие трактаты, сколбанные ⁴⁰⁶ Наполеоном по его политике. Отпраздновав в Тильзите приятное для нас событие, мы пошли с нашим полком на местечко Тауроген ⁴⁰⁷ к своей границе и вступили в Отечество свое, отслушав молебен на первых шагах земли Русской у Таурогенской таможи.

При почетных встречах на пути в городах Шавлях ⁴⁰⁸, Митаве ⁴⁰⁹, Риге и Пернове мы прибыли на непременные квартиры нашего полка в Ревель 11 октября, где граждане, имевшие военным губернатором шефа нашего полку генерал-лейтенанта принца Августа Голштин-Ольденбургского — деверя великой княгини Екатерины Павловны, дали солдатам обед в зале древних эстляндских рыцарей, называвшихся черноголовыми братьями саксонских гермейстеров ⁴¹⁰.

35. Прощание мое с храбрым товарищем

В последней войне с французами я имел в поручике моего баталиона 1-го егерского полка Валериане Тимофеевиче Готовцеве примерного офицера по его высокому

военному честолюбию и неустрашимости в боях. Он ранен был: при Бородине — пулею в грудь навyleт в спину; у Бауцена — выше колена навyleт и в Грейффенберге Силезском⁴¹¹ — в левый бок навyleт. После каждой его раны, получая малейшее облегчение, он поспешал к своему делу в полковой фронт боевых кампаний, так что с тремя ранами он был со мною при переправе чрез Рейн, штурме Реймса и, наконец, взятии приступом Монмартра. Его любили в полку все как благонаправного, усердного и поистине неустрашимого товарища военных подвигов, а генерал Карпенков имел его на счету особенных героев и многократно представлял его к наградам за отличия. Но эти представления, по огромности дел войны на необыкновенном пространстве переступов мест театра военных действий, переносивших армии наши не на одну тысячу верст, не снискали ему, Готовцеву, никаких наград, кроме одного чина, и так ему по ваканциям приходившегося получить. Однако он, нисколько не понизив своей ревности, продолжал служить с одинаковым усердием! Когда же война кончилась, то поручик Готовцев, прибыв в границы Отечества, немедля подал в отставку.

Сослуживцы его, все нашего полку штаб- и обер-офицеры, сострадав в его безнаградной участи, дали ему особенное еще кроме надобного прилагать к подаваемым просьбам свидетельство в славной военными отличиями службе его. Упомянув в нем подробно о его отличиях, ранах и неукоснительном стремлении в последних силах жизни разделять с ними труды и опасности боевые, они просили каждого во всяком местопребывании его, на родине и везде, почтить поручика Готовцева как усердного и храброго офицера, не имевшего знаков отличия на достойной их груди его единственно потому, что представления и повторения представлений начальству, командиром полка подаваемые, терялись в огромности хода дел дежурств авангардных, корпусных и армии, в длинных и быстрых переносах по театру войны. Я не подписал этого свидетельства, а, одоблив его, в полной подписке всех генералов, штаб- и обер-офицеров послал с марша полка из Пернова к фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толлию в Варшаву при следующем моем письме:

«Сиятельный граф!
Милостивый государь!

При Бородине отбитием и истреблением мостов на речке Колоче я имел счастье обратить на себя тогда

лестное мне внимание Вашего сиятельства, снискавшее честь носить на груди моей орден Св. Георгия 4-го класса, что и привело меня в смелость утруждать Вас в моей нужде всепокорнейшею просьбою.

Баталиона моего 1-го егерского полка поручик Готовцев, служа в минувшей войне с особенною ревностью и боевыми отличиями, получил раны: при Бородине — в грудь напролет в спине; у Бауцена — в ногу выше колена насквозь и пред Грейффенбергом — в бок навывлет. С этими ранами он, Готовцев, при первой возможности неумедлял прибытием в боевой фронт и был даже при штурме Реймса и приступе к Монмартру. Полковой командир многократно представлял его к наградам, но он не получил ничего, несмотря на многие повторения о том; ему, удаляющемуся ныне от службы на родину свою, генерал, штаб- и обер-офицеры полка нашего дали, по состраданию своему в участи его, особенное свидетельство, такое, которое должно защищать безукоризненную военную и всякую честь его в родном кругу и обществе провинциальных дворян. Но как он, Готовцев, служил и изувечен в военных делах армии Вашего сиятельства, то я, отобрав от него эту аттестатную бумагу, представляю ее, судьбу поручика Готовцева, и мое дерзновение великодушному чувству военной воли Вашего сиятельства.

Пребывающий с глубочайшим почтением и вечною преданностию Вам,

Сиятельнейший граф,
Милостивый государь!

Преданнейший слуга

Михаил Петров,

Первого гренадерско-егерского полка подполковник».

Октября 4-го дня 1814 года на марше, г. Пернов.

В скорости по прибытии полка нашего в Ревель последовал в полк приказ Главного дежурства армии за подписанием генерала Сабанеева: «Объявить подполковнику Петрову, что ходатайство его о награде поручика Готовцева принято фельдмаршалом во уважение. И если есть еще подобная недостача наград отличий военных, то доставить немедленно о них сведение в дежурство сие от полковых дел прямо в Варшаву». Через три недели за тем последовало, по данной высочайшей власти главнокомандующему, назначение наград от фельдмаршала, по которому чрез отысканные представления полка нашего в числе многих отличившихся штаб- и обер-офицеров

и поручик Готовцев произведен в штабс-капитаны и пожалован орденами: за Саксонские и Силезские дела — Владимиром 4-й степени с бантом; за штурм Реймса — Св. Анны 3-го класса и за взятие на уступе Монмартрском двух неприятельских орудий — военным орденом Св. Георгия 4-го класса.

Не умею вам высказать, сколь велика была моя радость о награде моих сослуживцев Отечеству, и особенно любезного всем героя Готовцева.

Получившие чины и ордена прибыли, по полковому приказу, в квартиру мою, и я, получивший за несколько дней прежде чин полковника и орден Владимира 3-й степени, с особенным благоговением и радостью возложил на них ордена, а потом они, по форме присяги егерских полков, не имеющих знамен, положи левые руки на обнаженную и простертую мною в приклон пред крестом и евангелием мою орденскую золотую шпагу и подняв правые вверх, произнесли, по сказу полкового священника, клятву: служить верою и правдою государю в новых чинах и званиях рыцарей его императорского величества, не щадя ни крови, ни жизни своей.

После того чрез несколько месяцев, по поданному прошению, Готовцев получил отставку с чином полного капитана и пенсиею при мундире. Из Ревеля отправился он в Петербург, где даны ему от Комитета, 18 августа 1814 года учрежденного, за многие тяжелые раны другой пенсией и место полицмейстера в Уфе. Там, служа, женился он на родственнице тамошнего гражданского губернатора Раговского. Он и супруга его, прекрасная и воспитанная, как мне сказывали, Александра Матвеевна, писали ко мне, когда я жил в г. Камышине, а потом они где-то затерялись, переходя по разным службам в дебрях житейностей гражданских, и я не знаю о них ныне ничего, только и слышал, что он, военный питомец и любимец Карпенкова и мой, поступил в помощники управляющего Удельною конторою Замосковной, к северу губернии, и там затмился для меня туманом тех подвигов навеки несказанной горести моей о нем.

Пред отъездом его из полку нашего из Ревеля в Петербург в исходе генваря 1815 года многие его сослуживцы и городовые приятели написали ему в альбом его кто что сумел, вот, как и я, следующее:

На поле брани ты со мною
Бесстрашно лавры пожинал;
Я ж в тихи дни моей рукою

От стрел Амура охранял
 Тебя, Герой мой незабвенный!
 И там, на родине твоей,
 Как дар судьбы благословенный,
 Ты вечен для души моей.
 В кругу родных, для сердца милых,
 Ты будешь радости вкушать,
 Рисуя славу им дел былых,
 Заставишь прошлого дрожать.
 В картинах битв и я с тобою
 Предстану им: в огне, в крови
 Врагов разящим пред собою
 В залог Отечества любви.
 Опять, коль честь суду предстанет
 В привычном пламени Войны,
 Зардеют тучи — и гром грянет
 И восколеблет все страны.
 Цветя, мужаясь под громами,
 Тебя мы станем вспоминать,
 и ангел быстрыми крылами
 Слетит в мечте тебя воззвать.
 Твое ретивое забьется
 И, словно быстрою стрелой,
 Ко мне во битвы принесется
 Удары наносить со мной.
 Дотоль живи благополучно,
 Ищи подруги вековой,
 Но мыслью с нами неразлучно
 Пребудь до сени гробовой.

Полковник Михаил Петров, г. Ревель,
 1815 года».

36. О благоустройстве Германии

С того достопамятного времени, когда по неизбежному предопределению небесного провидения предстал буйный рок испытаний лютых пред увенчанное лаврами чело Отечества нашего, вызывая на бой — на состязания кроволитные о правах славы, благоденствия и даже самобытности империи народа русского, с той поры, когда армии наши, самим императором нашим Александром и его главнокомандовавшими генералами предводимые, с 1805 года выходили за границы Отечества своего по призывному молению Германии, порабоощаемой стропотным могуществом и смрадными обетами бесповавшей тогда Франции. То Российский император с войсками его, стремясь на искреннюю, в продолжение суворовского подвига, помощь этим благонравным религиозным соседям своим, пребывали там разновременно до

исхода 1815 года; проходя из провинции по разным направлениям, от Немана и Буга до устьев рек: Эльбы, Инна и Рейна; к хребтам гор Альпийских и Вогезских, за гряды Арденнских лесов, где, при случаях батальных перемежек, проживали нередко свободно нарочитые времена в разных державах Германии.

При таких благоприятных случаях многие офицеры наши, прельщенные благоустройством и нравственностью тамошних обитателей, вникали в основание того и видели благоденствие их исходящим от степени приобретения улучшений нравов гражданских и земледельческих, основанных на образе домашних уставов и по ним добродетелей древних римлян, вкушавших семейное счастье до времени разорения Коринфа консулом Муммием⁴¹², наводнившим и отравившим пленными греками и гречанками Афинской школы семейства сенаторов и иных знатных патрициев римских, которые служат германцам примером к подкреплению прочности их семейных уставов, стерегущих благоденствие Германии, восхищавшей нас своим благоустройством.

Этого блаженства Германии зародыш возымел наибольшее свое развитие от времени заключения Вестфальского мира в 1648 году, когда общее просвещение, или, просто сказать, грамотность всех, поставило их на след общего счастья жизни земной, необходимого прежде небесного живущим на земле, предав почти все судебные их права на чистую совесть граждан и поселян, научных страданиями, даже монархов их, познанию зла, тяготившего на предках германцев многие веки, изникая из личин чудотворных для себя святителей Ватиканского Зента⁴¹³, призвавших не божественное хотение, а только одни слова Иисуса Христа, сказавшего одному из возлюбленных учеников Его: «Возьми, паси овцы моя».

Всего явственнее и вразумительней к началу понятия о их благоденствии предстоит иностранцам в общем учреждении провинциальной блюстительности народного блага полная сила: дворянских ландратов⁴¹⁴, городских бургомистров⁴¹⁵ и сельских шульцев⁴¹⁶, избираемых из среды самых отличнейших людей тех сословий, руководимых монаршею властью, охраняющею организацию благоустройства общественного.

Их розыскные суды: ландс-герихты (земские суды), крейц-герихты (уездные суды) и ордунгс-герихты (управы благочиния), следя происшествия народные в городах и селениях, при обзоре хода дней и принятии

некоторых от волостных правлений, которые по важности своей должны идти на утверждения высшего начальства, могут только шульцам замечать упущения, и, если они не будут пополнены, тогда комиссары надписывают свои замечания там же, на каком-нибудь порожном месте бумаги того дела, или подвязав четвертку листа, включив ее по описи дела в общий видимый счет. Но принуждать волостных или вотчинных старшин принимать их судейские мнения и переиначивать дела — и Боже избави, ни под каким видом не можно у них. Упомянутые суды состоят каждый из трех лиц: судьи, секретаря и писца, приговоренного на несколько в сутки часов, большею частию из мастеровых мещан, а всего более употребляются безногие и однорукие калеки.

Все чиновники германского правления, как коронные⁴¹⁷, так и избираемые, поелику их малое число, получают значительные жалованья и сверх того узаконенные присвоения частей штрафов, по их открытиям взысканных, также с оценки труда исковых процессов, а о других притязаниях и помыслы иметь там опасно, ибо тогда эти люди на своих местах сидели бы не в лучшем положении, как на бочонках пороха пред пылающими каминами, что все им совершенно известно, даже ощутительно, зачиная от городского бургомистра до шульца и их причетов, и они никогда не подвергаются ни искушениям, ни страданиям, сохраняя и домашних своих от поползновений на то, страха ради общих бед.

Апелляционные суды германские расположены по удобствам между десятью и более округов. Они рассматривают и оканчивают дела, не утучняя их приложениями своими, а только кладут окончательные сентенции по законам, которые у них вмещает книга не более нашего русского Часослова. Ежели в которых делах оказываются запутанности, то такие идут от апелляционных судов в Совет государственных камер, а оттуда нередко посылаются они — выписками без имен и прозваний лиц, сопричастных делам, и мест жительства их, а только означением того литерами и цифрами — в разные германские университеты в конвертах заклеенных, с стемпелями и печатями, по выставке номеров, адресованных самими министрами просто в «такой-то университет». Это делается только для того, чтобы не могли узнать ни истцы, ни ответчики, где дела их в юридических факультетах докторами и профессорами прав будут обсуживаться,

ибо на такие государственные надобности всех университетов юридические отделения получают годовые платы от кабинетов, что составляет учебную их практику, нужную им и для лекций студентам, учащимся у них правам.

Но самую важность составляющее дело — соби́рание государственных податей и общественных повинностей — совершено там со славою, внимательным разложением на избытки всех хозяйственных произведений, как-то: продуктов землепроизведения, изделий и коммерции, с неизмерною осмотрительностью в дознании, так сказать, силы артерий народных, приносящих сложностям государственных тел жизнь и могучесть, орумяняющие благозранные чела их. Хотя это тяжко и не свойственно мне, фрунтовому созданию, заряженному внабой токмо ружейно-пушкарными снадобьями и таявшему на 68 лекциях боевых, потрясавших всю сущность мою почти дотла, но смелым Бог владеет; авось выйдет хоть что-нибудь похожее на учрежденный там порядок податных отношений поселян с гражданами в административном значении.

Все государственные издержки каждого из германских владений соглашены с прибытками народных промышленности, как-то: во-первых, земледелием и потом мануфактурностью, горорытством и перевесом себе баланса их заграничной торговли. Из всего этого выходит у них решение административной податной задачи, долженствующее показать надлежащее соучастие в налоговых акцизных платах всех классов народа на продаваемые продукты поселян и изделия граждан; по топографическому положению участков земель владельческих; статистике произведений их; дивиденд горорытств, солеварен и мануфактурностей вообще с коммерческим иностранным сбытом. Но земледелие имеет в себе, почти везде, первый уважительный предмет, предохраняющий все прочие способы их народных благосостояний, обеспечивая и мануфактурность, влекущую наклонение баланса иностранной торговли на сторону государств своих.

По числу потребителей в государствах тех съестных припасов промышленность хлеба и прочего съестного, получаемого от участков земель, за исключением потребного количества на посевы и продовольствие самих земледельцев с их семействами, оценивается: противу общественных повинностей, поземельных плат аренд вотчинникам или альтманским⁴¹⁸ казенным конторам оброчных статей государственных, а равно покупки: соли, мази, рабочей сбруи, металлической, деревянной и ременной,—

сверх того прикладываются значительные проценты вознаградительные к поощрению земледелия, и объявляются по округам общие сложные цены: ржаной муке, ржи, крупам, гороху и картофелю, а затем говядине, баранине, телятине, свинине, маслу, яйцам, сыру и прочему съестному на годовой круг времени, до видов нового урожая, на все излишества продуктов и живности, долженствующие поступать в продажу, с платежом назначенных в казну акцизов, зачиная от цыпленка до вола и от тыквы до чечевицы, составляющих единственные подати поселян.

По этим росписям годовых цен поземельные владельцы продают все припасы, привозимые на городские базары своих округов, а ежели бы случились покупщики своего округа на местах, то, разумеется, должны бывают сделать понижение цен: на провоз, платы базарных акцизов и барыши торгашей; но надбавки цен никто сам собою, ни под каким видом и предложом, сделать не может.

По таким или подобным мною сказанным распоряжениям германских администраторов граждане 3-го сословия, т. е. мещане и посадские, получая пропитание от поселян, за постоянные цены, назначаемые народными собраниями округов и областей, занимаются ремеслами своими прилежно, без всякого лытайства⁴¹⁹ и шляйства обоих полов людей 300 дней в году, взимая за свои ремесла платы по назначению оценщиков искусств, кроме приукрашенных форм, одобренных городскими ратушами, платя акцизные взносы, следующие в государственные кассы и городские общины с изделий своих. Утайки там — дело трудное и почти невозможное. Ткачоворсовальщики, красильщики тканей, набойщики ситцев и белильщики полотен платят от штук, отпускаемых ими в отделке из мастерских, а прочие — от числа работающих, по верному предположению успехов. И все эти платы в общем соединении с акцизами продуктов сельских составляют государственный поземельный сбор, а по соединении с таможенными пошлинами и горорытными взносами — общие финансы каждой державы германской, из которых содержатся: войска, юстиция и учебные заведения казенных статутот, опричь путей сообщения, получающих свои фонды от почтовых сборов, речных пристаней и коммуникационных каналов, где они есть.

Но дабы сельские продавцы главного продукта — хлеба, каши и овса — не были иногда — где-нибудь

и там! — притеснены по умышленному соглашению покупателей или еще перекупщиков, лабазных торгашей, пользующихся и там, очертя голову, малейшим воздреманием торговых надзирателей, то при всяком таком месте застоялый хлеб, очищенный при ввозе в город акцизным побором, ежели лабазники не возьмут его, ссыпается в городские магазины по опубликованным ценам без всяких замедлений и обмеров. А когда бы кому из ссыпавших встретилась в ту же пору нужда в хлебе, то он может тогда же получить его обратно с надбавкою малых процентов. И такая ссыпка представляет там как бы ломбарды пропитательных средств. Ежели же в которых городах эти общественные магазины пополнятся до излишества хлебом и фуражом, то, по соображению с видами будущего урожая, правительства берут его в казну для военных запасов, выдавая за него определенные платы с процентами или делая разрешения на выпуск излишества — сверх постоянно содержимой пропорции запаса — за границы государства за цены елико можно высшие.

Из всего этого пропитательного расположения происходят постоянные цены всех городских ремесел, по классам их искусств, цеховыми управами, оцененных по содействию ратманов магистратов, портных, сапожников, кузнецов и прочих. За них берут заработные платы предназначенные, которые повышаются или понижаются только тогда, когда цены на хлеб и другие съестные припасы измененными объявляются или цеховые поборы переиначаются; но сами по себе мастеровые люди прибавлять излишних плат за обыкновенные работы не могут, под опасением жесточайших взысканий. Вот все, что узнал я о повинностях народных в благоустроенной Германии, ходя по ней со шпагою пред моею ротою и потом баталионом славного в боях 1-го егерского полка.

В Германии города, кроме некоторых резидентных, весьма малые и между собою в близком расстоянии. Их составляют: небольшое число домов, принадлежащих чиновникам, служащим от короны, несколько большее — купцам и фабрикантам капитальным и совершенно незначущее — духовенству; а прочие обитаемы семействами мастеровых людей, которых там пребывают целые кварталы и слободы. Они ткут: сукна, казимиры, комлоты⁴²⁰, байки и прочее шерстяное, а иные — шелковые материи, позументы, ленты или ситцевые картуны, батисты, кисеи и полотна. Ибо в Германии не допущено — по здравому

рассудку — существование огромных фабрик и мастерских, а они там многочисленны, по соединениям многих работающих на домах своих мещанских к некоторым капиталистам, по верному их поручительству полной заплаты за изделия, ими сработанных из своих материалов или взятых от них на переработку по согласенным в городских советах ценам общим. Духовенства можно решительно положить там на 8000 обоего полу душ, старых и малых, одного священника и органиста с их семействами. Но богатые общества содержат и от 4000 душ пастора.

Правда, в некоторых местах Германии, вот, например, около Хеймница и Альтенбурга, есть большие, на реках устроенные машины для шерстяных и хлопчатобумажных нитей, прядильни, но они учреждены там с строгим действительным условием сбыта своей пряжи заграничным ходом торговли в нитях или тканях, сработанных на досуге немецкими мещанами по особенному найму, с позволения ландратов и ратуш городских; а для мест тех, где они находятся, только тогда работают, когда окажется общий недостаток пряжи у ткачей или у прядильщиков ручных снарядов залежится во множестве неотпряденного материала, который они пожелают в нити обратить на транзитных машинах; но это не иначе как по особенным сообщениям ратгаузов⁴²¹ конторам тех машинных заведений. Суконные красильни с прессовками их и натяжными рамами, ситцевые набойни по картунам с заваркою колеров и лощильней и полотняные белильни по необходимости находятся в общих заведениях, управляемых искусными тех дел мастерами. К тому же они требуют нарочитых загородных мест для расположения их снарядов. Опречь того белильни полотен должны иметь для расстилки холстов и чистого впрыскивания их посредством брызжущих помпов, расставленных по канавкам водопросочных лужаек, лежащих при подошве гор, издающих родники, или у прудов чистоводных больших, удобных к такому ускорению беления полотен, как в Голландии. Однако многие достаточные мещане, покупая сами от себя по селам пряжи, ткут сукна, картуны и полотна, даже батисты и танбурные кисеи, приводя их до окончательных отделок своим коштом в общественных заведениях; иные семейства до сотни половинок — продают совсем готовыми уже, внося за них акцизы казенные и городские налоги.

Домашние пряжи германских поселянок, льняные, пеньные и шерстяные, тоже оцениваются по талькам, какого

номера они плотности и доброты прядева, и городовым ткачам сделаны назначения плат от талек локтевых за тканье всяких изделий. Ибо германские поселянки не ткут сами ни сукон, ни холстины, а отдают в города и посады, везде близкие у них, ткачам-мещанам, привыкшим по преемничеству от дедов и прадедов их к ткацкому ремеслу, от которых все снаряды и сноровки ткацкие им, в наследие приспособленным, переданы; а между тем в это время они напрядают столько нитей, что заплата за тканье меньше того требует. По общепринятому у них обыкновению в хозяйственных расчетах, поселяне отдают свои продукты частью на обмен готовых тканьев разных по распределению: сколько дюймов за тальку той же плотности или иных доброт, выбеленной на отделку или полусуровой холстинки и других бумажных и гарусных тканей⁴²² или платков, лент и прочего. И это обыкновение не вводит их в ошибки или в обманы, ибо предположение мены видно не из одних слов, крестов и наружных клятв прикащиков, покупающих и выменивающих тальки, а из книг, даваемых им в открыти, с коммерциею и стемпелями обменивающихся тканей. А как германские поселянки все грамотные, то этот порядок мены и продажи не остается втуне, а совершенно выгодным бывает.

В городах и посадах германских купцы и мещане имеют каждый свою статью торга или ремесла, прошу заметить: одну какую-нибудь, а не многие: ибо там не позволено никому самопроизвольно забирать разные статьи торга и ремесел в одни руки. Многие из них знают разные мануфактурности и ремесла, но разных фабрик и мастерских учреждать не могут. Даже и то следует сказать, что сапожники там шьют новые сапоги, а починки старой обуви делают особенные чеботари, не имеющие права работать новой обуви никому, равно как и первые починять ничьих, кроме своего семейства. Вследствие чего по внутреннему торгу и промышленности ремесленной не может быть учреждена торговая компания из опасения ее самовольных присвоений, к подрыву других разностных многих торгашей, снискающих и без того скудную поживу от малопрцентных продаж по сбыту вещей первой и второй надобности народной.

Хотя там трудно прокрасться какому-нибудь торговому хапанью, ибо все торговые вещи, ввозимые в государства германские, переходя во вторые руки, т. е. продавцов разнотных, не прежде поступают в продажу, пока они по торговым коносементам⁴²³ не осмотрятся —

без проволочек и простоев из доброты противу ценностей — и не объявляется формально настоящих цен продаж в городах, по которым эти товары до последнего фунта, локтя, галенка, метца и штуки выходят из лавок в продажу. Но и сверх того, правительство их всеми мерами внимательно преследует чрез разносторонние справки демонов безмерного корыстолюбия, обуздывая утайки ужасным для всех образом, открывающим стезю благоденствия многим миллионам людей. По такому внимательному охранению удобства жизни всех провинциальных сословий там, в Германии, ни один торговый человек, как бы он ни был проворен и изобретателен, не может достигнуть до отучения капитала его внутренним торгом, ибо одними только чистыми иностранными изворотами коммерции не возбранено там никому приобретать многие миллионы талеров, хоть в один год, хоть в один день, к общей пользе и славе тех завоевателей злата, поелику там идут дела с бою умов: на роскошную жизнь, на сухарь с водою, на кучу золота или камень на шею — среди свирепых волн морей и разбоев, по ним крутящихся.

Германские селения имеют своих закупщиков, которые каждый торговый день ездят в города на больших четырехконных, одной и многих фурманках на базар. Им делают поручения поселяне продавать посредственной тяжести избытки своего хозяйства и дают часть денег на покупки домашних потребностей, которые поручения они за малые вознаграждения, по принятому общему договору, так исправляют, что редко кто сам может сходнее их купить, заказать и починить. Русские офицеры, квартировавшие в германских селениях, всегда почти поручали им свои надобности. Когда мы блокировали в Майнце, занимая окружные ему селения левого берега Рейна, то, не имея к прихотному продовольствию своему зимою тамошнего — свежих яблок, по причине несвойственности грунта того места к восполнению яблонь, мы призвали нидер-ульмского сельского покупателя, ездившего часто чрез Опенгейм в Дармштадт и Франкфурт на торги, и попросили его услужить и нам пополнением этого недостатка. Торгаш согласился с заметною на лице его радостью, говоря, что на правом берегу Рейна везде в городах есть большие подвалы с яблоками. Сложась, мы подали ему 6 талеров на покупку яблок. Покупщик, крестьянин германский, глядя на деньги, сказал: «На что столько денег, ведь яблоки там дешевы, особливо теперь, по случаю прерванного сбыта их на стороне Франции;

довольно вот двух талеров» — и взял их. Мы, думая, что он отягощен нашим поручением, стали уговаривать его, чтобы он купил за все поданные ему деньги, обещая наградить его за услуги, но он стойко отвечал: «Ведь вам, господа, неизвестны эти наши дела, а вот я куплю вам на два ваши талера, и тогда вы узнаете им цену, и если моя услуга будет вам угодна, то я и впредь буду покупать для вас, ездя туда два раза в неделю, приемля себе и детям моим в награду честь услуги моей почтенным русским офицерам армии, спасающей Германию от французов». Через два дня, посмотрим, купец с помощью наших егерей, своих постояльцев, тащит два больших короба яблок. «Вот, извольте, господа,— сказал он,— кушать яблоки, и, которые из них будут вам по вкусу, тех огложите по одному на показ, и я в другие поездки мои буду доставлять вам этих сортов». Мы удивились сколько дешевизне яблок, а того более деликатству торгаша сельского тех стран, и во все пребывание наше пред Майнцем поручали ему все наши надобности, которые он исполнял с радостию, не желая и слышать о предлагаемых нами ему наградах. Через таких-то людей и такими способами тамошние земледельцы не отрываются, как у нас, во множестве от домашних занятий и в нужную рабочую пору на поездки за необходимыми мелочами, иногда более как на двое сутки.

Всякое селение германское имеет несколько больших хлебных пекарен, построенных по удобству, в отклонение опасности от пожаров, близ рек или прудов, куда поселения сносят из домов готовые квашни, делающиеся у них продолговатыми, с ручками, ящиками, наподобие известковых каменщицких носилок, где, валяя ковриги, продолговатые и всякие, кладя свои заметки, сажают в печи по распоряжениям пекарных подмастерьев, которые берут платы, назначенные им от сельских правлений, с полуосминных деж, смотря по дороговизне топлива; выводя барыши свои расчетами безохладной топки печей по сноровке изготовления четырех и более квашен на одну посадку и строением низкосводных камер печных, с проводом оборотов, огня по верху арок в трубах печных. В городах пекарни белых и всяких хлебов готовят их по подрядам ратуш на все дома по определенным ценам за фунты. Пекарей этих самопроизвольно не прибавляется, равно как портных, сапожников, кузнецов, печников и других первой надобности мастеровых. О печниках следует заметить то, что они, складывая новые печи, должны призывать кварталных надзирателей

к освидетельствованию исправности внутренности устройства печных оборотов посредством трубочистных учеников, мальчиков, долженствующих лезть в печную топку и, пролезши все обороты, вылезать из вылета дымового на крышу. И тогда только новые печи позволено бывает топить, иначе они сламываются для переделки на счет печников. Трубочистные печники не могут заумничать, объявляя, что за теснотою оборотов пролезть нельзя по дымовому каналу, ибо у печников бывают наготове свои ученики, могущие пролазить все обороты печей и подвергнуть затейников под розги у позорного столба на площади.

Слесарные мастера, т. е. замочные художники, в Германии на особенном положении от всех иных мастеров по неминуемости для них чистейших нравов, ибо они состоят под особенным наблюдением полиции городов и посадов. С замочных и ключевых изделий даже городских плат не требуется, поелику они платят гражданам за промысел своим старанием сохранять их имущества и за умышленные поущения и нарушения ожидаемой в них верности лишаются или жизни, или навек свободы. Этому мастерству в Германии не всякой может по произволу учиться, как другим, но по представлению слесарных городских и посадских мастеров магистратам о надобности им вдобавок учеников на места убывших подмастерьев, отправившихся с аттестатами в художественные вояжи по Германии или утратившихся смертными случаями. Тогда городские ратсгеры выбирают из благонадежных сирот или семейств мещанских мальчиков, желающих учиться слесарному ремеслу, которыми и пополняются недостатки мастерских. Они делают замки, надобные гражданам, избегая как можно одинакости ключей, и загородным жителям уездов, и в лавки купцам для продажи, дюжинные, разных форм, всякие и прирезные, с разными вымыслами их неприступности ворами. Между тем починивают порчи замков и делают ключи, в замках сломавшихся и потерянных, но по осмотре замков — при лицах самих настоящих хозяев домов, что записывается в книгах, даваемых мастером в магистрат, и по исправке на место потерянных сделанные ключи отдаются с расписками. Но чтобы кто-нибудь из слуг и служанок городов и уездов могли скрытно заказывать приделывать к замкам ключи по мерочкам или образцовым слипкам восковым без запечатанных известий в мастерские от сельских и вотчинных правлений, этого там и подумать невозможно. А ежели бы вопреки такому

строгому на то постановлению ученик или работник слесарский осмелился тайком от мастера снабдить кого ключами и это следящая и подсылающая даже на изъезд полиция откроет, то таких негодяев не изгоняют, по наказанию, из мастерских, как других ремесел работников, а отсылают в рабочие дома, где они должны бывают трудиться вечно, как каторжники, для заплата за тюремные свои содержания чрез задаваемые им уроки, при содействии линьков на спины, обделки слесарных вещей от мастерских; а ежели чрез подделку которого-нибудь из таких сделано уже значительное похищение, то такого вешают в страх других рядом с вором. Ибо слесарского и ученика, не то что работника, злых наклонностей невозможно оставлять после наказания на свободе, потому что он, пристав к шайке грабителей, может наделать тьмы разорений, наделя воров и воровок ключами и другими орудиями их промысла для очищения сундуков, комодов, кладовых и житниц.— По такому обдуманному предвидению все германские мызники в вотчинах своих, имея множество разных мастеровых, не держат слесарей ни одного, поелику когда слесарь окажется негодяем, то не токмо что своего помещика, но и обапольных соседей разорит вконец, сведя непотребные приязни с подобными себе холопьями и услужницами на его счет. Но многие помещики, даже высоких чинов люди, сами занимаются слесарным мастерством, таким большею частью, какое нужно бывает для домашней исправы, имея тиски местные и прочие инструменты слесарные все при кабинетах своих на глазах и взаперти, но во дворах их ни производящего, ни что к слесарному занятию следующего не предлежит. Из этого важно бы было возникнуть письменно правило для России: чтобы когда из Германии прибывают в нее слесарные работники без патентов полных слесарей-мастеров, то их не принимать: ибо их там нет излишних нисколько. Стало быть, одни развратные беглецы, скрывающиеся от строгих наказаний, уходя от виселиц, достигают России, чтобы образовать в ней для городов и барских домов слесарей настоящих домовых, не имеющих в виду — как только в Германии — убедительных виселиц.

В Германии земледельные домохозяева на счету почтенных людей. Они чтут сами себя и от других сословий уважаются, как вторая причина народного благоденствия. Их нравы просты, но не грубы; одежда неизменна

в стародавности своих форм по благоразумному опасению старейшин их модных затей, могущих обратиться в общую беду. Понятия изошрены, по всеобщей, отспоренной 30-летней войною — за Веру! — у запрещавших всем просвещение папелей — грамотности, чтением: первоначально Слова Божия, Краткой истории народов древних и новых времен; потом земледельческих и художественных журналов, а всего более газет. У них есть сельские библиотеки, наполненные порядочными сочинениями, не минуя Энциклопедического лексикона, существующего там и для поселян более 80 лет. Семейная жизнь исполнена благонравия. Устройство жилищ расположено по обдуманному порядку как собственного для семей пребывания, так равно и приволья всех домашних животных, не исключая и кур. Комнаты поселян светлы и чисты; они большею частию расположены в два жилья главного строения, ставящегося маленьким крылечком на улицу, а большою длинною галереєю на двор. В нижних этажах обыкновенно помещаются: стряпушая, рукодельные, жилища работников и кладовые, а в верхних комнатах, содержимых в праздничных устройствах, для приема гостей, живут старшие домов. Печи кладутся по большей части в нижних этажах, вальжные, из зеленополивного кафля, налицо в большую столовую комнату, уставленную по полкам кругом в два ряда, высоко, оловянною, фаянсовою и глиняною посудою в красивом расположении, а в верхних — на голландский манер — из белого синеуззорчатого кафля. Тут на столе, стоящем посреди комнаты большой, покрытом гарусным ковром, лежат газеты и непременно стоит коробочка с курительным табаком, а в углу — у сенной двери — ящик с песком и над ним на косынке двойной — несколько разных форм трубок с длинными и короткими чубуками, расположенными в полукруг.

На преследовании нашем французов 1813 года по Саксонии к реке Эльбе стали мы на дневку 12 апреля в окрестностях г. Герлица. Моя баталионная квартира была близ полкового штаба, занимавшего Кенишддорф, на хуторе у поселянина, приобретшего по какому-то случаю чрез аукцион 17 десятин земли во всегдашнее владение, что там немаловажное имущество. Хозяин мой, поселянин по прозванию Зистих, угощал меня, что называется, барски. Семейство его, состоявшее из трех сынов женатых и многих внучат, забавляло меня, россиянина, нечаянного гостя дальнейшей страны, после сытного обе-

да музыкою и пением под гитару и флейту одной из внучек его, девицы, имевшей необыкновенный дар музыкальной способности. Пивши кофей и куривши табак, увидя в окно на саду его, под уступом бугра, начатое строение, я спросил хозяина, что у него там будет, и он ответил: «Вот видите, господин майор, назад тому 15 лет я приобрел 17 десятин земли этого хутора в вечное владение. Занимаясь с тремя сынами моими прилежно обрабатыванием ее, я хотел обстроиться порядочно, как вы это видите. Потом собралось у меня еще наличных денег тысяч до трех талеров. Но куда же девать их мне, поселянину? А быть им мертвыми в сундуке не годится, ибо это во общей силе вредно государству, и по такой необходимости я купил в третьем году 2000 кубических футов самородного камня, начал вытесывать его и в прошлом лете зачали мастера строить бассейн овальный в 65 футов в большом диаметре и 40 в малом. В него проведется вода чугунными трубами из родника горы, что там, направо. Фонтан ее будет наполнять этот бассейн и во время засух летних освежать сады и огороды мои, а сверх того, он послужит еще и сажалкою живой рыбы». Похваливши его разумное распоряжение прибытками, я сказал ему: «Это ты славный и прочный памятник имени своему в потомство готовишь, ибо для детей, я думаю, и сверх того ты имеешь в запасе на случай твоей кончины для каждого сына какую-нибудь тысячу талеров?» — «Нет, господин майор; я оставляю им пример постоянного моего трудолюбия и эту землю, уже устроенную мною, по уплате за нее сполна. Следовательно, я передам им способности лучшие, какие сам имел, с которыми они — если будут честны и прилежны — наживут более моего, а когда оставят заботами мои правила и примеры, выдут из своего круга общежития, повлекутся помыслами своими в след демонов афинейских воскрешений душ Запада, тогда не нужно им и нажитого мною; оно все пойдет по ветру». Вот как мыслят и поступают германские поселяне, незнакомые уже теперь с благополучием зарывать в землю кубышки с золотом и серебром.

По отъезде моем на два часа в полковой штаб к генералу Карпенкову прибыл ко мне в квартиру мой земляк, Воронежской губернии уроженец, служивший в Мушкетерском полку нашего Остерманова корпуса капитаном, человек храбрый и добросовестный сын Отечества, но простодушный, чересполосный землею и помыслами владелец однодворцев его родины. Во время

ожидания моего возвращения приветливый хозяин мой потчивал его кофею, пивом и трубкою табаку на семейной половине, в нижнем жиле дома. В это время в боковой комнате случился, бывший и прежде, истерический припадок у меньшей невестки хозяина моего. Земляк мой Ф., зная чудочку по-немецки, зачал спрашивать моего хозяина о том, кто испортил его сноху. Поселянин, недоумеваясь в точности смысла вопросов, отвечал ему, что невестка его больна обыкновенным женским припадком, стесняющим нервное сплетение под грудною ложкою, называемое лунным узлом нерв, и от него сердце и гортань, производящую тогда разные уродливые крики. Но Ф. и слушать не хотел и не умел умных заключений умного земледельца германского, напрягая всю возможность куцега своего немецкого речения к уверению моего хозяина, что в его невестку злодей посадил беса, «по крайней мере одного из многих бесов, бывших в св. Магдалине, не принимая тех за прежде бывшие пороки ее, отвращенные поучениями Христа Спасителя нашего». В это время возвратился я к себе в квартиру из полкового штаба. Хозяин мой встретил меня с сконфуженным лицом и приступил ко мне с убедительною просьбою, чтобы я объяснил ему настоящий смысл речей капитана. Стыдно мне было выставить обнаженную глупость земляка, принесшего стародавнишний торговый бред штукарной на показ в Германию, и я сложил всю вину на худое знакомство наше немецкого языка. Потом сказал капитану, земляку моему: «Ежели ты, любезный мой герой Ф., не чувствуешь еще стыда верить глупостям старины, доставшимся и тебе в наследие, что сатаны находят себе уютные нырища в женских утробах, то уже ли надеешься вздохнуть на свою стезю помыслов здешних образованных жителей, давно смотрящих на подобные представления с надлежащей точки зрения. Ужели не знаешь ты ничего о великом нашего народа пахаре Петре I, прописавшем многие рецепты к исцелению застарелых недугов подданных своих, в том же числе и для крикуш разноголосных вернейшее снадобье «Розги», изгоняющее сатанов невозвратно лучше всякого высчитывания и выщептывания за деньги шаманов, оплетающих православных подъяремников своих?»

Духовенство германское, по малочисленности его там ныне, содержится богатым жалованьем от мирян кроме садов и огородов, расположенных при красивых, поме-

стительных, со службами пасторских домах у каждой кирки. За то оно, проповедуя Слово Божие и заведывая приходские школы, печется вести народ от младенчества до старости по пути света истины, разгоняя мглу, слепящую очеса душ, извлекая свое благополучие из добродетелей трудолюбивых прихожан, а не пороков и распутств, смущающих совесть и ищущих омовений душевных, нередко в грязных и смрадных источниках, облицованных шумливыми вывесками благовидностей небесных, совлекающих златые руны в корысть свою за прощения грехов многих — многим. Наилучшее поведение, необходимейшее священству — избранникам и старательное исправление своих обязанностей удерживает духовные лица на своих местах всегда почти до крайнего престарения; но отступающего от правил благопристойности собрание старейшин прихода в несколько часов может лишить пастора места и выпроводить вон из парафии, призвав на вакансию его другого из кандидатов, имеющих от богословского факультета грамоты на пасторские звания. Пасторы, достигающие степени докторов полного богословия, занимают звания пробстов, т. е. протопопов, а далее немногие из них означаются чином светским генерал-супер-интенданта, распоряжающегося рецензией проповедей и метрикою провинции, но в служении церковном ничем не отличающегося от простых пасторов, предстоя пред престолом один среди своих прихожан. Все они подлежат гражданскому суду наравне с их прихожанами, а более никуда.

Просвещение германское достойно полного уважения, ибо оно распространено и распространяется по системе благодатного разума, не приносящей никакого нареkania ученому их сословию. Оригинальные сочинения их рассматриваются строго нелицеприятными и бескорыстными цензорами при быстрых взорах многочисленного круга благонамеренных умников всех классов людей, а иностранные переводятся на немецкий язык только те, которые назначаются от академии наук с утверждением франкфуртского германского сейма. И вот потому-то на немецком языке нет ни Фоблазов, ни Жильблазов, ни Польдекоковых⁴²⁴ похабных романов, умерщвляющих решительно драгоценность женских сердец — стыдливость. Я спрашивал — это было в 1814 году — у немецких моих знакомцев на Рейне: есть ли у них хоть «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо⁴²⁵ на немецком языке? И мне ответили следующее: «Можно ли допустить издание такой

книги, которой почти все страницы напитаны, можно сказать, ананасным ядом, разрывающим все основания благопристойностей общественных и колеблющих самую неприступную девическую невинность повестьми о ночных и иных тайных свиданиях с любовником и намерении — по ним — объявить пастору об беременности, чтобы понудить родителей на исполнение домогательства любовника быть супругом богатой наследницы имения. Эту книгу произвела горестная нужда в пропитании притесненного в старости Геня гипотез и парадоксов, подстрекнутого зломудрым советом буйного умствователя Дидрота⁴²⁶, и тогда, когда сам автор ее, по доброте его сердца, сокрушенного горестями, говорит в предисловии оригинала, что только крайность жизни заставила его решиться на такое вредное сочинение и что он сожалеет о тех прошедших временах, когда подобные его Юлии⁴²⁷ сочинения сжигались под виселицами, а иногда и под ногами авторов руками палачей». А у нас в России господин Палицын⁴²⁸, издавая перевод этого романа на русском языке, как видно из опасения ускудить выручку денег за этот сладкий смех, отбросил спасительное это предисловие, зачинающееся и оканчивающееся следующими словами: «Каждая чувствительная девица, которая прочтет это сочинение мое, уже погублена... Читательница! Ежели эта книга еще не читана тобою, то брось ее в огонь, и ты спасешь сердце твое от гибели, ибо одни крайности жизни моей заставили меня писать ее. Я плакал, но писал». И такого сочинения пущено в наших девиц чуть ли не шесть картаульных типографических залпов в обогащение потомка монаха Авраамия, не имевшего нужды в пропитании.

Юношество германское обоего полу, всех состояний и сословий обучается непременно сначала в приходских школах читать, а потом писать, кто пожелает, после чего все они изучают Катехизис Христовой с строгим требованием с каждого ученика и ученицы знания Ветхого и Нового Завета, ибо у протестантов и реформатов дети не прежде допускаются к причащению тайн святых, пока не выдержат публичного экзамена Веры Христовой, а непричастившиеся не удостоиваются брачного союза, и таким незнайкам обоего полу не остается ничего более делать, как выходить в католическое исповедывание. В окончательном нравоучении германских девиц пасторы их принимают непосредственное участие, внушая им священное их предназначение быть верными супругами, бе-

режливыми и опрятными во всем хозяйками и, наконец, попечительными матерями детей своих без обезьянной привязанности к ним. Поелику пасторши на счету образцовых женщин по их благонравию, ибо там нередко услышишь в разговорах, что когда хвалят нрав какой женщины, то иные отвечают: «Еще бы ей не быть такою, ведь она — пасторская дочь», то они принимают на себя должность посредничества в изъяснении некоторых удобных им предостерегательных уроков взрослым, близким к замужеству девицам, необходимых, когда они будут супругами-матерями, сберечь свою молодость в лучшем здоровье на долгие годы; притом предваряют их в опасение к уклонению от разрыва уз супружеских, там весьма хрупких и не подлежащих суждению духовных сонмищ, как у нас, а простому медиаторскому кругу родных и соседей, причем пасторы их могут только, по обязанности своей, своевременно представлять разводящимся невыгоды их и особливо детей, преждевременно осиротеть долженствующих; но по вручении им медиаторами письменного приговора должны бывают безотговорочно в назначенный день и час ставших среди кирки супругов разменять обручальными кольцами, раздвинуть врозь, направляя их выход из кирки разными боковыми выходами, и тем бывают все свары и срамные соблазны супружества разрушены там.

Молодые германские дворяне, даже дети знатных богатых господ, имеют общее предназначение по окончании первого гимназического образования своего путешествовать с котомкою за плечами, пеше по всей Германии и Швейцарии, проживая назначенные времена в тех городах, где находятся высшие учебные коллегии, чтобы брать лекции от профессоров тех познаний, которым они себя предназначают посвятить. Им дается малое количество денег на путевые издержки, до первого города университетского, а билеты банковые рассылаются в те города, где они должны пробыть некоторые времена по предположению. И вот таким-то предостережением родителей и опекунов юношество германское некоторым образом предохранено бывает от поползновений на мотовство и распутства, пильнующие⁴²⁹ везде свои добычи. Многие из них путешествуют и по Италии, но это те, которые желают достигать совершенств в живописи, скульптуре, музыке и зодчестве. Но в обетованную землю Палестины, по Святосказуемым обетам, — чтобы видеть там Вездесущего Святыню, несколько раз

до основания уничтоженную, зачиная от набегов египтян и персов до последних разрушений Иерусалима: Титом⁴³⁰, предводителем римской армии, императором Адрианом⁴³¹ и Садрадином, братом знаменитого Селадина⁴³², и столько же раз наугад, вновь что где попало выстроенную и где времени жизни и кончины Искупителя нашего не осталось ни одного камня вблизи прежнего места,— не делают шляйства, истощевавшего некогда предков их и разоряющего теперь еще иные народы во обогащение наглых пришельцев, отрекшихся от всего — на словах — ради Царствия Божия. Их пилигримства, исказившие благонравия женские, следовательно, и всего народа исчезли после Тридцатилетней священной войны⁴³³, погасившей кровью пламень костров инквизиции и давшей свободу совести к истинному благоденствию в неотлучной домашней жизни их женщин, поклоняющихся и чающих благословения Божия: «На всяком месте владычества его».

Все обряды религиозные получили там образы введенных, не тяготеющих бедного состояния семейств. Исповедь грехов, или покаяние Богу, у них общее, без одиночного шептания наедине, не видимого никому из блюстителей семейного благонравия, но такое, какое оно было от дней гласа вопиявшего в пустыне до 496 года по Рождестве Христове⁴³⁴.

Крестины новорожденных младенцев совершаются большею частию в домах родителей около вечера или как случится. Созванные и посторонние гости бывают там и свидетелями крещения, из которых некоторые подписываются в книге метрической пастора при имени крещенного при них дитяти, продолжающегося три минуты в возлиянии воды пастором, по примеру Иоанна Крестителя Господня, на главу младенца с призыванием «Отца и Сына и Святого Духа». После чего подают кофей, чай и прочее. Повивальные бабки, приносящие к крещению младенцев, в некоторых обстоятельствах, если они приватные, а не коронные акушерки, подносят вино за здоровье принятых ими младенцев, и им на бедность кладут крестные гости — хотя бы они были князья и графы миллионщики — не более двух золотых, дабы не сконфузить недостаточных большими дарами, а после того они, может быть, и добавляют таким, которые точно бедны, но это дело иное.

На свадьбы званые гости и родные, одинаково как и на обручения, съезжаются в дома невест пополудни. Их встречают — смотря по состоянию сочетающихся — мар-

шал с золотым жезлом, окинутый богатым супервестом, кланяся низко, кладя почти на пол в вытянутой правой руке булаву, а в левой — шляпу с белым плюмажем, и несколько шаферов с стороны его, разряженных в прах и отличенных в звании их пунцовыми бантами на левой руке ниже плечей. Они по указанию маршала вводят в гостиную комнату каждого посетителя и просят принять следующее по чину брачного церемониала место. Когда гости все соберутся и жених прибудет со своими ассистентами, тогда выводят невесту, ставят с женихом на богатом ковре. Пред ними со сторон становятся шаферы с зажженными восковыми белыми свечами на больших тройных подсвешниках. Тут предстает пред сочетавшихся пастор в черной тафтяной мантии на плечах по фраку, с белыми крагенами у гальстуха под бороною, с небольшою книжечкою в левой руке, спрашивает жениха и невесту о взаимном согласии вступить в супружество и, прочитав брачную молитву, благословляет именем Божиим новобрачных, после чего скажет им краткую речь в напутствие супружеской счастливой жизни. Тогда начнутся поздравления и пожелания благополучий молодым от всех. Шаферы по повелению маршала своего, оставя светильники, подают первые заздравные кубки сами вина, кипящего огнем веселия, и конфекты, а потом слуги их, особые, — кофей, чай, бисквиты и миндальные печения и всякую всячину; тут открывается бал и начинается общее веселие танцами до ужина и после ужина, до отводу или отвозу молодых в свое место. Через три дня после свадьбы и отдания визитов начнутся балы, смотря на состояние составляющих родный круг сочетавшихся, но без строгого требования точности исполнения того всеми. Даров и отдарков там, ради их неизменных пересудов, давно и в помине нет. Женихи невест и невесты женихов дарят кое-какими вещицами, но это не идет в счет отвлеченных издержек, ибо они остаются у них же. В браках не запрещается двум и многим братьям родным жениться на дочерях одного отца и матери, что бывает полным ручательством за семейные согласия; также овдовевшим позволяется брать в жены родных сестер умерших жен и вдовам выходить за деверьев. Такие браки благотворительны сиротам, приобретающим кровных вотчимов и мачех, стало быть, и непротивны нежному желанию Иисуса Христа, ласкавшего всегда увивавшихся около него младенцев. У нас они не позволены для мутной водицы.

Похороны тоже разочтены в облегчение неимущих. Во время трехсуточного пребывания тел усопших в домах горят при взголовьях их лампы, и родные или ближние соседи попеременно у них находятся, сжигая благовонные курения или хоть простую смолку и можжевельник — все равно. Похоронные дроги, мантии и распущенные шляпы с крепками людям, похоронной прислуге гробу, покрывала и факелы берутся из церковного цейхгауза за самую легчайшую для неимущих прокатную плату, а достаточным предоставляется на волю, если они захотят, прибавить.

После полуденного времени, проводя из дому на кладбище и предав могиле тленные останки покойника, некоторые только из самых ближних родных и приятелей возвращаются от кладбища в дом печального семейства и там пьют кофей, чай, иногда и ужинают запросто, что Бог послал. Бывает там и пастор, если его по исправлении погребального обряда пригласят на вечер; тем все и кончается. Ибо там нет ни девятин, ни двадцатин, ни сорочин, ни полу- и полных годовщин, стесняющих и источающих не то что скудных обывателей, но и порядочного состояния людей как издержками достатков, так и отвлечением на многие дни от занятий житейских ради воздаяния душам, таким, каковы они были, — за пресыщение — отлетевшим в глубокую, никем никогда не достигнутую в этой жизни вечность, к Священнейшему источнику своему — милосердому Отцу всего Творения, непохлюбному⁴³⁵ Судии всех человеков, созданных им из ничего и оживленных духом его святым, данным на урочные дни жизни земной тленному телу. Но что касается до надгробных памятников, то германцы чувствительны к ним и умеют почтить память любезных им людей, почивших с миром и благословением родных сердец, без звонов и перезвонов в тихих могилах.

По ходу судебных производств уголовных и исковых дел адвокаты германские ведут процессы: защитительные, обвинительные и исковые — по законам своих земель и по теории общей науки правоведения, получая вознаграждения за труды и искусства свои, по оценкам делопроизводств, общим для всех, а более ничего, ибо там сторожат их законы ясные, но краткие, не тяготящие и посредственной памяти, и истины, защищаемые слушателями суда обеих сторон в прибавок к присяжным блюстителям Правды Законов, имеющим право вступать

Д. П. Неверовский.
Литогр. В. Долле по ориг.
Д. Доу. 1840 г.

**Общий вид поля боя под Москвой
со стороны села Бородино
6 сентября 1812 г.**

**Фрагмент литогр. по рис. А. Адама.
1830-е гг.**

Победа при Малоярославце
12 октября 1812 г.
Грав. И. Бегрова, исполн.

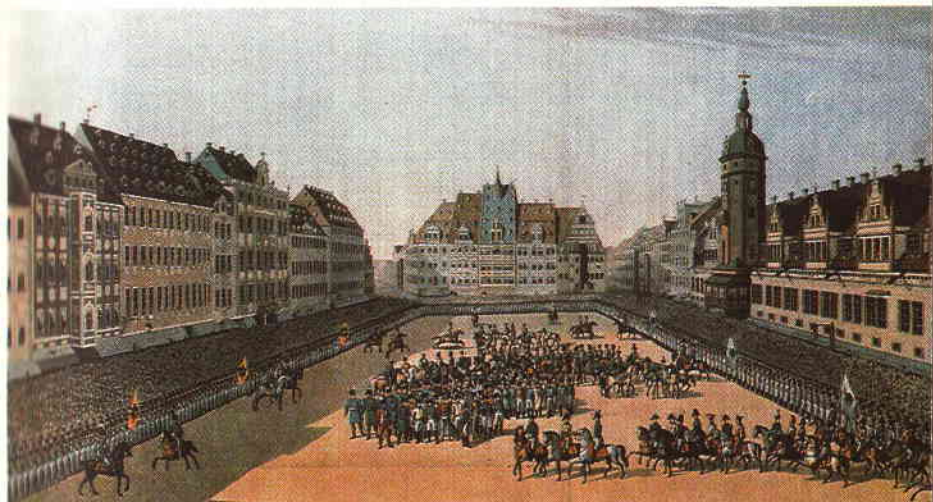
под руков. С. Карделли по ориг.
Д. Скотти. 1814 г.

Эпизод Лейпцигского сражения
4—7 (16—19) октября 1813 г.
Раскр. грав. С. Фроша по ориг.
Леманна. 1810-е гг.

Торжественное вступление союзников в Лейпциг 19 октября 1813 г.

Раскр. грав. неизв. англ. худ. 1815 г.

Сражение при Бриенне
20 января 1814 г.
Литогр. С. Шифляра по ориг.
А. И. Дмитриева-Мамонова.
1823 г.

Ф. В. Остен-Сакен.
Миниатюра.
Неизв. худ. 1810-е гг.

Ополченец 1812 года.
Грав. А. Осипова по ориг.
Ф. Кюнеля. 1-я четв. XIX в.

**Благословение ополченца
1812 года.**
Грав. А. Ухтомского по ориг.
И. В. Лучанинова. 1812 г.

**Крестьянин увозит у французов
пушку в русский лагерь...**
Раскр. грав. И. Терebeneва.
1813 г.

Пикет уральских казаков.
Раскр. грав. К. Вагнера
по ориг. Е. Корнеева. 1812 г.

Москва. Вид Кремлевского строения в его окружности в Москве (вид на Кремль со стороны Москворецкого моста).

Раскр. грав. Г. Лори по рис. Ж. Делабарта. Нач. 1800-х гг.

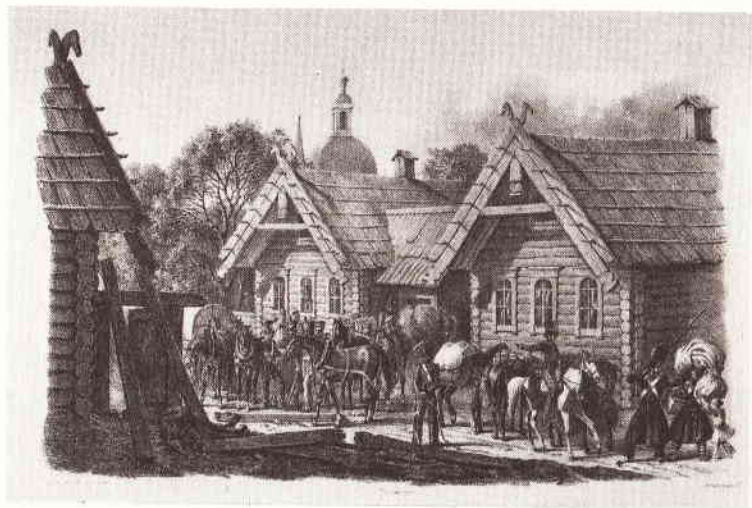

Изгнание из Москвы остатков наполеоновской армии отрядом легкой кавалерии под командованием генерала Иловайского

**10 октября 1812 г.
Раскр. грав. И. Иванова.
1-я четв. XIX в.**

На большой дороге между
Можайском и Москвой 21 сент.
1812 г.

Литогр. по рис.
Х. Фабер дю Фора. 1830-е гг.

Измайлово. Покровский собор.
Мостовая башня и передние
ворота.

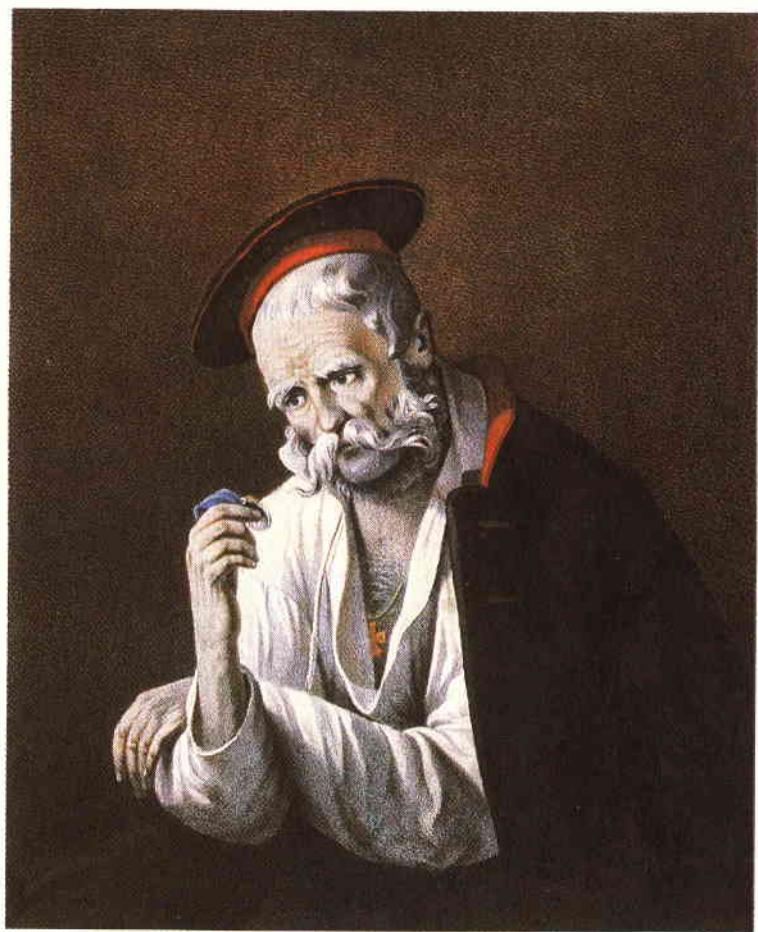
Литогр. А. Дюрана. 1845 г.
по рис. 1839 г.

Ф. Ф. Винценгероде.
Грав. К. Ческого. 1810-е гг.

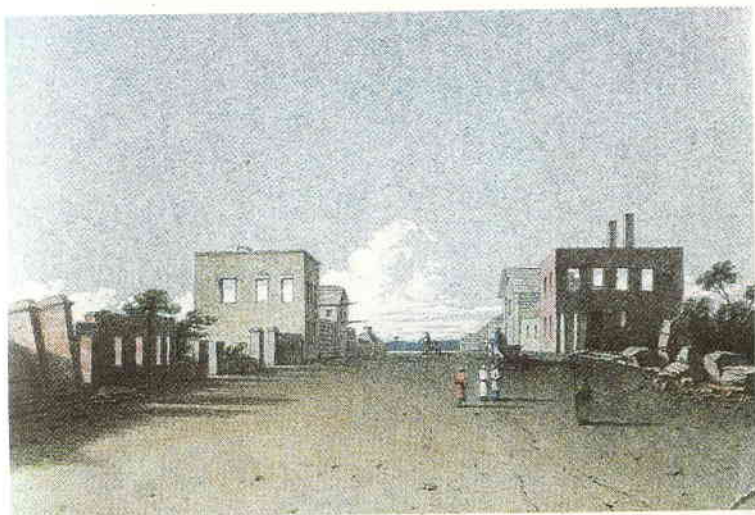

**Москва. Вид разрушенной улицы
в районе Воспитательного дома.**
Раскр. литогр. 1826 г.
по рис. Д. Джеймса. 1814 г.

Солдат-ветеран 1812 г.
Раскр. литогр. П. Пети
по ориг. Р. Жуковского. 1844 г.

**Смоленск. Вид улицы
с разрушенными домами.**
Раскр. литогр. 1826 г. по рис.
Д. Джеймса. 1814 г.

**Переход русских войск через
Ботнический залив в марте
1809 г.**

**Ксилография Л. Веселовского,
К. Крыжановского по ориг.
А. Коцебу. 1870-е гг.**

Взятие Полоцка
6 октября 1812 г.
Грав. И. Бегрова, исполн.

под рук. С. Карделли по ориг.
Д. Скотти. 1814 г.

Переправа через Березину
29 ноября 1812 г.
Автолитогр. В. Адама.
Ср. XIX в.

Сражение при Лейпциге
19 октября 1813 г.
Раскр. грав. М. Дюбурга
по ориг. Хита. 1815 г.

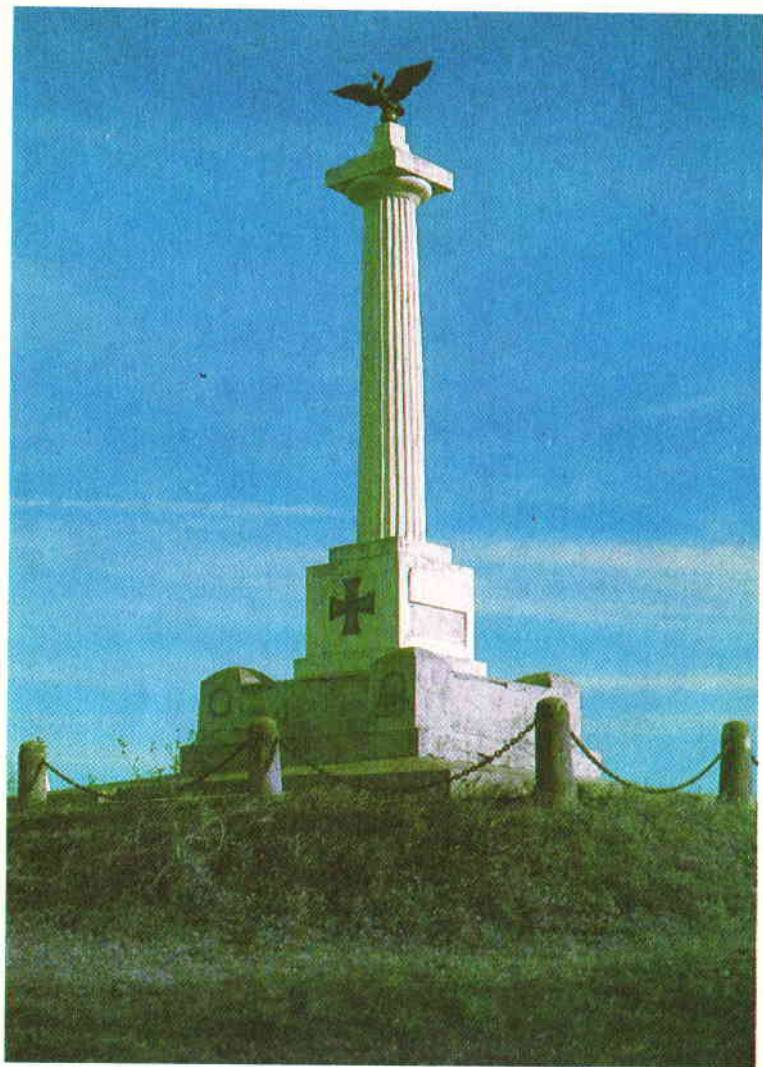
М. И. Кутузов.
Грав. С. Карделли по ориг.
А. О. Орловского. 1813 г.

М. Б. Барклай-де-Толли.
Грав. С. Карделли. 1810-е гг.

Памятник лейб-гвардии Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа на Бородинском поле.
Архит. С. Прохоров. 1912 г.

с ними в состязания, нанося их кривдам нередко горькие посрамления. Правда и то, что там тяжбы о вотчинных наследствах редки бывают, поелику у них все имения помещиков, по первым их приобретениям чрез феодалы, бенефиции и анлодии⁴³⁶, остаются поныне нераздельными, поступая после отцов во владение одних избранных из сыновей по присуждениям ландратов и ими созванных медиаторов⁴³⁷ из родных и соседей тех вотчин при содействии крейц-герихтов⁴³⁸, которых общественные приговоры принимаются за окончательные без апелляций; они отдают вотчины не всегда старшим сыновьям, но тем, которые признаются общим мнением способнейшими и благонадежнейшими к хозяйству, обязывая их уплачивать прочим братьям и сестрам в многолетние сроки следующие им части, по оценкам всего, издавна сделанным без обременительного счету вотчинникам. Матери остаются при вотчинниках по смерти или как они захотят, а сестры — до замужества их или выплаты в сиротские банки их частей, откуда они получают всю сумму лишь тогда, когда в замужестве будут уж у них дети, а до того пользуются только процентами с капиталов их. Такое указание поставило германские вотчины в майоратное существование или похожее на то по нераздельности их прехождения в наследства в фамилиях, при невозможности продавать и закладывать их самовольно владельцами, — напротив, устраняя тем и средства пресыщения злоторной ябеды, ищущей себе рысталищ, заводя тяжбы и смуты, преходящие из века в век для раздолья ее. Сверх того, оно, будучи превосходнее Британского устава, отдающего все имущества отцов и матерей, без разбору, одним старшим сынам, каковы бы они ни были, поощряет юношество дворянское прилежать к экономии и отличать лучшим поведением во уповании на предпочтение их другим братьям при избирании приемников вотчин родовых. К этому и то надо вымолвить, что в Германии демоны разврата народного, поглощающего юношество, особливо картежные артисты — благовидные дневные разбойники, отгоняются силою общего презрения, нередко предающего оных позорной казни.

В точности мне не могло быть известно, уменьшается ли в Германии дворянство, но надобно полагать, наверное, что не умножается нисколько: во-первых, по причине частых долговременных войн, в Европе бывших, и весьма усилившихся путешествий в другие части света чрез океаны; а потом следует заметить, что нового дворянства

там почти совсем не прибавляется, ибо доныне с 1816 года в виду у нас, читающих иностранные ведомости, только два генерал-лейтенанта и директор Академии художеств возведены прусским Королевским советом за особенные услуги, государству оказанные, в дворянское достоинство, ибо в Германии бóльшая часть и генералов только личные дворяне, не сообщающие своего права детям, которые поступают в разные сословия.

Уголовные преступления и замысловатые грабительства германских преступников всех категорий, подтвержденные вышним начальством, наказываются либо отсечением головы и виселицею, или вечным заточением в тюрьму. Первую казнь совершает мечевый судья (шарф-рихтер), одетый в богатый рыцарский наряд, покрытый пернатым шлемом, и он не представляет харю пашего палача, ибо допускается во все народные собрания и принимается в семейных кругах как рыцарь, совершающий глагол закона, а вешания чинят шиндер-кнехты (профосы городовые), отчужденные от всякого сообщества граждан и живущие в загородных захолустьях. Страх позорной казни и крайняя трудность увернуть от нее преступнику делают редкими там подобные зрелища.

Лекари германские, по их высоким познаниям своей науки и светлому образованию, бывают большею частию люди благоизбранных правов. Они занимаются практикою в городах и уездах, имеющих порядочные аптеки и при них изрядно выученных фельдшеров, получая платы с пациентов по договорам, с правлением заключенным, за визиты или погодно с семейств, но без домогательств иных поборов, а ежели бы какой-нибудь из них корыстолюбец осмелился там сказать семейству, призвавшему его помочь страждущему опасною болезнию: «Давай пятьсот рублей, а не то издохнет» — и Боже сохрани! Такого наглеца они не потерпят и одного дня у себя, выгонят из околицы камешьями, как непутную собаку.

Аптекари их на таком же основании пребывают. Провизиям их положены по назначению Главного фармацевтического правления цены по каталогам, переведенным с латыни на немецкий язык, и в печатных экземплярах, с обязательствами содержателей, розданных гражданам и поселянам. А как там у всех есть книжечки, руководящие к познанию домашней медицины, зачиная от семиотики до фармации, то аптекарям никак невозможно покушаться на лишнее взимание за препараты и разностные отпуска провизий своих ради грозной опасности,

могущей выбросить их душою и телом без аптек и аттестатов за городской рубеж, чему случилось у них кое-когда несколько примеров, страшных аптекарям и докторам навсегда. Но только там медики, согласясь между собою, не могут назвать — ради калыма — хорошие провизии аптек негодными и запретить продажу, ибо аптекари созовут граждан на освидетельствование добротности припасов своих, а граждане их, почти все, — знатоки этих вещей, сверх того, у них имеются печатные книжечки в руководство рассматривания провизий аптечных, и беда повиснет на шеях затейливых чад Эскулапа.

Германские города и селения охраняются народными стражами кроме команд нарочитого войска. Сверх того, их нахт-вахтеры (ночные сторожа) ходят через всю ночь по улицам со свистками или трещотками, возвещая жителям на каждых 50 шагах, который час ночи наступил, и предостерегают от пожара и татьбы, выводя это последнее громогласно нараспев стихами. Там редко в котором селении нет часов общих башенных с колоколом, и едва ли найдется из 20 три мужицких дома, в которых нет стенных. Сельские часовые мастера производят починки часов и делают новые с колесами точеными из заварного букового дерева, с стеклянными колокольчиками. Поелику у германцев нет никаких религиозных ночных отлучек от домов к всеобщим, большим стояньям и заутреням, то стерегущим обывательское спокойствие и немудрено выполнять свои обязанности, ибо там наклонения к хищничеству и паскудствам не могут прикрывать свои гнусные подвиги фальшивыми личинами неусыпного благочестия, к обману стражи городской и всякой и старейшин семейств.

Женщины германские благонравны и хозяйственны, несмотря на то что им соседно живут италианки и французенки, возрожденные дочери Аспазий⁴³⁹ и Ласфений афинских. Они любят хорошо одеваться, не гоняясь за телеграфными вычурами парижанок, обнаженных для всех, по предварительному отвращению от того их умных и сметливых мужей, строго отмечающихся — подобно англичанам — от прерогатив женских — отпечатки Вавилонской школы — прозрачного сонмища, влекущего к себе всех разгулем свободным. Прилежны в изучении музыки, а танцование любят от души, как и все люди. Домоводство во всяком состоянии есть наилучшее достоинство германок. С 10-го года девицы их, хотя бы они были дочери богатых господ — генералов, обучаются

обыкновенно стирать кушанья; даже печь хлеба и стирать белье почитается на всякий случай необходимым знанием барышням. Они обогащены познаниями, но не любят выказывать себя умницами, а ежели когда коснется их необходимость отвечать на вопросы, то они, почти все, умеют и отвечают с полным сведением природных и событийных истин, изъясняемых ими не в общественных собраниях, но в домашней жизни, при ускорении школьных изучений детей их. Монастырей там, в Северной Германии, не видели мы ни одного, и одиночной исповеди шепотной нет, а общая; стало быть, одни пасторы их, проповедуя открыто Слово Божие, утверждают их во уверении, «что молитвы,— как говорил древний мудрец Гезиод⁴⁴⁰,— мужчин, держащихся за орало, а женщин, прядущих и качающих колыбели, более иных услышаны бывают Богом».

Все калеки, слепые и юродивые, обоюго полу, призрены общественным иждивением или попечением родных. Этим Лазарониев⁴⁴¹, истинных и поддельно мудрствующих о Господе в Италии и Греции, нет на виду в Германии. Многие слепые-безногие, имеющие сильные руки, отданы на канатные заводы, где они заменяют вполне настоящих работников, вертя, сидя покойно, колеса прядильных машин скоро и тихо по свисткам мастеров, ведущих канатные пряди. Таких работников немалая есть везде потребность: у чесальных и шлифовальных мастеров и в кузницах для действия мехами и вращения точил, которые места занимая они получают содержание несравненно лучшее, как в богадельнях, где кормят их костяным супом, варящимся с малою частию ржаной муки и солью в завинтном чугунном кубе, изобретенном для нищих господином Поншином. Милостины собирать там не допускают никого, ибо у них подающие предварены законом, как у нас, платить штрафы за каждую копейку, поданную в руки нищего, 500 копеек; но там исполняющие такое необходимое узаконение не мнят, что это противно Богу, и кладут подавание в общие богадельные ящики.

Леса в Германии, как казенные, так и владельческие, размножаются чрез внимательные посевы дуба, березы, сосны, белой акации и особливо лиственницы. Лесные рощи вообще узаконено вычищать осенью от бурьянов, сухолому и листьев, а в марте или апреле подметаются иголки хвойных дерев, и все это употребляется на топливо, а между тем леса предохранены совершенно от пожаров, часто бывающих истребителями столетних пу-

щей в несколько дней, там, где нет таких предупреждений в отклонениях.

Хищные звери и птицы истребляются в Германии посредством плат из мирских экономических сумм. Кто убьет волка, тот получит шесть талеров награды, за лису — четыре, за хоря — полталера. За коршуна, ворону, сорок и галку — по золоту, за воробья — одну дитку (3 коп. серебром). А прочая выгодная дичь предохраняется штрафами за вред, ей наносимый в непозволенное время охоты. По заплате денег отнимаются от шкур уши, а от птиц головы, которые за вычетом присяжных приставов и зрителей публично на площадях кладутся на огонь жаровни или в известковый раствор и тут же при всех выдаются, с распискою в книгах платы, а шкуры возвращаются охотникам обезушенные.

Лоси, олени, дикие козы и русые зайцы объявлены там от давних времен коронными зверями ради необходимости шкур трех первых зверей для военных исправок портупей, панталон и перчаток, а русачьего пуха на валку шляп всяких. Местные начальства берегут их посредством строгих взысканий за вред, им наносимый браконьерами. Русаки там размножены чрезвычайно, так что их среди белого дня видятся вереницы дыбящих на подлесках около растущих хлебов, стрегомых от опустошений бегающими по межам с погремушками и трещотками — но без собак — мальчиками мужицкими. Содержатели шляпных фабрик покупают их от казны огулом многие десятки тысяч, вылавливая в позднюю осень тететами, при окружных комиссарах и сельских дозорных, употребляя тут их на валку разных шляп и картузов, а шкурки — на лайку дамских перчаток, аптекарские потребности и переплеты книг малых, продавая тушки по назначенным ценам за лис — фунты преимущественно тех мест жителям.

Помещичьим, вольным и всем вообще стрелкам возбранена и в своих дачах стрельба во время гнездовой сидки всякой съестной дичи до самого оперения и взлета приплода и старых, перелинивающих в начале лета. А как тамошние люди большею частию исполнены доброй воли и чистой совести — «плененные в послушание» уставам, зидующим общую пользу, то никто не отваживается там нарушать это узаконение; а если выискиваются какие урвачи со своими самовольными правилами, то таких наказывают там примерно нелюбопытные блюстители уставов государственных.

Вследствие такого строгого постановления всякий идущий чрез поле днем, в запретное время стрельбы с ружьем, берется под стражу как преступник, и в оправдание приемлется лишь то, что ежели замок ружья или хоть курок его был тогда отнят прочь и находился в кармане, которые он нес в починку или в передачу другому.

Голубей простых сизых крупной породы при мызах помещичьих содержатся там, в красиво выстроенных голубятнях, большие, нередко тысячные стаи ради их полезного во удобрение пашен помета, ибо три осьмины его, разметанного по десятине, как сеется горох, дают растительную силу земле такую, какую 150 возов нашего навоза. Сверх того, молодые голуби составляют превкусные блюда праздничных барских столов, равно как грачи, не слетавшие еще с гнезд; но этих там почти вовсе нет, ибо они в числе вольных птиц (фрей фогель), идущих в призывный застрел.

Наплекие⁴⁴² аисты — любимые сожители дворов германских поселян. Они выют свои гнезда на верхушках крыш домов и других строений. Ходят безбоязненно по дворам, садам, огородам и полям, истребляя только змей, мышей, лягушек и ящериц, но не вредя никаких фрухтов и ничего никак. Ночевница они всегда имеют на крышах у гнезд своих, складенных на гребнях кровель большими кучами натасканного ими фороста и разного дряму. И ежели ночью покажется на дворе, саде или огороде хозяйском что-нибудь чужое, то они производят громкую шелкотню, подобную трещотке, по которой хозяевы домов выходят на дозоры своих дворов и прочего. Ежели же где огонь засветится пожарным признаком, то аисты всего того селения вдруг всполошатся, подняв шелкотню на круговых полетах от своих дворов к стороне показавшегося огня. Случается, что ребенок, бродя по двору или за двором, уснет, как это часто бывает во время рабочей летней поры, то из аистов наиболее самки тотчас приспевают туда и расхаживают около спящих младенцев, не допуская к ним ни свиньи, ни собаки, осматривая, не ползет ли к ним какая гадина, даже машут крыльями над ними, сгоняя с лиц спящих насекомых.

С половины августа-месяца начинается в полуденной Германии собиранье и сортировная переборка с очисткой кистей поспелых виноградов, представляющие общее празднество на берегах Рейна, Мозеля, Майна, Неккара,

Инна и Дуная. Тогда многие граждане и поселяне тех земель в приукрашенных рабочих одеждах заняты бывают чрез многие дни приятными трудами для себя и по пайму и общими увеселениями с наступлением каждого вечера. Песни и танцы младости и застольные кантаты пожилых, заседающих в садовых галереях пред пирамидками из гроздов, стоящими на столах, и такими же люстрами, висящими над ними, изъясляют нечто жертвоприносительное в образе дневних празднеств Цереры⁴⁴³ и Вакха. Тут совершаются у них продажи виноградных гроздов компанейщикам виноделия, иным в кистях на вес, а другим в сусле на анкерки, ценами по разности отделки, чрез разделение кистей на три части, с очисткою заморышей, оклеванных и гнилых ягод. В каждом почти селении виноградных плантаций есть мастера, содержащие жомы и квасники для белых и красных вин врозь, ибо они вместе кваситься не могут по причине неравного времени их брожения и отстоя: белого — одним чистым суслом, а красного — с некоторою препорциею шкурок красного винограда, для окраски вин в квасни влагаемых мастерами. Я говорю вообще о красном винограде, ибо белый виноград по водяности его сока в виноделие нейдет и водится там в малом для еды и вяления на изюм ради его крупности и продолговатости. Когда все квасни установлены в погребе, под глухим плотным сводом, наполненные в должную меру суслом виноградным, то их закупоривают деревянными втулками, на которых ставятся в отверстиях сквозных утвержденных трубки, делающиеся из луженого листового железа, наподобие валторн, в несколько оборотов, склоненные другими концами в пустые бочонки ведер от пяти до десяти для задержки в бродящем сусле эфира при выплыве пены его и сохранения квасников от разрывов. После чего погреб затворяется двойною дверью с полстми в промежутках по заклеенной конопати. По прошествии достаточного, по расчетам мастеров, времени для уквасу вина отворяются двери квасника, за которыми изнутри плотно до них и до земли стоящий спершийся винный чад представляет густой белый туман, словно стену. Войти туда невозможно, ибо этот винный чад враз задушит хоть какого силача, даже привыкшего к пьянству. Но когда сделают в него под своды несколько, один за другим, ружейных сильных холостых выстрелов, то туман этот, пришед в колебание, ринется быстро-шумным ходом вон из погреба. После чего входят мастера с работниками, снимают валторны

дой, возвращают из подставных бочонков отток эссенции обратно в квасники и, закупорив их наглухо, оставляют еще на несколько суток устояться, а потом разливают вина хозяева их в свои оксофты и отвозят домой, ставя их в своих погребах на долговременную отстойку до продажи или употребления домашнего.

Сидр делается так же, как и виноградное вино,— из соку, выжатого из полусадовых кисловатых яблок, растущих там на межах пашен полевых, который только не имеет прочности в дальнее время, но смолода вкусом и шумливостью в голове пьющего не уступает иным виноградным винам. Когда же, при разливе его в отстойные бочонки, прибавят в него несколько сахара, то он получает в закупоренных бутылках полный диплом шампанского вина, делающегося также из никуда не годного лугового водянисто-кислого винограда плоскоземной Шампанской провинции.

Рейнские вина очень остры; их употребляют тамошние жители в питье, мешая с переварною дистиллированою водою, т. е. делая из него продаваемый нам Сотер; но, несмотря на такую предосторожность, многие жители тех провинций, особливо около Рейна — Неккера, подвержены страданиям от подагры.

Казалось мне, что я этим рассказом моим представил вам полный ряд виденного мною благоустройства германских обитателей, но когда обратил потом усиленные воспоминания мои на всю Германию, существующую в этом благоустройстве, то познал горестные для души моей недостатки рассказа моего о нем. Все домашние заведения германцев и даже стройные межи пашен их усажены изредка фрухтовыми деревьями, как-то: яблонями и грушами, а в промежутках на линии их ягодными кустарниками; пруды и полевые копани наполнены пересадными для зимовки в родниковые бассейны рыбами; сады и огороды изобильны всячиною. Их благодать и приветливость блистают не суетным, не поддельным чувством, а искренностию. И ко всему этому смиренно-кроткое и неотбежное в даль никуда богопоклонение создателю Вселенной и искупителю нашего мира требует внимания и изъяснения не такого сердца пушкарного и не такой барабанной души, какие составляют меня по насильственному возрождению их в 26 лет звуками бранного оружия и боевым огнем военной жизни моей в 68 сражениях в годину лютую испытаний Отчеством нашим бед пред эпохою блистательного венчания славы его, сколь-

жившим тогда на краю общей гибели Европы, поработанной безнравственными французами, где свершались пред глазами россиян одни ретивые разрушения всего прекраснейшего гибельными войнами многих лет. Были дни тишины и мирного пребывания многих частей армии нашей, но душа моя, предузнававшая и понимавшая грозный рок Отечества нашего, желала и находила стези свои к новым испытаниям военных битв, обуревавших в те годы все страны нашей части света непрестанно,— и ничего более.

О Великий Петр! О Александр Благословенный! В Германии собирали вы добро житейское и, принося его в Россию свою, дарили им верноподданных ваших, из Германии вызывали к нам споспешников сухопутных и морских побед наших и учредителей общежительного просвещения и разных мануфактурностей. При всяком виденном там и воспоминаемом мною ныне здесь благоустройстве их народном трепет отеческих сердец ваших, радевших России своей, отзывался и отзывается звучно и в моей солдатской душе, любящей Отечество более своей жизни. Воззрите же с небесного лона вашего, из обители душ святых, и на сокрушение мое о том, что я не умел пожелать, слышимо всем, виденного мною благоустройства германского любезному моему Отечеству.

ОПИ ГИМ, ф. 450, ед. хр. 806 б,
л. 1, 1а, 1б, 2—162.

Инвалид
Михаил Петров.
Июня 27¹⁰ дня
1845 года.
Д. Петровская
на ркс Усмани.

Комментарии к воспоминаниям М. М. Петрова

¹ Правильно: Моздокской.

² Синельников Иван Максимович (умер в 1788 г.) — генерал-майор, участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

³ Крепости Хотин, Бендеры, Кагул — места крупнейших сражений русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

⁴ Вероятно, имеется в виду один из двух гусарских полков, сформированных в Бахмуте (впоследствии Екатеринославской губ.) — одним из опорных пунктов украинской линии укреплений — прибывшими в 1754 г. в Россию сербами во главе с И. Депрерадовичем и И. Шевичем.

⁵ Саардам — небольшой голландский городок с верфью, на которой в течение восьми дней в августе 1697 г. работал плотником Петр I, изучавший корабельное дело и сопровождавший инкогнито русское посольство в страны Европы в 1697—1698 гг.

⁶ Петр I бывал в Воронеже во время создания Азовского флота. С 1696 по 1711 г. здесь было построено 215 судов.

⁷ Цейхгауз (воен.) — помещение, где хранятся запасы обмундирования, снаряжения, вооружения, провианта и т. п.

⁸ Ластовые суда — мелкие портовые суда и плавучие средства (баржи, матеры, плашкоуты и т. д.).

⁹ Понтифессы (или понтифики) составляли в Древнем Риме коллегия, осуществлявшую высший надзор за отправлением религиозного культа.

¹⁰ Семилетняя война (1756—1763), в которой участвовали почти все европейские государства.

¹¹ Имеется в виду Семилетняя война, в которой Россия до 1762 г. принимала участие в союзе с Австрией, Францией, Испанией, Саксонией и Швецией против Пруссии, Великобритании и Португалии.

¹² Русско-турецкая война (1768—1774), в которой генерал-аншеф П. А. Румянцев был командующим сначала 2-й, а затем 1-й армией.

¹³ Кантонисты — малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, предназначенные нести военную службу. Институт кантонистов появился в XVIII в. в Пруссии. В России наименование «кантонисты» введено в 1805 г. и сохранялось до 1856 г.

¹⁴ Русско-турецкая война 1787—1791 гг., начатая Турцией с целью возвращения Крыма и других территорий, завершилась Ясским миром 1791 г.

¹⁵ Потемкин Григорий Александрович (1739—1791) — светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал (1784), государственный и военный деятель.

¹⁶ Леванидов Андрей Яковлевич (р. 1747) — генерал-поручик, шеф Северского драгунского полка в 1798 г.

¹⁷ В 1789 г. А. В. Суворов командовал дивизией в армии Н. В. Репнина.

¹⁸ В мае 1789 г. А. В. Суворов прибыл в Бырлад, откуда началось наступление русской армии на Фокшаны и Рымник.

¹⁹ Владычин Иван Кириллович (1750—1818) — бригадир, командир Смоленского пехотного полка.

²⁰ Фокшанское сражение 21 июля 1789 г., во время которого объединенные русско-австрийские войска нанесли поражение турецкому отряду Осман-паши, состоявшему из 30 000 человек.

²¹ Принц Кобургский — Саксен Кобург Заальфельд Фридрих Иосиф (1737—1817), принц Саксонский. В 1789 г. генерал от кавалерии союзной с Россией австрийской армии. За Рымникскую победу произведен в фельдмаршалы.

²² Рымникское сражение 11 сентября 1789 г., в котором 25-тысячный русско-австрийский отряд под командованием А. В. Суворова одержал победу над 100-тысячной турецкой армией великого визиря Юсуф-паши.

²³ А. В. Суворов за разгром турецкой армии при Рымнике был награжден орденом Св. Георгия I-й степени, получил титулы графа Рымникского и графа Священной Римской империи.

²⁴ Крепость Измаил 11 декабря 1790 г. была взята штурмом русскими войсками под командованием А. В. Суворова.

²⁵ Повало-Швейковский Яков Иванович (1750—1807) — в 1799 г. генерал-лейтенант, командир вспомогательного корпуса во время Итальянского и Швейцарского походов армии А. В. Суворова.

²⁶ Петров Иван Матвеевич (1769—1835) — старший брат мемуариста. В 1812 г. майор гренадерского графа Аракчеева полка. В июне 1813 г. был произведен в подполковники, а за сражение при Кульме 18 августа 1813 г. — в полковники. В 1820 г. получил чин генерал-майора.

²⁷ Ангальт Фридрих (Федор Федорович) — граф Римской империи. В 1783 г. вступил в русскую службу. Генерал-поручик и генерал-адъютант Екатерины II, директор Сухопутного шляхетского корпуса. Умер в 1794 г.

²⁸ Гавриил или Всволод — Гавриил Мстиславович (ум. в 1137) — сын великого князя Мстислава Владимировича, князь новгородский и псковский.

²⁹ Ганнибал Исаак Абрамович (1747—1804) — четвертый сын «арапа Петра Великого», Ганнибала Абрама Петровича, дед А. С. Пушкина.

³⁰ Имется в виду Итальянский поход русской армии под командованием А. В. Суворова в апреле—августе 1799 г. во время войны Франции со 2-й антифранцузской коалицией (1798—1802).

³¹ Ганнибал (Аннибал) (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец. В ходе 2-й Пунической войны (218—201) совершил переход через Альпы.

³² Цезарь Гай Юлий (102—44 до н. э.) — знаменитый полководец, римский диктатор. В 58—51 гг. подчинил Риму всю Заальпийскую Галлию.

³³ Беклешов Николай Андреевич (1741—1822) — сенатор. В 1798—1800 гг. псковский гражданский губернатор.

³⁴ Правильнее: гауптвахта — главный караул, караульный дом.

³⁵ Ольмюц и Брюнн — ныне города Оломоуц и Брно (Чехословакия).

³⁶ Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — знаменитый русский писатель, публицист и историк. Вернувшись из путешествия по Западной Европе, в начале 1790-х гг. опубликовал «Письма русского путешественника».

³⁷ Аристид (ок. 540 — ок. 467 до н. э.) и Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинские государственные деятели и полководцы периода греко-персидских войн (540—449 до н. э.). Глава «сухопутной партии» Аристид был изгнан из Афин после победы «морской партии» во главе

с Фемистоклом в 483—482 гг. и возвращен в 480 г. Фемистокл был изгнан в 471 г. из Афин и бежал к персидскому царю Артаксерксу I.

³⁸ Вырубов Павел Петрович, впоследствии генерал-лейтенант. В отставке с 1809 г.

³⁹ Речь идет о Ефимовиче Матвее Николаевиче, генерал-майоре, шефе Елецкого мушкетерского полка в 1799 г.

⁴⁰ Тургенев Лев Антипович (ум. в 1828) — в 1803 г. майор, командир батальона Елецкого мушкетерского полка. В 1807 г. в сражении при Прейсиш-Эйлау попал в плен. В 1812 г. подполковник, командир Елецкого пехотного полка, составлявшего в начале войны вместе с I-м егерским полком бригаду II-й пехотной дивизии. В 1818 г. полковник, затем генерал-майор.

⁴¹ Де-Ламберт Карл Осипович (1772—1843) — граф, на русской службе с 1793 г. В 1803 г. назначен шефом Александрийского гусарского полка. Отличился в кампании 1806—1807 гг. В 1812 г. командовал корпусом в 3-й Западной армии А. П. Тормасова. В сражении под Борисовом был тяжело ранен и прибыл к армии перед штурмом Парижа. С 1826 г. сенатор.

⁴² Витовтов Александр Иванович — в 1799 г. генерал-майор.

⁴³ Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — светлейший князь, генерал-фельдмаршал, министр императорского двора и уделов. В 1797 г. был назначен адъютантом к вел. князю Александру Павловичу. После восшествия его на престол стал товарищем начальника, а затем начальником военно-походной канцелярии Александра I. В 1810—1812 гг. — генерал-квартирмейстер русской армии, в 1813—1814 гг. — начальник Главного штаба.

⁴⁴ Сукин 2-й Александр Яковлевич (1765—1837) — впоследствии генерал от инфантерии, член Государственного совета, комендант Петропавловской крепости в период пребывания там декабристов и председатель Комитета о раненых.

⁴⁵ Реприманд (франц.) — выговор, нагоняй.

⁴⁶ Демидов Николай Иванович (1773—1833) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1826 г. назначен главным директором Пажеского и Кадетского корпусов и других военно-учебных заведений. Обращал особое внимание на строевую выправку.

⁴⁷ Вердеревский Николай Иванович (1769—1812) — генерал-лейтенант свиты с. и. в.

⁴⁸ Дерпт — ныне г. Тарту Эстонской ССР.

⁴⁹ Возможно, Герард Федор (Фердинанд) Иванович (1761—1829) — инженер-генерал-лейтенант.

⁵⁰ Гендрих IV — германский император Генрих IV (1050—1106), отличавшийся, по преданию, великодушным характером.

⁵¹ Вероятно, Еропкин Петр Дмитриевич — усмиритель народного возмущения во время чумы в Москве в 1771 г., генерал-аншеф, сенатор. Умер в 1805 г.

⁵² Герцог Круа Карл Евгеньевич — потомок венгерских королей. В сражении под Нарвой в 1700 г. был взят в плен шведами и умер в г. Ревеле, ныне Таллинн Эстонской ССР, в неоплаченных долгах, почему долгое время оставался непогребенным. Тело его лежало под стеклянной крышкой и было предметом любопытства путешественников. Ревельская Алай-кирка — церковь Св. Олая в Таллинне.

⁵³ Правильнее: Виллие Яков Васильевич (1765—1854) — лейб-медик Александра I, президент Медико-хирургической академии.

⁵⁴ Мариенбург — ныне г. Алуксне Латвийской ССР.

⁵⁵ Дюннабург, правильно: Динабург — ныне г. Даугавпилс Латвийской ССР.

- ⁵⁶ Цирцея — в древнегреческой мифологии волшебница, жившая на о. Эе, у которой Одиссей прожил год в любви и довольстве.
- ⁵⁷ Брыка — брчка, легкая повозка с верхом.
- ⁵⁸ Ныне г. Стрпков (Чехословакия).
- ⁵⁹ Обапольные — здесь в смысле ближние, соседние, окрестные, по соседству находящиеся.
- ⁶⁰ Форверк — постройки и предметы, находящиеся перед разного рода крепостными и оборонительными сооружениями.
- ⁶¹ Очевидно, имеется в виду г. Олау (ныне Олава, Польша).
- ⁶² Клостер — местечко (нем.).
- ⁶³ Бреслав, Бреславль — ныне г. Вроцлав (Польша).
- ⁶⁴ Болеслав Храбрый (992—1025) — основатель Польского государства, первый король Польши.
- ⁶⁵ Вестфальский мир был заключен после Тридцатилетней войны в 1648 г. и узаконил дробление Германии на множество мелких земель и княжеств.
- ⁶⁶ Маентность (зап.) — недвижимое имение, вотчина.
- ⁶⁷ Праудзниц — ныне Праудниц (Польша).
- ⁶⁸ Жижморы — ныне г. Жежмаряй Литовской ССР.
- ⁶⁹ Лемзаль — ныне г. Лимбажи Латвийской ССР.
- ⁷⁰ Пернов — ныне г. Пярну Эстонской ССР.
- ⁷¹ Прейсиш-Эйлау — ныне г. Багратионовск Калининградской обл. (РСФСР); Гутштат — ныне г. Добре-Място (Польша); Гейльсберг — ныне г. Орнета (Польша); Фридланд — ныне г. Правдинск Калининградской обл. (РСФСР).
- ⁷² Абельмы — воронежское народное выражение «обельма»: множество, громада, что-либо обширное, объемистое.
- ⁷³ Бадик — палка, батог, посох, трость, хворостина, хлыст, бич, кнут.
- ⁷⁴ Брыла (нар.) — губа, обычно верхняя.
- ⁷⁵ Ковно — ныне г. Каунас Литовской ССР.
- ⁷⁶ Каменский Михаил Федотович (1738—1809) — граф, генерал-фельдмаршал, в 1806 г. был назначен главнокомандующим армией, действовавшей против французов, в которую прибыл 7 декабря, но через шесть дней по болезни передал командование Буксегвдену и уехал в свое орловское поместье, где был убит одним из своих дворовых.
- ⁷⁷ Иена-Ауэрштедтское сражение — два связанных между собой сражения 14 (26) октября 1806 г. русско-пруско-французской войны 1806—1807 гг. Победа Наполеона в этом сражении определила полный разгром Пруссии.
- ⁷⁸ Ныне города Сероцк и Сохачев (Польша).
- ⁷⁹ Ливерапты — торговцы.
- ⁸⁰ Давыдовский Яков Яковлевич (1758—1806) — полковник, командир 1-го егерского полка. Смертельно ранен в сражении при Пултуске 14 (26) декабря 1806 г.
- ⁸¹ 12 (24) декабря 1806 г. корпус Беннигсена едва не был отрезан от реки Наревы и только благодаря стойкости передовых отрядов успел 13 (25) декабря отступить к Пултуску.
- ⁸² В сражении под Пултуском 14 (26) декабря 1806 г. русские войска нанесли поражение корпусу Ланна, сорвав тем самым попытку французской армии окружить главные силы русских.
- ⁸³ Палых — от простонародного «палысать», т. е. кромсать, резать как попало.
- ⁸⁴ Гевальдигеры — офицеры, заведовавшие полицейской частью в войсках. Введены в русской армии Петром I, упразднены при Александре II.

⁸⁵ Вагенбург — обоз или район расположения обозов и тыловых учреждений армии.

⁸⁶ Прелиминарный — предварительный, временный.

⁸⁷ Кёнигсберг — ныне г. Калининград (РСФСР).

⁸⁸ Ортельсбург — ныне г. Щитно (Польша); Бишофсбург — ныне г. Бискупец (Польша); Ландсберг — ныне г. Гожув-Великопольски (Польша).

⁸⁹ Пиллава (Пиллау) — ныне г. Балтийск Калининградской обл.; Мемель — ныне г. Клайпеда Литовской ССР.

⁹⁰ Ожеро Пьер Франк Шарль (1757—1816) — герцог Кастильский, маршал и пэр Франции. Участвовал в кампаниях 1805—1807 гг. В сражении при Прёйсиш-Эйлау был ранен. В 1812 г. командовал войсками, занимавшими Берлин; в походе на Россию участвовал его брат, дивизионный генерал.

⁹¹ Имеется в виду г. Бромберг, ныне г. Быдгощ (Польша).

⁹² Лешток — прусский генерал Лесток (1738—1818), командовал корпусом во время войны 1806—1807 гг., особенно отличился при Прёйсиш-Эйлау.

⁹³ Потери в сражении при Прёйсиш-Эйлау (с 1946 г. — г. Багратионовск Калининградской обл.) 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г. составили с каждой стороны до 26—36 тыс. человек.

⁹⁴ Пассарга — река, ныне Пасленка (Польша); Остероде — ныне г. Оструда (Польша).

⁹⁵ Вероятно, Эммануэль Георгий Арсеньевич (1774—1837) — в 1812 г. полковник, командовавший бригадой, в которую входили Киевский и Новороссийский драгунские полки. Во время Бородинского сражения оборонял Шевардинский редут в составе 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора К. К. Сиверса. В 1813 г. генерал-майор, командовал летучим отрядом, с августа — кавалерией авангарда корпуса А. Ф. Ланжерона в Силезской армии. В 1814 г. за отличие при взятии Парижа произведен в генерал-лейтенанты.

⁹⁶ Сражение при Гутштадте (ныне г. Добре-Място в Польше) 24 мая (5 июня) 1807 г. закончилось победой русских войск под командованием Беннигсена над французским корпусом маршала Нея.

⁹⁷ Битва при Гейльсберге 29 мая (10 июня) 1807 г. носила упорный характер, но решающего значения не имела. Потери русских войск составили 8 тыс., французских — 12 тыс. человек.

⁹⁸ Стремясь как можно быстрее перейти р. Алле (ныне Лына, Польша), Беннигсен сосредоточил значительную часть армии в излучине реки, где войска, охваченные с обеих сторон водой, оказались в своеобразной ловушке. Сражение при Фридланде 2 (14) июня 1807 г. закончилось поражением русской армии, потери которой составили около 5 тыс. (по французским данным — 15 тыс.) человек. Это сражение определило исход русско-пруско-французской войны 1806—1807 гг. — 7 июня было заключено перемирие, завершившееся Тильзитским миром.

⁹⁹ Тильзит — ныне г. Советск Калининградской обл. (РСФСР).

¹⁰⁰ Юрбург — ныне г. Юрбаркас Литовской ССР.

¹⁰¹ Скосырь — хват, ухарский шеголь и забияка.

¹⁰² Будберг Богдан Васильевич (1766—1833) — барон, эстляндский гражданский губернатор.

¹⁰³ По манифесту 1787 г. секунданта судились как участники дуэлей и наказывались по мере тяжести результатов поединка, т. е. как соучастники убийства, нанесения увечий и т. п.

¹⁰⁴ Русско-шведско-английская война 1808—1809 гг. — война России против Англии и Швеции за обеспечение безопасности Петербурга

и установление полного контроля над Финским и Ботническим заливами в условиях присоединения России к континентальной блокаде. В результате войны по Фридрихсгамскому мирному договору России отошла вся Финляндия и были упрочены русские позиции на Балтийском море.

¹⁰⁵ Острова Эзель и Даго — ныне о-ва Сааремаа и Хийумаа; Балтийский порт — ныне порт Палдиск Эстонской ССР.

¹⁰⁶ Ханыков Петр Иванович (1743—1813) — адмирал, главный командир Кронштадтского порта, участник Чесменского сражения 1770 г. против турецкого флота. В 1808 г. был отдан под суд за слабость командования и нерешительность действий против англо-шведской эскадры в Финском заливе.

¹⁰⁷ Корабельный флот адмирала Ханыкова был блокирован в Балтийском порту с 19 августа по 17 сентября 1808 г. английской эскадрой под командованием адмирала Д. Соумареца.

¹⁰⁸ По-видимому, Фрейганг Василий Иванович (1783—1849). В 1806 г. состоял в свите генерала Михельсона, затем при посольствах в Вене и Париже. Впоследствии видный дипломат и писатель.

¹⁰⁹ Лавров Николай Иванович — в начале Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенант, начальник штаба 1-й Западной армии. В Бородинской битве командовал 5-м гвардейским корпусом, в который входила вся лейб-гвардия, составлявшая резерв правого крыла и центра армии. Награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. Умер во время похода в Германию в 1813 г.

¹¹⁰ Острова Роген, правильнее Роге, — ныне о-ва Сур-Пакри Эстонской ССР.

¹¹¹ Лисянский Юрий Федорович (1773—1837) — знаменитый мореплаватель и писатель. В 1808 г. — капитан 2-го ранга, командир корабля «Эмгейтен». В начале 1809 г. вышел в отставку в чине капитана 1-го ранга.

¹¹² Бон — плавучие бревна или плоты, соединенные цепями. Служили для запираания гавани от прохода судов.

¹¹³ Брандвахта — сторожевое военное портовое судно.

¹¹⁴ Сназин Иван Терентьевич (ум. в 1837 г.) — в 1810 г. генерал-майор, 21 ноября 1810 г. награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

¹¹⁵ Аракчев Алексей Андреевич (1769—1834) — граф, государственный деятель, вremenщик Павла I и Александра I. Военный министр в 1808—1811 гг.

¹¹⁶ Ныне Хыршево (Румыния).

¹¹⁷ Каменский 2-й Николай Михайлович (1772—1831), граф, младший сын генерал-фельдмаршала М. Ф. Каменского. В 1810 г. — генерал-лейтенант, был назначен главнокомандующим русской армией в войне против Турции (1806—1812).

¹¹⁸ Оровайская битва 2 (14) сентября 1808 г. — один из героических эпизодов русско-шведской войны 1808—1809 гг. Генерал Н. М. Каменский за отчаянную храбрость в этом сражении был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

¹¹⁹ Осада Шумлы (ныне г. Шумен, Болгария) началась 10(22) июня 1810 г. после того, как русское командование отвергло предложение визиря Юсуфа заключить перемирие.

¹²⁰ Цызырев Павел Александрович (ум. в 1829 г.), генерал-майор, шеф Украинского мушкетерского полка.

¹²¹ Левиз-оф-Менер Федор Федорович (1767—1824) — генерал-лейтенант. В 1810 г. командовал корпусом, принимавшим участие в осаде Силистрии, а затем Шумлы. После перехода корпуса к Рушуку по болезни вернулся в Россию и вышел в отставку. С февраля 1813 г.

принимал участие в осаде Данцига. В октябре 1813 г. уволен со службы по болезни.

¹²² Проводы — ныне г. Провадия (Болгария).

¹²³ Эссен 3-й Петр Кириллович (1772—1844) — граф, в 1810 г. командовал осадным корпусом; отличился в сражении под Руцуком 11(23) июня 1811 г. Принимал участие в боевых действиях в 1812 г. В декабре 1812 г. получил приказ сформировать 48 батальонов и три полка, после этого был назначен командиром 4-й пехотной дивизии, с которой и совершил кампанию 1813—1814 гг.

¹²⁴ Руцук — ныне г. Русе (Болгария).

¹²⁵ Кушанец-Али — никопольский паша. В августе 1810 г. шел на выручку осажденной русскими войсками крепости Руцук. Погиб в Батинском сражении 26 августа (7 сентября) 1810 г.

¹²⁶ Кульнев Яков Петрович (1763—1812) — генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г. В 1810 г. командовал авангардом Дунайской армии, отличился в Батинском сражении. В 1812 г. возглавлял авангард 1-го пехотного корпуса П. Х. Витгенштейна. Убит 20 июля 1812 г. в бою при Клястицах.

¹²⁷ Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — герой Отечественной войны 1812 г., партизан, поэт, военный писатель. Отличился исключительной храбростью. В 1809—1810 гг. принимал участие в русско-турецкой войне. Особенно отличился при взятии крепости Силистрии, осаде Шумлы и штурме Руцука в составе отряда Кульнева, близким другом которого он был.

¹²⁸ Негоциация — дипломатические переговоры для заключения условий, соглашений. Здесь имеются в виду переговоры Давыдова с австрийским генералом Фрейлихом, командовавшим 4000-м отрядом венгров в Гродно. 8 декабря 1812 г. город был сдан отряду Давыдова со всеми ценностями более чем на миллион рублей (см. подробнее: *Давыдов Д. В.* Сочинения. М., 1962. С. 396—403).

¹²⁹ Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», напечатанное в 1812 г.

¹³⁰ Батинское сражение 26 августа (7 сентября) 1810 г., около болгарского селения Батин, русских войск под командованием графа Каменского 2-го и турецкой армии Кушанец-Али. Следствием победы в этом сражении было занятие 15 сентября русскими войсками крепостей Руцук и Журжи.

¹³¹ Ретрашемент — внутренняя оборонительная ограда, расположенная позади и параллельно главной. Огонь с ретрашемента должен был направляться только на расположенную впереди главную ограду в случае захвата ее противником.

¹³² Журжа — ныне г. Джурджу (Румыния).

¹³³ Сабанев Иван Васильевич (1772—1829) — генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. В 1814 г. начальник штаба Барклая-де-Толли. В 1810 г. шеф 7-го егерского полка, входившего в состав авангарда Кульнева. Неожиданный удар с тыла двумя колоннами русских войск под командованием Сабанеева решил судьбу Батинского сражения.

¹³⁴ Дебальмен — граф де Бальмен Карл Антонович (1786—1812), генерал-майор; прославился необыкновенной храбростью, много раз был ранен и контужен. Умер накануне Отечественной войны 1812 г.

¹³⁵ Уваров Федор Петрович (1773—1824) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета и шеф Кавалергардского полка. В 1810 г. командовал корпусом в армии Каменского. За отличие в Батинском сражении награжден орденом Св. Георгия 2-й степени. В 1812 г. командовал кавалерийским корпусом, совершившим в Бородинской битве рейд в тыл противника.

¹³⁶ Стопин (штопин) — быстрогорящий огнепроводный шнур, род фитиля, хлопковая ткань, пропитанная порохом или селитрой.

¹³⁷ Систов, Систово — ныне г. Свиштов (Болгария).

¹³⁸ Апраксин Петр Иванович (1784—1852) — граф, в 1812 г. рот-мистр, позднее — сенатор.

¹³⁹ Ланской Александр Дмитриевич (1758—1784) — генерал-поручик, генерал-адъютант, камергер, шеф Кавалергардского полка. Играл видную роль при дворе Екатерины II.

¹⁴⁰ Имется в виду А. С. Фигнер.

¹⁴¹ Квольый — слабый, хилый, нежный, чувствительный.

¹⁴² Мартос Иван Петрович (1754—1835) — выдающийся русский скульптор. С 1814 г. ректор Академии художеств. Автор памятника Минину и Пожарскому в Москве.

¹⁴³ Артист — *artiste* (франц.) — здесь: художник.

¹⁴⁴ Шебуев Василий Кузьмич (1777—1855) — заслуженный профессор исторической живописи, автор огромной картины «Петр Великий в сражении при Полтаве» и многих других. С 1832 г. ректор Академии художеств.

¹⁴⁵ Егоров Алексей Егорович (1776—1851) — профессор живописи в Академии художеств. Представитель классицизма. Автор картин главным образом на религиозные и мифологические темы.

¹⁴⁶ Варнек Александр Григорьевич (1780—1843) — профессор портретной живописи в Академии художеств. Ученик Д. Левицкого и С. Щукина.

¹⁴⁷ Толстой Федор Петрович (1783—1873) — граф, медалер, скульптор, живописец, гравер, выдающийся деятель русского искусства. С 1828 г. вице-президент Академии художеств. Автор цикла медалей об Отечественной войне 1812 г.

¹⁴⁸ Клеймихель Андрей Андреевич (1758—1815) — генерал-лейтенант, директор 2-го кадетского корпуса.

¹⁴⁹ Одельск — ныне Индура Белорусской ССР.

¹⁵⁰ Экзерциргауз (воен.) — крытое помещение для военных упражнений в холодную и ненастную погоду. Впоследствии стало называться манежем.

¹⁵¹ Дорохов Иван Семенович (1762—1815) — герой Отечественной войны, партизан 1812 г., командир Изюмского гусарского полка. В начале Отечественной войны — генерал-майор, командовал авангардом 4-го пехотного корпуса, оторвавшегося от 1-й Западной армии и отступавшего вместе со 2-й армией. В Бородинской битве командовал резервным кавалерийским отрядом, который был послан на защиту Багратионовых флешей. За отличие произведен в генерал-лейтенанты. Впоследствии командир партизанского отряда. В сражении при Малоярославце был тяжело ранен и не смог вернуться в строй. Похоронен в Верее, которую 28 сентября 1812 г. освободил его отряд.

¹⁵² Рунд (воен.) — проверка караулов, обход.

¹⁵³ Толстой Николай Александрович (1765—1816) — граф, камергер, затем обер-гофмаршал, действительный тайный советник.

¹⁵⁴ Цигата из оды Г. Р. Державина «На взятие Измаила».

¹⁵⁵ Эрфуртская союзная конференция проходила с 27 сентября (9 октября) по 14(26) октября 1808 г. Была заключена конвенция между Россией и Францией, которая подтвердила Тильзитский мир 1807 г.

¹⁵⁶ Заключительные слова из «Приказа нашим армиям» Александра I о начале войны с Наполеоном от 13 июня 1812 г.

¹⁵⁷ Олиты, Олитта — ныне г. Алитус Литовской ССР.

¹⁵⁸ Треки — ныне г. Тракай Литовской ССР.

¹⁵⁹ Даву Луи Николя (1770—1823) — маршал Франции с 1804 г., ближайший соратник Наполеона. Командовал 1-м пехотным корпусом

в 1812—1814 гг. В Бородинской битве 26 августа действовал на правом фланге французских войск против Багратионовых флешей. При отступлении французской армии из Москвы командовал арьергардом, но после поражения под Вязьмой заменен Неем. Во время «Ста дней» (1815) военный министр.

¹⁶⁰ Пален 2-й Петр Петрович (1778—1864)— в начале Отечественной войны генерал-майор, с августа 1812 г.— генерал-лейтенант. Командир 3-го кавалерийского корпуса. После Смоленского сражения тяжело заболел и вернулся в армию в ноябре 1812 г. В 1813 г. командир летучего корпуса. После Плейвицкого перемирия командовал авангардом корпуса П. Х. Витгенштейна.

¹⁶¹ Игумен— ныне г. Червень Белорусской ССР.

¹⁶² Имеются в виду военные действия отряда Дорохова и казачьего корпуса Платова по прикрытию отступления основных сил 2-й Западной армии Багратиона.

¹⁶³ Соединение отряда Дорохова с армией Багратиона у Столбцов состоялось 25 июня; 6 июля 2-я Западная армия достигла Бобруйска, 12 июля— Старого Быхова.

¹⁶⁴ Платов Матвей Иванович (1751—1818)— граф, генерал от кавалерии, сподвижник А. В. Суворова. С 1801 г. войсковой атаман Донского казачьего войска. В 1812—1814 гг. командовал Донским казачьим корпусом. Во время марш-маневра 2-й Западной армии П. И. Багратиона казачий корпус Платова находился в арьергарде, прикрывая отход основных сил; нанес поражения французам при Мире и Романове. В разгар Бородинской битвы совершил рейд в тылу наполеоновской армии вместе с кавалерией Уварова. При контрнаступлении русской армии разгромил отряды противника в сражениях при Гжатске, Вязьме и Духовщине. Отличился в Лейпцигской битве.

¹⁶⁵ Шанцевый инструмент— саперный инструмент.

¹⁶⁶ Ольденбургский Август Павел Фридрих (1783—1853)— герцог, наследный принц Ольденбургский, генерал-лейтенант русской армии. С 1811 по 1817 г. ревельский военный губернатор; во время Отечественной войны был прикомандирован к армии и участвовал в сражениях при Бородине и Тарутине.

¹⁶⁷ Глухов— полковник 3-й артиллерийской бригады, командир 1-й батарейной роты. За отличие при Бородине награжден орденом Анны 2-й степени.

¹⁶⁸ Явная неточность: русские войска оставили Семлево 14 августа, а 15-го его заняли французы. Кутузов прибыл к войскам в Царво-Займице 17 августа. Распоряжение Кутузова, подтверждающее назначение начальником арьергарда П. П. Коновницына, датируется 19 августа.

¹⁶⁹ Коновницын Петр Петрович (1764—1822)— граф, генерал от инфантерии. С 1809 г. командовал 3-й пехотной дивизией, охранявшей накануне войны берега Балтийского моря от Полаנגена (Паланги) до Гаапсаля (Хаапсалу). С 1812 г. генерал-лейтенант. Отличился в сражениях под Витебском 14 июля и Смоленском 5 августа. С 16 августа начальник арьергарда 1-й Западной армии, находившегося в постоянных стычках с французами, в частности 23 августа у с. Гряднево и 24 августа при Колоцком монастыре. В Бородинском сражении 26 августа заменил смертельно раненного П. И. Багратиона на посту командующего 2-й армией. С 14 сентября 1812 г. дежурный генерал при М. И. Кутузове. В 1813 г. был назначен командиром гренадерского корпуса. В 1815—1819 гг. военный министр.

¹⁷⁰ Колоцкий мужской монастырь, в 15 км западнее Можайска, был основан в 1413 г. 24 августа 1812 г. под его стенами арьергард Конов-

ницына задержал французскую армию, дав тем самым возможность окончить инженерные работы на Бородинской позиции.

¹⁷¹ Мюрат Иаохим (1767—1815) — маршал Франции с 1804 г., герцог Бергский и Клевский (1806), король Неаполитанский (1808). Сын трактирщика. Муж сестры Наполеона Каролины. Во время похода в Россию командовал кавалерийским корпусом. После бегства Наполеона при Березине Мюрат командовал остатками французской армии. Участвовал в сражениях под Дрезденом и Лейпцигом. В 1814 г. изменил Наполеону. Во время «Ста дней» выступил на его стороне. Расстрелян при попытке отвоевать Неаполитанское королевство.

¹⁷² Виртембергский (Вюртембергский) Евгений, принц Фридрих Евгений Павел Карл (1788—1857) — генерал от инфантерии, дворянский брат Александра I. Участник Отечественной войны 1812 г., писатель. В 1812 г. генерал-майор, командовал 4-й пехотной дивизией, которая во время Бородинской битвы была переброшена на левый фланг для защиты Багратионовых флешей. С конца 1812 г. — генерал-лейтенант, командовал 2-м пехотным корпусом. Отличился в сражениях под Люценом, Бауценом и Дрезденом (1813).

¹⁷³ Толь Карл Федорович (1777—1842) — граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-квартирмейстер 1-й армии, а затем Главной армии. В 1814 г. участвовал в сражении под Бриенном, Фершампенуазом и Парижем.

¹⁷⁴ Бороздин 1-й Михаил Михайлович (1767—1837) — в 1812 г. генерал-лейтенант, командующий 8-м пехотным корпусом; в конце августа временно командовал 2-й Западной армией; в ноябре 1812 г. временно был назначен специальным уполномоченным по приведению в порядок армейского тыла.

¹⁷⁵ Вице-король Итальянский — Богарне Евгений (1781—1824) — сын виконта Александра Богарне и Жозефины, вышедшей впоследствии замуж за Наполеона. В 1804 г. при восшествии Наполеона на престол был назначен государственным канцлером и получил титул принца Французской империи. Принимал самое активное участие почти во всех наполеоновских войнах, в том числе и в русском походе 1812 г. и в кампаниях 1813—1814 гг.

¹⁷⁶ Бистром 1-й Карл Иванович (1770—1838) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. полковник, командир лейб-гвардии Егерского полка, который первым вступил в Бородинское сражение и во время обороны моста через Колочу уничтожил целую дивизию генерала Дельзона. За храбрость получил чин генерал-майора. Отличился также в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Красном, Люцене, Бауцене, Кульме, Лейпциге и под Парижем.

¹⁷⁷ Брандсгуйель — зажигательный снаряд, бомба.

¹⁷⁸ По воспоминаниям М. И. Карпенко, этот приказ был передан через полковника Никитина.

¹⁷⁹ Майор Сибирцев — командир батальона 1-го егерского полка. Был ранен под Гжатском 20 августа 1812 г. и при Бородине, умер от ран. Награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

¹⁸⁰ Имеются сведения о том, что этот приказ был отдан командующим войсками правого фланга М. Б. Барклаем-де-Толли (см.: «Бородино. 1812». М., 1987. С. 112—113).

¹⁸¹ Как указывается в книге «Бородино. 1812», в сражении 26 августа 1812 г. лейб-гвардии Егерский полк «потерял 693 нижних чина и 27 офицеров» (С. 113).

¹⁸² Сеславин Александр Никитич (1780—1858) — герой Отечественной войны 1812 г., партизан. В начале войны — капитан, адъютант М. Б. Барклая-де-Толли. С сентября — командир кавалерийского пар-

тизанского отряда. Первым сообщил о выступлении Наполеона на Калужскую дорогу. В конце войны — полковник, вышел в отставку в чине генерал-майора.

¹⁸³ Офицеры полка: штабе-капитан Юшкович, подпоручики Сиверских 1-й Григорий и Сиверских 2-й Алексей были ранены под Гжатском 20 августа, скончались от ран, полученных в Бородинском сражении; прапорщик Россинский-Кобенко награжден за отличие при Бородине орденом Анны 4-й степени, убит 22 сентября в сражении при Спас-Купле; поручик Коневцев был ранен при Бородине, награжден орденом Анны 4-й степени, за отличия в сражениях конца 1812 и 1813 гг. получил чин штабе-капитана и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

¹⁸⁴ Никитин Алексей Петрович (1777—1858) — в 1812 г. полковник, командир 7-й конноартиллерийской роты, участвовал в сражениях при Бородине, Тарутине, Малом Ярославце; за отличие в сражении при Красном произведен в генерал-майоры.

¹⁸⁵ Ложемент — небольшой стрелковый или отдельный артиллерийский окоп.

¹⁸⁶ В неопубликованных воспоминаниях «Письмо старого воина к товарищам, бывшим в бою на Бородинском поле» (ГИМ, ОПИ, ф. 160, ед. хр. 310, л. 1—4) командир 1-го егерского полка М. И. Карпенко описывает битву следующим образом: «Я состоял в арьергарде с самого дня переправы французов через Неман до битвы при Колоцком монастыре. Выдержав оную под командою генерал-лейтенанта Коновницина, я 24-го числа августа, пополудни в шесть часов, примкнул к Главной армии и занял место на правом фланге оной. 26-го же по повелению главнокомандовавшего князя Кутузова, поутру в четыре часа, снова двинулся с полком, уже в центр, где и поступил под команду генерала от инфантерии Дохтурова. С восхождением солнца неприятельская главная батарея открыла огонь, а дивизия Компана ворвалась в Бородину и опрокинулась на лейб-гвардии Егерский полк, находившийся там с 24-го числа. В сие самое время и мною получено повеление через г-на полковника, ныне генерала от артиллерии Никитина, двинуться с полком вперед на подкрепление лейб-егерей. Изготовившись к отпору сильного неприятеля, я тотчас уведомил командовавшего тогда полком полковника Бистрома и командира стрелковой цепи капитана Раля, чтобы они ускорили отступление через мост; когда ретирада начала приводиться в исполнение, я с тремя колоннами моего полка развернул одну фронтом, приказал всем лечь с намерением показать мою нерешимость на атаку. Французы, не видя со стороны моей никакого препятствия, с барабанным боем устремились на мост и начали быструю переправу; когда же голова 1-й колонны ступила на нашу сторону, я открыл сильный ружейный огонь, после коего, нимало не медля, дабы не дать им времени сомкнуть рядов, я бросился в штыки; тут легли почти все на месте, в числе убитых был один генерал, с коего сняты эполеты и отправлены немедленно к Барклаю-де-Толли. Не успев оправиться, еще менее ожидая столь быстрого нападения, французы показали тыл. Желая воспрепятствовать вторичному покушению на сей важный пункт, я зажег мост, поставил вверенные мне колонны на колени и терпеливо ожидал последствий. Очевидец сего генерал Барклай-де-Толли, изъявляя полку свою благодарность, приказал вручить мне через дежурного штаб-офицера полковника Закревского 50 знаков отличий Военного ордена, предоставляя мне право наградить отличившихся. Около четырех часов пополудни французские колонны устремились снова через речку, уже вброд, и ринулись на занимаемую мною позицию на расстоянии пистолетного выстрела;

встретил я врагов убийственным беглым огнем. Как они, так и мы выдерживали оный с неустрашимой стойкостью около четверти часа. Неприятель снова не торжествовал победы. Урон был велик, и обе стороны, как будто по команде прекратив пальбу, отступили друг от друга. Наименование храброго полка от главнокомандовавшего князя Кутузова служило лестною наградою как офицерам, так и нижним чинам.

Закатилось солнце, и прекратилась битва. Я участвовал везде и следовал повсюду за знаменами нашими — дрался под Дрезденом, Бауценом и видел Париж. Много перенес я трудов, много пережил чудного и невероятного, но не видал ничего подобного битве Бородинской».

¹⁸⁷ Токарев Константин Алексеевич — капитан 1-го егерского полка, за отличие при Бородине награжден орденом Анны 2-й степени; в 1813 г. — майор, был ранен в битве при Бауцене.

¹⁸⁸ Закревский Арсений Андреевич (1783—1865) — граф, генерал от инфантерии, генерал-губернатор Финляндии, впоследствии — Москвы. В 1812 г. в чине подполковника был назначен адъютантом к Барклаю-де-Толли и вскоре произведен в полковники. В Бородинском сражении был ранен.

¹⁸⁹ Имеется в виду М. Б. Барклай-де-Толли.

¹⁹⁰ Ростовчин Федор Васильевич (1763—1826) — граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. главнокомандующий в Москве. Известен своими афишами и объявлениями в августе 1812 г., написанными простонародным языком, в которых опровергались известия об успехах наполеоновской армии. В данном случае имеется в виду афиша, выпущенная накануне Бородинской битвы, 18 августа 1812 г., в которой говорилось: «Ну, дружина московская, пойдем и мы, поведем 100 тысяч молодцов, возьмем Иверскую Божию мать и кончим дело все вместе» («Афиши Ростовчина»: Факсимильное издание. СПб., 1889. С. 35—36). На самом деле на Бородинское поле прибыло 27 тыс. ратников Московского ополчения (*Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 122).

¹⁹¹ Притин (воен.) — место, где стоит часовая.

¹⁹² Княжнин 2-й Борис Яковлевич (1776—1854) — полковник Гренадерского графа Аракчеева полка. За отличие при Бородине награжден орденом Владимира 3-й степени. В 1813 г. генерал-майор, командир Гренадерского графа Аракчеева полка.

¹⁹³ Вольтижеры — название легкой пехоты в различные периоды военной истории. В 1804 г. Наполеон понизил предел наименьшего роста рекрутов, что дало ему возможность значительно увеличить численность армии. Из отборных солдат низкого роста формировались вольтижерные роты и целые части. В 1814 г. в наполеоновской армии насчитывалось 19 вольтижерных полков. Вольтижеры были упразднены в 1868 г.

¹⁹⁴ Людовик II Бурбон, принц Конде (1621—1686), прозванный современниками Великий Конде, и маршал Франции Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь, виконт (1611—1675) — выдающиеся французские полководцы.

¹⁹⁵ Ефремов Иван Ефремович (1774—1843) — генерал-майор, в 1812 г. полковник лейб-гвардии Казачьего полка, с конца августа командовал бригадой Донских казачьих полков, в октябре — отрядом из пяти казачьих полков.

¹⁹⁶ Приказ М. И. Кутузова по армиям об отъезде Барклая-де-Толли датируется 21 сентября, когда главная квартира располагалась в Тарутине. 22 сентября Барклай-де-Толли покинул армию и уехал в свое родовое имение Беклор в Лифляндской губ. (ныне Ийгевесте Эстонской ССР; здесь находится могила Барклая-де-Толли).

¹⁹⁷ Имеется в виду река Дрисса.

¹⁹⁸ Имеется в виду сражение под Витебском 14 июля 1812 г., которое было продолжением сражения при Островно 13 июля.

¹⁹⁹ Кейданы, местечко — ныне г. Кедайнай (Литовская ССР).

²⁰⁰ Тугут Иоанн Амедей Франц де Паула (1734—1818) — австрийский политический деятель. В 1794—1797 и 1798—1801 гг. министр иностранных дел.

²⁰¹ Бертье Луи Александр (1753—1815) — князь и герцог Невшательский, князь Ваграмский, маршал Франции. Бессменный начальник штаба Наполеона с 1800 г. В 1814 г. присягнул Людовику XVIII, оставшись маршалом и прором Франции. Во время «Ста дней» Наполеона покончил жизнь самоубийством.

²⁰² Бессьер Жан Батист (1768—1813) — маршал Франции, герцог Истрийский. В 1812 г. командовал всей гвардией Наполеона, в 1813 г. — гвардейской кавалерией. Убит 19 апреля при Ришшахе, накануне Люценского сражения.

²⁰³ Орнано (Орнани) Филипп Антуан (1784—1863) — маршал Франции, двоюродный брат Наполеона. В 1812 г. дивизионный генерал, начальник авангарда 14-й дивизии.

²⁰⁴ Главная квартира Кутузова была перенесена в д. Леташевку из с. Тарутино 24 сентября.

²⁰⁵ Кудашев Николай Данилович (1784—1813), князь. Был женат на дочери М. И. Кутузова Екатерине. В 1812 г. полковник, командовал партизанским отрядом. В 1813 г. генерал-майор, командовал авангардом корпуса М. И. Платова. В Лейпцигском сражении был смертельно ранен.

²⁰⁶ Лористон Жак Александр Бернар, маркиз де Лоу (1768—1822) — французский генерал и дипломат. В 1811—1812 гг. посол в России. Встреча Лористона с Кутузовым состоялась 23 сентября 1812 г. В 1813 г. Лористон командовал 5-м корпусом; был взят в плен союзниками под Лейпцигом.

²⁰⁷ Имеется в виду гибель А. И. Кутайсова — начальника артиллерии русской армии во время Бородинской битвы (см. наст. изд. с. 48).

²⁰⁸ Встреча М. А. Милорадовича с Мюратом на аванпостах по времени совпала с миссией Лористона. В разговоре с Милорадовичем Мюрат сказал, что лично он желает мира. Милорадович ответил: «Сколько вы желаете мира, столько мы желаем продолжения войны».

²⁰⁹ Речь идет о Тарутинском сражении 6 октября 1812 г., в котором был разбит авангард французской армии под командованием Мюрата. Узнав об этом, Наполеон оставил план вытупления на юг по Новой Калужской дороге и отдал приказ отступать на запад. О значении этого сражения гласит надпись на памятнике в Тарутине: «На сем месте российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

²¹⁰ Васильчиков Илларион Васильевич (1777—1847) — князь, генерал от кавалерии, государственный деятель. В 1812 г. генерал-майор. В начале войны находился во 2-й Западной армии П. И. Багратиона. В Бородинском сражении командовал 12-й пехотной дивизией, был ранен. За отвагу произведен в генерал-лейтенанты. В сражениях под Тарутином и Вязьмой командовал 4-м кавалерийским корпусом. В 1813 г. командовал кавалерией Силезской армии; отличился при Бауцене, Кацбахе и Лейпциге.

²¹¹ Корф Федор Карлович (1774—1823) — барон, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине генерал-майора командовал 2-м резервным кавалерийским корпусом 1-й Западной армии. В Бородинском сражении защищал батарею Раевского. После Бородина получил чин генерал-лейтенанта.

Участвовал во всех сражениях периода отступления французов, особо отличился под Вязьмой. В 1813 г. командовал кавалерийскими соединениями союзных войск.

²¹² Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — генерал-фельдмаршал, князь Варшавский, граф Эриванский. В 1812 г. генерал-майор, начальник 26-й пехотной дивизии. Особенно отличился под Смоленском и Бородином. В 1813—1814 гг. командовал 2-й Гренадерской дивизией.

²¹³ Орлов-Денисов Василий Васильевич (1775—1843) — граф, в 1812 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Казачьего полка и партизанских отрядов. В 1813 г. начальник конвоя Александра I. Особенно отличился в Лейпцигском сражении, произведен в генерал-лейтенанты.

²¹⁴ Долгоруков 2-й Сергей Николаевич (1770—1829) — князь, генерал-лейтенант. В начале октября 1812 г. был прикомандирован к авангарду М. А. Милорадовича. В Тарутинском бою заменил убитого командира 2-го пехотного корпуса К. Ф. Багговута. В ноябре 1812 г. был назначен командиром 8-го пехотного корпуса.

²¹⁵ Как указывает П. А. Жилин, «4 октября в 18 часов армия должна была выступить из Тарутина и на рассвете следующего дня начать наступление на авангард противника», однако этот бой был начат на сутки позднее. «Причиной перенесения наступления русской армии против войск Мюрата с 5 на 6 октября» было полученное Кутузовым от командира партизанского отряда А. Н. Сеславина донесение о приближении крупных сил противника. В день самого сражения 6 октября Кутузов узнал (из перехваченного письма маршала Бертье) о намерении Наполеона оставить Москву. Он понял, что назревают серьезные события, в которых придется выдержать против главной неприятельской армии ряд более крупных сражений. Вот почему, когда генералы просили у него разрешения на преследование отступавшего авангарда противника, он ответил отказом: «Если не умели мы поутру взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то преследование будет бесполезно. Нам нельзя отдаляться от позиции» (*Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России*. М., 1968. С. 227—232).

²¹⁶ Ошибка: имется в виду сражение при Спас-Купле 22 сентября 1812 г.

²¹⁷ Казакень (казакин) — полукафтан с бортами, с прямым воротником, без пуговиц, на крючках.

²¹⁸ Вагенмейстер — унтер-офицер, исправляющий должность фельдфебеля нестроевой роты. Ранее назывался обозным.

²¹⁹ Рейтксехт — нижний чин, назначенный для ухода за офицерскими лошадьми.

²²⁰ Писарев Александр Александрович (1780—1848) — полковник лейб-гвардии Семеновского полка. За отличие при Бородине награжден орденом Анны 2-й степени. Впоследствии военный писатель, генерал-лейтенант, сенатор, член Академии наук, попечитель Московского университета.

²²¹ Кутузов Александр Петрович (1777—1817) — в 1812 г. полковник лейб-гвардии Измайловского полка, командир батальона. Участник Бородинской битвы, сражений при Тарутине, Малоярославце и Красном. В Люденском сражении 1813 г. был тяжело ранен и произведен в генерал-майоры.

²²² Гигея (Гигея) — древнегреческая богиня здоровья.

²²³ В ходе начавшегося 14 октября 1812 г. контрнступления русских войск казачий корпус М. И. Платова, усиленный пехотной дивизией, был направлен вдоль Смоленской дороги в тыл отступающим французам; с юга к Смоленской дороге шел авангард М. А. Милорадовича,

а за ним — главные силы русской армии. 22 октября близ Вязьмы отряды Платова и Милорадовича соединились и в упорном бою нанесли поражение французам, которые потеряли более 6 тыс. убитыми и ранеными и 2,5 тыс. пленными. После этого вместо разбитого корпуса Л. Даву в арьергарде наполеоновской армии шел корпус М. Нея.

В книге Михайловского-Данилевского говорится о том, что Кутузов не смог вовремя узнать о начале Вяземского сражения, поскольку донесение Милорадовича об этом забыли вложить в конверт (см.: *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. 2 изд. 1840. С. 341—342).

²²⁴ Юрковский Анастасий Антонович (родился в 1752 — год смерти не установлен). В 1812 г. генерал-майор, командовал отрядом казаков, авангардом в корпусе М. А. Милорадовича.

²²⁵ Левенштерн 1-й Владимир Иванович (1777—1858) — барон. В 1812 г. майор, старший адъютант Барклая-де-Толли; после отъезда последнего из армии находился при Кутузове, числился по кавалерии. Оставил ценные воспоминания.

²²⁶ Тетдепон (франц. Tête-de-pont) — предмостное укрепление, предназначенное для обороны моста (переправы) через значительную водную преграду.

²²⁷ Греков 1-й Дмитрий Евдокимович (ум. в 1820) — генерал-майор Войска Донского. В 1812 г. формировал «всеобщее Донское ополчение», командовал ополченским Донским казачьим полком в корпусе Платова и бригадой.

²²⁸ Войска Милорадовича, заняв 26 октября Дорогобуж, были повернуты на юг, на соединение с основными силами армии. Преследование войск корпуса Нея по Смоленской дороге поручалось отряду под командованием генерал-майора А. А. Юрковского и казакам А. А. Карпова. Подойдя 28 октября к Соловьевской переправе через Днепр у с. Умолье, отряд русских войск настиг противника и захватил 21 орудие и 1 тыс. пленных (*Жилин П. А.* Указ. соч. С. 252).

²²⁹ Имеется в виду поражение, нанесенное войсками Платова корпусу итальянского вице-короля Евгения Богарне на пути его движения к Духовщине при переправе через р. Воль. Утром 28 октября французы достигли реки, но переправиться не смогли, поскольку единственный мост оказался разрушенным. Теснимые казаками Платова, французы, охваченные паникой, потеряли при переправе почти всю артиллерию (87 орудий), более 2 тыс. убитыми и 3,5 тыс. пленными.

²³⁰ Годунов Борис Федорович (ок. 1552—1605) — русский царь в 1598—1605 гг. При нем были укреплены русские пограничные города, и в частности обнесен в 1596—1602 гг. каменной крепостной стеной Смоленск (зодчий Ф. С. Конь).

²³¹ Горихвостов Александр Захарович — в 1812 г. майор 20-го егерского полка, ранен при Бородине. С января 1813 г. подполковник.

²³² Кайсаров Пансий Сергеевич (1783—1844) — в 1812 г. полковник, в августе — начале сентября исправлял должность дежурного генерала при М. И. Кутузове, затем командовал авангардом в корпусе М. И. Платова. В 1813 г. генерал-майор, командир отряда.

²³³ Константин Павлович (1779—1831) — великий князь, брат Александра I. В начале 1812 г. командовал гвардейским корпусом, с конца года — резервными войсками, с 1814 г. вновь командовал гвардейскими частями.

²³⁴ В своем дневнике Н. Д. Дурново — офицер Главного штаба — записал 14 ноября 1812 г. (Шклов): «Сегодня великий князь Константин прибыл к армии» (Знамя. 1987. № 8. С. 181).

²³⁵ Ожаровский Адам Петрович (1776—1855) — граф, генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-майор, начальник партизанского отряда.

В 1813 г. за отличия в боях при Дрездене, Кульме и Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты.

²³⁶ Домбровский Ян Генрих (1755—1818)—польский генерал, участник восстания Костюшко 1794 г. С 1806 по 1813 г. на французской службе. В 1812 г. командир 17-й пехотной дивизии 5-го корпуса Понятовского, находившейся в Белоруссии. На Березине был ранен. После гибели Понятовского принял командование над остатками польской армии.

²³⁷ Очевидно, М. М. Петров имел в виду старую гвардию Наполеона Бонапарта, бывшую с ним в Египетском походе 1798—1801 гг.

²³⁸ Вейсман фон Вейсенштейн Отто Адольф (ум. в 1773)—генерал русской армии, соратник П. А. Румянцева и А. В. Суворова.

²³⁹ Имеется в виду Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837), генерал-фельдмаршал. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир корпуса. В 1813 г. командующий правым крылом Силезской армии. За отличие при Кацбахе был произведен в генералы от инфантерии.

²⁴⁰ Сердоболь—ныне г. Сортавала Карельской АССР.

²⁴¹ Хеймици, правильное Хемниц—один из первых фабричных городов Саксонии.

²⁴² Правильнее Цвенкау (нем. Zwenkau).

²⁴³ Правильнее Фробург.

²⁴⁴ Энцидорф—имеется в виду деревня Энцидорф.

²⁴⁵ Правильнее Вейсиг.

²⁴⁶ Турчанинов Павел Петрович (ум. в 1839 г.)—генерал. С 1808 г. командир 1-й бригады 22-й дивизии, шеф Олонецкого мушкетерского полка, отличившегося в русско-турецкой войне. В Отечественной войне 1812 г. участвовал в ряде сражений. В походах 1813—1814 гг. командовал пехотой в корпусах Сен-При и Остен-Сакена, затем 22-й пехотной дивизией.

²⁴⁷ Бауценское сражение 8—9 (20—21) мая 1813 г. было выиграно Наполеоном из-за неумелых действий прусских генералов. Французы потеряли в этом сражении 18 тыс. человек, союзники—12 тыс.

²⁴⁸ Дюрок Жерар Кристоф Мишель (1772—1813)—герцог Фриульский, маршал Франции, друг Наполеона. Убит в бою у Вуршена 10(22) мая, на следующий день после Бауценского сражения.

²⁴⁹ Вармбруни—ныне мест. Цеплице-Слёнске-Здруй (Польша).

²⁵⁰ Бриг—ныне г. Бжег (Польша).

²⁵¹ Чичисебей—в Италии в XVI—XVIII вв. так называлось лицо, которое дама выбирала в спутники себе для прогулок; в то время не было принято, чтобы муж сопровождал жену при ее выходах; безухер (нем.)—здесь досмотрщик.

²⁵² Супруга А. И. Остерман-Толстого, урожд. княжна Елизавета Алексеевна Голицына (1778—1835).

²⁵³ Нейе, правильное Нейссе—ныне г. Ныса (Польша).

²⁵⁴ Александра Федоровна (1798—1860)—императрица, жена Николая I (с 1817), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина.

²⁵⁵ Имеется в виду Плесвицкое перемирие.

²⁵⁶ Ландсгут—ныне г. Каменна-Гура (Польша).

²⁵⁷ Глинка Федор Николаевич (1786—1880)—поэт, публицист, декабрист. В 1812—1813 гг. поручик Апшеронского пехотного полка, адъютант М. А. Милорадовича. Автор «Писем русского офицера», изданных в 1815—1816 гг., и «Очерков Бородинского сражения» (1838).

²⁵⁸ Кёнигсн-Грец, Кёнинггрец—ныне г. Градец-Карлове (Чехословакия).

²⁵⁹ Габель—ныне Яблоне (Чехословакия).

²⁶⁰ По-видимому, имеется в виду труд выдающегося ученого, киевского митрополита Евгения Болховитинова (1767—1837) «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», изданный в 1800 г.

²⁶¹ Вернер Абраам Готлиб (1750—1817) — немецкий геолог и минералог.

²⁶² Гиршберг — ныне г. Еленя-Гура (Польша).

²⁶³ Иерусалимский орден Св. Иоанна — древнейший духовно-рыцарский орден, возникший во второй пол. XI в. С 1530 г. получил название Мальтийского ордена. В 1798 г. великим магистром ордена избран Павел I.

²⁶⁴ Аустерлицкий мир — имеется в виду Пресбургский мир 1805 г. между Францией и Австрией, заключенный после разгрома союзников под Аустерлицем 2(14) декабря.

²⁶⁵ Имеется в виду Лейпцигская «битва народов» 4—7 (16—19) октября 1813 г.

²⁶⁶ Лютер Мартин (1483—1546) — деятель Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма (лютеранства), доктор богословия. В 1520 г. публично сжег папскую буллу об отлучении его от церкви. Нашел защиту от преследовавшей его католической церкви у курфюрста Фридриха Саксонского, который укрыл его в замке Вартбург.

²⁶⁷ Карл V (1500—1558) — император «Священной Римской империи» (1519—1556), испанский король Карлос I (1516—1556). Объединил под своей властью обширные владения в Старом и Новом Свете. Ожесточенный противник Реформации. В 1521 г. издал Вормский эдикт против Лютера, объявивший его еретиком.

²⁶⁸ Апарель (аппарель) — полая земляная отсыпь для втаскивания орудий, отлогий спуск в ров укреплений, батарей и заслонов.

²⁶⁹ Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт и мыслитель, выдающийся деятель европейского Просвещения; Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк. Основоположник немецкой литературы Нового времени.

²⁷⁰ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель, пастор в Цюрихе. Автор сборника стихотворений «Швейцарские песни», романа «Понтий Пилат, или Маленькая Библия» и других произведений, носящих главным образом религиозный характер. Пытался установить связь между духовным обликом человека и строением его черепа.

²⁷¹ Лаврентий Стерн — имеется в виду Стерн Лоренс (1713—1768) — английский писатель, крупнейший представитель сентиментализма, юморист. Наибольшую известность получили пародийный роман «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

²⁷² Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий писатель, придворный поэт. С 1772 г. был воспитателем будущего герцога Карла-Августа в Веймаре.

²⁷³ Роланд (ум. в 778 г.) — франкский маркграф. Участник похода Карла Великого в Испанию в 778 г. Герой эпоса «Песнь о Роланде».

²⁷⁴ Святослав I (ум. в 972 г.) — сын князя Игоря, великий князь киевский. Всею жизнь провел в военных походах, укрепивших внешнеполитическое положение Киевского государства.

²⁷⁵ Цимисхий Иоанн I — византийский император (969—976). Известен своими победами над арабами и русским князем Святославом при Доростоле.

²⁷⁶ Чичерони (чичероне) — проводники иностранцев при осмотре местных достопримечательностей, памятников и т. п. Названы по име-

ни Цицерона — величайшего оратора древности (намек на их говорливость).

²⁷⁷ Петр Вальдо (Вальдус) — богатый лионский купец, живший во второй половине XII в. Основатель религиозной секты вальденсов, которая вплоть до XVIII в. подвергалась жесточайшим гонениям со стороны католической церкви. Многие тысячи вальденсов были изуверски замучены.

²⁷⁸ Иоани Гусс — Гус Ян (1371—1415) — национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации. В 1402—1410 гг. ректор Пражского (Карлова) университета. Вдохновитель народного движения в Чехии против немецкого засилья и католической церкви. Осужден церковным собором в Констанце и сожжен.

²⁷⁹ Иероним Пражский — друг и единомышленник Яна Гуса, сожжен на костре в 1416 г.

²⁸⁰ Мунтербауэр — правильно Монтабауэр.

²⁸¹ Рейнский союз состоял из 16 южных и западных немецких государств. Был учрежден в июне 1806 г. Поставлял в армию Наполеона продовольствие и денежные средства.

²⁸² Саксен-Кобургский — по-видимому, герцог Эрнст I (ум. в 1844), генерал прусской армии. Занял свой престол в 1806 г. под условием вступления герцогства Саксен-Кобург-Гота в Рейнский союз.

²⁸³ Панчулидзеv 1-й Иван Давыдович (1759—1815) — генерал-майор. В Отечественную войну 1812 г. командовал бригадой, в которую входили Харьковский и Черниговский драгунские полки; под Бородином возглавлял кавалерийскую дивизию.

²⁸⁴ Имеется в виду г. Фим (Франция).

²⁸⁵ Ростральный, от французского *rostral*, т. е. островерхий.

²⁸⁶ Реймский собор — архитектурный памятник французской готики. Построен в 1211—1311 гг. До 1825 г. в Реймсе короновались французские короли.

²⁸⁷ Фриштик (нем.) — завтрак, закуска.

²⁸⁸ Дева Орлеана — Жанна д'Арк (ок. 1412—1431) — народная героиня Франции. В ходе Столетней войны (1337—1453) возглавила борьбу французского народа против английских захватчиков. В 1429 г. освободила Орлеан. Попала в плен, обвинена церковным судом в ереси и сожжена на костре в Руане.

²⁸⁹ Карл VII (1403—1461) — французский король с 1422 г. из династии Валуа. Коронован в 1429 г. при содействии Жанны д'Арк.

²⁹⁰ Розета — круглое окно.

²⁹¹ Йорк Ганс Давид Людвиг (1756—1828) — граф фон Варгенбург — прусский генерал-лейтенант, командующий I-м корпусом Силезской армии. Впоследствии генерал-фельдмаршал.

²⁹² Рудзевич Александр Яковлевич (1776—1829) — генерал от инфантерии. В 1812 г. командир 22-го егерского полка. В 1813 г. генерал-лейтенант, начальник левого крыла Силезской армии, начальник штаба и авангарда корпуса графа Ланжерона. За отличие в штурме Монмартра был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

²⁹³ Битва при Арсисе на р. Об 20—21 февраля (8—9 марта) 1814 г. Союзные войска под начальством К. Шварценберга одержали победу над армией Наполеона.

²⁹⁴ Мармон Огюст Фредерик Луи, герцог Рагузский (1774—1852) — маршал и пэр Франции, командир 6-го корпуса.

²⁹⁵ Мортье Эдуард Адольф (1768—1835) — маршал Франции, герцог Тревизский. В 1812—1813 гг. командовал молодой гвардией Наполеона. Во время занятия Москвы был назначен ее генерал-губернатором. В марте 1814 г. оборонял Париж и вместе с О. Мармоном подписал акт о его капитуляции.

- ²⁹⁶ Имеется в виду Жерменон, предместье Парижа.
- ²⁹⁷ Самсу, правильное читать — Соммсу.
- ²⁹⁸ Меншиков 1-й Александр Сергеевич (1787—1869) — князь, главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму в 1853—1855 гг. В 1814 г. полковник лейб-гвардии Преображенского полка, флигель-адъютант.
- ²⁹⁹ Лаферти, правильное читать — Ла Фертэ.
- ³⁰⁰ Бистром 2-й Адам Иванович (1770—1828) — в 1812 г. полковник, командир бригады, состоявшей из 1-го и 33-го егерских полков. За отличие под Тарутином и Малоярославцем произведен в генерал-майоры. За отличие на высотах Монмартра получил орден Св. Георгия 3-й степени.
- ³⁰¹ Каждый ищет своей славы (польск.).
- ³⁰² Мори, очевидно, имеется в виду р. Морэ.
- ³⁰³ Лавилетское устье, т. е. аббатство Лавиллетт.
- ³⁰⁴ Фельдмаршал Форверц — солдатское прозвище фельдмаршала Блюхера (от немецкого Vorwärts — вперед).
- ³⁰⁵ Дерфельд Антон — первый капельмейстер русских гвардейских войск, основатель Петербургского филармонического общества. Выходец из Богемии. Отец известного капельмейстера и композитора Антона Антоновича Дерфельда (1810—1869).
- ³⁰⁶ Генрих IV (1553—1610) — французский король с 1589 г., первый из династии Бурбонов. Убит католиком-фанатиком.
- ³⁰⁷ Сен-Клу — в 1814 г. королевский дворец и парк в западном предместье Парижа. В XVII в. брат Людовика XIV герцог Филипп Орлеанский построил здесь дворец на месте монастыря, основанного в XI в. 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) во дворце Сен-Клу состоялись заседания Совета пятисот и Совета старейшин, после которых Наполеон был провозглашен первым консулом. С 1802 г. этот дворец стал главной резиденцией Наполеона.
- ³⁰⁸ Генрих III (1551—1589) — французский король из династии Валуа. Убит монахом — приверженцем Гизов.
- ³⁰⁹ Бонапарт Люциан (Люсьен) — младший брат Наполеона (1775—1840). Один из руководителей переворота 18 брюмера, разогнал Совет пятисот и 19 брюмера объявил об уничтожении Директории и учреждении временного консульства.
- ³¹⁰ Имеется в виду Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт — сын Наполеона.
- ³¹¹ Давид Жак Луи (1748—1825) — французский живописец. С 1804 г. «первый художник» Наполеона, создатель многочисленных парадных портретов.
- ³¹² Мальмезон — увеселительный замок к западу от Парижа. Был куплен в 1798 г. Жозефиной Бонапарт и сделался любимой резиденцией ее мужа. Заключая в себе замечательную коллекцию картин. После смерти Жозефины в 1814 г. коллекция была распродана; лучшие из картин приобретены для Эрмитажа в Петербурге. В Мальмезоне Наполеон подписал вторичное отречение от престола после поражения при Ватерлоо.
- ³¹³ Имеется в виду Шатенэ — южное предместье Парижа.
- ³¹⁴ Храмовые рыцари — орден тамплиеров, упраздненный при папе Клименте V в 1312 г. по настоянию французского короля Филиппа IV Красивого (1268—1314).
- ³¹⁵ Имеется в виду Лувр — королевский дворец в Париже, с 1791 г. художественный музей, богатейшее собрание древнеегипетского, античного и западноевропейского искусства.
- ³¹⁶ Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский естествоиспытатель, почетный член Петербургской Академии наук (1776).

Автор капитального труда «Естественная история» в 36 томах, опубликованного в 1749—1788 гг.

³¹⁷ Имеется в виду Лемуар Александр (1762—1839)— французский археолог, директор учрежденного в 1795 г. Национального французского музея на набережной Августинцев.

³¹⁸ Абельяр Пьер (1079—1142)— французский философ, богослов и поэт. Трагическая любовь Абельяра к племяннице каноника Собора Парижской богоматери Элоизе стала основой сюжета многих литературных произведений. В начале XIX в. на кладбище Пер-Лашез Лемуаром была построена готическая часовня в память Абельяра и Элоизы.

³¹⁹ Пантеон основан Людовиком XV в 1758 г. как церковь Св. Женевиевы. В 1791 г., в эпоху Великой французской революции, церковь была закрыта и объявлена местом захоронения «великих людей» Франции. Туда был перенесен прах Мирабо, Вольтера, Руссо; там был похоронен Марат и другие выдающиеся деятели.

³²⁰ Дом военных инвалидов («Отель инвалидов») — основан Людовиком XIV в 1670 г., был рассчитан на 4 тыс. инвалидов. В пристроенной к нему церкви были похоронены крупнейшие военные деятели Франции — маршалы Тюренн, Вобан и др. При Наполеоне эта традиция была продолжена. В 1840 г. в «Отель инвалидов» был перенесен прах Наполеона. Ныне — Военный музей Парижа.

³²¹ Людовик XVI был гильотинирован 21 января 1793 г. на площади Людовика XV.

³²² Имеется в виду театр на ул. Ришелье, открытый в 1791 г. как Театр свободы и равенства, затем Театр Республики. В 1799 г., после слияния с труппой бывшего Театра нации (до 1789 г. — Французский театр), был назван Французским театром.

³²³ Тальма Франсуа Жозеф (1763—1826) — знаменитый французский актер. Во время Великой французской революции участвовал в создании Театра Республики (1791—1799). Реформатор костюма и грима.

³²⁴ Дюпор (1782—1853) — известный танцовщик. В 1808 г. вместе с актрисой Жорж бежал из Парижа в Петербург, где поставил ряд балетов («Зефир и Флора», «Амур и Психея» и др.).

³²⁵ Пале-Рояль — дворец в Париже. Построен в 1632 г. в качестве резиденции кардинала Ришелье. В детстве в нем жил Людовик XIV, чем и объясняется его название (Королевский дворец). В 1780 г. перешел к герцогу Филиппу Орлеанскому, который застроил сад дворца галереями, где разместились различные лавки. Во время Великой французской революции — политический клуб. В 1807 г. здесь разместились биржа и коммерческий суд. Известен своими ресторанами и увеселительными заведениями.

³²⁶ Версаль — пригород Парижа. Главная резиденция королей в 1682—1789 гг. Крупнейший дворцово-парковый ансамбль. После казни Людовика XVI в 1793 г. имущество дворца было распродано, а королевские коллекции перемещены в Лувр.

³²⁷ Сен-Жермен — пригород на северо-западе Парижа. В XII в. здесь был построен замок. В XVI в. рядом с ним был возведен королевский дворец, который вплоть до завершения Версаля был главной резиденцией Людовика XIV. При Наполеоне в замке располагалась Кавалерийская школа.

³²⁸ Сент-Винцент (Сен-Венсен) — предместье Парижа. С XVI в. до 1785 г. в центральной башне дворца Сен-Венсен находилась тюрьма для государственных преступников, в которую были заточены принц Кондэ и Мирабо. По приговору военного суда 20 марта 1804 г. здесь был расстрелян герцог Энгийенский, обвиненный в государственном заговоре.

³²⁹ Аббатство Св. Дионисия, аббатство Сен-Дени — место захоронения французских королей.

³³⁰ Т. е. звезды Сириус.

³³¹ Конскрипция (франц. conscription) — рекрутский набор.

³³² Очевидно, имеется в виду герцог Мальборо Джон Черчилль (1650—1722) — английский полководец и государственный деятель. Во время войны за Испанское наследство до 1711 г. командовал английской армией, одержал ряд побед, в том числе при Мальплаке.

³³³ Савойский Евгений (1663—1736) — принц, австрийский полководец, генералиссимус (1697). Одержал ряд блестящих побед над французскими, турецкими и франко-баварскими войсками, в том числе в сражении при Мальплаке (1711).

³³⁴ Имеется в виду библиотека кабинета натуральной истории.

³³⁵ Платон (V—IV вв. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

³³⁶ Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый. Учился у Платона в Афинах. В 335 г. основал Ликей. Воспитатель Александра Македонского.

³³⁷ Плиний Старший (23—79) — римский писатель и ученый. Автор энциклопедического труда «Естественная история» в 37 книгах. Плиний Младший (62—114) — римский писатель. Из сочинений сохранились сборник писем в 10 книгах и похвальная речь «Панегирик» императору Траяну.

³³⁸ Боннет (Бонне) Шарль (1720—1793) — швейцарский естествоиспытатель и философ, почетный член Петербургской Академии наук (1764).

³³⁹ Кювье Жорж (1769—1832) — знаменитый французский зоолог, почетный член Петербургской Академии наук.

³⁴⁰ Тюильри — дворец в Париже, построенный в 1564—1570 гг., являлся одной из резиденций французских королей.

³⁴¹ Екатерина Медичи (1519—1589) — французская королева с 1547 г., жена Генриха II.

³⁴² Генрих II (1519—1559) — французский король с 1547 г., из династии Валуа.

³⁴³ Имеется в виду Варфоломеевская ночь — массовая резня гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея) в Париже, организованная Екатериной Медичи и Гизами.

³⁴⁴ Гоф-фурьер — высший придворный служитель, заведовавший дворцовой прислугой.

³⁴⁵ Граф Артуа (1757—1836) — брат Людовика XVIII. С 1824 г. французский король Карл X из династии Бурбонов. Свергнут с престола Июльской революцией 1830 г.

³⁴⁶ Монтеноттская битва — имеется в виду битва при Монтенотто, где генерал Бонапарт впервые был поставлен во главе французской армии (во время войны Франции с Неаполитанским королевством). 29 апреля 1796 г. австрийская армия была разбита французами.

³⁴⁷ Сражение при Ваграме (селение к северо-востоку от Вены) 5—6 (17—18) июля 1809 г., во время франко-австрийской войны, закончилось разгромом австрийской армии эрцгерцога Карла.

³⁴⁸ Массена Андре (1758—1817) — маршал Франции (1804), герцог Риволи (1808), князь Эслингский (1810). Участник наполеоновских войн, командовал армией в Италии, Швейцарии, Португалии, корпусом при Ваграме.

³⁴⁹ Сульт Никола Жан де Дьё (1769—1851) — маршал Франции. В 1808—1814 гг. командовал армией в Испании, Португалии, Южной Франции. В 1814—1815 гг. военный министр у Бурбонов. Во время «Ста

дней» начальник штаба у Наполеона. В 1830—1832 гг. военный министр, затем (до 1847) председатель Совета министров.

³⁵⁰ Ланн Жан (1769—1809) — маршал Франции (1804), герцог Монтебелло (1808). Участник наполеоновских войн. Командовал войсками при Аустерлице, Иссе, в Испании. Смертельно ранен в сражении у Асперна.

³⁵¹ Флашьями — от франц. *Fleche* — стрела.

³⁵² Копебу Август Фридрих Фердинанд (1761—1819) — известный немецкий драматург-романист. Его полное собрание сочинений издано в Лейпциге в 40 томах. Много лет жил в России, где его сочинения пользовались большой популярностью.

³⁵³ Пишегрю — генерал, один из участников раскрытого в январе 1804 г. заговора против Наполеона. После ареста был найден в тюремной камере, удушенный собственным галстуком. Ходили слухи, что он был задушен по приказу Наполеона.

³⁵⁴ Амьенский мирный договор был заключен в 1802 г. в Амьене между Францией и Англией. В мае 1803 г. война вспыхнула вновь.

³⁵⁵ Рафаэль Санти (1483—1520) — знаменитый итальянский живописец и архитектор эпохи Возрождения. Родился в Урбино.

³⁵⁶ Корреджо (наст. фам. Аллегри) Антонио (1489—1533) — знаменитый итальянский живописец эпохи Возрождения.

³⁵⁷ Речь идет о картинах знаменитого фламандского живописца Питера Пауля Рубенса (1577—1640) «Поклонение волхвов» и «Снятие со креста».

³⁵⁸ Ребрюн — ошибочно воспроизведена фамилия французского живописца Шарля Лебрена (1619—1690), основателя Королевской Академии живописи и скульптуры. Имеется в виду серия картин Лебрена «История Александра Македонского» (1660—1668).

³⁵⁹ Граник — река, впадающая в Персидский залив. В 334 г. до н. э. Александр Македонский одержал здесь победу над персидской армией и начал завоевание Персидского царства.

³⁶⁰ Исское сражение (333 г. до н. э.) закончилось еще одной, после битвы при Гранике, победой войск Александра Македонского над армией персидского царя Дария III Кодомана.

³⁶¹ Батый (Бату) (1208—1255) — монгольский хан, внук Чингисхана. Предводитель общемонгольского похода в Восточную и Центральную Европу в 1236—1243 гг. С 1243 г. хан Золотой Орды.

³⁶² Тамерлан (Тимур) (1336—1405) — среднеазиатский полководец, эмир с 1370 г. Создатель государства со столицей в Самарканде. Разгромил Золотую Орду. Совершал грабительские походы в Индию, Иран, Малую Азию, Закавказье и др.

³⁶³ Сципион Африканский Младший (ок. 185—129 до н. э.) — римский полководец. В 146 г. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну.

³⁶⁴ Арбельское сражение 13 октября 331 г. до н. э. (ок. г. Эрбил в Малой Азии) закончилось блестящей победой Александра Македонского над более чем в 10 раз превосходящими войсками Дария Кодомана. Эта победа решила судьбу Персидского монархии.

³⁶⁵ Персеполь — древний иранский город, основанный в конце VI в. до н. э., одна из столиц Ахеменидов. В 330 г. до н. э. был захвачен Александром Македонским, сожжен и брошен.

³⁶⁶ Бахус (лат.), Вахс (Дионис) — в античной мифологии имени бога виноградарства и виноделия.

³⁶⁷ Венера (рим.), Афродита (греч.) — в античной мифологии богиня любви и красоты.

³⁶⁸ Клит — сподвижник и приближенный Александра Македонского. В битве при Гранике спас ему жизнь. В 328 г. был заколот Александром в припадке гнева во время пира.

³⁶⁹ Калисфен (Каллисфен) — древнегреческий философ, родственник Аристотеля, один из приближенных Александра Македонского. Был казнен после раскрытия заговора в Бактрии в 327 г. до н. э.

³⁷⁰ Александр Македонский умер в 323 г. до н. э. в Вавилоне, который он хотел сделать центром своей империи. По одной из легенд он захлебнулся в огромной чаше с вином.

³⁷¹ Эпаминонд (ок. 418—362 до н. э.) — фиванский полководец, вождь демократической группировки. В 470—460 гг. вместе с Пелопидом руководил Беотийским союзом. Одержал победы над спартамцами при Левктрах (371) и Мантиссе (362).

³⁷² Леонид (508—480 до н. э.) — спартанский царь (с 488 г.). В греко-персидских войнах (480) возглавил греческое войско. Погиб у Фермопил в сражении с персидской армией Ксеркса.

³⁷³ Лаокоон — в греческой мифологии жрец Аполлона в Трое. Во время Троянской войны предостерегал от введения в город огромного деревянного коня, оставленного греками («Троянский конь»). Задушен вместе с сыновьями огромными змеями, которых послала богиня Афина, помогавшая грекам. Гибель Лаокоона запечатлена в скульптурной группе родосских мастеров Агесандра, Атенодора и Полидора (ок. 50 до н. э.).

³⁷⁴ Первый Парижский конгресс закончился подписанием Парижского мира 18 (30) мая 1814 г. между Францией и участниками 6-й антинаполеоновской коалиции.

³⁷⁵ В «Новом путеводителе иностранца в Париже» Ф. Н. Маршана (изд. 1818) говорилось, что в «зале Аполлона» Лувра под № 9 значится «Аполлон Пифейский» — так называемый «Аполлон Бельведерский».

³⁷⁶ Венера Медицисова — правильно Венера Медицейская. Эта античная статуя Клеомена (III в. до н. э.) украшала дворец Медичи во Флоренции (галерея Уффици).

³⁷⁷ Имеется в виду Афродита (Венера) Книдская — копия знаменитой скульптуры древнегреческого мастера Праксителя (ок. 390—330 до н. э.).

³⁷⁸ Геркулес Фарнесский — мраморная копия статуи Геракла (Геркулеса) Фарнесского работы древнегреческого скульптора Лисиппа (2-я пол. IV в. до н. э.), придворного художника Александра Македонского.

³⁷⁹ Канова Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, представитель классицизма.

³⁸⁰ Карл Магнус — Карл Великий (742—814) — франкский король с 768 г., император с 800 г.

³⁸¹ Клермонт (правильно Клермон) — название двух французских городов. Здесь имеется в виду город в департаменте Уаза на севере Франции.

³⁸² Речь идет о Георгиевских крестах, учрежденных в 1782 г. Солдатский Георгиевский крест был учрежден в 1807 г.

³⁸³ Кивера с надписями «За отличие» и Георгиевские серебряные трубы с надписью «За храбрость» давались в награду отличившимся подразделениям русской армии.

³⁸⁴ Нарышкин Александр Львович (1760—1826) — обер-гофмаршал, канцлер российских орденов, сопровождал императрицу Елизавету Алексеевну на Венский конгресс.

³⁸⁵ Шишков Александр Семенович (1754—1841) — русский писатель, государственный деятель, президент Российской Академии с 1813 г., адмирал. В 1812—1814 гг. находился при Александре I в качестве государственного секретаря; составлял манифесты, приказы по армиям и рескрипты.

³⁸⁶ За боевые отличия в 1812—1814 гг. шесть егерских полков (1-, 3-, 8-, 14-, 26- и 29-й) были переименованы в гренадерские егерские полки и после войны получили название карабинерных.

³⁸⁷ Поместы — вместимостью, емкостью.

³⁸⁸ Диссиденты (от лат. «несогласные») — инакомыслящие. В католических государствах — верующие христиане, не придерживающиеся господствующего вероисповедания.

³⁸⁹ Николай Павлович (1796—1855) — третий сын императора Павла, великий князь, с 1825 г. император Николай I.

³⁹⁰ Михаил Павлович (1798—1848) — четвертый сын императора Павла, великий князь.

³⁹¹ Ламздорф (Ламбсдорф) Матвей Иванович (Густав Матиас) (1745—1828) — граф (с 1817), генерал от инфантерии, член Государственного совета, воспитатель Николая I.

³⁹² Лафонтен Август Генрих Юлий (1758—1831) — немецкий писатель, автор более 200 романов и повестей, главный представитель sentimentalного семейного романа.

³⁹³ Сильван и Армида — в римской мифологии Сильван — бог лесов, полей, стад, усадеб; Армида — героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» знаменитого итальянского поэта Тассо (1544—1595). Прекрасная Армида увлекает крестоносца Ринальдо на далекий остров, где среди волшебных садов он забыл о цели, которой посвятил себя.

³⁹⁴ Вулкан — в римской мифологии бог огня, покровитель кузнечного ремесла. Соответствовал греческому Гефесту.

³⁹⁵ Фридрих II (1712—1786) — прусский король (с 1740) из династии Гогенцоллернов, выдающийся полководец, прозванный Великим. В результате его завоеваний во время Силезских войн (1740—1745), Семилетней войны (1756—1763) и первого раздела Польши в 1772 г. территория Пруссии почти удвоилась.

³⁹⁶ Драбанты — первоначально телохранители, почетная стража из отборных лиц, пользующихся полным доверием, прообраз гвардии. В Пруссии первый гвардейский корпус был создан в 1692 г.

³⁹⁷ Липовая улица — русский перевод улицы Унтер-ден-Линден.

³⁹⁸ Мессингскими — правильнее Мейсенскими, по названию знаменитого фарфорового завода.

³⁹⁹ Зейдлиц Фридрих Вильгельм (1721—1773), выдающийся прусский полководец.

⁴⁰⁰ Чоглоков Павел Николаевич (1770—1832) — генерал-лейтенант. В 1812 г. шеф Перивозского мушкетерского полка, командовал первой бригадой 11-й пехотной дивизии, сражавшейся при Островно, Смоленске и Бородине. За отличие в сражении при Вязьме награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В 1813 г. назначен начальником 1-й гренадерской дивизии.

⁴⁰¹ Кюстрин — ныне г. Кюстрин (Польша).

⁴⁰² Грауденс — ныне г. Грудзёц (Польша).

⁴⁰³ Морунген — ныне г. Моронг (Польша).

⁴⁰⁴ Бартешиштейн — ныне г. Бартошице (Польша).

⁴⁰⁵ Люневильский мир 1801 г. был заключен между Францией и Австрией после разгрома австрийских войск.

⁴⁰⁶ Сколбать — шить плохо, кое-как.

⁴⁰⁷ Таурогс — ныне г. Тауреге Литовской ССР.

⁴⁰⁸ Шавля — ныне г. Шяуляй Литовской ССР.

⁴⁰⁹ Митава — ныне г. Елгава Латвийской ССР.

⁴¹⁰ Имется в виду религиозно-сословное общество «черноголовых» в Ливонии в XIV—XVI вв. В него входили слуги и низшие чиновники Ливонского ордена.

⁴¹¹ Грейфенбург — ныне Грыфув-Слёпски (Польша).

⁴¹² Муммий Луций — римский консул в 146 г. до н. э. В битве при Левконтре разгромил вооруженные силы Ахейского союза. По приказу

Сзната разрушил Коринф и перевез в Рим бóльшую часть произведений искусства.

⁴¹³ Зент — изобилующий притчами, изречениями.

⁴¹⁴ Ландрат — провинциальный советник (нем.).

⁴¹⁵ Бургомистр — глава городского самоуправления.

⁴¹⁶ Шульц — сельский староста (нем.).

⁴¹⁷ Корошые чиновники — чиновники, назначаемые правительством (в государствах с монархической формой правления).

⁴¹⁸ Альтман — старейшина (нем.), правильное — альдерман.

⁴¹⁹ Лытайство — от слова «лытать» (местн. наречие) — уклоняться от дела, бегать от работы, шататься без дела, проводить время праздно вне дома.

⁴²⁰ Казимир, камелот (камлот) — виды шерстяных тканей.

⁴²¹ Ратгауз (нем.) — ратуша, городская дума.

⁴²² Гарусный — вид плотной ткани.

⁴²³ Коносемент (франц.) — накладная.

⁴²⁴ Польдекок — Кок Поль Шарль (1793 — 1871) — французский писатель, популярный романист, автор более 400 произведений. Его имя стало нарицательным для обозначения фривольной литературы.

⁴²⁵ Руссо Жан Жак (1712 — 1778) — французский философ и писатель, представитель сентиментализма.

⁴²⁶ Дидрот — Дидро Дени (1713 — 1784) — французский философ-материалист, писатель, просветитель.

⁴²⁷ Юлия — имеется в виду роман в письмах «Юлия, или Новая Элоиза» Жан Жака Руссо (1761).

⁴²⁸ Палицын Александр Александрович (нач. 1750-х — 1816) — литературный деятель, почетный член Харьковского университета. Известен главным образом переводами европейского классика. В его переводе был издан роман Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза» (СПб., 1803 — 1804; 2 изд. М., 1820 — 1821).

⁴²⁹ Пильновать — подстерегать.

⁴³⁰ Тит Флавий Веспасиан (39 — 81) — римский император с 79 г., из династии Флавиев, сын Веспасиана. Во время Иудейской войны взял и разрушил Иерусалим (70 г.).

⁴³¹ Адриан Публий Элий (76 — 138) — римский император со 117 г., из династии Антонинов.

⁴³² Саладин — Саладин, Салах-ад-дин (1138 — 1193) — основатель династии Айюбидов, правитель Египта с 1171 г. Вел успешную борьбу против крестоносцев. Во время третьего крестового похода (1187 — 1192) разгромил Иерусалим и затем вынудил Ричарда Львиное Сердце отказаться от завоевания Иерусалима и уехать в Европу.

⁴³³ Тридцатилетняя война (1618 — 1648) между габсбургским блоком (испанские и австрийские Габсбурги, католические князья Германии и Польско-Литовского государства) и антигабсбургской коалицией (Франция, Швеция, Голландия, Дания, Россия, Англия) за религиозное и политическое господство над всем «христианским миром».

⁴³⁴ Имеется в виду Декреталий 496 г. — свод правил богослужения в церкви, утвердивший тайну исповеди.

⁴³⁵ Непохлобный — здесь неподкупный.

⁴³⁶ Феод — в странах Западной Европы в средние века земельное владение или фиксированный доход (в деньгах или натуре), пожалованное сюзереном своему вассалу; бенефиций — в эпоху раннего средневековья в Западной Европе пожалование (обычно земельное) за выполнение военной или административной службы; анлодии (правильно — аллод) — у германских племен в раннефеодальных государствах свободно отчуждаемая индивидуально-семейная земельная собственность.

⁴³⁷ Медиатор — посредник.

⁴³⁸ Крейц-герихт (нем.) — совестный суд.

⁴³⁹ Аспазия (Аспасия) — гетера в Афинах (V в. до н. э.). Отличалась умом, образованностью и красотой. В ее доме собирались художники, философы, поэты. С 445 г. жена стратега Перикла.

⁴⁴⁰ Гесиод — древнегреческий поэт (VIII—VII вв. до н.э.). Автор этической поэмы «Труды и дни» и поэмы «Теогония», в которой рационалистически систематизированы греческие мифы.

⁴⁴¹ Лазарони (от итал. лаццарони) — нищие, боясь; деклассированные люмпен-пролетарские элементы в Южной Италии.

⁴⁴² Наплекий — пестрокрылый.

⁴⁴³ Церера — в римской мифологии богиня земледелия и плодородия. Соответствует греческой Деметре.

Вступление к воспоминаниям И. Р. Дрейлинга «Воспоминания участника войны...»

Иоганн Рейнгольд (Иван Романович) фон Дрейлинг (3 января 1793—после 1869)—дворянин Курляндской губ. 11 декабря 1808 г. вступил на службу юнкером в Малороссийский кирасирский полк, 1 марта 1810 г. произведен в эскадрон-юнкера, 8 мая 1811 г.—в корнеты. Вместе с полком, входившим в состав 2-й кирасирской дивизии (командир И. М. Дука) 8-го пехотного корпуса М. М. Бороздина, состоявшего во 2-й Западной армии П. И. Багратиона, участвовал в Отечественной войне 1812 г. В Бородинской битве был ординарцем при М. И. Кутузове. За оказанную храбрость в сражениях при Шевардине 24 августа и Бородине 26 августа 1812 г. был награжден орденом Анны 4-й степени (ЦГВИА СССР, ф. 103, оп. 208, св. 21, ед. хр. 46, л. 187). В официальных документах о награждении И. Р. Дрейлинг упомянут среди лиц, которые «во время сражения с неприятелем развозили приказания главнокомандующего армиями и исполняли возлагаемые на них поручения в сильном огне с отменным мужеством» (*Никольский В. П.* Подвиги и отличия во время Бородинского сражения 24—26 августа 1812 г. // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 191, л. 80). Дрейлинг отличился в сражениях под Тарутином 6 октября, Малоярославцем 12 октября, Вязмой 22 октября и Красным 3—6 ноября 1812 г., был награжден орденом Владимира 4-й степени. 26 января 1813 г. он был произведен в поручики, а 22 февраля—в штабс-ротмистры. Принимал участие в заграничных походах. 21 апреля 1813 г. за отличие в сражении под Люценом произведен в ротмистры. Летом 1813 г. Дрейлинг был прикомандирован «для исправления адъютантской должности» к генералу Тильману—бывшему коменданту саксонской крепости Торгау, перешедшему в апреле 1813 г. на русскую службу, и в составе его отряда участвовал в Дрезденском сражении 14—15 августа, в стычках на территории Саксонии под Вейсенфельсом (31 августа (12 сентября)), Мерзебургом (6 (18) сентября), Фрейбургом (7 (19) сентября), Альтенбургом (12 и 16 (24 и 28) сентября), Наумбургом (28 сентября (10 октября)), в Лейпцигской битве (4—7 (16—19) октября), а затем в преследовании неприятеля (стычка под Веймаром 11 (23) октября). За проявленную храбрость был награжден орденом Анны 2-й степени (29 октября 1813 г.). Дрейлинг участвовал в кампании 1814 г. в составе

Северной армии союзников, в том числе в сражении 19 (31) марта 1814 г. при Куртре (Бельгия).

В связи с переходом генерала Тильмана на службу к прусскому королю Дрейлинг 29 мая 1815 г. был назначен плац-адъютантом в Главный штаб; по возвращении в Россию 25 февраля 1816 г. переведен в Стародубовский кирасирский полк, а 11 апреля 1819 г.—в Новгородский кирасирский полк с производством в чин майора. 20 марта 1824 г. он был уволен с военной службы, в 1825 г. причислен к Департаменту уделов. Дрейлинг дослужился до чина тайного советника (1859 г.), был членом совета при министре внутренних дел, а 27 июля 1869 г. уволен в отставку (из аттестата И. Р. Дрейлинга 1869 г. // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 269, л. 38—41).

«Воспоминания участника войны 12-го года И. Р. фон Дрейлинга» поступили в Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года в связи с подготовкой празднования столетия Отечественной войны и представляют собой рукопись начала XX в.—очевидно, перевод с немецкого, что следует из сохранившихся в ряде мест текста немецких слов в скобках. Можно предположить, что эта рукопись поступила от Л. П. фон Дрейлинг, передавшей в 1912 г. в Особый комитет фотографии с миниатюры И. Р. Дрейлинга (см. Инвентарную книгу поступлений в Музей 1812 года // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 55, л. 203). Тогда же или позднее в Особом комитете оказался и сам миниатюрный портрет И. Р. Дрейлинга в офицерской форме, датированный апрелем 1814 г. и ныне опубликованный (*Селшова Т. А.* Миниатюрные портреты участников Отечественной войны 1812—1814 гг. в собрании ГИМ // Музей. 5. Художественные собрания СССР. М., 1984. С. 198—199). В 1921 г. вместе с коллекцией документальных материалов Музея 1812 года рукопись воспоминаний поступила в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея.

Воспоминания И. Р. Дрейлинга, написанные в 1820 г., охватывают период начиная с детских лет (кон. XVIII в.) до 1819 г. и представляют собой записки офицера-кавалериста. Рассказывая о поступлении в Малороссийский кирасирский полк, Дрейлинг кратко, но образно характеризует не только полкового командира, но и командира 3-й пехотной дивизии П. П. Коновницына и командующего 2-й Западной армией П. И. Багратиона. Воспоминания И. Р. Дрейлинга дают представление о военном быте начала XIX в. и трудностях службы нижних чинов и младших офицеров (отметим описание лагеря под Ошмянами, где находился полк в августе—сентябре 1810 г., и рассказ о 700-верстном переходе весной 1811 г. из Белостокской в Киевскую губернию); о подготовке России к войне, о стратегическом развертывании русских войск, о военной дисциплине и настроениях русского офицерства накануне войны.

По стилю, манере изложения в изображении боевых действий «Воспоминания» И. Р. Дрейлинга близки к «Запискам генерала В. И. Левенштерна» (Русская старина. 1900. № 8—12; 1901.

№ 1—8, 11, 12; 1902. № 7), хотя и значительно уступают им по объему. Несомненную ценность представляют страницы воспоминаний Дрейлинга, посвященные знаменитому фланговому марш-маневру 2-й Западной армии П. И. Багратиона в начальный период войны, сражениям при Мире (27 июня) и Салтановке (11 июля), так как воспоминаний о военных действиях 2-й Западной армии, в отличие от 1-й, сохранилось относительно немного. Глазами очевидца дано описание Смоленского сражения 4—6 августа 1812 г. В воспоминаниях Дрейлинга отразились недовольствие и ропот в армии по поводу отступления, которое так кратко и хорошо выразил А. П. Ермолов в своих записках: «Всех тяготило бесконечное отступление, и общее было желание решительного боя» (Записки генерала Ермолова в Отечественную войну 1812 года // Русская старина. 1912. № 8. С. 61).

Особенно ярко в воспоминаниях И. Р. Дрейлинга описана Бородинская битва, начиная со сражения при Шевардине 24 августа и до позднего вечера сражения при Бородине 26 августа 1812 г.

Как указывал М. И. Кутузов, в бою за Шевардинский редут «особенно отличилась» 2-я кирасирская дивизия, сражавшаяся даже в темноте с неприятелем: «...кирасирские полки 2-й дивизии — Екатеринославской, Орденской, Глуховской и Малороссийской — быстрою атакою довершили его поражение. При сем взято нами 8 пушек, из коих 3, быв подбиты, оставлены на месте сражения» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 144—145, 161—162). Рассказ Дрейлинга о подвигах русских кирасир при Шевардине дополняет известные воспоминания А. И. Горчакова, возглавлявшего оборону Шевардинского редута (*Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках... Вильна, 1900. Вып. 1, С. 196—198); ординарца Багратиона Н. Б. Голицына (Бумаги Щукина. Т. III. М., 1898. С. 7—9), М. С. Воронцова, в указанный период начальника 2-й сводно-гренадерской дивизии, отличившейся при защите редута (*Харкевич В. И.* Указ. соч. С. 200—204). Следует отметить, что в ОПИ ГИМ, в фонде Уваровых, хранится письмо Сергею Семеновичу Уварову (будущему министру народного просвещения) от брата Федора Семеновича, подполковника Екатеринославского полка 1-й кирасирской дивизии, сражавшейся в Бородинской битве рядом со 2-й кирасирской. В этой битве Федор Уваров, как указано в его аттестате, был «ранен в правую руку пикою, а в шею получил картечную контузию и за отличие награжден полковничьим чином». Он участвовал также в сражениях при Тарутине, Малоярославце, Вязьме, Красном и 21 декабря 1812 г. был награжден орденом Владимира 4-й степени, а за отличия в кампаниях 1813—1814 гг. был назначен (6 марта 1814 г.) командиром Екатеринославского полка. Впоследствии он дослужился до чина генерал-майора, в 1826 г. вышел в отставку, умер в 1845 г.

Письмо не датировано, но по содержанию может быть отнесено к концу августа—началу сентября 1812 г. Вот текст этого документа, публикуемого впервые:

«Любезный друг!

Давно! давно! уже не имею никакого известия от тебя: с самого отъезда твоего из Вильны ни разу ты мне не писал. Легко можешь поверить, что я чувствую и переношу: мои все разбрелись по углам, и матушка, которую я полагал в Петербурге, живет теперь в Орле у кн. Куракина и не имеет никакого известия обо мне, писала к самому Светлейшему: ты знаешь ее ажитации, впрочем в нынешнее время весьма простительно.

Верно, ты уже слышал про вторую дивизию кирасир: ей, ей, полки славные, а дружины молодецкие. Будучи уверен в непременимости твоей дружбы ко мне, скажу тебе про себя и про свои военные действия. 24-го числа прошедшего месяца неприятель сделал сильное нападение на левой фланг нашей армии, которая уже стояла в позиции под Бородином. Наша дивизия была туда послана, и храбрые и мужественные атаки наших кирасир, поддержанные 2-й гренадерской дивизиею, принудили неприятеля отступить. Я в сем деле командовал двумя эскадронами и был послан первой в атаку; 26-го полковник Волков получил контузию, я командовал уже полком и был довольно счастлив заслужить хорошее мнение моих начальников. Дохтуров, у которого я очутился под командою, не знал меня; на другой день спросил и говорил обо мне с теми соображениями, которые могут быть лестны для молодого человека, который желает исполнить свой долг. Представлен я в полковники и к Владимиру 4-му; не то время теперь думать об своем будущем; однако, потеряв все имение, чин лучше всего иметь, ибо начальство над полком тогда уже не уйдет. Дай Бог, чтоб конец увенчал и вознаградил нас [...] Прощай, любезной друг: не забывай меня и напиши хотя одно слово. Преданный друг

Ф. Уваров

Кирасиры, по желанию Светлейшего, стоят по квартирам, и можешь себе вообразить, что это для меня довольно приятно».

ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 67, л. 1—2.

Впечатляет рассказ И. Р. Дрейлинга о начале сражения 26 августа, перекликающийся с другими памятниками русской мемуаристики; о руководстве войсками М. И. Кутузовым, о смертельном ранении П. И. Багратиона, к которому Дрейлинг дважды посылался как ординарец с приказами от главнокомандующего. Описание действий 2-й кирасирской дивизии, отличившейся в борьбе за защиту Багратионовых флешей (при поддержке пехоты кирасиры врубались в ряды французских войск и несколько раз выбивали неприятеля из флешей), подтверждается воспоминаниями других участников сражения на левом фланге русских войск. Так, например, Н. И. Андреев, офицер 27-пехотной дивизии Д. П. Неверовского, прославившейся при защите флешей, писал: «Два кирасирские полка, Новороссийской и Малороссийской [...] пошли

на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их ни валила, но, хотя половиною силы, они достигли цели, и батарея была их» (Русский архив. 1879. № 10. С. 193; см. также: *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968. С. 130—133).

Образная, запоминающаяся картина окончания «одной из самых кровавых битв, какие только знает история», данная И. Р. Дрейлингом, перекликается с многочисленными воспоминаниями о Бородинской битве, в частности А. Б. Голицына (в 1812 г. он, подобно Дрейлингу, был ординарцем М. И. Кутузова), М. М. Евреинова, С. И. Маевского и др.*

В воспоминаниях Дрейлинга обращает на себя внимание описание самого драматического акта войны 1812 г. — оставления Москвы русской армией, состояния жителей города. Кратко, но образно описано сражение при Малоярославце, где Дрейлинг, находясь при дежурном генерале П. П. Коновницыне в самом центре сражения, видел, как «среди пылающих зданий и дымящихся развалин битва продолжалась до полуночи», а также под Вязьмой и Красным. Как сообщал в своем рапорте Александру I М. И. Кутузов 5 ноября 1812 г., «2-я кирасирская дивизия и Ревельский пехотный полк при вступлении неприятеля в Красное положили целые колонны на месте» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 308).

Из воспоминаний И. Р. Дрейлинга о зарубежных походах примечателен рассказ о действиях в тылу наполеоновских войск в Саксонии осенью 1813 г. «летучего отряда» генерала Тильмана, который расстраивал коммуникации наполеоновской армии и нападал на отдельные ее соединения. Этот эпизод кампании 1813 г. вкратце отражен лишь в «Записках о походе 1813 года» А. И. Михайловского-Данилевского (СПб., 1834. С. 334—335). Интересно содержащееся в воспоминаниях описание сражения при Куртре (в Бельгии) 19 (31) марта 1814 г. Наряду с характеристикой крупнейших сражений Отечественной войны 1812 г. и походов 1813—1814 гг., описанием боевых действий русской кавалерии воспоминания И. Р. Дрейлинга дают представление о быте и нравах как русского офицерства, так и жителей тех стран, через которые проходил Дрейлинг, — Польши, Германии и Франции. Следует отметить описание Парижа, где автор мемуаров находился в течение трех недель в мае 1814 г., немецких городов Аахена, Кобленца, Кельна, замка Эребренштейн, а также достопримечательностей Вены, где состоялся Венский конгресс 1815 г.

* См.: *Голицын А. Б.* Из воспоминаний // *Военский К.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. С. 67—69; *Еврейшов М. М.* Память о 1812 годе // *Русский архив.* 1874. Кн. 1. С. 97—110; *Маевский С. И.* Мой век, или История генерала С. И. Маевского // *Русская старина.* 1873. № 8. С. 136—141, а также публикуемые в настоящем сборнике воспоминания Мешетича и Петрова.

И. Р. Дрейлинг
Воспоминания
участника войны 1812 года.
1820 г.

(Перевод с немецкого)

О той первой эпохе нашей жизни, которая проходит в беспомощном детстве под руководством нежных родителей и которая не оставляет в нас никаких воспоминаний, мы знаем только по рассказам.

1793 года 3 января в Риге волею Провидения суждено мне было узреть свет, а 16-го я был крещен по лютеранскому обряду пастором Кернгофом в церкви Иисуса и наречен Иоганн Рейнгольд. Так как я был первенцем наискратливейшего брачного союза, то ранняя моя юность протекла под защитой любящих родителей, и так до 6-летнего возраста, когда я впервые и так рано уже узнал горе первой разлуки. Мой отец, получивший место надзирателя водного сообщения на Двине, переехал в имение Штокмансгоф¹, в 107 верстах от Риги, из которого он управлял всем округом. Чтобы не лишать меня учения, состоявшего в уроках немецкого и латинского языков, которые мне давал дядя, помощник директора Пгелут, пришлось оставить меня в Риге. Меня поместили на хлеба к Беренсу, который был в то время учителем в Гертрудинской школе; там я пробыл год. Потом, после того как я провел несколько месяцев дома, меня поместили в 1803 году к моей тетке Менк. Всем, что способствовало моему развитию в этот период моей юности, я обязан нежной заботливости этой благородной женщины; в течение четырех лет я пользовался ее добротой и вниманием. Учился я после кончины моего дяди в Соборной школе (Dom Schule), а частные уроки мне давал дедушка с материнской стороны Менде да еще Беренс. По истечении этого времени меня отдали в Якобштадт², в Курляндии, за 14 верст от Штокмансгофа, в местную школу, которая тогда пользовалась отличной репутацией [...] Моими тогдашними товарищами по школе были:

Иоганн Шульц³, Краних, Эмилий фон Бушен, Польд фон Смолиан, Эйхлер, фон Шлиппенбах и Шене фон Шенберг — все они занимают теперь высшие военные и гражданские посты. Наши игры и развлечения, наши частые прогулки пешком в Двиниславу — местечко в Штокмансгофском округе, где жил мой отец, — и тысяча подобных воспоминаний встают при этих именах из той счастливой поры юности с ее золотыми цветами, с ее необманутыми надеждами!

Многим, очень многим я обязан достойным наставникам — Гизениусу, Ламбергу, Золбергу, Фридеричи, которые были не педагогами-педантами, а истинными друзьями вверенной им молодежи. В сентябре 1808 года мое учение закончилось. С лучшими аттестациями и пожеланиями всякого благополучия отпустили меня мои наставники.

Теперь я должен был вступить в то звание и на тот путь, куда меня влекло мое стремление к серьезной и суровой жизни, а именно на военную службу. С этой целью отец мой, захватив все необходимые свидетельства о дворянстве, обратился к генерал-майору Дуке⁴, который тогда был шефом Малороссийского кирасирского полка в имении Иксуль⁵.

Пока он занялся отправкой моего прошения о принятии в полк к вел. князю Константину, инспектору кавалерии, мы с отцом вернулись домой. За это время я после некоторой подготовки у пастора Линига был им подтвержден и удостоился первого причащения Св. Тайн вместе с моими дорогими родителями.

11 декабря 1808 года от вел. князя Константина пришло утверждение в моем приеме юнкером в Малороссийский полк. Все то, что только могла дать материнская забота и любовь, все было ею уже заранее предназначено для последнего приданого из родного дома. Богатым оно не могло быть, так как мое военное звание мне не разрешало ничего лишнего. Ограниченные средства моего отца не позволяли ему снабдить меня наличными деньгами в такой сумме, как бы это ему хотелось; он мог мне дать всего 15 рублей. Мои старушки тетки одарили меня после долгого прощания деньгами по мере своих сил, так что в моей кассе оказалось около 100 рублей.

Так покинул я 14 декабря 1808 года дорогой, мирный отчий дом со всеми милыми мне обитателями, вещами — свидетелями и товарищами счастливой юности, чтобы вступить на суровый путь самостоятельной жизни в чуждом и враждебном мне мире. Юношеское мужество одержало победу над горем разлуки, когда я отрывался от сердца нежной матери, доброй тети Вавочки (Vavchen)

и моих сестер, которые провожали меня, своего любимчика, в слезах и отчаянии. Мой отец сам сопровождал меня в имение Иксуль в полковой штаб, который в то время выступил для эскортирования прусского короля, следовавшего в Петербург. Здесь я должен был расстаться с дорогим отцом, который вернулся домой. До возвращения полка я по приказу генерала Дуки оставался в его квартире. Когда в январе 1809 вернулся полк, меня прикомандировали к лейб-эскадрону, которым командовал ротмистр Григорий Дмитриевич Синадино⁶; стоял эскадрон недалеко от имения, в ближайших постоянных дворах. Сейчас же занялись моей экипировкой и дали мне предназначенную хорошенькую гнедую лошаду Юнака.

1809 г[од]

Потом полк отправился на зимние квартиры в Литву, в городок Бирзен⁷. С грустью расстался я здесь еще с некоторыми вещами, которые мне дали мои родители, заботившиеся о моем удобстве, и ограничился только тем, что можно было уложить в чемодан-вьюк на лошади и мой небольшой дорожный мешок, который ротмистр взял в свой экипаж. 6 февраля мы выступили, близ Иксуля перешли Двину, Балдонау⁸ и через семь дней пришли в Бирзен. Как ни мал был этот переход, все же он для меня, непривычного к тяжести вооружения и постоянному пребыванию на лошади, да еще в суровую зимнюю пору, был связан со многими трудностями, и я обрадовался, когда мы достигли цели нашего похода. Наш эскадрон расквартировали около городка Воболайки⁹, в 21 версте от Бирзена. У местных зажиточных крестьян солдатам было очень хорошо стоять. Но меня мучила неодолимая скука, потому что, кроме изучения службы и езды верхом, у меня не было ни малейшего развлечения, за исключением постоянного общества кирасир и моего старшего унтер-офицера Ильенки, который учил меня службе. К тому же я был вынужден в течение семи недель поститься вместе со всеми, так как я у своего хозяина не мог получить ничего, кроме обычной крестьянской пищи.

По воскресеньям я обыкновенно отправлялся верхом к ротмистру в Воболайки, от которых наш отряд стоял в нескольких верстах. На этих квартирах мы оставались до конца апреля, потом полк двинули опять в Ригу, и нашему эскадрону пришлось стать в Московском

предместье; эта перемена была для меня, конечно, очень желательна. Мои родители были осведомлены об этом и порадовали меня своим приездом из Штокмансгофа; радость свидания, хотя и после недавней разлуки, была так же велика, как и горе скорого с ними расставания. Ах как охотно последовал бы я за ними!

В это время в полку почти ежедневно производили учение на эспланаде, и служба редко позволяла мне навещать город и моих родных; к тому же я был такой усердный служака, что сам проявлял мало охоты к этим посещениям [...].

15 июля мы пошли на подножный корм во дворики Шварценгоф, в семи верстах от Риги; отсюда генерал, согласно своему обещанию, дал мне отпуск домой на четыре недели [...].

Быстро и радостно прошло время моего отпуска. 6 июня я с тяжелым сердцем и с полными слез глазами расставался с милыми мне близкими; с грустью покидал я дорогие мне места, которые я посетил, может быть, в последний раз. Наш эскадрон я застал по ту сторону Двины, в Зунде, в так называемых полковых дворах. Все это время до поздней осени я нес очень тяжелую службу.

В ноябре мы получили приказ выступить в Польшу. Впервые мне пришлось покинуть родину; уж одна мысль об этом пробуждала во мне грустные чувства. Ах как охотно полетел бы я еще раз к своим, чтобы обменяться с ними прощальным поцелуем, но отлучиться не было никакой возможности. При прощании со мной мои добрые старые тетки и дяди вместе с благословением и добрыми пожеланиями снабдили меня в дорогу небольшими деньгами; своих у меня было рублей восемь, так что мой наличный капитал вырос приблизительно рублей в 140.

14 ноября 1809 года полк собрался на эспланаде (платце) и затем выступил парадом через весь город и перешел Двину. Целью нашего похода был городок Зельва в Гродненской губ. После шестинедельного перехода, связанного благодаря позднему времени года с различными трудностями, мы наконец достигли цели.

1810 [год]

Наш эскадрон расквартировали в 28 верстах от Зельвы, в уездном городишке Пески.

Отдавая должное моему постоянному и неуспешному усердию по службе, ротмистр представил меня в шта-

ндарт-юнкера. В феврале 1810 года я был утвержден в этом чине и принес присягу у штабданта. Охота и склонность к военному званию вскоре выработали из меня отличного служаку и великолепного наездника; поэтому меня чаще других назначали на такую службу, для которой требовался человек надежный и знающий свое дело. Отряд, в котором я находился, принадлежал к эскадронному штабу, благодаря чему я пользовался приятной возможностью всегда находиться при ротмистре, любившем меня не только за мое усердие к службе, но вообще относившемся ко мне хорошо как к человеку. Я у него бывал постоянно целыми днями. Позже, когда к нему из России приехала его жена, она меня также очень полюбила. Таким образом, я проводил время очень приятно.

В первый день Пасхи мы опять выступили по направлению к Вильне. Полковой штаб попал в город Ивия¹⁰, наш эскадрон — в деревню Баксте. Здесь оставались мы в течение месяца, а затем отправились в Ошмяны, в шести милях от Вильны. Наш эскадрон попал в деревню Островцы, где мы простояли до времени наступления подножного корма; тогда нас перевели во двор Богнаполе. Когда срок подножного корма кончился, полк стянули в Ошмянах, а затем стали лагерем под городом. Вот тут-то я по-настоящему почувствовал всю тяжесть моего звания и низкого чина. Здесь я ничем не отличался от любого кирасира, и моих сил едва хватило на то, чтобы перенести все эти трудности. Нечего было надеяться на помощь какого-нибудь солдата, всякую работу мне приходилось исполнять самому. Ежедневные строевые учения с утра до вечера, еженедельные смотры, частые караулы, уборка лошади, чистка сбруи и амуниции, ежедневно употреблявшихся и ежедневно пачкавшихся, — все это да еще ответственность по службе требовали невероятных сил и выносливости.

Целый день мы не снимали мундиров. Ночью в палатке, при свете, нужно было готовить все к следующему дню; четыре, самое большее — пять часов удавалось выгодать для сна, а тут еще ночные сентябрьские морозы и скудная солдатская пища! Здесь мне пришлось самому и белье стирать в ближайшей речке. Шесть недель терпели мы эти мученья, наконец, после того как граф Пален и наш дивизионный командир генерал-лейтенант Коновницын сделали нам смотр, мы 20 сентября выступили из лагеря на наши прежние квартиры в деревню Баксте. До

ноября мы простояли спокойно, потом вдруг получили приказ выступить в Киевскую губ., но должны были в ожидании дальнейших приказаний простоять два месяца в городке Янове¹¹. Наш эскадрон попал в местечко Мотыли; здесь мы провели Рождество и встретили Новый 1811 год [...].

1811 [год]

После двухмесячного пребывания в этом местечке мы наконец отправились в Киевскую губ. До места назначения нашего полка, уездного города Богуслава, нам предстоял путь в 700 верст. В этот долгий переход в самое неблагоприятное время года (март и апрель), в холод и слякоть, мы, штандарт-юнкера полкового штаба, должны были идти со штандартом. Это время было для меня самое трудное из всего времени служения в унтер-офицерском чине. Мы должны были сами все доставать себе, сами все чистить; в эскадроне же все это обыкновенно производится с помощью кирасира. После долгого дневного перехода в плохую погоду дойдешь наконец на жалкую квартиру — и вот приходится самому мыть и чистить лошадь, самому принести фураж, иногда за версту, в грязи, ночью несколько раз посмотреть лошадей, которые могут подрасться, подложить им сена, ранним утром опять их убраться, напоить, опять вычистить и оседлать к походу.

Все это было сопряжено с несказанными трудностями, а строгость нашего генерала была нам хорошо известна, и что он не знал снисхождения — тоже. Моим ассистентом в лейб-эскадроне был юнкер Менш, он-то и сменял меня при штандарте. Были еще другие штандарт-юнкера: Иогансон, Меркулов, Макаренко, Татаринев, Кошевой, Шаталов¹². Большинство из них были годами, а также и по службе гораздо старше меня; некоторые были юнкерами уже лет шесть-семь. И все-таки генерал высказывал им свое неудовольствие очень часто во время этого похода, а меня часто ставил им в пример. Я особенно подружился с Иогансоном. Одинаковое звание, одинаковая судьба, одинаковые убеждения — все это способствовало нашему сближению. Эта дружба скрашивала нашу суровую солдатскую жизнь. Эта дружба продолжалась потом всю жизнь; ни расстояние, ни время не могли

прекратить этой дружбы. С ним я разделял все трудности этого похода, и мы помогали друг другу во всем. Наконец мы добрались до Богуслава, и нас откомандировали в паш эскадрон. По приближении сюда я вновь встретился с моей милой подругой; в ее обществе и в надежде скоро стать офицером я забыл все трудности похода.

Было это 27 июня. Я как раз был занят тем, что в поте лица своего, старательно и с большим усердием чистил свои ботфорты; вдруг влетает ефрейтор нашего отряда Кондратенко: «Ваше благородие, честь имею вас поздравить с офицерским чином!» Швырнуть мои ботфорты и броситься на шею вестнику такого счастья было первым проявлением моей радости, потом я немедленно отправился за подтверждением сказанного и узнал, что я произведен в офицеры уже 3 мая. Все остальные юнкера, служившие на много лет больше меня, были произведены несколько месяцев позже, также и мой друг Иогансон, который был одним из младших. Два с половиной года нес я верой и правдой тяжелое ярмо унтер-офицерской службы. Вопросом первой важности теперь являлась экипировка. С этой целью отец мой прислал моему генералу 200 рублей. К ним мне пришлось призанять несколько сот в полку, так что моя первая экипировка, самая необходимая только, стоила мне рублей 600, а многого еще не доставало. В июле в то время, когда эскадрон отправился на подножий корм, мы, молодые офицеры, должны были быть в карауле при штабе, что нам пришлось не совсем по душе. Я жил на квартире вместе со своим товарищем Имшенецким¹³, полковым адъютантом, а Иогансон, который в качестве юнкера жил на полковом дворе, почти все время проводил с нами. Я еще юнкером пользовался славой хорошего наездника, а теперь генерал предложил мне еще усовершенствоваться за это время в манеже под руководством ротмистра Орденского кирасирского полка Мейера, превосходного и известного наездника. Ему-то я и обязан основательным знанием своего дела.

Тогда привели как раз новый ремонт, и мне разрешили выбрать лошадь. Я выбрал молодую белую кобылку Норманку и сам ее объезжал. Кроме нее я ежедневно объезжал несколько лошадей для генерала. Остальным офицерам, получившим лошадей, было предложено упражняться в манеже, также и Иогансону, так что целый день исправно гоняли по манежу, а к вечеру возвращались усталые, не чувствуя под собой ног. В июле

я опасно занемог горячкой. Полк выступил в лагерь, а я остался лежать в городе. Своим выздоровлением я обязан нашему штабному врачу Иконникову, который ходил за мной и вылечил...

Всю осень и всю зиму мы провели очень весело. Во всех дворянских семьях наперерыв давались рауты, за ними следовали вечера и балы, на которых мы старались превзойти друг друга в мазурке. На этих балах бывало очень оживленно, чему немало способствовал флирт с хорошенькими польками; сам генерал ухаживал за хорошенькой кокетливой Розалией, женой городничего. Я чувствовал себя особенно хорошо. Мне было приятно бывать в доме полковника, а связь с самой прекрасной, с самой очаровательной из всех женщин, победоносно царившей на всех балах, опьяняла меня совершенно, я весь отдавался счастью и наслаждениям.

Так мы встретили Новый год 1812-й. Беззаботно веселились мы и не предвидели той грозы, которая уже собиралась на политическом горизонте нашей родины, не предвидели той пагубной войны, жертвами которой пали многие из этих веселящихся, полных жизни юношей.

1812 год

Внезапно в конце февраля в полк пришел приказ выступить в 24 часа форсированным маршем. Шли мы до уездного города Гуци Вольнск[ой] губернии, на границе Галиции, где мы оставались в течение шести недель¹⁴. Здесь мы увидели, что наше желание, желание всей военной молодежи, осуществляется.

Всё у нас поставили на военную ногу. Весь полковой и офицерский багаж приказано было оставить. Никто не имел права на экипаж, число выучных лошадей не должно было превышать указанного числа. Каждый кавалерийск[ий] офицер по высочайшему приказу обязан был прикупить еще вторую лошадь, для чего государь приказал выдать всем офицерам в виде подарка по 500 р[ублей], и тотчас же один из полковых офицеров был командирован для закупки лошадей. Несмотря на эти приготовления, мы продолжали жить по-прежнему весело. Наш эскадрон и эскадрон командира, в котором был Иогансон, стояли у князя Четвертинского¹⁵, богатого польского магната. Мы, офицеры, бывали у него

в доме ежедневно; он нас познакомил и с соседями, и не раз мы весело танцевали мазурку с прелестными грациозными польками. Все это веселье, казалось, было как бы прощальным приветом мирного времени, мы и наслаждались вовсю и пользовались обстоятельствами, которые давали нам возможность проводить это время в таком приятном обществе. Чудный климат! Чудные весенние ночи! В тиши ночной раздавались тоскующие звуки флейты — это играл Иогансон на противоположной стороне реки, а я ловил эти звуки уже в полусне и засыпал под них.

Молодая графиня Вардинская и панна Людовика были прелестны, как цветы, и мы ухаживали за ними не без успеха. Любовь и война были нашим лозунгом, и нежный слог первой должен был стать талисманом для последней.

В середине мая мы тронулись в путь по направлению к Гродно; в Янове, в котором мы уже стояли как-то раньше, мы отдыхали два дня, покуда не соединились все пять полков, которые составляли нашу кирасирскую дивизию¹⁶. Потом мы отправились форсированным маршем, без стоянок через Слоним, Новогрудок и Ивию.

Сюда стягивали отряды всех родов оружия. Мы образовали армию, названную 2-я Западная армия, под начальством князя Багратиона. Ежедневно сюда приходили подробные вести о войне. С изумлением слышали мы о том, что французы находятся уже в Гродно. Здесь же нам, наконец, и уже официально был объявлен приказ по армии князя Багратиона о том, что французам объявили войну, что от нас требуют мужества и безусловной дисциплины¹⁷. Между прочим, приказ гласил: за малейший проступок против дисциплины, за уклонение от сражения или если кто-либо осмелится воскликнуть, что мы окружены врагами, даже если бы это было в действительности, грозит расстрел. Нам отдали приказ наточить наши палаши, зарядить ружья; пехотинцы наточили штыки, а артиллерия шла с зажженными фитилями. Не скрою, что все эти серьезные приготовления, которые показывали, что впереди нас ждет нечто более серьезное, возбуждали во мне какое-то смешанное чувство: я чувствовал какой-то особый подъем, а сердце билось так сильно, что я его ощущал! Ставили пикеты, назначали сторожевые посты. В первом пикете назначен был поручик Углик¹⁸, и я сменил его с моим отрядом. С тех пор мы не знали крова, а стояли в открытом поле,

в бивуаках. С этого же времени началось и наше отступление. Мы отступили через Мир и Несвиж; французы преследовали нас на расстоянии 20—30 верст.

При Мире¹⁹ арьергард нашей армии имел первую и очень удачную стычку с врагом. Атаман Платов и его казаки дрались великолепно. В первый раз мы здесь увидели пленных, которых проводили мимо нашего бивуака [...] Гордые и надменные, оповестили они нас, что целью их похода является Москва, будто нет такой силы, которая могла бы противостоять их натиску, задержать их победоносное шествие. В душе мы чувствовали себя глубоко уязвленными такими словами, самолюбие наше возмущалось, и все же мы не могли не отдать должного этим воинам, привыкшим к победам на всем земном шаре.

Враг двинулся влево, на Могилев, мы повернули вправо и спешили соединиться с 1-й армией Баркляя-де-Толли. Мы надеялись, что нам это удастся еще до того, когда враги займут Могилев. Не щадя усилий, шли мы через Слуцк, Бобруйск, Рогачев; по пути мы сжигали все магазины и припасы²⁰; в Старом Быхове до нас дошло известие²¹, что Могилев уже занят французами — все же мы перебросились туда. Авангард армии сейчас же попал в дело. Сражение было упорное и длилось за полночь. Сражались мужественно и достойно. Особенно, как говорили, отличился 6-й егерский полк²².

Наша кирасирская дивизия прибыла только к вечеру и была размещена около самой дороги, верстах в шести от места сражения, в сомкнутой колонне. Мы спешили и стали ждать нашей судьбы. Зажигать огни было воспрещено. Ночь была темная. Черные тучи висели над самой землей. Не переставая моросил мелкий дождь. В нашей колонне царствовала тишина. Ни звука человеческого... Изредка слышалось заглушенное бряцание оружия, и только. По большой дороге потянулись вереницы экипажей с ранеными. Их стоны и крик да еще отдаленный грохот пушек одни нарушали мертвящую тишину, которая нас окружала со всех сторон. За ними потянулись отряды пехоты, ничтожные остатки возвращающихся из сражения полков. Безмолвные, хотя и в полном порядке, шли они мимо нас, почти невидимые под кровом ночи, если бы не блеск штыков, который обнаруживал их.

Эта картина, казалось, на всех должна была производить одинаково неблагоприятное впечатление, но спокойно спали наши старые кирасиры, каждый под своей

лошадью. Закутавшись в плащ, привязав к руке поводья лошади, тихо лежал я — измученный, усталый, но спать не мог, и сердце напряженно ждало чего-то жуткого, таинственного; может быть, не я один, а все мы, молодежь, переживали в этот момент подобное, только не говорили об этом друг другу. Вдруг раздался звук трубы. Мы бросились на лошадей и думали, что нам прикажут наступать, но получили приказание отступить. Мы направились через Быхов, Пропойск²³, Мстислав влево, к Смоленску. Не разбирая ни дня ни ночи, шли мы форсированным маршем, часто по непроторенным дорогам, лесом по тропинкам, переходили реки и болота. Два раза на дню мы спешивались, и нам давали отдых, да и то не более часа. Раз на дню кормили лошадей, а в этот короткий промежуток времени старались что-нибудь сварить. А там опять на лошадей и дальше. Наконец мы в Смоленске. Цель наша достигнута. Здесь мы встретили 1-ю армию и соединились с ней. Враг следовал за нами стороной, и в самый день пребывания в Смоленске один из корпусов нашей армии имел сражение под городом. В этом сражении особенно отличилась легкая кавалерия²⁴.

Мы опять-таки не попали в сражение, а были только зрителями с высокой горы, куда явились по приказанию. Было это так. Еще когда мы приближались к Смоленску, откуда уже давно слышался грохот пушечных выстрелов, нашей дивизии было приказано немедленно выступить. Все мы оживились, сердца наши были преисполнены энтузиазма, а желание поскорее помериться силой с врагом заставило нас из рыси перейти почти в галоп, только бы не опоздать! Мы прискакали — и все-таки, как я уже сказал, остались только зрителями. В первый раз видели мы, молодые солдаты, это зрелище и сожалели об одном, что не принимали в нем участия. Вечером я был в карауле на форпостах на левом фланге нашей дивизии, перед дефиле.

Три дня прожили мы под Смоленском бурно и весело. Два месяца мы терпели всевозможные лишения. Теперь мы брали от жизни все и пользовались всем вволю, благо в городе еще можно было достать все что угодно. Смоленск расположен так, что из нашего лагеря перед нами открывалось обширное поле наблюдений. Все это время можно было наблюдать, как вдали со всех сторон непрерывно шли на нас целые облака пыли. Они-то и показывали нам, какие толпы неприятелей на нас надвигались. А на третью ночь бесконечные линии неприятельских

сторожевых огней заполонили всю обширную равнину перед Смоленском, и конца им не было*.

На четвертый день мы опять тронулись. Отступление наше к Москве продолжалось. 1-я армия и *Corps*** 25 нашей остались под Смоленском в жаркой битве с врагом. После двухдневного кровопролитного сражения Смоленск, уже сожженный, был предоставлен неприятелю. Наши армии отступали все дальше через Дорогобуж, Вязму, Гжатск. При каждой ночевке мы выбирали позицию, рыли окопы, делали засеки. Все это вселяло в нас надежду, что каждая заря являлась предвестницей дня победы или смерти.

Но мы оставляли одну позицию за другой без всякого сопротивления, если не считать незначительных стычек арьергарда. Всеми овладело негодование, слышался ропот по поводу бесконечного отступления. Чувствуя силу, сознавая, что армия в хорошем состоянии, все и каждый из нас в отдельности жаждали битвы. В наших общих молитвах, в том «Отче наш», с которым я обращался к творцу, слышалась из глубины души одна мольба — чтоб завтра же нам дали возможность сразиться с врагом, хотя бы пришлось умереть — только бы дальше не отступали! Наша гордость, гордость еще не побежденного солдата, была оскорблена и глубоко возмущена. Как! Мы отступали перед надменным врагом, а они все глубже и глубже проникали в родные поля каждого из нас, все ближе и ближе и никем не сдерживаемые подступали к самому сердцу нашего общего Отечества. Уже слышно было в рядах страшное слово — «измена». В отчаянии, озлобленные, шли мы под знаменами, которые, по нашему мнению, постыдным отступлением были опозорены в глазах всего света.

Наконец, уже в лагере при Цареве-Займище, пришло известие о прибытии Кутузова, ветерана русской армии, назначенного главнокомандующим. Всеми овладело шумное веселье, все ожило, опять ожила надежда: вся армия видела в этом седом воине своего ангела-спасителя.

Меня назначили ординарцем в Главную квартиру, и дали мне унтер-офицера и двух кирасир.

* Замечка автора более позднего происхождения: «Здесь же под Смоленском; нам, кирасирам, выдали новые черные лакированные кирасы».

** Корпус (*франц.*).

Князь понял дух армии и решил поставить ее немедленно лицом к лицу с врагом. Еще только несколько переходов, и мы достигли села Бородина, выгодное положение которого способствовало исполнению цели князя, а посредством редутов и батарей по всей линии позиция была еще больше укреплена.

23 августа армия заняла эти позиции и встала в боевом порядке; все роды оружия заняли указанные места.

Наших кирасир поставили в центре левого фланга, которым командовал князь Багратион; правым флангом командовал генерал Барклай-де-Толли. В армии было известно, что неприятеля ждали именно здесь, и эта уверенность воодушевляла их мужество и удваивала их силы и решимость. Рано утром 24-го князь Кутузов со свитой, в которой были и мы, верхом объезжал все позиции. Левый фланг примыкал непосредственно к глубокой речке Колоче. Перед центром, несколько глубже, расположены деревни Бородино и немного левее Семеновское, занятое гвардейскими егерями. За ними на возвышении, господствующем над всей местностью, находился так называемый главный редут. К левому флангу, примыкавшему к низкорослому кустарнику и лесу, местность заметно понижалась. Это место было самым слабым во всей нашей позиции, хотя оно находилось под прикрытием нескольких редутов и сильных батарей, занятых гренадерами под командой генерала Воронцова²⁶, влево они же занимали и лес. Когда князь проезжал по фронту армии, все приветствовали его громким «Ура!». Случилось, что на правом фланге князь на минуту задержался, осматривая позицию, вдруг высоко над нами взвился орел²⁷ и начал делать круги над нашими головами. Князь заметил его первый, обнажил голову и воскликнул: «Ура!» Свита, которая увидела в чудесном появлении царя птиц благоприятное предзнаменование, восторженно вторила князю.

Чтобы выиграть время и дать возможность армии собраться с силами, арьергард, которым командовал генерал Коновницын, был усилен подкреплениями и получил приказ задержать неприятеля сколь возможно. Но уже 24-го после обеда появился он пред нами, как бы неся на своих плечах преследовавшую его неприятельскую армию. И арьергард встал в линию с армией. В то же время начались неприятельские действия, и на наш левый фланг была направлена главная атака²⁸. В одно мгновение весь левый фланг нашей 2-й Западной армии,

находившейся под командой Багратиона, оказался под самым сильным огнем. Даже наступившая темнота не прекратила этой кровавой бани; бесчисленные горящие ядра освещали поле сражения, и битва продолжалась все с тем же упорным озлоблением далеко за полночь. Все отряды, которые принимали участие в сражении, бились славно; наши кирасиры особенно отличились.

Наш полк штурмовал неприятельскую батарею из восьми пушек и отбил ее. Четыре пушки были взяты как трофеи, остальные четыре были сбиты с лафетов и оставлены на месте. Из всех офицеров нашего полка смертельно ранен картечью корнет Татаринов.

Князь Кутузов громогласно похвалил и благодарил наших молодцов-кирасир.

Следующий за этой кровавой прелюдией день — 25 августа — прошел в ненарушаемой тишине. Наша армия была в полнейшем боевом порядке и как бы предупреждала неприятеля, что его дальнейшее наступление возможно лишь после жестокой битвы. А неприятеля все прибывало. Видно было, как со всех сторон непрерывно подходили новые боевые силы, как они располагались и занимали свои позиции. В этот день ни с той, ни с другой стороны не сделали ни одного выстрела. Но на той и на другой стороне шли важные приготовления. Казалось, обе армии готовятся к чему-то величественному и решительному. Около полудня наша армия стала под ружье для общей молитвы перед иконой Смоленской Божией Матери, которая на всем пути следовала за армией, прикрепленная к пушке, заменяющей аналой. Вся армия стала на колени, и все вместе вознесли свои молитвы к тому, который склоняет победу на ту или другую сторону; а каждый в отдельности сводил свои счёты с небом, покорно склоняясь перед смертью или жизнью грядущего дня.

Все послеобеденное время наши солдаты чистили и приводили в порядок свое оружие. Ночью в нашем лагере царствовали тишина и спокойствие; в неприятельском лагере, который образовал необозримую линию сторожевых огней, слышались музыка и шумное движение. Князь проводил ночь в избе, расположенной сейчас же за главным редутом. Мы, ординарцы, лежали при наших лошадях во дворе. Я был очень утомлен, крепко заснул и проспал несколько часов кряду. Разбудил меня наступающий день. Чуть рассвело — а неприятель уже послал свое первое ядро.

Сражение при Бородине 26 августа

Одно из первых ядер пролетело над нашими головами и попало прямо в крышу того дома, где находился Кутузов. Все бросились на лошадей, и Кутузов, не медля ни секунды, тоже выехал. Армия была наготове, и вскоре по всей линии шла отчаянная перестрелка. Так начался этот памятный кровавый день — день Бородинской битвы. Главная атака была направлена на наш центр и на левый фланг. С безумной отвагой наступал неприятель на наши батареи; залитые целыми потоками крови, переходили они к неприятелю, вновь нами отбивались — и так несколько раз. Озлобление и ярость, отчаяние и месть вступили в кровавую битву со всеми ужасами все истребляющей смерти. Грохот тысячи орудий, ружейная пальба — все это слилось в один непрерывный гул; сознание терялось, все чувства притупились; гул уж не слышен; наступает состояние, которое невозможно описать, как будто уж ничего не чувствуешь; является сомнение: да жив ли ты? После полудня неприятельская стрельба, казалось, стала затихать. Вдруг она разразилась с удвоенной силой. Новая страшная атака была направлена Наполеоном на наш центр, отбитая нами с отчаянным мужеством. Бились весь день упорно, злобно, до тех пор, пока ночь и страшное утомление и с той и с другой стороны не положили конец этому, казалось, вечному и бесконечному дню, этому ужасному убийству. Так кончилась одна из самых кровавых битв, какие только знает история, и все же положение осталось невыясненным. Положим, наш левый фланг был обойден Понятовским и принужден был отступить, но поле битвы все же осталось за нами.

Кутузов во время боя все время держался под самым сильным огнем, то сзади центра, то сзади левого фланга; собственными глазами видел он нечеловеческие усилия и посылал подкрепления и помощь туда, где в них как раз больше всего нуждались.

Два раза посылали меня с приказами на левый фланг к князю Багратиону. В первый раз я застал его в страшнейшем огне около батареи, второй раз я его увидел смертельно раненного, плавающего в крови, когда его пронесли мимо меня. Наши потери убитыми и ранеными были ужасны. Несколько генералов и около 25 тысяч²⁹ воинов, из которых 10 тысяч было убитых, отдали своей кровью или даже жизнью долг Отечеству. Наши молодцы кирасиры тоже сильно пострадали. Из всего полка после

битвы налицо оказалось всего 120 человек, к утру вместе с теми, которые отбились в бою и теперь явились к своим частям, набралось 250 человек³⁰. Большинство офицеров были ранены или убиты. В нашем лейб-эскадроне кроме меня были вообще только два офицера. Один из них, Соколовский, был убит, другой, Меркулов, тяжело ранен и в плену. Меня господь хранил — я остался невредим. Но моя бедная Норманка к вечеру оказалась раненной в правое плечо; она тут же упала на колени и, хотя истекала кровью, все же пронесила меня до конца сражения. Дорогой мой товарищ Иогансон, к несчастью, тоже оказался в числе тяжело раненных: он получил девять сабельных ран. Поздно ночью проезжал я по полю битвы и разыскивал его среди раненых, которым делали перевязку и ампутации при свете сторожевых огней, но нигде не мог его найти. Вопли и крики раненых были ужасны. И враги и друзья — все лежали вперемешку. А армия, вернее, остатки ее, отдыхала. Измученные, лежали мы на пропитанной кровью земле, за которую заплатили такой дорогой ценой. Как со стороны наших героев русских, так и со стороны бесстрашных, храбрых французов были показаны чудеса храбрости, самоотвержения, презрения смерти.

Мы ожидали продолжения битвы на следующий день. Но, получив все донесения и рапорты, Кутузов увидел, что после такого огромного урона, который потерпела армия, трудно рассчитывать на возможный успех. Все резервы ведь были в действии, не было ни одного свежего отряда, который мог бы заменить выбывших из строя, и он решил отступить.

После полуночи армия двинулась в поход, оставив неприятелю поле битвы и большинство раненых, и отступила через Можайск. Мы не предчувствовали, что те же причины имели те же следствия и в неприятельском лагере: одновременно с нами и французы отступили, и только утром, когда они увидели оставленные нами возвышенности, отступление было приостановлено.

Несколько дневных переходов, и мы достигли Москвы. Созывается совет самых важных генералов. Решается судьба Москвы: отдать ли ее французам без сопротивления или еще раз попытаться счастья в битве.

Как долго и как ужасно показалось нам ожидание этого решения. Мы думали и желали этого — что мы сразимся еще раз. А между тем уж было решено: армию не следовало приносить в жертву столице, которую решено было отдать неприятелю без всякого сопротивления.

3 сентября мы прошли через всю Москву, которая к этому времени была покинута жителями; на всех лицах лежал отпечаток глубокой грусти и отчаяния. В улицах и переулках встречалась одна беднота да подонки городского населения. В отчаянии они хватались за наши поводья, за стремяна, умоляя о спасении и защите. Хорошо одетых никого не было видно. Почти до самого вечера тянулось через всю огромную Москву это печальное шествие. Французы шли за нами по пятам и заняли Москву.

Долго простоял Наполеон перед заставой Москвы в ожидании ключей от города. Но ожидание надменного завоевателя было напрасно: никаких депутаций не являлось, ликующей толпы, которую он думал увидеть, не оказалось. Мрачно и в одиночестве, сопровождаемый только своей гвардией, проехал он по пустынным улицам в наш царский Кремль.

На второй день после того, как мы покинули Москву, мы увидели громадные столбы дыма, а вслед за этим целое море огня. Москва пылала, объята пламенем со всех сторон. После нескольких переходов мы стали на Калужском тракте близ деревни Тарутино. Насыпаны редуты и батареи. Войска заняли укрепленный лагерь, можно было наконец не спеша и передохнуть. В лагере открылся настоящий рынок; маркитанты навезли все необходимые для жизни припасы. Начальником арьергарда был генерал Милорадович. Среди прибывших резервных артиллеристов я совершенно случайно встретился с школьным товарищем Эмилем Бушеном. Мы очень обрадовались друг другу и часто виделись в лагере.

Вначале дежурным генералом в армии был полковник Кайсаров, потом его место занял brave генерал-лейтенант Коновницын, и мы, ординарцы, всецело зависели от него. Эта очень тяжелая служба заставила нас подать просьбу о замене нас другими и об отпуске каждого из нас в свой полк. Но добрейший генерал Коновницын, лично которого мы очень уважали, уговорил нас остаться³¹. В ночь с 5 на 6 октября армия выступила из лагеря и пошла прямо на врага.

Я увидел бесконечный ряд экипажей с нашими ранеными. Мелькнула кирасирская каска. Какое-то предчувствие подталкивает меня, я подбегаю и действительно нахожу своего дорогого товарища Иогансона, беспомощно лежащего на телеге, которую везли быки. Денщик нес его каску.

Своим кирасирам-ординарцам приказываю я вывести эту телегу из обоза и таким образом доставил тяжелораненого друга в мой бивуак. Там я немедленно разыскал хирурга, который перевязал его раны, со дня битвы не выдавшие другой повязки. Подкрепив его стаканом чая, я поспешил отправить его дальше, иначе его могли бы оставить или он мог быть захвачен в плен и вообще так или иначе сделаться жертвой войшы.

Битва при Тарутине 6 окт[ября] 1812 года

На рассвете на авангард, которым командовал король Неаполитанский Мюрат, было произведено нападение на всех пунктах. Нападение было внезапное и стремительное — французы были обращены в беспорядочное бегство, сам король едва избег опасности попасться в плен. Неприятельская кавалерия была вдребезги разбита, и мы отбили больше 20 орудий. Нашей легкой кавалерии, особенно казакам, удалось отнять у французов значительное количество награбленных сокровищ, которые французы везли из Москвы в самых лучших экипажах; таких экипажей потом в лагере было найдено несколько сот. В это же время был ранен поручик Данилевский³², который вместе с нами находился при генерале Коновнице.

Битва при Малоярославце 12 окт[ября] 1812 года

Наша армия фланговым маршем двинулась на Малоярославец. Здесь 12 октября произошла кровопролитная битва против итальянского вице-короля³³. Несколько раз Малоярославец занимали и опять отдавали. Наконец город запылал, но и среди пылающих зданий и дымящихся развалин битва продолжалась до полуночи. Генерал Коновницын с нами, ординарцами, весь день находился в самом центре перестрелки; ординарец из Глуховского кирасирского полка был тяжело ранен, лошадь моего унтер-офицера тоже оказалась раненой. Все напряжения этой битвы были направлены на то, чтобы помешать плану неприятельского отступления, которое началось после их выступления из Москвы.

Битва при Вязьме 22 окт[ября] 1812 и при Красном 3—6 нояб[ря] 1812 г.

Французы намеревались отвоевать себе новый путь к отступлению, чтобы не идти по той дороге, по которой они шли на Москву, но всюду они потерпели поражение. 22 октября произошла битва при Вязьме; 5 и 6 ноября — битва под Красным, сначала против самого Наполеона, а потом против Даву и Нея, корпусов которых оказались совершенно уничтоженными, а артиллерия отбита.

Таким образом, французам оставалось одно — отступать по той же самой дороге, по которой они наступали, а мы следовали за ними стороною. Зима стала рано, ужасы зимних бивуаков невозможно описать.

Неприятель бежал в полнейшем беспорядке. Французская армия оказалась в ужасном положении: нужда увеличивалась с каждым днем; с тылу голод и стужа преследовали ее с одинаковой яростью. Страшна была картина впавшей в безграничное отчаяние когда-то великокопешной армии, теперь обреченной на гибель.

В декабре была занята Вильна, там же была главная квартира князя; после бесконечных мучений мы наконец получили возможность отдохнуть.

10 декабря прибыл государь. Давали бал. Я получил за отличие в битве при Красном орден Владимира 4-й степени. В городе свирепствуют ужасные болезни, тысячами выносят ежедневно покойников. Наша квартира помещалась близ собора Остробрамской Б[ожьей] М[атери], слева в каменном доме. Жили мы весело, посещали театр. Двое из наших сожителей по комнате — граф Миних и Герау — заболевают и умирают. Также Львов, Павлов и Шлейн³⁴.

1813 [год]

1 января 1813 года мы с Главной квартирой государя и с гвардией перешли через нашу границу около местечка Меречь, через Неман. Здесь нас окончательно назначили ординарцами при государе, и мы находились в распоряжении начальника императорского Генерального штаба Петра Михайловича Волконского. Никто не препятствовал нашему движению вперед: остатки неприятельской армии давно уже бежали, преследуемые нашим

авангардом, так что наш поход по прусским владениям походил на сплошное триумфальное шествие.

Всюду строили триумфальные ворота и давали празднества в честь победителей нации, которая до сих пор считалась непобедимой, — и это в стране, в которую мы вступили врагами. Прусские знамена находились ведь во время этой кампании среди той части французской армии, которая осаждала наши Курляндскую и Лифляндскую провинции³⁵.

Мне предстояло перенести тяжелую болезнь. Застарелая простуда, которую я захватил еще во время кампании, зимние бивуаки среди льдов и снегов, наш суровый климат и тому подобные причины — все это способствовало моей болезни. К тому же мы по прибытии в прусский город Лик³⁶, встретившись с своими кирасирами, выпили и разгорячились. Уже в Лике я чувствовал себя плохо и едва добрался до Йоганесбурга³⁷. Здесь я уж окончательно свалился. Заболел я той опасной лихорадкой, которая унесла немало жертв. Армия двинулась дальше, а я остался; долго находился между жизнью и смертью и был на краю могилы. Но Господь не оставил меня своей милостью и избавил меня от смерти, как он и раньше хранил от нее несчетное число раз. Выздоровление подвигалось медленно, прошло много времени, пока ко мне вернулись силы. Унтер-офицер Миллер и два ординарца-кирасира, которые были оставлены при мне, ходили за мной с безграничной преданностью. Напротив меня через улицу жил купец Тировский. Ему и его сестре я обязан очень многим за их человеколюбивое отношение ко мне. Они приняли участие во мне, ободряли и утешали, а когда мне стало лучше, занимали меня чтением. Также я обязан и врачу, который меня лечил. Когда мне Господь помог настолько, что я с помощью кирасира мог передвигаться, я первым делом пошел в церковь поблагодарить Творца за дарованное мне исцеление и причастился св. тайн из рук священника моей веры, что меня очень подкрепило. Многие из русских офицеров, оставленные здесь больными, умерли тогда. Со страшным нетерпением выжидал я то время, когда мне наконец разрешат последовать за армией. Наконец я почувствовал себя, как мне казалось, достаточно окрепшим, и в середине марта я отбыл со своим кирасиром.

Мы делали довольно большие дневные переходы. Может быть, эта поездка, сопряженная с известными трудностями, которым я себя подвергал, была преждевремен-

на: некоторая слабость в левой ноге осталась у меня после этой болезни и с тех пор не оставляла меня. Во время этого перехода я присоединился к отряду пионеров под предводительством капитана Фирсова³⁸, который шел из Риги и тоже догонял армию. От него-то я узнал судьбу моего родного города в эту последнюю войну, вследствие которой уже давно были прекращены всякие сношения с этим городом. Здесь же я познакомился с поручиком этого отряда Даном, очень любезным молодым человеком. Мы с ним вскоре подружились, и в его обществе время проходило для меня очень приятно. Близ Плоцка на Висле мы расстались. Через некоторое время я встретил новых попутчиков: князя Ухтомского³⁹, л[ейб]-гв[ардии] Финляндского полка, и графа Войновича, л[ейб]-гв[ардии] Егерского полка. Тысячи проказ и забавных авантюр проделали мы сообща с веселой непринужденностью, свойственной нашему званию.

В прусской Польше, около Позерна⁴⁰, я догнал наши кирасирские полки, которые были расположены на кантонир-квартирах. Я решил несколько недель отдохнуть. Во 2-м Орденском полку я оставался довольно долго, здесь я нашел своего товарища-ординарца тоже больным. По прибытии узнаю, что я уже 22 февр[аля] за отличие в битве при Красном произведен в штабс-ротмистры. Хорошо прожил я все это время у М. Брусилова и Львова. Соперничал с свитским капитаном Эссексом в ухаживании за прелестной красавицей Жанетой, кокетливой полькой в полном смысле этого слова. Вскоре наши кирасиры выступили, и я наконец догнал Главную квартиру государя уже в Дрездене.

Битва при Люцене 20 апреля 1813 [года].
Битва при Бауцене 7—8—9 мая 1813 [года]

Кампания опять становится серьезной. Мы соединяемся с пруссаками, а 20 апреля произошла битва на равнине Люцен, где когда-то шведский король Адольф⁴¹ умер геройской смертью. Меня произвели в ротмистры. Мы отступаем через Дрезден. Отчаянная стычка под Дрезденом и Бишофсверденом, которое было дотла сожжено. Становимся на позиции под Бауценом. Тут произошло сражение против Наполеона, которое длилось 7—8—9 мая. Князь Волконский назначает меня

адъютантом к генерал-лейтенанту Тильману⁴², перешедшему на русскую службу от саксонского короля. До этого я только что отвел четырех саксонских кирасир и одного унтер-офицера, которые сопровождали генерала к нам, окольными [путями] по горам через наши форпосты. Поручение это было очень трудное, потому что идти пришлось ночью. Наша русско-прусская союзная армия опять отступает к Рейхенбаху, в Силезии. Объявлено перемирие. Главная квартира государя находится в деревне Петерсвальде, там же я нашел удобное помещение для моего генерала. Мы находимся в Силезских горах. Я поднимаюсь на вершину горы, называемой Сова, поднимаюсь в Исполинских горах на Шнеекopf. Мне дают поручение в Прагу, в Богемии, и я отправляюсь туда. Еду туда же другой раз, уже с генералом.

Битва при Дрездене 14—15 авг[уста] 1813 [года]

Во время перемирия дипломатии удается расположить политические интересы Австрии и вместе с тем и ее армии в пользу нашего дела и предстоящей войны. По истечении перемирия союзные армии выступают через Богемию и Железные горы⁴³ в Саксонию. Дрезден укреплен, здесь сосредоточены неприятельские силы. Мы атакуем его. Два дня длится сражение под стенами Дрездена. Мы находимся на крайнем правом фланге под командой Витгенштейна, недалеко от Большого сада⁴⁴. Знаменитый французский генерал Моро⁴⁵, бывший республиканец, прибывший из Америки, чтобы принять участие в этом сражении, смертельно раненный пушечным ядром, падает около императора и умирает. В продолжение всего сражения не переставая шел ужасный дождь. Тяжелое отступление через Железные горы. Теплиц. Кульмское сражение, в котором я не участвовал. Корпус Вандама и командир его — в плену. Особенно отличились наши гвардейцы.

Генерал Тильман назначается командующим отрядом волонтеров (Frei Corps), который состоит из прусских и венгерских гусар, австрийской легкой кавалерии, двух казацких полков и двух русских орудий. С ним мы идем через Карлсбад⁴⁶ опять в Саксонию, в тыл неприятелю. Саксонцы безмерно радуются при нашем появлении.

Наш корпус сражается блестяще. Торжественные празднества, пиры и разгульная солдатская жизнь и кровопролитные дни сменяют друг друга.

Стычка под Вейсенфельсом

31 августа мы нападаем на Вейсенфельс и берем его после сильной борьбы. С нашей стороны тяжелоранеными оказались: принц Гогенцоллернский, прусский майор Штранц, граф Клари, принц Бирон⁴⁷, граф Кайзерлинг, Герлах, знаменит[ый] гамбургский ганзеец. Мы предпринимаем смелый поход на Мерзебург. По дороге мы зашли к старинному другу генералу фон Гельдорфу, и обрадовав и испугав его одновременно своим ночным посещением. Вся Саксония кишит французскими отрядами, а мы в самом центре их. Нам приходилось на каждом шагу отбиваться от них. Так и тут. По прибытии в деревню, принадлежащую фон Гельдорфу, нам пришлось прежде всего вступить в перестрелку и забрать несколько французских пехотинцев в плен, прежде чем мы достигли имения. Зато нас встретили восторженно и угостили ужином, за которым было очень весело. Дочка Гельдорфа — очаровательная блондинка. В ту же ночь мы отправились дальше.

Стычка под Мерзебургом

На другой день мы взяли Мерзебург. Теряем убитым нашего артиллерийского офицера. Так как нам не устоять, мы опять уходим. Опять заходим к Гельдорфу. Садимся за обед. Вдруг — нападение. Казаки, которые остались при нас, своими хитрыми маневрами задерживают французов на некоторое время. Остальные отряды нашего корпуса были посланы вперед, по направлению к Фрейбургу. Генерал Лефевр де Нуэт⁴⁸ наткнулся здесь на нас впервые. Он шел во главе сильного кавалерийского корпуса. Генералу Тильману и его свите едва-едва удалось спастись; оба казацких полка оказались отрезанными. Я поскакал вперед, во Фрейбург, за подкреплением. Моя бедная рыжая лошадь поплатилась жизнью за эту скачку. Под Фрейбургом была жаркая схватка. Наши войска показали себя храбрецами. Все время отбиваясь,

пришлось нам отступить по скалистой дороге опять в Кезен (Közen). На полпути из авангарда приходит донесение, что Кезен и все шоссе заняты французами, направляющимися из Франции в Лейпциг. А между тем наступила темная ночь; генерал обратился к войскам с речью: «Необходимо теперь же, ночью, пробиться через шоссе, иначе мы погибли». Озлобленные настойчивым преследованием неприятеля, наши гусары сами просят вести их куда угодно, а французу, грозят они, прощенья не будет. Идем вперед... Со стремительностью урагана, с храбростью, доходящей до дерзости, атакуем мы шоссе и разносим все, что нам попадается. Наши озлобленные солдаты жестоко сдержали свое слово: самым бесчеловечным образом они рубят и колют всех без разбора, всех, кого настигает их сабля. Некоторые из нас тоже отдались мстительному чувству в общей рукопашной схватке. Я сам заколол двух врагов, из которых один успел ранить штыком в шею мою белую лошадь, на которую я только что сел (я садился на нее обыкновенно тогда, когда предстояло сражение). В ночной темноте ничего не было видно, только сабли сверкали при каждом взмахе, да слышалась беспорядочная стрельба неприятеля, который обстреливал нас из ущелий и ложиц узкого скалистого прохода и виноградника.

Неприятель оказался совершенно рассеянным, а мы, недолго думая, пересекли шоссе, перебрались через отвесную скалу прямо к Железным горам, откуда нам открывался свободный путь; тут мы отдохнули. На следующее утро мы увидели целые массы надвигающейся на нас кавалерии, что нас заставило отступить еще дальше.

Битва под Альтенбургом 12 сентября⁴⁹

Несколько дней спустя мы, соединившись с корпусом Платова, сами нападаем на неприятеля под Альтенбургом. Здесь произошла битва 12 сентября. Стрельба была отчаянная. Неприятель разбит наголову, и, не переставая драться, мы его преследуем за Цейц. Там неприятель, уже при наступающей ночи, становится на позиции. Мы овладеваем городом; тогда 200 итальянцев быстро занимают великолепную каменную фабрику Казимира, обнесенную высокой каменной стеной. Пока они там находились, мы не могли себя чувствовать в безопасности. Так как у нас не было пехоты, то пришлось вызывать добровольцев,

которые должны были взять фабрику приступом. Вызвалось довольно значительное количество, около 100 казаков тоже спешили. Тогда генерал обратился ко мне и предложил мне тоже спешиться и стать во главе штурмующих фабрику, а при взятии фабрики никоим образом не допустить разгрома и разграбления фабрики. Это была для меня трудная задача. Я не привык сражаться пешим, да еще в отличающей меня от других форме адъютанта, на таком тесном пространстве, которое занимало шагов 70 — 80, и в стенах, которые вскоре должны были рушиться. Я считал себя погибшим. Но мне не было другого выбора. Глаза всех моих товарищей были направлены на меня, и, как мне казалось, они не очень-то одобряли образ действия генерала. Единственная предосторожность, которую я мог себе позволить, заключалась в том, что я снял белое перо с моего головного убора и спрятал его в кобуру.

«С богом, — сказал я себе, — да будет воля твоя!» Неприятель встретил нас залпом из всех дверей и окон. Парламентера, которого мы к ним отрядили, они встретили целым градом пуль и ранили его смертельно. Тогда решили взять фабрику штурмом, что и было блестяще исполнено с помощью двух орудий. Каждый этаж, каждую комнату пришлось брать с бою. Чудные залы и лестницы были покрыты трупами и залиты кровью, от роскошной мебели остались одни обломки. Озлобление наших солдат вызывало со стороны итальянцев отчаянное сопротивление. Не видя спасения, они поднимались все выше. Мы преследовали оставшихся до самого чердака. И последние из них, человек 80 с несколькими офицерами, должны были наконец сдаться. Этот штурм нам стоил больше 30 раненых и 13 убитых, в числе этих последних были два прекрасных офицера, о которых мы искренне сожалели. Взятие этого здания было венцом победы этого дня, и мы шумно праздновали эту победу до поздней ночи. В память наших павших товарищей мы осушили несколько бокалов с пенящимся шампанским. Хвастаясь своими подвигами, мы, особенно бывшие при взятии фабрики, показывали друг другу наши сабли, на которых запеклась кровь, на моей оказались даже присохшие волосы. На следующий день я нашел в моем плаще, между сукном и подкладкой, ружейную пулю; вероятно, она была заряжена наспех и поэтому ударила так слабо. В награду за все это генерал представил меня к ордену Св[ятой] Анны на шею, который я и получил впоследствии⁵⁰.

Битва под Альтенбургом и Наумбургом⁵¹ 16 и 18 сент[ября] 1813 [года]

Под Альтенбургом неприятель опять значительно сплотился. Для более внушительного нападения наш корпус соединился с корпусом австрийского принца Мориса фон Лихтенштейна⁵². 16 и 18 сентября произошла битва под Альтенбургом и Наумбургом. Граф Менсдорф⁵³ тоже участвовал со своим корпусом.

Получен приказ держаться направления на Лейпциг. В это время имели место еще несколько очень удачных стычек; нам удалось захватить в плен несколько тысяч, пали несколько курьеров. Соединившись с корпусом австрийского генерала Гулая⁵⁴ (Guilay), мы подошли к Лейпцигу.

Битва под Лейпцигом 4—6—7 октября 1813 г[ода] союзной армии с Наполеоном

Здесь 4, 6, 7 октября произошло большое сражение против всей французской армии под начальством Наполеона. Что за пальба была — ужас!! Не забыть этих дней ужаса и смерти!

Принц фон Бирон из нашего корпуса с успехом действовал нашими орудиями против отступающего неприятеля. Наполеон и вся его армия бежали. При первом же выстреле я по своему всегдашнему обыкновению вскочил на свою верную, надежную лошадь; первый и второй день для меня и для нее прошел благополучно. На третий день сражения, 7 октября, около полудня, среди самого сильного огня она внезапно падает, сраженная ядром. С трудом удалось мне из-под нее выбраться; оглушенный, я сам едва стоял на ногах. Левая нога была контужена ядром, я чувствовал в ней воспаление (перешедшее к ночи в опухоль), причинявшее мне невыносимую боль. У моей бедной лошади левое бедро было как бы разорвано и вскрыто. Из всех сил старался я ее поднять, что мне и удалось наконец при помощи нескольких ласковых, ободряющих слов; она вскочила и пошла за мной, прихрамывая, на трех ногах, покуда я ее не передал на попечение своего слуги. Сам же я вскочил на моего маленького венгерца и вернулся к генералу в самый центр боя. Союзная армия одержала полную победу, Лейпциг был взят штурмом. Наполеон бежит с остатками своей разбитой армии.

8 октября произошла жаркая схватка у Кезенского дефиле генерала Гулая и нашего корпуса с арьергардом неприятеля.

При Веймаре опять схватка вместе с корпусом полковника Гейсмара⁵⁵. Мы посетили великую герцогиню⁵⁶. Приблизительно около Фульды генерал получил приказ сдать корпус графу Орлову-Денисову, а самому вернуться в Лейпциг, чтобы заняться реорганизацией саксонского войска. Меня генерал послал туда вперед. Квартиру мы заняли в доме графов Гогенталей, на рынке. Здесь нам предоставилась возможность отдохнуть после этой тяжелой и деятельной кампании. Что за красавица была г[оспо]жа Руммель. Генерал и адъютант, оба соперничали, добиваясь внимания этой выдающейся женщины. Победителем оказался последний! Я жил и наслаждался в самом приятном обществе и оказался очень понятливым учеником при обучении в шахматы. Получив известие, что Дрезден сдался, генерал сейчас же поехал со мной туда, и мы были свидетелями выступления французского генерала Сен-Сира⁵⁷, бывшего городского коменданта. Мы сделали визит саксонской принцессе, сестре короля, и обоим молодым принцам. В то время как генерал руководил реорганизацией саксонского войска, я жил очень весело; и так в продолжение нескольких месяцев.

Потом мы отправились во Францию и образовали крайнее правое крыло большой армии, а именно в Нидерландах. Ротмистры Буркесроде и фон Шрекенштейн тоже назначаются адъютантами, становясь таким образом моими товарищами. Прощаясь с Лейпцигом, я покинул самые приятные для меня связи. Я жил там у сестры милой госпожи Руммель, которая была замужем за купцом Краевым, и пользовался общей симпатией. Ее золовка г[оспо]жа Ганзен была очень хорошенькая молодая женщина. Г[оспо]жа Руммель сильно ревновала меня к ней. Она вскоре овдовела и была очень интересна в трауре. Говорят, она впоследствии вышла замуж за русского полковника Раутенфельда.

1814 г[од]

С саксонским корпусом мы выступили через Тюрингию и Вестфалию. Из Гессен-Касселя генерал послал меня курьером в Главную армию к государю. Путь мой лежал через Франкфурт-на-Майне, через Саарлуи во Францию. Главную квартиру я застал 8 января в Лангре,

затем я проехал в Труа. Близ Саарбрюкена на меня напала толпа крестьян; к счастью, случились тут прусские гусары, которые и освободили меня. Положение курьеров в тылу армии было вообще очень опасно вследствие того, что эльзасцы были настроены не в нашу пользу. Обратный путь я решил держать так: прямо через всю Францию по направлению к Нидерландам, несмотря на опасности, грозившие мне на этом пути, по которому ретировалась французская армия. Я направился через Реймс, Шалон, Монс, Брюссель как раз в те дни, которые были так несчастливы для Сакена и Олсуфьева при Монмирале, и благополучно пробрался. Наш корпус я застал в Кёльне расположенным над Рейном. После этой спешной и утомительной поездки я отдыхал два дня; ножные ванны из кёльнской воды очень подкрепили меня. Корпус выступил через Aix-la-Chapelle (Ахен), Брюссель в Турнэ, здесь осталась главная квартира генерала. Мы предпринимали частые рекогносцировки в Лилль, Орши, Камбрэ. Города Куртре, Удемонд (Oudemond) заняты нашими. Часто происходили стычки. Под Гентом был смотр войскам. Отсюда мы прокатились к берегу океана в Брюгге. Единственное в своем роде величественное зрелище океана! На маленьком торговом судне мы предприняли поездку в открытый океан миль на шесть, но разыгрывающаяся буря заставила нас повернуть обратно. Все наши спутники заболели морской болезнью, за исключением генерала, меня и одного фельдъегеря.

Битва при Куртре

Принц Павел Вюртембергский⁵⁸ назначается в наш корпус бригадным генералом. Нашим противником является командующий французским войском генерал граф Мэзон⁵⁹. Сражение произошло под Куртре. Незадолго до этого прибывший отряд обращается в беспорядочное бегство⁶⁰. Зрелище было ужасное! Принял нас граф Вальмоден⁶¹. Самолюбие генерала было глубоко уязвлено. Мы опять возвращаемся к Куртре. Новые рекогносцировки, новая стычка. Приезжает герцог Веймарский. Приходит известие о взятии Парижа. На этом основании мы требуем приостановки военных действий. С этой целью происходит на форпостах свидание с графом Мэзоном в Hôtel de Toscane*. Позже мы себе сняли квартиру в той

* Отель «Тоскан» (франц.).

же улице, как раз над Theatre Français*. Мы провели там три недели, которые прошли для нас сплошь очень весело. Целый хаос новых впечатлений, удовольствий и наслаждений всякого рода, которых и описать невозможно. Прелестные француженки очаровательны! Я знакомлюсь с очаровательной обитательницей бельэтажа. 21 апреля имел место знаменитый въезд короля Людовика XVIII и принцессы Ангулемской⁶², дочери несчастного короля Людовика XVI. Тюльери. Salle des Marechaux**. Сад Тюльери. Большая Опера. Балет. Пале-Руаяль Very*** в Ротонде⁶³. Café de mille colonnes. La belle limonadiere. Museum Napoléon. Luxembourg. Jardin des plants. Bovily**** прекрасная бронзовая колонна на Вандомской площади⁶⁶. Игорные дома. Я обращаюсь к хорошему живописцу с заказом нарисовать с меня миниатюру для родителей. Миниатюра выходит очень удачно. Сходство удивительное! Затем у нас получилось пресыщение от всех удовольствий, и мы даже обрадовались, когда настало время отъезда из Парижа.

Из Парижа мы направились в Ахен. Там наш корпус расположился на кантонир-квартирах. Я пользуюсь местным купаньем. Знакомлюсь с Юленькой — прелестной дочкой квартирного хозяина. Из Ахена двинулись мы в Кобленц на Рейне. Что за восхитительная местность по берегам Рейна! Мы предпринимали частые поездки. Рейнские вина Гоггеймер, Ягодерстеймер великолепны. Я снимаю квартиру у доктора Валлерсгейма. Замок Зейн; Жанета; графиня Роза — прекрасная, чудная девушка!! Мои частые поездки туда. Замок и крепость Эренбрентштейн над Рейном; ужины в долине. Незабываемое время, проведенное в этой восхитительной местности в самом приятном обществе. Буркерсроде и Шрекентштейн, которые навеки остались самыми мне дорогими друзьями. Наша стрельба из пистолетов. Вольтижировка. Прогулки верхом. Полковник Флуг. Театр.

Меня посылают из Кобленца в Вену к государю. Конгресс в Вене. Я остаюсь в Вене в течение шести недель. Знаменательное время. Собрание всех королей и венценосцев Европы. Сначала я квартировал в «Golden

* «Театр Франсэ» (франц.).

** Маршальский зал (франц.).

*** Очевидно, Verge — здесь стеклянный купол (франц.).

**** Кафе «Тысяча колонн». «Прекрасная лимонадница». Наполеоновский музей. Люксембургский дворец. Ботанический сад (франц.).

Ochs» * вместе с прусским полковником Энде. Пратер. Грандиозный фейерверк, сожженный в Angarten, Theatre an der Wien **. Прекрасный балет. Mademoiselle ***. Пиготтини. Петрушка (Casperle). Графиня Clary ****. Я себе заказываю штатское платье. Большой смотр австрийским войскам. Я покупаю себе хорошенькую двуколку. Еду обратно. Из Кобленца Главную квартиру переводят в Бонн. Все лето мы провели в этой чудесной местности. Рейнская провинция. На несколько недель нам пришлось выступить в Марбург. Потом мы возвращаемся в Кобленц. Уже поздней осенью, ближе к зиме, мы идем в Кельн. Я снимаю квартиру у богатого кушца Фево (Feveaus). В его доме все относились ко мне очень хорошо, обращение было самое любезное. Дочки моих любезных хозяев, Луиза и Жанета, оказались очень милыми девушками. Беспрестанные вечера, балы, игра в вист, театр. Невыразимо счастливо провел я эти месяцы. Обе прелестные девушки полюбили меня. Я отдаю предпочтение Луизе — и она живет только мною... Под одним кровом, постоянно вместе — какое искушение! Какие минуты! Воспоминание об этих счастливых мгновениях, об этом счастливом прошлом, которое покрыто завесой времени, храню я свято про себя, но ни время, ни пространство не может *****.

Наступление весны нарушило наш покой и наше счастье. Наполеон бежал с острова Эльбы, появился во Франции и опять зажег факел войны во всей Европе. Все союзные армии хлынули во Францию. И наша русская армия поспешила из далекой Отчизны опять к Рейну.

В моей судьбе произошла важная перемена: по взаимному соглашению обеих государей генерал Тильман перешел на службу к прусскому королю и получил назначение командующего 3-м армейским корпусом. Таким образом, я должен был расстаться с ним. Я обратился к князю Волконскому за распоряжениями и получил от него приказ отправиться в Штутгарт и ждать там прибытия государя. Таким образом, прекрасные отношения между генералом Тильманом и мною, которые выработались в продолжение двух лет моей службы у него, должны были прекратиться. Мне удалось за это время

* «Золотой бык» (нем.).

** «Венский театр» (нем.).

*** мадемуазель (франц.).

**** Клари (франц.).

***** Далее пропуск в тексте.

заслужить любовь и уважение как со стороны генерала, так и со стороны товарищей. Одинаковое звание, одинаковая судьба, одни опасности и радости связывали нас. Каждый из нас уважал в другом храброго солдата и любил его как друга. Расставаясь, мы искренне горевали и утешались только надеждой на то, что увидимся еще в продолжение предстоящей кампании или за зеленым полем.

Генерал отправился со своим штабом к своим новым обязанностям в Ахен, куда я его проводил. Оттуда я вернулся в Кёльн и прожил там три недели в доме своих друзей, с которыми мне еще предстояла горькая разлука. Она была неизбежна. Оставалось надеяться, что все исцеляющее время высушит и эти слезы, вызванные моим отъездом. Бесконечная благодарность к этим благородным людям остается моим постоянным долгом. Да пошлет им судьба вечное счастье и довольство!

Из Кёльна мой маршрут был вдоль Рейна до Майнца, потом через Гейдельберг, Гейльбронн в Штутгарт. Но там мне не разрешили остаться, потому что вюртембергский король не терпел в своей столице чужого войска; так что мне пришлось ехать назад в Гейльбронн, где в продолжение нескольких недель мне пришлось ожидать прибытия государя. В это время на мою долю выпало счастье обнять своего друга Буркерсроде, который направлялся через Гейльбронн в австрийскую армию курьером. Он для меня пожертвовал двумя днями, которые мы постарались провести как можно приятней. Князь Волконский назначил меня плац-адъютантом Главной квартиры государя, которую перевели в Гейдельберг. Здесь мне опять предстояла радостная неожиданность — я увиделся со своим другом Шрекенштейном. Я твердо решил предстоящую кампанию совершить со своим полком и после долгих упрашиваний добился у князя Волконского разрешения отбыть туда. В Ашаффенберге мне пришлось провести в ожидании своего полка несколько дней. Встреча с товарищами по полку. Мне препоручают 5-й эскадрон. Мы спешно выступаем во Францию, через Pont-a-Mousson *. Битва Belle-Alliance ** (или Ватерлоо) англичан и пруссаков против Наполеона решила исход войны. Армия Наполеона была совершенно истреблена и бежала. Таким образом, наши надежды на славный и победоносный поход не оправдались. Нам отвели кантонир-квартиры близ

* Понт-а-Муссон (франц.).

** Битва при ферме Бель-Альянс (одно из названий битвы при Ватерлоо).

Жуанвила, так что нашему полку пришлось стоять в Жербевилье. Население было настроено против нас, что нередко давало повод к кровавым столкновениям. Часто бывало, что наших фуражиров встречали ружейными выстрелами и им приходилось уже силой добиваться того, что им принадлежало по праву.

Отдохнув несколько недель, армия стала лагерем на необозримой равнине под Верто. Здесь произошел грандиозный смотр русской армии, продолжавшийся несколько дней. Наша армия численностью в 180 тыс. человек под начальством самого государя представлялась другим венценосным повелителям. Сейчас же после смотра наша армия, разбившись на несколько колонн, отправилась в обратный поход в Россию. Наша колонна пошла по направлению через Майнц, Франкфурт-на-Майне, Дармштадт, Ашаффенбург, Кобург, Альтенбург, Бреславль, Калиш, Варшаву.

В Ашаффенбурге я присоединился к своему полку. Там я посетил г-жу фон Виммер, так радушно приютившую меня еще в первый мой приезд. На память она мне подарила хорошенький дорожный несесер со столовым прибором из серебра. Когда мы были около Лейпцига, я и туда завернул, чтобы проститься с милыми друзьями, которые когда-то отнеслись ко мне с таким радушием и любовью. Мадам Р. мне по-прежнему предоставила удобную квартиру, а встретила она меня очень сердечно. Так как меня все любили, то мое пребывание превратилось в настоящий семейный праздник. Только два дня посвятил я им, а потом поспешил присоединиться к полку. Поход наш продолжается по предписанному маршруту, и с каждым шагом мы все дальше и дальше удаляемся от этого благословенного края; мы все уходили из него с сожалением, я тем более, потому что все эти три года я здесь наслаждался в полном смысле слова. Чем дальше мы шли, тем местность становилась однообразнее и пустыннее. Мы проходим через Польшу и вступаем в Варшаву. Здесь мы проходим парадным маршем перед великим князем Константином, делающим нам смотр. В сентябре я попросился в отпуск на четыре месяца. Всею душой стремился я видеть родину и обнять всех своих.

1816 [год]

В Бобруйске я получил известие о разрешении отпуска. Было это в самом начале января. Сейчас же я сдал свой эскадрон, оставил свою лошадь и по санному пути

поспешно отправился на родину, в дорогу мне Ригу. Из Бобруйска я ехал через Минск, Динабург и так дальше по московской дороге вдоль реки Двины. Многие места, мимо которых я проезжал, были мне дороги и памятливы еще с детства. В Якобштадте я ненадолго побывал у своих прежних учителей, встретивших меня, своего бывшего воспитанника, со слезами радости на глазах. В Штокмансгоф я не заезжал, а зато в Двиниславу, в которой пролетело самое счастливое время моей юности, я счел своим долгом заехать. Отец уехал отсюда уже несколько лет тому назад. Все предметы, когда-то такие близкие, хорошо знакомые, показались мне теперь какими-то чужими, лишенными своего содержания. Вот дом, который когда-то занимал отец, — теперь в нем жил новый заведующий. Небольшой парк перед домом, когда-то разведенный заботливой рукой отца, теперь сильно поредел. Печальный стоял он под покровом зимы, наложившей печать молчания на всю эту когда-то веселую, оживленную местность. Посещение это вызвало во мне грустное настроение — печально стоял я. Все было такое же и — все-таки иное! По-прежнему вставали предо мной на скалах руины старинного Зельбургского замка, свидетеля моих детских игр, теперь от него веяло холодом и неподвижностью смерти. По-прежнему шумела Двина влево от водопада, но когда-то знакомый моему слуху шум теперь превратился в какой-то неясный шорох, который казался мне только отзвуком прежней гармонии более счастливого времени. Раздосадованный, неудовлетворенный, бросился я в сани и велел ехать дальше. Я весь горел от нетерпения. При свете наступающего дня я уже издали увидел башни родного города; вскоре я уж очутился в его узких улицах. Чем ближе к желанной цели, тем тоскливее сжималось мое сердце. Как-то я все застаю?! Да и застаю ли я всех близких моему сердцу? Давно уж я не имел никаких известий из дома, а чего только не могло случиться за это время! Я даже не знал отцовской квартиры и принужден был остановиться в гостинице. Отсюда уж навел я нужные справки. Оказалось, что отец живет на берегу Двины, вправо от моста. Семь лет продолжалось мое отсутствие; за это время разыгралась и кончилась эта пагубная война, я подвергался неоднократным опасностям — теперь я опять стоял на пороге отчего дома. Юнкером покинул я его — ротмистром, награжденным знаками отличия, здоровым и невредимым, возвращался я в него. Я вошел в дом! Нет слов, какими возможно было бы описать то невыразимо счастливое чувство, которое

испытываешь при таком свидании. Любящая мать, братья и сестры, добрейшая теть Вавочка — все окружили меня, все стремились обнять, и все молчали, потрясенные радостью. Сзади всех стоял мой дорогой, уважаемый отец — больной, слабый, с обнаженной седой головой. Молча, в нетерпеливом ожидании протягивал он ко мне свои дрожащие руки. Слезы радости и счастья наконец всем развязали язык. Так вот он, наконец явился, долгожданный любимец, радость постаревших родителей. Не раз проливали они об нем слезы, беспокоясь за его участь. И вот он вернулся, опять в круг семьи, с полем ужаса и смерти, целый и невредимый, достойный их любви. Велика должна быть радость счастливых родителей. К моему отцу по крайней мере вернулось здоровье, вернулись его прежние силы. Много перемен нашел я в окружающих. Братья и сестры, которых я покинул маленькими, выросли; двое младших родилось уже без меня. Тетю Менк, которая меня очень любила в детстве, я застал больною, а через несколько дней она успокоилась навеки.

Среди окружающих меня родных и близких мне не доставало еще одной дорогой мне особы — тети Пенкер и ее младшей дочери Мины. С самой ранней юности питал я к этой милой девушке нежное чувство любви... Я навожу об ней справки и узнаю, что она — невеста. Меня поразило это известие. Тяжело было мне расстаться с любимой мечтой, которую я так долго лелеял в душе! Это известие настолько взволновало меня, что я решился ей писать — первый раз в жизни, хотя это было, принимая во внимание ее положение невесты, не совсем кстати и даже неосторожно. Обстоятельства заставили ее согласиться на брак с фон Нолкеном, писала она мне, она поступила так, рассудив, что не всем суждено выйти замуж по любви.

Смерть порвала эти узы и все расчеты рассудка. Произошло это быстро и неожиданно. Сердце подсказывало мне, что Мина меня любит, а письма, носившие отпечаток скрытого чувства, доказали мне это.

Время моего отпуска прошло для меня в кругу моих близких весело и незаметно. Для меня это время было довольно достойной наградой за долгую разлуку. Кроме того, мне привелось еще обнять своего старинного брата по оружию Иогансона. Я его не видел с того времени, как его ранили под Бородином. Одна рука у него так и осталась навсегда на привязи. Он посвятил мне несколько недель и прожил все это время с нами, в нашем доме. Но вскоре настал час разлуки со всеми родными и друзьями.

Я поехал в полк, который к тому времени уже давно прибыл на назначенные квартиры в Глухов Черниговской губернии. Во время моего отсутствия меня перевели в Стародубский кирасирский полк, командиром которого состоял полковник Виттингхоф. Стоял он в Курской губернии, в городе Льгове. В его супруге узнал я одну из своих старинных знакомых из родного города, урожденную Амалию Мюпшель.

1817 [год]

Мне дают лейб-эскадрон; стояли мы в деревне Шептуховке. Вскоре нас переводят в город Щигры, а мой эскадрон попадает в д. Покровскую. Служба уже не та, что прежде. Требования увеличиваются по мере реорганизации армии. Командовать эскадроном становится все труднее и труднее. Товарищами и друзьями моими в то время были ротмистр Геккель, Загряжский, Шенинг. Жизнь протекала однообразно и мертво. Единственным развлечением является служба, которой я отдаюсь совершенно, да еще вечный манеж. Знакомство с соседними помещиками не представляло особенного интереса. Знакомлюсь с г-жой Чернышевой и с ее прелестной дочерью, красавицей. Часто бываю у них, и всегда желанным гостем. С Грушенькою мы переживаем счастливые часы. Рандеву. Опасность их. Мадемуазель Vichoff. Зимой на 28 дней я поехал в Москву, куда в это время приехали и Чернышевы. Живу у них в доме. Любовь предприимчива.

1818 г[од]

Возвратившись, я застаю своего брата Августа и определяю его юнкером в свой полк. Часы, свободные от службы, я провожу со своим другом Геккелем. В общем, жизнь мертвая, без всяких удовольствий. Какой контраст с последней кампанией!! Удовлетворяет меня только переписка с Миной П. Завожу себе борзых собак. Охочусь довольно часто. Езда верхом да мои прекрасные лошади доставляют мне приятное развлечение. Государь производит смотр под Курском. И все-таки время летит, несмотря на все однообразие жизни.

1819 г[од]

1 апреля 1819 года меня производят в майоры и переводят в Новгородский кирасирский полк. Геккель и Загряжский тоже уходят из полка. Первый выходит

в отставку. Виттингхоф получает генерала. Брат мой Август произведен в офицеры. В Новгородском полку я командую 6-м эскадроном. Затем меня назначают дивизионным командиром с содержанием в 1000 рублей столовых и 1000 рублей жалованья. Командир полка — полковник Костиц; бригадный генерал — Арсений Ермолаевич Коровкин; дивизионный шеф — Илья Михайлович Дука; корпусной командир — Воинов. Полк наш стоит в Обояни. В 24 верстах от Курска — коренная ярмарка.

Знакомлюсь с семьей Борщевых. Служака я хороший; эскадрон мой один из лучших в полку. При всем этом — однообразие неблагоприятной гарнизонной службы, которая скучна до отвращения. Ощущается стремление к спокойной семейной жизни. Каждое письмо от Мины живит и освежает мое печальное одиночество. Мною овладевает страстное желание видеть ее как можно скорее. Желание, продиктованное сердцем. Решаюсь просить отпуска, чтобы ехать прямо к ней. Простуда и болезнь чуть не нарушают моих планов. Наконец я в состоянии ехать. Чувство сомнения охватывает меня при приближении к Петербургу и Смердовице. Приезжаю никому не известный, чуждый! Сердце мое сжимается. Наконец-то я увижу ту, к которой душа моя стремилась в продолжение стольких лет. Девушку, которая сумела увлечь меня еще мальчиком. Мой идеал должен был предстать предо мной — и предстал. Нам нечего было говорить. Душой мы уже давно принадлежали друг другу. Мина лежала в моих объятиях любящая и счастливая! Два дня, проведенные вместе, прошли незаметно. Она была моя, и я решил сделать ее счастливой, жить только для нее. Мы вместе поехали в Ригу. Ее мать встретила меня с материнской нежностью. Приезд в Нарву. Счастливое время любви! Прибытие в Ригу. Радость моих родителей при встрече со мной после четырехлетнего отсутствия. Сестра Анета за это время вышла замуж и стала матерью. Здесь я застал брата (Августа), еще до меня приехавшего из полка. Мина стала бывать в нашем доме. Родители ее не противились моему сокровенному желанию и с радостью благословили наш сердечный союз.

Комментарии к воспоминаниям И. Р. Дрейлинга

¹ Штокмансгоф — ныне пос. Стукмане, в нескольких километрах от г. Плявиняс (Латвийская ССР).

² Якобштадт — ныне г. Екапилс (Латвийская ССР).

³ Очевидно, имеется в виду Шульц Карл Иоганн (1793—1858) — писатель, философ, служивший при вел. княгине Анне Павловне и в Министерстве иностранных дел.

⁴ Дука Илья Михайлович (1767—1830), выходец из Сербии — генерал от кавалерии, с 1806 г. шеф Малороссийского кирасирского полка. Отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807). С 1812 г. командир 2-й кирасирской дивизии, отличившейся в сражениях под Смоленском и Бородином, при Тарутине и Малоярославце. Участник заграничных походов 1813—1814 гг. Был ранен под Лейпцигом.

⁵ Иккуль — ныне ж.-д. станция Икшкиле (Латвийская ССР).

⁶ Синадино Г. Д. — в 1812—1813 гг. майор, отличился в сражениях при Бородине, Красном и Лейпциге.

⁷ Бирзен — ныне г. Биржай (Литовская ССР).

⁸ Балдонау — ныне пос. городского типа Балдоне (Латвийская ССР).

⁹ Воболойки (в 21 версте от Бирзена) — г. Вабальникас (Литовская ССР).

¹⁰ Ныне г. Ивьэ (БССР).

¹¹ Янов, мест. — ныне г. Йонава (Литовская ССР).

¹² Иогансон — в 1812 г. корнет Орденского кирасирского полка. В Бородинской битве 26 августа отличился «при атаке на неприятельскую батарею, ринувшись первым на пушки, причем получил семь ран. Награжден орденом Владимира 4-й степени с бантом» (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 191, л. 43). Меркулов и Макаренко — корнеты Малороссийского кирасирского полка, награждены шпагой с надписью «За храбрость» за Бородино. Шаталов — в 1812—1813 гг. майор Малороссийского кирасирского полка, отличился при Шевардине, Бородине, Бауцене и Лейпциге.

¹³ Имшенецкий — корнет Малороссийского кирасирского полка, отличился в сражениях при Шевардине, Бородине, Красном, Бауцене и Лейпциге.

¹⁴ Имеется в виду циркулярное распоряжение П. И. Багратиона командирам войсковых соединений 2-й Западной армии о порядке расквартирования войск от 17 марта 1812 г. (см.: Генерал Багратион: Сб. док. и матер. М., 1945. С. 138—140).

¹⁵ Вероятно, имеется в виду князь Четвертинский Борис Антонович (1784—1865) — офицер лейб-гвардии Гродненского полка, с 1 июля 1812 г. командир 1-го конного казачьего полка. Его имя находилось в Гродненской губернии.

¹⁶ В начале Отечественной войны 1812 г. 2-я кирасирская дивизия генерала О. Ф. Кнорринга состояла из бригад Н. В. Кретьова (Екатеринославский и Военно-орденский полки) и И. М. Дуки (Глуховский, Малороссийский и Новгородский кирасирские полки).

¹⁷ Имеется в виду приказ П. И. Багратиона от 17 июня 1812 г. о защите Отечества со «слепым повиновением начальству и неустрашимостью на поле брани» (см.: *Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 158).

¹⁸ Углик — в 1812 г. корнет Малороссийского кирасирского полка, в 1813 г. — поручик, отличился в Бауценском и Лейпцигском сражениях.

¹⁹ 27—28 июня 1812 г. казачьи полки М. И. Платова у белорусского местечка Мир нанесли поражение кавалерийскому корпусу генерала Латур-Мобура. Было взято в плен до 30 французских офицеров и свыше 350 рядовых. Эта победа обеспечила армии П. И. Багратиона двухдневный отдых.

²⁰ Так, предписанием П. И. Багратиона минскому гражданскому губернатору было указано сжигать магазины при подходе неприятеля (см.: *Генерал Багратион.* С. 177—178).

²¹ Рапортом П. И. Багратиону от 12 июля 1812 г. генерал-майор О. Ф. Кнорринг (3-й) докладывал о прибытии 2-й дивизии кирасир в местечко Новый Быхов (Бумаги Шуккина. Ч. VIII. С. 295—296).

²² Имеется в виду сражение 11 июля 1812 г. при д. Салтановке, где благодаря наступательным действиям корпуса Н. Н. Раевского против превосходящих сил противника (войск маршала Л. Даву) главные силы 2-й Западной армии переправились через Днестр.

²³ Ныне г. Славгород Могилевской обл. (БССР).

²⁴ Вероятно, имеется в виду атака 27 июля казачьим корпусом М. И. Платова у д. Молево Болото французского авангарда (дивизии Себастиани).

²⁵ Имеется в виду 7-й пехотный корпус Н. Н. Раевского, прославившийся при защите Смоленска.

²⁶ Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — граф, впоследствии князь, русский государственный деятель, генерал-фельдмаршал. В 1812 г. генерал-майор, командовал сводно-гренадерской дивизией, отличившейся в бою за Шевардинский редут 24 августа и за Багратионовы флеши 26 августа, где был ранен. В 1813—1814 гг. генерал-лейтенант, командир пехоты русского корпуса в составе Северной армии союзников. В 1815—1818 гг. командовал русским военно-оккупационным корпусом во Франции.

²⁷ Орла, парившего над головой М. И. Кутузова накануне Бородинской битвы, видели также Ф. Н. Глинка (Очерки Бородинского сражения // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 320), А. Б. Голицын (*Военский К.* Отечественная война 1812 г. в записках современников. СПб., 1911. С. 67—69), Н. Н. Муравьев-Карский (Русский архив. 1881. № 10. С. 251), М. И. Муравьев-Апостол (Декабрист М. И. Муравьев-Апостол: Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 3) и другие очевидцы. Следует отметить, что воспоминания И. Р. Дрейлинга были написаны раньше вышеуказанных.

²⁸ Имеется в виду сражение за Шевардинский редут, на который Наполеон бросил 40 тыс. войск при 186 артиллерийских орудиях. Кирасиры 2-й дивизии И. М. Дуки находились за частями 27-й пехотной дивизии и были введены в бой в самый разгар сражения. Малороссийский полк атаковал одну колонну неприятеля, Глуховский — другую и, опрокинув французов, преследовали их.

²⁹ И. Р. Дрейлинг явно занижает потери русской армии при Бородине. По последним данным, потери русской армии составляли около 45 тыс.

³⁰ Согласно «Ведомости нижним воинским чинам бывшей 2-й Западной армии, убитым, раненым и без вести пропавшим в сражении 26 августа 1812 г.», в Малороссийском полку было убито семь рядовых,

ранено шесть унтер-офицеров и 44 рядовых, без вести пропало четыре унтер-офицера и 79 рядовых (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV, Ч. I, М., 1954. С. 216). Всего в полку к началу войны насчитывалось 520 кирасир (см.: *Харкевич В.* Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 г. СПб., 1901. С. 37).

³¹ «Малороссийского полка корнет Дрейлинг» упомянут в исходящем журнале П. П. Коновницына (Бумаги Шукина. Ч. VIII. С. 322—323).

³² Имеется в виду Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1790—1848), военный историк, автор капитального труда «Описание Отечественной войны 1812 года» (Т. 1—4. СПб., 1839).

³³ Имеется в виду Евгений Богарне.

³⁴ Граф Миних и Шлейх — корнеги е. в. Кирасирского полка; отличившийся в Бородинской битве Павлов — поручик Екатеринославского кирасирского полка; Львов — корнет Орденского кирасирского полка.

³⁵ Имеется в виду 20-тысячный вспомогательный корпус Г. Йорка, входивший в 1812 г. в наполеоновскую армию, который в июле — октябре оккупировал часть территории современной Латвии.

³⁶ Лик — г. Элк (Польша).

³⁷ Йогансбург — г. Пинь (Польша).

³⁸ Фирсов Петр Саввич (ум. в 1825 г.) — военный инженер, в 1813 г. капитан 1-го пионерского (т. е. инженерного) полка, в том же году назначен командиром 2-й саперной роты лейб-гвардии саперного батальона.

³⁹ Ухтомский А. П. — князь, в 1811 г. подпоручик лейб-гвардии Финляндского полка (см.: ОПИ ГИМ, ф. 137, ед. хр. 205).

⁴⁰ Ныне г. Познань (Польша).

⁴¹ Густав-Адольф II (1611—1632) — король Швеции.

⁴² Тильман (Тилеман) Иоганн Адольф — в 1812 г. генерал-майор саксонской армии; командовал бригадой кирасир во 2-м кавалерийском корпусе французского генерала В. Н. Латур-Мобура. В 1813 г. генерал-лейтенант, комендант крепости Торгау. С мая 1813 г. находился на русской службе, командовал армейским партизанским отрядом, с октября занимался реорганизацией саксонской армии.

⁴³ Исполнинские и Железные горы — ныне горы Крконоше и Рудные в Польше и Чехословакия.

⁴⁴ Правильно: Большие сады — большой регулярный парк в юго-восточном предместье Дрездена.

⁴⁵ Моро Жан Виктор (1763—1813) — французский военный деятель. В 1813 г. был приглашен командованием союзников в качестве консультанта при Главной квартире.

⁴⁶ Ныне Карловы Вары (Чехословакия).

⁴⁷ Бирон Курляндский Густав Каликст (1780—1821) — принц, полковник, затем генерал прусской службы. Командовал прусскими частями в отряде И. А. Тильмана.

⁴⁸ Лефевр Денуэт Шарль (1775—1822) — командир французской гвардейской конноегерской дивизии.

⁴⁹ Сражение под Альтенбургом, в котором партизанский отряд И. А. Тильмана действовал совместно с казачьими войсками М. И. Платова, состоялось 16(28) сентября 1813 г. (см.: Журнал военных действий с 12/24 сентября по 19 сентября/1 октября 1813 г. // Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии: Сб. док. М., 1964. С. 289—290).

⁵⁰ И. Р. Дрейлинг получил орден Анны 2-й степени 29 октября 1813 г. (см. аттестат // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 269, л. 38—41).

⁵¹ Сражение под Наумбургом состоялось 28 сентября (10 октября) (см.: Журнал военных действий с 30 сентября/12 октября по 7 октября/19 октября 1813 г. // Поход русской армии против Наполеона в 1813 году... С. 315—316).

⁵² Лихтенштейн Мориц Иосиф (1775—1819)—принц, генерал-фельдмаршал-лейтенант австрийской армии. В 1813 г. командовал 1-й легкой дивизией.

⁵³ Менсдорф-Пуилли Эмануэль (1777—1852)—граф, австрийский полковник. В 1813 г. командир отряда в корпусе И. А. Тильмана.

⁵⁴ Гуляй (правильнее: Дюлаи — Guilay) Надоска Игнатий—граф; командовал австрийским корпусом Главной (Богемской) армии, при наступлении союзников на Лейпциг—ее авангардом.

⁵⁵ Гейсмар Федор Клементьевич (1783—1848)—барон, адъютант М. А. Милорадовича, командир партизанского отряда, действовавшего в Саксонии; капитан, за отличие произведен в полковники.

⁵⁶ Имеется в виду великая герцогиня Саксен-Веймарская—сестра Александра I Мария Павловна.

⁵⁷ Гувион Сен-Сир Лоран (1764—1830)—маршал Франции. В 1812 г. командовал 6-м корпусом наполеоновской армии; в 1813 г. сформировал 14-й корпус, с которым оставался в Дрездене. Узнав об исходе сражения под Лейпцигом, пытался соединиться с войсками маршала Даву, занимавшими Гамбург, но эта попытка не удалась, и Сен-Сир был вынужден слиться. В 1817—1819 гг. был военным министром.

⁵⁸ Вюртембергский Павел (1785—1852)—герцог. В 1814 г. командовал ангалт-тюрингской бригадой в составе 3-го германского корпуса.

⁵⁹ Мэзон Никола Жозеф (1771—1840)—французский маршал, маркиз; с декабря 1813 г.—граф, главнокомандующий Северной наполеоновской армией.

⁶⁰ Как указывает М. И. Богданович, в сражении при Куртре «генерал Тилеман, не зная достоверно о силах встреченного им неприятеля, не успел вовремя уклониться от боя и потерпел поражение» (Богданович М. И. История войны 1814 г. во Франции и низложения Наполеона по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1865. С. 639).

⁶¹ Вальмоден Людвиг Георг Теодор (1769—1862)—граф, австрийский фельдмаршал-лейтенант. В 1813 г. перешел на русскую службу, командовал русско-немецким легионом Северной армии союзников.

⁶² Ангилемская Мария Тереза Шарлотта (1778—1851)—принцесса, дочь Людовика XVI. В 1795—1814 гг. жила в Австрии, России и Англии.

⁶³ Ротонда—торговое помещение на ул. Нёв, около Пале-Руаяль.

⁶⁴ Имеется в виду Лувр (см. наст. изд. с. 279).

⁶⁵ Очевидно, Бельвиль—северо-восточный пригород Парижа, место загородных прогулок и празднеств.

⁶⁶ Памятник в честь победы Франции в Аустерлицком сражении 1805 г. Авторы—Лепер и Гондуэн (см. наст. изд. с. 265).

Вступление к воспоминаниям М. П. Романова «Записки отставного подполковника...»

Романов Михаил Петрович (17 сентября 1789, Архангельск — 3 марта 1858, Гороховец Владимирской губ.). С 1 января 1812 г. служил в Одесском пехотном полку, куда был переведен из Углицкого полка в чине прапорщика на должность адъютанта.

Во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. находился в действующей армии. Отличился в сражении под Смоленском 5 августа, когда, отражая штурм французов, офицеры Одесского полка выбивали неприятельских стрелков, засевших в домах города. В Бородинском сражении 26 августа был контужен в грудь картечью, награжден орденом Анны 4-й степени с бантом. В сражении при Малоярославле получил сильное ранение в шею, произведен в подпоручики. При преследовании французов в сражении при р. Кацбах 14 августа 1813 г. особо отличились поручики Глазунов, Романов и Бабушкин, которые «штыками загоняли французов в Кацбах». М. П. Романов был произведен в штабс-капитаны. За отличие в Лейпцигском сражении 5 ноября 1813 г. был награжден орденом Владимира 4-й степени. 20 января 1814 г. штабс-капитан Романов «при атаке селения Ла-Ротьер, невзирая на сильный неприятельский огонь, с примерным мужеством и неустрашимостью ударил на неприятеля. Был произведен за отличие в капитаны (см.: Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Т. 1. М., 1911).

В феврале 1819 г. М. П. Романов вышел в отставку в чине подполковника и поселился в г. Гороховце. С 1821 по 1824 и в 30-е гг. занимал должность исправника, с 1824 по 1830 г. — уездного судьи.

«Записки» М. П. Романова помещены в записной книжке карманного формата, которая поступила в ГИМ в 1926 г. Книжка в бордовом кожаном переплете с серебряным орнаментальным тиснением и обрезом, в коробке. Бумага с водяным знаком «Б. У. 1830» изготовлена на фабрике Усачевых (Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959. С. 41. № 99). Текст помещается на 55 листах. Собственноручные «Записки»

М. П. Романова об Отечественной войне и зарубежных походах, которые публикуются в настоящем издании, занимают первые 20 листов. Последующие записи отражают события личной жизни М. П. Романова и его гражданскую службу в Гороховце; имеются записи его стихов. В конце записной книжки помещены сообщения о смерти М. П. Романова и его жены, сделанные, видимо, рукой их сына.

«Записки» М. П. Романова, являясь по своей форме воспоминаниями, написанными спустя четверть века после наполеоновских войн, по лаконизму записей близки к дневникам. Они содержат краткие сведения о главных сражениях, участником которых был Романов, о гибели и ранениях его товарищей, о боевом пути полка с обозначением маршрута движения, дат и названий населенных пунктов.

Воспоминания особенно ценны благодаря содержащейся в них информации о действиях знаменитой 27-й пехотной дивизии Д. П. Неверовского, в составе которой Романов в 1812 г. проделал путь от пограничного городка Новогрудка, где его застала война, до Малоярославца, где он был тяжело ранен. Естественно, особый интерес представляют строки записок М. П. Романова, посвященные Смоленскому сражению и Бородинской битве. Как известно, дивизия Неверовского героически обороняла Смоленск (сначала в составе 7-го пехотного корпуса Н. Н. Раевского, а затем 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова) против 180-тысячной армии Наполеона вплоть до подхода основных сил русской армии. В Бородинской битве 27-я пехотная дивизия 24 августа отличилась в сражении за Шевардинский редут, а 26 августа — при защите Багратионовых флешей. Неся огромные потери, она, как рапортовал Неверовский М. И. Кутузову, исполнила «долг чести и храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения овладеть батареями» (Бородино. 1812—1862: Документы, письма, воспоминания (далее: Бородино). М., 1962. С. 165). В этом отношении записки М. П. Романова являются ценным дополнением к воспоминаниям о Бородинской битве самого Д. П. Неверовского (Записка генерала Неверовского о службе своей в 1812 году // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М., 1859. С. 79—80), а также воспоминаниям другого офицера из 27-й пехотной дивизии — Н. И. Андреева (Русский архив. 1879. № 10. С. 191—193).

Весьма любопытны и записи об участии Романова в zahraniчных походах начиная с осенней кампании 1813 г. Наиболее подробны описания сражений на территории Франции в январе — феврале 1814 г., которые, кстати, недостаточно освещены в мемуарной литературе. В записках упоминается о вторичном выступлении дивизии во Францию в апреле 1815 г., вызванном бегством Наполеона с острова Эльба.

М. П. Романов

Записки отставного подполковника
Михаила Петров[ича] Романова
военным действиям в России и за
границей
с 1812 и по 1817 год,
в которых он участвовал.
1838 год

1812 год

Генваря 1-го из Углицкого пехотного полка переведен был на формирование 27-й пехотной дивизии, квартирующей в Москве, и поступил на службу в Одесский пехотный полк, будучи прапорщиком в звании полкового адъютанта.

Мая 1-го, оставя столицу, дивизия наша, заключающая в себе полки: Одесский, Тарнопольский, Виленский, Симбирский, 49-й и 50-й егерские — под начальством дивизионного командира Неверовского¹, следовала к городу Ново-грудку, т. е. к границе польской. Но, не доходя назначенного места, потянулись обратно, по дороге к Смоленску^{*2}. Потом, соединясь с главнокомандующим 2-й Западною армиею князем Багратионом, имели следующие движения.

Августа 4-го и 5-го числ первое дали мы сражение с французами при городе Смоленске. Тут корпус наш не мог стоять против многочисленных неприятельских сил³. 6-го числа при рассвете отступили назад по Московской дороге; в сем сражении, именно 5-го числа, потеряли мы, к сожалению общему, шефа полка Потулова³, благодетельного и храброго полковника **, несколько офицеров и нижних чинов⁴.

* Нечаянное и вероломное вторжение в российские пределы Наполеона Бонапарта было причиною сей перемены.

** Он был убит пулею, которая ударила ему в грудь и прошла насквозь. Это было при мис.

С сего времени ретировались мы до с. Бородина, где 24 и 26 августа была ужасная битва; здесь я получил сильную картечью в грудь контузию и за оказанную храбрость пожалован орденом Св. Анны 4-й степени на шпагу. В сем сражении полк наш потерял много убитыми и ранеными⁵. В числе их полковой командир подполковник Алексеев и майор Бирюков 1-й получили жестокие раны*⁶.

Неприятель, пользуясь одною многочисленностию своею, 2 сентября вступил в Москву и обратил ее в пепел; наши войска отступили к границам Тульской и Калужской губерний и отдельными отрядами причиняли неприятелю великий урон. 17 сентября имели сражение при с. Чирикове, 22-го при д. Воронове⁷, а особливо знаменитые победы октября 6-го при Тарутине и 12-го Малом Ярославце, где я был ранен жестоко в шею пулею, которая чрез три месяца чрез операцию вырезана; за отличие в оном удостоился получить высочайшее благоволение. Тут были ранены командующий полком нашим 49-м егерским майор Тихановский и другие офицеры; Малой Ярославец несколько раз переходил из рук в руки, но наконец остался в руках наших⁸; Наполеон должен обратиться в бегство: из 600-тысячной армии едва малые остатки вышли из пределов России. К сожалению моему, я, будучи тяжело ранен, не мог участвовать в сем случае, а находился в калужском госпитале, покуда рана закрылась, а потом отправился в Архангельск, где и пуля была вырезана. К полку своему прибыл в г. Вильно 1813-го в февралье месяце.

1813 год

После сего война была перенесена в Пруссию и Саксонию. Все европейские державы одна за другой приступили к справедливому делу России. Надобно сказать прежде, что я полк свой нашел Виленской губернии в местечке Эйшишках⁹, где, пробыв на квартирах недель до шести, потом 14 апреля выступил за границу. С сего времени и по 2-е число июня имел по маршруту поход в прусскую Шилезию и поблизости города Эльса¹⁰ имел кантонир-квартиры по 8-е число июля, а потом 6 августа под началом генерала Сакена¹¹ имели направление к городу Бунслау, и, не доходя его, 7-го числа при деревне Кейзерс-Вальдау в 10 часов утра и до самое ночи оное

* За Бородинское дело полк получил гренадерский бой⁷.

продолжалось: неприятель был отсюда вытеснен к городу Бунслау. 9-го числа имели дело при оном городе, но, как неприятель получил секуре¹², мы отступили для соединения с войсками прусского фельдмаршала Блюхера¹³. 11, 12 и 13-го преследованы были неприятелем, а 14-го числа имели сражение при селении Кацбахе, неприятель тут совершенно разбит и потерял множество пушек с зарядами, убитыми и ранеными. После того преследован был до Саксонии. 21-го вступили в оную, первой город был Герлиц, где до 24-го числа бивакировали; за последние сии дела я награжден чином штабс-капитана; с 27 августа и по 4 сентября имели разные движения, с 4 и по 13-е число стояли в одной позиции близ Марьерштейнского монастыря, 13-го шли к г. Бауцену, 14-го обратно следовали по той же дороге, 19-го до г. Мильберг чрез р. Эльбу, 20-го числа к г. Герцберг, 22-го следовали до д. Макран, 27-го ретировались, и диспозиция несколько раз переменялась, 28-го числа вступили в Вестфалию, в г. Рагун, 29-го сильной делали марш. С 30 августа и по 3 сентября имели отдых в д. Кехтштат, с сего числа имели марш к г. Галле. Потом октября 4, 5, 6 и 7-го числа был в сражении при г. Лейпциге¹⁴; блистательная и единственная битва сия решила участь Европы; я за оказанную храбрость в сем деле пожалован орденом С[вятого] Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени с бантом, на что и получил рескрипт от главнок[омандующего] графа Барклая-де-Толли, а потом получил отличие на кивере. Таким образом, выгнав неприятеля из Лейпцига, преследовали его до 16-го числа беспрестанно и во все время находились в биваках. 17 и 18 октября имели небольшие переходы, 19-го проходили местечко Шлицы до Ляухтербах, 20-го чрез м. Алцверт до д. Гроссгейм, 21-го до д. Редеген, 22-го до г. Вицнери, 23-го до д. Наумбург, 24 и 25-е число оставались в той же позиции, 26-го чрез г. Вейльбург, 27-го чрез г. Минбурн до с. Эльс, 28-го чрез г. Фрейлинг до с. Максейн, 29-го и 30-го в квартирах, 31-го до с. Эльс, ноября 1-го проходили г. Лимбург до с. Бурх-Швалбах, 2-го до д. Нидер-Аурас, 3-го чрез г. Вицбадин¹⁵ и Гохгейм до с. Телизгейн. 4-го до г. Гохгейм, где и содержали блокаду при крепости Маянце, по 21 ноября, а с сего числа и по 18 декабря расположены были в квартирах в деревнях Наугейм, Грозгейм и Грифенгаузен. 19-го следовали до д. Нефертие, 20 декабря переправились чрез р. Рейн и вступили во французские владения; при переправе ночевали в поле, 21-го проходили г. Франкенталь и до д. Фор-Рейн, 22-го в походе, 23-го в д.

Эссельборн, 24-го Керцезгейн, 25-го Гохшпеер, 26-го Ландшуп, 27-го Мернбах, 28-го и 29-го Цвейбрик¹⁶, 30-го Саргеми, 31-го Валервальд.

1814 год

Генваря с 1-го имели разные движения; 7-го проходили г. Нанси (провинция); 8-го числа при г. Вокулере имели с французами дело, откуда они были выгнаты; 9-го имели тут растах, потом до 17-го числа переменили свои места, неприятель делал на наш корпус атаку, между тем имели направления к г. Шатобриану, где Бонапарте воспитывался¹⁷; 18-го и 19-го отступили по прежней дороге, неприятель был в виду. Генваря 20-го поутру в 10 часов пошли по направлению парижской дороги к д. Ляротьер, где корпус наш, генерала Сакена, вступил в сражение, которое продолжалось до глубокой ночи¹⁸. С обеих сторон была великая канонада, неприятель был совершенно разбит; в сем сражении, к сожалению нашему, получил жестокую рану командующий дивизиею генерал-майор Максим Федорович Ставицкий¹⁹. Я, командуя батальоном, за оказанную храбрость пожалован капитаном, а полк наш — Георгиевскими знаменами²⁰.

С 21-го и по 23-е число генваря преследовали неприятеля и ночевали во все время в биваках, а потом имели разные движения. 30-го числа генваря вступили в сражение при Монмирале, в сем деле потеря наша была значительна, оставя на месте 4 пушки. 31-го в сражении при Шато-Тьерри²¹ и за оказанную в оном храбрость удостоился получить высочайшее благоволение; с 1 по 5 февраля ретировались и проходили чрез г. Реймс; 7, 8 и 9-го стояли в одной позиции; 10-го переправились чрез реку санно; 11, 12 и 13-го стояли в переменных позициях, 14-го ночевали при г[ороде] Мо. 15-го тут же, где неприятель препятствовал переправиться чрез реку санно; 16-го, обойдя влево, переправились чрез понтонные мосты и следовали к г. Суассону. 17, 18 и 19-го ретировались для соединения с корпусом графа Воронцова; с 20-го по 28-е число делали разные движения; 25, 26 и 27-го удерживали стремление неприятеля на корпус графа Винценгероде, которым был неприятель разбит, и взято в плен множество людей и пушек²². Потом с 28-го и по 1-е марта преследованы неприятелем до г. Суассон, где в последний день было сражение, наши полки стояли в боевом порядке. С сего числа беспрестанно имели сражения, 1 марта проходили главный город Реймс, в нем коронуются фран-

цузские короли. Потом 16 марта, переправясь через р. Марну, остановились в г. Мо для удержания переправы неприятеля. Главные же наши силы под начальством графа Баркляя-де-Толли двинулись к главному столичному городу Парижу, а 21-го и наш корпус следовал туда же. 22 марта, именно в воскресенье, вступили церемониальным маршем в гордую столицу Франции и, пройдя оную, остановились при крепости Венсене, где держали блокаду по 31-е число в расстоянии от Парижа в одной версте. В течение сего времени праздновали святую Пасху. 31 марта выступили обратно в Россию и, пройдя Париж, ночевали за оным в поле.

Апреля с 1-го и по 9-е число были в походе, а с сего времени и по 29 апреля имели отдых на кантонир-квартирах; в д. Мантуа я квартировал с вверенною мне 3-й гренадерскою ротой. Потом продолжили марш свой к своим границам и, проходя разные европейские государства, как-то: королевства Вюртембергское, Баварское, Саксонское, Пруссию, герцогство Дармштадтское, Веймарское и прочие, вступили наконец в свои пределы 9 августа 1814 года и остановились на квартирах Гродненской губернии, в местечке Кринцах, где и были восемь месяцев.

1815 год

Когда Наполеон бежал с острова Эльбы и сделал новое потрясение во Франции, собрав опять многочисленную армию, тогда союзные монархи для восстановления прежнего спокойствия в Европе и восстановления дома Бурбонов во Франции двинули войска свои во Францию; и потому полки нашей дивизии выступили для сего вторично во Францию 1815-го, апреля 1-го и, проходя германские владения, вступили в пределы Франции. Но как уже до прибытия нашего Наполеон был взят и отвезен на остров Святой Елены, то мы остановились Нанцизской провинции в городе Фиессе, и в августе-месяце того ж года всей нашей армии, собравшейся при Вертю в Шампани, был смотр в присутствии нашего государя императора, австрийского императора, короля прусского и других владетельных особ, которой несколько дней продолжался.

После того следовали мы обратно в Россию теми же местами, чрез которые прежде проходили, и 26 декабря 1815 года остановились квартирами Витебской губернии в городе Сенно [...].

ф. 92 инв. 86088
арх. 456, л. 2—21.

Комментарии к воспоминаниям М. П. Романова

¹ Неверовский Дмитрий Петрович (1771—1813) — герой Отечественной войны. В 1812 г. генерал-майор, командир 27-й пехотной дивизии, сформированной накануне войны. Отличился при обороне Смоленска, в бою за Шевардинский редут и Багратионовы флеши; за отличие в Бородинской битве произведен в генерал-лейтенанты. Участвовал в сражениях при Тарутине и Малоярославце и в кампании 1813 г. Смертельно ранен в Лейпцигской битве 6 (18) октября 1813 г.

² 27-я пехотная дивизия соединилась со 2-й армией 21 июня 1812 г.

³ Потулов Александр Александрович (1780—1812) — первый командир Одесского пехотного полка, сформированного в 1811 г.; с 28 апреля 1812 г. шеф полка. Погиб под Смоленском.

⁴ В Смоленском сражении 4—5 авг. было убито два офицера, пять унтер-офицеров и 113 рядовых Одесского полка; ранено шесть офицеров, семь унтер-офицеров и 187 рядовых; без вести пропало 114 нижних чинов (*Попов Ф. Г.* История 48-го пехотного Одесского полка. Т. 1. М., 1911. С. 66, 72).

⁵ Особо отличился Одесский пехотный полк в бою за Шевардинский редут ночью 24 августа, остановив продвижение численно превосходящих сил неприятеля. Об этом вспоминал командовавший обороной редута генерал А. И. Горчаков (см.: *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 196—198). В сражении за Шевардинский редут было убито один офицер, один унтер-офицер и 11 рядовых полка, ранено 11 офицеров, семь унтер-офицеров и 82 рядовых и без вести пропало 117 рядовых; 26 августа при защите Багратионовых флешей было убито 59 унтер-офицеров и рядовых, ранено 204 и без вести пропало 236 (*Попов Ф. Г.* Указ. соч. С. 99; Бородино... С. 190).

⁶ Как указывается в упомянутой выше рукописи В. П. Никольского, майоры Одесского пехотного полка Салов и Бирюков 1-й «в сражении 26 августа мужественно атаковали неприятеля, сильно стремившегося на левый фланг, и опрокинули его, подавая собою пример подчиненным, причем и ранены». Бирюков был награжден орденом Анны 2-й степени (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 191, л. 143). Алексеев, командуя полком, был тяжело ранен и, по представлению Д. П. Неверовского, награжден золотой орденом «За храбрость» и произведен в подполковники.

⁷ «В числе видов барабанного боя — сигналов, условно заменяющих определенные команды или приказанья (тревога, сбор, встреча знамени и т. д.) маршевого боя, помогающего в пехотном строю держать нормальный темп движения и ногу, в русской армии был особого рода бой, так называемый поход, под который войска проходили во время парадов, смотров, других торжественных церемоний. Эти «походы» были разными у гвардии, гренадер, армейских частей. И в качестве награды некоторым армейским полкам, отличившимся в сражении, было пожаловано право идти торжественным маршем не

под армейский, а под более почетный гренадерский бой», — указывает В. А. Дуров (см.: Герои 1812 года. Серия ЖЗЛ. М., 1984. С. 602).

⁸ В сражении при Малоярославце было убито 48 унтер-офицеров и рядовых, ранено шесть офицеров и 73 рядовых и без вести пропало два унтер-офицера и 257 рядовых (Попов Ф. Г. Указ, соч. С. 114). Тихаповский, майор 50-го егерского полка, командовал в этом сражении Одесским полком, а шеф 49-го егерского полка Кологривов — бригадой, куда входил Одесский полк.

⁹ Ныне г. Эйшишкес (Литовская ССР).

¹⁰ Ныне г. Олесница (Польша).

¹¹ Одесский пехотный полк вошел в состав корпуса Ф. В. Остен-Сакена, включенного в Силезскую армию союзников под командованием Г. Блюхера.

¹² Секурс (*франц.*) — помощь, поддержка.

¹³ В бою при Кайзеревальдау союзные войска потеснили наполеоновскую армию, однако 9 (21) августа при Бушлау в связи с прибытием подкреплений к противнику вынуждены были отступить.

¹⁴ Одесский пехотный полк штурмовал Лейпциг с северной стороны, где сопротивление наполеоновских войск было особенно упорным.

¹⁵ Следует читать: Висбаден.

¹⁶ Следует читать: Цвейбрюккен.

¹⁷ Имеется в виду г. Бриенн-ле-Шато, где в 1779- - 1784 гг. учился в военном училище Наполсон и где 17 (29) января 1814 г. состоялось сражение, в ходе которого наполеоновские войска потеснили союзников.

¹⁸ В сражении при Ла-Ротьер было взято в плен 1 тыс. человек и захвачено 73 орудия.

¹⁹ Ставицкий Максим Федорович (1778 -- 1841) — сенатор, генерал-лейтенант, в 1812 г. полковник, командир 27-й пехотной дивизии, состоявшей из Одесского и Тернопольского полков. Отличился под Смоленском и Бородином, где был дважды ранен; произведен в генерал-майоры. Сражался при Бушлау, Кацбахе, Лейпциге. После смерти Д. П. Неверовского командовал 27-й пехотной дивизией.

²⁰ По представлению Ф. В. Остен-Сакена Одесскому полку были пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За Шатобриан и Ла-Ротьер».

²¹ После поражений в сражениях при Монмирале и Шато-Тьерри союзники вынуждены были отступить за Марну.

²² Имеются в виду сражения при Краоне и Лаоне.

Вступление к воспоминаниям И. М. Благовещенского «Из воспоминаний»

Благовещенский Иван Матвеевич (1786—после 1859)— мелкий провинциальный чиновник. Из обер-офицерских детей. Родился в г. Юрьеве-Польском Владимирской губ. Службу начал канцелярским служителем Главной соляной конторы в Москве в 1801 г. С 1809 г.— секретарь Юрьевского уездного суда, коллежский регистратор. В августе 1812 г. вступил прапорщиком в 5-й полк ополчения Владимирской губ. под командованием полковника Н. Я. Черепанова и был назначен батальонным адъютантом и командиром сотни (роты). В сентябре 1812 г., когда Владимирское ополчение было выдвинуто для ведения активных действий против неприятеля в Подмоскovie, он находился в составе своего полка в Покровском уезде. После изгнания наполеоновской армии из Москвы 17 октября 1812 г. М. И. Кутузов предписал Владимирскому ополчению отправиться туда и временно взять на себя управление городом. 5-й полк, в котором служил Благовещенский, находился с 25 октября в окрестностях Москвы, а в декабре 1812 г. был переведен в столицу для несения караульной службы и отправления судебного-следственных функций. 8 сентября 1813 г. полк был отправлен в г. Борисов Минской губ., где находился с 25 сентября 1813 до 22 января 1814 г., до опубликования указа Александра I о роспуске Тверского и Владимирского ополчений. Возвратясь 23 мая 1814 г. в родной город, Благовещенский вновь поступил на гражданскую службу. В июле 1815 г. был определен на место почт-экспедитора в Суздале, в 1823 г. произведен в титулярные советники, а в 1826 г. переехал в г. Дмитров Московской губ. и до 1859 г. состоял секретарем Дмитровского уездного суда. Благовещенский был пожалован орденом Владимира 4-й степени, по которому получил потомственное дворянство (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. док. М., 1962. С. 117—124; Владимирское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. док. и матер. Владимир, 1963; Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. I. М., 1914. С. 128—129).

Воспоминания И. М. Благовещенского, поступившие в Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года от его внука Н. Я. Бокова 13 мая 1910 г. (см. Инвентарную книгу

поступлений в Музей 1812 года // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 62, л. 5 об.), представляют собой рукопись в четверть листа, в переплете, написанную чернилами (почерк местами разбирается с трудом), подписанную автором и датированную им 18 марта 1859 г. Рукопись скреплена печатью. На титульном листе рукой И. М. Благовещенского написано:

«История гражданской, а впоследствии и почтовой службы,
Были опые очень без дружбы,
Но посмотреть любопытно ополченную,
Кровному родству она была, к огорчению, изнуренною!»

Ниже рукой Н. Я. Бокова помета:

«Дедушкины записки. Переданы мне от бабушки Шахматовой. Н. Я. Боков» (имеется в виду жена И. М. Благовещенского — Елизавета Тимофеевна, урожд. Шахматова).

В настоящем издании печатается основная часть воспоминаний И. М. Благовещенского. Опушен фрагмент за 1815—1859 гг. (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 309, л. 15—17 об.), выходящий за хронологические рамки темы публикации, — в нем дается краткая характеристика службы И. М. Благовещенского по почтовому и судебному ведомствам.

Воспоминания И. М. Благовещенского написаны языком, типичным для провинциального русского чиновничества 1-й половины XIX в., по всему чувствуется, что автор, хотя и прослужил два года в армии, оставался человеком сугубо штатским. Вместе с тем Благовещенский не лишен наблюдательности и, что самое главное, очень точен в описании тех событий, свидетелем и участником которых он был.

В воспоминаниях И. М. Благовещенского отражен патристический подъем населения Владимирской губ., связанный с массовым вступлением в народное ополчение. Автор рассказывает о порядке формирования ополчения во Владимирской губ., об обучении ополченцев военному делу, о маршрутах продвижения отдельных полков. Воспоминания Благовещенского подчеркивают ту роль, которую сыграло Владимирское ополчение в осуществлении блокады оккупированной наполеоновской армией Москвы. Как указывает В. И. Бабкин в своей монографии, «охрана Владимирской губернии имела важное значение для обороны страны в целом. Владимирская губерния располагала значительными продовольственными ресурсами, в которых остро нуждалась неприятельская армия в Москве» (Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 146). Поэтому и представляются столь ценными страницы воспоминаний Благовещенского, рассказывающие об организации системы заградительных постов, сторожевых и разведывательных пикетов для преграждения неприятелю пути во Владимирскую губ. Особый интерес представляет рассказ о событиях, которые произошли в Богородском у. Московской губ. В середине сентября 1812 г. 14-тысячный отряд наполеоновской армии продвинулся по Владимирской дороге

и захватил город Богородск (ныне Ногинск), который попытался превратить в базу для продовольственного снабжения своих войск. «Возникла опасность непосредственного вторжения неприятеля в пределы Владимирской губернии,— указывает В. И. Бабкин.— Для пресечения грабительских действий неприятеля шесть полков Владимирского ополчения численностью до 15 тыс. человек были посланы к Богородску и Покрову» (Указ. соч. С. 146). Рассказывая о боевых действиях Владимирского ополчения, преградившего дальнейшее продвижение французских войск, Благовещенский особое внимание обращает на подвиги простых русских крестьян Подмосковья, уничтожавших целые отряды французских фуражиров, которые грабили местное население. Сам Благовещенский непосредственного участия в боевых действиях не принимал, но его безыскусный рассказ о всенародной борьбе с оккупантами, о бедствиях ополченцев (в частности, о массовых эпидемических заболеваниях, от которых Владимирское ополчение понесло жертв гораздо больше, чем в период боевых действий) впечатляет не меньше, чем иные батальные сцены.

Воспоминания И. М. Благовещенского интересны описаниями состояния Москвы после ухода неприятельской армии, похода 5-го полка Владимирского ополчения в Белоруссию с рассказами о разрушенных в боях и разграбленных французами городах (Смоленск, Красный, Борисов), картинами быта русской армии и т. д. В целом они существенно дополняют известные воспоминания о действиях народных ополчений в 1812 г. (см.: *Штейнгель В. И.* Записки касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах... Ч. 1. СПб.; Ч. 2. М., 1815; «Рассказы о походах 1812 и 1813 годов прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Р. Зотова». СПб., 1826; *Селунский К. И.* Походные записки прапорщика Пензенского ополчения 1813 и 1814 гг. // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912, С. 1—143, и др.).

И. М. Благовещенский

Из воспоминаний. 1859 г[од]

На одиннадцатое лето рождения моего в городе Юрьеве родитель мой, имев влияние в чувствах сердоболья и устройству меня в ходу щастием, решился расстаться и отделяет от груди своей и Отчизны; привез в Москву и отдал на попечение своего брата родного, с тем чтобы образовать меня в качествах приличных и свойственных благоразумному воспитанию в нравственности. Следы оных постепенно открывались мне в другом виде — и в скором времени чувствовал себя другим, готовым служить. Родители мои утешались предметами этих предприятий, присоветовали определить в гражданскую службу как правила суждения и цель ко благу пользы. Через несколько м[еся]цев дядя мой случайно, покровительством князя Ш... определил меня в Главную соляную контору, в число канцелярских служителей, вторым нижним чином в 1801 году. Тут, привыкая к службе и многолюдству, старался быть усерден к оной и чрез год получил еще чин, к оправданию прилежания к службе. По замечанию моего благодетеля, князь сей имел благородные хорошие качества, сродные с его великодушием, коим оцастливил меня своим вниманием. Служил до 1803 года под его протекцией, но усматривал я, что положение мое у дяди помещением становилось в тягость тем из его семейства, оказывали уже хладнокровие не по-родству и некоторые упреки. Вижу, что я должен располагать о перемене моего бытия, и в осеннее время выпросился и был уволен в отпуск к родителям. Ищу оказии и скоро нашел крестьянина из селения, ближайшего к городу; с охотным стремлением распрациваясь с дядею и семейством его, сажусь на подводу, не понимая, что на мне весьма лихая одежда и что быть может суровая погода. И точно — из хорошего дня [погода] изменилась: подул северо-западный ветер, а вслед пошел и большой дождь и уливал весь день с крепкими грозными ударами грома, с частым сиянием молнии. Это

приводило меня в ужасное беспокойство, тем более что платье на мне не могло уже согреть и я боролся с холодом. Наконец в виду показывается последнее жилище селений того города, куда стрелою влечет к кровному моему родству, и оживило тогда ж мои чувства. Приехав в С[уздаль], нахожу тут хорошего управителя знакомого; вот он тотчас отогревает и угощает радушным гостеприимством, утешает скорым свиданием с моими родными, а это-то более оживило мои чувства; утешительный разлился бальзам, и будто я сделался живым, и беспокойные чувства улетели, хотя начинал* некоторую тягость от холоду, но утром на заре поданы были для меня лошади, и я с восторгом вскочил в повозку и быстро лечу. Скоро усмотрел город своего рождения и наконец, подъезжая к дому, вхожу в покои, где едва еще пробуждались от ночного сна; люди предупреждают родителей моим приездом, они, с свойственным влечением к любви, сына тотчас величают, обнимают с горячностью чувств, соединя свои ласки, и тут слезы делают победу и у всех на глазах, и к тому же подросли и два брата — старший и меньшой — с подобными любезностями и сели в кружок. Начинаем продолжительный разговор неожиданного утешительного моего приезда, который казался для них очень странным, а более на мне как будто весеннее одеяние легкое, судя по начатию осенней погоды. Но мое свидание с родными покрывало необдуманную на то опрометчивость и легкомыслие; через несколько дней потерял часть здоровья, и затем появилась горячка, которая угощала меня более шести недель, но при помощи родителей взят тотчас почтенный старичок лекарь [господин] Будих, и его медицинские средства восстановили спокойствие, и болезнь была непродолжительна, и в скором времени получил облегчение. Обращаясь тогда разговором, чтоб отправиться в Москву, и время на службу, хотя в начальстве было удостоверение о моей болезни, от которой имел даже просрочку, но остался еще на несколько времени и думал возвратиться к службе. Родитель был совершенно противных мыслей и советует остаться до настоящего выздоровления, а послать просьбу о увольнении от должности и тем заспокоить и дядю моего от излишнего бытия при его семействе, чтобы не отягощать и содержанием. Мысль и воля родителя для меня была

* Так в тексте.

священна; исполняя пожелания, скоро получил и акты на увольнение от службы, а посему и остался в доме родства. В четвертый м[есяц] того ж года определился я в городе у родных в 1808 году службою к отцу моему для вспомоществования в его почтовой должности и, приспособиваясь к порядку, старался помогать в облегчение его лет. И служа с год, наконец требовал долг, заслуги, и в 1809 году занял другое, в уездном суде место, где подвизал свое усердие и к новой должности и в том успел снискать истинное внимание начальника, который хорошо ценил мою службу и успехи оправдывал доверием своим, так что чрез пять м[есяцев] представил в классный первый чин, который и получил не иначе как [через] м[есяц], находился на экзамене в канцелярии гражданского губернатора, поэта к[нязя] Долгорукова¹. Чин этот привел меня в жизни в другом виде, и общежитие не стало мне быть чуждым, и, постепенно ознакомясь к управлению себя качествами, был принят благородными семействами, от них получив и сведение к образованию. Ведя образ жизни умеренно, уделяя притом свою помощь к службе отца до 1812 года. А в сей неприятный для России год, когда вторгнулся неприятель в пределы ее, везде слышны французы, французы! Разорение огнем хижин, ограбление жителей и тем наводили ужасы для всех и на каждого смертного.

Высочайшая воля опубликована, и собирается тотчас военное ополчение на защиту веры и царя и каждого своего семейства². Этого случая никто не терял, а желал в тогдашнее время каждой быть полезным Отечеству. Я, видя большую перемену в службе и действие предрассудков почтового в губернии начальника и его предосудительность, рассудил мысленно оставить эту службу.

Надежда к лучшему, когда и ты — мечта!
Забавы, радости все будут суета.
Так часто случая бываем мы игрою
И часто злобною утеснены судьбою.

В это время по полиции в городе служил городничий Михайлов; имея благородные качества, находился у него на хорошем щету и был им любим. По гласу народному об ополчении прибыл и главнокомандующий оным, в доме городничего усмотрел меня в занятиях по службе, вдруг стал ему советовать, чтоб отпустил меня в ополчение, и уговорить, что[бы] тотчас я поступил батальонным адъютантом и квартирмейстером. Вот

городничий настоятельно начал и мне советовать, и хотя я представлял ему резоны, что один помощник у отца, но он обще с князем Голицыным³ уговорили и сейчас обмундировали, и дано предписание — быть адъютантом. Я, осмотря себя, что на мне уже казакин, в сапогах шпоры, на голове высокая шапка в виде кивера с крестом и надписью под оным: «За веру и царя!», а на боку сабля; вот, видя себя военным, решился идти в дом к родителям, дабы принести извинение, что без их согласия вступил в службу ополчения, и когда проходил двором, то дворовые не узнали меня в новом костюме. Вхожу в комнаты и расхаживаясь по зале, а между тем приказал доложить хозяину, что я желал его видеть. Смотрю, отец приходит и начально полагал, что посторонний ополченный офицер, всматриваясь в меня, и ахнул, назвав любимым именем: «Ванечка, что это ты сделал?» То я, извиняясь, просил не сердиться, а благословить на божье призвание; вот вступила и мать, сокрушается родительская жалость, извлекла уже у обоих слезы. Я, целуя их руки, рассказал, какой со мной неожиданный был случай, и настоятельно просил благословить, и хотя с большим огорчением, но благословили. Явился к обязанности и ополчился обще с дворянами, поступил адъютантом с переименованием из гражданского в военный чин прапорщиком*; недолго продолжалось, военное ополчение собрано и в готовности к походу⁴. Вот час ударил, я явился к баталиону. Родные со свойственною любовью и чувствами, провожая, прощались, и у всех на глазах слезы; принял родительское благословение и с ним, как с оружием непобедимым, умчась и успокаивая их, чтоб не огорчались, а ожидали возвращения. Мое родство и домашняя прислуга провожают с чувством сострадания, с слезами на глазах; каждый смертный может судить, какова естъ разлука, и в чувствах оставить ее цепу! Наконец спешу ко фронту воинов, собравшихся за городом, в поле, и скомандовано уже в каре, где начался молебен и водосвятие, молитва с коленапреклонением. По окончании прикладывались кресту господню и окроплены святою водою, потом находившийся тут в служении архимандрит Никон поднес полковому начальнику образ святого архистратига Бо-

* Далее пропуск в тексте.

жия Михаила на сопутешествие готовых лиц к защите Отечества и родства. Приняв это видимое благословение и твердость духа последний раз и минуту, взглянул на провожающее родство, градское и ближних селений во множестве тут собравшееся, и прощавшихся в родстве и знакомстве с умильными слезами на глазах; слышим команду похода, все перекрестились, и ряды воинов двинулись; и что тогда каждый чувствовал, с какими мыслями боролся о родстве, семействе с малютками оставшимися, оставляя грудь своей Отчизны, но имели твердую надежду благословенную на путь — Бог и вера!

Мне сердце говорит, я чувствую и верю,
Что нас ведущая рука в сей темноте,
Конечно, не отдаст нещастию в добычу,
Хоть и надежда нас обманет иногда;
Но веры никогда не надобно лишаться:
В одно мгновение все может премениться.

Вскоре на пути невидим уже и город, и главы божиих церквей, и родство и провожающие удалились далеко. Наконец вступили в другой, Покровский уезд, в помещицье селение, в котором были виды довольно недурные. Большой тут пруд, посреди онога устроена круглая, с площадкою беседка, куда, по желанию сослуживцев, уговорили меня, чтоб с песьельниками на лодке ехать в беседку, что тотчас исполня, быстро ударили в веслы; и лишь немного от берегу отплыли, как лодка наполнилась водою — конечно, разохшая была; вот принялись вычерпывать кто чем мог воду, и сильно мы стремились к беседке, хотя было опасно, что лодка погружалась вглубь. Едва-едва приблизились и скоро поскакали на площадку, хотя уже и были мокрые в воде. Видимо, что на наш крик выбежали крестьяне из домов и принесли другую, твердую лодку, перевезли всех нас, и как вступили на берег, то не пошли ко дну в пруде, довольно не мелком. Затем пустились сушиться, но полковник о том узнал и, призвав меня, пожурил довольно деликатно, но и чувствительно, тем более что первая моя неосторожность, служившая важным при первом случае происшествием. За сим был назначен ночлег в К.⁵ — и меня туда командировали для запятия квартир, и я отправился; по прибытии лишь назначил квартиры и поджидал своего полка. Вместо ожидаемого виду прикатил еще квартирмейстер корпуса князя Лобан[ова]⁶, чтоб тут же занять квартиры, а посему и полк наш прошел далее в сторону,

и когда расположились по квартирам, то на месте выда- ны воинам пики, и путевое продовольствие, и что нужно было. А вскоре слышим: неприятель уже в Москве, Боже мой! Кто не мог чувствовать, что священную столицу и грудь прочих городов посетил француз. Вот паступила робость и у каждого уныние, жалость твердила о том в уме смертного! 3 сентября войска неприятельские пока- зали свой успех по Москве.

Ополчение получило тотчас от главнокомандующего армиями российских войск, чтоб со всем губерньским ополчением расположиться на большой дороге ко Влади- миру и от Москвы предостерегать движение неприятеля⁷. Вот все 15000 ополчан тронулись с места и форсирован- ным маршем дошли до деревни Киржач и тут взяли место позиции близ города Покрова и расположились биваками. Полк наш 5-й полковника Черепанова⁸ был в левой стороне, к Воиновой горе, и весьма усмотрели скоро, что горит Москва, к облакам дым и огненное пламя. Опять чувства смертных с состраданием взирая, и слышим — исполняется там разорение, грабеж и подоб- ные действия, даже оскверняли церкви и святыню.

Не плачь, не унывай, несчастный!
Творец утешит некогда,
Твой осушит всякие слезы.
Ты ропчешь на свою судьбу,
Несмысленный, или не знаешь,
Что дух твой некогда оставит
Свой тленный, временный покров.
О отче! Если жизнь — мечта,
То пусть мечтать я вечно буду.

Фуражиры, как голодные волки, бросались во все стороны от Москвы, жителей грабили, зажигали селения, получали искусством этим продовольствие, но вскоре порывы неприятеля были пресечены — не только их от- деления оставались в селениях на месте, но даже самые отряды мало уходили руки православных жителей. Бабы в своих избах, когда покажутся французы и кричат: «Бульба и молоко», тогда хозяйки указывают место в подполе, куда они вскакивали, но оттуда ни один уже не выходил; тут бабы с кочергами и ухватами и, кто что мог иметь, убивали их⁹.

Вскоре слышим, что будто бы от нас в 25 верстах был маршал Ней с корпусом, и также слышали выстрел из пушки; но по сближении наших полевых войск был оный остановлен, и путь пресекается¹⁰, но фуражировка продол-

жалась, только в недалекое расстояние, дела с ними не имели. По особым к тому причинам и по видам распоряжения нашего главнокомандующего ополчением вокруг бивак поставлена была цепь, и небольшие пикеты сохраняли осторожность, и драгунская команда¹¹ разъезжала всюду и наведывалась о движении неприятельских отрядов и войск, а также были и казаки впереди и доводили до сведения все, что только могли замечать.

Находясь в одинаковом положении, встречали нередко пустые днем и ночью тревоги по ополчению. Это потому, чтоб воинов приучить быть на всякий час в готовности и не робеть. В одно время разнесся слух по полкам: «Французы». Это было в сумерки, а я лишь приехал на баталион провиант, начальню ж был у покровского городничего, но о неприятеле ничего не слышал, да и вблизи об нем не слышно, и тревога произошла фальшивая, будто бы от нашего главнокомандующего. Отправился я с обозом провианта в вагенбург — на место, где всего ополчения находился фураж, это верстах в трех от города, и усмотрел, что все почти подводки, у обозов бывшие, с подводчиками уехали, а некоторые разбежались с испугу фальшивой, выдуманной тревоги. Вижу, что даже на земле сброшены кули с мукою, сухарями и крупю. Что мне делать? Оставить для кого — велел своей команде подобрать и наложить к своему провианту ротному и потом подвел к чиновнику, которой находился при вагенбурге у провианта, и оставил на месте, а необходимой провиант трехдневной с собою взял и сим угощал роту довольно хорошо и сытно.

После вскоре, подобно этой, произошла тревога. Это было в ночь, мы на квартирах. Что делать, от штаба верст 10. Не зная причины однако ж, надо было распорядиться. Тотчас собрал роту свою и тихо вышел в поле, куда и сельские выбрались, и в домах быть не желали. Потом вскоре нахожу, что и 4-я рота, бывшая с моею по соседству, присоединилась. И что смешно было, что эта пустая тревога взошла испугом офицеру, г[осподину] Щерб., так, что он прибыл верхом на лошади и даже без сабли. Указав, я ему сказал, чем же будет защищаться от неприятеля, то он сильно растерялся и в тревоге этой забыл в квартире — прекрасно.

По должности адъютанта обязан был и я отправиться в полковой штаб верхом на лошади, взяв с собою урядника, куда я приехал и донес полковнику о тревоге, которую и они слышали и не спали, а разнесся о том

слух по цепи; заставили вместе с офицерами курить трубку, но я сильно попростудился, и, лишь поогрелся, приказывает полковник взять с собою двух исправных воинов, вооружить пиками и саблями, а у меня это все было, отправиться к тому селению, откуда произошел тревожный слух, и дознаться о причине, рассказав тракт, по которому я должен отправиться, и обстоятельно, в подробности донести. Вот сажусь на седло, беру небольшую свою команду, отъехав более 10 верст; а мороз сильной, и начальная ночь зимы ясная, с месяцем указала глазам моим, что впереди селение на горке, к оному надо ехать под гору и чрез реку, куда доезжая усматриваем, что округ домов светилось какое-то оружие блестящее. Когда ж ближе, однако ж с осторожностью подъезжаю, незаметно людей, а конные лошади, подле коих у каждой спешась казак дремал, сидя на чапках и на чем только было можно, а мы подумали, что это — фуражиры французские; а ближе подъехали, видим — башкирская рота, и их дротики, у седла приставленные, видны были нам с горы¹². Подъехав к дремлющим, сказал: «Салям маликом», то башкирец взглянул и в ответ мне: «Маликом салям». Расспрашивал его, сколько их и куда идут, то отвечал: сотня идет тихим образом, и что слуха не было, и указал мне есаула их, где его квартира, к которой пришел я. Едва мог достучаться в дверь: она была заперта, но есаул с свечою встретил меня; заметно, что вскочил с лавки, где спал; и ему говорил, как он чрез цепь ополченную прошел, не дав о себе знать, то он оправдывался секретным предписанием и идет к корпусу Лобанова и показал мне маршрут, которой стал вынимать из кожаной подушки, на коей спал. Тогда усмотрел, что она толста, набита белыми российскими ассигнациями, и ужаснулся такой сумме. Заметя, есаул говорил мне: «Э, батенька, не удивляйся этой подушке. А золото и серебро — то денежки добрые — осталось все на Дону и в Урале. Это польза от французов». Подал мне маршрут, с него списал копию, и, распростясь, отправился я в полковой штаб и донес г[осподину] полковнику, сказал: «Вот наша цепь испужалась, и воинам показались казаки вместо французов, и пошла тревога».

10 октября генерал-адъютант Винценгероде с войском взошел в Москву и овладел Кремлем, вытеснив из него французов¹³, и тогда получили повеление, чтоб тотчас занять ополчением караулы, и все распоряжения были от главнокомандующего в Москве¹⁴.

Вот последовало утешение каждого христианина, кои молили Бога о храбром воине и подвиге сего генерала, прославляя его имя и бытие войска русского. Провидение распоряжением военным удалило нашествие галлов и 20 с ними язычников из столицы. Теплые молитвы с внутренними чувствами христианина всюду приносимы были к деснице всещедрого Спасителя мира! Вскоре после сего ополчение вступило в Москву и заняло караулом, а наш полк с прочими близ оной — по квартирам в селениях.

Хочу сказать о видах. Когда мы шли к Москве ополчением, усматриваем, что по полям близ столицы лежало во множестве мертвых, раздутых лошадей, рогатая скотина (конечно, этот презент остался после французов) и что, идучи, должны были перешагивать и обходить эту падаль, и волагаем от того последовали по селениям болезни, от коей и мы должны были получать таковые и нести одинаковую участь. Положение худое, люди растерялись с силами русского мужика, стоя в караулах; не ознакомясь с службою, приходили в изнеможение, и слабость более и более была видна, и болезнь, сильно воцарясь, оказала свое действие, но удержать к прекращению совершенно не было принято никаких мер и пособий медицинских. Что ж — видим, что воины должны быть послушными натуре и удаляться в вечное блаженство, и так что почти до половины ополчения оставалось. Полк, которой начально вступил в караул, взял в Красных казармах в Москве французов — раненых, слабых и больных в прилипчивых болезнях — и от того пострадал, и участь была сострадательная. Полковник, штаб-и обер-офицеры, получа болезни, подвержены все были смертности, и из полка оставалось как их, так и воинов очень и очень немного¹⁵. А во время походу, идучи с бивак к Москве, которая была не занята неприятелем, мы получили предписание соединиться с прочими полками, впереди нас бывшими, и следовать весьма тихо, чтоб никакого не было слышно говора, и идти в ночь. Вот тотчас снялись с места, прошли поля и, лишь взошли в лес, пройдя с версту, слышим в лесу по обеим сторонам дороги шумный говор, ближе и ближе к нам доходящий. Я, как находился в авангарде, остановил полк, послал о том донести полковнику, который приказал отрядить команду и в лесу схватить, кто из народа покажется, и расспросить о причине говора. Нарядив команду, отправил; вот ей встретился кучер в кибитке, едет тройкою, а за ним несколько и воинов ополченных. Остановя,

команда дознается о встрече этой, то они и кучер отвечали, что повозка ротная и что командир с оною вослед за ними идет, так как за ними — французы; и когда этот отзыв нам дошел от команды, тогда что было начать и как следовать вперед, дабы быть с светом вдруг на месте. По консилиуме положено, чтоб из лесу выйти в поле и остановиться, а потом тогда и дознаться и удостовериться, справедливо ль встреча объявила! Послан я был с исправными верховыми вперед, и, верстах семи отъехавши, как уже начинало светать, я шпорою лошадь — и ближе прискакал к мосту, где полки биваком расположены, откуда слышу в стороне дороги голос знакомый, к нему ближе, нахожу майора Л... в шалаше лежащего, которого спрашиваю, что все ли у них благополучно. Он рад видеть меня, начал говорить, почему полк наш не бывал и не видно его, а я опять повторяю, что у них в батальоне хорошо, как он — командир оного — ответил мне, что еще не получал рапорта, то предвзя его, что целая рота с офицером бежала и нас остановила по причине, будто бы за нею французы. Этому разговору он, весьма ужаснувшись, удивился и тотчас кликнуть велел фетфебеля, и даже не одного, а притом и адъютанта, и, разузнав, сказал мне, что тот офицер держал всегда себя слабо и на службе неисправно, находился хмельным, то что ни есть забралось ему в голову, и потому произвел такую постыдность и действие. Выслуша сказанное, я опять на коня, поскакал обратно и донес полковнику, который приказал тотчас идти полку вперед к прочим. Вот и мне досталось попечение о больных по батальону, и, обращаясь с ними, отделяя от здоровых по совету начальника, русскими средствами мог давать пособия, но, не имея медицинских, беспрестанно отправлял сильно болящих в военный госпиталь, и при эдаком заведывании и уходе, где Бог сохранил от одинаковой участи болезненной, а паче смертной, молил Бога о том, а быть может, и молитвами моих родителей был спасаем. Только и слышишь, что заболело 20, умерло если не столько каждый день, то 10 чел[овек]. Вскоре приказано мне при командовании сотнею, т. е. ротою, ответственность за оную как начальнику.

Ход куражил по званию меня, и был по службе любим и щастлив начальниками, каковую внимательность я в полной мере чувствовал и оправдывал усердием, чтоб заслужить их доверие, всегда стремился быть прилежным и исполнительным по службе, деятельным в попечении вверенном.

Начинаем с полками очередоваться и вступили в караул по Москве, и я назначен был по 6-му отделению дежурным; продолжалось это несколько м[еся]цев. Видели всюду унылость, стены столицы и башни и здания многие как будто стонали и жаловались на их обругание, и этот предмет заставлял с грустью смотреть и нерадостно проходить мимо разрушения. Простоя время в карауле, слышал, что требуют из нашего полку исправного офицера для партии 800 чел[овек], проводить в Белосток¹⁶. Полковой начальник хорошо разумел обо мне, присылает казака на гобвахту; письмо пишет, что он, зная меня в качестве и расторопность по службе, советует принять эту командировку на себя и воспользоваться расположением и его вниманием. Что в таком мнении мне оставалось делать! Много боролся в мыслях потерять великодушие и начальника мнение, совершенно несовместно, а тем более что он уже донес обо мне главнокомандующему; хотя с обратным посланным и писал, умолял полковника, чтоб вместо меня назначить другого офицера, так как я не изготовил себя на такой дальний путь, но вижу, что и в приказах отдано — по полку числить меня в командировке. Сменясь с двухдневного караула, являюсь в свой баталион, в квартиру ротную, в восьми верстах от Москвы, провожу вечер в отдохновении, но в расстроенном расположении духа и в беспокойных мыслях, скрепя себя кое-как, отдаюсь в полную волю морфея и крепко засыпаю. В полночь разбудили меня; говорят, что из штаба прислан с бумагами вестовой; когда ж подали свечку, то, прочтя некоторые, нахожу на свое имя ордер; ломаю печать, читаю — и что ж: велено тотчас явиться мне к гражд[анскому] губернатору за наставлением о сопровождении рекрут партии и получить прогоны, как я уже командирован и должен оную принять; страшусь такого похода от своей Отчизны и тотчас посылаю рапорт к баталионному, что-де ни в какую командировку отправиться не могу, а одержим болезнию после смены с караула и простудился жестоко.

Командующий баталионом удивляется, что такая скорая последовала командировка, посылает в полк о смысле моего донесения, откуда и к главнокомандующему, который предписывает, чтоб в возможной скорости явился офицер, а между тем дополнил, где моя квартира и расположена сотня, — я ж точно чувствовал простуду и лихорадочные виды. Валяюсь в квартире в беспорядочных мыслях, угнетающих отсутствием; это расстроивало

более мое положение. Вскоре утром взошел ко мне командующий баталионом г[осподин] Л... и, обласкав меня, сожалеет отпустить в командировку, тем более что он лишь только поступил в баталион и без меня ему будет затруднительно не в одном письмоводстве, но и в рации-не и убыли воинов, коих всегда по болезни отправляется в немыслимом числе в военный госпиталь; то без меня останется, как без правой руки, и при сделанных советах окуражил мою слабость, и я также по его мыслям поставил себя.

Прошло не более двух дней, слышу, что ко мне идет майор, командующий полком, узнает о квартире, в которую входит, и видит меня, что я лежу в постели в больном виде. На столе были поставлены близ меня скляночки в виде лекарств, медикаментов, как-то: с квасом, пивом, огуречн[ым] рассолом и что можно было найти в квартире, начинает говорить мне: «Извините, что мы вас обеспокоили бумагами, это воля главнокомандующего, но теперь я вижу вас, что точно больны и отправиться в такой путь назначенный не в состоянии»; я уверял его о том же и просил донести, который тотчас поспешил возвратиться. Вот прошел день, ничего не слышу, а на другой бегут ко мне вестовые, что идет из Главного штаба дежур-майор с адъютантом. Лишь сказав это, как и дверь тогда ж отворяется, и спрашивают обо мне. Ему показали комнату, входит в нее и ближе ко мне, повелительным тоном говорит, чтоб я с постели встал. Я поднялся несколько и сел; он расспрашивает причину болезни и, когда се стал чувствовать, посмотрел на мой язык белый (который так был заготовлен), и заметно физиономия его была в испуге! Что-то пробормотал по-французски адъютанту, что он находит меня в опасном положении, и тотчас удалился, конечно, от испугу русских болезней и смертности ополчан, а в это время дернул я за мундир адъютанта, чтоб остался, и он выпросился у майора. Пили вместе чай, то он и рассказывал, что этот немец испужался болезни не одной моей, но общей по квартирам и поторопился в путь. После чая и адъютант ушел.

Весьма недолго после того получается в баталионе приказ, чтоб командующий оным и адъютант тотчас явились в полковый штаб. Я собираю свое расстройство и силы, соединяюсь некоторой бодростию, выхожу с места из деревни. Это начало весны 1813 г[ода]. Народ виден в поле в занятиях полевых работ, а я — пеший,

подводы иметь трудно, и 17 верст должен был идти в с[ело] Измайлово. Путь меня привел в слабость и изнурение, время было жаркое. Наконец пришел усталый — являюсь к полковнику, у которого тут уже мой баталионный, мне проговорил несколько жалких выражений с тоном гнева, потом велел полковому адъютанту подать предписание главнокомандующего ополчением, чтоб я прочел. Вот я начинаю читать с робостью пространные изъяснения и, не доконча, отдаю; предмет совета обратился в содрогание, по строгому выражению в бумаге, и оттого незаметно как выкатилась из моих глаз слеза. Полковник, говоря мне много иначе, с соболезнованием, что я отказался от командировки и тем ему сделал неприятности по начальству, хотя и начинал я оправдываться, но — без внимания, потом приказал отправиться к своей команде, куда тем же путем и пошел. Боже мой! Какие тогда ни приходили мне мысли — боролся страшно с воображениями, что потерял великодушие полковника и, быть может, его начальства; дошел с трудностью до квартиры и, взойдя в избу, метнулся я на лавку, на войлочную свою постель, — и в мыслях уже мечтал, дни казались даже другими, и моя временная оседлость расстроилась, часы удовольствия удалились!

Бедное человечество! Как невинны, как восхитительны сладкие мечты первых дней твоих!!

Находясь несколько дней в одинаковом положении, рассеиваю себя по полю, занимаясь учением роты; пессельники по окончании стараются усердствовать и утешать, но ничего меня не занимало. Затем вскорости получил от полковника ордер, чтоб я немедленно отправился в Москву, быть депутатом по Сущевской части, где следствие должно быть немаловажное, и наобласти все права законов и донести по окончании коменданту, тогда был оным господин Гессе¹⁷.

Бог никогда не оставит без промысла свое творение!

Какая была радость моего положения, видя, что полковник остался внимателен и сделал мне поручение по благородным и радушным его качествам, а чтоб это оправдать, я на другой же день отправился в Москву. Являясь начально к коменданту и получа его приказания, он отправил со мною казака. Но вот я в части, смотрю следствие и, справя, что необходимо быть при мне, окончил до вечерен и донес коменданту, что подозрения на полк никакого не оставил; он, с приятностью благодаря меня, разговаривая о деле, приказал отправиться в свою

команду и дал о том весьма лестное сношение в полк за хорошо удовлетворительное окончание поручения, о чем и я донес, то полковник очень внимательно приняв, тогда и он предписанием весьма благодарил меня за похвальное по делу окончание.

А вскоре затем последовало вторичное поручение и частное дознание скромным видом, не доводя о том начальство известностию, — и это я успел окончить желаемым предприятием вполне!

Чрез несколько недель разнесся слух, что нашему полку быть в готовности к походу в Борисов Минской губ[ернии], что в Малой Польше¹⁸. Вот тут у всех нас настали хлопоты, и старались каждый проститься с своей Отчизною и родными, и почти многие успели исполнить намерения свои, но я, Боже мой, никак о том не мог и думать, по обязанности моей в службе, даже и прежде никогда нельзя было удалиться, чтоб быть у своих родителей. Офицеры прочие успели, и по малому числу их, отпуском я не мог и пользоваться. Грустно сносить мне бытие, сердечные чувства сильно разрывались, писал к родным, от коих получил благословение, а к тому ж описывают сильное огорчение, что брат меньшей очень болен и отчаиваются в жизни, а он один лишь у них и был. Одно к другому: получа неприятность, не мог дочитать письма, оно выпало из рук, и я боролся [с] невыразимыми чувствами сострадания, не знал, что и думать; кто старые лета и слабость родителей в болезнях поддержит, если несколько утешать может и иметь о том попечение; сын оставался у них один в глазах.

Взял опять письмо; дочитывая, нахожу слова, писанные рукою больного брата, слабым почерком. Вот они:

«Брат! Жалко, что я тебя не увижу скоро, а рад бы был, если б ты приехал, тогда б сказал лично: „Здравствуй“ или „Прощай“».

Скоро навлекло на жизнь его подозрение, кровь родственная закипела у меня, и сердце сильно забилося! Не мог скоро опомниться и привести себя в спасительные чувства, укрылся от глаз людей, метнулся на лавку. Писарь тут начинал уговаривать, подает мне капли и начал шуточные разговоры, стараясь развлечь, говоря притом, полно ли быть мертвому, что на моем лице смерть, а должность требует теперь присутствия духа, дожидаются за приказами. Вслушиваюсь в разговор, обертываюсь и велел раздать приказы полковые к сотенным начальникам. Я даю писарю читать полученное мною письмо,

а он, прочтя, опять шуточно сказал, что мой брат не в числе еще мертвых. Дня с два не находил себя, как бы надо быть, и, несколько освежась в занятиях, поехал в штаб и, представя полковнику письмо, умолял его, хотя на несколько дней позволил бы увидеться с родными и проститься. Он очень сожалел о таковой участи, а более, что удовлетворить не может, и просьбы мои остались тщетны! Резоны по службе: в настоящее время отпустить никак нельзя, поход скоро, надо к тому изготавиться. Боже мой! Положение мое беспокойное и есть невыносимое, какие меры принять к своему утешению. Служба не требует, и она чужда от домашних обстоятельств, надо себя переломить и одолеть.

Время летело быстро; настало 25 июля, и получаем из штаба полкового приказ, что по высочайшему повелению полк должен выступить с 1 августа из Москвы и следовать в Борисов¹⁹ и к тому времени приготовиться в полном порядке; вот новые выполнения, и каждый сотенный начальник озабочивался приготовиться к походу. Наконец выступили наши роты с квартир, чтоб соединиться к полку; я, по должности адъютанта, ехал впереди батальона. Подходим к Москве-реке, чрез которую надо переправиться; остановя пустые суда больших барок, переправился с батальоном к селу Перерве, на близком расстоянии лугом. Закурил трубку с табаком, закричал, чтоб песельники шли вперед; и, идучи с веселым энтузиазмом и выкуря трубку, хотел ее продуть, а как только показались избы, то вдруг в эту минуту подо мною лошадь метнулась быстро в сторону, а я с нее в другую. Ушибся больно, меня подняли и вели под руки, потом собирали по лугу, где эполеты, шарф и саблю. Вот опрометчивость свою вспомнил, а более о лошади, которая недолго за этим походом приведена из степи и подарена благодетельною особою на путь с охотным его удовольствием; и остался пеший, с изорванным шарфом и с сломанною саблею, привели к знакомому и в одной со мною должности бывшему подпоручику Диаконову, который, соблезнуя о моем положении, всячески старался помочь от чувствуемой мною в боку боли; молил Бога, что нашел дворянина в благородном его сочувствии; а за лошадью много было разослано в разные стороны, и сколько ни старались хотя б где увидеть, но совершенно пропала оседланная. Ночевавши как у товарища по службе, послал в полк о своей болезни и случае бывшем. Принимался за спиртовые мази и растирал бок. А на другой день

с большою трудностию отправился на подводе в полк ради исправления своей должности, потом вскоре отправился со штабом в Москву. Подходя к заставе, тут главнокомандующий велел скомандовать: «По отделениям», и шли Москвою церемониальным шагом, с песельниками перед каждым баталионом, а когда на барабанах пробьется генерал-марш, то тотчас песельники начинали на голос. И выходили в поле на генеральную военную дорогу, и бой барабанов переменялся, скомандовали: «Пики на правое плечо». Взглянули в последний разлуки час на Москву как грудь Отчизны, перекрестясь с сокрушенными сердцами и помолясь на сияющие золотые кресты и главы, более приводило всех в беспокойное по чувствам положение, пошли вольным шагом вперед по тракту.

Проходим небольшие города и вступаем в Вязьму. За оным чрез Днепр ведущий излучинами путь в Смоленск, который окружен твердо-толстою каменною стеною и большими с водою рвами. Он был в руинах неприятеля, и заметны во многих местах на стенах и башнях знаки от пушек, и оные были взорваны, как и крепость, и оставлены следы, как свирепого зверя, злого француза. Идем на Красной, и там такие же остались виды, потом на местечки Белоруссии, и остановились на дневку в одном; в этом более находилось жителей жидов, нежели христиан, и вот еще последовал со мною случай.

Лишь заняли и разошлись по квартирам в местечке этом (оно на большой реке Днепр, и через нее находился мост, а на самом берегу реки, при выезде, трактир, куда из офицеров уже последовало посещение), а на другой день фетфebelь пришел ко мне с растерянным видом на лице. Спрашиваю его, что не случилось ли; он с испугом своим стал говорить, что офицер, бывший в ариергарде под наблюдением и арестом, в трактире у жида пьет, буянит, все бьет в шкапе хрустальную посуду и что попало в глаза, а биллиард рубит саблею и сукно исполосовал. Я тотчас пошел и донес о том полковнику, который приказал взять мне двух исправных юнкеров и фетфebelя и осторожнее офицера арестовать, куда я отправился, имея при себе юнкеров из московских — Вагнера и Крупницкого, коим было лет по 20; распорядился, чтоб они подошли к трактирному окну, которое было низко от земли, а фетфebelю приказал стоять скрытно у двери, чтоб не выбежал, а с офицером заняться разговором юнкерам, кои и подошли к окну, на коем сидел офицер, который, увидя их, начал потчевать красным

вином, бывшим перед ним в бутылке; когда ж он обернулся к нам, в то время сзади я, тихо взошедши в трактор, из-под биллиарда подлез к окну, подле коего в стороне стояла его сабля обнаженная, схватил ее и отдал фетфелю, коему приказано тогда тут быть, а потом, обратясь к офицеру, сказал, что он арестован. Он оглянулся и хотел взяться за саблю, но, видя, что ее уже на месте нет, тотчас вскочил на окно и выпрыгнул, но мои удалцы схватили, удержать не могли, он, вырвавшись от них, с криком «Французы!» бросился в реку Днепр. Берег оной крутой, и вижу, что он на спине, еще вода держала, то я и говорю юнкерам: «Надо вытащить», то из них один тотчас бросился, едва не утоп, полагая, что у берега неглыбоко, а осталась его одна голова видна, стоя, однако ж, на дне ногами. Мне очень его стало жалко и испужался такого случая, и я бросился туда ж, чтоб сохранить его жизнь, не велел трогаться ему с места, а сам начал доставать руками, стоя по плечи в воде, и притянул за казакин офицера; тут сбежался народ, и нас вытащили, а офицер, вскочивши, на сухом берегу стоя, как со сна проснулся, говорит: «Вот не дали и утониться». И в таком виде, мокрые все, пошли на квартиру ко мне, отдали одежду сушить; я, переменя казакин, пошел объявить о случившемся происшествии полковнику. Он, видя меня в испуге и бледным, начал скромно журить за неосторожность: «Не пужно б бросаться и подвергать себя и юнкера смерти, пусть бы один утопился, кто желал» — и благодарил за арест.

Засим, выступя из местечка, следуем далее и остановились в Ельне на дневку, где комендант почтенных лет, в орденах и массивный, пригласил полковника, баталионного и меня на обед и чтоб еще кто может лучше из офицеров быть; то полковник, мне желание это передав, сказал, чтоб незамеченных пригласить, что и было исполнено. Собравшись все у коменданта, сели за стол, хозяин лишь начал наливать по тарелкам горячий суп, в сию минуту показался тут же, в комнате, и тот арестованный офицер и, садясь за стол на порожнее место, оглядел всех, а полковник в смущенном виде обернулся ко мне и удивлялся такому гостю. В это самое время офицер посетивший, схватя тарелку пустую, сильно пустил вдоль стола, и ею задело у некоторых налитое горячее; хозяина залили, и хрусталь затрещал и разбился, черепки от тарелки коцгузили некоторых. Вот опять происшествие. Видя, что комендант в досаде и смущении, его всячески упростили,

уже полковник, чтоб оставил без взыскания и что офицер уже себя теряет званием и подвержен слабости, за то находится под арестом, и еще надбавится за дерзость и самовольное прибытие, что и последовал весь поход в арьергарде при обозах.

Наконец вступаем в Борисов 25 сентября и в караул. Начально обращаемся вниманием на этот город, он довольно скучной и скудный по всем частям: съестных припасов нет, привозу не бывало, местность дикая, строение небольшое и разбросанно, жители — поляки и довольно евреев, по улицам и округ домов не только нечистота, но ужасная неопрятность жидовская, а вдобавок этого еще и выгорен и ограблен французами, и ничего совершенно доброго не видно. С одной стороны порядочная окружает река Березина, у которой было жаркое сражение русского с французским войском; по другую несколько сторону города впадает в Березину небольшая, но и болотистая речка, более, нежели первая, а кверху за рекою застроенная на горе довольно хорошая и надежная крепость, в полном ее виде устроение в самой горе и место песчаное. Чрез Борисов следовали нередко господа генералы, штаб- и обер-офицеры по поручениям. По прибытии бригадного генерала Грессера²⁰ проездом пригласил нашего полковника Черепанова с двумя офицерами и чтоб я находился тут же, на его квартире, оставил обедать. Разговаривая с полковником, просил его, чтоб отпустил меня для занятия места адъютантского, присовокупя, что я чрез то много выиграю, и докуда идти будут к Парижу, то я получу чины, а вступя в оный — и жирные эполеты²¹. Таковое лестное выражение принято внимательною благодарностию, и это б полковник охотно исполнил, но мой отец недавно пред тем писал к нему, что желает, дабы я, возвратясь, утешил преклонные его лета и успокоил в слабости здоровья и закрыл бы его глаза, как на одного из детей полагают на меня надежду. Сия-то священная обязанность удержала меня от желаемого и предлагаемого намерения, чтоб в армейской службе найти щастливую прешпективу, и, наконец, воля моего отца должна быть исполнена, и я остался оканчивать в ополчении. Кто ж из усердствующих нас захочет отдалить себя от призыва и веления царя! Каждой скажет:

Уж враг идет! Летим сражаться,
Чтоб каждый, честию водим,
Готов был с жизнью расстаться,
Друзья! Умрем иль победим.

Наступило вот и 6 марта 1814 года. Мы получаем от главнокомандующего ополчением предписание с высочайшим повелением из Франции от 22 января²². Вот оно в каких словах:

«С покорением Данцига²³ и с переходом действующих армий за Рейн признал я нужным распустить по домам ополчение!» — и проч.

Каждой из нас благословлял по чувствам сердца благоденствие великого государя, который во время неприятельского года сказал: «1812 год кончился! Россия пережила гений Наполеона». Александр пребыл верен своему слову: «До тех пор не вложу меча во влагалище, пока ни единого врага не останется на земле русской»²⁴.

Вот тут с каким веселым духом всякой из начальников ротных занят был к приведению в порядок к выступлению обратно в свою Отчизну с рядами оставших[ся] ополченных воинов, о которых слышно было, что ополчение возвратится третья часть или меньше по случаю болезней и бывшей смертности под Москвою, а к тому еще изнурясь походом.

Все трудности преодолев,
Искать по долгом разлученьи,
Искать — увы! — но не найти!
Судьба, какие ты мученья
Не приготовила для смертных?

Наконец, надо было благодарить за гостеприимство и ласки наших польских хозяев, по мнению командующего баталионом капитана П..., который, призвав меня, желал, чтоб сотенные начальники на это согласились. Я отвечал, что за всех говорить на его предложение не могу, а притом напомнил ему об известной сумме, которая не будет в тягость артелей в сотнях. Вот вижу, что мой ответ показался ему неприятен, а лицо доказывало досаду. Это скоро еще и удостоверилось. Наутро он велел у меня взять тетрадь отдаваемых приказов. Это мне показалось весьма странным: он, а не адъютант захотел сам писать и скоро возвратил к исполнению; я читаю и нахожу, что командуемую мною роту берет себе в ответственность и распоряжение и чтоб более за мною не состояла.

Так часто случая бываем мы игрою
И часто злобною утеснены судьбою.
Надежда к лучшему, когда и ты — мечта!
Забавы, радости все будут уста!

Не ожидаемый мною случай не только чувствовал досадою, но более и обидою. Заведывая ротою довольное

время, в которое влюбил в себя команду, и я расположен к ней был, как отец к детям. Укоризненный поступок капитана, без причины, тем более чувствовал я, что при конце отхода и возвращения по домам такую оказать сотруднику по службе и хорошо знакомому одноземцу, и, видя его хладнокровие в обращении и большую перемену в команде, грустно было сносить свое оказанное усердие и что уже им принималось не по службе, а личным неудовольствием.

Бог никогда не оставит без промыслу свое творение!

Эта сотня узнаёт свое отбытие от меня к новому командиру с чувством любви, крайне соболезнует и ропчет; в доказательство своей приверженности намерена была удалить от себя послуги, чтоб артельных лошадей с упряжью оставить у меня на обратный поход, и зная притом мое состояние — прекрасно для меня весьма служило бы спокойствием в пути, но и тут капитан разными видами желал иметь лошадей при себе и, несправедливо присвоив без желания роты, исполнил властью корыстолюбия. Я не роптал на мою участь и бытие.

Смертным не дано повелевать щастием,
Они могут стараться заслужить его!

Итак, оставши себя при одной адъютантской должности, не платил капитану досадою и холодною, а по службе был прилежен в исполнениях; вскоре, невероятно о моем случае и положении узнав, добродушный полковник приказал, чтоб я находился при нем и исправлял должность адъютанта по полку, не оставляя и батальоны; исправляя хотя с трудностью, в особенности по письмоводству, но отказаться я не мог, видя при том радушие и внимательность полковника. Я более поощрял себя в исполнениях охотным усердием. Время уже наступило к выступлению ополчения; сменяемся с караула казаками, спешили их с коней и выходим с полком из Борисова, из Минской губернии по тракту на Смоленск.

О ты, которого спедают
В сей жизни горесть и печаль,
В песносной кто вздыхает доле,
Питай сию приятную мысль.
Прости свой взор на лучший свет:
Видишь там своих любезных,
По коим часто слезы лил,
Всегдашней радости живущих!

Подходя к Смоленску, последний имели ночлег в стороне, а наутро, выходя с командою на тракт, где назна-

чено соединиться прочим ротам, также бывшим в стороне в селениях, я пошел вперед пеший и отделился версты на четыре; почувствовал в голове боль, и лицо горело, потом озноб, не понимаю отчего. Скоро затем нагнал меня в своей кибитке на лошадях полковник и хотел, чтоб к нему я сел, но я, поблагодаря, отозвался от предлагаемого, полагая, что весенняя хорошая погода не прогонит ли мою чувствуемую боль; он уезжает, а я еще с версту прошел, но нахожу себя хуже и хуже, сел на месте, глаза стали тупеть, потом, осматриваясь по тракту, заметил, что идет запасная полковника повозка, ману кучеру, чтоб подъехал, и иду к нему. Он, видя меня, что я прихожу в расслабление, помог мне сесть в повозку, и поехали, чтоб догнать впереди полковника, но почти под Гжатском догнал и вместе въехали в назначенную штаб-квартиру в Смоленске. Меня заметил весьма болезненным, глаза мои были мутными — спрашивает о причине и ответа удовлетворительного не получил. Видя лежанку в другой комнате теплую, тотчас метнулся, надеясь, что на ней не согреюсь ли, чувствуя озноб. Но вижу, что более усиливается оный, а пальцы начали синеть, и я остался в худом положении, обескуражен. Потом зовут к полковнику пить чай, но слабость увеличилась, с трудом пришел и выпил не аппетитно. Он советует принять мне порошок рвотный или воды; исполня это, на третий прием удовлетворился, и действие последовало, и я находил себя будто б в другом виде, и болезнь взяла другой оборот. Наутро отправляемся далее по тракту, и в пути опять чувствовал те же следы, как и при начале. Вступаем в Вязьму на дневку, тут я отказался от занимаемой должности; полковник с соболезнованием старался мне подать пособия от болезни.

На мое неожиданное счастье, Бог послал в это время, как мы в Вязьме, директора всех госпиталей. И лишь появился в комнате полковника, то он просит его посмотреть меня и сколько можно помочь в болезненном положении. Вот он, пришед ко мне, вятно осматривая, проговорил несколько приятно и тотчас написал рецепт и при себе приказал за лекарствами послать в аптеку. Исполнено было скоро — принесено довольно порошков и склянку большую микстуры, все это чтоб в два дня употребить, как на ассигнатурке²⁵ значится. И что ж еще обратилось в мою пользу: поход наш должен приостановиться, и выступать было нельзя, так как накануне этого дня пошел и пошел большой снег, — вот случай

неожиданный, тем более удивило нас, что наступили дни святой Троицы и Духов день. А я успел принять лекарство, но на поги с трудностию приподнимался с постели, а в глазах не видно было дня, все ночь казалась. Спрашиваю, что — день или ночь, получал ответ, что день, и чувствовал себя лучше, так что мог отправиться с полком далее, и как вступили почти на землю русскую, то, оканчивая белорусскую, каждый христианин ополченный радовался и, подымая кусок земли, целовал, говоря, что близится к груди своей русской Отчизны, и с радостным лицом лучше тут умереть, нежели, хотя были и слабые после болезней, оставаться в Малой Польше!

Вскоре потом подходим к Можайску, и я начинал исподволь приниматься за свою обязанность.

Провидение! Сколь многочисленны пути для твоего прославления добродетели и защищения невинности.

Каждый шаг попечения обо мне я не мог оценить великодушные полковника, а лишь чувства были преданы истинною признательностию, и, душевно благодаря, молил за него Бога! Вот утешительная мысль, и притом, что я скоро увижу свое родство. А на месте были следы наступающей весны, в некоторых лишь местах в лесочках лежал снег. В половине мая развертывались на березках уже листочки, на эту зелень с удовольствием и приятностию обращалось наше внимание с приближением наступающего лета.

Вскоре подходим с полком к Москве и расположились по квартирам в ближних селениях; тут последовало распоряжение, чтоб с командами следовать по двум трактам, пройдя Москву, вступить в Переславль и Юрьев. Этот случай чтобы не потерять, пожелал взять выполнение на себя и объявил полковнику. Он с родным радушием поручил мне команду и снабдил даже о службе аттестатом. Прощаясь с ним как с родным и с преданною чувствительностию благодаря за внимание и его благосклонность, беру денщика, сажусь на лошадей, заготовленных на путь, и быстро пустился, и скоро вот уже и в Москве. Бегу с квартиры к главнокомандующему оной, чтоб получить подорожную. Ее тотчас же выдали, а лошадей дать не могли в ожидании тяжелой в почтамт почты. Скучаю целый день на квартире, где время казалось за год, и уже в 9-м часу пополудни лошади были у меня. С поспешностию уложился и тотчас по тракту из Москвы отправился на Переславль, а на другой день около вечера и в Переславль; немедленно переменив

лошадей, лечу в грудь своей родины и в тот же день, 23 мая 1814 года, приехал в Юрьев. Вот я уже и дома, с радостью иду на двор, тут собачонки залаяли, и потом выбегает человек, он не узнает меня по военно-ополченской одежде, я с ним шутя говорю и иду к крыльцу, велю, чтоб отворили двери наверху в покои, а он, останавливая, говорил, что господа легли спать, и показывает идти во флигель, а потом доложить. Я сам вбег на крыльцо и вхожу в гостиную комнату, стал ходить, но, видно, предупрежден человеком отец мой, спешит надевать сюртук, чтоб встретить меня за стороннего курьера, и лишь показался, то я подбег к нему и беру руку, целую, говорю, что я — сын его Иван! Теперь так описать эту встречу не в состоянии. Боже мой! Его сердоболие, чувства о моем возвращении взволновали, и слезы катились мне на руки, обняв с горячим восторгом. К нему бежит меньшей мой брат, а за ним торопится и мать — радостные приветствия разливались общеутешительным влиянием у каждого в душе...

Комментарии к воспоминаниям И. М. Благовещенского

¹ Долгоруков Иван Михайлович (1764—1823)—владимирский гражданский губернатор в 1804—1812 гг., известный поэт.

² Имеются в виду манифесты Александра I о создании ополчения 6 июля 1812 г. и об организации округов ополчения 18 июля 1812 г. 24 июля 1812 г. было принято постановление Владимирского губернского дворянского собрания о созыве ополчения (см.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. док. (далее: Народное ополчение...), М., 1962. С. 14—15, 117—119).

³ Имеется в виду Голицын Борис Андреевич (1766—1822)—князь, генерал-лейтенант, в 1812 г. начальник Владимирского ополчения.

⁴ Общая численность воинов Владимирского ополчения составляла 15 531 человек (вместе с офицерами). Ополчение выступило в поход 2 сентября 1812 г. (*Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 66, 146).

⁵ Имеется в виду г. Ковров Владимирской губернии.

⁶ Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838)—генерал от инфантерии, в 1812 г. ведал формированием резервных частей. В 1813 г. назначен командующим резервной армией.

⁷ Имеется в виду предписание М. И. Кутузова начальнику Владимирского ополчения Б. А. Голицыну от 11 сентября 1812 г.

⁸ Черепанов Николай Яковлевич—в 1812—1814 гг. полковник, командир 5-го полка Владимирского ополчения, объединившего округа: Юрьевский (1528 воинов), Суздальский (576 воинов) и Переславский (410 воинов) (Народное ополчение... С. 119).

⁹ Как указывает в своем исследовании В. И. Бабкин, «французские «фуражиры», посылаемые противником в села для заготовления продовольствия, поголовно истреблялись... Ополчение совместно с крестьянскими отрядами самообороны расставляло караулы для контролирования дорог, истребляло мелкие неприятельские шайки» (*Бабкин В. И.* Указ. соч. С. 146).

¹⁰ Речь идет о событиях, происшедших в Богородском у. Московской губ. В середине сентября 1812 г. французам удалось захватить г. Богородск (ныне Ногинск), но 2 октября под ударами 4-го и 6-го полков Владимирского ополчения они были вынуждены оставить город. 4 октября 1812 г. Б. А. Голицын сообщал дежурному генералу при М. И. Кутузове П. П. Кововищину, «что, по сведениям от пленных, маршал Ней сам был в Богородске и командовал всеми войсками, число коих более 14 000 пехоты и конницы, а в самом г. Богородске было 12 пушек» (Народное ополчение... С. 124).

¹¹ В помощь Владимирскому ополчению по распоряжению М. И. Кутузова были посланы 84 драгуна московской милиции и лейб-казачий полк полковника И. Е. Ефремова.

¹² Имеются в виду башкирские казачьи полки, сформированные в августе 1812 г. и вооруженные «ружьями, пистолетами, саблями, пиками и луками» (Бумаги Щукина. Т. VII. С. 86—88).

¹³ 10 октября 1812 г. генерал Ф. Ф. Винценгероде прибыл со своим отрядом к Тверской заставе с целью побудить к сдаче оставшиеся в Москве части противника, но был взят в плен. Генерал-майор В. Д. Иловайский, оставшийся старшим в отряде Винценгероде, узнав о выступлении французов из Москвы, первым с казачьими полками вошел в город утром 11 октября 1812 г.

¹⁴ 17 октября 1812 г. М. И. Кутузов предписал Б. А. Голицыну отправиться с Владимирским ополчением в Москву «и заняться управлением до прибытия туда воинских и гражданских властей» (М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 2. С. 146). 24 октября 1812 г. Б. А. Голицын рапортовал М. И. Кутузову о выступлении в Москву 6-го полка Владимирского ополчения. «Что же принадлежит до всего ополчения,— писал Голицын,— то имею честь Вашей светлости донести, что оно помещиться в столице никак не может, поскольку Москва не имеет в себе более 1000 домов, впрочем, все обращено в пепел» (Народное ополчение... С. 125). Остальные полки с 25 октября расположились в окрестностях Москвы. Однако предписанием московского главнокомандующего Ф. В. Ростоцину в декабре 1812 г. на смену 6-му полку в Москву был переведен «для содержания караулов 5-й полк полковника Черепанова» (Бумаги Щукина. Ч. X. М., 1904. С. 237).

¹⁵ Части Владимирского ополчения, расквартированные в городских казармах, жестоко пострадали от инфекционных заболеваний. Поэтому Б. А. Голицын 1 января 1813 г. обратился к Ф. В. Ростоцину с просьбой не переводить 5-й полк Владимирского ополчения в казармы ввиду их антисанитарного состояния. Он указывал, что «при осмотре Красных казарм г-ном московским комендантом нашлись большие неустройства и нечистота в комнатах, занимаемых больными воинами Владимирского ополчения, отчего болезни делаются заразительными и повальными не только для воинов, но и для жителей... воины при самой сдаче их в госпиталь умирают, и большая часть умирающих в оном суть поступающие из ополчения». Тем не менее полк был все же размещен в казармах и жестоко пострадал от массовых эпидемических заболеваний. На 9 ноября 1812 г. в нем числилось 2563 человека; к 23 декабря 1813 г. умерло 793 ратника и один офицер; больных было 203 ратника, 13 урядников и писарей и 6 офицеров. К 1 февраля 1814 г. в полку было в строю лишь 801 ратник, 115 писарей и урядников и 19 офицеров, т. е. к моменту роспуска Владимирского ополчения в 5-м полку, не принимавшем участия в боевых действиях, осталось чуть больше $\frac{1}{3}$ личного состава (см.: Народное ополчение... С. 128—133).

¹⁶ Раскриптом от 3 декабря 1812 г. Александр I предписал Ф. В. Ростоцину отправить большую часть Владимирского ополчения в другие губернии ввиду затруднений с ее продовольственным снабжением. Однако в соответствии с рапортом Б. А. Голицына М. И. Кутузову 5-й полк был оставлен в Москве.

¹⁷ Гессе Иван Христианович (1757—1816)— в 1812 г. генерал-лейтенант, московский комендант.

¹⁸ Т. е. Западной Белоруссии.

¹⁹ 8 сентября 1813 г. 5-й полк Владимирского ополчения был отправлен в составе 25 офицеров и 1482 воинов в г. Борисов Минской губ., куда прибыл 25 сентября (Народное ополчение... С. 129—130).

²⁰ Грессер Александр Иванович (1772—1822)— в 1812 г. полковник инженерных войск. В составе 7-го пехотного корпуса Н. Н. Раевского участвовал в арьергардных боях 2-й Западной армии, в Смоленском сражении 4—6 августа. С декабря 1812 г. генерал-майор, ведал восстановлением укрепленных сооружений в г. Борисове и формированием саперных батальонов.

²¹ Т. е. ополеты штаб-офицера, имевшие особую окантовку канительной бахромой.

²² Имеется в виду указ Александра I командующему Данцигским корпусом Александру Вюртембергскому от 22 января 1814 г. о порядке возвращения ополчения по домам (Народное ополчение... С. 34).

²³ Ньине г. Глазбек (Польша).

²⁴ Автор воспоминаний неточно цитирует заключительные слова рескрипта Александра I председателю Государственного совета и Комитета министров фельдмаршалу графу Н. И. Салтыкову от 13 июня 1812 г. из Вильны о начале войны с наполеоновской Францией: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем» (ЦГАДА, ф. 1386, Салтыковы, оп. 3, ед. хр. 394).

²⁵ Правильно «сигнатурка», от франц. signature, здесь: предписание провизора.

Вступление к воспоминаниям М. А. Богданчикова «Мое воспоминание...»

Богданчиков Сергей Яковлевич (1788—1863) родом из однодворцев Бобровского у. Воронежской губ. Вступил на службу рядовым в Невский пехотный полк в 1806 г. Участвовал в русско-шведской войне 1808—1809 гг., отличился в сражениях при взятии Свеаборга 21 апреля (3 мая) и Або 22 июля (3 августа) 1808 г., под Кристиненстадом и при занятии Аландских островов в марте 1809 г. В Отечественную войну 1812 г. Невский пехотный полк входил в состав 2-й бригады 21-й пехотной дивизии корпуса генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля, который в сентябре 1812 г. был переброшен из Финляндии в Ригу и принял участие в контрнаступлении русских войск на правом фланге. Сам Богданчиков отличился в сражениях под Полоцком 6—8 октября и при Чашниках 19 октября, где был ранен двумя пулями в левое плечо. Как известно, в этих боях русские войска под командованием генерала П. Х. Витгенштейна нанесли поражение корпусам Сен-Сира, Виктора и Удино и отбросили французов на юг. В 1813 г. С. Я. Богданчиков был переведен в Екатеринбургский пехотный полк, участвовал в заграничных походах русской армии, в том числе в Лейпцигской битве 4—7 (16—19) октября 1813 г. 11 июня 1815 г. Богданчиков был произведен в унтер-офицеры, 10 августа 1818 г. поступил на службу в Бобровскую инвалидную команду, 27 мая 1833 г. уволен в отставку с производством в чин прапорщика. Имел серебряную медаль в память Отечественной войны (см. указ об отставке С. Я. Богданчикова от 30 сентября 1842 г. // ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 266, л. 51; см. также: *Габаев Г. С.* Роспись русским полкам 1812 года. СПб., 1912).

В 1911 г. внук С. Я. Богданчикова, потомственный почетный гражданин г. Павловска Воронежской губ. М. А. Богданчиков, записал услышанные им еще в 1860 г., 12-летним мальчиком, рассказы деда о войнах 1808—1814 гг. Накануне столетнего юбилея Отечественной войны М. А. Богданчиков прислал в Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 года рукопись «Мое воспоминание. Из рассказов дедушки Сергея Яковлевича Богданчикова» в надежде получить «какое-либо хотя единовременное вознаграждение» за военные заслуги своего деда. К рукописи он приложил указ об отставке С. Я. Богданчикова (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 309, л. 44). В Инвентарной

книге Музея 1812 года поступление рукописи М. А. Богданчикова помечено 2 августа 1912 г. (ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 62, л. 28). Рукопись представляет собой тетрадь в пол-листа, написанную чернилами, почерком, типичным для малограмотного человека начала XX в.

«Мое воспоминание...» М. А. Богданчикова, по мнению А. Г. Тартаковского, следует считать самыми последними из русских мемуаров, специально посвященных эпохе 1812 г. (*Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 141*). Перед нами образец мемуарных записей, сделанных 50 лет спустя после прослушивания рассказов ветерана войны начала XIX в., который в свою очередь обратился к эпизодам своего боевого прошлого также спустя 50 лет. Таким образом, запись воспоминаний отделена столетним периодом от происходивших событий, запечатлевшихся в памяти двух пожилых людей, и к тому же сделана малограмотным потомком вовсе неграмотного С. Я. Богданчикова. М. А. Богданчиков начинает повествование от третьего лица, а затем говорит уже от первого, не делая никаких цитат внутри текста. Хронология Отечественной войны и заграничных походов нарушена, события 1812 и 1813 гг. идут вперемешку, не всегда точны даты сражений. К тому же рассказы С. Я. Богданчикова «дополнены» событиями, в которых он не мог принимать участия — к примеру, говорится с том, что он якобы был в походе в Венгрию 1849 г. (т. е. спустя 16 лет после выхода в отставку). И все же в основе рукописи лежат рассказы действительного участника войн 1808—1809 и 1812—1814 гг., отличившегося во многих сражениях, что документально подтверждается аттестатом С. Богданчикова.

Представляя собой один из образцов крайне редких в русской мемуаристике всего XIX в. «солдатских воспоминаний», эти рассказы интересны прежде всего с точки зрения отражения психологии русского солдата эпохи 1812 г. В них запечатлены героизм русских воинов и солдатская смекалка; ненависть к иноземным завоевателям сочетается с описанием «братания» со шведами после окончания войны и заключения мира в 1809 г.; показано доброжелательное отношение Богданчикова к рекрутам — эстонцам и латышам, не знавшим русского языка. Дается представление о быте русской армии начала XIX в. Несмотря на нарушение хронологии, перед читателем предстают яркие, образные картины событий русско-шведской войны 1808—1809 гг. Огромные трудности, которые приходилось преодолевать русским войскам во время этой войны, отмечал в своем донесении и М. Б. Барклай-де-Толли (командовавший тогда корпусом): «Переход был наизатруднительнейшим, солдаты шли по глубокому снегу, часто выше колен... Понесенные в сем походе трудности единственно русскому преодолеть можно» (см.: *Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX века. М., 1974. С. 78*). Интересны описания сражений под Полоцком и Чашниками в октябре 1812 г., освещенные в мемуаристике лишь в воспоминаниях А. И. Антоновского

(Записки походов и военных действий с 1812 по 1816 г. // *Харкевич В. И.* 1812 год в дневниках... Вып. 3. Вильна, 1904. С. 1—207), Р. М. Зотова и В. И. Штейнгеля.

Сцены военных действий, постоянно чередующиеся в повествовании с разнообразными картинами солдатской жизни и быта, нарисованы очень живо. Характерной особенностью воспоминаний С. Я. Богданчикова является их органическая связь с фольклорной традицией. Несмотря на ярко выраженное индивидуальное-авторское начало, они несомненно тяготеют к такой разновидности прозаического, повествовательного жанра, как исторические предания. Это выражается и в характере некоторых сюжетов, в образном строе многих рассказов и прежде всего в лаконичном, безыскусном и очень выразительном народном языке. Благодаря этой особенности, несмотря на фрагментарность и путаницу в изложении событий, «Рассказы» воспринимаются как единое органическое целое, что придает им неповторимый колорит.

В жанре народных сказаний даны в воспоминаниях С. Я. Богданчикова портреты М. Б. Баркляя-де-Толли и М. И. Кутузова. Оценка Богданчиковым Баркляя-де-Толли противоречит традиционной точке зрения о негативном отношении к Барклаю в солдатской среде: автор воспоминаний говорит о нем с искренней теплотой. А в рассказе о Кутузове нарисован именно тот образ полководца, который был так дорог и близок русскому солдату.

М. А. Богданчиков

Мое воспоминание.

Из рассказов дедушки моего,
прапорщика
Сергея Яковлевича Богданчикова.
1911 год

Дедушка мой вступил на службу 1806 года декабря 6-го Воронежской губернии Бобровского уезда села Ертила на битюге из однопворцев и зажиточной семьи в Невский пехотный полк. На дорогу дали ему три алтына, это означало три гривны. Каждый алтын делился на сорок восемь частей — значит, на него можно купить что угодно из провизии. В селе в то время все нипочем, а денег все-таки не было. Овес — сорок к[опеек] четверть; рожь — восемьдесят к[опеек] четверть. Баранину рубили на четыре части, продавали за 20 к[опеек] часть или меняли на свинину или так на что-нибудь. Когда он отправился на службу, и когда его обучили разной военной маршировке и всему тому, что нужно знать солдату. Первой его поход был в Финляндию — взятие крепости Або¹. Это первое сражение было очень трудное, в особенности как первое, когда еще неприятеля не знали, что они за люди. Потом отправились брать Аландские острова². 300 верст льдом, а морозы были 43 градуса, лед две сажени толщины, и холод ужасный, а солдат был одет — сюртук да шинель, а в сапогах одни портянки, обморозили ноги очень многие. Птица не могла летать, на лету падала и умирала, из корца воду бросить вверх — она падала льдом. Таких морозов еще не видали, и благодаря государыне императрице, которая выслала нам по две пары чулок каждому, и благодаря чулок очень многие спаслись. За Аландскими островами делов было немного, мы взяли их враз и выкинули свой флаг. Потом отправились назад, брать неприступную крепость Свеаборг³. Подошли к крепости, сделали приступ, а неприятеля

тель прямо нас бузует пушками, так ряды и делает. Нам командуют: «Сдвойся!», а он еще, и таким образом несколько раз наступали и ничего не могли сделать, потом отступили и начали раздумывать, как нам поступить, и кончили тем, что нужно переходить чрез бугор или гору, а снегу было две сажени толщины, и снег рыхлый, человека поднять нельзя. Тогда нас начали учить ехать на лыжах, и мы целый месяц учились. Потом командующий⁴ посмотрел нас и похвалил, говорит, что хорошо выучились; потом отслужили молебен и поздравили нас с походом, и отправили нас в 30 верстах от крепости вправо, а сколько верст нам идти, мы не знаем; отправилось нас тридцать тысяч человек, дали нам на семь дней сухарей и приказывают, [чтобы] отправились мы в воскресенье утром, и говорят, сколько вас перейдет на тот бок, чтобы воскресенье следующее хотя бы перешел один человек, должен стрелять в тыл неприятеля. Когда мы отправились, отошли версту или две, некоторые солдаты упали в снег, и такая глубина, что как раз одна голова виднеется, он уже встать не может, сколько он ни гребется — и все на одном месте, он кричит товарищу: «Брат, помоги мне». Товарищ на лыжах подает ему руку и падает сам к нему, и, значит, копаются двое, где трое, потом начали уже не подходить, потому что смерть явная, а до берега никак не доползти. Если кто упал еще близко, тот еще кое-как доползет, а кто прошел пять — десять верст, тот там и оставался, провизию свою кончил, да там и остался. Другие кричат: «На, брат, мои деньги, все равно они мне здесь не нужны». Таким образом, чтобы не упасть к товарищу, мы стали от них отходить: кто правой, кто левой, и это растянулись в ширину верст на пять. После оказалось, что всего переходу чрез этот хребет 30 верст. Перешли на ту сторону, нас уже половина, и там тепло и хорошо. Мы здесь отдохнули, сухариками закусили. Потом варили кашу и начали надвигаться к крепости все ближе, а никого не видим. В субботу мы подступили уже близко, а в воскресенье нам утром рано нужно стрелять в тыл неприятелю, а спереди наши должны делать усиленный натиск. Так и сделали: мы стали подходить близко, слышим — наши орудия гудят, потом слышим и наши ружья. Сердце кровью обливается, как скорей схватиться с неприятелем, а бой идет страшный, наши все падают, войска спереди, а он все подводит сюда и видит, что русские с нетерпением хотят взять крепость, кричит: «Дай сюда еще войска»,

а мы в это время подошли уже близко. Нам командуют: «Стреляй!», и мы как трахнем сзади, потом другой, потом третий раз, а он, то есть швед, говорит: «Чтой-то такое, кто сзади?», велел остановить на полчаса, послал рассмотреть, что это значит, а в это время наши впереди уже лезут на крепость, а мы все идем и стреляем, когда уже услышали голоса наших, кричат: «Ура!» Тогда и мы как взяли в штыки да закричали: «Ура!», а наши тоже услышали нас и обрадовались. Значит, наши перешли и как кинутся всем корпусом, а мы — сзади, и так неприятель враз положил оружие, огонь и штыки были убийственные; это такое было кровопролитие, что просто беда! После этого нам дали отдых четыре дня, и мы с шведами братались, хотя языка их не понимали, но пантомимой все догадываемся, они указывают на небо, и мы тоже, что у нас Бог один. Они нас начали угощать хорошо, а мы их сухариками да махорочкой.

Был в сражении при взятии Христианштадта⁵ — сражение было упорное, при взятии Лангерна, в победе при Рутенской гавани. Здесь было так. Когда мы сошлись с неприятелем, поле было гладкое и ровное, на расстояние версты ширины, где я был на левом фланге, и мы настолько увлеклись победой, что оказались впереди на сто или более сажен своей колонны во время боя и бегства за неприятелем. Не заметили, как с другой стороны нас обошел неприятель и вдарил нам в тыл. Когда мы оглянулись, смотрим — неприятель сзади нас, а нас всего оставалось 400 душ. Что делать? Их, сзади нас, сила. Тогда нам кричат: «Ружья вниз!», мы это сделали, а полки еще сражаются сзади нас. Тогда неприятель оторвал от нас часть и пошел на наших; наши стоят упорно, а нас гонят к неприятелю, толкают сзади по затылку, чтобы шли скорей, а мы оглядываемся: не хочется нам идти; мы сделаем шаг вперед, а два шага назад. Смотрим — на правом фланге завязалась наша конница и конница неприятеля, идет рубка. Боже мой! Лошади бегут без седока, другого лошадь везет на свой бивак в построюмках, другая лошадь — волокутся кишки, и она бежит на свой бивак. Смотрим, все наши идут вперед, а мы все тихими шагами пятимся назад, а нас лупят сзади прикладом: «Иди скорей!» Смотрим, наша конница поравнялась с нами на одной линейке, и мы все обрадовались. Тогда я говорю товарищам: «Братья, все равно нам пропадать. Давайте перевернемся, да на тех, кто нас гонит!» Все согласились. Я командую: «Раз-два-три», и все враз пере-

вернулись и давай их штыками, и они не устояли. Тогда мы бегом к своим; их покололи порядочно, но были у нас. Тогда ихняя кавалерия бросилась в карьер на нашу кучку, а наша кавалерия на них, и только подскакали к нам, начали размахивать саблями, а мы их штыками так и ссаживали с лошадей; я здесь был несколько ударен пашкой, но она попала по манерке, так что мне особенного тяжелого ничего не было, но я упал на колени. Только поднимаюсь, на меня налетел неприятель с тесаком, взмахнул. Я: «Ах, господи», и небо мне показалось с овчинку. Откуда ни возьмись, наш кавалерист подскочил, в одно мгновение цок его по руке, в которой у него была сабля, и рука с саблей упала наземь, и я перекрестился, говорю: «Слава Богу, откуда ты взялся!»

1 августа под Полоцком, где, так это он, дедушка, называет, Саксония⁶. «Ну уж, эта мне Саксония надоела. Мы привыкли воевать штыками. Самое главное, как закричат: «Ребята, в штыки!», так мы и рады стараться. Нам подставь хоть мильен, мы всех их переколем, а уж как ружье, да еще кремневое, а порох высыпался, и она не стреляет. Пока насыпешь пороху да подожжешь, а неприятель уже ушел. И вот эти саксонцы. Они не умеют воевать, они все шайками. Мы в одно время здесь так сражались, что просто беда. Правда, не емши, не пивши, поуспорились целой день. Наконец находим местечко, делаем привал, варится каша, едят сухари, а кто на балалайке, а кто покуривает, расставили цепь и легли спать кой-как, как он трахнет с четырех сторон. Вскакиваем, а он побежал на все четыре стороны, куда бежит, черт его знает, а нас кучки небольшие.

Или под Лейпцигом⁷ бились-бились мы, да и успорились, и вот к вечеру выбрали мы одну балку. Несколько хатенок (там вообще больших сел нет так, как у нас, а так, какие-то фольварки), мы и остановились в этой балке. Я в это время был с фуражиром, под моим распоряжением было 40 пар быков с повозками и 40 человек солдат, да кроме еще было человек десять хлебопеков. У меня сухари и делики; где можно свободно, мы пеком хлеб, и вот в это время расставили цепь, а мне приказывают отправиться к этим избушкам, их было штук 10—15, а уже стемнело.

Являюсь в первую хату и другие и велел затопить печи, и нужно, чтобы утром печь хлебы. Слышу, чтой-то с ружей палят. Я спрашиваю: «Чтой-то палят?», а войско от меня 100—150 сажений, а мне говорят, что это наши

чистят ружья. Я приказываю запрячь две пары волов да везти солдатам сухарей и отправил чрез час. Приезжают солдаты и говорят, что нашего войска нет. Тогда я спрашиваю здешних людей, они пантомимомю мне объясняют, что они ушли на эту гору, показывают дорожку. Я и смотрю: «Ребята, ведь мы остались в плену, ведь наши ушли и нам не сказали». Это была уже ночь, а мы оцеплены неприятельской цепью. Неприятель накинудся на нас ночью, потому что он не знал, сколько там нас, а наутро рассчитывали затеять с нами борьбу, а наших было, по-тогдашнему, не особенно много, поэтому наши и ушли, а там сражений было несколько на расстоянии сто верст вокруг, там сражаются и там сражаются, словом, в нескольких местах. Я говорю: «Что же нам делать?».— А что делать — мы оцеплены цепью, значит, будем в плену.— Говорю: «Мы-то будем в плену, и нас, может, будут кормить, а чем будет кормиться наш отряд? Там, я знаю, сухарей нет, ведь мы сряду сражались три дня. Нет,— говорю,— запрягайте волов да кладите делики, что замесили на хлебе, да вот по этой косо́й дорожке, что подле нас, которую мы видели еще засветло, да и тягу». Мне говорят: «Там цепь, и мы не проедем». — «А я говорю — проедем, хотя, может, и нас несколько убьют, но все-таки мы уйдем». Скотина, быки и они чувствуют, что они в плену. Когда стали их ловить и запрягать, то в другое время с ними бьешься часа два-три, а в это время сами идут и протягивают в ярмо шею, так что чрез полчаса мы уже наладились ехать. Едем, и они идут на гору, как будто тройки лошадей. Когда выехали на ровную дорогу, слышим: цепь чтой-то бормочет. Я сказал: «Тихо! Гоните быков во всю прыть, а сами держитесь». Когда они вдарили по быкам раза по два кнутом, быки поскакали, как тройки лошадей, цепь хотела их остановить, но они не дались. Которые подбежали ближе их, наши солдаты срезали штыками, они хотели задержать, а быки все бегут. Когда неприятеля собралось уже порядочно, а мы уже далеко, тогда они начали стрелять и убили два быка рогатых. Пришлось дважды бросать и двух быков, как тяжелораненых, а эти два быка бегут за нами. Кончилось тем, что мы уехали. Несколько солдат поранили, но мы их привезли всех. Когда мы отъехали версты три, смотрим — костры. Я посылаю узнать: «Пойдите узнайте, какой это полк». Пошли несколько человек и скоро возвратились, говорят, что это немцы. Значит, скорей едем дальше. Проезжая еще приблизительно версты две, опять

огни. Я посылаю еще узнать, что за огни; приходят и говорят, что опять немцы. Таким образом мы едем еще дальше, смотрим — опять зарево. «Идите еще узнавайте, да аккуратнее». Идут, указывают — русские. Цепь кричит: «Кто идет?» Говорят: «Русские». «Близко не подходи», — дает знать. Приходят еще, приходит дежурный по караулу и говорит: «Вы что за люди?», и мы говорим, что уехали от неприятеля с обозом, а войско ушло раньше. Он говорит: «Кто у вас старший, пусть придет сюда, а я его отправлю к командиру». Они говорят: «Старший у нас — унтер-офиц[ер] Богданчиков». — «Пусть идет скорей сюда». Они прошли и рассказали, что русские. «Какой полк?» Они говорят: «Это дело не ваше, приказали идти вам скорей». Дедушка отправился, дошел до цепи, и этот разводной завязал ему глаза и повел к командиру. По приходе туда командир его расспросил, как было дело, а дедушка спросил: «Где наши полк?» А он говорит: «А черт его знает, где он, разве здесь, на расстоянии ста верст, узнаешь, где какой полк. Ведь это проклятые банды, они все собираются кучками и нам не дают покоя». Да и дедушка мой говорил: «Ох уж эта мне Саксония, надоела. В течение восьми лет — и все время сражение». Затем-то у нас, русских, сложилась и пословица: «Ты еще мелко плавал — в Саксонии не бывал»⁸. Потом опять меня с завязанными глазами довели до цепи, а здесь развязали и пустили меня все-таки, дожидались здесь два солдатика. Когда я пришел, быки уже кушают траву, и мы прилегли. Главное, четыре ночи не спали, утром уже порядочно отдохнули и толкуемся, где же наши, куда нам ехать, искать на севере, на востоке, юге или западе? Наконец запрягли и едем, приезжаем [в] поселок, размахиваем руками мы, у них ничего не поймешь, а они у нас; едем, дальше все нигде нет, почевали ночь, утром еще едем, то правей, то левей. Еще проехали день. На третий день находим русский отряд, спрашиваем, где такой-то полк. «Здесь приблизительно», — говорят, что должен быть там. Мы едем по направлению, где нам указали; еще не доехали, захватила ночь. Не знаешь, куда еще ехать. Остановились на ночлег, утром по заре, очень рано, встали и тронулись; попадаемся на небольшой клочок русских, куда-то командиремых, а они нам рассказали, что они считаются пропащими приблизительно верст пять-шесть. Тогда мы направились уже быстрыми шагами, и еще издали мы уже угадываем своих и кричим им: «Ура!» Они заметили, тоже кричат нам: «Ура!»

а быки бегут рысью. Когда подъехали, у них хлеба давно уже нет ничего, тогда солдаты прибежали, все, сколько было, к возам и начали распарывать мешки и брать сухари, хрустеть и кусать, а кто тащит манерки с водой, кричали: «Ура!» и бросали фуражки кверху и говорят: «Как вы ехали? Ведь вы были атакованы». Солдаты говорят, что мы хотели остаться, но Богданчиков сказал, что едем, иначе наши помрут с голода. Сколько было здесь радости — больше, чем бывает на светлое Христово Воскресение. В это время получается пакет от австрийского императора к нашему императору Александру Павловичу, в котором он просит помочь ему усмирить Венгрию и Трансильванию, иначе ему угрожает падение Австрии. Наш император шлет в Австрию, в том числе и я, 30 тысяч. Когда нас скопировали, отслужили молебен, помолились Богу, выпили по чарке водки и государь сказал: «Жду вас победителями», и скомандовали нам скорым шагом марш, а это далеко, все измучились. Не доходя несколько, нам дали двое суток отдохнуть, и мы за эти два дня все-таки отдохнули. Когда мы подошли к Вене — столице Австрии, венгры и трансильванцы ее атаковали кругом и еще день шли меньше, могли бы они взять ее приступом. В это время мы подошли на ружейный выстрел — и трах их в затылок, они оглянулись — что это значит, перевернулись назад, а в это время обрадованные австрийцы вышли из крепости и с нашими усилиями сейчас и кончили. За это дедушка получил медаль на ленте «За усмирение Венгрии и Трансильвании»⁹. Не успели там еще отдохнуть, как их требуют в Москву; говорят, что Наполеон идет в Москву. «Тут-то нас отправили на Москву, а мы идем»¹⁰. Ноги все потертые, плечи от сумок и ружья томит. Идем и разговариваем с товарищами: «Какие же мы вояки, когда мы все разбиты, руки, ноги, плечи, ну, словом, все». Не доходя Москвы 400 верст, нам дали подводы — четыре человека на подводу, дали сала — смазать потертые места, и тут-то, в течение этого времени, мы совсем поправились. Потом несколько дней нас скопировали¹¹, а войска со всех сторон все двигаются. В Москве мой был главнокомандующий Барклай-де-Толли, и, когда я управлял кухней, Барклай-де-Толли подъезжает, кричит: «Что, каша готова?» Я говорю: «Готова, ваше сиятельство, давай». Я ему налил миску, он попросил другую, потом садится на лошадь и говорит: «Ну, теперь мы готовы сражаться с Наполеоном» — и подарил мне серебряный рубль, который дедушка хранил до смерти, а помер он 1863 года.

«Когда нас скопировали по полкам, потом говорят, что назначен новый главнокомандующий — русский Кутузов, который поморозил всех французов». Много дедушка говорил анекдотов про князя Багратиона и графа Румянцева¹².

Наконец нам назначили смотр, когда будет смотреть армию Кутузов¹³. Мы рано выстроились в шесть человек ряд, ряды три аршина ширины. Наконец, говорят: «Едет главнокомандующий». Все почему-то очень рады Кутузову. Подъехал, кричит: «Здравствуйте, ребята». Снял фуражку — седой, на серой лошади и едет по всем рядам. Говорит: «Молодцы, ребята! У, какие хорошие. С этими молодцами мы возьмем и Париж». Мы все в один голос отвечаем: «Рады стараться!» И вот, чрез несколько время француз уходит из Москвы, а тут нам подсобили еще и морозы. Тогда мы начали гнать Наполеона, в которого я лично стрелял чрез Березину¹⁴. Там такая сила их скопировалась, что на мосту не могли поместиться наши. Подпалили мост, который и рухнул, и они все утопли, которые еще не могли перейти. Дедушке пришлось идти чрез Березину по головам французов, и в это время с того бока подъехала коляска, и Наполеона здесь ранили, посадили в коляску на глазах дедушки и увезли.

Потом Кутузов говорит: «Ну, ребята, пойдемте его догонять». Тут мы еще много сражались. Под Лейпцигом сражение было большое 4 и 5 октября, потом при Чашниках 19 октября¹⁵. Я стреляю и прикладываюсь хорошо. Только что выстрелил, и в кого стрелял — он упал. Потом слышу, что-то черябнуло мне в левое плечо. Ну, думаю, ничего, стал насыпать порох и забивать шомполом, руку в это время опустил, а правой забивал шомполом, смотрю, а из шинели из рукава полилась кровь. «А, — я говорю, — укусила, ну, погоди, я тебе задам!» Зарядил, прикладываюсь в одного, как, заметно, он меня поранил, прицеливаюсь в него: бац — и он падает, я повертываюсь кругом, и кровь гудит; только что делаю шага два назад, как в это же плечо попадает пуля другая, уже сзади, на вершок от первой и под лопаткой. Я иду на перевязочный пункт, а мне кричат: «Богданчиков, куда?» Я говорю, что ранен. Прихожу на перевязочный пункт, мне забинтовали, а другую чрез несколько время вырезали, и это было очень больно».

Рассказывал, когда он был дядькой и обучал молодых рекрут, не упомяну, в каком было это месте: «Когда нам прислали рекрут чухнов, латышей, финнов¹⁶, которые

никак не знали русского языка. Когда их привели к нам, им нужно явиться к старшему писарю, который их должен переписать. Они явились и смотрят, как будто не нашими глазами, как-то странно. Когда писарь стал спрашивать: «Как тебя зовут», он отвечает: «Митрий Санов», он пишет «Митрий Савин». Спрашивает другого, он тоже говорит: «Митрий Санов». Писарь говорит: «Что вы все, что ли, Митрии Савины?» Тогда он спрашивает третьего, тоже говорит: «Митрий Санов». Он его вдарил по щеке за то, что он говорит Митрий Санов. Тогда этот рекрут говорит: «Куку Миту». — «Давно бы так сказал, что Иван Филиппов». Но в это время был хозяин дома и говорит писарю: «За что вы бьете? Они ничего не понимают. «Митро Саим» означает «Что ты говоришь?», а «Куку Миту» означает «За что ты бьешь?». Таким образом, благодаря хозяину их переписали. Тогда начали их раздавать дядькам, по 10 человек рекрут на одного, их учить. Они смотрят и положительно ничего не понимают: ни направо, ни налево — глядят, и больше ничего. Тогда я им принес сена и соломы и говорю: «Вы знаете, что это?» Они говорят: «Сено». А это? — «Салом». Ну так помните, что на правой руке у вас будет сено, а на левой солома, и когда буду командовать: «Сено», тогда ворочайся направо, а когда буду говорить: «Солома», тогда поворачивайся налево, и это было такой труд, которого я за всю службу и не видал, а начальство спрашивает, чтобы были готовы к известному времени, а с ними ничего не поделасшь: они и стараются, да ничего не понимают. Потом все-таки начали приучаться кой-как. Другие дядьки их бьют, я посмотрел, что же их бить? Ведь они положительно ничего не понимают. Я начинаю их хвалить, говорю: «Молодцы ребята, надеюсь, завтра вы сделаете еще лучше». Они очень обрадованы, что их похвалили, приходят на квартиру и начинают сами между собой заниматься. Смотришь — завтра уже делают добропорядочно. Приходит командир, смотрит новобранцев, находит их порядочными против других дядек и говорит им: «Как вы не можете так заниматься, как Богданчиков?», а они, дядьки, еще больше нападают на рекрут, бьют, а они еще хуже от этого, никак не могут вникнуть. Изо всех рекрут у меня оказываются лучше; тогда у меня берут моих, а дают других, совсем ничего не знающих. Я начинаю и с этими поступать так же, и чрез неделю у меня и эти стали хорошие, а те мои сделались хуже, и эти новые меня благодарят; я что, я их не бью, а рас-

толковываю им резонно. Это был труд невероятный, но все, слава богу, прошло.

15 тысяч проходил пешком, когда меня еще не ранили. После сражения при Березине и потом чрез Березину мы шли по направлению к Парижу. И шли мы два года, в это время все время только были все стычки. Когда мы пришли в Париж, то наши хотели разбивать Париж, а покойник император Александр Павлович — он ведь был красавец — говорит: «За что мы будем жечь город, ведь эти люди ничем не виноваты». Тогда из города к реке Сене вывезли ключи от Парижа, и Александр Павлович принял ключи и не стал бомбардировать город. «Я, — говорит дедушка, — в самом Париже не бывал, потому что мне было почему-то нельзя, а в Сене купался несколько раз, чрез Сену город очень красивый, слишком хороши мосты чрез Сену».

Когда я поступил на службу Суворова, шесть лет как он уже помер. Но солдаты, которые с ним служили, много про него рассказывали, это, говорят, был друг солдата. Рассказывали, как они были с ним в нескольких сражениях.

Потом из Парижа я, по случаю ран, был отправлен Воронежской губернии в город Бобров в Инвалидную команду, где дослуживал свои года — всего прослужил 26 лет. Пенсию получал от Комитета раненых 40 рублей и 2 копейки серебром в год. Все время был в походах и сражениях:

1808 года при взятии Або,
при взятии Христианштадта,
при взятии Рутенской гавани,
против французов чрез Березину,
в победе под Полоцком,
в победе при Чашниках, где ранен в левое
плечо двумя пулями,
в победе под Лейпцигом,
при взятии Свеаборга — неприступной
крепости
и при усмирении Венгрии и Трансильвании.

Поступил в Невский пехотный полк, из коего переведен в Екатеринбургский полк унтер-офицером.

Из потомства дедушкина я внук его сына Александра. Рожден 1848 года. Мне сейчас 63 года, еще брат у меня Алексей, рожден 1850 года, и больше нет никого. Числимся мы — потомственные почетные граждане. Место

пребывание мое сейчас: Воронежской губ. город Павлов-на-Дону.

Имя мое Михаил Александрович Богданчиков. Я и пишу дедушкины рассказы про 12-й год к столетию. Не найдет ли Комитет возможным, как внуку героя 1806¹⁷ и до 1814 года, дедушки моего, средств я не имею, какое-либо хотя единовременное вознаграждение, чем бы я был очень благодарен за заслуги дедушки моего. При сем представляю дедушкин указ, который если будет нужен Комитету, то можете его оставить, а если он не нужен, то возвратите его мне в Павловск Воронеж. губ. Михаилу Александровичу Богданчикову. Эти рассказы были 1860 года, когда мне было еще 10—12 лет и которые я помню хорошо, как будто бы было это вчера.

ОПИ ГИМ, ф. 160, ед. хр. 309, л. 34—47 об.

Комментарии к воспоминаниям М. А. Богданчикова

¹ Крепость Або (ныне г. Турку в Финляндии) — база шведского флота — была взята русскими войсками летом 1808 г.

² Аландские острова были заняты корпусом П. И. Багратиона 5 (17) марта 1809 г. Русские войска перешли по льду Ботнического залива.

³ Ошибка: крепость Свеаборг — ныне г. Суоменлинна (Финляндия) — была взята русскими войсками в самом начале русско-шведской войны, 21 апреля (3 мая) 1808 г.

⁴ Очевидно, имеется в виду Ф. Ф. Буксгевден — главнокомандующий русской армией в начальный период войны со Швецией.

⁵ Крепость Христианштадт (швед.: Кристиненстад) была взята в 1808 г.

⁶ Сражение под Полоцком, о котором упоминается в рассказе С. Я. Богданчикова, состоялось 6—8 октября 1812 г. Корпус генерала Ф. Ф. Штейнгеля, куда входил Невский пехотный полк, действовал непосредственно против отряда баварского генерала К. Вреде, входившего в корпус Л. Сен-Сира, и 7 октября отбросил его за Двину. При преследовании противника частями корпуса Штейнгеля было захвачено 800 пленных, шесть орудий и 22 знамени «всех баварских полков» (см.: *Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам*. Т. III. СПб., 1860. С. 172—179; М. И. Кутузов: Сб. док. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 209, 222).

⁷ Екатеринбургский пехотный полк, в составе которого С. Я. Богданчиков восвал в 1813 г., принимал участие в штурме Лейпцига 7 (19) октября 1813 г.

⁸ Имеются в виду сражения на территории Саксонии в кампании 1813 г. Вплоть до разгрома наполеоновской армии в Лейпцигской битве в ее составе принимали участие саксонские войска.

⁹ Явный домьсел М. А. Богданчикова. Выйдя в отставку в 1833 г., как явствует из указа об отставке, С. Я. Богданчиков не мог участвовать в походе в Венгрию 1849 г. В указе не упоминается о медали «За усмирение Венгрии и Трансильвании».

¹⁰ В сентябре 1812 г., когда наполеоновская армия находилась в Москве, Невский пехотный полк, в котором тогда служил С. Я. Богданчиков, двинулся из Риги в юго-восточном направлении и в момент ухода наполеоновской армии из Москвы (12 октября) находился в районе Полоцка (около 400 верст от Москвы).

¹¹ Т. е. собрали вместе (скопом).

¹² Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725—1796) — граф, русский полководец.

¹³ Произведенный М. И. Кутузовым смотр, о котором упоминает С. Я. Богданчиков, состоялся не ранее середины ноября 1813 г., когда войска корпуса П. Х. Витгенштейна соединились с основными силами русской армии в районе Березины.

¹⁴ Невский пехотный полк непосредственного участия в сражении при Березине 14—17 ноября 1812 г. не принимал.

¹⁵ Сражение при Чашниках состоялось за год до Лейпцигской битвы 19 октября 1812 г.: Невский пехотный полк сражался на правом фланге русских войск против корпуса Виктора (см.: *Богданович М. И.* Указ, соч. Т. III. С. 184, 191—196).

¹⁶ Очевидно, имелись в виду латыши и эстонцы, поскольку Финляндия, как известно, обладала своеобразной автономией в системе самодержавной России.

¹⁷ Ошибка: С. Я. Богданчиков не участвовал в наполеоновских войнах 1805—1807 гг.

Указатель имен *

- Абеляр П. 269, 349
Агссандр 283, 352
Адриан Публий Элий 318, 354
Александр Македонский 281—283, 350—352
Александр I 18, 33, 34, 40, 41, 51, 55, 57, 62, 66, 68, 76, 77, 88, 89, 91, 97—99, 101, 110, 124, 125, 134, 140—141, 144, 173—175, 192, 195, 203, 212, 221, 225, 235, 244, 248, 250, 258, 261—266, 269, 285—287, 289, 290, 293, 296, 300, 329, 332, 335, 337, 339, 343, 344, 352, 360, 368, 379, 381, 382, 389, 391, 392, 395, 400, 407, 410, 431, 436—438, 448, 451
Александр II 333
Александра Федоровна, императрица 231, 345
Алексеев Федор 13, 113, 210, 214—216
Алексеев, подполковник 404, 408
Алтухов, поручик 116
Амалия, принцесса 286
Ангальт Ф. Ф. 119, 132, 331
Ангулемская Мария Тереза, принцесса 389, 400
Андреев Н. И. 28, 359, 402
Анна Павловна, великая княгиня 88, 397
Аношинский И. А. 165
Антоновский А. И. 440
Аполлитор 283, 352
Апраксин П. И. 165, 337
Апраксин С. С. 44, 91
Аракчеев А. А. 104, 112, 126, 148, 153, 154, 165, 263, 264, 271, 331, 335, 341
Аристид 123, 203, 331, 332
Аристотель 276, 282, 283, 350, 352
Артаксеркс I—332
- Артуа, граф (впоследствии король Карл X) 277, 350
Аспазия 323
Атаманский, прапорщик 183, 184
Атенодор 352
- Бабкин В. И. 92, 411, 412, 436
Бабушкин, офицер 401
Багговут К. Ф. 8, 21, 52, 95, 181, 195, 196, 343
Багратион П. И. 8, 13, 14, 21, 28, 43, 46, 47, 90—92, 99, 102, 145, 147, 159, 177, 178, 180, 181, 257, 337—339, 342, 356—359, 369, 373—375, 397, 398, 402, 403, 408, 449, 453
Базилевский В. С. 228
Балашов А. Д. 89
Бальмен де К. А. 163, 336
Барклай-де-Толли М. Б. 9—11, 16, 21, 24, 29, 30, 32—34, 50, 51, 93, 94, 97, 109, 143, 145, 172, 178, 181, 184, 185, 187, 191—193, 195, 219, 231, 232, 260, 261, 290, 297, 298, 336, 339—341, 344, 370, 373, 405, 407, 440, 441, 448
Барсов Е. В. 5, 106
Баталин Н. В. 107, 110
Батый (Бату) 281, 351
Бек, офицер 209, 219, 258
Беклемишев, адъютант Фигнера 87
Бсклешов Н. А. 121, 331
Беклешовы 166
Беннигсен Л. Л. 29, 47, 89, 92, 95, 98, 138, 143, 145, 148, 181, 182, 195, 221, 237, 296, 333, 334
Беренс, учитель 361
Бернадог (впоследствии король Карл Юхан XIV) 98
Бертран А. Г. 97
Бертье Л. А. 192, 342, 343
Бескровный Л. Г. 99
Бессьер Ж. Б. 193, 342
Бирон Густав, курляндский принц 383, 386, 399
Бирюков, майор 404, 408

* В указателях выделены имена и наименования, не входящие в текст документов.

- Бискупский К. А. 27, 103
 Бистром А. И. 259, 263, 340, 348
 Бистром К. И. 181, 182, 399
 Благовещенский И. М. 15, 18, 20,
 22, 410—412, 413—435, 436—
 438
 Блюхер Г. Л. 60, 61, 74, 98, 232,
 253, 257—261, 288, 348, 405,
 409
 Богарне Александр 339
 Богарне Евгений 178, 181, 200, 206,
 339, 344, 378, 399
 Богданов Л. П. 29
 Богданович М. И. 25, 29, 30, 90,
 99, 100, 400
 Богданчиков М. А. 439—441, 442,
 451, 452
 Богданчиков С. Я. 11, 16, 17,
 18, 20, 439—441, 442—452,
 453, 454
 Боков Н. Я. 410, 411
 Болговский Д. Н. 34
 Болеслав I Храбрый 138, 333
 Болховитинов Евгений 233, 346
 Бонами Ш. А. 93
 Бонапарт Жером *см.* Жером Бо-
 напарт
 Бонапарт Жозефина *см.* Жозефи-
 на Бонапарт
 Бонапарт Каролина *см.* Каролина
 Бонапарт
 Бонапарт Люсьен *см.* Люсьен Бо-
 напарт
 Бонапарт Наполеон *см.* Наполсон I
 Бонапарт Франсуа Шарль Жозеф
см. Наполсон II
 Бонне Ш. 120, 276, 350
 Борис Годунов 206, 344
 Бороздин М. М. 181, 339, 356
 Борщевы 396
 Брусилов М. 381
 Брусье Ж. Б. 92, 93
 Будберг Б. В. 151, 334
 Будих, врач 414
 Буксгевден Ф. Ф. 330, 443, 453
 Бурбоны 73, 77, 100, 407
 Бурдуков, прапорщик 199
 Буркесроде, ротмистр 387, 389, 391
 Бутурлин Д. П. 29
 Бушен Э. 362, 377
 Быков, штабс-капитан 123
 Бюффон Ж. Л. 113, 120, 272, 273,
 276, 348
 Вагнер, юнкер 428
 Валлерстгейм, доктор 389
 Валусв А. С. 120
 Вальдо (Вальдус) Петр 243, 347
 Вальмодеп Гимбурн Л. Т. 388, 400
 Вандам Д. Р. 60, 98, 382
 Вардинская, графиня 369
 Варнск А. Г. 125, 169, 339
 Васильчиков Д. В. 70, 100
 Васильчиков И. В. 196, 342
 Ватье, французский генерал 92
 Веймарский герцог Карл Фридрих
 99, 239, 346, 388
 Вейсман О. А. 219, 345
 Вендорф М. М. 107
 Венценбрер, доктор 151
 Вердеревский Н. Н. 130, 332
 Веретенников В. И. 108
 Веретенников И. Д. 106, 108
 Веретенников К. Д. 106
 Вернер А. Г. 234, 346
 Веспасиан Тит Флавий 354
 Вестублев, офицер 124
 Виктор К. 439, 454
 Виланд К. М. 241, 346
 Виллие Я. В. 134, 149, 332
 Виммер 392
 Винтерфельд 295
 Винценгероде Ф. Ф. 72, 100, 101,
 406, 420, 437
 Вистрис 269
 Витгенштейн П. X. 18, 36, 61, 89,
 96, 97, 223, 286—288, 336, 338,
 382, 439, 453
 Витовтов А. И. 125, 129, 332
 Виттенгоф, полковник 395, 396
 Вихмантовы 166
 Владычин И. К. 117, 331
 Вобан С. ле Претр 349
 Военский К. А. 21
 Воинов, генерал 396
 Войлович, граф 381
 Волков, подполковник 359
 Волконский П. М. 125, 126, 140,
 332, 379, 390, 391
 Вольтер 349
 Воронцов М. С. 101, 358, 373,
 398, 404
 Воячев, штабс-капитан 218, 221
 Вреде К. Ф. 99, 453
 Вуич Н. В. 75, 76, 101, 109
 Вырубов П. П. 124, 332
 Вюртембергский Александр,
 принц 438
 Вюртембергский Евгений, принц
 179, 200, 339
 Вюртембергский Павел 388, 400
 Вяземский П. А. 88

Гавриил (Всеволод) Мстиславович, великий князь 119, 331
Гальяни, грек 156
Ганзен 387
Ганнибал, полководец 331
Ганнибал А. П. 331
Ганнибал И. А. 120, 331
Гардер 139
Гаухвиц Х. Л. 139, 237
Гейсмар Ф. К. 387, 400
Геккельц, ротмистр 395
Гельдорф, генерал 383
Генрих II 277, 350
Генрих III 266, 348
Генрих IV, французский король 265, 277, 348
Генрих IV, германский император 131, 332
Герард Ф. И. 131, 332
Герау, офицер 379
Герлах 383
Герцен А. И. 5
Гесиод 324, 355
Гессен-Дармштадтская 286
Гессен И. Х. 425, 437
Гёте И. В. 241, 346
Гизениус, учитель 362
Глазунов, поручик 401
Глинка С. Н. 90
Глинка Ф. Н. 7, 15, 28, 29, 32, 34, 38, 97, 105, 232, 345, 398
Глухов, полковник 179, 338
Гогенталь, граф 387
Гогенцоллерн, принц 383
Гондурн 400
Голицын А. Б. 35, 360, 398
Голицын Б. А. 415, 416, 419, 425, 431, 436, 437
Голицын Н. Б. 37, 97, 357
Горихвостов А. З. 206, 344
Горчаков А. И. 91, 357, 408
Готовцев В. Т. 13, 183, 236, 238, 254—256, 259, 268, 286, 287, 289, 296—300
Граббе П. Х. 27, 28, 31, 35, 103, 133
Граббе-Горский О. Ю. 97
Гресков Д. Е. 205, 344
Грессер А. И. 430, 439
Гротенгельм, эстляндский помещик 149
Груши Э. 93
Гулевич, подполковник 43, 90, 184
Гулай, Гулай (Дьюлаи) И. Н. 3, 86, 387, 400
Гус Ян 243, 347
Густав Адольф II 381, 399

Гуфеланд, лейб-медик 231

Давид Ж. Л. 267, 348
Даву Л. Н. 90, 96, 176, 178, 181, 187, 188, 200, 206, 278, 337, 344, 379, 398, 400
Давыдов Д. В. 10, 21, 37, 96, 103, 110, 112, 159, 161, 194, 196, 213, 217, 336
Давыдовский Я. Я. 108, 110, 112, 113, 143, 217—221, 333
Дан, поручик 381
Дарий III Кодоман 282, 351
Дегио, штаб-лекарь 148
Деламберт К. О. 125, 129, 332
Дельзон А. И. 339
Демидов Н. И. 130, 332
Депрерадович И. Н. 380
Де-Пуле М. Ф. 107, 108
Державин Г. Р. 174, 337
Дерфельд А. 264, 348
Диаконов, подпоручик 427
Дивов Н. А. 31
Дидро Дени 316, 354
Дмитрий Донской 49, 94
Докукин И. Н. 169,
Долгоруков И. М. 415, 436
Долгоруков С. Н. 195, 196, 200, 343
Домбровский Ян 216, 345
Дорохов И. С. 10, 21, 112, 174—177, 194, 217, 337, 338
Дохтуров Д. С. 21, 27, 80, 91, 92, 100, 102, 181, 340, 359, 402
Дрейлинг А. Р. 395, 396
Дрейлинг И. Р. 6, 13, 14, 15, 17—19, 22, 29, 356—360, 361—396, 397—400
Дрейлинг Л. П. 357
Дука И. М. 15, 356, 362—364, 367, 396, 397, 398
Дурново Н. Д. 35, 95, 344
Дуров В. А. 409
Дюпор, танцовщик 269, 349
Дюррок Ж. К. 228, 345

Евреинов М. М. 29, 35, 360
Егоров А. Е. 169, 337
Екатерина Павловна, великая княгиня 40, 296
Екатерина II 116, 117, 165
Екатерина Медичи см. Медичи
Екатерина
Елгазин, подпоручик 154, 155
Елизавета Алексеевна, императрица 113, 285, 290, 352

- Елизавета Петровна, императрица 116
- Ермолов А. П. 21, 28, 29, 31, 33, 35, 37, 80, 93, 95, 102, 181, 183, 185, 260, 358
- Еропкин П. Д. 133, 332
- Ефимович М. Н. 125—128, 332
- Ефремов И. Е. 191, 196, 341, 436
- Жанна д'Арк 256, 347
- Жемчужников М. Н. 69, 100
- Жерар Э. М. 92, 93
- Жером Бонапарт 63, 64, 99
- Живов Н. А. 28
- Жилин П. А. 89, 92, 343
- Жиркевич И. С. 28, 29, 35, 36, 37, 97
- Жозефина Бонапарт 88, 268, 339, 348
- Жорж (Веймар М. Ж.) 345
- Жуковский В. А. 336
- Жюно А. 103
- Загоскин М. Н. 37
- Загряжский, ротмистр 295
- Зайцев А. 37
- Закревский А. А. 187, 340, 341
- Засс А. П. 33
- Звягин, поручик 121, 122
- Зейдлиц-Курцбах Ф. В. 295, 353
- Зистих 312
- Золберг, учитель 362
- Золотов, фельдфебель 93
- Зотов Р. М. 441
- Зубко, капитан 184
- Иванов, шеф Псковского гарнизонного полка 119
- Игорь, великий князь киевский 119, 346
- Игумнов, капитан 124
- Иероним Бонапарт *см.* Жером Бонапарт
- Иероним Пражский 243, 347
- Иконников, врач 368
- Иловайский В. Д. 437
- Ильенко, унтер-офицер 363
- Ильинский, поручик 25
- Имшенецкий, адъютант Малороссийского кирасирского полка 367, 397
- Иокиш А. 108
- Иогансон, офицер Малороссийского кирасирского полка 366, 369, 376, 377, 394, 397
- Йорк фон Вартенбург Л. 257, 271, 272, 347, 399
- Кайзерлинг, граф 383
- Кайсаров П. С. 208, 210, 344, 377
- Каллаш В. В. 21
- Каллисфен 283, 352
- Каменский М. Ф. 333, 335
- Каменский Н. М. 155, 156, 158, 161, 164, 166, 167, 335, 336
- Кандыба, полковник 27, 42, 89
- Канова А. 285, 352
- Капцевич П. М. 71, 72, 92, 100
- Карамзин Н. М. 123, 331
- Карл Великий 285, 346, 352
- Карл V, император «Священной Римской империи» 239, 346
- Карл VII, французский король 256, 347
- Карл X *см.* граф Артуа
- Карл, эрц-герцог австрийский 350
- Каролина Бонапарт 339
- Карпенков, Карпенко М. И. 66, 99, 108, 110, 160, 161, 169, 175, 177, 178, 182—187, 189, 193, 197—199, 204, 205, 208—216, 218, 219, 221, 223—228, 230—232, 234—240, 244, 248, 250, 252, 253, 258, 259, 268, 271—273, 277, 285—289, 291, 292, 297, 299, 312, 339—340
- Карпов А. А. 97, 344
- Каховский М. И. 37
- Каховский П. Г. 95
- Кейц, прусский генерал 295
- Кернгоф, пастор 361
- Клари, граф 383
- Клари, графиня 390
- Клейнмихель А. А. 170, 339
- Клеман (Климент) Жак 266
- Клеомен 284, 352
- Климент V 268, 348
- Клит 283, 351
- Клуген, офицер 1-го Егерского полка 235, 250, 258, 277, 279
- Кнорринг О. Ф. 397, 398
- Княжнин Б. Я. 189, 199, 263, 341
- Ковальский М. П. 307
- Козен П. А. 35
- Кок Поль де 315, 354
- Кологривов 409
- Компан Ж. Д. 340
- Конгрив У. 98
- Конде Луи II Бурбон, полководец 191, 341, 349
- Кондратенко, унтер-офицер 367
- Коневцов, офицер 1-го Егерского полка 183, 184, 249, 340

- Коновницын П. П. **21, 91, 92, 101, 110, 112, 174, 179, 194, 212, 216, 338—340, 357, 360, 365, 366, 373, 377, 378, 399, 436**
- Константин Павлович, великий князь 113, 210—213, 263, **344, 362, 392**
- Конь Федор **344**
- Копьева А. М. 124
- Коровкин А. Е. 396
- Корреджо А. 278, **351**
- Корф Ф. К. **33, 94, 196, 223, 342**
- Косов, поручик 228, 229
- Костин, полковник 396
- Костюшко Т. **345**
- Котляров, подполковник 42, **88**
- Копебу А. Ф. 279, **351**
- Кошевой, юнкер 366
- Краев, купец 387
- Краевский А. А. 27
- Краних 362
- Крейнци К. А. **30, 94**
- Кретов Н. В. **397**
- Криштафович 128, 129
- Круа К. Е. **133, 332**
- Крупницкий, юнкер 428
- Ксеркс **352**
- Кудашев Н. Д. **33, 194, 196, 342**
- Кудашева Е. М. **342**
- Кульнев Я. П. **10, 21, 159, 336**
- Кутайсов А. И. **8, 21, 31, 48, 93, 95, 179, 181, 194, 342**
- Кутузов А. П. 199, **343**
- Кутузов М. И. **6, 8, 9, 14, 16, 21, 29, 30, 31, 32—36, 45, 47, 51, 57, 86, 89—96, 102—103, 109, 161, 179, 180, 182, 187—189, 191, 193—196, 200, 201, 204, 206, 208, 212, 338, 340—344, 356, 358—360, 372—376, 379, 398, 399, 402, 410, 418, 436, 437, 441, 449, 453**
- Кушанец-али 159, 162, **336**
- Кювье Ж. 276, **350**
- Лаврентьев, штабс-капитан 124
- Лавров Н. И. 152, 153, 181, **335**
- Лажечников И. И. **36, 37**
- Лаис, артист 269, 271
- Ламберг, учитель 362
- Ламздорф М. И. 292, **353**
- Ланжерон А. Ф. **18, 25, 36, 61, 98, 162, 260—262, 285, 334, 347**
- Ланн Ж. 278, **333, 350**
- Ланской А. Д. 165, **337**
- Лаптев, ротмистр 230
- Ларионов А. П. **25**
- Лас-Каз Э. О. 88, **94**
- Латур-Мобур М. Н. **94, 398, 399**
- Лафатер И. К. 241, **346**
- Лафонтен Август 234, 292, **353**
- Лебрен Шарль 281—283, **351**
- Лев X 239
- Леванидов А. Я. 117, **330**
- Левенштерн В. И. **29, 31, 35, 36, 204, 344, 357**
- Левиз-оф-Менер Ф. Ф. 156, **335**
- Левицкий Д. Г. **337**
- Левшин И. А. 169
- Ленин В. И. **5**
- Ленуар А. 269, **349**
- Леонид, царь спартанский 283, **352**
- Леонтович, штаб-лекарь 236, 243, 268
- Леопольд-Вильгельм, герцог дессауский 292
- Лермонтов М. Ю. **19, 400**
- Лесток, прусский генерал 146, **334**
- Лефевр Денуэт Ш. 383, **399**
- Лижье Ришье **99**
- Линиг, пастор 362
- Липнинский, полковник 102, 121
- Лисипп **352**
- Лисянский Ю. Ф. 153, **335**
- Лихачев П. Г. **92, 115**
- Лихтенштейн Морис, князь 386, **400**
- Лобанов-Ростовский Д. И. 417, **420, 436**
- Лорж, французский генерал **92**
- Лористон Ж. А. **95, 194, 342**
- Лоррен Ж. 120
- Львов, корнет 379, **399**
- Любенков Н. **31**
- Людовик XIV **348, 349**
- Людовик XV 264, 269, **349**
- Людовик XVI 269, **349, 388, 400**
- Людовик XVIII 73, **101, 277, 342, 350, 389**
- Люсьен Бонапарт 88, 266, **348**
- Лютер Мартин 113, 239, 240, 242, 243, **346**
- Маврин С. Ф. 171
- Магденко М. С. 252, 253
- Масвский С. И. **100, 360**
- Мазовский, польский генерал 130
- Макаренко, офицер Малороссийского полка 366, **397**
- Макдональд Ж. Э. **25, 97**
- Максимов, вагенмейстер 198
- Малаховский С. **102**

- Малеев, офицер 43
 Мальборо (Мальбрук) Дж. Черчилль 272, **350**
 Манахтин, прав. Монахтин Ф. С. **141**
 Марат Ж. П. **349**
 Мария-Луиза, императрица **88**, 266, 267, 278
 Мария Павловна, великая княгиня 63, **99**, 113
 Мармон О. Ф. 255, 259, **347**
 Мартос А. И. 167, 169
 Мартос И. П. 169, **337**
 Массена А. 278, **350**
 Медичи Екатерина 277, **350**
 Мейер, ротмистр 367
 Мейзенкампф, майор 140
 Менде, учитель 361
 Менк 361, 394
 Менсдорф-Пуилли Э. 386, **400**
 Менш, юнкер 366
 Меншиков А. С. 258, **348**
 Меркулов, корнет 366, 376, **397**
 Мешетич Г. П. **6—12, 14, 17—19, 24—38, 39—87, 88—103, 360**
 Мешетич Л. М. **26**
 Миллер, унтер-офицер 380
 Милорадович М. А. **21, 25, 36, 51, 57, 58, 94, 95, 97, 160, 190, 193, 195, 196, 198, 200—202, 204, 208, 217—219, 222, 294, 296, 342—345, 377, 400**
 Минин К. М. **337**
 Миних, корнет 379, **399**
 Мирабо О. Г. **349**
 Митаревский Н. Е. **27, 28, 30, 35**
 Михайловский-Данилевский А. И. **20, 27, 29, 36—38, 97, 98, 105, 200, 344, 360, 378, 399**
 Михаил Павлович, великий князь 290—292, **353**
 Михайлов, городничий **415**
 Михельсон И. И. **335**
 Мишин Н. **106**
 Молле Иаков (Жак) 268
 Молоцкий И. С. 169
 Моран Ш. А. **92, 93, 97**
 Моро Ж. В. 382, **399**
 Мортье Э. А. 258, 259, **347**
 Мстислав Владимирович, великий князь **331**
 Муммий Луций 301, **353**
 Муравьев А. Н. **29, 35**
 Муравьев-Апостол М. И. **95, 398**
 Муравьев-Карский Н. Н. **36, 37, 398**
 Мэзон Н. Ж. 388, **400**
 Мюпшель Амалия 395
 Мюрат И. Н. **25, 89, 90, 91, 93, 94, 97, 103, 108, 179, 191, 193, 195, 196, 266, 339, 342, 343, 378**
 Нансуги Э. А. **27, 89**
 Наполеон I Бонапарт **5, 11, 39, 40, 42, 44, 46, 47, 48, 50, 51, 53—55, 57, 59, 60, 63, 69, 70, 72—75, 78—80, 82—84, 87, 88, 89, 91—92, 94—97, 99—103, 109, 110, 142, 143, 156, 174, 178—180, 187, 188, 191—196, 201, 203, 206, 208—211, 213, 217, 221, 227, 228, 246, 250, 252, 254, 257, 258, 262, 265—268, 270, 272, 277—279, 283, 285, 296, 333, 337, 339—343, 345, 347—351, 375, 377, 379, 381, 386, 390, 391, 398, 402, 403, 404, 406, 407, 409, 431, 449**
 Наполеон II Жозеф Франсуа Шарль **88, 266, 267, 278, 348**
 Нарышкин А. Л. 286, 288, 289, **352**
 Нассауская, герцогиня 246, 253
 Неведомский Н. 37
 Неверовский Д. П. **6, 15, 21, 90, 359, 402, 403, 408, 409**
 Ней М. 73, **90, 91, 100, 103, 108, 110, 112, 201, 202, 206—210, 278, 334, 338, 344, 379, 418, 436**
 Нейдгарт, майор 151
 Немеер А., проф. 234, 292
 Никитин А. П. 184, **339, 340**
 Николай I **105, 110, 146, 290—292, 345, 353**
 Никольский В. П. **25, 408**
 Нолкен, барон 394
 Норов В. С. **36**
 Ожаровский А. П. 213, **344**
 Ожеро Шарль, маршал 146, 278, **334**
 Ожеро П. Ф., дивизионный генерал 103, **334**
 Окулов М. М. **111**
 Олсуфьев З. Д. 71, 82, **100, 388**
 Ольга, великая княгиня киевская 119, 168
 Ольденбургский Август **108, 187, 230, 296, 338**
 Орлов-Денисов В. В. **35, 95, 103, 196, 343, 387**
 Орнано Ф. А. 193, **342**
 Осман-паша **331**

- Остен-Сакен Ф. В. 219, 277, **345**, 388, 404, 406, **409**
- Остерман-Толстая Е. А. 113, 228—231, 236, **345**
- Остерман-Толстой А. И. 7, **12**, **21**, **24**, **27**, **30**, 42, 43, **89**, **95**, **98**, **101**, 140, 143, 147, 151, 181, 193, 196, 200, 216, 219, 227—231, 253, 295, 313, **345**
- Павел I 119, 192, **335**, **346**, **353**
- Павлов, поручик Екатеринославского кирасирского полка 379, **399**
- Пален Петр Петр. 176, 220, **338**, 365
- Палицын Авраамий 316, **354**
- Пальчиковы 166
- Панчулидзе И. Д. 253, **347**
- Паскевич И. Ф. **28**, 196, 291—293, 295, **343**
- Пгелут, учитель 361
- Пенкер 394
- Переструков Ефим 141, 143—145
- Перский Н. А. 122, 124
- Петр I 110, 114, 115, 153, 292, 294, 314, 329, **330**, **333**
- Петров А. М. 118, 122, 123
- Петров А. Ф. 113
- Петров И. А. 114, 126
- Петров И. М. **109**, 118, 119, 122, 123, 125, 126, 140, 141, 144, 145, 153—155, 168, 189, 199, 206, 263, 268, 271, 272, 277, **331**
- Петров Матв. И. 114
- Петров Мих. И. 113
- Петров М. М. **6**, **9**—**14**, **17**—**20**, **36**, **97**—**99**, **101**, **104**—**111**, 112—329, **330**—**355**, **360**
- Петров Н. Н. 116, 119, 169
- Петров П. И. 113, 126
- Петров Ф. С. 113
- Петрович, полковник 140
- Пилларт, майор 140
- Писарев А. А. 199, **343**
- Пишегрю, генерал 279, **351**
- Платов М. И. **11**, **21**, **94**, **102**, 110, 112, 174, 177—179, 189, 196, 205—210, 239, **338**, **342**—**344**, 370, 384, **398**, **399**
- Платон 112, 276, **350**
- Плиний Старший и Плиний Младший 276, **350**
- Повало-Швейковский Я. И. 118, **331**
- Погодин М. П. **107**, **110**
- Пожарский Д. М. 337
- Полевой Н. А. **105**
- Польман Ювенал 132, 140
- Понятовский И. (Ю.) 63, **99**, 188, **345**, 375
- Потемкин Г. А. 117, **330**
- Потулов А. А. 403, **408**
- Пракситель 284, 352
- Пушкин А. С. **10**, **19**, **331**
- Пюто (Пито) Ж. П. **25**, **98**
- Пяткин В. Г. **28**
- Раговский 299
- Рагозинская А. Д. 165—168
- Радожицкий И. Т. **24**—**26**, **28**—**37**, **93**, **97**, **100**—**103**
- Раевский А. Н. **28**
- Раевский Н. Н. **6**, **8**, **12**, **14**, **21**, **24**, **28**—**32**, **34**, **43**, **44**, **89**—**94**, **101**, **102**, 180, 181, 184, 186, **342**, **398**, **402**, **437**
- Раевский Н. Н. (младший) 44
- Раль, капитан **340**
- Раутенфельд, полковник 387
- Рафаэль Санти 280, 281, 284, **351**
- Редькин, подпоручик 150
- Рейс, принцесса 288
- Ремеры 166
- Репнин Н. В. **330**
- Реутов, поручик 289
- Ришелье А. Ж. дю Плесси **349**
- Рожнецкий (Ружнецкий) А. А. **32**, **92**, **94**, **102**
- Роланд 183, 241, **326**
- Романов М. П. **6**, **14**, **15**, **17**, **18**, **401**—**402**, 403—407, **408**, **409**
- Росинский-Кобеко, офицер 183, 196, 197, 199, **340**
- Ростопчин Ф. В. 188, 195, **341**, 420, 443, **437**
- Рубенс П. П. 280, 281, **351**
- Рудзевич А. Я. 257, 259, 260, **347**
- Руммель 387
- Румянцев-Задунайский П. А. 116, **330**, **345**, 449, **453**
- Руссо Ж. Ж. 315, **349**, **354**
- Сабанеев И. В. 162, 163, 298, **336**
- Савойский Евгений, принц 272, 281, **350**
- Саксен-Кобургский Заафельд Фридрих Иосиф, принц 331, **347**
- Саксен-Кобургский Эрнест, герцог 253
- Салах-ад-Дин (Саладин) 318, **354**

- Салов, майор **408**
Салтыков Н. И. **438**
Саумарец Д. 151, 196, **335**
Святослав Игоревич, великий князь киевский 175, 241, **346**
Себастиани де ла Порта О. Ф. **398**
Селихов А. А. 169
Сенкевич, подпоручик **25**
Сен-При Э. Ф. **12, 13, 18, 25, 37, 63, 65, 67, 68, 71, 82, 97, 100, 226, 245, 248, 250—254, 257, 345**
Сен-Сир Гювион Л. **99—100, 387, 400, 439, 453**
Сеславин А. Н. **21, 103, 183, 185, 194, 196, 213, 339, 343**
Сибирцев, майор 182, 183, 185, **339**
Сиверс К. К. **334**
Сиверских Алексей и Григорий, офицеры 183, **340**
Синадино Г. Д. 363—365, **397**
Синельников Н. М. 113, **330**
Смолиан Польд фон 362
Сназин И. Т. 154, 155, 158, 162, 164, **335**
Соколовский, офицер Малороссийского кирасир. полка 376
Сократ 203
Сомов, генерал-майор 145, **335**
Ставицкий М. Ф. 406, **409**
Станислав-Август Понятовский **99**
Суворов А. В. 117, 118, 121—123, 125, **90, 135, 156, 175, 180, 192, 220, 251, 253, 254, 300, 330, 331, 338, 345, 451**
Сукин А. Я. 110, 112, 125—138, 140, 148, 149, 151, 152, 169, 170, 171, 296, **332**
Сукина А. Я. 170, 171
Сульт Н. Ж. 278, **350**
Суханин Н. **29, 35**
Сципион Публий Корнелий Африканский 282, **351**
- Талейран-Перигор Ш. М. 264, 265
Тальма Ф. Ж. 269, **349**
Тамерлан (Тимур) 281, **351**
Танкачев, подполковник 146
Таньковский 166
Тарле Е. В. **30, 101**
Тартаковский А. Г. **19, 23, 34, 38, 95, 440**
Тассо Г. **353**
Татаринов, штандарт-юнкер 366, 374
Татищев, подпоручик 1-го Егерского полка 277, 279
- Тильман (Тилсман) И. А. **14, 96, 356, 357, 360, 382—387, 390, 391, 399, 400**
Тиньковский П. И. 120
Тиrowsкий, купец 380
Тит Флавий Веспасиан 318, **354**
Титов А. П. 169
Тихановский, майор 404, **409**
Тихонов, майор 146
Токарев К. А. 185, 186, 228, 292, **341**
Толстой Л. Н. **30**
Толстой Н. А. 173, **337**
Толстой Ф. П. 169, **337**
Толь К. Ф. **24, 89, 181, 339**
Томин Е. А. 120, 124, 165
Тормасов А. П. **332**
Тремпе, доктор 151
Троф, барон 245—249, 251—253
Тугут И. А. 192, **342**
Тургенев Л. А. 110, 112, 125, 127, 128, 132—135, 139, 141, 143—145, 147—150, 200, 251, **332**
Туркестановы, князья 230
Турчанинов П. П. 225, 227, **345**
Тучков Н. А. **7, 8, 21, 29, 47, 92, 95, 100, 181**
Тучков П. А. **21, 27, 103**
Тюрена А. де ла Тур д'Овернь 191, 269, 281, **341, 349**
- Уваров С. С. **358, 359**
Уваров Ф. П. **10, 94, 101, 102, 163, 336, 338**
Уваров Ф. С. **358, 359**
Углик, корнет 369, **398**
Удино Н. Ш. **439**
Усков 2-й, капитан 228, 237
Ухтомский А. П. 381, **399**
- Фево, купец 390
Фемистокл 123, **331**
Фигнер А. С. **8, 21, 26, 37, 82, 84—87, 102, 103, 110, 167, 194, 196, 337**
Фигнер С. С. **103, 112, 164, 166—168**
Филипп IV Красивый 268, **348**
Филипп Орлеанский **348, 349**
Фирсов П. С. 381, **399**
Флуг, полковник 389
Форст 120, 121
Фохт, житель Кобленца 251
Франц I Иосиф Карл **88, 407**
Фрейганг В. И. 151, **335**

- Фрейлих, австрийский генерал 336
 Фридеричи, учитель 362
 Фридрих-Август I 52, 62, **96, 346, 382**
 Фридрих Великий 293—295, **353**
 Фридрих-Вильгельм III **88, 96, 97, 98, 59, 71, 77, 41, 231, 260, 264, 293, 345, 357, 407**
 Фролов, адъютант 1-го Егерского полка 216
- Ханыков П. И. 109, 112, 151, 153, **335**
 Харкевич В. И. **21, 28, 30, 34, 35**
 Хвостов, поручик 132
- Цастров, генерал **102**
 Цезарь Гай Юлий 121, 180, 285, **331**
 Цимисхий Иоанн I 241, **346**
 Цицерон Марк Туллий 347
 Цитен Х. И. 295
 Цызырев П. А. 156, **335**
- Черепанов Н. Я. **410, 416—430, 432—434, 436, 437**
 Чернышев А. И. **135**
 Четвертинский Б. А. 368, **397**
 Чингисхан **351**
 Чичагов П. В. 53, **95, 96, 153, 217**
 Чоглоков П. Н. 295, **353**
 Чуйкевич, поручик 132
- Шавкоч, графская фамилия 234—238
 Шарков 130
 Шаталов, юнкер 366, **397**
 Шахматова Е. Т. **411**
 Шварц, майор 156
 Шварценберг К. Ф. 72, **98, 100, 213, 260, 347**
 Шверин, прусский генерал 295
 Шебуев В. К. 169, **337**
 Шевич И. Е. **330**
- Шенберг фон Шёне 362, 395
 Шеншин, штабс-капитан 131—132, 147, 148, 150
 Шефлер, штабс-капитан 132, 147
 Шиллер Фридрих 241, **346**
 Шишков А. С. 27, 288, **352**
 Шлейн, корнет 379, **399**
 Шлиппенбах фон 362
 Шмидт, гражданин Пернова 139
 Шрекенштейн, ротмистр 387, 389, 391
 Штейнгель В. И. **38**
 Штейнгель Ф. Ф. **439, 441, 453**
 Штранц, майор 383
 Штубендорф 395
 Шуберт Ф. Ф. **97**
 Шувалов П. А. 73, **101, 176**
 Шульц И. 362, 397
- Щербинин А. А. 29
 Щукин П. И. 5, 27, 36, **89**
- Эйхлер, учитель 362
 Элоиза 269, **349**
 Эльмпт, графская фамилия 235, 238
 Эммануэль Г. А. 147, 254, 257, 266, 268, **334**
 Энгиевский Луи Антуан, герцог 270, **349**
 Энде, полковник 390
 Эпаминонд 283, **352**
 Эскулап 323
 Эссекс, свитский капитан 381
 Эссен П. К. 156, **336**
- Юрковский А. А. 201—204, **344**
 Юсуф-паша 156, **331, 335**
 Юшкович, офицер 1-го Егерского полка 183, 225, 226, 289, **340**
- Ягов, прусский генерал 254, 255
 Яуар-Гассан 162

Географический указатель

- Або (ныне Турку), г. 16, **440, 442, 451, 453**, 237, **330, 331, 346, 353, 382, 448**
 Австрия 41, 57, 77, **97, 122, 174, 183, 225, 226, 289, 340**, Адербрах, мест. 113, 228, 232—234, 292

- Акра, креп. 156
 Аландские острова 16, 90, 439, 442, 453
 Алжир 270
 Алитус *см.* Олиты
 Алле, р. (ныне Лына) 148, 334
 Алуксне *см.* Мариенбург
 Альпы, горы 126, 135, 301
 Альтвассер, с. 231, 232
 Альтенбург, г. 306, 356, 384, 386, 392, 399
 Амьен, г. 279, 296, 351
 Англия 40, 88—89, 149, 330, 334, 351
 Арденны, горы 126, 301
 Арпажон, г. 368
 Арнштадт, г. 319
 Арси-сюр-Об (Арсис), г. 258, 272, 347
 Архангельск, г. 401, 404
 Асперн, г. 351
 Аустерлиц, мест. (ныне г. Славков) 237, 251, 278, 346, 351, 400
 Ауэрштедт, мест. 142
 Ахен, Аахен, г. 360, 388, 389, 391
 Ашафенбург, г. 391, 392

 Бабадаг, с. 220
 Бабиновичи, мест. 177, 178
 Бавария 107
 Багратионовск *см.* Прейсиш-Эйлау
 Базарджик, г. 156, 164
 Базель, г. 248
 Баксте, д. 365
 Балденау, мест. (ныне Балдоне) 363, 397
 Балканы 126, 156—159
 Балтийск *см.* Пиллау
 Балтийский порт (ныне г. Палдиск) 151, 152, 335
 Балтийское море 151, 153, 335, 338
 Бар-ле-Дюк, г. 67
 Бартенштейн (ныне Бартошице), г. 295, 353
 Батин, г. 104, 161, 162—164, 336
 Баутово, с. 193
 Бауцен, г. 12, 56, 59, 89, 91, 102, 113, 221, 227, 228, 231, 297, 298, 341, 342, 345, 381, 397, 398, 405
 Бахмут, г. 330
 Башкирия 420, 436
 Беклор, мест. (Йыгевесте) 191, 341
 Белёв, г. 165
 Белоруссия 10, 345, 356
 Белосток, г. 220, 423
 Бельниччи, мест. 213, 216
 Бельгия 357, 360
 Бендеры, г. 119, 330
 Березина, р. 5, 20, 53, 96, 98, 109, 113, 210, 217, 339, 342, 430, 449, 451, 453
 Берлин, г. 113, 142, 231, 234, 293—295, 334, 353
 Бессарабия 164
 Бсхард, мест. 252
 Бжег *см.* Бриг
 Бинген, г. 252
 Бирзен (ныне Биржай), г. 363, 397
 Бишофсбург (ныне Бискупец), г. 145, 227, 334
 Бишофсверда, г. 381
 Бобер (ныне Бубр), р. 61, 98
 Бобров, г. 439, 451
 Бобровский у. 439, 444
 Бобруйск, г. 176, 177, 338, 370, 392, 393
 Богемия 59, 232, 348, 382
 Богемские горы 55, 227, 233, 234, 237, 239
 Богородск (ныне Ногинск), г. 412, 436
 Богородский у. 411, 436
 Богуслав, г. 366, 367
 Болеславец *см.* Бунцлау
 Болхов монастырь 201
 Болкенгсмай, г. 231
 Бонн, г. 390
 Боппард, г. 252
 Борисов, г. 16, 53, 95, 176, 188, 216, 332, 410, 426, 427, 430, 432, 437
 Боровск, г. 95, 190, 191, 195
 Бородино, с. 6, 7, 11, 13, 14, 19, 27—34, 45—50, 79—81, 91, 94, 99, 100—102, 104, 109, 179—190, 194—196, 218, 262, 297, 298, 335—344, 347, 353, 356, 358—360, 373, 375—376, 394, 397—399, 401, 402, 404, 408, 409
 Босфор, пролив 157
 Ботнический залив 335, 453
 Бранденбург, г. 222, 295
 Братислава *см.* Пресбург
 Бреславль, Бреслав (ныне Вроцлав), г. 138, 230, 231, 237, 333, 392
 Брест-Литовск (ныне Брест), г. 121, 123
 Бриг (ныне Бжег), г. 228, 230, 345
 Бриенн-де-Шато, г. 339, 406, 409

- Брили, с. 216
 Бромберг (ныне Быдгощ), г. 146, 295, 334
 Брюгге, г. 388
 Бруни (ныне Брно), г. 122, 331
 Брюссель, г. 388
 Брянск, г. 192, 193
 Бубр *см.* Бобер
 Буг, р. 219, 301
 Буницлау (ныне Болеславец), г. 57, 91, 97, 404, 405, 409
 Бухарест, г. 165
 Быдгощ *см.* Бромберг
 Бырлад, г. 117, 155, 330
- Вабальникас *см.* Воболайки
 Ваграм, мест. 277, 350
 Валахия 141, 164
 Вальдгейм, г. 223
 Вармбрунн, мест. (ныне Цеплице-Слэнске-Здруй) 113, 228, 234—239, 345
 Варна, г. 156
 Вартбург, замок 113, 239—243, 346
 Варшава, г. 55, 96, 118, 135, 142, 220, 221, 297, 298, 392
 Варшавское герцогство 54, 55
 Ватерлоо, мест. 26, 39, 74—75, 96, 98, 101, 348, 391
 Вахау, д. 98
 Вейльбург, г. 243, 405
 Веймар, г. 64, 239, 346, 356, 389
 Веймарское герцогство 63, 407
 Вейсенфельс, г. 256, 383
 Вейсиг, г. 226, 345
 Велиж, г. 119
 Великие Луки, г. 119
 Вена, г. 223, 246, 293, 335, 350, 352, 360, 389, 390
 Венгрия 440, 448, 451, 453
 Верден, г. 75, 76
 Верся, г. 95, 217, 337
 Верто, г. 76, 101, 259, 392, 407
 Вестфалия 243, 295, 301, 387, 405
 Виленская губ. 404
 Виляя, р. 176
 Вилленберг 145
 Вильно (ныне Вильнюс), г. 41, 89, 135, 176, 359, 365, 379, 404, 438
 Виньково (Винкова), дер. 198
 Висбаден, г. 405, 409
 Висла, р. 55, 89, 140—142, 174, 221, 272, 295, 296
 Вислох, г. 291
 Витебск, г. 42, 89—90, 192, 338, 342
- Витебская губ. 407
 Витри, г. 25, 37, 67, 69—71, 72, 100
 Вкра, р. 142, 143, 219
 Владимир, г. 411, 418
 Владимирская губ. 15, 401, 410, 411, 412, 415—418, 436—437
 Воболайки (ныне Вабальникас), г. 363, 397
 Воге́зские горы 126, 301
 Война, р. 187
 Вокулёр, г. 406
 Волау *см.* Олау
 Волга, р. 208
 Волковиск, г. 95, 172
 Воложин, мест. 174, 176, 217, 218
 Волоколамск, г. 119
 Вольнская губ. 368
 Вопь, р. 344
 Вормс, г. 289, 290, 346
 Воронеж, г. 116, 330
 Воронеж, р. 114, 118, 125, 127
 Воронежская губ. 17, 104, 313, 438, 440, 451, 452
 Вороново, с. Калужской губ. 50, 193, 404
 Вроцлав *см.* Бреславль
 Вуршен, г. 227, 228, 345
 Вышний Волочек, г. 155
 Вюртембергское герцогство 407
 Вюрцбург, г. 291
 Вязьма, г. 14, 20, 53, 89, 95, 103, 109, 193, 194, 195, 200, 201, 338, 342, 343, 353, 356, 358, 360, 372, 379, 428, 433
- Гаага, г. 293
 Гаапсаль (ныне Хаапсалу), г. 338
 Габель (ныне Яблоне), г. 232, 345
 Гавель (Хавель), р. 293
 Гагарин *см.* Бжатск
 Гайна, р. 217
 Галац, г. 117, 156
 Галиция 368
 Галле (Халле), г. 61, 113, 234, 292, 405
 Гамбург, г. 102, 400
 Ганау (Ханнау), г. 63
 Гатчина, г. 126, 168
 Гла́ньск *см.* Дапшиг
 Гдов, г. 124
 Гейдельберг, г. 286, 289, 290, 291, 391
 Гейльбронн, г. 391
 Гейльсберг (ныне Орнега), г. 99, 140, 147, 148, 295, 333, 334
 Генг, г. 388

- Герасименка, д. 207—209
 Герлиц, г. 56, 228, 312, 405
 Германия (общ.) 8, 10, 12, 18, 20,
 21, 25, 35, 41, 97, 103, 106,
 111, 113, 121, 123, 136—137,
 138—139, 161, 221, 222, 235,
 239, 250, 257, 272, 286, 290,
 292, 300—329, 333, 335,
 346
 Герцберг 405
 Гжатск (ныне Гагарин), г. 95, 338—
 340, 372, 433
 Гирсово, Гиршова (ныне Хыршо-
 ва) 155, 335
 Гиршберг, г. (ныне Еленя-Гура)
 234, 346
 Глуск, г. 176
 Глухов, г. 395
 Гожув-Велькопольски *см.* Ландс-
 берг
 Голландия 306, 387, 388
 Горки, д. (на Бородинском поле)
 94, 180
 Гороховец, г. 401—402
 Гота, г. 239
 Гохгейм, г. 405
 Градец-Карлове *см.* Кёнигтретц
 Грауденц (ныне Грудзёнз), г. 295,
 353
 Греция 324
 Гриннево, с. 179, 338
 Гродненская губ. 364, 397, 407
 Гродно, г. 112, 139, 143, 160, 170,
 171, 217—221, 336, 369
 Грейффенберг (ныне Грыфув-Слён-
 ски), г. 297, 298, 353
 Гроссгейм, д. 405
 Грудзёнз *см.* Грауденц
 Гусиное, с. 207
 Гутштат, г. (ныне Добре-Място)
 140, 147, 148, 333, 334
 Даго (ныне Хиума), о. 151, 335
 Данциг (ныне Гданьск), г. 336,
 431, 438
 Дармштадт, г. 308, 392, 407
 Даугавпилс *см.* Динабург
 Двина Западная, р. 81, 149, 192,
 361, 363, 364, 393, 453
 Дерпт (ныне Тарту), г. 131, 135,
 191, 332
 Дессау, г. 113, 292, 293
 Джурджу *см.* Журжа
 Динабург (ныне Даугавпилс), г.
 135, 332, 393
 Дисна, р. 149
 Дмитров, г. 410
 Днепр, р. 7, 28, 44, 91, 177, 179,
 204—207, 209, 212, 344, 398,
 428, 429
 Днестр, р. 155
 Добре-Място *см.* Гутштат
 Дон, р. 196, 206, 233, 420
 Донская обл., область Войска До-
 нского 192
 Дорогобуж, г. 89, 95, 109, 112,
 179, 192, 196, 200—203, 205,
 246, 344
 Дрезден, г. 25, 41, 56, 58, 59, 96,
 160, 222—224, 226, 227, 260,
 339, 341, 345, 356, 381, 382,
 387, 399, 400
 Дрисса, г. 81, 192, 342
 Дувр, г. 153
 Дунай, р. 10, 112, 117—118, 135,
 154—158, 161, 162, 166, 220,
 327
 Дурхгейм, г. 290
 Духовщина, г. 206, 338, 344
 Дюннабург *см.* Динабург
 Египет 78, 101
 Елгава *см.* Митава
 Еленя-Гура *см.* Гиршберг
 Ельня, г. 196, 429
 Железные (Рудные) горы 382,
 399
 Жербевилье, Жербсвиллер, г. 392
 Жерменон, г. 258, 348
 Жижморы, мест. (ныне г. Жижма-
 рья) 139, 333
 Житомир, г. 165
 Журжа (ныне Джурджу), г. 162,
 164, 336
 Жуэвиль, г. 392
 Замостье, креп. (ныне г. Замосць)
 89, 170
 Зельва, мест. 364
 Зембин, мест. 216, 217
 Зунд, пролив 153
 Ивия (ныне Ивьё), г. 365, 369, 397
 Игумен (ныне Червень), г. 176, 338
 Измаил, г. 109, 117, 220, 331, 337
 Иксуль, мест. (ныне пос. Икшки-
 ле) 362, 363, 397
 Инн, р. 301, 327
 Ионава *см.* Янов
 Испания 270, 330, 350, 351
 Исполинские горы (ныне Крконо-
 ше) 382
 Италия 121, 132, 156, 169, 350

- Йена, г. 142, 237, 291, 292, 317, 324, 331, 351
Йоганесбург (ныне Пиш) 380, 399
Йыгевесте *см.* Беклор
- Кавказ 102, 157
Кагул, р. 113, 330
Кайзерсвальдау, д. 404, 409
Калининград *см.* Кёнигсберг
Калиш, г. 135, 136, 139, 392
Калуга, г. 52, 95
Калужская губ. 404
Камбрэ, г. 388
Каменна-Гура *см.* Ландсгут
Камень, мест. 176
Камышин, г. 299
Карасу, Карасу-Базар 133
Карлсбад (ныне Карловы Вары), г. 382, 399
Карлсруна (Карлскрона) 153
Карлсруэ, г. 291, 293
Карпаты 156, 157
Карфаген 351
Кассель, г. 35, 63—65, 99, 245, 387
Катань, с. 207
Каунас *см.* Ковно
Кацбах, р. 15, 25, 36, 60, 61, 98, 342, 345, 405, 409
Кейданы, мест. (ныне г. Кедайняй) 192, 342
Кёзен, г. 384, 387
Кёльн, г. 360, 388, 390, 391
Кёнигсберг (ныне Калининград), г. 142, 145, 334
Кёниггретц (ныне Градец-Карлове) 232, 345
Кёнигштейн, г. 223
Киев, г. 155, 192
Киевская губ. 357, 366
Киржач, д. (ныне город) 480
Кисели, д. 213
Клайпса *см.* Мемель
Клейн-Вирли, д. 231
Клермон (деп. Уаза), г. 285, 352
Клецки, мест. 170
Климовичи, мест. 210
Клястицы, с. 89, 336
Кобленц, г. 13, 66, 113, 244, 245, 248—253, 360, 389, 390
Кобург, г. 347, 392
Ковно (ныне Каунас), г. 142, 172, 175, 176, 333
Ковров, г. 417, 436
Коломенская дорога 191, 195
Колоча (Колоч), р. 11, 29, 45, 91, 109, 179—184, 186, 187, 188, 339, 340, 373
Колхида 157
Кольмар 248
Копыс, мест. 170, 177, 178, 212
Костшин *см.* Кюстрин
Краков, г. 121
Краон, г. 372, 409
Красная Пахра, с. 50, 94, 187, 191, 193—195
Красный, г. (ныне село Красное) 7, 14, 16, 20, 25, 53, 89, 95, 100, 109, 196, 204, 339, 340, 343, 356, 358, 360, 379, 381, 397, 412, 428
Крейцберг, замок в Германии 232
Кременчуг, г. 134
Кринцы, мест. 407
Кристиненстад *см.* Христианштадт
Крконоше *см.* Исполинские горы
Кронштадт, г. 153, 335
Крым, п-ов 133, 330, 348
Кузгун, г. 155
Кульм (ныне Хлумец), г. 59, 89, 91, 98, 102, 331, 339, 382
Курляндская губ. 356, 361, 380
Курск, г. 395, 396
Курская губ. 395
Куртре, г. 357, 360, 388, 400
Кюневальдские горы 227
Кюстрин (ныне Костшин), г. 295, 353
Кючук-Кайнарджи, мест. 155
Кяхта, г. 152
- Лан, р. 248, 249
Лангр, г. 389
Ландек, г. 231
Ландсберг (ныне Гожув-Великопольски), г. 145, 334
Ландсгут (ныне Каменна-Гура), г. 231, 232, 345
Лаон, г. 257, 372, 409
Ла-Ротьер, д. 401, 406, 409
Ла-Фертэ, г. 259, 348
Лаубань (ныне Любань), г. 56, 96
Лёвенберг (ныне Львовск-Слёнски), г. 61, 98
Лейбус, мест. 138—139
Лейпциг, г. 25, 37, 61—63, 91, 99, 101, 102, 238, 239, 292, 339, 342, 343, 346, 356, 384, 386, 387, 392, 397, 398, 400, 401, 405, 408, 409, 439, 445, 449, 451, 453, 454

Лемзаль (ныне Лимбажи) 139, **333**
Леташовка, дер. 193, 194, **342**
Лида, г. **102**, 176
Лик (ныне Элк), г. 380, **399**
Лилль, г. 388
Лимбург, г. 405
Линденау, г. **98**
Лиозно, мест. **11**, 178, 192
Лион, г. 278
Литва 363
Лифляндская губ. 380
Лондон, г. **88**, 293
Луара, р. 126, 266, 291
Лубино, д. **103**
Луга, г. 168
Львувек-Слёнски см. Лёвенберг
Льгов, г. 395
Любавичи, мест. **11**, 177, 178, 192
Любятово, с. 119
Люневиль, г. 245, 296, **353**
Люнен, г. **12**, **25**, **36**, 57, **97**, **101**,
113, 161, 221, 223, **339**, **342**,
343, **356**, 381
Ляхово, с. 103

Майн, р. 326
Майнц, г. 63, 66, 243, 252, 253, 304,
308, 391, 392, 405
Малороссия 52
Малоярославец, г. **7**, **8**, **14**, **15**,
20, **25**, **27**, **35**, 52, 81, 86, **91**,
95, **100**, **102**, **104**, **109**, 196,
212, 217, **337**, **339**, **340**, **343**,
356, **358**, **360**, 378, 397, **401**
402, **404**, **408**
Мангсйм, г. **113**, 253, 285, 286, 287,
289, 290, 291
Маньч, р. 208
Марбург, г. 390
Мариенбург, г. (ныне Алуксне)
135, **332**
Марна, р. 272, 407, **409**
Мартиника, о. 268
Мачин, г. 220
Медынь, г. 196, 200
Мемель (ныне Клайпеда), г. 145,
334
Меречь (ныне Меркинс), мест.
175, 218, 379
Мерзебург, г. 292, 372, 383
Мёрнау, д. **98**
Мешица, д. 176, 177
Минск, г. 393
Минская губ. **410**, 426, 432, **437**
Мир, мест. **14**, **20**, **90**, **338**, 357,
370, **398**

Митава (ныне Елгава), г. 296, **353**
Михайловка, д. 106, 204
Мо, г. 259, 263, 285, 406, 407
Могилев, г. (Белоруссия) 177, 370
Могилев на Днестре (Могилев-
Подольский), г. 155
Можайск, г. 45, 50, **95**, **102**, 187—
189, **338**, 376, 434
Моздокская степь **330**
Мозель, р. 245, 250, 252, 326
Молево болото 397
Молодечно, г. 217
Монмираль, г. **100**, 388, 406, **409**
Монс, г. 388
Монтабауэр 243—245, **347**
Монтенотте, г. 277, **350**
Морунген (ныне Моронг), г. 295,
353
Морэ, р. 260, **348**
Москва, г. (общ.) **5**, **10**, **12**, **14**, **15**,
16, **20**, **26**, 44—45, 50, 52, 53,
57, 80, 83, 84, **91**, **94**, **95**, **100**,
102, **103**, 112, 155, 179, 186—
192, 194—196, 200, 203, 206,
246, 254, 258, 279, **332**, **341**,
343, **347**, **360**, 370, 372, 376—
379, 403—404, **410—412**, 413,
414, 418, 420—428, 431, 434,
436, **437**, **439**, 448, 449, **453**
Кремль 83—84, **103**, 190,
191, 377, 420
Воспитательный дом 190
Дорогомиловская застава
190
Ивана Великого колокольня
279
Измайлово 425
Коломенская застава 190
Красные казармы 421, **439**
Соляная контора **410**, 413
Сушевская часть 425
Тверская застава 437
Москва, р. 180, 190, 191, 427
Московская губ. **410**, **411**, **436**
Мотыли, мест. 366
Мраморное море 157
Мстиславль, мест. 371
Мюльберг (Мильберг), г. 405
Мюльда, р. 160, 224
Мюнхен, г. 123

Наль, р. 296
Нанси, г. 67, 253, 400, 407
Нара, р. 193, 196
Нарва, г. 124—126, 129, 131, 135,
139, 251, **332**, 396

- Нарев, р. 88, **89**, 142, **333**
 Насельск, г. 140
 Нассау, г. 245
 Наугейм, д. 405
 Наумбург, г. 239, 291, 292, **356**,
 386, **400**, 405
 Неаполь, г. 293, **339**, **350**
 Нейвид, г. 245
 Нейсе (ныне Ныса), г. 230, 231, **345**
 Нейштадт (Зап. Германия) 290
 Неккар, р. 288, 289, 290, 291, 326,
 328
 Неман, р. **10**, 113, 142, 174, 175, 176,
 193, 217, 295, 296, 301, **340**, 379
 Непрядва, р. 49, **94**
 Несвиж, г. 170, 176, 177, 370
 Нидерланды *см.* Голландия
 Никитское, с. близ г. Домодедово
 191
 Никоново (Воронежская губ.),
 с. 166
 Никополь (ныне Никопол), г. 161,
 164
 Новогрудок, г. 369, **402**, 403
 Новое, с. (на Бородинском поле)
29, 180
 Новый Быхов **398**
 Ногинск *см.* Богородск
 Носсен, г. 223, 224
- Обервилье, г. 260
 Обоянь г. 396
 Одельск, мест. (ныне Индура) 170,
 172, **337**
 Одер (Одра), р. 55. **89**, **96**, 137, 228
 Олау (Волау, ныне Олава), г. 137,
 139, **333**
 Олесница *см.* Эльс
 Олиты, Олитта, мест. (ныне
 г. Алитус) 175, **337**
 Олона, мест. 218
 Олькеники, мест. 176, 218
 Ольмюц (ныне Оломоуц), г. 122,
331
 Олышаны, мест. (ныне Гольшаны)
 176
 Оппау, с. 289
 Оппенгейм, г. 308
 Ораны, г. 175, 218
 Орел, г. 155, **356**
 Орлеан, г. 266, **347**
 Орловская губ. 132, 152
 Орнета *см.* Гейльсберг
 Оровайс, г. 155. **335**
 Ортельсбург (ныне Щитно), г. 145,
334
- Орша, г. **108**, 112, 113, 177, 178,
 200, 206—213
 Орши, г. 388
 Остероде, г. (ныне Оструда) 146,
 147, **334**
 Островно, мест. **7**, **20**, **24**, **27**,
28, 42—43, 78—79, **89**, **90**,
342, **353**
 Островцы, д. 365
 Остроленка, г. 145
 Ошмяны, г. 176, **357**, 365
- Павлов (ныне Павловск) Воро-
 нежск. губ. **439**, 452
 Палдиск *см.* Балтийский порт
 Париж, г. (общ.) **5**, **6—7**, **13**, **21**,
27, 68, 71—73, 76, 82, **88**, **94**,
98, **99**, **101**, **102**, **109**, **110**, 113,
 126, 151, 167, 169, 189, 201,
 239, 253, 254, 257—288, 290,
 291, 294, 296, **332**, **334**, **335**,
339, **341**, **347**, **348**, **352**, **360**,
 388, 389, 407, 430, 449, 451
 Париж и его пригороды
 Августинский монастырь 269
 Бельвиль, предм. 260, 263,
 288, **400**
 Бонди, предм. 262, 263
 Ботанический сад 269, 273—
 277, **349**, 388
 Булонский лес 261, 262, 266,
 288
 Вандомская площадь 265,
 389, **400**
 Версаль, дворец 268, 270, 292
 Гранд-опера 269, 270, 271,
 389
 Елисейские поля 262, 264,
 270
 Лавилетт, предм. 260, 288,
348
 Лувр 279—285, 348, 349, 352,
 388, **400**
 Люксембургский дворец 388
 Мальмезон, дворец 268, 270,
 348
 Монмартр **13**, 72, **101**, **104**,
109, 161, 200, 259—263, 266,
 288, 297, 298, 299, **347**, **348**
 Нейи, предм. 266
 Отель Инвалидов 269, 270,
349
 Пале-Рояль 269—271, **349**,
 389, **400**
 Пантсон 269, **349**

- Пантен, предм. 260, 263, 264, 288
- Площадь Согласия (Людовика XV) 264, 269, **349**
- Сен-Венсен, предм. 270, **349**, 407
- Сен-Дени, аббатство 260, 261, 270
- Сен-Жермен, предм. 270, **349**, **350**
- Сен-Клу, дворец **113**, **266—268**, **270**, **292**, **348**
- Сен-Мартен 264
- Театры 113, 269, **349**, 388
- Тоильри 113, 209—210, 269, 270—272, 278, 279, 294, **350**, 388
- Фонтенбло, предм. 72, **101**, 268, 281
- Шатенэ, предм. 268, **348**
- Шарантон, предм. 261
- Пасарга, р. (ныне Пасленка) 147, 148, **334**
- Пахра, р. 112
- Пегау, г. 223
- Перерва, с. 427
- Переславль-Залесский, г. 434, **436**
- Пернов (ныне Пярну), г. 112, 139—140, 149—153, 296—298, **333**
- Пески, мест. 364
- Петербург, С.-Петербург **89**, **98**, **100**, 112, 120, 122, 123, 126, 127, 132, 134, 152—154, 164, 165, 166—168, 169, 170, 172, 173, 192, 286, **334**, **348**, **359**, 363, 396
- Петровское, д. Воронежск. губ. **104**
- Пиллау (ныне Балтийск), г. 145, **334**
- Пинск, г. 176, 192
- Плейсвиц, г. 231, **338**, **345**
- Плейсе, р. 62, 63
- Плещеницы, мест. 217
- Плоцк, г. 139, 381
- Подмосковье 194, 299, **410**, **412**, 418—421
- Подольск, г. 50, 191
- Познань (нем. Позен), г. 142, 295, 381, **399**
- Покров, г. **412**, 417, 418
- Покровское, д. 393
- Покровский у. **410**
- Поланген (ныне Паланга) 338
- Полоцк, г. **16**, **20**, 42, **89**, 121, 165, **439**, **440**, 445, 451, **453**
- Польша **8**, **18**, **21**, **35**, 41, 63, 82, **96**, 118, 194, 195, 203, 221, 271, **333**, **353**, **360**, **364**, 381, 392
- Померания 222
- Поречье, г. 44, 177, 178, 205, 211
- Потсдам, г. 113, 293, 294
- Правдинск см. Фридланд
- Прага, г. 118, 233, 382
- Праудниц (ныне Праушниц), г. 139, **333**
- Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск), г. **10**, **90**, **93**, **94**, **104**, **109**, 140, 145, 146, **332**, **333**, **334**, **397**
- Пресбург, г. (ныне Братислава) **346**
- Призниц, с. 222
- Проводы (ныне г. Провадия) 156, 157, **336**
- Пропойск (ныне Славгород), г. 371, **398**
- Пруссия **36**, 55—57, 59, 60, 75, 77, **96**, **98**, 174, 187, 232, 235, **330**, **333**, **353**, 404, 407
- Псареве, д. (на Бородинском поле) 180—188
- Псков, г. 119—124, 164, 165, 167, 168
- Псковская губ. 166
- Пултуск, г. **89**, **94**, **104**, **108**, **109**, 140, 143, 218—221, **333**
- Пярну см. Пернов
- Равич, г. 139
- Рагун, г. 405
- Разград, креп. 164
- Рансбах, с. 245
- Ревель (ныне Таллинн), г. 113, 151, 153, 296, 298, 299, 300, **332**, **338**
- Регенбург, г. 293
- Редеген, д. 405
- Рейме, г. **25**, **37**, 67—69, 99, **100**, 253—259, 268, 297, 298, 299, **347**, 388, 406
- Рейн, р. **12**, **13**, **15**, **20**, **25**, 61, 63, 65—66, 75, **99**, **109**, 113, 135, 174, 239, 240, 243—253, 258, 272, 285, 286—291, 297, 300, 308, 315, 326, 388—391, 405, 431
- Рейхенбах (ныне Дзержюнов), г. 230, 232, 382
- Рига, г. 139, 140, 143, 144, 296, 360, 363, 364, 381, 393, 396, 439, **453**
- Риппах, р. **342**
- Рогачев, г. 370

- Рого (ныне Сур-Пакри), о-ва 152, 335
- Романово, мест. **90, 338**
- Росасна, д. 209
- Росбах, г. 293
- Рослау, с. 293
- Руан, г. 347
- Рудные горы *см.* Железные горы
- Рудня, мест. **11, 177, 178, 192**
- Рудольфштадт, г. 291
- Руцук (ныне Русе), г. 82, **98, 103, 158, 161, 164, 168, 335, 336**
- Рымник, р. 117, 155, 220, **330, 331**
- Саарбрюккен, г. 388
- Саардам, г. 114, **330**
- Саарлуи, г. 387
- Саксония **14, 55—57, 60, 75, 87, 96, 222, 228, 295, 299, 312, 330, 356, 360, 381, 382, 383, 387, 400, 404, 405, 407, 447, 453**
- Салтановка, д. **14, 20, 90, 91, 357, 398**
- Саарема *см.* Эзель
- Свеаборг (ныне Суоменлинна), г. **16, 440, 442—444, 451, 453**
- Свенцяны (ныне Швснчёнис), г. 42, 176
- Свиштов *см.* Систов
- Св. Елены, о. 40, 75, **88, 188, 270, 407**
- Семеновское (Семеновская), д. (на Бородинском поле) 180, 181, 188, 373
- Семеновский ручей (на Бородинском поле) 180, 188
- Семлёво, с. 179, 201, **338**
- Сена, р. 261, 262, 266, 272, 273, 279, 285, 451
- Сен-Дизье, г. 67, 72, 259
- Сен-Мишель, г. 67
- Сенно, мест. 165, 178, **407**
- Сербия 156, **330, 397**
- Сердоболь (ныне Сортавала), г. 220, **345**
- Силезия (Шлезия) 55, 57, 59, 60, **96, 112, 113, 135—137, 139, 221, 227, 228, 233, 295, 299, 382, 404**
- Силистрия, креп. 154—156, **335, 336**
- Силлери, г. 247, 254
- Симы, д. **90**
- Сиротск (ныне Сероцк) 142, 143, 218, 219, **333**
- Систов, Систово, креп. (ныне Свиштов), г. 164, **337**
- Славгород *см.* Пропойск
- Слоним, г. 184, 213, 369
- Слуцк, г. 370
- Смоленск, г. 7, **10, 11, 15, 16, 20, 28, 43—44, 46, 83, 90, 91, 100, 102, 103, 112, 118—119, 177—179, 181, 192, 195, 200, 202—207, 209, 210, 338, 343, 344, 353, 371, 372, 397, 398, 401, 402, 403, 408, 409, 412, 428, 433, 437**
- Сморгонь, г. 176
- Солешники, мест. 176
- Соловьево, с. (Смоленская губ.) 179, 204, 205, **344**
- Соммсу, г. 258, **348**
- Сортавала *см.* Сердоболь
- София, г. 154
- Сохочин (Сохачев), г. 142, 143, **333**
- Спас-Купля, с. **12, 25, 35, 89, 95**
- Средиземное море 157
- Старый Быхов, г. 176, 177, **338, 370, 371**
- Стахов, мест. 216
- Столбцы, мест. 176, 177, **338**
- Сонец, ручей (на Бородинском поле) 182, 184, 186, 188
- Страсбург, г. 291
- Стропкув *см.* Штропен
- Студянка (Студенка), р. 217
- Стукмане *см.* Штоксманхоф
- Суассон, г. 253, 254, 257, 258, 260, 406
- Суздаль, г. **410, 414, 436**
- Суоменлинна *см.* Свеаборг
- Сураж, г. 210
- Сур-Пакри, о-ва, *см.* Рого
- Сырокоренье, с. 207, 209
- Таврово, с. 125, 200
- Таллинн *см.* Ревель
- Таль, г. 243, 244, 245, 248—253
- Тамлык, р. 116
- Тарту *см.* Дерпт
- Тарутино, с. **8, 14, 15, 20, 35, 50—52, 81, 86, 91, 94, 100, 104, 108, 191, 193, 195, 196, 198, 199, 338, 339, 340, 342, 343, 348, 356, 358, 377, 378, 397, 404, 408**
- Тауроген (ныне Таураге), г. 296, 353
- Тверская губ. **410**
- Тверь, г. 155, 192
- Теплиц (ныне Теплице), г. 382
- Тильзит (ныне Советск), г. 148, 174, 296, **334, 337**

- Толочин, мест. 210
Торгау, г. **356, 399**
Трахенберг (ныне Тшобница), г. 139
Трир, г. 249
Троки (Тракай), г. 176, **337**
Тромберг, г. 250
Троя, г. 53
Труа, г. 388
Тула, г. 192—193
Тульская губ. 404
Турку *см.* Або
Турнэ, г. 388
Турция **10, 40, 42, 53, 82, 89, 95, 104, 156, 330, 331, 335**
Тырново, г. 156, 159
Тюрингия 240, 387
- Убигау, д. **97**
Украина 192, 195, **330**
Ужа, р. 203
Умолье, с. **344**
Урал 208, 420
Урк, канал 260
Усвяты, с. 203
Усмань, р. 116
Утица, д. (на Бородинском поле) 180, 188
Утица, р. 201
Уфа, г. 299
Федоровское, с. 200
Фершампенуаз, г. 254, 257—259, **339**
Фили, д. (ныне в составе Москвы) 189, 195
Фим, г. 254, 258, **347**
Финляндия 220, **335, 341, 439, 442, 454**
Фишский залив **335**
Флоренция, г. **352**
Фокшаны (ныне Фокшани), г. **330—331**
Франкенталь, г. 405
Франкфурт-на-Майне, г. 253, 308, 387, 392
Франция **8, 12, 15, 18, 20, 21, 26, 35, 39—41, 57, 59, 61, 63, 66, 67, 71—77, 82, 88, 99, 101, 104, 125, 151, 161, 246, 248, 249, 252—285, 291, 300, 308, 330, 331, 337, 342, 346, 350—352, 353, 360, 384, 387, 388, 390, 398, 400, 402, 405, 407, 438**
Фраубург, г. 160
Фрейбург, г. 223, **356, 383**
- Фридланд (ныне Правдинск), г. **99, 104, 109, 132, 140, 148, 296, 333, 334**
Фридрихсгам (ныне Хамина), г. **335**
Фробург, г. 223, **345**
Фульда, р. 64, 387
- Харта, мест. **97**
Хатовичи, мест. 217
Хемниц, г. 223, 306, **345**
Хиума *см.* Даго
Хотин, г. 113, **303**
Христианштадт (ныне Кристинен-стад), г. **439, 444, 445, 451, 453**
Хыршево *см.* Пирсово
- Царево-Займище, с. **91, 187, 188, 196, 200, 338, 372**
Цвейбрюккен, г. 406, **409**
Цвенкау, г. 223, **345**
Цейц, г. 223, 384
Цобтен (ныне Сobotка), г. **25, 98**
Цюрих, г. 122, **346**
- Чарново, мест. **89**
Чаусы, г. 210
Чашники, мест. **16, 20, 439, 440, 449, 451, 454**
Ченстохов, г. 230
Червень *см.* Игумен
Черниговская губ. 395
Черное море 156, 157
Чернишня (Чернышня), р. и д. 51, 193, 195, 198
Чесма **335**
Чехия *см.* Богемия
Чириково (Чириков), с. 404
Чубуры, д. 177
- Шабалевици, мест. 216
Шавли (Шяуляй), г. 296, **353**
Шалон, г. 67, 68, 253, 254, 258, 259, 268, 388
Шампань 76, 246, 328, 407
Шато-Тьерри, г. 406, 409
Швейдниц (ныне Свидница), г. 59, **97**
Швейцария 317, **350**
Швенчёнис *см.* Свенцяны
Швецинген, мест. 290, 292
Швеция 40, **97, 104, 330, 334, 399, 453**
Шсвардино, с. **180, 334, 358, 359, 397, 398, 402, 408**
Шёнфельд, д. **37, 98**
Шептуховка, д. 398

- Шклов, г. 165, 213, **344**
 Шорниччи, д. 147
 Шпейер, г. 290
 Шпрее, р. **89**
 Штокманхоф (ныне пос. Стукмане), мест. 361, 362, 364, 393, **397**
 Штропен (ныне Строккув), г. 136—137, **333**
 Штутгарт, г. 293, 390, 391
 Шумла (ныне Шумен), г. 156, **335, 336**
 Шяуляй *см.* Шавли
- Щигры, г. 395
 Щитно *см.* Ортельсбург
- Эзель (ныне Саарема), о. 151, **335**
 Эйзенах, г. 113, 239, 240, 243
 Эйшишки, мест. (ныне г. Эйшишкес) 404, **409**
 Элк *см.* Лик
 Эльба, о. 73, 74, 390, **402, 407**
 Эльба, р. **25, 36, 37, 56, 58, 87, 89, 97, 101, 103, 142, 222, 226, 272, 289, 290, 292, 294, 301, 312, 405**
- Эльзас 388
 Эльс (ныне Олесница), г. 404, 405, **409**
 Эльстер, р. **99, 223**
 Эмс, г. 245, 252, 253
 Эн, р. 257
 Эперноэ, г. 247
 Эребренштейн, г. 66, 244, 245, **360, 389**
 Эрфурт, г. 174, 239, **337**
 Эстляндия (Эстония) 153
 Этцдорф, с. 223—226, **345**
- Юрбург (ныне Юрбаркас), г. 149, **334**
 Юрьев-Польский, г. **410, 413, 417, 434, 436**
 Юхнов, г. 195, 196, 200, 201
- Янтара, р. 159, 162, 163
 Яссы, г. 117, 155, 165, **330**
 Яблоне *см.* Габель
 Якобштадт (ныне Екабпилс), г. 361, 393, **397**
 Ямбург (ныне Кингисепп), г. 124
 Янов 366, 369, **397**

Предметно-хронологический указатель

Русско-австро-французская война 1805 г. 91, 104

Аустерлицкая битва 20 ноября (2 декабря) 237, 278, 346, 351, 410

Русско-пруско-французская война 1806—1807 гг. 9, 89, 90, 94, 99, 104, 112, 132, 135, 140—148, 295, 334

Йена-Ауэрштедтское сражение 2(14) октября 1806 г. 142, 237, 296, 333, 351

Сражение под Пултуском 14(26) декабря 1806 г. 89, 94, 104, 108, 109, 140, 143, 145, 171, 218—221, 333

Сражение при Прёйсиш-Эйлау 26—27 января (7—8 февраля) 1807 г. 10, 90, 94, 104, 109, 140, 145, 147, 171, 332, 334, 397

Сражение под Фридландом 2(14) июня 1807 г. 92, 99, 104, 109, 140, 148, 296, 334

Тильзитский мир 26 июня (8 июля) 1807 г. 88, 148, 149, 174, 334, 337

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. 9, 40, 82, 89, 90, 91, 98, 104, 109, 156, 258, 335, 336

Осада Рущука 22 июля (3 августа)—15(27) сентября 1810 г. 82, 103, 158, 168, 335, 336

Батинское сражение 26—27 августа (7—8 сентября) 1810 г. 10, 104, 109, 112, 161—164, 336

Русско-шведская война 1808—1809 гг. 9, 16, 40, 88, 90, 104, 109, 151—153, 334, 335, 439, 440, 442—444, 451, 453

Взятие крепостей Свеаборг 21 апреля (3 мая) и Або 22 июля (3 августа) 1808 г. 16, 440, 442—444, 451, 453

Занятие Аландских островов 5 (17) марта 1809 г. 16, 90, 440, 442, 451, 453

Военные действия на море в 1808—1809 гг. 109, 112, 151, 153

Отечественная война 1812 г.

Вторжение наполеоновской армии в Россию 12(24) июня 41, 89, 174—176, 340

Отступление русских войск в начальный период войны

Отступление 1-й Западной армии (июнь—июль) 27, 41, 42, 101, 112, 187, 192, 194

Дрисский лагерь 26 июня (8 июля)—2(14) июля 27, 42, 81

Сражение при Островно-Витебске 13—14 (25—26) июля 7, 20, 24, 27, 28, 42, 43, 78, 79, 89, 90, 192, 338, 342, 353

Отступление 2-й Западной армии (июнь—июль) 10, 13, 14, 174—178, 337, 369—371

Сражение при Мире 27—28 июня (9—10 июля) 14, 20, 90, 338, 357, 370, 398

Сражение при Романове 2(14) июля 90, 338

Сражение при Салтановке 11(23) июля 14, 20, 90, 91, 357, 370, 398

Смоленское сражение 4—6 (16—18) августа 7, 15, 20, 28, 43, 44, 90, 91, 100, 102, 143, 178—179, 192, 338, 343, 353, 358, 371, 372, 397, 398, 401, 402, 403, 408, 409, 437

Бой при Лубине (Валутина гора) 7(19) августа 83, 103

- Бородинская битва 24—26 августа (5—7 сентября) (общ.) 6, 7, 8, 11—15, 19, 20, 24, 25, 27, 29, 34, 45, 49, 89—95, 99, 100, 102, 104, 108, 109, 112, 179—190, 194, 195, 200, 218, 234, 262, 297, 298, 335—344, 347, 353, 356, 358—360, 373—376, 394, 397—399, 401, 402, 404, 408, 409
- Сражение за Шевардинский редут 24 августа (5 сентября) 45, 46, 14, 15, 90, 91, 180, 334, 356, 358, 359, 373, 374, 397, 398, 402, 404, 408
- Дислокация на 26 августа (7 сентября) 46, 180, 181, 188, 194, 339, 376
- Бой за село Бородино 26 августа (7 сентября) 101, 181—187, 297, 339—341
- Сражение за Багратионовы флеши 6, 15, 30, 48, 90, 92, 94, 181, 337—339, 359, 375, 376, 398, 402, 404, 408
- Сражение за Утицкий курган 48, 49, 92, 99, 187, 188
- Рейд кавалерии Уварова и казаков Платова 336—338
- Сражение за батарею Расвского 8, 12, 24, 29—34, 47—49, 79, 80, 89, 92, 93, 100—102, 180, 184, 342
- Военный совет в Филях 1(13) сентября 188, 189, 195**
- Москва в 1812 г. (оставление русской армией и вступление наполеоновских войск 2(14) сентября; уход наполеоновской армии 7(19) октября и вступление русских войск 10(22) октября) 14, 15, 20, 50, 80—82, 189—191, 203, 206, 341, 343, 347, 360, 372, 376—378, 404, 410—412, 418, 420—428**
- Тарутинский марш-маневр М. И. Кутузова (сентябрь—начало октября) 8, 20, 34, 50, 80, 81, 91, 95, 102, 109, 112, 159, 191—196, 342, 377, 378**
- Бой при Спас-Купле 22 сентября (4 октября) 12, 25, 35, 51, 89, 95, 193, 198, 249, 343, 404
- Тарутинское сражение 6(18) октября 8, 14, 15, 20, 25, 35, 51, 52, 86, 89, 95, 100, 104, 108, 195, 196, 338—340, 342, 343, 348, 356, 358, 378, 397, 404, 408**
- Сражение при Малоярославце 12(24) октября 7, 8, 14, 15, 20, 25, 27, 35, 52, 81, 82, 86, 91, 95, 100, 102, 104, 109, 195, 196, 212, 217, 339, 340, 343, 348, 356, 358, 360, 378, 397, 401, 402, 404, 408**
- Контрнаступление русской армии и бегство наполеоновских войск (октябрь—ноябрь) 20, 108, 200—210, 338, 343, 379**
- Сражение под Вязьмой 22 октября (3 ноября) 12, 14, 20, 53, 89, 90, 95, 103, 109, 112, 196, 200, 201, 338, 342, 343, 353, 356, 358, 360, 379
- Освобождение Дорогобужа 26 октября (7 ноября) 89, 95, 112, 200—202, 246, 344
- Бой при Духовщине 28 октября (9 ноября) 203—206, 338, 344
- Сражение под Красным 3—6(15—18) ноября 7, 14, 20, 25, 53, 89, 95, 100, 206—210, 339, 340, 343, 356, 358, 360, 379, 381, 397
- Северо-западный театр военных действий**
- Сражение под Полоцком 6—8(18—20) октября 16, 20, 89, 439, 440, 445, 451, 453
- Сражение при Чашниках 19(31) октября 16, 20, 439, 440, 449, 451, 454
- Сражение при Березине 14—17 (26—29) ноября 20, 53, 96, 98, 109, 113, 210, 211, 227, 228, 339, 342, 345, 430, 449—451, 453
- Заграничные походы 1813—1814 гг.**
- Кампания 1813 г. в Германии**
- Люценское сражение 20 апреля (2 мая) 12, 20, 25, 36, 56, 57, 72, 89, 96, 101, 109, 113, 160, 161, 221, 223, 339, 342, 343, 356, 381
- Отступление союзных войск. Переправа через Эльбу в Дрездене.
- Отдельные арьергардные бои. 21 апреля—7 мая (3—19 мая) 56, 58, 223—227
- Бауценское сражение 8—9(20—21) мая 12, 20, 25, 36, 59, 82, 89, 91, 97, 102, 105, 109, 113, 221, 227, 228, 231, 297, 298, 341, 342, 381, 397, 398

Плейсвицкое перемирие 23 мая—29 июля (4 июня—10 августа) 59, 97, 101, 231, 338, 345, 382

Начало осенней кампании. Наступление союзных армий. Бои при Кайзерсвальдау, Бунцлау, Лёвенсберге и др. 6—10(18—22) августа 297, 298, 299, 312, 360, 382, 404, 409

Дрезденское сражение 14—15 (26—27) августа 20, 25, 58, 59, 96, 100, 339, 341, 345, 356, 382, 383

Сражение при Кацбахе 14(26) августа 16, 25, 36, 60, 61, 98, 345, 349, 401, 405, 409

Бой под Цобтеном 17(25) августа 25

Кульмское сражение 17—18(29—30) августа 20, 59, 60, 89, 91, 98, 102, 331, 339, 345, 382

Бои под Альтенбургом 16(28) сентября и Наумбургом 28 сентября (10 октября) 356, 384—386, 399, 400

Лейпцигская битва 4—7(16—19) октября 16, 20, 25, 36, 37, 61—63, 91, 94, 95, 98, 99, 101, 102, 238, 292, 338, 339, 342, 343, 345, 346, 356, 386, 397, 398, 400, 401, 405, 408, 409, 439, 445—449, 451, 453, 454

Переправа союзных армий через Рейн (декабрь 1813—январь 1814 г.) 12, 13, 15, 20, 25, 66, 99, 109, 113, 245, 247—253, 297, 431

Кампания 1814 г. во Франции

Сражение при Бриенне 17(29) января 339, 406

Сражение при Ла-Ротьер 20 января (1 февраля) 401, 406, 409

Сражение при Шампобере, Монмирале, Шато-Тьерри 29 января—2 февраля (10—14 февраля) 100, 388, 406, 409

Реймское сражение 22 февраля—1 марта (6—13 марта) 13, 25, 37, 67—71, 99, 100, 253, 254, 257, 297—299

Сражение при Краоне и Лаоне 23—26 февраля (7—10 марта) 372, 406, 409

Сражение при Арси-сюр-Об 8—9(20—21) марта 258, 272, 347

Сражение при Фершампенуаз 13(25) марта 258, 259, 339

Сражение при Монмартре 18(30) марта и вступление русских войск в Париж 19(31) марта 13, 20, 72, 98, 101, 102, 107, 109, 189, 257—266, 288, 289, 297—299, 334, 339, 347, 348, 388, 451

Сражение при Куртре 19(31) марта 356, 360, 388, 400

«Сто дней» (8(20) марта—10(22) июня 1815 г.) 26, 39, 74—76, 98, 101, 338, 339, 342, 348, 350, 351, 390, 391

Содержание

Предисловие	5
Вступление к воспоминаниям Г. П. Мешетича «Исторические записки...»	24
Г. П. Мешетич. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. 1818 г.	39
Комментарии к воспоминаниям Г. П. Мешетича	88
Вступление к воспоминаниям М. М. Петрова «Рассказы...»	104
М. М. Петров. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г.	112
Комментарии к воспоминаниям М. М. Петрова	330
Вступление к воспоминаниям И. Р. Дрейлинга «Воспоминания участника войны...»	356
И. Р. Дрейлинг. Воспоминания участника войны 1812 года. 1820 г. (Перевод с немецкого)	361
Комментарии к воспоминаниям И. Р. Дрейлинга	397
Вступление к воспоминаниям М. П. Романова «Записки отставного подполковника...»	401
М. П. Романов. Записки отставного подполковника Михаила Петровича Романова военным действиям в России и за границей с 1812 и по 1817 год, в которых он участвовал. 1838 г.	403
Комментарии к воспоминаниям М. П. Романова	408
Вступление к воспоминаниям И. М. Благовещенского «Из воспоминаний»	410
И. М. Благовещенский. Из воспоминаний. 1859 г. ...	413
Комментарии к воспоминаниям И. М. Благовещенского	436
Вступление к воспоминаниям М. А. Богданчикова «Мое воспоминание...»	439

М. А. Богданчиков. Мое воспоминание. Из рассказов дедушки моего, прапорщика Сергея Яковлевича Богданчикова. 1911 г.	442
Комментарии к воспоминаниям М. А. Богданчикова	453
Указатель имен	455
Географический указатель	463
Предметно-хронологический указатель	474

1812 год: Воспоминания воинов русской армии:
Т93 Из собр. Отд. письм. источников Гос. Ист. му-
зея/Сост.: Ф. А. Петров и др.— М.: Мысль, 1991.—
475, [3] с., [40] л. ил.
ISBN 5-244-00404-2

В сборнике впервые публикуются дневники и воспоминания участников Отече-
ственной войны 1812 года, хранящиеся в собрании Государственного Исторического
музея. В них нашли отражение крупнейшие сражения 1812 года и заграничные походы
русской армии 1813—1814 годов. Занесены образы знаменитых русских полково-
дцев и партизан. Публикуемые мемуары снабжены научно-справочным аппаратом
и иллюстрированы. Для широкого круга читателей.

В 0503020000-082 24-90
004(01)-91

ББК 63.3(2)47

Мемуары
1812
год
Воспоминания
воинов
русской
армии

Из собрания
Отдела письменных источников
Государственного Исторического музея

Редактор Ю. В. СОКОРТОВА
Оформление художника А. А. БРАНТМАНА
Художественный редактор И. А. ДУТОВ
Технический редактор Л. Я. ГРИШИНА
Корректор Т. М. ШПИЛЕНКО

ИБ № 4060

Сдано в набор 19.04.90. Подписано в печать 05.12.90. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печатных листов 29,4 с вкл. Усл. кр.-отт. 42,0. Учетно-издательских листов 34,71 с вкл. Тираж 50 000 экз. Заказ № 421. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мысль». 117071, Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Валуевая, 28.

